This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

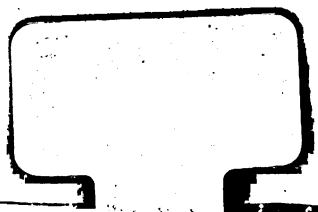
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

166 [1]
1883. July

Per. 27897 d. 72



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

Іюль

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1883

20 JUN 1957
LIBRARY

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ

Подъ этимъ заглавіемъ, въ *Русской Рѣчи* за 1882 годъ, помѣщенъ былъ рядъ статей, въ которыхъ излагалась исторія Литовской Руси до времени предшествовавшаго польскому мятежу, самый мятежъ, вызванная имъ дѣятельность графа Муравьева и управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ К. П. фонъ-Кауфмана. На этомъ печатаніе статей было прервано за прекращеніемъ изданія *Русской Рѣчи* въ томъ же году. Печатая нынѣ присланное намъ авторомъ продолженіе этого труда, обнимающее дѣятельность графа Э. Т. Баранова въ Литвѣ и управленіе его преемника, при которомъ русское дѣло въ Литовской Руси пришло въ упадокъ, считаемъ нужнымъ для связи привести изъ *Русской Рѣчи* очеркъ дѣятельности графа М. Муравьева и К. П. Кауфмана словами самого автора, лишь опустивъ нѣкоторыя подробности.

I.

Вступая при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, М. Н. Муравьевъ былъ хорошо знакомъ съ условіями быта и съ характеромъ туземнаго населенія еще по прежней своей службѣ въ этомъ краѣ въ должностяхъ вице-губернатора и губернатора. Долговременною своею службой онъ пріобрѣлъ навыкъ понимать

людей и, сверхъ того, хорошо зналъ на кого изъ высшихъ сановниковъ ему можно было расчитывать и отъ кого можно встрѣтить противодѣйствіе.

Для М. Н. Муравьева было ясно: 1) что разчитывать на расположеніе и преданность Поляковъ въ Западномъ краѣ есть преступное заблужденіе предъ Россіей; 2) что Поляки, не измѣнивъ своимъ вѣковымъ преданіямъ, не могутъ сочувствовать торжеству русской народной силы въ краѣ; 3) что все латинское шляхетство въ Сѣверо-Западномъ краѣ причисляетъ себя (по обычаямъ, языку и притязаніямъ) къ польщизнѣ и тѣмъ добровольно ставитъ себя въ исключительное положеніе; 4) что необходимо бороться съ латино-шляхетскою силой, опираясь на народно-русскую силу; 5) что по исторически сложившимся условіямъ жизни въ Сѣверо-Западномъ краѣ, все что̀ не принадлежитъ къ народно-русской силѣ, то враждебно русской власти, а потому исполнителями видовъ правительства по торжеству русскаго дѣла могутъ быть только лица не связанныя никакими отношеніями съ латино-шляхетствомъ; 6) что только народъ перевоспитанный на русскихъ началахъ представляетъ надежную и крѣпкую туземную силу, и 7) что только рядъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, безо всякихъ послабленій и колебаній, могутъ очистить край отъ насильственно навязаннаго ему вѣшняго польскаго вида.

Всѣ эти главныя начала М. Н. Муравьевъ въ обстоятельномъ изложеніи представилъ на разсмотрѣніе существовавшаго тогда подъ предсѣдательствомъ (извѣстнаго сподвижника по уніятскому дѣлу митрополита Іосифа Сѣмашки) графа Д. Н. Блудова Западнаго комитета, въ которомъ, по смерти графа Блудова, предсѣдалъ князь П. П. Гагаринъ, очень сочувствовавшій русскому дѣлу. Высочайше утвержденныя положенія Западнаго комитета послужили основаніями для послѣдующей дѣятельности по устройству Сѣверо-Западнаго края на народно-русскихъ началахъ.

Прежде всего въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ счелъ нужнымъ опереться на народно-русскую силу въ краѣ и вмѣстѣ съ нею вступить въ борьбу съ латино-шляхетскою силой.

Несмотря на открытый мятежъ, положеніе 19 февраля 1861 года дѣятельно приводилось въ дѣйствіе, но уже не мѣстными мировыми посредниками, а русскими людьми вызванными изъ внутреннихъ областей для занятія всѣхъ

должностей по крестьянскимъ учрежденіямъ, людьми въ большинствѣ глубоко проникнутыми значеніемъ великой возложенной на нихъ задачи. Немедленно были прекращены всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и выкупъ, при содѣйствіи правительства, былъ распространенъ на весь Сѣверо-Западный край. Почти одновременно съ устройствомъ быта помѣщичьихъ крестьянъ было приступлено къ устройству быта и государственныхъ крестьянъ, чрезъ чиновниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; но на этотъ разъ всѣ чиновники были исключительно Русскіе и имъ приходилось много сдѣлать для исправленія работъ прежней люстраціи, состоявшей изъ польскихъ чиновниковъ. Кромѣ крестьянъ, М. Н. Муравьевъ обратилъ вниманіе и на другихъ представителей народно-русской силы, а именно на православное духовенство и мѣстныхъ старовѣровъ. Зная что до сего времени православное духовенство было единственнымъ представителемъ русско-народной силы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, что оно долго страдало съ народомъ и жило его жизнью, М. Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ принять мѣры для обезпеченія быта православнаго духовенства, предоставить ему лучшіе земельные надѣлы и особыя оброчныя статьи, въ видѣ мельницъ, рыболовствъ и т. п. Православные храмы, по своему убожеству, не могли не обратить вниманія главнаго начальника края. Были найдены средства для ихъ возстановленія и возобновленія. Не были забыты и старовѣры, болѣе другихъ сохранившіе неприкосновенно свою самобытность и народность и несомнѣнно оказавшіе большія услуги русской власти въ подавленіи открытаго мятежа.

Принятое старовѣрами положеніе навлекло на нихъ неудовольствіе лановъ-помѣщиковъ, которые всѣми средствами старались вытѣснять ихъ съ арендуемыхъ земель. Но Муравьевъ не замедлилъ сдѣлать распоряженіе чтобы впредь до разсмотрѣнія законодательнымъ путемъ вопроса объ отношеніяхъ старовѣровъ къ помѣщикамъ по арендѣ воспрещалось возвышать наемную плату болѣе 3 руб. за десятину (цѣны высокой въ то время), а всѣ споры по арендѣ старовѣровъ разбирать въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Распоряженіе это оградило старовѣровъ отъ произвольныхъ обидъ лановъ и дало имъ возможность оставаться на своихъ насиженныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, было сдѣлано распоряженіе чтобы вольные съемщики небольшихъ земельныхъ участковъ

у ломѣщиковъ обязательно были оставлены на своихъ участкахъ впредь на двѣнадцать лѣтъ. Эти вольные съемщики по большей части были отпущенные на волю ломѣщиками крѣпостные люди для присоединенія ихъ коренныхъ земельныхъ участковъ къ ломѣщичьимъ угодьямъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ прибытія вызванныхъ изъ внутреннихъ русскихъ областей чиновниковъ, неблагонадежные польскіе чиновники въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ должны были уступать имъ свои мѣста. Хотя всѣмъ русскимъ чиновникамъ и была сдѣлана прибавка 50% къ опредѣленному по должностямъ содержанію, но составъ новыхъ чиновниковъ во всемъ бюрократическомъ строѣ существовавшихъ въ краѣ учрежденій, къ сожалѣнію, при спѣшности выбора нельзя было признать удовлетворительнымъ, и эти чиновники, продукты канцеляризма и сутяжничества, принесли съ собою и нашли въ краѣ благодарную почву для разныхъ стяжаній и стремленій имѣвшихъ мало общаго съ видами русской власти. Прежніе чиновники уволенные отъ службы по большей части остались служить въ тѣхъ же учрежденіяхъ на низшихъ должностяхъ по вольному найму и сдѣлались такъ-сказать руководителями русскихъ чиновниковъ во всѣхъ темныхъ дѣлахъ. По этимъ причинамъ Муравьевъ не могъ разчитывать на пополненныя русскими чиновниками учрежденія и на ряду съ ними поставилъ особое военно-гражданское управленіе, на которое и возложилъ обязанность борьбы съ латино-шляхетскою силой, такъ глубоко пустившею здѣсь корни. Были назначены военные губернаторы, уѣздные и участковые начальники изъ военныхъ, съ предоставленіемъ имъ большихъ правъ, хорошаго содержанія, но со строгою отвѣтственностью.

Для необходимыхъ расходовъ по устройству края всѣ безъ исключенія ломѣщики, не исключая и русскихъ, были обложены процентнымъ сборомъ, такъ какъ для всѣхъ было настоятельно необходимо скорѣйшее умиротвореніе края и упроченіе въ немъ твердой русской власти.

Подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ М. Н. Муравьева, новый попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ и его достойные сотрудники усердно принялись за устройство гимназій и другихъ учебныхъ заведеній на русскихъ началахъ; возникла необходимость обнов-

ленія личнаго состава служащихъ по вѣдомству просвѣщенія и установленія надлежащаго надзора за воспитанниками внѣ учебныхъ заведеній, на ученическихъ квартирахъ. Для освобожденнаго народа быстро открывались при дѣятельномъ участіи новыхъ мировыхъ посредниковъ народныя школы; народъ не жалѣлъ своихъ скудныхъ средствъ и труда на сооруженіе ломѣщеній для школъ и для обезпеченія народныхъ наставниковъ по большей части вызванныхъ изъ восточной Руси. Было положено начало подготовленію народныхъ наставниковъ изъ мѣстнаго русскаго сельскаго населенія—учрежденіемъ Молодечнянской учительской семинаріи въ Виленской губерніи.

Стремясь къ торжеству русско-народной силы, Муравьевъ неутомимо боролся съ явною и тайною латино-шляхетскою силой. Подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго начальника края, войска преслѣдовали повстанскія шайки и очищали мѣстность отъ ихъ разбоевъ. Августовская губернія была подчинена виленскому генералъ-губернатору, который не замедлилъ и тамъ принять рѣшительныя мѣры для подавленія открытаго мятежа. По указаніямъ Муравьева, было сдѣлано много важныхъ разслѣдованій въ самой Вильнѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края. Военно-слѣдственныя коммиссіи со своей стороны открывали нити заговора, узлы котораго находились внѣ предѣловъ края. Въ Петербургѣ были указаны нѣкоторые главные двигатели тайной польской силы, но большинство успѣло скрыться отъ заслуженной кары. Открытіе извѣстнаго въ то время польскаго катихизиса составленнаго Мѣрославскимъ для подпольной работы латино-шляхетской силы, своевременно напечатаннаго, уяснило правительству и русскому обществу на какія средства разчитываетъ враждебная намъ сила, и тѣмъ указало путь для успѣшной съ нею борьбы.

По этому пути неуклонно слѣдовалъ М. Н. Муравьевъ во все время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, къ сожалѣнію, весьма непродолжительнаго, и имъ были положены по всѣмъ отраслямъ прочныя основанія къ устройству края на народно-русскихъ началахъ. Эти основныя начала были заложены такъ прочно что ни важныя ошибки его преемниковъ, ни постоянная усиленная работа тайнаго противодѣйствія со стороны мѣстной интеллигенціи, ни другія неблагопріятныя обстоятельства не могли до сего времени поколебать великаго значенія этихъ началъ.

Подавляя открытый мятежъ, М. Н. Муравьевъ стремился вырвать съ корнемъ значеніе латино-шляхетской силы и тѣмъ уничтожить крамолу, давъ возможность туземному населенію идти по пути мирнаго развитія своего благосостоянія на общихъ со всею великою Русью народныхъ началахъ. Борьба эта была тѣмъ труднѣе что приходилось бороться со всею интеллигенціей края, во всѣхъ ея видахъ и, такъ-сказать, перевоспитать весь Литовско-Русскій народъ. Достигнуть положительнаго успѣха въ краѣ гдѣ почти всѣ помѣщики, чиновники, все иновѣрное духовенство (латинское и реформатское), до того времени принадлежали по духу своему ко враждебной силѣ, очевидно было дѣломъ очень и очень труднымъ. Латино-шляхетская сила, во время своего господства, успѣла придать всему въ краѣ, въ особенности же въ городахъ, внѣшній польскій видъ. Пріѣзжему, поверхностному наблюдателю могло казаться что находишься въ Польшѣ. Русскій языкъ умышленно не хотѣли понимать въ гостиницахъ, лавкахъ, даже извощики, одѣтые какъ въ Варшавѣ, въ особое платье съ краковскою запряжкой. Вывѣски и всѣ надписи, счеты и т. п. писались исключительно по-польски. Со времени же мятежа, Русскіе даже на улицахъ опасались говорить по-русски; жалоба (трауръ) по „ойчизнѣ“ была для всѣхъ обязательна. Нарушители распоряженій тайнаго *рухонда* обливались помоями или ѣдкими кислотами. Сборщики „офяръ“ (жертвъ) на „ойчизну“ безнаказанно требовали со всѣхъ наложенную *рухондомъ* подать. Кинжальщики поражали жертвы указываемыя *рухондомъ*. На все это обратилъ вниманіе М. Н. Муравьевъ и призналъ нужнымъ принять рѣшительныя и крутыя мѣры для коренныхъ измѣненій.

Ношеніе траура дозволялось только съ разрѣшенія мѣстнаго начальства по умершимъ родственникамъ. Польскій театръ былъ замѣненъ русскимъ, съ пособіемъ отъ правительства. Газета *Виленскій Вѣстникъ*, издаваемая на деньги учебнаго вѣдомства по-польски, начала издаваться по-русски. Появился ежемѣсячный *Вѣстникъ Западной Россіи*, въ коемъ печаталось много полезныхъ свѣдѣній о судьбахъ края. Запрещено было употреблять польскій языкъ въ обращеніяхъ словесныхъ и письменныхъ ко всякому начальству и говорить по-польски во всѣхъ общественныхъ, служебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ, ресторанахъ, гостиницахъ,

лавкахъ и магазинахъ и т. л. Всѣ счеты и торговыя книги надлежало вести ло-русски. Ношеніе лольской одежды, шалокъ и всякихъ особыхъ знаковъ воспрещалось въ краѣ ловсемѣство. Извощики обязаны были имѣть упряжь и одежду русскую. Всякія процессіи и богослуженія внѣ костеловъ могли быть совершаемы только съ особаго каждый разъ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Всякіе съѣзды въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ воспрещались Полякамъ и латинскому духовенству, а для выѣзда въ другой уѣздъ требовалось лисьменное разрѣшеніе мѣстнаго начальства. Законъ Божій начали лреловавать латинянамъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ло-русски. Нѣкоторые латинскіе монастыри, изобличенные въ лособничествѣ матежникамъ, были закрыты, а монахи распредѣлены ло другимъ монастырямъ. Кромѣ того, другими распоряженіями были строго воспрещены всякія наружныя проявленія ло всему краю полонизма во всѣхъ видахъ. За доставленіе матежникамъ всякихъ припасовъ виновные подвергались строгой отвѣтственности, равно какъ и тѣ кто имъ давали пріютъ. За нарушеніе распоряженій начальства налагались значительныя денежныя пени, при ловторенiи значительно усиливаемыя, смотря ло состоянію и положенію виновныхъ, и взыскивались немедленно. Виновные же въ важныхъ противуправительственныхъ дѣйствіяхъ были судимы военными лолевыми судами и лодвергались отвѣтственности ло всей строгости военно-уголовныхъ законовъ, причемъ, до опредѣленія ихъ виновности, на ихъ имѣнія налагался секвестръ, а затѣмъ имѣнія нѣкоторыхъ конфисковались въ казну. Менѣе виновные высылались въ разныя области Россіи и Сибири, дворяне — на жительство, а лица податныхъ сословій—для водворенія на казенныхъ земляхъ со своими семействами. Неимущіе дворяне получали на свое содержаніе лособія отъ казны, а лица водворяемыя на казенныхъ земляхъ—особыя лособія для первоначальнаго обзаведенія. По наложеніи секвестра на имѣнія лицъ высланныхъ изъ края, имѣнія эти лостулали въ казенное управленіе въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.* Участки же лицъ высланныхъ съ семействами

* По секвестрованнымъ и конфискованнымъ имѣніямъ было предъявлено много разныхъ долговыхъ претензій; изъ коихъ признавались лодлежащими удовлетворенію только тѣ которыя несомнѣнно

для водворенія на казенныхъ земляхъ съ пособіемъ отъ казны были обращены подъ водвореніе старообрядцевъ и вообще лицъ русскаго происхожденія, въ особенности оказавшихъ услуги по усмиренію мятежа. Лица неблагонадежныя были устранены отъ арендованія казенныхъ фермъ, которыя впредь, до ихъ распредѣленія, предписано было отдавать въ аренду исключительно русскимъ людямъ и мѣстнымъ крестьянамъ.

Положенія Западнаго комитета по устройству Сѣверо-Западнаго края, къ сожалѣнію необнародованныя, представляютъ много поучительнаго и занимательнаго для изученія, подробно излагая соображенія на коихъ они были основаны. Такъ, напримѣръ, Муравьевъ, по дѣлу высылки изъ края, представлялъ о необходимости высылать лицъ неблагонадежныхъ съ семействами, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать ихъ въ край, доказывая что политическіе преступники неисправимы и что наложенное на нихъ наказаніе не можетъ исправить ихъ убѣжденія, а только болѣе раздражаетъ ихъ противъ правительства, почему, при возвращеніи на родину, они и ихъ дѣти получаютъ особое значеніе въ средѣ сочувствующаго имъ населенія, имѣя, такъ-сказать, на себѣ вѣнецъ мученика за отчизну, и потому могутъ всегда причинять новыя заботы правительству, приводя въ броженіе спокойныхъ жителей. Примѣръ возвращенія ссыльныхъ по мятежу 1831 года ясно подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія. Поэтому являлось необходимымъ прочное и удовлетворительное водвореніе на казенныхъ земляхъ высланныхъ семействъ въ отдаленныхъ областяхъ, гдѣ они, забывъ свои политическія мечтанія, по бывшимъ примѣрамъ, дѣлаются полезными земледѣльцами. Западный комитетъ вполнѣ согласился съ этими соображеніями.

Одновременно съ высылкой неблагонадежныхъ лицъ, Муравьевъ признавалъ необходимымъ, кромѣ поднятія духа и благосостоянія западно-русскаго народа и вообще русскихъ людей въ краѣ, привлечь для постояннаго водворенія обра-

---

были формально совершены до изданія правилъ 15 марта 1863 года (о секвестрѣ имѣній), а въ удовлетвореніи по сохраннымъ распискамъ и прочимъ обязательствамъ, о времени выдачи которыхъ не имѣлось точныхъ удостовѣреній, было отказано (Высочайше утвержденное 29 ноября 1863 года Положеніе Западнаго комитета).

зованныхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ русскихъ людей и способствовать имъ пріобрѣтать здѣсь земельную собственность съ нѣкоторыми льготами и преимуществами.

Другими словами, признавалось необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія въ краѣ, которое предъ мятежемъ не могло представлять надежной силы для русскаго дѣла, въ особенности же въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской. Крупные русскіе землевладѣльцы, не живя въ краѣ и распоряжаясь своими большими имѣніями чрезъ управляющихъ-Поляковъ, не могли имѣть полезнаго вліянія въ мѣстной средѣ. Средніе, а тѣмъ болѣе мелкіе русскіе землевладѣльцы, силой обстоятельствъ вынужденные жить въ мѣстной средѣ, проникались шляхетскимъ духомъ, и по многимъ причинамъ, о которыхъ нѣтъ надобности распространяться, должны были искать расположенія польскихъ землевладѣльцевъ.

Соображенія по этому поводу были разсмотрѣны въ Западномъ комитетѣ и послужили основаніемъ для составленія особыхъ правилъ о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ предоставляемыхъ „уроженцамъ непольскаго происхожденія всѣхъ губерній Имперіи, кромѣ Евреевъ, при покупкѣ частныхъ и казенныхъ имѣній въ Западномъ краѣ“. Правила эти были, по положенію Западнаго комитета, Высочайше утверждены 5 марта 1864 года. По § 42 этихъ правилъ, всѣ деньги вырученныя чрезъ продажу казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей поступаютъ съ того времени въ составъ особаго ссуднаго фонда предназначеннаго на усиленіе русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. Сознаніе въ необходимости такового фонда весьма знаменательно при самомъ началѣ дѣла. Но, къ сожалѣнію, этому дѣлу, какъ мы увидимъ ниже, никогда не было суждено осуществиться; хотя и были дѣлаемы разныя попытки, но всегда встрѣчались препятствія со стороны вліятельныхъ лицъ. Въ краѣ говорили что польская сила успѣвала всегда затормозить дѣло, а затѣмъ уже наступало время охлажденія къ жгучему въ свое время вопросу и успѣхъ польской силы былъ обезпеченъ. Правительство, выступая на совершенно новый для него путь привлеченія въ край русскихъ людей, дѣйствовало какъ-то нерѣшительно, неувѣренно; оно не сочло возможнымъ обнародовать положеніе 5 марта 1864 года въ настоящемъ его видѣ, съ объясненіемъ истинныхъ причинъ его вызвавшихъ. Трудно себѣ уяснить причины почему было признано

нужнымъ какъ будто скрывать самое положеніе 5 марта 1864 года. Въ настоящее время можно сказать положительно что оно не достигло цѣли. До сего времени, самое незначительное число лицъ воспользовалось льготами потому что въ дѣйствительности эти льготы, какъ мы увидимъ ниже, не могли быть примѣняемы по точному смыслу положенія, и сверхъ того встрѣчались затрудненія со стороны подлежащихъ министерствъ. Предположенія же Муравьева о льготной продажѣ казенной земельной собственности были осуществлены позднѣе, при его преемникѣ Кауфманѣ.

Кромѣ привлеченія въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ, Муравьевъ считалъ болѣе необходимымъ привлеченіе русскихъ людей въ мѣстную крестьянскую среду посредствомъ надѣленія казенными землями мѣстныхъ безземельныхъ русскихъ крестьянъ и мѣщанъ, а также старовѣровъ съ приписки ихъ къ сельскимъ обществамъ по мѣстамъ ихъ водворенія. Для этой цѣли, по соглашенію съ министромъ Государственныхъ Имуществъ, были предназначены: а) а всѣ участки оставшіеся свободными послѣ выселенія неблагонадежныхъ семействъ для водворенія на казенныхъ земляхъ въ отдаленныхъ областяхъ, б) изъ запасныхъ и вообще свободныхъ казенныхъ земель—исключительно всѣ, расположенныя въ лѣсахъ и по границѣ съ Царствомъ Польскимъ и, сверхъ того, тѣ земли которыя останутся свободными за удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, и в) въ случаѣ же надобности и казенныя фермы.

Тотчасъ по удаленіи неблагонадежныхъ семействъ изъ края на ихъ участкахъ были водворяемы русскіе люди, преимущественно старообрядцы, оказавшіе услуги правительству по усмиренію мятежа. Нѣсколько шляхетскихъ околицъ были въ полномъ своемъ объемѣ обращены въ русскія слободы съ присвоеніемъ имъ русскихъ названій. Водворяемые должны были быть приписаны къ сельскимъ обществамъ, безъ согласія послѣднихъ, по мѣстамъ водворенія. Для всѣхъ водворенныхъ съ 1 января 1863 года на казенныхъ земляхъ Сѣверо-Западнаго края крестьянъ были испрошены льготы (Высочайше утвержденное 26 ноября 1864 года положеніе Западнаго комитета) въ избавленіи на три года отъ платежа оброка за землю и ото всѣхъ прочихъ денежныхъ и нату-

ральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и рекрутской. Сверхъ того, при водвореніи выдавалось денежное пособіе въ размѣрѣ до ста рублей изъ суммъ процентнаго сбора, съ возвратомъ въ шесть лѣтъ, и давался безвозмездно изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ лѣсъ до ста линей на постройку.

Вообще же ло дѣлу водворенія русскихъ поселенцевъ послѣдовалъ только рядъ отдѣльныхъ распоряженій, часто между собою несогласованныхъ и притомъ непринаровленныхъ вовсе къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. По этимъ и многимъ другимъ причинамъ, какъ мы увидимъ ниже, столь существенно важное дѣло—введеніе въ составъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ русскихъ людей, не достигло цѣли, а сами водворенные русскіе люди были поставлены въ крайне бѣдственное положеніе и въ послѣдующее время долго нуждались въ особыхъ заботахъ правительства, достоинство котораго требовало все новыхъ жертвъ для исправленія важныхъ ошибокъ при началѣ дѣла.

Пребываніе довольно значительнаго числа русскихъ войскъ въ краѣ и наплывъ новыхъ русскихъ людей и русскихъ чиновниковъ, а также выѣздъ изъ городовъ многихъ польскихъ помѣщиковъ въ свои имѣнія, не могли не отразиться на общественной жизни въ городахъ края. Поляки говорили что „съ Муравьевымъ наѣздъ московскій заполонилъ край“. Даже въ войскахъ, расположенныхъ въ краѣ, число польскихъ офицеровъ было ограничено извѣстнымъ процентомъ въ каждой отдѣльной части, по обнаруженіи вреднаго вліянія польскихъ офицеровъ, когда ихъ слишкомъ много въ отдѣльныхъ частяхъ. Театры, клубы, общественныя собранія, гостиницы, рестораны, кофейни и т. л. были наполнены русскими людьми и русская рѣчь получила вездѣ всѣ права гражданства. Никто уже болѣе въ то время не отговаривался непониманіемъ русскаго языка. Въ Вильнѣ русскій театръ, съ пособіемъ изъ процентнаго сбора, замѣнилъ польскій, изъ состава котораго даровитые актеры поступили и заняли почетное мѣсто на русской Виленской сценѣ, пополнявшейся пріѣзжими изъ внутреннихъ областей русскими актерами. Давать театральныя представленія на польскомъ языкѣ было воспрещено во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Взрывъ русскаго народнаго чувства во всей Россіи по случаю вмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла нашелъ здѣсь вѣрный отголосокъ.

Приняты были всѣ мѣры для предупрежденія покушеній на жизнь Муравьева, такъ какъ для польской справы всѣ средства были хороши; когда же убійство и отравленіе не могли удасться, польская справа обратилась къ другому излюбленному ею средству — тайной интригѣ въ С.-Петербургѣ. Но, къ счастію для русскаго дѣла, Муравьевъ управлялъ Сѣверо-Западнымъ краемъ немного болѣе двухъ лѣтъ и въ столь непродолжительное время сдѣлалъ такъ много что до сего времени (то-есть болѣе шестнадцати лѣтъ) русское дѣло не могло быть совершенно испорчено его преемниками, въ особенности дѣйствовавшими по другому направленію съ марта 1868 года.

Работая неутомимо самъ по цѣлымъ ночамъ, Муравьевъ лично руководилъ всѣми дѣлами и указывалъ направленіе, иногда объясняя все до мельчайшихъ подробностей. По его личнымъ указаніямъ, была открыта тайная типографія мятежнаго рѣзонда въ Вильнѣ; многіе обыски приводили къ важнымъ открытіямъ, а также часто нападали и на слѣды мятежническихъ шаекъ.

Важнѣйшія дѣла были выдѣлены въ особую канцелярію помѣщавшуюся въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, и тамъ работали подъ его личнымъ руководствомъ хорошо извѣстныя ему лица; въ общей же генералъ-губернаторской канцеляріи осталась только обыкновенная текущая переписка.

По учебному дѣлу, какъ было сказано выше, попечитель Виленскаго учебнаго округа, И. П. Корниловъ, дѣйствовалъ по непосредственнымъ указаніямъ Муравьева, зная его по прежней службѣ. Въ то время было положено начало устройству Виленской публичной библіотеки и музея, изъ коего все, напоминавшее времена польскаго владычества, было отправлено въ Румянцовскій музей въ Москвѣ. Было приступлено къ разработкѣ, на научныхъ началахъ, древнихъ актовъ и грамотъ, кромѣ того, открыто въ Вильнѣ отдѣленіе Императорскаго Географическаго Общества, и вообще поощрялось всякое научное изслѣдованіе.

Въ апрѣлѣ 1865 года М. Н. Муравьевъ былъ уже отозванъ изъ Вильны. За услуги онъ былъ возведенъ въ потомственное графское достоинство. Отозваніе это возбудило надежды однихъ и недоумѣнія другихъ.

Все обѣщало, повидимому, коренное преобразованіе края: но непродолжительное управленіе М. Н. Муравьева не могло

сдѣлать болѣе чѣмъ оно сдѣлало, не могло прочнѣе заложить основанія будущаго устройства края, не могло сильнѣе и правильнѣе дѣйствовать на разсѣяніе ложныхъ мечтаній и надеждъ польской силы и, наконецъ, не могло болѣе поднять духа и нравственнаго значенія народно-русской силы. Поэтому до сего времени живы еще въ краѣ воспоминанія о плодотворной дѣятельности М. Н. Муравьева, неизгладимо совершившей крутой переворотъ на Литовской Руси и закрѣпившей братскій союзъ западной Россіи съ восточною на незыблемыхъ началахъ духовнаго единенія, общности выгодъ и опасностей.

Едва оканчивался годъ со времени отозванія М. Н. Муравьева изъ Вильны, какъ страшное покушеніе 4 апрѣля 1866 призвало вновь графа Муравьева ко многотрудной дѣятельности раскрытія причинъ и зародышей ужаснаго преступленія. Съ обычною ему ревностью онъ дѣятельно приступилъ къ трудной работѣ, и можно было бы ожидать важныхъ открытій какъ внезапная смерть прекратила полезную дѣятельность, столь ненавистную всѣмъ врагамъ Россіи.

Недолго пережили графа Муравьева и другіе сановники дѣйствовавшіе въ томъ же направленіи: Н. А. Милютинъ, графъ Д. Н. Блудовъ, К. П. Чевкинъ, а позднѣе, литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣматко и А. А. Зеленый.

Послѣ 4 апрѣля 1866 года выступили на поприще государственной дѣятельности другіе сановники.

Назначеніе директора канцеляріи Военнаго Министерства генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана удивило многихъ; его нѣмецкая фамилія приводила въ недоумѣніе нѣкоторыхъ, но русскіе люди скоро успокоились. Слѣдуя безусловно народно-русскому направленію, онъ не имѣлъ никакой подготовки по прежней службѣ и не обладалъ обширнымъ кругозоромъ государственнаго человѣка, какъ его предмѣстникъ графъ Муравьевъ.

Дѣятельность К. П. Кауфмана на народно-русскихъ началахъ навлекала на него вражду латино-шляхетской силы и неудовольствіе петербургскихъ либеральныхъ западниковъ, что̀ стало для него особенно замѣтнымъ съ апрѣля 1866 года. Во время управленія краемъ К. П. Кауфмана, въ Вильнѣ, возникло много коммиссій и канцелярій, а именно: по крестьянскимъ дѣламъ, по водворенію русскаго землевладѣнія, по Еврейскому вопросу, по разбору древнихъ актовъ и грамотъ,

наконецъ была образована особая канцелярія по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ каждой области дѣйствовали: повѣрочныя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ уѣздахъ, особыя присутствія по обезпеченію быта православнаго духовенства и церковно-строительныя комитеты.

Изъ этого краткаго перечня видно стремленіе къ работѣ, но, къ сожалѣнію, работа не была плодотворна по своимъ послѣдствіямъ. Много говорили, еще болѣе писали, и оставили послѣ себя много исписаной бумаги въ архивахъ.

Всѣ распоряженія графа Муравьева по уничтоженію внѣшнихъ проявленій полонизма были оставлены въ полной силѣ и строго соблюдались, а виновные въ несоблюденіи этихъ распоряженій подвергались строгимъ денежнымъ пенямъ. Латинское духовенство и польское дворянство были оставлены подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ военныхъ. Должности по всѣмъ вѣдомствамъ предоставлялись исключительно русскимъ чиновникамъ. К. П. Кауфманъ обратилъ особое вниманіе на крестьянское дѣло и старался о лучшемъ обезпеченіи не только крестьянъ-хозяевъ, то-есть владѣющихъ участковымъ надѣловъ (20—30 дес. земли) или полуучастковымъ, но и о надѣлѣ тремя десятинами кутниковъ, огородниковъ и бобылей, не имѣющихъ правъ на участковые надѣлы.

Такимъ образомъ, приходилось въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ прежнее время было болѣе отобрано земель у крестьянъ, нынѣ болѣе отрѣзать отъ владѣльческихъ угодій, для удовлетворенія законныхъ потребностей крестьянъ, и преимущественно тѣхъ земель которыя были отъ крестьянъ прежде отобраны.

Изъ этихъ запутанныхъ отношеній и возникали тѣ нареканія по которымъ обвиняли чуть не поголовно всѣхъ дѣятелей по крестьянскимъ дѣламъ временъ К. П. Кауфмана и его самого въ потворствѣ разоренію помѣщиковъ безъ надобности.

Разказывали что К. П. Кауфманъ думалъ о введеніи общиннаго владѣнія во всѣхъ областяхъ Сѣверо-Западнаго края, но не рѣшался даже писать о томъ, по убѣжденію опытныхъ и свѣдущихъ людей, доказавшихъ ему невозможность и несвоевременность подобной крутой мѣры.

Было воспрещено Евреямъ селиться на крестьянскихъ земляхъ въ видахъ освобожденія крестьянъ отъ денежной зависимости отъ Евреевъ и уменьшенія развитія числа питейныхъ заведеній со всѣми къ нимъ неизбѣжными придатками. Евреи могли жить только въ мѣстечкахъ и на владѣльческихъ земляхъ.

Большинство мировыхъ посредниковъ, пользуясь довѣріемъ крестьянъ, много содѣйствовали устройству приличныхъ зданій для волостныхъ правленій и для народныхъ училищъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ облегчали по возможности трудное положеніе народныхъ наставниковъ.

Мировые посредники старались чтобы писарями въ волостныхъ правленіяхъ были русскіе православные изъ отставныхъ военныхъ писарей и т. п. лицъ, а къ нимъ въ помощники назначали сыновей мѣстныхъ крестьянъ, обучавшихся въ народныхъ училищахъ. К. П. Кауфманъ оказывалъ особое вниманіе и довѣріе всѣмъ служившимъ по крестьянскимъ дѣламъ и не вѣрилъ множеству обвиненій взводимыхъ на нихъ лицами къ нимъ нерасположенными. Такое исключительное положеніе давало возможность нѣкоторымъ употреблять во зло оказываемое имъ довѣріе, но къ чести всего состава служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ слѣдуетъ замѣтить что подобные случаи были рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Въ то время въ краѣ пользовались особымъ значеніемъ уѣздные начальники и всѣ служащіе по крестьянскимъ дѣламъ; имъ преимущественно было присвоено наименованіе русскихъ дѣятелей.

При объѣздахъ края, К. П. Кауфманъ относился къ нимъ и къ православному духовенству съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, что конечно возвышало ихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Особенное вниманіе русскаго общества привлекло на себя обращеніе въ православіе цѣлыхъ латинскихъ приходовъ, иногда съ ихъ ксендзами, кромѣ частныхъ единичныхъ случаевъ. Но, къ сожалѣнію, дѣломъ этимъ занималось преимущественно гражданское начальство, что конечно и отразилось на всемъ ходѣ дѣла.

Отдѣльные случаи присоединеній къ православію также не могли имѣть полезнаго для русскаго дѣла значенія.

По большей части присоединеніе дѣлалось по разчету или удержать за собою выгодное мѣсто, или вновь поступить на государственную службу, причемъ большинство присоединенныхъ по такимъ соображеніямъ имѣли семейства и дѣтей латинскаго вѣроисповѣданія и дѣлались православными только по послужному списку для вида. Православное духовенство почти не принимало въ этомъ дѣлѣ участія и потому оно не можетъ подлежать обвиненію.

Постройка новыхъ, возобновленіе ветхихъ и передѣлка костеловъ въ православные храмы шли быстро, но неудовлетворительно.

Скромные храмы господствующей церкви казались еще болѣе скромными по сравненіи съ огромными и великолѣпными костелами воинствующей церкви и невольно обращали на себя общее вниманіе.

Въ августѣ 1865 года былъ утвержденъ извѣстнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ (Сѣмашко) и главнымъ начальникомъ края уставъ возстановленнаго Виленскаго Святодуховскаго Братства, которое, какъ и въ прежнее время, имѣло цѣлію служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи и содѣйствіе къ распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ.

Возстановленіе этого древняго братства знаменательно по тому значенію которое Братство это имѣло въ прежнее время въ судьбахъ православно-русскаго народа на Литовской Руси.

Русское общество отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ возстановленному Виленскому Святодуховскому Братству. Пожертвованія отъ лицъ разныхъ слоевъ общества стекались со всѣхъ концовъ Россіи, укрѣпляя все болѣе и болѣе духовную связь Литовской Руси съ московскою. Но само Братство, состоя по большей части изъ лицъ служащихъ, а потому нерѣдко покидающихъ край, не могло получить надежной устойчивости въ своей дѣятельности.

Но даже одно существованіе этого, нѣкогда знаменитаго, Братства въ Вильнѣ несомнѣнно полезно для русскаго дѣла въ краѣ.

Успѣшность русскаго заселенія находилась вполнѣ въ зависимости отъ постепенности и правильности веденія столь важнаго дѣла. Но, къ сожалѣнію, оно было ведено крайне неудовлетворительно, безъ опредѣленно-выработанныхъ осно-

ваній, и потому не могло достигнуть желаемой цѣли. При К. П. Кауфманѣ дѣломъ этимъ занимался дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Деревицкій, и было обращено особенное вниманіе на Ковенскую область, гдѣ уже возникло до того времени нѣсколько русскихъ слободъ, преимущественно старообрядцевъ. Въ городѣ Ковнѣ дѣло это находилось въ рукахъ мѣстнаго управляющаго государственными имуществами Энгельмейера. Не приведя въ извѣстность количество и качество земель могущихъ поступить подъ водвореніе русскихъ людей и не собравъ свѣдѣній о мѣстныхъ безземельныхъ Русскихъ, водвореніе коихъ было бы желательно и лежало, такъ-сказать, на обязанности правительства, было признано возможнымъ вызвать изъ сосѣдней Курляндіи православныхъ бѣдняковъ для водворенія ихъ на Жмуди, какъ русскихъ поселенцевъ.

При распредѣленіи казенныхъ земель, въ городѣ Ковнѣ въ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ, не обходилось безъ злоупотребленій чиновниковъ. Старообрядцы, болѣе ловкіе и зажиточные, всегда умѣли получить лучшія земли, оставляя для курляндскихъ выходцевъ что было похуже. Эти бѣдняки, отдавъ въ Ковнѣ за билеты на землю иногда послѣдніе гроши, отправлялись въ уѣзды искать, отъ начальства къ начальству, назначенную имъ землю, и находя землю иногда въ арендномъ содержаніи до наступающаго экономическаго срока 23 апрѣля (во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ земли въ аренду сдаются съ 23 апрѣля). Большинство ихъ пришло въ продолженіе лѣта 1866 года, такъ что имъ приходилось ждать окончанія срока аренды до 23 апрѣля 1867 года. Между тѣмъ какъ по правиламъ преподаннымъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ надлежало отдавать подъ поселеніе фермерныя угодья, свободныя отъ съемщиковъ. Тѣ изъ поселенцевъ, которые нашли земли свободными, могли кое-какъ ломѣститься въ ветхихъ фермерныхъ постройкахъ и, выпросивъ сѣмянъ заимообразно изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ, могли произвести посѣвы. Большинство мировыхъ посредниковъ и нѣкоторые уѣздные начальники отнеслись вполнѣ сочувственно къ новымъ пришельцамъ, и чѣмъ могли помогали бѣднякамъ. Православное духовенство, весьма немногочисленное на Жмуди, со своей стороны, входило въ положеніе православныхъ поселенцевъ, облегчая, по мѣрѣ

возможности, ихъ бѣдственное состояніе, и представляло о нихъ своему духовному начальству.

Латинское духовенство, понявъ что съ ихъ приходомъ должно усилиться число и значеніе православнаго духовенства, также не могло сочувственно отнестись къ новымъ пришельцамъ и не замедлило возбудить противъ нихъ своихъ прихожанъ.

Не пользуясь правомъ голоса на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, новые поселенцы были немедленно привлечены къ отбыванію разныхъ мірскихъ повинностей, отъ которыхъ они не были избавлены дарованными имъ льготами. Да и самыя льготы могли быть примѣняемы къ нимъ только послѣ перечисленія ихъ по новымъ мѣстамъ водворенія; а для перечисленія ихъ казенною палатой были необходимы увольнительныя свидѣтельства отъ прежнихъ обществъ, которыя не выдавали этихъ свидѣтельствъ до уплаты разныхъ недоимокъ, быть-можетъ и неправильно на нихъ насчитанныхъ по прежнему ихъ состоянію. Пока шла своимъ обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ переписка о томъ, съ поселенцевъ требовали уплаты всякихъ сборовъ и оброка за землю, а также отбываніе всякихъ повинностей.

Въ иномъ видѣ представляется водвореніе русскихъ людей въ Виленской области, гдѣ оно производилось почти безъ вмѣшательства высшаго начальства. Мѣстная палата государственныхъ имуществъ только представляла главному начальнику края списокъ лицъ водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ качествѣ русскихъ поселенцевъ и вообще держалась порядка установленнаго со временъ графа Муравьева. Водворялись почти исключительно только мѣстные православные, также старообрядцы, а иногда и принявшіе изъ латинянъ православіе. Никакихъ пособій при водвореніи имъ не выдавалось. Знакомые съ мѣстными условіями, на худшихъ земляхъ, при недостаточномъ надѣлѣ, они сумѣли устроиться удовлетворительно, хотя и были обложены высшими платежами, сравнительно съ мѣстными сосѣдними государственными крестьянами, не говоря о прежнихъ помѣщичьихъ.

Въ Гродненской же области было водворено лишь нѣсколько семействъ русскихъ крестьянъ, вызванныхъ изъ Псковской области.

Въ Минской, Витебской и Могилевской областяхъ не было вовсе водворенія русскихъ поселенцевъ.

Кромѣ крестьянскаго дѣла, К. П. Кауфманъ обращалъ особенное вниманіе на усиленіе русскаго землевладѣнія въ краѣ посредствомъ: а) привлеченія русскихъ людей для пріобрѣтенія имѣній въ краѣ; б) продажи имѣній (секвестрованныхъ) лицъ высланныхъ изъ края за участіе въ мятежѣ 1863 года, и в) воспрещеніе всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать земельную собственность въ краѣ.

Правила для льготной продажи казенной и конфискованной собственности были Высочайше утверждены 23 іюня 1865 года и обнародованы въ указѣ Сената отъ 19 января 1866 года, въ видѣ инструкціи Министерству Государственныхъ Имуществъ. Для привлеченія чиновниковъ русскаго происхожденія, военнаго и гражданскаго званія, на службу по гражданскому вѣдомству въ Западный край и для поощренія ихъ къ продолженію тамъ службы, а другихъ благонадежныхъ лицъ, русскаго же происхожденія, къ постоянному въ томъ краѣ водворенію, назначены были въ продажу безъ торговъ, по особо составленной низкой оцѣнкѣ, казенныя и конфискованныя имущества, въ размѣрахъ отъ 300 до 600 дес. и отъ 600 до 1.000 дес., а по особымъ соображеніямъ и болѣе сего количества десятинъ, въ послѣдствіи же отъ 50—300 дес. и отъ 30—50 дес.; послѣдніе участки исключительно для народныхъ наставниковъ и волостныхъ писарей русскаго происхожденія. При предоставленіи имуществъ въ видѣ награды за службу, стоимость ихъ можно было вносить въ теченіе двадцати лѣтъ по равной части безъ %; а когда онѣ предоставлялись для водворенія, то при совершеніи купчей вносилась $^1/_5$ стоимости, а остальныя $^4/_5$ разсрочивались съ % на 37 лѣтъ по банковымъ правиламъ. Но притомъ возлагались на пріобрѣтателей извѣстныя обязательства, за несоблюденіе коихъ имущества безвозвратно отбирались въ казну, причемъ сдѣланные взносы не возвращались. Воспрещалось имущества тѣ отдавать въ аренду или въ управленіе Полякамъ и Евреямъ, а также закладывать или какимъ-либо образомъ переуступать этимъ лицамъ. Продавать же разрѣшалось только съ согласія министра Государственныхъ Имуществъ и мѣстнаго генералъ-губернатора. Безъ сомнѣнія, ограниченія по управленію и арендованію участковъ всегда безнаказанно обходились, при извѣстной изворотливости, и только крайне стѣсняли лицъ относящихся болѣе добросовѣстно къ добровольно принятымъ на себя обязательствамъ.

Но главнѣйшимъ дѣломъ К. П. Кауфмана было представленіе высшему правительству особой записки, составленной имъ по соглашенію съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ А. П. Безакомъ, о мѣрахъ къ усиленію русскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ этой запискѣ подробно и обстоятельно разъясняется положеніе въ то время землевладѣнія въ Западномъ краѣ, вызывающее принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для измѣненія существующаго порядка вещей, при которомъ было невозможно принятіе мѣръ для коренныхъ преобразованій существовавшихъ учрежденій на народно-русскихъ началахъ, въ видахъ неразрывнаго сліянія съ Имперіей.

При разсмотрѣніи представленныхъ соображеній, коммиссія приняла во вниманіе „что въ девяти западныхъ губерніяхъ на десятимилліонное населеніе, преимущественно малороссійское, бѣлорусское и частію жмудско-литовское, имѣется сравнительно весьма ничтожное по числительности населеніе польскаго происхожденія; что населеніе это, состоящее большею частію изъ помѣщиковъ и мѣщанъ, даетъ всему краю характеръ польскій и мѣшаетъ остальному, нисколько не польскому населенію, правильно развиваться и пользоваться наравнѣ съ прочими подданными многими предпринятыми Его Величествомъ реформами, и что сила этого сословія заключается въ корпоративной замкнутости владѣнія недвижимою собственностью, не допускающею проникать къ себѣ никакую другую національность и особенно русскую. При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію коммиссіи, правительство должно прибѣгнуть къ такой мѣрѣ которая, посредствомъ устраненія лицъ польскаго происхожденія отъ права пріобрѣтать вновь имѣнія въ Западномъ краѣ, не стѣсняя законныхъ правъ владѣнія нынѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ, окончательно преградила бы возможность усиленія сего класса.“

Мнѣнія въ коммиссіи раздѣлились и не всѣ члены соглашались съ доводами и мѣрами предложенными обоими генералъ-губернаторами. Но Государь Императоръ, по разсмотрѣніи соображеній и мнѣній коммиссіи, 10 декабря 1865, высочайше повелѣть соизволилъ: „впредь до окончательнаго устройства Западнаго края, посредствомъ достаточнаго усиленія въ ономъ числа русскихъ землевладѣльцевъ, воспретить лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ, и со

времени объявленія сего постановленія, считать недѣйствительными всѣ совершенные послѣ того акты и сдѣлки на переходъ означенныхъ имѣній, въ предѣлахъ этихъ губерній находящихся къ лицамъ польскаго происхожденія, всякимъ инымъ путемъ, кромѣ наслѣдства по закону." Сверхъ того, согласно съ заключеніемъ нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, высочайше повелѣно: „высланнымъ изъ Западнаго края владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній предоставить право, въ двухгодичный срокъ (съ 10 декабря 1865 года), продать свои имѣнія въ Западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія, православнаго или протестантскаго вѣроисповѣданія, или же, вмѣсто продажи, промѣнять симъ лицамъ свои имѣнія, состоящія въ Западномъ краѣ, на частныя имѣнія, находящіяся въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи." При этомъ, для облегченія подобныхъ сдѣлокъ, договаривающіеся между собою были освобождены отъ крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ. Высочайшее повелѣніе 10 декабря 1865 года, съ вышеприведенными соображеніями коммиссіи, было обнародовано въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 23 декабря 1865 года, а нѣкоторыя дополнительныя разъясненія закона 10 декабря 1865 года были обнародованы въ указѣ Сената отъ 31 декабря 1865 года. Въ этомъ указѣ объявлено что имѣнія подлежащія обязательной продажѣ и непроданныя добровольно въ двухгодичный срокъ, по минованіи сего срока (10 декабря 1867) должны быть оцѣнены по правиламъ оцѣнки казенныхъ имѣній и проданы съ торговъ, а при неуспѣшности торговъ должны поступить въ казну, а владѣльцамъ будетъ выдано 5% рента ихъ оцѣнки.

Обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе взглядовъ высшаго правительства на дѣло землевладѣнія въ краѣ, въ вышеприведенныхъ указахъ Сената, произвело потрясающее впечатлѣніе на все польское населеніе Западнаго края и оживило надежды русской народной силы. Столь рѣшительный шагъ правительства разрушалъ много надеждъ латино-шляхетской силы. К. П. Кауфманъ, убѣдившій высшее правительство принять подобную мѣру, сдѣлался мишенью для всѣхъ нападокъ враждебной силы и пріобрѣлъ огромное значеніе въ глазахъ русскихъ людей. Ярыя нападки заграничной печати на эти правительственныя мѣры еще болѣе должны были убѣдить всѣхъ русскихъ людей въ цѣлесообразности и справедливости этихъ мѣръ, руководствуясь опытомъ

и извѣданными соображеніями что наши европейскіе друзья всегда хвалятъ все что̀ направлено ко вреду Россіи, и всегда порицаютъ все полезное для Русскаго народа.

Для облегченія русскимъ людямъ получать ссуды подъ пріобрѣтаемыя ими имѣнія въ Западномъ краѣ было, по докладу генералъ-адъютанта Зеленаго, высочайше повелѣно образовать особую коммиссію подъ его, генерала Зеленаго, предсѣдательствомъ для изысканія возможности удовлетворить вышеприведенныя потребности.

Коммиссія, не найдя возможнымъ, при обстоятельствахъ того времени, обратить выдачу ссудъ на средства Государственнаго Казначейства, признала полезнымъ: образовать особое учрежденіе по выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе имѣній въ Западномъ краѣ, которое могло бы привлечь къ этому дѣлу частные капиталы, съ предоставленіемъ ближайшаго участія въ семъ дѣлѣ самимъ покупщикамъ имѣній, посредствомъ образованія изъ нихъ, при содѣйствіи правительства, особаго товарищества, при взаимной круговой порукѣ. Составленный коммиссіей, на изложенныхъ основаніяхъ, проектъ товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ былъ, по соглашенію съ министромъ Финансовъ, внесенъ министромъ Государственныхъ Имуществъ въ Комитетъ Министровъ и затѣмъ проектъ товарищества удостоился 10 августа 1866 высочайшаго утвержденія. Объ утвержденіи товарищества и о соображеніяхъ вызвавшихъ его учрежденіе было обнародовано въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 17 августа 1866 года.

Все обѣщало тогда прочное и плодотворное развитіе русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, но ужасное событіе 4 апрѣля 1866 года измѣнило во многомъ общее направленіе дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ слояхъ. Вновь назначенный шефомъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ сталъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значенія и вліянія. Новые сановники, съ другими взглядами на народно-русское дѣло, замѣняли постепенно прежнихъ дѣятелей. Вниманіе русскаго общества къ Западному краю, возбужденное мятежомъ 1863 и всѣми его темными кознями, стало понемногу ослабѣвать. Страданія западно-русскаго народа отъ вѣковаго гнета латино-шляхетства начали забываться, уступая новымъ, волнующимъ потребностямъ Русскаго народа. Зародыши внутренней крамолы обратили на себя вниманіе правитель-

ства и общества. Избранныя для борьбы съ нею средства, къ сожалѣнію, привели только къ большему ея развитію. Были пріостановлены преобразованія на народно-русскихъ началахъ.

Въ сентябрѣ 1866 К. П. Кауфманъ былъ отозванъ изъ Вильны и только-что предъ этимъ назначенный прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ графъ Э. Т. Барановъ былъ призванъ управлять Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Приломиная все сдѣланное въ столь короткое время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, нельзя не отнестись съ благодарнымъ воспоминаніемъ къ стремленіямъ К. П. Кауфмана содѣйствовать прежде всего успѣхамъ русскаго землевладѣнія въ краѣ. Не говоря уже о томъ что̀ было начато при его предмѣстникѣ и что онъ продолжалъ въ томъ же направленіи, нужно сказать что законъ 10 декабря 1865 и учрежденіе товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ были исходатайствованы по его убѣдительнымъ представленіямъ. Онъ предполагалъ что обложеніе процентнымъ сборомъ большинства польскихъ землевладѣльцевъ, увеличивающееся постепенно отъ освобожденія нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ, а также выдача выкупныхъ за крестьянскій надѣлъ ссудъ на общемъ основаніи только тѣмъ изъ польскихъ пановъ кои продадутъ всѣ свои имѣнія въ краѣ, побудитъ многихъ продавать свои имѣнія въ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но въ этомъ онъ сильно ошибался, какъ я буду далѣе подробнѣе говорить.

Неудачное обращеніе въ православіе и неуспѣшное веденіе крестьянскаго дѣла и водворенія русскихъ поселенцевъ были послѣдствіемъ его чрезмѣрной довѣрчивости и канцелярскаго отношенія къ дѣлу. Въ своихъ работахъ онъ слишкомъ вдавался въ подробности и мелочи, отвлекающія отъ существа дѣла. Нѣкоторыя неосторожныя дѣйствія подали поводъ его многочисленнымъ врагамъ дѣйствовать успѣшно противъ него. Но увлекаясь иногда несбыточными надеждами, К. П. Кауфманъ, какъ многіе безусловно честные люди, вѣрилъ въ торжество добра и правды надъ зломъ и ложью.

Безпристрастная исторія воздастъ должное К. П. Кауфману и произнесетъ неблагопріятный приговоръ надъ его политическими врагами.

II.

При каждой перемѣнѣ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края возбуждаются на Литовской Руси различныя надежды и опасенія враждующихъ силъ. Отозваніе одного всегда объясняютъ перемѣной принятаго въ Петербургѣ направленія лодъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ; назначенію же другаго хотятъ придать политическое значеніе, котораго, зачастую, вовсе не имѣлось въ виду въ руководящихъ кругахъ. Отозваніе К. П. Кауфмана объяснялось порицаніемъ его дѣятельности за ея крайне народно-русское направленіе. Въ немъ хотѣли видѣть продолжателя точно опредѣленнаго направленія графа Муравьева. На ошибки и промахи Кауфмана указывали какъ на безполезныя средства только раздражать мѣстное польское населеніе. Главнымъ же образомъ его обвиняли чуть не въ потворствѣ злоупотребленіямъ чиновниковъ, намѣренно смѣшивая злоупотребленія съ законными требованіями, невыгодными для польскихъ пановъ.

Назначеніе осенью 1866 года въ Вильну прибалтійскаго генералъ-губернатора графа Эдуарда Трофимовича Баранова возбудило надежды польской силы на перемѣну направленія народно-русскаго дѣла въ Литовской Руси, направленія которое къ немалому удивленію Поляковъ держалось здѣсь уже четвертый годъ и начинало уже пускать корни въ подпочву несмотря на усердіе не по разуму чиновниковъ. Въ Вильнѣ говорили что графъ Барановъ, какъ Нѣмецъ и лютеранинъ, не можетъ относиться сочувственно къ народно-русскому дѣлу столь чуждому умственному кругозору каждаго Нѣмца въ Россіи. Общественное положеніе занимаемое графомъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ можетъ привлечь его къ покровительству польской аристократіи, умѣвшей всегда располагать въ свою пользу кого нужно для цѣлей. Въ предшедшей, преимущественно придворной службѣ графа, не могла обрисоваться его личность, а тѣмъ менѣе степень подготовки къ столь обширной и всесторонней дѣятельности, требующей основательныхъ историческихъ и государственныхъ познаній, умѣнья понимать и выбирать людей и давать имъ должное значеніе, тѣмъ болѣе что при вполнѣ неустановившемся въ

высшихъ правящихъ кругахъ взглядѣ на Литовскую Русь, произволу личныхъ стремленій главнаго начальника края предоставлялось обширное поприще. Въ тѣ времена польская сила дѣйствительно могла разчитывать на успѣхъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ развивались банковая и желѣзно-дорожная горячка, обратившая на себя вниманіе всего русскаго общества. Страсть къ скорому и легкому обогащенію на счетъ неистощимой повидимому русской казны привлекала въ Петербургъ многихъ искателей легкой и быстрой наживы со всѣхъ краевъ нашего обширнаго государства. Вопросъ о преобразованіи гимназій возобладалъ надо всѣмъ другимъ, ставъ предметомъ ожесточенной борьбы. Словомъ, все русское общество было занято своими домашними дѣлами, и потому естественно вниманіе къ борьбѣ двухъ силъ на западной окраинѣ ослабѣло, не говоря уже о томъ что удовлетворительный ходъ дѣлъ въ 1863—1866 годахъ успокоилъ напряженное вниманіе русскихъ людей на счетъ судьбы Литовско-Русскаго народа.

Но шляхетско-польско-латинская сила не дремала: она почуяла благопріятныя для нея вѣянія въ высшихъ сферахъ Петербурга и сосредоточила свое вниманіе на истребленіе слѣдовъ „московскаго наѣзда“.

Мы не призваны писать хвалебные гимны дѣятельности графа Баранова въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но по справедливости должны сказать что польская сила напрасно разчитывала на графа Баранова, который хотя и очень спокойно относился къ русскому дѣлу, но не измѣнилъ направленія принятаго его предшественниками. Замѣтно было только отсутствіе сильной руководящей мысли, направлявшей всѣхъ и каждаго къ одной, ясно поставленной цѣли.

При подобныхъ обстоятельствахъ графъ Э. Т. Барановъ вступилъ въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, имѣя помощниками по гражданской части генерала М. И. Черткова (бывшаго предъ этимъ волынскимъ губернаторомъ), а по военной генерала З. С. Манюкина.

Большинство лицъ занимавшихъ высшія должности въ краѣ остались на своихъ мѣстахъ; въ Ковно только былъ назначенъ губернаторомъ, на мѣсто графа Н. М. Муравьева, д. ст. сов. Казначеевъ. Правителемъ общей канцеляріи генералъ-губернатора былъ незадолго предъ тѣмъ назначенъ Е. П. Стеблинъ-Каменскій, а помощникомъ И. А.

Никотинъ (управлявлявшій при графѣ Муравьевѣ особою канцеляріей, изъ которой возникли канцеляріи по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и по крестьянскимъ дѣламъ, получившія наибольшее развитіе при графѣ Барановѣ). Вообще тогда было время наибольшаго развитія въ Сѣверо-Западномъ краѣ разныхъ канцелярій, коммиссій и т. п. учрежденій. Говорилось много, писалось еще болѣе, но дѣла существеннаго не выходило. До сего времени въ Сѣверо-Западномъ краѣ такъ очерчиваютъ времена главныхъ начальниковъ края: „При Муравьевѣ ничего не говорили, а много дѣлали; при Кауфманѣ очень много говорили, но мало дѣлали; а послѣ того и не говорили и не дѣлали“.

Въ то время предсѣдатъ въ разныхъ коммиссіяхъ д. ст. сов. А. А. Деревицкій, имѣвшій большое значеніе въ Вильнѣ и пользовавшійся довѣріемъ главнаго начальства. Какъ опытный и способный чиновникъ, онъ много содѣйствовалъ развитію канцелярской переписки въ ущербъ дѣлу.

Графъ Барановъ и его помощникъ генералъ Чертковъ ни въ чемъ не измѣнили установившійся при генералѣ фонъ-Кауфманѣ порядокъ теченія дѣлъ въ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ. Графъ Барановъ почти постоянно проживалъ въ Петербургѣ, куда посылались къ нему письменные доклады и ѣздили для личныхъ докладовъ лица главнаго управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ. Большинство же текущихъ дѣлъ разрѣшалъ генералъ Чертковъ въ Вильнѣ. При подобномъ, двойственномъ, такъ сказать, управленіи, представлялась возможность докладчикамъ давать дѣламъ желаемое ими направленіе.

Такой ходъ дѣла несомнѣнно отражался на всемъ. Всѣ это чувствовали и потому шли хотя и по намѣченному пути, но неувѣренно, какъ бы ощупью пробираясь въ дебряхъ канцелярщины, упуская изъ виду сущность дѣла. Многіе чиновники, увлекаясь быть-можетъ и хорошими цѣлями, дѣлали часто не свое дѣло, конечно въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ. Русскіе люди, считая себя достаточно укрѣпившимися въ краѣ, преждевременно почили на лаврахъ и какъ послѣ усиленныхъ трудовъ и борьбы отдыхали въ бездѣйствіи.

Разложеніе народно-русской силы въ краѣ начались съ того времени какъ новопріѣзжіе чиновники захватили въ свои руки

народно-русское дѣло, выставляя себя русскими дѣятелями, проводниками русскаго „элемента“ и т. п. Съ недовѣріемъ смотрѣли они на народъ и на мѣстное православное духовенство, находя въ туземномъ населеніи нѣкоторыя отличительныя особенности, исторически здѣсь сложившіяся, или стремились все это подвести подъ какой-то условный образецъ, забывая, а быть-можетъ по своей неразвитости и не зная что во многихъ коренныхъ русскихъ областяхъ существуютъ разновидности обычаевъ, нравовъ, одежды и прочее, что вовсе не препятствуетъ общему единству духа Русскаго народа. Не только чиновники и офицеры, но даже многіе православные священники, присланные въ край изъ восточной половины Россіи, не умѣли привлечь къ себѣ сочувствіе западно-русскаго народа и явились здѣсь чиновниками, а не духовными пастырями.

Еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ и съ какою-то озлобленностью относились пришлые чиновники къ мѣстнымъ старовѣрамъ, оказавшимъ большія услуги русскому дѣлу при подавленіи шляхетско-польскаго мятежа. Услуги эти, оцѣненныя по достоинству графомъ Муравьевымъ, теперь уже забывались. По временамъ начинались опять притѣсненія старовѣровъ, причемъ забывалось что эти люди вѣками сохранили свою народную самобытность и духовную связь съ Русскимъ народомъ и еще такъ недавно доказали свою несомнѣнную преданность правительству. Со словъ польской шляхты, чиновники и нѣкоторые православные священники утверждали будто старовѣры занимаются исключительно грабежемъ и воровствомъ, ссылаясь при этомъ на нѣкоторые отдѣльные случаи и намѣренно обобщая ихъ.

Не буду здѣсь болѣе распространяться по этому поводу, предполагая возвратиться къ этому важному вопросу народно-русской жизни въ Литовской Руси. Говоря же о русскихъ чиновникахъ, я конечно исключаю лучшихъ русскихъ людей, глубоко и душевно преданныхъ русскому дѣлу и сознательно служившихъ на пользу народу, исторически поставленному въ крайне тяжелое положеніе. Многіе русскіе чиновники своимъ страннымъ поведеніемъ возстановляли противъ себя бѣдныхъ приниженныхъ Бѣлоруссовъ, привыкшихъ видѣть чуть не въ каждомъ полуобразованномъ человѣкѣ—пана-Поляка и слѣдовательно естественнаго врага народныхъ правъ и обычаевъ. Несообщительные по природѣ своей, Бѣлоруссы

еще болѣе сосредоточились въ своемъ замкнутомъ кругу, недовѣрчиво смотря на все что дѣлалось вокругъ ихъ. Но нѣкоторые дѣятели по крестьянскому дѣлу сумѣли заслужить довѣріе народа и пользовались его расположеніемъ. Такіе русскіе люди руководили крестьянскимъ самоуправленіемъ на пользу народа. Тамъ волостные суды и народныя школы процвѣтали, положеніе народныхъ наставниковъ было удовлетворительно и волостные писаря не могли обижать народъ неправильными поборами. Подобные дѣятели обращали на себя вниманіе польской силы, которая всѣми мѣрами стремилась къ удаленію столь опасныхъ для нея противниковъ.

Но, къ сожалѣнію, нужно сказать что большинство новоприбывшихъ русскихъ чиновниковъ болѣе удовлетворяло стремленіямъ польской силы. Число этихъ чиновниковъ мелкаго разбора постепенно возрастало въ краѣ отъ прилива новыхъ неудачниковъ изъ внутреннихъ русскихъ областей, и все болѣе и болѣе выставляло въ непригляднмъ свѣтѣ этихъ подъячихъ XIX вѣка.

Губернскія правленія, разныя канцеляріи всѣхъ вѣдомствъ, присутствія, комитеты, палаты, суды, управленія, казначейства, конторы и даже духовныя консисторіи по своему внѣшнему виду вполнѣ соотвѣтствовали внутреннему своему достоинству. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ служили по вольному найму многіе польскіе чиновники, удаленные по политической неблагонадежности изъ казенной службы, которые, не неся по закону отвѣтственности, могли обдѣлывать дѣла по своему. Въ рукахъ этихъ неблагонадежныхъ чиновниковъ находились дѣла всѣхъ разнообразныхъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій края. Сверхъ того, польскіе чиновники поступали по найму въ письмоводители (секретари) къ разнымъ чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ за сравнительно ничтожное содержаніе, разчитывая дополнять его изъ побочныхъ источниковъ, работая такимъ образомъ негласно за русскихъ чиновниковъ.

Вообще нужно сказать что большинство русскихъ чиновниковъ очень дорожили старыми туземными чиновниками, весьма ловкими и опытными въ канцелярской изворотливости, вполнѣ знакомыми съ мѣстными обычаями. Кромѣ того, преимущественно по полицейскимъ учрежденіямъ, служило много чиновниковъ изъ мѣстныхъ Татаръ, вполнѣ ополяченныхъ, но на которыхъ не было распространено распо-

ряженіе объ удаленіи изъ казенной службы. Со времени Кауфмана, польскіе чиновники по принятіи православія допускались на государственную службу.

Все вышеизложенное доказываетъ что личный составъ старыхъ учрежденій Сѣверо-Западнаго края не могъ обновиться, какъ предполагалось, и учрежденія эти находились попрежнему въ рукахъ прежнихъ туземныхъ чиновниковъ. Назначаемые же на разныя должности русскіе чиновники постепенно болѣе или менѣе попадали въ руки мѣстныхъ чиновниковъ, неся за ихъ дѣйствія служебную отвѣтственность (какъ за служащихъ по найму).

Русскіе чиновники незамѣтно для нихъ и легко подпадали подъ вліяніе окружающей ихъ среды: нуждаясь въ деньгахъ, они постепенно опутывались сѣтями ростовщиковъ, которые тогда уже не стѣсняясь требовали отъ нихъ разныхъ услугъ по ихъ служебной дѣятельности, конечно въ ущербъ правдѣ и справедливости. Не рѣдко при участіи ростовщиковъ раздавались и терялись мѣста по службѣ. Попавъ однажды въ сѣти ростовщика, русскій чиновникъ уже не могъ изъ нихъ выпутаться и дѣлался слѣпымъ орудіемъ своихъ кредиторовъ. Ростовщики хорошо знали кому, при какихъ условіяхъ и сколько можно дать въ долгъ и какими путями вѣрнѣе закрѣпостить себѣ должника, дѣйствуя при этомъ конечно на всѣ человѣческія слабыя стороны.

Но если русскій чиновникъ могъ геройски устоять противъ всѣхъ соблазновъ легкаго кредита по всѣмъ предметамъ, ему предстояла еще тяжелая борьба съ польскою интригой. Чѣмъ честнѣе и лучше былъ русскій чиновникъ, тѣмъ болѣе и усерднѣе о немъ распространяли множество злонравныхъ слуховъ, не щадившихъ его доброе имя, семейную, частную, общественную и служебную его дѣятельность. Русскій же чиновникъ сомнительной нравственности, угодившій польской силѣ, выставлялся чуть не образцовымъ труженикомъ. Слухи эти разными окольными путями доходили до кого слѣдуетъ, а о лицахъ выше стоящихъ—и до петербургскихъ властей, и не рѣдко имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу русскихъ чиновниковъ, въ особенности же при преемникахъ графа Баранова, когда вообще положеніе русскихъ людей въ Сѣверо-Западномъ краѣ сдѣлалось по многимъ обстоятельствамъ крайне тяжелымъ, какъ мы увидимъ далѣе.

III.

Крестьянское дѣло на Литовской Руси по почину графа Муравьева было поставлено на твердую почву и было передано имъ въ руки надежныхъ русскихъ людей, призванныхъ въ край для служенія великому дѣлу возрожденія народа. При К. П. Кауфманѣ крестьянское дѣло обращало на себя особое вниманіе, и дѣятели по крестьянскимъ дѣламъ были высоко поставлены въ общественномъ мнѣніи, хотя нѣкоторые изъ нихъ, чувствуя отсутствіе сильной правящей руки, постепенно или увлекались въ сторону, или ослабѣвали въ своей дѣятельности. Подобныя явленія стали чаще повторяться при графѣ Барановѣ. Отъ этихъ причинъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла стало затягиваться. Возникало все болѣе и болѣе жалобъ со стороны помѣщиковъ и крестьянъ, и жалобы эти, не получая разрѣшенія подлежащихъ властей, усложняли взаимныя отношенія землевладѣльцевъ. Коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ въ Вильнѣ, въ коей были сосредоточены всѣ возникающіе дѣла и вопросы, занималась болѣе отвлеченными предметами чѣмъ существеннымъ разъясненіемъ недоразумѣній. Въ то же время происходили люстраціонныя работы, то-есть надѣленіе казенною землей государственныхъ крестьянъ и другихъ лицъ податнаго сословія за опредѣленный оброкъ на выкупъ, по правиламъ утвержденнымъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.

Такимъ образомъ, въ это время производилось самое существенное для всего сельскаго населенія обезпеченіе его земельнымъ надѣломъ на вѣчныя времена. Къ сожалѣнію, нужно сказать что на это великое дѣло не было обращено должнаго вниманія, вслѣдствіе чего въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вліяніе личности чиновниковъ имѣло слишкомъ большое значеніе и давало просторъ личному произволу, чѣмъ конечно не замедлили воспользоваться враги русскаго дѣла, чутко сторожившіе каждый промахъ и спѣшившіе выставлять народу въ невыгодномъ свѣтѣ представителей русской власти.

Все сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края, получавшее въ то время въ вѣчную собственность землю столь обильно орошенную потомъ, кровью и слезами какъ тогдашняго поколѣнія, такъ и его предковъ, принадлежало по происхожденію

къ Литовско-Русскому народу, а по вѣрѣ было въ значительной восточной части края православное, а въ западной—римско-католическое, за весьма немногими исключеніями. Бо́льшая часть православнаго населенія Литовской Руси, насильственно обращенная польско-шляхетскою силой въ унію, еще не такъ давно возвратилась добровольно къ вѣрѣ своихъ предковъ (въ концѣ прошлаго вѣка и въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго). Такимъ образомъ не оставалось болѣе слѣдовъ уніи въ Западной Россіи. Изъ Бѣлоруссовъ латинскаго обряда нѣкоторые, лишь весьма небольшая часть, при Кауфманѣ, были возвращены къ вѣрѣ предковъ.

Тяжело было положеніе сельскаго населенія во времена польскаго владычества; оно не стало легче въ сильномъ Русскомъ государствѣ, когда польскому шляхетству были открыты широкія права русскаго дворянства, и помѣщики могли угнетать народъ опираясь на русскую власть. Безправный сельскій людъ былъ угнетаемъ помѣщиками и чиновниками во имя русскаго закона. Столь тяжелое положеніе наложило на бѣдныхъ Бѣлоруссовъ, составляющихъ до 70% всего населенія Сѣверо-Западнаго края, особый отпечатокъ приниженности и скрытности. Бѣлоруссы вообще живутъ въ Августовской, Гродненской, Виленской, Витебской, Минской, Могилевской, Смоленской и частью Псковской губерніяхъ, занимаясь исключительно земледѣліемъ. По словамъ профессора М. О. Кояловича, природа кажется собрала въ странѣ осѣдлости Бѣлоруссовъ всѣ неудобныя для жизни человѣка условія. Пески, болота и лѣса низшаго сорта покрываютъ почти всю Бѣлоруссію. Въ такой странѣ народъ не можетъ отличаться физическимъ развитіемъ. Бѣлоруссы большею частью небольшаго роста, хилы, вялы, блѣдны. Часто молодые люди недостигшіе двадцати лѣтъ уже не имѣютъ ни кровинки въ лицѣ. Благосостояніе имъ совершенно неизвѣстно. Большинство ихъ постоянно ѣстъ хлѣбъ съ мякиной. Среди песковъ, болотъ и лѣсовъ, Бѣлоруссы живутъ какъ будто на островахъ, между которыми иногда по нѣсколько мѣсяцевъ не бываетъ никакого сообщенія. Въ такихъ мѣстахъ Бѣлоруссы часто принуждены заключать браки въ близкомъ родствѣ и доходятъ до страшнаго безобразія и уродства. Вслѣдствіе такихъ особенностей страны, Бѣлоруссы не имѣютъ большихъ деревень, живутъ разбросанно, а потому у нихъ нѣтъ обще-

ственной силы какую встрѣчаемъ въ Юго-Западной Россіи; Бѣлоруссовъ легко давить по частямъ. Загнанные въ болота и лѣса, Бѣлоруссы остались недоступными для какой-либо образованности и болѣе сохранили свой древній бытъ чѣмъ Малороссіяне. Самая рѣчь Бѣлоруссовъ чище и ближе къ великорусскому языку чѣмъ малороссійское нарѣчіе. Но тамъ гдѣ оба нарѣчія сходятся, какъ, напримѣръ, у рѣки Припети, изъ соединенія бѣлорусскаго и малорссійскаго нарѣчій выходитъ чистая великороссійская рѣчь.

Но неумолимая природа мѣшала до сего времени сближенію Бѣлоруссовъ и Малороссовъ, поставленныхъ историческими судьбами въ одинаковыя отношенія къ Польшѣ. Между тѣмъ важность этого сближенія намъ показываетъ исторія борьбы польской силы съ народно-русскою, и не разъ народное дѣло терпѣло неудачи отъ того что Бѣлоруссамъ и Малороссамъ не представлялось возможности дѣйствовать сообща противъ общаго врага.

Въ несравненно лучшихъ условіяхъ находятся Литвины занимающіе удобную для жизни и довольно плодородную прибѣманскую страну. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ Литвиновъ считается до 1.300.000. Ихъ можно раздѣлить на собственно Литвиновъ и Жмудиновъ. Первые живутъ въ восточной части Ковенской, на западѣ Виленской и на сѣверѣ Гродненской губерній, а вторые на сѣверо-западѣ отъ нихъ. Сверхъ того, Литовцы живутъ еще въ сѣверной части Августовской губерніи (до 200 тыс.) и въ Восточной Пруссіи (до 200 тыс.). Собственно Литвины живутъ очень дружелюбно съ Бѣлоруссами; исповѣдуя по большей части римскій католицизмъ, они болѣе другихъ подверглись ополяченію, хотя были въ свое время самыми сильными поборниками своего роднаго и защитниками западно-русской независимости отъ Польши. Жмудины живутъ въ западной части Ковенской губерніи (Самогитія) и болѣе другихъ сохранили свои народныя особенности, языкъ и обычаи. Это, по словамъ г. Гильфердинга, единственный болѣе сохранившійся остатокъ арійскаго доисторическаго племени, отъ котораго произошли всѣ европейскіе народы. У насъ вообще мало знаютъ о Жмудинахъ.

Самогитія или Святая Жмудь, какъ ее зовутъ въ народѣ, представляетъ страну плодородную, съ умѣреннымъ климатомъ и весьма живописную. Отроги Алауно-Балтійской возвышенности придаютъ странѣ волнистый характеръ. Такъ-

называемая Ковенская Швейцарія и берега рѣки Нѣмана заслуживаютъ вниманія путешественниковъ-наблюдателей и увлекательно воспѣты на польскомъ языкѣ поэтомъ Мицкевичемъ (Литвинъ).

Долѣе другихъ народовъ Жмудины оставались язычниками и приверженцами своей старины. Весьма неохотно принимали они христіанство, и то преимущественно по политическимъ соображеніямъ. Латинство болѣе двухъ вѣковъ насаждалось тамъ насильственно огнемъ и мечомъ нѣмецкихъ рыцарей, уничтожившихъ здѣсь зачатки православнаго христіанства и русской образованности. Вся Жмудь сдѣлалась страной фанатически-латинскою, сохранивъ однако много языческихъ обрядовъ своей старины. Здѣсь вы увидите громадные и великолѣпные костелы и монастыри; по дорогамъ, на поляхъ и около жилыхъ домовъ вамъ постоянно попадаются на глаза какъ безмолвные свидѣтели величія католицизма: часовни, кресты и столбы со статуями святыхъ и даже животныхъ. Тысячи народа собираются на богомолье, и всегда съ особою торжественностью, въ особо чтимыя мѣста молитвенныхъ собраній: костелы, монастыри, кальваріи и т. п. Охотно несутъ эти богомольцы своимъ духовнымъ пастырямъ-наставникамъ щедрые дары состоящіе изо всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства, которымъ Жмудины исключительно занимаются. Католическій священникъ на Жмуди вполнѣ господствуетъ надъ душами своего духовнаго стада, непогрѣшимость главы латинства Жмудины какъ бы переносятъ на своихъ ксендзовъ, они слѣпо вѣруютъ въ святость служителей алтаря Господня, такъ что грѣхи этихъ пастырей (даже изъ тяжкихъ) не могутъ поколебать вѣру въ святость и всемогущество священника. Можно сказать что даже нѣкоторыя грѣховныя дѣянія, по мнѣнію Жмудина, въ особенности же Жмудинки, не только оправдываются, но и освящаются прикосновенностію къ нимъ ксендза. Отживающее поколѣніе Жмудиновъ коснѣетъ въ грубомъ невѣжествѣ; семейная жизнь въ упадкѣ; темная, суевѣрная женщина царитъ въ семействѣ, хозяйствѣ и обществѣ, она въ особенности поработила народъ ксендзамъ.

Между тѣмъ Жмудины вообще народъ честный, трудолюбивый, разчетливый и трезвый, очень любятъ свою землю, которая здѣсь хорошо вознаграждаетъ трудъ земледѣльца и почти исключительно занимаются земледѣліемъ. Выхода

въ среднее торговое или промышленное сословіе здѣсь, какъ во всей Западной Россіи, не представляется. Множество Евреевъ населяютъ города и мѣстечки края и составляютъ торговое и промышленное сословіе, соперничать съ которыми невозможно. Тщетны были попытки нашего правительства привлечь Евреевъ къ земледѣлію въ Западномъ краѣ. Имъ отводили лучшія земли, строили усадьбы, давали значительныя денежныя пособія и обширныя льготы, давали библейскія названія ихъ поселкамъ и т. п.; но земледѣліемъ Евреи все-таки не занимались, пользовались пособіями, льготами и иногда поощрительными наградами по расположенію къ нимъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, получали доходъ отъ своихъ участковъ, отдаваемыхъ ими въ аренду, и занимались торгашествомъ попрежнему. Интересно посѣтить эти еврейскіе поселки для удостовѣренія въ нерасположеніи Евреевъ къ земледѣлію. Несмотря на всѣ выгодныя условія для хозяйства деревни пустуютъ, развѣ остается одинъ Еврей какъ сторожъ и то устроивъ корчму, содержа козла или козу. Земельныя же угодья обыкновенно обрабатываются сосѣдними крестьянами, часто истощающими почву безъ удобренія.

Собственно Литвины нынѣ далеко не обладаютъ всѣми хорошими качествами Жмудиновъ, хотя имъ присущи всѣ ихъ недостатки, съ добавленіемъ еще недостатковъ пріобрѣтенныхъ отъ Поляковъ.

На Жмуди рѣже чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи случается встрѣтить туземца-ремесленника и почти никогда торговца. Плотники, пильщики, каменьщики, землекопы почти всѣ—русскіе старовѣры или пришедшіе изъ внутреннихъ губерній. Для прорытія Виндавскаго канала при императорѣ Николаѣ были вызваны рабочіе изъ внутреннихъ губерній. Въ послѣднее время стали приходить на Жмудь въ значительномъ числѣ рабочіе изъ Германіи, покровительствуемые многими Нѣмцами землевладѣльцами Ковенской области.

Общинное крестьянское землевладѣніе сохранилось только въ восточныхъ областяхъ Литовской Руси; во всей же остальной Литовской Руси существовало подворное или участковое владѣніе, вслѣдствіе чего владѣльцы участковъ (12—30 дес.) или хозяева составляли какъ бы высшее сословіе въ сельскомъ населеніи. На Жмуди въ особенности было замѣтно это различіе. Тамъ крестьяне-хозяева были господами въ сельскомъ быту; владѣя не рѣдко нѣсколькими участками и

аренду́я еще отъ ломѣщиковъ фольварки (хутора), они по своей зажиточности рѣзко отдѣлялись отъ кутниковъ, огородниковъ и бобылей. Заправляя сельскимъ обществомъ, они избѣгали рекрутства и относились съ презрѣніемъ ко всему остальному крестьянству, заразившись отъ Поляковъ чванствомъ и высокомѣріемъ. Браки они заключали только въ своей средѣ и старались подготовлять одного изъ сыновей въ духовную семинарію, мечтая ихъ видѣть ксендзами, и дѣйствительно въ управленіе Жмудскою епархіей епископа Волончевскаго (Жмудина) большинство ксендзовъ на Жмуди были изъ Жмудиновъ.

Земельный участокъ, по литовскому обычаю, переходитъ по наслѣдству нераздѣльно или къ старшему сыну, или къ зятю, но всегда къ сильнѣйшему, который иногда захватываетъ участокъ и при жизни ослабѣвшаго старика, изгоняя его даже изъ дома на кутъ (хатка съ небольшимъ огородомъ), а не рѣдко и вовсе пускаетъ по міру питаться подаяніемъ. Это напоминаетъ древній литовскій языческій обычай убивать стариковъ неспособныхъ къ работѣ. Новый хозяинъ обращаетъ своихъ слабѣйшихъ братьевъ въ батраковъ или кутниковъ. Никакія увѣщанія русскихъ мировыхъ посредниковъ не могли убѣдить Литовцевъ въ правѣ каждаго члена семьи на участіе въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ участкомъ, а также въ необходимости измѣнить этотъ древній обычай, по которому число безземельныхъ постоянно увеличивается и грозитъ принять ужасающіе размѣры въ Литовской Руси. При окончаніи крестьянскаго дѣла оказалось крестьянъ-хозяевъ не болѣе $^1/_7$ общаго числа крестьянъ всего Сѣверо-Западнаго края. Поэтому землевладѣльцы могутъ здѣсь нанимать очень выгодно батраковъ или работниковъ. За ничтожную хату съ небольшимъ огородомъ (кутъ) работаютъ на землевладѣльца въ недѣлю пять дней мужскихъ и два дня женскихъ, получая на отопленіе дрова изъ валежника (съ обязательствомъ очищать лѣсъ отъ сучьевъ) и пользуясь правомъ пастьбы скота на общемъ пастбищѣ. Нѣсколько бо́льшія выгоды влекутъ за собой увеличеніе повинностей далеко несоразмѣрно съ этими выгодами. Многіе крестьяне-хозяева имѣютъ подобныхъ кутниковъ, независимо отъ безсемейныхъ батраковъ, живущихъ на хозяйскомъ содержаніи. Дешевизна труда, при удобствѣ сбыта, способствуетъ благосостоянію землевла-

дѣльца, но не бездомнаго работника. Литовцы вообще, а Жмудины въ особенности, очень дорожатъ землей, видя въ ней единственный источникъ благосостоянія и значенія въ мѣстной средѣ. Жмудины болѣе другихъ сохранили свою народность, языкъ и обычаи. Только ближайшіе къ ло мѣщикамъ и чиновникамъ нѣсколько усвоили себѣ польскую рѣчь и обычаи. Но въ коренной Жмуди (уѣзды Тельшевскій, Шавельскій и Россіенскій) не только ломѣщики, духовенство, но даже чиновники говорятъ по-жмудски съ народомъ; тамъ польскій языкъ не былъ вовсе распространенъ. Только въ послѣднее время въ мѣстностяхъ пограничныхъ съ Пруссіей и Курлядіей нѣмецкій языкъ получилъ замѣтное распространеніе одновременно съ проповѣдью лютеранства. Русскій же языкъ имѣетъ только значеніе языка государственнаго и мало знакомъ темному населенію дальнихъ поселковъ. На Жмуди деревень почти не встрѣчается, Жмудины живутъ односельями. Мѣстечки (гдѣ костелы) населены почти исключительно Евреями и служатъ мѣстами сбыта и пріобрѣтенія разныхъ предметовъ, преимущественно въ праздничные дни. Находящіяся тамъ корчмы служатъ мѣстами сборищъ для всякихъ сдѣлокъ при посредствѣ неизбѣжныхъ Евреевъ. Въ корчмахъ же рѣшаются всѣ общественные вопросы и дѣла.

Жмудины вообще отличаются трезвостью и умѣренностью во всемъ. Одѣваются очень скромно и однообразно. Бѣлый и сѣрый цвѣта преобладаютъ. Яркихъ цвѣтовъ вовсе не встрѣчается. Черный цвѣтъ встрѣчается у Евреевъ, духовенства и пановъ. Салоги носятъ только крестьяне-хозяева и Евреи, все остальное сельское населеніе довольствуется лаптями. Для упряжи и сбруи здѣсь рѣдко употребляется кожа, довольствуясь веревками и холстомъ. Земледѣльческія орудія и повозки самаго первобытнаго устройства, и близость Европы нисколько не повліяла здѣсь на усовершенствованіе разныхъ орудій столь необходимыхъ въ сельскомъ быту. Всѣ потребности Жмудина и Жмудинки удовлетворяются мѣстными издѣліями самаго грубаго производства. Теперь рѣдко можно встрѣтить лошадей мѣстной породы, когда-то извѣстной своею выносливостью. Мѣстный скотъ мельчаетъ, хотя въ Бѣлоруссіи лошади и вообще скотъ еще слабѣе и мельче, въ уровень туземному населенію. Жмудины же довольно коренасты, и сильны, и выносливы въ работѣ, хотя замѣтно избѣгаютъ

тяжелыхъ работъ, на которыя такъ охотно нанимаются мѣстные старовѣры и пришлые Русскіе (бурлаки и капалы, какъ называютъ здѣсь русскихъ простолюдиновъ).

На Жмуди и въ Литвѣ крѣпостное право не было столь ужасно какъ въ Бѣлоруссіи, гдѣ паны не милосердно угнетали православнаго хлопа. Хлопъ обязанъ былъ обрабатывать и панскую землю и свою, и притомъ все что̀ приносила ему его земля обязанъ былъ цѣликомъ отдавать пану, отъ котораго въ продолженіе зимы получалъ малыя доли для прокормленія своей семьи. Часто паны присоединяли крестьянскія земли къ своимъ, а крестьянина переводили во дворъ. Такимъ образомъ возрастало число безземельныхъ. Всѣ они теперь получили право на земельный надѣлъ, хотя незначительный. Обязанность опредѣлять права каждаго крестьянина на величину надѣла и на выборъ мѣста для отвода надѣла лежала на мировыхъ посредникахъ и ловѣрочныхъ коммиссіяхъ, равно какъ и опредѣленіе границъ крестьянскихъ земель въ натурѣ, по планамъ очень часто не соотвѣтствовавшимъ дѣйствительному владѣнію. При этихъ дѣйствіяхъ и возникли неудовольствія помѣщиковъ на русскихъ дѣятелей по крестьянскимъ дѣламъ. Нескончаемыя жалобы тормозили дѣла и оттягивали окончательное разрѣшеніе вопроса. Помѣщики намѣренно затягивали дѣла, ожидая для себя наступленія лучшихъ временъ. Такимъ образомъ, во время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ графа Баранова, по крестьянскому дѣлу держались какого-то выжидательнаго положенія. Съ того времени все болѣе и болѣе стало обозначаться раздѣленіе сельскаго сословія на хозяевъ и малоземельныхъ, причемъ число послѣднихъ было гораздо значительнѣе первыхъ. Число же безземельныхъ ежегодно должно было возрастать и угрожало принять огромные размѣры. Малоземельные, получившіе въ надѣлъ по три и менѣе десятинъ земли на семейство, этимъ надѣломъ были такъ-сказать прикрѣплены къ извѣстнымъ мѣстамъ и вынуждены искать заработковъ въ окрестностяхъ своей осѣдлости. Къ этому разряду сельскаго люда должны быть отнесены отставные солдаты получившіе десятинный надѣлъ земли въ своихъ селеніяхъ.

На Литовской Руси по всѣмъ вышеуломянутымъ причинамъ имѣется значительное число арендаторовъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, старовѣровъ, шляхты и Евреевъ, такъ что арендная плата ежегодно значительно возвышается,

постоянно увеличивая доходы и выгоды землевладѣльцевъ. Всякія же оброчныя статьи, какъ напримѣръ корчмы, мельницы, винокурни, фруктовые сады, огороды, рыболовства, удой скота (по мѣстному выраженію, лахтъ) находились почти исключительно въ рукахъ Евреевъ, какъ въ казенныхъ такъ и въ частныхъ имѣніяхъ. Только старовѣры въ предѣлахъ своей осѣдлости являлись арендаторами нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, какъ напримѣръ фруктовыхъ садовъ, рыболовныхъ угодій и огородовъ. Мѣстные крестьяне охотнѣе даже вступали въ разныя сдѣлки съ Евреями чѣмъ съ другими лицами, и вообще избѣгали и боялись пановъ и чиновниковъ, начиная съ секретаря волости (писаря) и пана-ассессора (становаго пристава). Только къ мировымъ посредникамъ крестьяне относились съ довѣріемъ, видя въ нихъ въ большинствѣ случаевъ своихъ защитниковъ; часто, уступая ихъ убѣжденіямъ, крестьяне посылали дѣтей въ народныя школы, не сознавая однако пользы отъ получаемаго тамъ образованія. Нужно замѣтить что латинское духовенство всякими мѣрами стремилось отвратить своихъ прихожанъ и отъ народныхъ школъ. Еще не охотнѣе посылали крестьяне-католики своихъ дочерей въ школы, и труднѣе было убѣдить ихъ въ полезности образованія женщинъ въ русской школѣ. Вообще нужно сказать что на посѣщеніе школъ дѣтьми крестьяне, а въ особенности католики, смотрѣли какъ на отбываніе тяжелой повинности. Весьма важное значеніе въ жизни крестьянскаго общества имѣлъ волостной писарь, а потому лучшіе мировые посредники старались находить русскихъ писарей и по мѣрѣ возможности ихъ поддерживали, а къ нимъ въ помощники назначали сыновей мѣстныхъ крестьянъ обучавшихся грамотѣ въ народной школѣ, подготовляя такимъ образомъ будущихъ волостныхъ писарей. Нѣкоторые мировые посредники способствовали избранію волостныхъ старшинъ изъ православныхъ, гдѣ было смѣшанное по религіи населеніе. Даже на Жмуди были волостные старшины изъ новыхъ русскихъ поселенцевъ.

Вообще нужно сказать что въ то время освобожденные и надѣленные землей крестьяне вступали въ новую для нихъ жизнь свободнаго труда и нуждались въ разумномъ руководствѣ русскихъ людей, которые оберегли бы ихъ отъ темныхъ вліяній польской силы.

IV.

Переживъ тяжелыя для него времена Муравьева и безпокойныя Кауфмана, латинское духовенство приступило къ новой тайной работѣ, сознавая что въ немъ теперь сосредоточивается, въ силу обстоятельствъ и потери значенія помѣщиковъ, вся сила полонизма на Литовской Руси. Латинское духовенство, вполнѣ ополяченное, посвятило себя постороннему для вѣры дѣлу, смѣшивая латинство съ полонизмомъ. Теперь оно болѣе чѣмъ когда-либо проводило въ жизнь ложную мысль что всѣ исповѣдующіе латинство въ краѣ принадлежатъ къ польской народности, утверждая что они польской вѣры. Мало развитые, превратно воспитанные церковью и семействомъ, Литвины и Бѣлоруссы латиняне безсознательно повторяли эту грубую ошибку и тѣмъ быть-можетъ невольно служили цѣлямъ польской силы. Несомнѣнно, однако, что все туземное населеніе (не только латинское) до того времени принимало польскую образованность, польскій языкъ и польскіе обычаи. Созданное вѣками положеніе не могло быть скоро измѣнено распоряженіями начальства. Только въ коренной Жмуди (см. главу XII) польскій языкъ не былъ сильно распространенъ, уступая мѣстному жмудскому языку, тогда какъ въ Бѣлоруссіи мѣстное бѣлорусское нарѣчіе все еще считалось хлопскимъ языкомъ, а на Литвѣ болѣе всего былъ распространенъ польскій языкъ. Домашняя прислуга латинской вѣры, не только изъ Литвиновъ, но даже изъ Жмудиновъ, называетъ себя Поляками, не говоря уже о Бѣлоруссахъ латинянахъ. Подобное мнѣніе усиленно поддерживали въ латинянахъ не только многочисленное латинское духовенство, но и все городское среднее и высшее сословіе. Приломнимъ сколько новыхъ дворянъ было создано польскою силой предъ послѣднимъ мятежемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и притомъ дворянъ почти исключительно латинскаго исповѣданія, причисляющихъ себя къ польской народности. Слыша въ костелахъ и при всѣхъ духовныхъ требахъ польскій языкъ, латиняне все болѣе и болѣе утверждались въ своемъ заблужденіи. Требованіе начальства чтобы Законъ Божій преподавался по-русски въ учебныхъ заведеніяхъ объяснялось какъ насиліе и произволъ власти, часто не соблюдалось, а многіе ксендзы уклонялись отъ этого подъ разными предлогами.

Въ этихъ вредныхъ заблужденіяхъ утверждало литовскихъ и русскихъ латинянъ болѣе всего латинское духовенство при помощи вліятельныхъ и богатыхъ пановъ и одобренія всей ополяченной краевой интеллигенціи.

Латинское духовенство теперь всѣми средствами стремилось получить значеніе въ народной жизни, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ оно искало расположенія только помѣщиковъ и отчасти чиновниковъ, смотря на народъ какъ на рабочее быдло. Значеніе это было опасно тѣмъ что латинское духовенство, составляя одно съ польско-шляхетскою силой, служило какъ бы связующимъ звеномъ польской шляхты съ народомъ Литовско-Русскимъ, препятствуя духовному его единенію со всѣмъ русскимъ. Благодаря вліянію латинскаго духовенства сглаживалось вѣковое озлобленіе крестьянъ противъ бывшихъ помѣщиковъ и ихъ прислужниковъ, а также не замѣтно для правительства умалялось значеніе великаго дѣла освобожденія крестьянъ съ землей. Вызывая часто, разными ловкими продѣлками, русскихъ чиновниковъ на незаконныя дѣйствія, старались выставить предъ народомъ эти дѣйствія какъ притѣсненія Русскаго (такъ-называемаго здѣсь Московскаго) правительства и при каждомъ подходящемъ случаѣ очернить самихъ русскихъ чиновниковъ.

Такими способами исподоволь подготовлялось неудовольствіе народа противъ правительства, столь недавно еще облагодѣявшаго всѣхъ крестьянъ (помѣщичьихъ и государственныхъ).

По внѣшнему же виду латинское духовенство держало себя на строго законной почвѣ, всячески угождая кому нужно. Большинство русскихъ чиновниковъ находило всегда у сельскихъ ксендзовъ радушный пріемъ и хорошее угощеніе, незамѣтно производившее впечатлѣніе выгодное для гостепріимныхъ хозяевъ. Нерѣдко въ домѣ у ксендзовъ обдѣлывались многія дѣла какъ мировыми посредниками, такъ и люстраторами, лѣсничими и межевщиками. Все это возвышало ксендзовъ въ глазахъ народа. Ни одинъ православный священникъ не умѣлъ такъ хорошо принять и угостить нужныхъ для него людей какъ любезные латинскіе патеры. Чистая постель, сытный обѣдъ съ бутылкой хорошаго, а иногда (по значенію гостя) отличнаго вина, ожидали усталаго чиновника въ домѣ ксендза. Тамъ умѣли угодить на всѣ вкусы, даже

самые причудливые. Замѣтимъ что патеры почти никогда о себѣ не просили, поражая довѣрчивыхъ людей своимъ безкорыстіемъ. Какъ только болѣе или менѣе вліятельный русскій чиновникъ пріѣзжалъ въ мѣстечко, останавливаясь или въ грязной корчмѣ, или въ холодномъ, не менѣе грязномъ волостномъ правленіи, и находился въ недоумѣніи относительно своего продовольствія, къ нему являлся смиренный ксендзъ и упрашивалъ перейти къ нему. Трудно отказаться отъ любезнаго приглашенія находясь въ столь неблагопріятныхъ условіяхъ. При отъѣздѣ ксендзъ всегда бралъ обѣщаніе на будущее время останавливаться у него.

Между тѣмъ православный священникъ не только не пригласитъ пріѣзжаго чиновника остановиться у него, но и не пойдетъ къ нему первый; притомъ, по своей бѣдности и многосемейности (въ большинствѣ случаевъ), онъ и не имѣетъ возможности быть гостепріимнымъ въ своемъ убогомъ жилищѣ. Не излишнимъ нахожу замѣтить что православные священники вообще не избалованы привѣтливымъ обращеніемъ съ ними русскихъ людей и потому вынуждены держать себя осторожнѣе въ виду иновѣрцевъ.

Съ удивительнымъ знаніемъ были распредѣлены ксендзы по приходамъ, а именно чѣмъ богаче и значительнѣе приходъ, чѣмъ болѣе мѣстный костелъ или кальваріа привлекали богомольцевъ, тѣмъ опытнѣе и смышленѣе бывали тамъ ксендзы со своими викарными. Кромѣ приходскихъ костеловъ, встрѣчалось довольно много филіальныхъ, то есть приписныхъ, при которыхъ находились старые ксендзы какъ бы на отдыхѣ. Вообще число латинскаго духовенства было весьма значительно, и много превышало дѣйствительную въ немъ потребность для удовлетворенія духовныхъ требъ латинскаго населенія. На приличное ихъ содержаніе находились средства въ достаточныхъ размѣрахъ.

Хотя съѣзды латинскаго духовенства были со времень графа Муравьева строго воспрещены, но постоянныя сношенія между ними поддерживались костельными бабами, костельными нищими и девотками, число которыхъ въ особенности на Жмуди достигало почтенныхъ размѣровъ и ютилось въ костельныхъ богадѣльняхъ; если присоединить къ этому тайныя костельныя братства (о латинскихъ братствахъ упоминается въ брошюрѣ *Виленское Свято-Духовское православное братство*, изданіе 1876 года)

станетъ отчасти понятно какими тонкими, неуловимыми сѣтями латинское духовенство опутало Литовскую Русь, проникая все глубже и глубже во всѣ отправленія народной жизни. Изъ опасенія ошибокъ мы не беремся описывать подробно тайную организацію латинскаго прихода, но утверждаемъ что эта тайная организація, крайне опасная для русскаго дѣла и правительства, получаетъ все большее значеніе въ народной жизни и тѣмъ все болѣе и болѣе отдаляетъ литовско-русскихъ латинянъ отъ духовнаго общенія съ остальнымъ Русскимъ народомъ. Подобно еврейскому кагалу, тайная организація латинскаго прихода недоступна пониманію начальства, но существованіе ея не ускользаетъ отъ взоровъ внимательнаго наблюдателя. Мѣстные ксендзы имѣютъ вліяніе на всѣ дѣла волостныхъ правленій, въ особенности гдѣ служатъ Поляки волостными писарями.

Само правительство разрѣшая духовенству производить сборы на исправленіе костеловъ или постройку новыхъ, тѣмъ самымъ какъ бы узаконяетъ сборъ на тайныя нужды, не имѣя возможности провѣрить поступленій и расходованія денегъ. Принявъ въ соображеніе что латинское населеніе, обитая преимущественно въ западной болѣе плодородной части Литовской Руси, не говоря уже о жмудинахъ, отличается большею состоятельностью чѣмъ бѣдные православные Бѣлоруссы, и что почти всѣ помѣщики какъ латиняне считаютъ себя (какъ и туземные чиновники) Поляками, мы вполнѣ поймемъ какими значительными суммами можетъ тайно располагать латинское духовенство, стоящее теперь во главѣ польской силы въ краѣ, съ успѣхомъ замѣнивъ свѣтскій подпольный рондъ народовый и парижскій Hôtel Lambert. Значеніе ксендза въ домашней, семейной жизни латинянина, частыя исповѣди каждаго ревностнаго католика, въ особенности же католички, даютъ этому духовенству средства руководить помыслами своихъ прихожанъ. Мнѣніе о непогрѣшимости своихъ пастырей (см. главу XII) распространено не только между простолюдинами, но и въ высшемъ богатомъ сословіи. Богатый графъ Т. съ убѣжденіемъ говорилъ что онъ словамъ своего ксендза-духовника придаетъ болѣе вѣры чѣмъ словамъ Евангелія.

Латинскія духовныя семинаріи, хотя и состоящія подъ надзоромъ Русскаго правительства, тѣмъ не менѣе служатъ

отличною подготовительною школой для будущихъ дѣятелей латинства: тамъ неопытные юноши Литвины и Бѣлоруссы превращаются въ закаленныхъ бойцовъ польскаго шляхетства. Никакіе іезуиты не могли бы лучше вести дѣло. Воспитаніе въ семинаріи начинается съ передѣлки фамиліи на польскій ладъ; затѣмъ, постепенно дѣйствуя на всѣ струны человѣческой души и сердца, открываютъ предъ неофитомъ всю ширину задачъ всемірнаго владычества (вопреки христіанскому ученію) отъ міра сего, укоренная убѣжденіе что всѣ средства хороши для достиженія высокихъ цѣлей ad majorem Dei et patriae gloriam. Латинство здѣсь отступило нѣсколько отъ общаго своего, безнароднаго образца, найдя для себя выгоднымъ идти совмѣстно съ полонизмомъ, имѣя въ немъ надежнаго союзника,—и стремясь теперь получить значеніе въ народной жизни, упорно держится польскаго языка и шляхетскихъ-польскихъ стремленій. Въ средѣ народа оно поддерживаетъ какъ бы сословную рознь между крестьянами-хозяевами и батраками, кутниками и т. п. бѣднымъ людомъ, оказывая всегда особое предпочтеніе болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Понятны причины по которымъ латинское духовенство такъ противилось переводу съ польскаго на русскій языкъ латинскаго катехизиса и молитвъ и уклонялось отъ преподаванія Закона Божія на русскомъ языкѣ.

Тому же вліянію слѣдуетъ приписать неудачи попытокъ ввести вмѣсто латинской русскую азбуку въ литовскую и жмудскую письменность, несмотря на очевидныя преимущества русской азбуки для этихъ языковъ. Даже польскій языкъ было бы гораздо удобнѣе читать русскими буквами чѣмъ латинскими; но Поляки по крайней мѣрѣ имѣютъ, хотя не особенно богатую научными трудами, литературу, живутъ не въ одной Россіи и могутъ выставить неудобства отъ перемѣны алфавита. Все это не имѣетъ значенія для Литвинъ и Жмудинъ; послѣднихъ внѣ Россіи находится не болѣе двухъ сотъ тысячъ въ Восточной Пруссіи, гдѣ они сильно онѣмечены. Бывшая же Августовская губернія, населенная Жмудинами и Бѣлоруссами, только по какому-то непонятному недоразумѣнію входитъ до сего времени въ составъ Привислинскаго края и управляется изъ Варшавы. Надо надѣяться что этому скоро будетъ положенъ конецъ, и Августовская область войдетъ въ свои этнографическія границы. Нужно замѣтить что въ то время рѣдки были случаи открытыхъ противоправи-

тельственныхъ дѣйствій со стороны отдѣльныхъ ксендзовъ; да и то уличенные въ подобныхъ дѣйствіяхъ ксендзы всегда оказывались дѣйствовавшими по собственному почину и отъ нихъ отрекались ихъ собратья, равно какъ и отъ тѣхъ ксендзовъ которые по своей неосторожности попадались въ распространеніи запрещенныхъ книжекъ и другихъ предметовъ тайной пропаганды. Подобные ксендзы подвергались законной карѣ, не выдавая никогда своихъ соумышленниковъ и только вводя своими показаніями въ заблужденіе русскую власть.

Трудно было первымъ русскимъ землевладѣльцамъ на Жмуди находить рабочихъ-латинянъ если хотѣли сами вести хозяйство, а почти всѣ русскіе землевладѣльцы вынуждены были имѣть управляющихъ или арендаторовъ латинянъ если не удавалось найти старовѣровъ, но и тогда „случайные“ пожары побуждали упрямыхъ уступить господствующей силѣ польскаго латинства или не менѣе сильнаго еврейства.

Естественно возникаетъ вопросъ гдѣ и кто именно руководитъ этимъ прочно организованнымъ и хорошо дисциплинированнымъ тайнымъ обществомъ представителей польской силы въ краѣ, откуда получаются внушенія и наставленія для единства дѣйствій всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, связанныхъ между собою не только единствомъ политическихъ воззрѣній, но и чисто матеріальными выгодами взаимной поддержки на всѣхъ поприщахъ общественной и экономической дѣятельности. Существуетъ ли подобный рожденъ въ самой Россіи, въ исторической Полыпѣ, въ Петербургѣ или гдѣлибо за границей, напримѣръ, въ Римѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ или Краковѣ? Не беремся отвѣтить въ настоящее время на этотъ вопросъ, но утверждаемъ несомнѣнность существованія подобнаго центра, руководимаго опытными вожаками. Утверждаемъ также соучастіе ловкихъ сыновъ Лойолы и членовъ общества „воскресенцевъ“ (*zmartwychwstańcow*) въ этомъ тайномъ обществѣ, пользующемся не только сочувствіемъ, но и покровительствомъ „дружественной“ намъ Европы.

Вотъ источникъ значенія польской силы въ Россіи.

Поставленныя русскою властью во главѣ латинскихъ епархій Сѣверо-Западнаго Края лица умѣютъ, угождая по виду правительству, отводя глаза близорукимъ, служить неизмѣнно враждебнымъ русскому дѣлу, а слѣдовательно и Русскому правительству цѣлямъ, намѣренно представляя все въ пре-

превратномъ видѣ и для показу навлекая на себя мнимое неудовольствіе своей паствы.

Въ исключительномъ положеніи долгое время стоялъ епископъ Жмудскій (Самогитскій) Волончевскій, истинный вождь народно-жмудской силы, стремившійся къ возрожденію жмудской народности даже за предѣлами своей епархіи. При немъ большинство приходскихъ ксендзовъ было назначаемо изъ природныхъ Жмудиновъ, жмудскій языкъ слышался въ костелахъ, на проповѣдяхъ, и вообще получилъ большое распространеніе на Жмуди. Волончевскій, не находя поддержки въ русскихъ властяхъ, находилъ для себя выгоднымъ дружить съ польскою силой, вводя въ заблужденіе русскія власти, которыя, при большемъ пониманіи дѣла, могли бы, опираясь на Волончевскаго, подготовить совершенное отдѣленіе жмудскихъ латинянъ отъ польскаго вліянія. Но не столь прозорливые люди стояли во главѣ Жмуди. Съ пренебреженіемъ относился о нихъ умный народный епископъ и долженъ былъ искать другихъ союзниковъ.

Пребываніе въ краѣ викарнаго епископа Жмудской епархіи Бересневича, какъ Поляка по духу и воспитанію, было найдено вреднымъ, и онъ былъ переведенъ на жительство въ городъ Митаву; но тѣмъ не менѣе по смерти Волончевскаго, какъ мы увидимъ далѣе, во время управленія краемъ П. П. Альбединскаго, Бересневичъ былъ призванъ управлять этою епархіей къ великому удовольствію польской силы и къ немалому удивленію русскихъ людей.

Жмудины любили Волончевскаго, видя въ немъ главу и душу своей народности, и вѣрили ему, а потому въ то время ксендзы-Поляки не пользовались особымъ значеніемъ на Жмуди, занимая преимущественно только должности викарныхъ и никогда деканов. Только въ городскихъ костелахъ можно было слышать польскій языкъ.

Но въ бѣлорусскихъ латинскихъ епархіяхъ не находилось народолюбивыхъ епископовъ подобныхъ Волончевскому; тамъ, напротивъ, все латинское духовенство держалось польско-шляхетской силы, а потому Бѣлоруссамъ-латинянамъ приходилось учиться польскому языку для посѣщенія костеловъ и исповѣди у ополяченныхъ ксендзовъ, воспитанныхъ, какъ выше было сказано, въ латинскихъ духовныхъ семинаріяхъ для служенія шляхетско-польскому дѣлу. Припомнимъ что русскій языкъ, со временъ императора Павла I, по расло-

раженію русскихъ властей, было воспрещено употреблять въ костелахъ, и польскій языкъ былъ обязательно введенъ даже въ тѣхъ приходахъ гдѣ прихожане почти не знали польскаго языка

V.

Во время управленія краемъ графа Э. Т. Баранова было обращено много вниманія на усиленіе не-польскаго землевладѣнія, въ особенности же русскаго, усиленіе получившее здѣсь особое значеніе послѣ: а) изданія закона 10 декабря 1865 года (ук. Сената 23 и 31 декабря 1865 года): обязательная продажа имѣній лицъ высланныхъ изъ края, а также общее воспрещеніе всѣмъ Полякамъ пріобрѣтать земельную собственность въ Западной Россіи иначе какъ путемъ наслѣдства по закону; б) учрежденія товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ (указъ Сената 17 августа 1866 года); а также въ виду в) льготной продажи казенныхъ и конфискованныхъ имуществъ русскимъ людямъ по правиламъ инструкціи Высочайше утвержденной 23 іюля 1865 года (указъ Сената 19 января 1866 года), правиламъ которыя служили развитіемъ Положенія Западнаго комитета Высочайше утвержденнаго 5 марта 1864 года (указъ Сената 3 апрѣля 1864 года), и нѣкоторыхъ другихъ льготъ при пріобрѣтеніи въ Краѣ поземельной собственности отъ лицъ польскаго происхожденія, а также изданія разныхъ правительственныхъ распоряженій къ ограниченію Полякамъ возможности обходить вновь установленный законъ 16 декабря 1865 года. Всѣ дѣла по этимъ предметамъ, въ виду особой ихъ важности, были сосредоточены въ учрежденной лѣтомъ 1866 года особой канцеляріи по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, управлять коею, вмѣсто В. Д. Левшина, былъ назначенъ графомъ Барановымъ П. П. Штеръ, незадолго предъ этимъ окончившій курсъ въ Александровскомъ Лицеѣ. Всѣ возникающіе по этимъ предметамъ вопросы разсматривались и обсуждались въ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ ст. сов. А. А. Деревицкаго.

Было приступлено къ собиранію статистическихъ свѣдѣній о ходѣ русскаго землевладѣнія въ краѣ, по разсмотрѣніи коихъ оказалось что увеличеніе числа русскихъ

землевладѣльцевъ со времени изданія Положенія 5 марта 1864 года (о льготахъ и преимуществахъ при покупкѣ земельной собственности уроженцами Имперіи не-польскаго происхожденія) почти не послѣдовало, а до 1864 года почти вовсе не было русскихъ землевладѣльцевъ на Жмуди и на Литвѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ богачей, совершенно чуждыхъ русскому дѣлу, и Нѣмцевъ въ сѣверной части Ковенской области, вполнѣ если не болѣе Поляковъ проникнутыхъ шляхетскими убѣжденіями и чувствами нерасположенія ко всему народно-русскому.

Несмотря на это были потребованы ото всѣхъ русскихъ землевладѣльцевъ письменные отзывы объ ихъ современномъ положеніи съ ихъ мнѣніями объ усиленіи русскаго землевладѣнія въ краѣ. Требованія эти предъявлены были землевладѣльцамъ чрезъ уѣздную полицію и вызвали нѣсколько забавныхъ отзывовъ. Цѣль, хотя и хорошая, не была вовсе достигнута вслѣдствіе неудачнаго исполненія задуманной при Кауфманѣ мѣры.

Всѣ эти отвѣтныя заявленія (иныя по усердію полиціи на гербовой бумагѣ) поступили въ особую канцелярію по водворенію, тщательно по времени поступленія подшиты были къ особо заведенному дѣлу и положены въ шкапъ. Да и не нашлось бы ничего дѣльнаго въ этихъ наскоро набросанныхъ, по слѣпому требованію становыхъ приставовъ, отзывахъ, похожихъ на канцелярскую отписку. Нѣкоторые даже обидѣлись за сдѣланные имъ запросы, другіе наивно отвѣтили что объ ихъ нуждахъ должно лучше знать само высшее начальство по смыслу основныхъ государственныхъ законовъ; многіе писали что имъ нужны денежныя ссуды отъ казны по прежнимъ банковымъ правиламъ, то-есть съ погашеніемъ въ 37 лѣтъ (5% и 1% погашенія ежегодно). За богачей отвѣтили ихъ управляющіе-Поляки о вредѣ отмѣны крѣпостнаго права. Одинъ состоятельный, ополяченный русскій предводитель дворянства предлагалъ казнѣ скупить имѣнія богатыхъ польскихъ панокъ и раздѣлить ихъ (по дешевой оцѣнкѣ) между туземными русскими панами, выражая опасенія касательно прибытія въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ съ иными взглядами. Отъ Нѣмцевъ-помѣщиковъ не оказалось заявленій, вѣроятно полиція ихъ не нашла удобнымъ спрашивать.

Никто не заявлялъ о необходимости надѣленія землей многихъ туземныхъ безземельныхъ русскихъ простолюдиновъ,

не получившихъ надѣла по разнымъ причинамъ, хотя отъ этого надѣленія можно было бы ожидать самыхъ благотворныхъ послѣдствій для русскаго дѣла, не говоря уже о несомнѣнномъ благѣ для этихъ истыхъ представителей русской народности въ краѣ, сохранившихъ свою народность во времена тяжкихъ преслѣдованій тамъ всего русскаго. Эти люди не были забыты графомъ Муравьевымъ, но въ короткое время своего управленія онъ не успѣлъ устроить ихъ бытъ.

Упомянутыя отвѣтныя заявленія могутъ только служить мѣриломъ умственнаго развитія прежнихъ русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а также указываютъ отчасти ихъ совершенную отчужденность отъ народа и ясно подтверждаютъ что не землевладѣльцами держалась народно-русская сила въ Литовской Руси до 1863 года въ борьбѣ со своими врагами.

Всѣ эти заявленія русскихъ лановъ увеличили и безъ того богатый (по количеству исписанной бумаги) архивъ генералъ-губернаторской канцеляріи.

Графъ Барановъ, какъ и его предмѣстникъ К. П. Кауфманъ, замѣтивъ стремленіе Нѣмцевъ (какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ подданныхъ) пріобрѣтать земельную собственность почти исключительно на Жмуди, лежащей между Восточною Пруссіей и Курляндіей, также имѣя въ виду что въ этой области еще съ прежнихъ временъ находилось уже много Нѣмцевъ-помѣщиковъ, возбудилъ вновь ходатайство о воспрещеніи на будущее время Нѣмцамъ вообще пріобрѣтать земельную собственность въ Ковенской губерніи. Но какъ его предмѣстнику, такъ и графу Баранову, министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ отвѣтилъ что на таковую мѣру не послѣдовало Высочайшаго соизволенія. Напротивъ того, Нѣмцамъ были предоставлены совершенно равныя права съ крестьянами русскими. Кромѣ того, на всѣ должности въ Ковенской губерніи назначались по преимуществу Нѣмцы. Изъ Пруссіи ежегодно увеличивался приливъ рабочихъ въ Ковенскую губернію, гдѣ они, оставаясь иностранцами, водворялись на постоянное жительство, не платя податей и не отбывая никакихъ повинностей.

Въ январѣ 1867 года графъ Барановъ представилъ въ высшія петербургскія сферы записку, въ коей, по краткомъ историческомъ изложеніи хода русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, доказывалось что полный неуспѣхъ всѣхъ

правительственныхъ начинаній по устройству края обусловливается отсутствіемъ единства во взглядахъ и въ дѣйствіяхъ высшихъ петербургскихъ сановниковъ, а потому испрашивалось, вслѣдствіе закрытія Западнаго комитета, учрежденіе особой коммиссіи изъ высшихъ сановниковъ.

23 января 1867 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особой коммиссіи въ предсѣдательствѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретаря П. А. Валуева, съ участіемъ въ оной обоихъ генералъ-губернаторовъ западныхъ областей (графа Э. Т. Баранова и генералъ-адъютанта Безака), шефа жандармовъ (графа П. А. Шувалова) и министровъ: Финансовъ (статсъ-секретаря М. Х. Рейтерна) и Государственныхъ Имуществъ (генералъ-адъютанта А. А. Зеленаго). Въ этой коммиссіи должны были разсматриваться всѣ чрезвычайныя мѣры, необходимыя для торжества русскаго дѣла въ Западномъ краѣ. Личный составъ ея вліятельнаго большинства могъ отчасти предсказать какое направленіе будетъ дано дѣламъ ей подвѣдомственнымъ. Коммиссія эта была собрана только одинъ разъ въ апрѣлѣ 1869 года, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго въ 1868 году, на мѣсто П. А. Валуева, министромъ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева, исключительно для разсмотрѣнія предложеній генералъ-адъютанта А. Л. Потапова о пріостановленіи дальнѣйшаго водворенія безземельныхъ русскихъ людей на казенныхъ земляхъ Сѣверо-Западнаго края съ правами русскихъ поселянъ, какъ мы будемъ о томъ подробно говорить описывая время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ А. Л. Потапова.

Въ январѣ 1867 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе (по представленію А. А. Зеленаго) чтобы пріобрѣтатели всѣхъ вообще имѣній отъ Поляковъ въ Западномъ краѣ были избавлены отъ крѣпостныхъ пошлинъ, а въ маѣ того же 1867 года Высочайшее повелѣніе (по ходатайству графа Баранова) о сосредоточеніи въ Вильнѣ и въ Кіевѣ торговъ на продажу всѣхъ имѣній въ извѣстные сроки (январь и іюль), въ видахъ удобства для пріѣзда пріобрѣтателей, тѣмъ болѣе что въ Вильнѣ и Кіевѣ находились въ то время ссудныя кассы Товарищества пріобрѣтателей. Торги же на продажу мелкихъ имѣній, оцѣненныхъ не выше 1.000 рублей, разрѣшалось производить въ остальное время года въ уѣздныхъ судахъ для удобства небогатыхъ мѣстныхъ пріобрѣтателей не-польскаго происхожденія.

Независимо отъ того были испрошены разныя незначительныя льготы въ дополненіе Положенія 5 марта 1864 года и инструкціи 23 іюля 1865 года, льготы впрочемъ не имѣвшія значенія для успѣховъ русскаго дѣла въ краѣ.

По примѣненіи же закона 10 декабря 1865 года возникали постоянно разныя разъясненія и дополненія, усложнявшія дѣлопроизводство всѣхъ канцелярій и учрежденій.

Воспрещеніе пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ было примѣняемо ко всѣмъ исповѣдующимъ латинство, а потому естественно возбуждало разныя недоразумѣнія при запрещеніи пріобрѣтать безусловно всякую земельную собственность внѣ городовъ, въ которыхъ впрочемъ было запрещено пріобрѣтать городскія недвижимыя имущества лицамъ высланнымъ изъ края и потому обязаннымъ продать свои имѣнія Русскимъ или Нѣмцамъ. На крестьянъ-латинянъ не было распространено запрещеніе пріобрѣтать небольшія земельныя угодья, если не было повода предполагать что они пріобрѣтаютъ на свое имя для Поляковъ, которые впрочемъ всегда могли находить подставныхъ лицъ имѣющихъ законное разрѣшеніе пріобрѣтать даже со льготами земельную собственность въ краѣ. Большинство подобныхъ подставныхъ лицъ, какъ на крупныя имѣнія (напримѣръ, рижскій богатый купецъ В. на громадныя имѣнія графа М. Тышкевича, высланнаго изъ края и потому обязаннаго продать ихъ въ двухгодичный срокъ), такъ на среднія и мелкія (какъ, напримѣръ, прусскій подданный Н., литовскій мѣщанинъ М. и многіе другіе), хорошо извѣстныхъ властямъ, всегда оказывались Нѣмцами, столь много говорящими о преданности Русскому правительству.

Все вниманіе русскаго общества было обращено на усиленіе русскаго землевладѣнія въ краѣ. Дѣло это заслоняло собою всѣ остальныя насущныя потребности края, какъ напримѣръ крестьянское дѣло, надѣленіе землей безземельныхъ, хотя бы Русскихъ православныхъ и старовѣровъ, народное образованіе, преобразованіе на новыхъ началахъ старыхъ отжившихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и много другихъ необходимыхъ для торжества русской народности мѣръ, въ числѣ коихъ едва ли не первое мѣсто занимало, возникшее по мысли знаменитаго Литовскаго митрополита Іосифа Сѣматки, предположеніе объ учрежденіи въ городѣ Вильнѣ православной духовной академіи. Графъ Муравьевъ, вполнѣ сочувствуя этому предположенію, не успѣлъ толо-

жить начала его осуществленію, а преемники его растрачивали свои силы на другіе, менѣе важные предметы. Открытіе дѣйствій Товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ было привѣтствуемо всѣми русскими людьми какъ самая дѣйствительная мѣра для привлеченія въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ. Мѣра эта служила прямымъ развитіемъ Положенія Западнаго комитета, Высочайше утвержденнаго 5 марта 1864 года, и на необходимость ея особенно указывалъ графъ Муравьевъ. Безъ этой мѣры Положеніе 5 марта 1864 года почти не имѣло примѣненія въ краѣ. Вновь открытое Товарищество было тѣмъ мостомъ по которому русскіе люди могли свободно переходить во вновь открытый для нихъ край. Одновременно съ тѣмъ возникли ходатайства объ открытіи частныхъ справочныхъ конторъ для облегченія покупателямъ собирать свѣдѣнія объ имѣніяхъ. Правительство, передавъ пятимилліонный фондъ Товариществу, дало ему возможность немедленно начать свои дѣйствія и тѣмъ облегчить русскимъ людямъ съ небольшими средствами пріобрѣтеніе имѣній и водвореніе на постоянное жительство въ краѣ. Въ то время не было еще въ Россіи никакихъ земельныхъ банковъ, а потому чиновникамъ пришлось создавать правила для ссудныхъ дѣйствій и въ особенности для оцѣнокъ земель въ краѣ еще столь мало изслѣдованномъ и почти неизвѣстномъ съ сельско-хозяйственной стороны составителямъ правилъ и уставовъ. Привлеченіе къ участію въ дѣйствіяхъ Товарищества служащихъ по крестьянскимъ дѣламъ могло обѣщать только въ будущемъ собраніе болѣе точныхъ данныхъ о цѣнности и качествѣ разныхъ земельныхъ угодій, въ видахъ большей соразмѣрности опредѣленія ссудъ съ доходностью имѣній. Вслѣдствіе этого возможны были ошибки и даже намѣренныя возвышенія оцѣнокъ для полученія бо́льшихъ ссудъ (опредѣленныхъ уставомъ въ половину оцѣнки пріобрѣтаемаго съ залогомъ имѣнія), въ особенности въ имѣніяхъ расположенныхъ въ болотномъ полѣсьѣ (южная часть Гродненской и Минской губерній). Къ сожалѣнію, нѣкоторыя лица обязанныя по своему служебному положенію наблюдать за правильностью дѣйствій Товарищества, сами подали поводъ къ нареканіямъ, что̀ и побудило графа Баранова назначить управляющимъ канцеляріей по водворенію, на мѣсто П. П. Штера, полковника П. А. Черевина, извѣстнаго еще со временъ графа Муравьева и пользовавшагося его особымъ довѣріемъ.

Не подлежитъ сомнѣнію что подобныя неправильности могли имѣть мѣсто только при началѣ дѣйствій Товарищества, по новизнѣ дѣла и неопытности главныхъ руководителей (совершенно безупречныхъ, душою преданныхъ русскому дѣлу) и при отсутствіи всякихъ данныхъ для контроля въ центральномъ правленіи Товарищества, находившемся въ С.-Петербургѣ.

Большинству русскихъ людей извѣстно съ какими невѣроятными (во всѣхъ другихъ государствахъ) затрудненіями приходилось бороться А. А. Зеленому при созданіи Товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ. Мысль эту А. А. Зеленый хранилъ до времени, опираясь на ходатайство о томъ всѣхъ бывшихъ до того времени генералъ-губернаторовъ сѣверо-и юго-западныхъ областей (графа Муравьева, К. П. Кауфмана, графа Баранова, Н. Н. Анненкова и А. П. Безака).

Вспомнимъ что въ то время Западный комитетъ былъ закрытъ, графъ Блудовъ уже сошелъ въ могилу, Н. А. Милютинъ былъ болѣе не у дѣлъ и боленъ. Понятно съ какимъ злорадствомъ смотрѣли на первые промахи юнаго Товарищества всѣ противники русскаго дѣла вообще, а въ Западной Россіи въ особенности. Не находилось въ Вильнѣ лицъ постигавшихъ непрочное положеніе Товарищества и могшихъ своимъ вліяніемъ внушить ему необходимость осторожности на первыхъ его шагахъ.

Ошибочно думали руководители дѣла что время сгладитъ всѣ шероховатости, а взаимная порука заемщиковъ выработаетъ болѣе точныя правила для осторожныхъ оцѣнокъ, непозорѣвая вѣроятно что дни Товарищества уже сочтены были со дня его открытія. Великая польза ожидалась отъ взаимной поруки, которая несомнѣнно сблизила бы новыхъ русскихъ собственниковъ общностью выгодъ и потерь и дала бы пріобрѣтателямъ имѣній возможность ближе узнать другъ друга, подавая въ нужныхъ случаяхъ взаимно руку помощи. Но не суждено было осуществиться этимъ благимъ вожделѣніямъ довѣрчивыхъ и неосторожныхъ русскихъ людей, забывшихъ на какой почвѣ имъ приходилось дѣйствовать и съ какою силой бороться. Сила для которой всѣ средства хороши, испугавшись дальнѣйшаго развитія дѣйствій Товарищества, слѣпила пустить въ Петербургѣ въ ходъ всѣ пружины тайной интриги противъ ненавистнаго ему русскаго

дѣла. Приближавшійся (10 декабря 1867 года) срокъ по истеченіи коего имѣнія лицъ высланныхъ изъ края и добровольно не продавшихъ оныя Русскимъ или Нѣмцамъ, должны были быть предъявлены къ торгамъ, побуждалъ польскую силу торопиться.

Въ то время возникло въ Петербургѣ, по почину нашихъ лендлордовъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, съ завистію смотрѣвшее на пятимилліонный фондъ предназначенный правительствомъ служить успѣхамъ, чуждаго имъ, русскаго дѣла въ западной Россіи. Не трудно было польской силѣ указать кому слѣдовало что этотъ фондъ могъ бы служить надежною поддержкой непрочнаго существованія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, залродавшагося на долгій срокъ иностранному банкиру Ротшильду, получающему всѣ барыши отъ этого дѣла. Вліятельные члены Общества Кредита сумѣли привлечь на свою сторону министра Финансовъ, и судьба Товарищества была уже рѣшена. Нужно было только выждать случай для объясненія законности причины закрытія. И случай скоро представился: А. А. Зеленый имѣлъ неосторожность ходатайствовать о дарованіи закладнымъ листамъ Товарищества правительственной гарантіи, въ то время когда подобныя гарантіи давались министромъ Финансовъ очень щедро на самыя ненадежныя предпріятія, почти безо всякаго разбора. Но для русскаго дѣла—статья иная. Въ самомъ ходатайствѣ А. А. Зеленаго была найдена законная причина для закрытія Товарищества скорѣе чѣмъ могли ожидать.

Вотъ какъ это случилось:

Принявъ въ соображеніе что на Товарищество возложена по Высочайшей волѣ обязанность при выдачѣ ссудъ изъ первой серіи закладныхъ листовъ Товарищества, на сумму до пяти милліоновъ рублей, замѣнять заемщикамъ листы эти наличными деньгами по нарицательной цѣнѣ листовъ (чего до сихъ поръ не дѣлаетъ ни одинъ изъ многихъ земельныхъ банковъ нынѣ существующихъ въ Россіи), съ покрытіемъ разницы между нарицательною и продажною цѣной листовъ этихъ изъ предоставленныхъ Товариществу отъ правительства денежныхъ средствъ, и что разница эта будетъ тѣмъ значительнѣе чѣмъ ниже будутъ стоять на биржѣ закладные листы,—А. А. Зеленый, въ видахъ сбереженія предназначенныхъ Товариществу отъ правительства денежныхъ пособій и въ

видахъ упроченія общественнаго довѣрія къ операціямъ Товарищества учрежденнаго правительствомъ для содѣйствія водворенію въ западной Россіи русскаго землевладѣнія, вошелъ съ представленіемъ о дарованіи закладнымъ листамъ Товарищества правительственной гарантіи.

Представленіе это было передано на разсмотрѣніе не въ коммиссію учрежденную 23 января 1867 года по ходатайству графа Баранова и даже не въ Комитетъ Министровъ, куда были переданы всѣ дѣла бывшаго Западнаго комитета, гдѣ слѣдовательно имѣлось много полезныхъ данныхъ по русскому дѣлу и гдѣ служили лица ему сочувствующія, а въ особо составленный комитетъ изъ лицъ которыя держались противоположныхъ взглядовъ.

Министръ Финансовъ не замедлилъ сообщить А. А. Зеленому что, по разсмотрѣніи его представленія, совмѣстно съ ходатайствомъ нѣкоторыхъ русскихъ землевладѣльцевъ (не упомянуто какихъ) о закрытіи Товарищества, въ особомъ комитетѣ, Государь Императоръ въ 9 (21) день іюня, согласно заключенію особаго комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Въ испрашиваемой министромъ Государственныхъ Имуществъ гарантіи закладнымъ листамъ Товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ отказать.

2. Товарищество это, какъ неимѣющее возможности существовать безъ гарантіи правительства, закрыть и немедленно сдѣлать распоряженіе о пріостановленіи въ немъ пріема заявленій и выдачи обѣщаній на ссуды.

3. Лицъ которымъ назначены уже ссуды, отъ мѣстныхъ кассъ Товарищества, удовлетворить слѣдуемыми имъ дѣйствительно суммами изъ источниковъ для сего опредѣленныхъ и съ сею цѣлію предоставить министрамъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ составить по взаимному соглашенію съ правленіемъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита относительно передачи оному какъ денежныхъ средствъ, дарованныхъ Товариществу (то-есть 14тимиліонный фондъ), такъ и обязательствъ признанныхъ подлежащими удовлетворенію изъ сихъ средствъ (то-есть разрѣшенныхъ, но еще невыданныхъ ссудъ, изъ процентовъ этого фонда, проценты о которыхъ въ послѣдствіи не было рѣчи въ правленіи Взаимнаго Кредита.)

(Смотри *Сборникъ Правительственныхъ Распоряженій по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ*, изданный въ Вильнѣ при особой канцеляріи по водворенію въ 1870 году.)

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ графу Баранову, А. А. Зеленый просилъ, между прочимъ, сдѣлать распоряженія: а) предложить Виленской ссудной кассѣ нынѣ же прекратить дальнѣйшій пріемъ и разсмотрѣніе ходатайствъ о выдачѣ ссудъ на покупку имѣній въ Западномъ краѣ и обѣщаніе таковыхъ ссудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приведя въ ясность все дѣлопроизводство кассы для сдачи назначеннымъ для пріема оной лицамъ, составить и представить полный съ подробными свѣдѣніями списокъ лицъ получившихъ уже ссуды и тѣхъ коимъ таковыя предназначены; б) опубликовать во всеобщее свѣдѣніе о прекращеніи дальнѣйшей выдачи ссудъ отъ товарищества, дабы лица заторговавшія имѣнія въ надеждѣ на ссуду отъ Товарищества знали что они болѣе не могутъ получить подобныхъ ссудъ отъ упраздненнаго Товарищества; в) доставить для сообщенія министру Финансовъ списокъ лицъ коимъ предназначены уже были отъ Товарищества ссуды для принятія мѣръ къ ихъ удовлетворенію.

Затѣмъ, по невозможности выдавать денежныя ссуды отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ согласно 8, 16 и 28 статей Положенія 5 марта 1864 года за некаопленіемъ еще въ то время достаточной суммы изъ денегъ выручаемыхъ чрезъ продажу казенныхъ имуществъ и оброчныхъ статей въ Западномъ краѣ, выдача свидѣтельствъ на право пользованія льготами по Положенію 5 марта 1864 года отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ была вовсе прекращена и предоставлена генералъ-губернаторамъ. Деньги же отъ продажи казенныхъ имуществъ въ послѣдствіи, при преемникѣ А. А. Зеленаго, получили другое назначеніе. Наконецъ, министръ Финансовъ въ сентябрѣ того же 1867 года исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи круговой поруки заемщиковъ бывшаго Товарищества, которые и были освобождены отъ данныхъ ими (при полученіи ссудъ) обязательствъ взаимнаго другъ за друга ручательства въ исправномъ взносѣ слѣдующихъ по ссудамъ ежегодныхъ платежей.

Тотчасъ по закрытіи Товарищества А. А. Зеленый уѣхалъ лѣчиться за границу.

Закрытіемъ Товарищества былъ нанесенъ жестокій, неоправимый ударъ русскому дѣлу относительно успѣховъ русскаго землевладѣнія въ краѣ. Польская сила торжествовала побѣду и мечтала о дальнѣйшихъ успѣхахъ.

Лица обязанныя продать свои имѣнія къ 10 декабря 1867 года не слѣшили, разчитывая на благопріятный для нихъ оборотъ дѣла, но въ этомъ ошиблись, какъ мы увидимъ ниже.

Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, при полученіи пятимилліоннаго фонда, обязалось предъ правительствомъ оказывать содѣйствіе успѣхамъ усиленія русскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ этихъ видахъ оно открыло въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ особыя конторы для выдачи ссудъ, которыя обязалось выдавать только лицамъ имѣющимъ свидѣтельства на право пользованія льготами по Положенію 5 марта 1864 года, слѣдовательно не Полякамъ, не Евреямъ и не иностранцамъ. Но условія выдачи ссудъ, благодаря отчасти сдѣлкѣ съ Ротшильдомъ, были таковы что самое ничтожное число лицъ пожелало воспользоваться услугами этихъ конторъ, которыя скорѣе существовали для ихъ управляющихъ. Послѣ мы вернемся своевременно къ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита и скажемъ какъ оно относилось къ успѣхамъ русскаго землевладѣнія въ Западной Россіи.

Кратковременное существованіе Товарищества (менѣе 8 мѣсяцевъ) указало правительству какимъ путемъ можно достигнуть успѣховъ русскаго землевладѣнія въ краѣ и чего именно опасается враждебная русскому дѣлу сила. Со сравнительно ничтожными денежными затратами, подлежащими постепенному возврату въ казну, русскіе люди получали возможность водвориться въ краѣ и при взаимномъ другъ за друга ручательствѣ могли соединить свои силы для совмѣстнаго служенія русскому дѣлу.

Товарищество могло бы существовать и безъ правительственной гарантіи его закладныхъ листовъ, выдавая заемщикамъ, какъ всѣ нынѣ существующіе земельные банки, ссуды закладными листами по биржевой цѣнѣ, вслѣдствіе чего первымъ заемщикамъ пришлось бы платить бо́льшіе проценты, но по всей вѣроятности не больше взимаемыхъ Обществомъ Взаимнаго Кредита. Наконецъ, въ этомъ могло бы придти на помощь Товарищество на счетъ процентовъ съ пятимилліоннаго фонда, впредь до установленія лучшей биржевой цѣны закладныхъ листовъ.

Во всякомъ случаѣ затраты казны на этотъ предметъ были бы гораздо производительнѣе затратъ казны на продажу чиновникамъ казенныхъ и конфискованныхъ имуществъ на весьма льготныхъ условіяхъ по правиламъ инструкціи 23 іюля 1865 года (указъ Сената 19 января 1866 года). По этой инструкціи были предназначены въ продажу на льготныхъ условіяхъ (съ разсрочкой погашенія на 20 лѣтъ безъ процентовъ — служащимъ въ видѣ награды за службу въ краѣ и на 37 лѣтъ погашенія по банковымъ правиламъ — не служащимъ) имущества по весьма низкой казенной оцѣнкѣ оныхъ, оцѣнкѣ, которая иногда при усердіи чиновниковъ не превышала ежегоднаго дохода отъ тѣхъ имуществъ.

Большинство конфискованныхъ имѣній были обременены болѣе или менѣе дутыми долгами или обязательствами, на удовлетвореніе коихъ и были проданы тѣ имѣнія по настоящимъ оцѣнкамъ съ торговъ (безъ разсрочки) или безъ торговъ лицамъ пріобрѣтшимъ всѣ долговыя по тому имѣнію претензіи, нерѣдко превышавшія оцѣнку имѣнія, такъ напримѣръ пріобрѣтены имѣнія въ Гродненской губерніи—Езіоры графомъ Н. В. Левашевымъ, Ковенской—Кейданы, графомъ Э. И. Тотлебеномъ и пр.

По многимъ же конфискованнымъ имѣніямъ обремененнымъ долгами, или подлежащимъ конфискаціи въ частяхъ, заинтересованныя лица сумѣли воспользоваться неудачно составленными правилами 26 января 1868 года о ликвидаціи долговъ (указъ Сената 23 февраля 1868 года) и правилами 7 декабря 1867 года о выдѣлѣ конфискованныхъ частей (указъ Сената 22 января 1868 года), и могли затянуть по бывшимъ послѣ 1831 года примѣрамъ, въ разныхъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, дѣла до Высочайше утвержденныхъ 13 мая 1873 года и 3 февраля 1874 года положеній Комитета Министровъ, коими повелѣно: всѣ дѣла по конфискованнымъ имѣніямъ прекратить и вновь не вчинать, а всѣ имѣнія по коимъ дѣла не окончены производствомъ къ маю 1873 года—освободить вовсе отъ конфискаціи. Этимъ повелѣніямъ дано въ Сѣверо-Западномъ краѣ самое широкое примѣненіе, и сумѣвшіе затянуть дѣла остались въ выигрышѣ, какъ это случилось и послѣ мятежа 1831 года, съ тою только разницей что тогда дѣла были затянуты мѣстными польскими чиновниками не на 10, а на 30 лѣтъ, то-есть до указа 6 декабря 1862 года, указа коимъ (почти наканунѣ мятежа 1863 года) Высочайше повелѣно всѣ непоступившія

по конфискаціи въ казну имѣнія оставить за владѣльцами и дѣла по нимъ прекратить.

Такъ были поощряемы Поляки умѣвшіе обходить русскіе законы. Но при этомъ конечно пострадали нѣкоторые русскіе люди получившіе въ награду за службу конфискованныя имѣнія, теперь отобранныя отъ нихъ въ пользу бывшихъ мятежниковъ.

Такимъ образомъ самое небольшое число конфискованныхъ имѣній поступило въ продажу на льготныхъ условіяхъ; нѣкоторыя имѣнія поступали въ продажу (безъ разсрочекъ) въ пользу кредиторовъ, а значительная часть по особому Монаршему милосердію возвращена бывшимъ мятежникамъ или ихъ наслѣдникамъ.

Слѣдовательно почти одна казенныя земли поступили въ продажу по правиламъ инструкціи 23 іюля 1865 года и притомъ уже послѣ удовлетворенія потребности въ земельномъ надѣлѣ мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, бобылей, огородниковъ и отставныхъ солдатъ, тѣмъ болѣе что огромное большинство казенныхъ фермъ было образовано польскими чиновниками на счетъ благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ, съ цѣлью отдачи въ аренду польской шляхтѣ или сосѣднимъ помѣщикамъ. Нѣкоторыя казенныя фермы (Виленской и Ковенской губерній) поступили въ надѣлъ русскимъ простолюдинамъ на правахъ русскихъ поселенцевъ. Водвореніе этихъ людей продолжалось при графѣ Барановѣ такъ же неудовлетворительно какъ и при его предмѣстникѣ. Объ этомъ мы будемъ говорить подробно далѣе, описывая какъ несчастные русскіе поселенцы чуть не умирали отъ голоду въ неурожайный въ Сѣверо-Западномъ краѣ 1868 годъ, когда вопли голодающихъ представителей русскаго дѣла наконецъ обратили на нихъ вниманіе русскихъ властей въ краѣ.

При образованіи выкупныхъ участковъ изъ остальныхъ казенныхъ фермъ не всегда соблюдались необходимыя условія для веденія самостоятельнаго хозяйства, хотя и прирѣзывались къ нимъ иногда казенныя лѣсныя пространства, а иногда и казенныя оброчныя статьи (для доходности) необходимыя для крестьянскихъ обществъ. Оцѣнку дѣлали самую произвольную, въ особенности когда, разчитывая сами получить образуемые участки (въ видѣ награды за службу), не принимали уже въ разчетъ нужды мѣстныхъ крестьянъ или

необходимость водворить русскихъ поселенцевъ въ тѣхъ мѣстахъ. Не добрую память о себѣ оставили въ краѣ многіе чиновники государственныхъ имуществъ (люстраторы), въ особенности по дѣлу образованія выкупныхъ участковъ. Министерство наблюдало только за формальною, канцелярскою стороной дѣла, утверждая оцѣнки по бумажнымъ даннымъ своихъ чиновниковъ.

Такимъ путемъ было образовано въ шести областяхъ Сѣверо-Западнаго края до 600 выкупныхъ участковъ весьма разнообразныхъ по размѣрамъ (отъ 20 до 6.000 дес.), по качествамъ почвы и по удобствамъ для веденія хозяйства, заключающихъ въ себѣ въ общей сложности до 70.000 дес. земли.

Участки были образуемы постепенно, начиная съ 1866 года въ продолженіе 7 или 8 лѣтъ, и по утвержденіи проектовъ образованія и оцѣнокъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ распредѣлялись главнымъ начальникомъ края между множествомъ просителей, начиная со времени графа Баранова (1866—1874 годы). Лучшіе по качеству были распредѣлены графомъ Барановымъ, а именно: 103 лицамъ предоставлено въ общей сложности до 42.120 дес. земли во всѣхъ шести губерніяхъ. Нѣкоторымъ лицамъ дано по два и болѣе участковъ даже изъ числа предназначенныхъ по размѣрамъ (20—50 дес.) исключительно народнымъ наставникамъ и русскимъ волостнымъ писарямъ (Высочайшее повелѣніе 24 марта 1867 года; указъ Сената 24 апрѣля 1867 года). Невозможно опредѣлить чѣмъ именно руководились при распредѣленіи участковъ какъ при графѣ Барановѣ, такъ и послѣ него. Канцелярія по водворенію, въ которой производились дѣла по представленіямъ избранныхъ лицъ министру Государственныхъ Имуществъ для испрошенія Высочайшихъ соизволеній на льготную продажу, буквально осаждалась множествомъ самыхъ разнообразныхъ личностей, искателей легкой наживы на счетъ казны, на законномъ основаніи, изъ среднихъ и мелкихъ чиновниковъ, вовсе неспособныхъ къ сельскому хозяйству, отъ водворенія коихъ въ краѣ можно было менѣе всего ожидать пользы для русскаго дѣла.

Первые и лучшіе участки тогда получили лица ближайшія къ генералъ-губернатору, какъ, напримѣръ, генералы А. М. Дрентельнъ, А. А. Деревицкій, А. Г. Казначеевъ (бывшій ковенскій губернаторъ, нынѣ сенаторъ), чиновники особыхъ порученій: князь П. А. Урусовъ и А. Д. Лаптевъ, жандармскій

полковникъ (нынѣ генералъ) А. М. Лосевъ, генералъ-адъютантъ С. Е. Кушелевъ, правитель канцеляріи Е. П. Стеблинъ-Каменскій (въ послѣдствіи виленскій губернаторъ), нѣкоторые чиновники той канцеляріи, какъ, напримѣръ, начальникъ политическаго отдѣленія М. М. Яковлевъ (въ послѣдствіи юристъ-консультъ III Отдѣленія), Н. И. Никотинъ, Н. С. Макаровъ (въ послѣдствіи правитель канцеляріи) и др.; въ особенности удачно сумѣлъ получить Ѳ. Д. Климовъ, служившій въ то время по крестьянскимъ учрежденіямъ въ Минской губерніи, въ послѣдствіи извѣстный по Уфимскимъ землямъ (нынѣ уволенный отъ службы по 3му пункту) вмѣстѣ съ другими дѣятелями казеннаго хищенія. Также удачно получили нѣкоторые предсѣдатели люстраціонныхъ коммиссій и пр. Вообще получали тѣ кто умѣлъ получать.

Большинство изъ нихъ въ болѣе или менѣе скорое время продали свои имѣнія съ хорошею для себя выгодой. Очень немногіе изъ нихъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ и соотвѣтствуютъ цѣли ради которой имъ оказана милость.

Затрудненіе находить арендаторовъ и управляющихъ побуждаетъ нѣкоторыхъ обходить законъ воспрещающій имъ имѣть дѣла съ Поляками и Евреями.

VI.

По точному смыслу 2й части закона 10 декабря 1865 года высланные изъ края владѣльцы секвестрованныхъ имѣній (за исключеніемъ въ послѣдствіи владѣльцевъ въ частяхъ) обязаны были въ двухгодичный срокъ съ 10 декабря 1865 года продать свои имѣнія въ Западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія, православнаго или протестантскаго вѣроисповѣданія, или же вмѣсто продажи промѣнять симъ лицамъ свои имѣнія состоящія въ Западномъ краѣ на частныя имѣнія находящіяся въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, съ освобожденіемъ договаривающихся отъ крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ. Причемъ постановлено что если какія-либо имѣнія изъ подлежащихъ обязательной продажѣ или промѣнѣ не будутъ добровольно проданы или промѣнены въ установленный двухгодичный срокъ (то-есть до 10 декабря 1867 года), то по минованіи сего срока, означенныя имѣнія должны быть оцѣнены тѣмъ же способомъ какой установленъ для

оцѣнки казенныхъ имѣній продаваемыхъ нынѣ въ Западномъ краѣ, и затѣмъ подвергнуты въ пользу владѣльцевъ публичной продажѣ, начиная торги съ оцѣночной суммы и съ соблюденіямъ притомъ правилъ изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ 5 марта 1864 года Положеніи о льготахъ при покупкѣ имѣній въ Западномъ краѣ. При неуспѣшности же публичныхъ торговъ брать вышеупомянутыя имѣнія въ казну по оцѣночной суммѣ, съ назначеніемъ съ этой суммы въ пользу бывшихъ владѣльцевъ ежегодной 5% ренты. Вышеупомянутыя правила относительно секвестрованныхъ имѣній распространялись вполнѣ и на имѣнія тѣхъ высланныхъ изъ Западнаго края лицъ которыя, на основаніи произведеннаго вновь пересмотра дѣлъ объ участіи ихъ въ мятежѣ, признаны подлежащими одинаковой со владѣльцами секвестрованныхъ имѣній отвѣтственности.

Ясный смыслъ Высочайшей воли, не допускающій ловидимому никакихъ сомнѣній, не лишилъ однако Поляковъ на коихъ законъ распространялся надежды какъ-нибудь отклонить это непріятное для нихъ постановленіе высшей власти и спасти отъ обязательной продажи болѣе двухсотъ имѣній въ полномъ составѣ, во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Подлежащія обязательной продажѣ въ частяхъ имѣнія были освобождены (Высочайшее повелѣніе 4 декабря 1867 года) отъ продажи впредь до измѣненія правилъ о выдѣлѣ тѣхъ частей. Замѣтимъ кстати что правила эти не были составлены въ продолженіе почти шести лѣтъ, до тѣхъ поръ пока, по Высочайшимъ повелѣніямъ 13 мая 1873 года и 3 февраля 1874 года, всѣ дѣла возникшія по имѣніямъ, вслѣдствіе мятежа 1863 года, были прекращены. И въ этомъ случаѣ Полякамъ выгодно было затянуть дѣла до болѣе благопріятныхъ для нихъ временъ.

Немногіе паны сумѣли обойти законъ продавъ свои имѣнія подставнымъ лицамъ; такъ, напримѣръ, богатый графъ И. Т. продалъ свои огромныя имѣнія рижскому купцу В., а когда времена перемѣнились и графу И. Т. было разрѣшено не только вновь вернуться въ край, но и пользоваться всѣми правами русскихъ людей (то-есть за участіе въ мятежѣ были даны преимущества предъ Поляками въ мятежѣ не уличенными, а слѣдовательно благонадежными), купецъ В. возвратилъ графу Т. имѣнія для виду ему проданныя, причемъ по распоряженію А. Л. Потапова графъ Т. былъ избав-

ленъ даже отъ значительныхъ (по цѣнѣ имѣній) крѣпостныхъ пошлинъ, какъ пользующійся правами русскихъ людей.

Съ осени 1867 года было приступлено къ составленію описей и оцѣнкѣ имѣній непроданныхъ добровольно. Правила для описей и оцѣнки были составлены по соглашенію съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Учреждена въ городѣ Вильнѣ центральная по этимъ дѣламъ коммиссія въ предсѣдательствѣ помощника генералъ-губернатора, М. И. Черткова, а въ губерніяхъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ губернаторовъ и сверхъ того особыя уѣздныя оцѣночныя коммиссіи. Ко множеству уже существовавшихъ въ краѣ коммиссій прибавлено было не мало новыхъ. Возбуждалось много вопросовъ и большая переписка для оцѣнки не болѣе ста имѣній во всѣхъ шести губерніяхъ края.

По исполненіи всѣхъ сложныхъ обрядностей, описи съ оцѣнками должны были поступить въ Виленское губернское правленіе для предъявленія имѣній на торги въ январьскій 1868 года срокъ. На эти торги явилось много желающихъ торговаться, и многія имѣнія были проданы значительно выше оцѣнокъ за наличныя деньги, безъ ссудъ и содѣйствія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и его Виленской конторы. Менѣе десяти имѣній не были проданы по не явкѣ желающихъ торговаться и по силѣ закона 10 декабря 1865 года поступили во владѣніе казны съ выдачей владѣльцамъ или ихъ кредиторамъ 5% ренты съ оцѣночной суммы. Но только конфискованныя имѣнія были обременены значительными долгами. Въ послѣдствіи принятыя въ казну имѣнія были проданы русскимъ чиновникамъ съ разсрочкой платежа на тридцать семь лѣтъ по банковымъ правиламъ, какъ, напримѣръ, камергеру П. Н. Спасскому, витебскому вице-губернатору Н. Н. Мезенцову и др.

Первая часть закона 10 декабря 1865 года, воспрещающая Полякамъ вновь пріобрѣтать поземельную собственность въ краѣ иначе какъ путемъ наслѣдства по закону, сильно отозвалась на всѣхъ сдѣлкахъ по продажѣ имѣній. Многіе всѣми силами удерживались отъ продажи, склоняли кредиторовъ своихъ къ разнымъ сдѣлкамъ и соглашеніямъ, даже Евреи соглашались ждать измѣненій строгаго закона. Всѣ разчитывали что подобный законъ не удержится долго въ Россіи.

Дѣйствительно, почти съ самаго изданія закона начались исключенія въ пользу разныхъ благонадежныхъ лицъ,

причемъ улускалось изъ виду что этими исключеніями нарушается самый смыслъ закона, цѣль его и самая справедливость. Если лица изъятыя отъ его дѣйствія даже дѣйствительно были благонадежны, то развѣ можно было ручаться за ихъ законныхъ наслѣдниковъ? Кромѣ того, цѣль закона заключалась въ привлеченіи новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ, а не Поляковъ благонадежныхъ (?), какихъ ло казеннымъ даннымъ всегда найдется не мало до открытія ихъ тайныхъ ломысловъ и дѣйствій.

Первымъ изъятымъ отъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 года былъ виленскій губернскій предводитель дворянства А. Ѳ. Домейко (раненъ наемнымъ кинжальщикомъ отъ мятежнаго ржонда польскаго), къ чести коего нужно сказать что до самой смерти своей онъ не воспользовался ни разу даннымъ ему правомъ пріобрѣтать земельную собственность въ Западномъ краѣ. О другихъ лицахъ нельзя сказать того же. Затѣмъ эта милость была оказана генералъ-адъютанту графу Ржевусскому и нѣкоторымъ другимъ. Но съ 1869 года, какъ мы увидимъ далѣе, число лицъ изъятыхъ отъ закона 10 декабря 1865 года возросло до значительной цифры, и большинство изъ нихъ, въ особенности нѣкоторые богатые, какъ, напримѣръ графъ І. Т., широко пользовались даннымъ имъ дозволеніемъ пріобрѣтать поземельную собственность въ краѣ.

Процентный сборъ лежавшій прежде равномѣрно на всѣхъ ломѣщикахъ Сѣверо-Западнаго края теперь слагался со многихъ благонадежныхъ (по мнѣнію начальства) Поляковъ, число коихъ возрастало ежегодно, возвышая тѣмъ самымъ платежъ остальныхъ, такъ какъ общая сумма сбора съ Сѣверо-Западнаго края оставалась неизмѣнною до 1870 года. Въ доказательство несправедливости милостей начальства можно уломянуть что вполнѣ преданный правительству, прослужившій всю службу въ гвардіи, генералъ-адъютантъ С. В. Мерхилевичъ, женатый на Русской, имѣющій православныхъ дѣтей, платилъ до самой смерти процентный сборъ по своему имѣнію въ Западномъ краѣ, отъ котораго были освобождены нѣкоторые участники мятежа. Подобный примѣръ не былъ единственнымъ. Всѣ платившіе процентный сборъ могли указать много случаевъ непонятнаго освобожденія отъ платежа богатыхъ лановъ.

Народное образованіе, которому при графѣ Муравьевѣ дано было настоящее обще-образовательное направленіе, съ исключеніемъ польскихъ особенностей, находилось съ того времени въ вѣдѣніи добродушнаго И. П. Корнилова. Публичная библіотека съ музеемъ, коммиссія по разбору древнихъ актовъ, астрономическая обсерваторія служили воспоминаніемъ о прежнихъ временахъ.

Гимназіи установили наблюденіе за ученическими квартирами, стараясь не допускать къ ихъ содержанію неблагонадежныхъ лицъ польскаго происхожденія, могущихъ имѣть вредное вліяніе на юношество, получившее уже по большей части превратныя понятія въ семейномъ быту до пріѣзда въ гимназическіе города. Много новыхъ учителей было вызвано изъ русскихъ областей. На Жмуди много зажиточныхъ крестьянъ-хозяевъ отдавали своихъ сыновей въ Шавельскую гимназію, съ цѣлію подготовить ихъ для духовно-латинской семинаріи. Но бѣдные Бѣлоруссы почти никогда, а Литвины очень рѣдко попадали въ гимназіи по недостаточности средствъ къ подготовленію и дороговизнѣ содержанія въ городскихъ гимназіяхъ, наполнявшихся преимущественно туземнымъ городскимъ населеніемъ, сильно ополяченнымъ. То же можно сказать и о женскихъ гимназіяхъ. Съ того времени и Евреи начали поступать въ гимназіи, а затѣмъ въ реальныя училища. Отъ наплыва учащихся русскимъ дѣтямъ съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе поступать въ учебныя заведенія.

Было обращено вниманіе на частныя учебныя заведенія, гдѣ преподаваніе велось по прежнимъ польскимъ преданіямъ, успѣшно ускользая отъ вниманія начальства.

Уѣздныя училища по своей совершенной несоотвѣтственности привлекали мало учащихся и существовали болѣе для своихъ начальствъ чѣмъ для нуждъ населенія.

Русскія народныя школы, вызванныя къ жизни графомъ Муравьевымъ, поддержанныя при К. П. Кауфманѣ, по незначительному ихъ числу не могли вполнѣ удовлетворять народнымъ потребностямъ, тѣмъ болѣе что въ Сѣверо-Западномъ краѣ нѣтъ большихъ селъ и деревень, а крестьяне живутъ разбросанно, односельями, что крайне затрудняетъ, въ особенности въ ненастную погоду, исправное посѣщеніе школъ. Латинское духовенство всѣми средствами отвращало народъ отъ русскихъ школъ, выставляя ихъ проводниками православія. Лучшіе мировые посредники всѣмъ своимъ вліяніемъ

побуждали народъ строить зданія для школъ, посылать дѣтей въ школы и оказывать поддержку народнымъ наставникамъ въ чуждой имъ и часто иновѣрной средѣ. Содержаніе послѣднимъ изъ волостныхъ правленій выдавалось неисправно, равно какъ и ссылка, то-есть нѣкоторое количество хлѣба изъ общественныхъ запасовъ (по назначенію графа Муравьева). Понятно насколько было важно участіе мировыхъ посредниковъ въ судьбѣ этихъ бѣдныхъ тружениковъ русскаго дѣла и въ какой зависимости отъ нихъ находилось самое существованіе народныхъ школъ.

Занятія въ школахъ начинались обыкновенно позднею осенью и оканчивались раннею весной, вслѣдствіе необходимости въ дѣтяхъ для домашнихъ работъ. Не только женскихъ школъ, но даже женскихъ смѣнъ было очень мало; народъ какъ будто отвергалъ всякую необходимость дѣвочкамъ чему-либо учиться. Медленно подвигалось дѣло женскаго образованія. Между тѣмъ какъ въ этомъ краѣ, гдѣ суевѣрная, фанатически преданная костелу и его служителямъ, женщина властвуетъ въ семьѣ,—въ особенности было бы важно распространеніе въ темной средѣ хотя немногихъ здравыхъ понятій для воспитанія будущихъ поколѣній. Для этой цѣли были бы полезны наставницы. Но если затруднительно было положеніе наставниковъ въ сельской средѣ, то понятно насколько было хуже положеніе наставницъ если только онѣ не пользовались покровительствомъ семействъ мѣстныхъ православныхъ священниковъ, которыхъ было такъ мало на Жмуди и въ части Литвы.

Трудно было въ то время достать не только хорошихъ, но и какихъ бы то ни было наставниковъ для всѣхъ народныхъ школъ. Недавно открытая Молодеченская учительская семинарія могла снабжать своими питомцами лишь немногія школы. Поэтому по необходимости не приходилось быть особенно разборчивымъ въ назначеніи лицъ на эти скромныя и плохо оплачиваемыя должности. На ряду съ хорошими наставниками, окончившими курсъ духовныхъ семинарій и ожидавшихъ священническихъ мѣстъ, находились отставные писаря, разные недоучки и т. п. Составъ дирекцій народныхъ училищъ заставлялъ желать много лучшаго. На важныя должности инспекторовъ народныхъ училищъ обыкновенно назначали негодныхъ и неспособныхъ старыхъ учителей и т. п. Подобные инспектора не только не могли руководить наставниковъ, но сами едва ли не больше ихъ нуждались въ руко-

водствѣ, представляя имъ иногда очень дурные примѣры собственнымъ поведеніемъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ дѣло народнаго образованія было поставлено, несмотря на всю его важность для будущихъ судебъ края, гораздо хуже средняго городскаго образованія.

Независимо отъ сего тайныя польскія школы существовали по прежнему и производили смуту въ умахъ мало развитаго населенія.

Не обращалось должнаго вниманія на существенно важное дѣло образованія подростающихъ поколѣній освобожденнаго и призваннаго къ новой жизни народа, нуждающагося прежде всего въ умственномъ и нравственномъ развитіи и усвоеніи здравыхъ понятій чтобы разсѣять ту искусственную тьму и ложь которыми онъ опутанъ какъ сѣтью.

Кромѣ тайныхъ польскихъ школъ, существовали на Жмуди (близъ границъ Пруссіи) открытыя нѣмецкія школы, исключительно для онѣмеченія туземнаго населенія. Одна изъ важнѣйшихъ находилась въ мѣстечкѣ Таурогенѣ (гдѣ пограничная таможня); отъ нея распространились въ разныя стороны подвѣдомственныя ей школы. Цѣлый рядъ подобныхъ школъ достигалъ блестящихъ результатовъ, и значительная (южная) часть Россіенскаго уѣзда была совершенно онѣмечена. Русскія школы въ тѣхъ мѣстностяхъ оставались безъ учениковъ. Все это происходило на глазахъ русскихъ властей, долгое время безо всякаго вмѣшательства власти, не возбуждая даже любопытства разныхъ коммиссій и канцелярій въ Вильнѣ, обратившихся къ концу 1867 года всецѣло въ обширную канцелярію.

Православное духовенство въ то время было уже болѣе или менѣе обезпечено. Вновь вызванные изъ внутреннихъ областей священники не всегда удовлетворяли мѣстнымъ условіямъ и далеко были ниже мѣстныхъ наслѣдственныхъ борцовъ за православіе, а тѣмъ самымъ и за русское дѣло.

Вновь прибывшіе священники въ большинствѣ случаевъ не были подготовлены къ своему высокому призванію, а народъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на пастырей, а какъ на казенныхъ чиновниковъ (начальниковъ). Въ особенности это бросалось въ глаза во вновь присоединенныхъ приходахъ, гдѣ польско-латинская сила уже сѣяла, почуявъ новыя вѣянія, броженіе между вновь присоединенными изъ латинства крестьянами. Изъ разныхъ мѣстностей стали поступать

прошенія о возвратѣ въ латинство, прошенія не рѣдко подписанныя давно умершими; крестьяне перестали посѣщать православные храмы, исполнять требы у православныхъ священниковъ, даже крестить дѣтей, заключать браки и т. п.

Все это было остановлено извѣстными словами покойнаго Царя-Освободителя при проѣздѣ чрезъ Вильну въ Парижъ на Всемірную Выставку, когда онъ, обратясь къ ново-присоединеннымъ крестьянамъ, громко и внятно сказалъ что радъ ихъ видѣть добровольно возвратившимися къ вѣрѣ ихъ предковъ, но что отпаденій не будетъ допущено. Слова эти быстро разнеслись по всему краю и успокоили броженіе.

Постройка новыхъ православныхъ храмовъ, исправленіе старыхъ и передѣлка нѣкоторыхъ костеловъ въ церкви, равно какъ и постройка помѣщеній для причта, продолжалась при графѣ Барановѣ какъ и прежде. Надлежитъ замѣтить что съ этимъ дѣломъ въ Западной Россіи связано имя П. Н. Батюшкова, посланнаго въ Западную Русь по Высочайшему повелѣнію еще до 1863 года для церковно-строительнаго дѣла. Прекрасную оставилъ по себѣ память П. Н. Батюшковъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей Сѣверо-Западнаго края какъ попечитель Виленскаго учебнаго округа; къ сожалѣнію, должность эта по желанію А. Л. Потапова и графа П. А. Шувалова слишкомъ скоро была имъ оставлена противъ своего желанія. П. Н. Батюшковъ извѣстенъ еще русскимъ людямъ по изданію (по Высочайшему повелѣнію) *Памятниковъ русской старины въ Западной Россіи*, въ коихъ такъ наглядно представляется нашимъ взорамъ вѣчный упрекъ нашему равнодушію къ близкому намъ Литовско-Русскому народу до послѣдняго времени. Къ крайнему прискорбію, это роскошное и полезное изданіе преждевременно прекратилось. Русскіе люди нетерпѣливо ожидаютъ его возобновленія и продолженія по тѣмъ же даннымъ и въ столь же роскошномъ видѣ, при тѣхъ же или подобныхъ сотрудникахъ.

При этомъ нельзя не замѣтить что мѣста для церквей выбирались неудачно, вопреки указаніямъ графа Муравьева строить церкви на высокихъ и видныхъ мѣстахъ, а большинство построекъ возводилось крайне неудовлетворительно. Нѣкоторые при этомъ грѣли себѣ руки. Обиліе разныхъ коммиссій и присутствій были едва ли не главною причиной писарскаго отношенія къ этому дѣлу. Указывая на непрочность этихъ зданій, Поляки утверждали что подобно имъ непрочно

самое русское дѣло въ краѣ, сравнивая его съ работой іезуитовъ и съ гордостью указывая на великолѣпныя твердыни монастырей и костеловъ Латинской церкви, выдержавшихъ уже столько вѣковыхъ переворотовъ. Наконецъ, самый видъ скромнаго и бѣднаго православнаго храма рядомъ съ огромнымъ костеломъ вліялъ на населеніе. Въ костелѣ раздавались звуки изряднаго органа, а у насъ гнусилъ плохой причетникъ и полъ слѣпилъ отхватать обѣдню въ пустомъ храмѣ. Лучшіе православные священники, несмотря на убогую обстановку, умѣли устроить изрядные хоры лѣвчихъ и успѣвали привлекать въ храмы богомольцевъ, иногда даже иновѣрцевъ. Такъ велико значеніе добросовѣстнаго отношенія къ сему святому дѣлу истинныхъ пастырей, а не чиновниковъ.

Въ то время во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ русскіе люди много говорили о необходимости учрежденія въ Вильнѣ, центрѣ полонизаціи края, православной духовной академіи на самыхъ широкихъ основаніяхъ; въ то время какъ большинство Поляковъ желало открытія или, лучше сказать, возстановленія Виленскаго университета, передѣланнаго въ 1803 году памятнымъ всему краю княземъ А. Чарторыйскимъ изъ бывшей іезуитской академіи. Въ томъ университетѣ, богато обставленномъ на деньги русской казны, оставлена была неприкосновенною задача іезуитовъ—подавленіе въ краѣ всего православнаго и русскаго, при усиленной полонизаціи края и народа, и можно сказать что университетъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него ожиданія. Вотъ почему столь желательно нѣкоторымъ возстановленіе университета съ подобными преданіями, а русскимъ людямъ такъ дорога мысль знаменитаго Литовскаго митрополита Іосифа Сѣматка объ открытіи именно въ городѣ Вильнѣ православной духовной академіи. Но эта благая мысль, завѣтное желаніе всѣхъ русскихъ людей Литовской Руси, не могла чрезъ множество коммиссій и канцелярій дойти до графа Баранова, который несомнѣнно далъ бы ей законный ходъ и поддержалъ бы своимъ сильнымъ вліяніемъ. Изложивъ краткій обзоръ судебъ русскаго дѣла на Литовской Руси во время управленія графа Баранова (1866—1868), мы должны сказать что тогда польская сила, почуявъ свое значеніе въ Петербургѣ, вновь принялась уничтожать успѣхи русской силы въ Литвѣ, съ марта 1863 года. Слабость власти въ краѣ, неимѣніе дѣятельныхъ, способ-

ныхъ и преданныхъ дѣлу тружениковъ, чиновническое отношеніе ко всѣмъ дѣламъ подготовляло постепенный переходъ отъ временъ Муравьева ко временамъ А. Л. Потапова и его преемниковъ. Въ воздухѣ уже носилась мысль о забвеніи, примиреніи путемъ приниженія всего русскаго и православнаго для новаго торжества шляхетскаго латинства. Въ то время столь опасныя вѣянія конечно еще только показывались на горизонтѣ, но уже были видимы простымъ глазомъ.

Графъ Барановъ, какъ говорили, вовсе не желалъ принимать отвѣтственный, предъ судомъ исторіи, постъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. Вступивъ же по волѣ Монарха въ управленіе краемъ, онъ предоставилъ всѣмъ идти своимъ путемъ, ничего не измѣняя, устраняя свое личное вмѣшательство. Но въ то время (съ 1866 года) многое измѣнилось во внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ. Новые высшіе сановники въ Петербургѣ смотрѣли на русское и польское дѣло особыми глазами, въ особенности нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ, какъ, напримѣръ, графъ П. А. Шуваловъ, П. А. Валуевъ и др.

Графъ Барановъ пользовался исключительнымъ положеніемъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, а потому могъ дѣйствовать самостоятельно; но крайне неудовлетворительный составъ (за немногими исключеніями) его ближайшихъ сотрудниковъ и вообще высоко поставленныхъ должностныхъ лицъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ не допускалъ возможности сознательно полезныхъ дѣйствій, хотя графъ Барановъ своимъ вліяніемъ и могъ бы достигнуть желаемаго результата. Такъ однажды, будучи недоволенъ тѣмъ что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ уменьшаетъ награды къ коимъ были имъ представлены служащіе въ краѣ, графъ лично исходатайствовалъ утвержденіе всѣхъ наградъ по его представленіямъ, сообщивъ о семъ для свѣдѣнія министру.

Отозваніе графа Баранова изъ Вильны не произвело особаго впечатлѣнія въ Краѣ, гдѣ уже привыкли къ перемѣнамъ главныхъ начальниковъ. Но русскіе люди не могли ожидать того что̀ послѣдуетъ въ краѣ въ продолжительное управленіе преемника графа Баранова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. МОРОЗОВЪ.

ЗА УРАЛЪ! *

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СИБИРИ.

XI.

Въ домѣ Горскихъ шла суета. Наступилъ день рожденія Николая Павловича, любимый праздникъ въ семьѣ. По заведенному обычаю, къ обѣду приглашались лишь самые близкіе знакомые, а вечеромъ всѣ тѣ съ кѣмъ Николай Павловичъ водилъ хлѣбъ-соль. Приглашенія къ обѣду дѣлалъ самъ виновникъ празднества и, кромѣ Анны Павловны, никто не зналъ именъ приглашенныхъ. За большимъ столомъ могло помѣститься не болѣе восемнадцати человѣкъ, и потому болѣе десяти приглашенныхъ не бывало. Дѣтей очень интересовало получатъ ли приглашеніе ихъ новые друзья Терминъ и Нилов, которые совершенно ихъ очаровали. Коля, Саша и маленькій Володя полюбили болѣе Нилова, Вѣра и Митя отдавали предпочтеніе Термину.

Послѣ ранней обѣдни, которую Николай Павловичъ отстоялъ вмѣстѣ съ мальчиками, отецъ Яковъ первый явился поздравить семью и отслужилъ молебенъ. Горячо молилась

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6 1883 года.

Анна Павловна, благодаря Бога за сохраненіе мужа, который за шестнадцать лѣтъ супружества ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, никого не ставила ни въ мысляхъ, ни въ сердцѣ выше своего перваго друга—жены. Припомнились ей тѣ горькіе и тяжелые дни, когда подавленная крупными и мелкими неудачами, которыя преслѣдовали ихъ въ первые года супружества, она подчасъ рѣзко и жестко относилась къ мужу и сама того не замѣчая, растравляла уколы и раны, которыми награждали Николая Павловича и враги, и начальники. Ей было жутко вспомнить ту горькую усмѣшку и тотъ страдальчески ласковый взглядъ которыми онъ отвѣчалъ на ея упреки или колкости. Въ то время этотъ взглядъ ее только злилъ; его усмѣшка казалась ей аффектированною, дѣланною, и только тутъ, въ глухомъ уголкѣ страны ссыльныхъ, она поняла что зачастую онъ былъ правъ, что любовь и уваженіе хотя бы маленькаго общества дороже и цѣннѣе тѣхъ наружныхъ знаковъ почтенія которыми она такъ дорожила отъ безсердечныхъ, черствыхъ столичныхъ знакомыхъ.

Она молилась и за дѣтей, за тѣхъ самыхъ дѣтей которыхъ она прежде считала лишними, появленіе которыхъ встрѣчала со страхомъ за нихъ, за ихъ будущее, съ тоской при мысли что ихъ нужно выкормить, поставить на ноги, образовать, устроить ихъ будущность. Не будучи атеисткой, она въ то время если и вѣровала, то какъ-то индифферентно, равнодушно; ей были непонятны молитвы мужа, его твердое упованіе на милость Провидѣнія, его твердая вѣра что Богъ создавшій людей печется о нихъ. Ей была непонятно вмѣшательство Провидѣнія въ дѣла людей, которые, по тогдашнему ея мнѣнію, для того и одарены были „свободною волей“ чтобъ устраивать свою судьбу. Вообще, какъ у большинства свѣтскихъ дѣвушекъ, ея религіозныя понятія представляли ту смѣсь равнодушія съ обрядностью, которая, благодаря недостатку „пастырей добрыхъ“, полнѣйшему отсутствію вліянія простаго, честнаго, безхитростнаго священника на подрастающихъ дѣвушекъ и юношей, будущихъ матерей и отцовъ, заставляютъ ихъ метаться отъ протестантства къ англиканизму, отъ Редстока къ пріисгистамъ. Онѣ „ищутъ Христа“, забывая что Онъ всегда тутъ, возлѣ нихъ, въ образѣ каждаго ребенка, въ рубищѣ каждаго бѣдняка, у постели каждаго больнаго, въ слезахъ каждаго страждущаго. Восьмилѣтнее пребываніе въ

мирномъ затишьѣ Золотимска, невольная близость съ дѣтьми, бесѣды съ отцомъ Яковомъ и тихая, стойкая, неизмѣнно ласковая любовь мужа „растопили“ свѣтскую кору, окружавшую сердце Анны Павловны, и она сознательно вкусила сладость „молитвенныхъ“ слезъ умиленія и благодарности.

Когда кончился молебенъ, всѣ вышли на знакомый намъ просторный дворъ дома Горскихъ. Его ждали съ поздравленіемъ посланные отъ тѣхъ людей которыхъ общество выбрасываетъ изъ своей среды, кладя на нихъ вѣчное клеймо „отверженцевъ“. Этимъ лишеніемъ „всѣхъ правъ состоянія“ на вѣки, до гробовой доски, одинаково и закоренѣлаго злодѣя и человѣка совершившаго преступленіе разъ въ жизни, въ силу неудержимаго порыва, подъ гнетомъ сложившихся роковымъ образомъ обстоятельствъ и обстановки, общество зачастую лишаетъ себя быть-можетъ честнаго и способнаго члена. Николай Павловичъ былъ попечителемъ мѣстнаго острога, и безъ комитета, безъ разрѣшеній, безъ предписаній, мало-по-малу сдѣлалъ изъ острога тотъ типъ рабочей тюрьмы который только недавно выработался во Франціи. Золотимскій острогъ не зналъ праздности, и его работы доходили даже до Петербурга, хотя объ этомъ знали только смотритель да Николай Павловичъ.

Четверо арестантовъ въ новыхъ сѣрыхъ курткахъ и въ широкихъ шароварахъ, скрывавшихъ ножныя кандалы, стояли у крыльца въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ съ ружьями. Одинъ изъ арестантовъ держалъ въ рукахъ рѣзное деревянное блюдо, съ большимъ караваемъ чернаго хлѣба, на которомъ, вмѣсто солонки, была поставлена маленькая просфора. У другаго былъ деревянный ларецъ, охваченный поперекъ двумя тщательно сработанными желѣзными рѣшочками изображавшими распиленныя кандалы. По серединѣ былъ вырѣзанъ вензель Николая Павловича, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и терній.

— Здорово братцы! ласково обратился Горскій къ арестантамъ.

— Желаемъ много лѣтъ здраствовать, батюшка Николай Павловичъ, заговорилъ арестантъ, державшій блюдо.—Артель насъ выбрала чтобъ отвести вамъ хлѣбъ-соль; вашими же стараніями, вашимъ добромъ вамъ же и кланяемся. Дай Господи вамъ и сулругѣ и дѣткамъ вашимъ здоровья и всякаго добра! Коли наши многогрѣшныя молитвы доходятъ до Создателя, то нужды и горя вамъ весь вѣкъ не знавать!

Арестантъ отвѣсилъ низкій поклонъ и передалъ блюдо Горскому, который, перекрестясь, взялъ просфору и отломивъ кусочекъ, передалъ ее женѣ. Коля подхватилъ блюдо съ хлѣбомъ.

— Ваше высокоблагородіе, не обезсудьте, началъ другой арестантъ державшій шкатулку,—мы всѣ какъ есть, до слѣпаго Акимыча, эту вещицу сработали. Дай Богъ сударь чтобы вы ее пустою приняли — дѣткамъ полную сторублевыхъ оставили!

— За подарокъ спасибо, а за память вдвое, отвѣчалъ усмѣхаясь Горскій, — желаніе только ужь больно велико, врядъ ли исполнится.

— Въ самый разъ бы только было, Николай Павдычъ, замѣтилъ третій арестантъ, — мы высчитывали: въ ларецъ ровно пятьсотъ тысячъ войдетъ, коли бумажки новенькія будутъ.

Всѣ засмѣялись. Въ это время четвертый арестантъ осторожно развернулъ большой бумажный платокъ и подалъ Аннѣ Павловнѣ не безъ вкуса связанный букетъ.

— И вашимъ добромъ—вамъ же челомъ сударыня. Это изъ тѣхъ сѣменъ что весной изволили пожаловать.

— Спасибо братцы! сказалъ тронутый Горскій. — Передайте ребятамъ что я самъ улучу минутку сегодня ихъ поблагодарить.

Арестанты еще разъ низко поклонились и пошли домой.

Саша шепнула отцу: „папа! отчего ты ихъ не угостилъ?“

— Оттого голубчикъ что въ комнаты я ихъ пригласить не могу, а на кухню посылать не хочу, отвѣтилъ ей улыбнувшись отецъ.

На дворъ въѣхала щегольская телѣжка, запряженная парой буланыхъ, коренастыхъ и откормленныхъ лошадокъ. Ими правила женщина въ черной шубейкѣ на бѣличьемъ мѣху, покрытая большимъ чернымъ платкомъ. Рядомъ съ нею и у нея въ ногахъ, на днѣ повозки, сидѣли двѣ дѣвушки, тоже всѣ въ черномъ. Какъ только повозка миновала ворота, сидѣвшая въ ногахъ дѣвушка живо выпрыгнула и помогла выйти пожилой; другая, выложивъ узелъ, повела лошадей въ глубь двора.

— Матушка Екатерина, какими судьбами? удивленно и радостно привѣтствовалъ Горскій пріѣзжую, которая махнула на него рукой и начала быстро распутывать платокъ и отстегивать шубку.

Въ это самое время, въ калитку вошли Терминъ съ Ниловымъ, и дѣти побѣжали къ нимъ на встрѣчу.

— Смотрите! смотрите! зашептали они налерерывъ молодымъ людямъ, — это она, игуменья! старовѣрческая богородица!

Пріѣзжая оправилась и степенно подошла къ Николаю Павловичу. Большаго роста, статная, съ замѣчательно красивымъ лицомъ, поразительно напоминавшимъ портреты Екатерины II, съ тѣмъ же чарующимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, съ тою же обаятельною улыбкой, которыя такъ живо переданы потомству кистью Лампе. Даже въ манерахъ ея было что-то величавое. Бѣлая коленкоровая одежда, не то сарафанъ, не то платье, широкими складками облегала ея красивую фигуру. Черная шалочка, въ родѣ низенькаго монашескаго клобука, съ длиннымъ креловымъ вуалемъ, сверху повязанная бѣлымъ платкомъ, придавала пріятную строгость ея еще совершенно молодому лицу. На правой рукѣ у нея была намотана длинная кожаная лѣстовка, замѣняющая у старовѣровъ четки. Остановясь противъ Николая Павловича, пріѣзжая заговорила звучнымъ, громкимъ и немного лѣвучимъ голосомъ:

— Здравствуй, Николай Павловичъ! Давно собиралась, въ этотъ самый день, тебя поздравить, да не приводилъ Господь. Полвѣка тебѣ сегодня, и дай тебѣ Іисусе еще столько же прожить и сыновнихъ внуковъ дождаться! Ни къ кому въ жизнь на поклонъ не ѣзжала, а къ тебѣ пріѣхала и въ землю кланяюсь!

Она дѣйствительно, какъ-то не подгибая колѣнъ, привычнымъ движеніемъ, плавно опустилась къ землѣ. Горскій, не ожидавшій такого поклона, не успѣлъ двинуться, какъ она уже стояла, выпрямившись во весь ростъ.

— Это тебѣ поклонъ отъ меня и отъ моихъ, за то что по одному моему слову взялъ ты на поруки нашихъ старцевъ; отъ поруганія и отъ тюрьмы ихъ избавилъ. Они-то быть-можетъ и ради были бы пострадать, да соблазну много было бы. Да воздастъ тебѣ Христе Боже нашъ сторицею!

Она еще разъ въ поясъ поклонилась Горскому и отошла къ Аннѣ Павловнѣ.

— Здравствуйте, Анна Павловна, начала она, крѣпко поцѣловавшись съ Горскою; — давненько не видались. По нашему съ днемъ рожденья не поздравляютъ, да на всякій

законъ огороворка есть. Дай вамъ Господь день въ день, часъ въ часъ, столько прожить сколько муженьку ложелала! Безъ мужа женѣ, что тѣлу безъ души, радости не много. Загордились вы, насъ забыли, а мы объ васъ помнимъ. Груша, развяжи-ка узелокъ, разстели коврикъ, пусть расейскіе гости— усмѣхнулась она въ сторону молодыхъ людей—надъ нашею мужицкою, таёжною работой посмѣются.

Дѣвушка, нарядомъ и манерами напоминавшая монастырскую послушницу, развернула большой бѣлый коверъ. Вдоль краевъ шла цвѣтная полоса изъ синихъ и красныхъ фантастическихъ листьевъ, въ видѣ гирлянды составленной съ большимъ вкусомъ. По срединѣ былъ вытканъ большой щитъ подъ дворянскою короной, украшенною тремя геральдическими перьями. На щитѣ былъ вышитъ шелками несложный гербъ Горскаго: золотой соколъ на красномъ полѣ. Надъ щитомъ шла славянскою вязью надпись: „року 73...“, а внизу вензель *Н. П. Г.* съ римскою цифрой L. Вся работа была исполнена мастерски изящно.

— Да это хоть на выставку въ Парижъ! воскликнулъ Терминъ.

— Кто составилъ этотъ прелестный рисунокъ? спросила Ольга Петровна.

Горскій изумленно смотрѣлъ на коверъ. Онъ твердо помнилъ что съ пріѣзда въ Золотинскъ никому не показывалъ своего герба, никогда не употреблялъ гербовой печати, и о гербѣ, да и вообще о геральдикѣ ни съ кѣмъ не говорилъ. Легкая тѣнь скользнула по его чертамъ, но тотчасъ смѣнилась привѣтливою улыбкой.

— Исполать вамъ, матушка! Я не подозрѣвалъ что у васъ такія мастерицы въ скиту проживаютъ, обратился онъ къ своей гостьѣ.

— Тамгу-то твою я сама вышила, молодость вспомнила. Не мало въ дѣвичьи годы шерсти да шелковъ извела! съ нескрываемымъ самодовольствомъ отвѣчала старовѣрка, видимо польщенная похвалой Горскаго и литерскихъ пріѣзжихъ.

— Узоръ-то, узоръ кто же вамъ сдѣлалъ? допрашивала ее Вѣра, ревнуя къ неизвѣстному сопернику по кисти.

— А вашъ бука, дикарь, богословъ никоніанскій, со смѣхомъ отвѣтила старовѣрка,—разовъ десять ко мнѣ наѣзжалъ.

— Ай-да Іеремія Осипычъ! каковъ артистъ!

— И отъ меня по секрету! воскликнула Саша;—задамъ я ему, пусть только появится.

— Да вотъ и онъ, легокъ на поминѣ, сказала старовѣрка, указывая на входившаго во дворъ Іеремію.

Неблагодушный при помощи мальчишекъ тащилъ что-то огромное, плоское, закрытое простынями и бумагой. Не ожидая встрѣтить во дворѣ цѣлое общество, онъ остановился въ воротахъ.

— А что еслибы вы всѣ въ домъ вошли? неожиданно разрѣшилъ свое недоумѣніе Іеремія, сердито смотря на дѣтей и ни съ кѣмъ не здороваясь.

Всѣ засмѣялись и послѣдовали его командѣ; только Саша подбѣжала къ нему и начала энергично распекать, но Іеремія, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія, отправился со своею ношей въ садъ. Анна Павловна повела старовѣрку во внутреннія комнаты, а Ольга Петровна, при помощи Вѣры и Кирилыча, одѣтаго во фракъ съ бѣлымъ галстукомъ, занялась хозяйственными распоряженіями. Остальныя дѣти побѣжали въ садъ помогать Іереміи. Горскій пригласилъ отца Якова и молодыхъ людей къ себѣ въ кабинетъ.

— Покурите, господа, и побесѣдуйте съ отцомъ Яковомъ, а я безъ церемоніи васъ оставлю, обратился онъ къ своимъ гостямъ.—Мнѣ хочется слетать въ острогъ и поблагодарить арестантовъ.

Нилову не хотѣлось курить; онъ остался въ большой комнатѣ, гдѣ Ольга наблюдала за сервировкой.

— Никогда бы я ни думалъ, заговорилъ Ниловъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ,—что такой хорошій человѣкъ какъ Николай Павловичъ можетъ возбудить во мнѣ дурное чувство.

— Николай Павловичъ? въ васъ? никогда этому не повѣрю, живо отвѣтила Ольга, вскинувъ на него свои большіе, голубые глаза.

— А это все-таки правда. Я не зналъ зависти, а теперь завидую способности Николая Павловича внушать къ себѣ такую единодушную любовь, такое уваженіе...

— Это потому вамъ такъ кажется что вы не подмѣтили его главнаго качества.

— А именно?

— Онъ умѣетъ любить и прощать.

— Что значитъ „умѣетъ любить“? Я вспоминаю старый водевиль, въ которомъ поется что бываетъ три сорта любви.

— Вы шутите, а я говорю серіозно. Я тоже помню этотъ водевиль; кажется, *Новички въ любви*. Если хотите, Николай Павловичъ постигъ всѣ три сорта любви, о которыхъ тамъ поется. Онъ умѣлъ страстно любить свою невѣсту, серіозно любить свою жену, но кромѣ того онъ умѣетъ любить „отверженныхъ“ и любить ихъ не какъ „младшихъ братьевъ“, а просто какъ такихъ же людей какъ и онъ самъ. Они это не сознаютъ, а чувствуютъ, и этотъ ларецъ, наглядное доказательство ихъ чувствъ, конечно дороже для него всякой звѣзды.

Между тѣмъ прибывали приглашенные къ обѣду: исправникъ Нилъ Петровичъ Ватрушинъ въ новенькомъ форменномъ сюртукѣ съ солдатскимъ Георгіемъ и севастопольскою медалью въ петлицѣ; городничій Риприкъ въ блестящихъ шитыхъ петлицахъ на мундирѣ, парадно обрамлявшихъ его красненькую физіономію; два брата Осиповы, мѣстные заводчики; Станиславъ Петровичъ Вельтъ, докторъ медицины и хирургіи, и Козьма Силычъ Старый, небогатый золотопромышленникъ, извѣстный у рабочихъ подъ прозваніемъ „Незадача“.

— Ольга Петровна, гдѣ же наши дорогіе хозяева? спросилъ Ватрушинъ, здороваясь съ нею и съ Ниловымъ.—Мы хотѣли пройти въ садъ, но сей молодой джентльменъ, указалъ онъ на маленькаго Володю,—объявилъ намъ рѣшительно, „никакъ невозможно“!

— Вѣдь правда, Оля, нельзя? Вѣдь правда? я знаю что туда нельзя, мнѣ Вѣра сказала „никого не пускай“, а имъ говорю, они смѣются, залепеталъ хорошенькій мальчуганъ.

— Правда, голубчикъ; только если нельзя въ садъ, то на террасу можно.

— На террасу? задумался мальчикъ,—да, на террасу, я думаю можно.

— Ахъ ти философъ! схватилъ Володю Риприкъ.—Ти будешь великій философъ!

— Я буду не философъ. Философы Нѣмцы, а я Русскій!

— Молодецъ Володя! хорошенько его Нѣмца! засмѣялся Ватрушинъ.

— Карлъ Францовичъ не Нѣмецъ! вступился мальчикъ,—у него только нѣмецкая... мальчикъ задумался.—У него только корочка нѣмецкая...

— Мегсі, молодая другъ! это ты вѣрно говорилъ, обрадовался Риприкъ,—какъ у пирогъ мой начинка русскій.

— Нѣтъ! я не то... Оля, какъ я хотѣлъ сказать?

— Ты хотѣлъ сказать „оболочка“!

— Да! да! оболочка нѣмецкая.

— Все равно, по твоему еще лучше, мальчуга! утѣшилъ Володю Козьма Силычъ.

Изъ внутреннихъ комнатъ вышла Анна Павловна и повела гостей на террасу, извиняясь за мужа. Ольга съ Кирилычемъ начали разставлять стулья кругомъ стола, Ниловъ имъ помогалъ.

— А гдѣ же матушка Екатерина? спросилъ онъ.

— Знамо гдѣ, въ скитъ поѣхала, отвѣчалъ Кирилычъ,— нешто она станетъ съ никоніанцами съ одной посуды ѣсть? Да и Нила Петровича тоже повстрѣчать не охота; во враждѣ они.

Вернувшійся изъ острога Николай Павловичъ прекратилъ разсужденія Кирилыча приказаніемъ подавать обѣдъ. Скоро всѣ собрались, и маленькій Володя, согласно заведенному обычаю, громко и отчетливо прочелъ молитву *Очи всѣхъ на Тя Господи уповаютъ* и т. д. Терминъ и Ниловъ, съ самаго лансіона не слыхавшіе этой молитвы, съ удовольствіемъ повторяли мысленно знакомыя слова и невольно переглянулись.

— Что, господа, вспомнили юность? замѣтилъ имъ Горскій садясь около жены.

— Да, къ сожалѣнію, уклоненіе ото всякихъ семейныхъ преданій въ средѣ нашего общества усиливается все болѣе и болѣе, сказалъ Терминъ, садясь между Анной Павловной и Ватрушинымъ.—Во многихъ семьяхъ вовсе не наблюдаютъ за дѣтскою молитвой.

— И въ нашемъ кругу, въ особенности кто побогаче, тоже большое уклоненіе началось, сказалъ Старый.—*Сами* и *сама* еще къ обѣднѣ разъ въ недѣлю съѣздятъ, а домашніе, дѣти, прикащики въ церковь и не заглядываютъ...

Обѣдъ прошелъ оживленно. Кирилычъ, при помощи Гриши отъ управника и еще одного „настоящаго оффиціанта“, откомандированнаго имъ изъ среды ссыльныхъ Полаковъ, служилъ артистически. Терминъ и Ниловъ замѣтили что на столѣ не было разнородныхъ винъ, а только порядочное красное и хорошій портвейнъ. Вмѣсто шампанскаго былъ поданъ отличный холодный „медъ“ приготовленія Кирилыча, „строго блюдущаго

свой секретъ", какъ пошутилъ надъ нимъ отецъ Яковъ. Ватрушинъ сказалъ не дурной спичъ и дружное *ура!* всколебало всѣхъ птицъ подъ потолкомъ, и все общество встало изъ-за стола. Іеремія успѣлъ ускользнуть еще до пирожнаго, и къ концу обѣда въ саду замелькали пестрые огоньки самодѣльной иллюминаціи. Одѣвшись потеплѣе, всѣ пошли въ садъ, и скоро веселые возгласы дѣтей были заглушены пальбой бураковъ и римскихъ свѣчей, и садъ освѣтился бенгальскими огнями, а въ глубинѣ загорѣлся трансларантъ, съ изображеніемъ красивой женщины, аллегорически представлявшей Сибирь, которая вѣнчала лавровымъ вѣнкомъ вензель Горскаго, съ девизомъ вокругъ „за честную работу—дѣломъ и словомъ".

XII.

Во время фейерверка собрались приглашенные на вечеръ, и когда всѣ вернулись въ домъ, общество разбилось на кружки. Играющіе въ карты удалились въ кабинетъ и „начали идеальничать", по выраженію Ватрушина, такъ какъ Николай Павловичъ не допускалъ у себя азартныхъ игръ, и изъ уваженія къ нему игроки довольствовались вистомъ или преферансомъ. Вообще было замѣтно что въ домѣ Горскихъ всѣ гости держали себя иначе чѣмъ въ другихъ домахъ Золотинска. Не было разливнаго моря питей, не слышно было того особаго циничнаго смѣха которымъ встрѣчаются скабрезные анекдоты; мѣстные тузы не позволяли себѣ третировать съ высока маленькихъ людей, и мѣстный крезъ, Ковалевъ, дружески и на „вы" бесѣдовалъ съ малѣйшимъ золотопромышленникомъ Козьмой Силычемъ Старымъ.

Дамскій кружокъ былъ не великъ. Madame Ковалева, мѣстная аристократка „по карману", ѣздившая чрезъ каждые полтора года за границу, вращавшаяся въ „бомондѣ" Парижа, представлявшаяся даже императрицѣ Евгеніи, какъ-то терялась въ обществѣ Анны Павловны и Ольги, которыя не только видали все то о чемъ она любила разсказывать, но зная гораздо больше ее, имлонировали ей своими невольными поправками во всемъ что̀ касалось искусствъ или литературы. Дочь madame Ковалевой, несмотря на парижскій туалетъ и французскій языкъ, и лицомъ и манерами сильно напоминала своего дѣдушку, кров-

наго инородца. Терминъ и Ниловъ, отказавшіеся отъ картъ и присѣвшіе къ дамскому кружку, сразу оцѣнили и маменьку и дочку, но оба отдали невольную дань удивленія третьей гостьѣ, Лидіи Сергѣевнѣ Слеминой, молодой, лѣтъ двадцати шести, красивой и бойкой вдовушкѣ.

Они оба уже слыхали объ этой львицѣ Золотимскаго округа, объ этой „красавицѣ вдовушкѣ", которая оставшись одна съ маленькимъ сыномъ взяла въ руки дѣла покойнаго мужа, лѣтомъ вела подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ работы на пріискѣ, зиму жила въ Томскѣ или въ Барнаулѣ, кокетничала со всѣми, водила за носъ сибирскихъ селадоновъ и не дала еще никому права считать себя предпочтеннымъ. Лихая наѣздница, мѣткій стрѣлокъ, она умѣла держать въ рукахъ рабочихъ и слѣть дуэтъ съ горнымъ исправникомъ, сорвать банкъ заложенный Ватрушинымъ, поболтать по-французски съ губернаторомъ и скроить по журналу платье его супругѣ. Теперь она везла свое золото въ Барнаулъ и остановилась въ Золотимскѣ ради праздника Горскихъ.

Анна Павловна представила Слеминой своихъ петербургскихъ гостей.

— Мы съ вами встрѣчались, monsieur Терминъ, но вы конечно меня не помните, обратилась къ нему Лидія Сергѣевна, чуть поклонившись Нилову. Опытная кокетка съ разу опредѣлила что первый для нея болѣе подходящій чѣмъ послѣдній.

— Простите, Лидія Сергѣевна, рѣшительно не могу припомнить....

— И не старайтесь. Вопервыхъ, это было давно, вовторыхъ, я была еще въ коротком платьѣ и такъ дурна, такъ краснолала и толста что вы никакъ не могли бы узнать.

Вѣра, сидѣвшая рядомъ съ Mlle Ковалевой, изумленно на нее посмотрѣла. „Значитъ толстота и краснолапость могутъ и у меня пройти?" мелькнуло у нея въ головѣ.

— Я была такая laideronne что даже вошла въ пословицу и не узнавъ меня, вы мнѣ невольно сдѣлали комплиментъ.

— Что касается комплиментовъ, то вы ихъ отъ Дмитрія Павлыча не дождетесь, замѣтила Ольга,—онъ на нихъ не щедръ.

— Такъ ли это, Ольга Петровна? Мнѣ кажется есть такія женщины которыя стоятъ выше комплиментовъ. Комплиментъ—красивая и ловкая фраза, съ крошечною долей правды,

а есть немногія женщины которымъ можно говорить только правду.

— Какже это monsieur Терминъ? мы съ Ольгой просто женщины или „немногія?“

Терминъ смутился; онъ не ожидалъ такой рѣзкой постановки вопроса.

— Я никакъ не могу васъ соединить, попробовалъ онъ вывернуться.—По моему мнѣнію, дѣвушка и женщина величины несоизмѣримыя.

— Eudoxie, попроси Mlle Вѣру показать тебѣ ея послѣдніе рисунки, сказала Mme Ковалева своей дочери, а сама подсѣла къ молодымъ людямъ. Дѣвушки пошли на другой конецъ комнаты.

— Monsieur Терминъ, вы сейчасъ выразили мысль которая и мнѣ часто приходила въ голову, но я не могла la formuler, и мнѣ бы очень хотѣлось слышать, какъ это вы понимаете, любезно обратилась къ нему Mme Ковалева.

— Мнѣ кажется что главная разница между дѣвушкой и женщиной состоитъ въ томъ что первая о многомъ знаетъ только изъ книгъ и изъ разсказовъ, тогда какъ вторая знаетъ собственнымъ опытомъ и изъ жизни.

— Ты не правъ, Дмитрій, вмѣшался до сего времени молчавшій Ниловъ.—Я полагаю для знанія не всегда необходимъ опытъ, и опытъ не всегда научаетъ. Возьми самыхъ замѣчательныхъ мыслителей и философовъ; въ большей части случаевъ они были самые непрактичные и несвѣдущіе люди въ обыкновенной жизни.

— Pardon, monsieur Ниловъ, вы уклоняетесь въ метафизику, которой я терпѣть не могу, перебила его Слемина.—Я не согласна съ monsieur Терминымъ въ томъ что вообще существуютъ женщины которымъ умный комплиментъ не доставитъ удовольствія, и готова утверждать что даже и „немногихъ“ нѣтъ вовсе.

— Нѣтъ, я думаю, такія найдутся и я первая.

— Вы, Ольга? Вы это говорите par esprit de contradiction, вступилась Mme Ковалева.—Никогда не ловѣрю чтобы молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, какъ вы напримѣръ, было бы непріятно выслушать un joli compliment, bien tourné.

— Въ особенности отъ человѣка который нравится, добавила Слемина, кокетливо подымая свои бархатные, черные и, какъ говорилъ о нихъ Ватрушинъ, слегка вакхическіе

глаза на Термина. Она поймала его немного нескромный взглядъ и не сморгнувъ спросила:—Что вы на меня такъ смотрите?

— Какъ прикажите мнѣ вамъ отвѣчать: комплиментомъ или правдой?

— Вы хотите поймать меня на словѣ? въ полголоса сказала ему Слемина, пользуясь перерывомъ разговора.

Къ нимъ подбѣжала Eudoxie Ковалева, спасаясь отъ преслѣдовавшей ее Вѣры.

— Monsieur Терминъ, спасите меня! кинулась Eudoxie чуть не въ объятія Дмитрія Павловича.

— Это нечестно! Я тебѣ этого не прощу! разразилась Вѣра, видя что рисунокъ, бывшій въ рукахъ у Eudoxie, уже попалъ въ руки Слеминой.

— Mais c'est frappant de ressemblance! Mesdames, посмотрите и полюбуйтесь какой прелестный портретъ.

— Это нечестно, нечестно! кипятилась Вѣра, у которой глаза были полны слезъ, а щеки отъ конфуза и раздраженія такъ покраснѣли что казалось вотъ-вотъ изъ нихъ кровь брызнетъ.

— Вѣра, милая, успокойся! подошла къ ней Ольга Петровна и взяла ее за талію, но Вѣра ничему не внимала и не понимала. Гнѣвъ, досада, стыдъ затуманили ее бѣдную голову.

— Хорошо вамъ говорить! Никто не посмѣетъ показать ему вашего эскиза, неожиданно вылалила она указывая на Нилова. По счастью для Ольги никто, кромѣ Нилова, не слышалъ этой фразы. Ольга сильно покраснѣла и отклонилась отъ Вѣры, которая только въ эту минуту опомнилась и начала ее цѣловать и тихонько умолять о прощеніи.

— Mais c'est ravissant! восторгалась madame Ковалева, раскачивая головой и приставляя руку къ глазамъ то зонтикомъ, то трубочкой.—Какое сходство! Какой очаровательный рисунокъ! Какія краски! Въ Лондонѣ, на выставкѣ акварелей въ Albany Hall, я не видѣла ничего подобнаго по экспрессіи. N'est ce pas, Eudoxie?

— Sans doute, maman! Я только потому и позволила себѣ такую нескромность. Вѣдь это не просто набросокъ, это законченный, маленькій chef d'oeuvre!

Громкія восклицанія дамъ собрали къ дамскому кружку все общество бывшее въ большой комнатѣ. Подошелъ и отецъ Яковъ, который только что выдержалъ диспутъ съ Ковалевымъ объ упадкѣ религіи.

— Вотъ батюшка, забасилъ Ковалевъ,—возьмемте Дмитрія Павловича въ третейскіе судьи. Прежде у дворянъ была такая должность... назывались, кажется, совѣстливые судьи.

— Вы хотите сказать,—совѣстные судьи. Была дѣйствительно такая должность, и я помню въ мое время былъ одинъ такой истинно судья по совѣсти въ нашей губерніи. Правда и не любили его! улыбаясь замѣтилъ Горскій.

— Пожалуста не берите на себя этой роли, monsieur Терминъ, живо заговорила Слемина.—То философія, то богословіе! У насъ совсѣмъ не хотятъ занимать дамъ, а заставляютъ ихъ выслушивать дислуты. Я предлагаю пройтись еще разъ по саду и полюбоваться на иллюминацію пока не потухла. Monsieur Терминъ, вашу руку... Впрочемъ, еще нѣтъ. Я забыла что въ этой медвѣжьей странѣ октябрь уже требуетъ шубки. Mesdames, кто со мной?

Слемина побѣжала въ комнату Ольги; Ковалевы присоединились къ ней, вмѣстѣ съ двумя молчаливыми дамами которыя считали священною обязанностью слѣдовать во всемъ ихъ примѣру. Ольга, утѣшившая Вѣру въ ея горѣ, разказала Нилову какимъ образомъ явилось на свѣтѣ изображеніе Термина. Они стояли вдвоемъ у одного изъ оконъ и любовались пестрыми огоньками цвѣтныхъ фонариковъ мелькавшихъ сквозь полуобнаженныя деревья.

— Не думалъ я встрѣтить въ Золотинскѣ нѣчто въ родѣ львицы, замѣтилъ Ниловъ смотря на стройную фигуру Слеминой, которая подъ руку съ Терминымъ спускалась съ террасы.

— И такую хорошенькую! шутливо добавила Ольга.

— Красота—вещь условная, Ольга Петровна. Для меня картины Рубенса всегда казались профанаціей женской красоты.

— Но надѣюсь вы не будете спорить о красотѣ Лидіи Сергѣевны?

— Она красива, спору нѣтъ, но ее лицо меня бы раздражало.

— Я не понимаю что вы хотите сказать!

— Развѣ вамъ не случалось замѣтить что всѣ вообще выдающіеся изъ общаго уровня люди, вещи, даже животныя дѣйствуютъ на нервы не одинаково? На однихъ вы смотрите и не насмотритесь; они дѣйствуютъ на васъ успокоительно. Другіе наоборотъ раздражаютъ и даже надоѣдаютъ. Къ числу первыхъ я изъ присутствующихъ отношу Николая Павловича, отца Якова, васъ; ко вторымъ я причисляю,

кромѣ красивой Слеминой, семью Ковалевыхъ, отчасти Риприка.

Ниловъ говорилъ такъ просто что у Ольги не могло явиться даже мысли о желаніи съ его стороны сказать ей комплиментъ. Тѣмъ не менѣе она покраснѣла, и Ниловъ это замѣтилъ.

— Не подумайте, Ольга Петровна, сказалъ онъ ласково и серіозно смотря на нее,—что я хотѣлъ сказать вамъ любезность. Знаете о комъ я всегда думаю какъ только встрѣчусь съ вами?

— Скажите. Я вамъ то же скажу кого вы мнѣ напоминаете.

— Съ перваго разу какъ я васъ встрѣтилъ и до сегодня, лишь только я увижу ваше лицо, я вспоминаю мою мать. Не думайте что вы на нее похожи; отнюдь нѣтъ. Вы свѣтлая блондинка, а она брюнетка съ карими глазами и волосы у нея цвѣта воронова крыла. Почему воспоминаніе о ней связано съ вами, я не могу себѣ объяснить.

Ольга слушала его, наклонившись близко къ стеклу и всматриваясь во глубину сада, гдѣ фонарики гасли одинъ за другимъ, и ихъ мигающіе, пестрые огоньки, постепенно замѣнялись бѣлымъ и ровнымъ свѣтомъ полной луны, засеребрившей дорожки и террасу. Ласковый голосъ Нилова какъ будто убаюкивалъ и магнетизировалъ ее. „Даже голосъ покойнаго папы“, думалось ей.

— А я вамъ кого напоминаю? вывелъ ее Ниловъ изъ задумчивости.

Ольга машинально вытянула изъ-за ворота платья тонкую цѣпочку, на которой висѣлъ крестъ и довольно большой медальйонъ. Она молча протянула ее Нилову, который слегка удивясь, открылъ медальйонъ. Красивое, открытое лицо, нарисованное акварелью, на дощечкѣ изъ слоновой кости, дѣйствительно напоминало его черты, хотя сходство было не въ его пользу. Лишь голубые глаза, лобъ и курчавые волосы были какъ будто съ него списаны.

— Это вашъ покойный отецъ?

— Да, я получила этотъ медальйонъ отъ maman, которая съ нимъ не разставалась. Отцу было двадцать восемь лѣтъ, когда съ него писали портретъ.

— Столько же сколько мнѣ теперь.

— Я думала вы моложе, удивленно посмотрѣла на него Ольга.

— Меня всегда считали моложе. Это, говорятъ, называется счастливою наружностью, но я что-то счастья еще не видалъ.

— Вы это говорите потому что еще не знавали настоящаго горя. Вы здоровы, молоды, свободны, у васъ есть мать, которая васъ любитъ, у васъ цѣлая жизнь впереди...

— У меня тоже есть и прошлое, Ольга Петровна, вырвалось у Нилова съ тяжелымъ вздохомъ.

— Но то горе, если и было, теперь уже въ прошедшемъ. Вы все-таки не одни какъ я.

— Не одинъ? Правда, матушка моя для меня дороже всего на свѣтѣ, но теперь насъ раздѣляютъ тридцать дней дороги; она стара, ее здоровье ненадежно. Меня самого, съ нѣкотораго времени, томитъ какое-то предчувствіе, не знаю предъ добромъ или предъ горемъ, но я уже это испытывалъ и оно никогда не обманывало. Теперь, когда Терминъ со мною, я спокойнѣе. Онъ вѣрный, надежный другъ.

— Вы давно съ нимъ дружны?

— Мы почти погодки и наши воспоминанія начались съ того дня какъ насъ отдали въ лансіонъ. Этому минуло восемнадцать лѣтъ. Благодарю васъ что вы мнѣ показали портретъ вашего отца; хотя онъ гораздо красивѣе меня, но дѣйствительно я на него похожъ и, судя по разказамъ Николая Павловича, мнѣ бы очень хотѣлось походить на вашего батюшку не однимъ лицомъ. Севастопольцы вымираютъ.

— Но никогда не переведутся! живо перебила его Ольга, надѣвая цѣлочку.—Это было твердое убѣжденіе моего отца, и онъ передалъ его мнѣ. Вѣдь если повторится война, вы пойдете?

— Еще бы! Я брошу десять пріисковъ чтобы вернуться въ свою батарею!

— И Терминъ пойдетъ, и даже нашего Колю никто и ничто не удержитъ. Изъ такого маленькаго кружка людей какъ нашъ, изъ такой глуши, вотъ уже трое, а во всей Россіи?! Полноте, Павелъ Александровичъ. Это сказали не вы, а ваше мрачное расположеніе духа.

— Вы правы, Ольга Петровна! Я сказалъ глупость забывъ уроки исторіи. Севастопольцы—потомки людей Двѣнадцатаго Года; тѣ—Суворовцевъ, Суворовцы—Петровцевъ, Петровцы—Пожарскихъ...

— Боже мой! расхохоталась вернувшаяся изъ саду Слемина, свѣжая, сіяющая, съ блестящими росинками на взбитыхъ волосахъ, со сверкающими глазами,— сперва философія, затѣмъ богословіе и наконецъ исторія! Я не подозрѣ-

вала что вы такой неисчерпаемый „кладезь премудрости!“ Анна Павловна, когда же вы насъ угостите вашимъ прелестнымъ медомъ? Мнѣ хочется выпить здоровье новорожденнаго.

— Сейчасъ подадутъ закуску. Вы знаете, Лидія Сергѣевна, какъ Кирилычъ пунктуаленъ; если его поторопить, то мы будемъ еще долго ждать.

— Вы пробовали этотъ нектаръ боговъ, monsieur Терминъ? обратилась Слемина къ своему кавалеру.

— Какъ же; я сегодня здѣсь обѣдалъ.

— Вотъ какъ?! значитъ вы совсѣмъ уже въ интимныхъ. Обѣдать у Горскихъ въ этотъ день—счастье которое дается не многимъ, въ полголоса замѣтила Слемина, уже успѣвшая незамѣтно отвести своего кавалера въ одинъ изъ угловъ. Она не любила быть въ обществѣ на общемъ положеніи, и всегда, выбравъ кавалера по вкусу, ухитрялась устраивать съ нимъ tête à tête, хотя бы въ маленькой комнатѣ, не стѣсняясь даже многолюднымъ обществомъ. При этомъ она говорила, хотя бы о величайшихъ пустякахъ, сдержаннымъ полушепотомъ, поглядывая на своего кавалера особымъ, многозначительнымъ взглядомъ, какъ будто между ними была тайна.

— Что же, Дмитрій Павловичъ, вы совѣтуете мнѣ взять Преображенскій пріискъ? продолжала она разговоръ начатый въ саду.

— Вамъ бы лучше обратиться за совѣтомъ къ Старому, Лидія Сергѣевна. Онъ знаетъ пріискъ, а я заинтересованъ въ вашемъ рѣшеніи и не могу быть безпристрастнымъ совѣтникомъ.

— Будто вы заинтересованы? заглянула ему въ глаза Слемина.—Дайте мнѣ слово пріѣзжать ко мнѣ не рѣже раза въ недѣлю, и я не спрошу ни у кого совѣта.

— Даю, съ величайшимъ удовольствіемъ.

— И отлично! только ломните: никому ни слова. Я устрою это предъ выѣздомъ и буду наѣзжать лѣтомъ изъ моего Отрадина. Далеко немножко, но за то сосѣдъ съ которымъ можно перекинуться парой словъ, обмѣняться мыслью...

— Прелестная Лидія Сергѣевна! Медъ поданъ, „кубокъ янтарный полонъ давно!“ продекламировалъ Ватрушинъ, подавая ей серебряную стопку.

— „Пѣною пивной блещетъ вино!“ сильнымъ контральто пропѣла ему въ отвѣтъ Слемина, направляясь къ Горскому.

Всѣ столпились по серединѣ комнаты между столбовъ. Столъ былъ убранъ, и вмѣсто него разставлены маленькіе столики.

А тѣмъ временемъ Кирилычъ, поймавъ въ уголкѣ Іеремію Неблагодушнаго, низко ему поклонился и проговорилъ, не стѣсняясь присутствіемъ многолюднаго общества:

— Простите великодушно, Іеремія Осиповичъ, что я вамъ тогда при дѣткахъ язвительное слово сказалъ. Слово что птица, выскочило не поймаешь. Вотъ вы, сударь, и мрачный человѣкъ, а душа-то у васъ предобрая. Не поминайте, сударь, моей дерзости, а я васъ теперь, послѣ этой люминаціи, совсѣмъ иначе понимать буду.

Общество размѣстилось за столиками. Анна Павловна усадила съ собой Mme Ковалеву и другихъ дамъ. Термина и Ватрушина съ Рилрикомъ захватила Слемина; Ковалевъ, докторъ Вельшъ, Старый и отецъ Яковъ усѣлись съ Николаемъ Павловичемъ. Mlle Eudoxie отъ дѣтей перебѣжала къ Слеминой, а съ дѣтьми остались Ольга, Ниловъ и Іеремія. Коля, вмѣстѣ со Стасемъ, прислуживали дамамъ исполняя обязанности кравчихъ и едва поспѣвая наливать медъ, квасъ и наливки. Въ большой комнатѣ стоялъ веселый гулъ, изъ котораго по временамъ вырѣзывался звонкій смѣхъ Слеминой, французскія восклицанія Ковалевой и возгласы ея супруга, споривша го съ отцомъ Яковомъ.

— Господа!.. раздался вдругъ голосъ, къ которому всѣ съ удивленіемъ прислушались. Этотъ голосъ показался всѣмъ незнакомымъ. И не мудрено; его обладатель имѣлъ привычку говорить тихо и еще ни разу со своего пріѣзда въ Золотинскъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ свою каѳедру, не возвышалъ своего голоса въ обществѣ. Это былъ докторъ Вельшъ. Его худощавая, нескладная фигура, неловкія манеры, жидкіе длинные волосы, золотыя очки скрывавшія маленькіе близорукіе глаза, вся его внѣшность сразу выдавала человѣка проведшаго бо́льшую часть жизни во глубинѣ аудиторій, въ тиши кабинета или у постели больныхъ, тѣхъ больныхъ къ которымъ не нужно надѣвать фрака и изводить на себя стклянки духовъ. Всѣ разговоры прекратились и у каждаго, кромѣ петербургскихъ пріѣзжихъ, еще мало знавшихъ Вельша, невольно возникъ мысленно вопросъ: что-то онъ скажетъ?

— Господа! не удивляйтесь что я, молчаливый Вельшъ, рѣшаюсь возвысить первымъ мой слабый голосъ и первымъ подымаю мой бокалъ чтобы предложить тостъ за нашего дорогаго хозяина. Изо всѣхъ здѣсь присутствующихъ, я одинъ не имѣю гражданскихъ правъ. Ихъ у меня отобрали по закону и по моей винѣ, а моя вина состоитъ въ томъ что имѣя возможность я не помѣшалъ сѣятелямъ бросать плевелы розни и вражды на славянское поле. Но есть одно право, право котораго никакая власть въ мірѣ взять у человѣка не можетъ: это право любить, раскаиваться и быть благодарнымъ. Когда я покидалъ, быть-можетъ навсегда, мою дорогую родину, я былъ увѣренъ что никогда эти три христіанскія чувства не найдутъ мѣста въ моемъ сердцѣ, полномъ отчаянія. Я прощался не только съ родиной, не только съ близкими, съ кровными, я прощался съ тѣмъ что̀ составляло бо́льшую половину моего существованія, съ наукой, которой я посвятилъ мою жизнь. Я пріѣхалъ сюда полумертвымъ, ожидая смерти какъ блага. Прошло полгода. Однажды вернувшись изъ тюрьмы гдѣ я получилъ право лѣчить себѣ подобныхъ, я нашелъ на столѣ повѣстку о посылкѣ, съ разрѣшеніемъ получить ее. Представьте себѣ мою радость, мой восторгъ. Въ посылкѣ были мои книги, мой микроскопъ, мой хирургическій наборъ—дорогой подарокъ дорогихъ учениковъ! Кто ихъ выслалъ? кто указалъ на нихъ? я не знаю. Я предался старымъ занятіямъ; я воскресъ духомъ; я набросалъ нѣсколько новыхъ замѣтокъ и наблюденій, но печалился что ихъ не кому прочесть, не кому одобрить или провѣрить. Прошло еще сколько-то времени, и вдругъ въ одинъ прекрасный, счастливый, незабвенный день, я нашелъ на своемъ столѣ нумеръ журнала *The Lancet* и въ немъ мою статью съ комментаріями. Только тутъ я прозрѣлъ! Я кинулся сюда, въ этотъ гостепріимный домъ, въ которомъ разъ, шутя, будто бы ради практики, меня заставили перевести мою статью на англійскій языкъ... Я кинулся на шею къ хозяину, я залакалъ... и плакалъ какъ ребенокъ... Въ этихъ слезахъ служителя науки растаяла племенная вражда; этими слезами смылось польское бѣльмо со славянскихъ глазъ. Я сталъ выслушивать не только pro, но и contra моихъ былыхъ убѣжденій и мало-по-малу Полякъ Вельшъ сталъ Славяниномъ, а теперь, говорю смѣло и прямо, онъ служитъ старшимъ

братьямъ, служитъ и будетъ служить Россіи пока не погаснетъ въ немъ послѣдняя искра жизни... За здоровье моего благодѣтеля, друга и втораго отца, Николая Павловича, на многая лѣта!

Прочувствованныя слова Вельша произвели на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Даже Слемина поняла что тутъ всякая шутка будетъ не у мѣста и ограничилась тѣмъ что ломужски, крѣпко пожала руку Вельшу.

Стась, весь въ слезахъ, цѣловалъ Колю приговаривая: „А?! какъ сказалъ! какъ папа говорилъ! а?“

Терминъ и Ниловъ поняли съ разу что поступокъ Горскаго былъ не простое, доброе дѣло, не знакъ участія къ сосланному. Чтобы сдѣлать для Вельша то о чемъ онъ разсказывалъ, нужно было не только просить и хлопотать, нужно было доказывать, спорить, брать на себя отвѣтственность, „ручаться“. Въ глазахъ молодыхъ людей личность Горскаго съ каждымъ днемъ становилась больше, симпатичнѣе, чище.

Бесѣда затянулась, и долго еще горѣлъ праздничными огнями гостепріимный домъ Горскаго.

XIII.

Снѣжный буранъ разразился надъ Золотимскомъ. Вѣтеръ ревѣлъ и гудѣлъ, вздымая столбы снѣжной пыли, которая кружилась и запорошивала всѣ выступы строеній, забивала всѣ углы и уголки. По временамъ вдругъ наступало на нѣсколько минутъ полное затишье; какъ будто вѣтеръ уставъ собирался съ силами, и снѣгъ крупными хлопьями беззвучно падалъ на землю. Затѣмъ новый порывъ со страшною быстротой увлекалъ падающіе хлопья, вздымалъ новыя массы снѣга, и мчалъ мглистую, снѣжную завѣсу безконечною, сплошною пеленой. Все живое словно замерло и притаилось. На улицахъ не видно было ни души; не слышно было даже лая собакъ, и лишь по временамъ, при сильномъ внезапномъ порывѣ вѣтра, колокола на соборной колокольнѣ издавали какую-то низкую, глухую ноту. Буранъ начался съ восьми часовъ вечера, и только къ полуночи стало немного стихать. Въ домѣ Горскихъ, сквозь прорѣзи ставень свѣтился огонекъ, и увидѣвъ его съ улицы, какая-то высокая, занесенная снѣгомъ фигура, пробиравшаяся, борясь съ вѣтромъ, вдоль

стѣнъ, радостно вскрикнула. Чрезъ минуту раздался сильный звонокъ у воротъ?

— Кто тамъ? чего надоть? спросилъ вышедшій конюхъ, не отворяя калитки.

— Это я, Дмитрій Павлычъ! отворяй живѣй, Иванъ!

— Сейчасъ, баринъ! заторопился конюхъ, отмыкая висячій замокъ.

На крыльцѣ дома тоже скрипнула дверь и послышался голосъ Кирилыча.

— Кто звонилъ, Иванъ?

— Дмитрій Павлычъ, отвѣчалъ конюхъ, впуская занесеннаго снѣгомъ Термина.

— Батюшка баринъ! удивился Кирилычъ,—али у васъ что случилось?

— Случилось, Кирилычъ, недоброе... Что твой баринъ вернулся?

— Никакъ нѣтъ. Барыня послѣ обѣда записочку получили что раньше какъ послѣ завтра не пріѣдутъ.

— И Вельтъ тоже?

— И докторъ раньше не вернется. Да пожалуйте въ комнаты; барыня еще не легли.

— Придется ее побезпокоить, да и тебѣ поклониться, Кирилычъ, сказалъ Терминъ, сбрасывая въ сѣняхъ свой охобень и стаскивая съ ногъ татарскіе сапоги изъ оленьей шкурки.

Анна Павловна выглянула въ корридоръ и ахнула узнавъ Термина.

— Дмитрій Павловичъ, что случилось? спросила она.

— Къ вамъ за совѣтомъ и за помощью, Анна Павловна. Павелъ заболѣлъ, и кажется мнѣ что дѣло плохо. Стороженко на пріискахъ, у насъ одна старуха Степанида. Докторъ Листвинъ самъ боленъ, и я рѣшаюсь ѣхать за Владиславомъ Станиславичемъ. Буранъ стихаетъ, инородцы берутся довезти. Безъ меня онъ не рѣшится ѣхать, а я не хочу чтобы Николай Павловичъ его повезъ. Позвольте мнѣ вашъ лѣчебникъ и аптечку, и еще, если вы найдете возможнымъ, позвольте Кирилычу замѣнить меня у постели Павла.

— Конечно! Кирилычъ, спроси у барышни аптечку и одѣвайся скорѣе. А вотъ и Ольга! Милая, достаньте скорѣе лѣчебникъ изъ кабинета, да идите какъ есть. Тутъ не до церемоній.

— Что случилось, Дмитрій Павловичъ? заботливо спросила Ольга, кутаясь въ наскоро наброшенный ленъюаръ.

— Павелъ умираетъ, не подумавъ отвѣтилъ Терминъ, у котораго при быстромъ переходѣ отъ холода къ теплу закружилась голова. Онъ присѣлъ на стулъ и машинально вынулъ портсигаръ.

— Павелъ Александровичъ умираетъ! громко воскликнула Ольга, широко раскрывъ глаза, и на нѣсколько секундъ какъ бы замерла на мѣстѣ. Анна Павловна взяла стаканъ съ водой и подала его ей, крѣпко ложавъ ея руку. Прикосновеніе дружеской руки и ласковый взглядъ придали молодой дѣвушкѣ силы, и, не лускаясь въ разспросы, она проворно принесла изъ кабинета просимую книгу и пошла за аптечкой.

— Простите, Анна Павловна,—спохватился Терминъ, увидѣвъ что Горская держитъ предъ нимъ свѣчу, предлагая закурить. Я не курилъ съ семи часовъ и машинально взялся за папиросы.

Онъ вкратцѣ разказалъ болѣзнь Нилова. Анна Павловна увѣряла его что это не тифъ, а скорѣе сильная простуда, которая можетъ кончиться благополучно. Порѣшили поставить горчичники, на голову класть компрессы и дать пріемъ хины. Ольга, совершенно овладѣвшая собой, выспросила еще кое-какія подробности, пока Анна Павловна ходила за спиртовою лампочкой и разными мелочами и пришла къ убѣжденію что Ниловъ боленъ опаснѣе чѣмъ даже предполагалъ Терминъ. У нея сжалось сердце, и ею овладѣла та щемящая сердце тоска которая является когда мы слышимъ разказъ о бѣдствіи постигшемъ людей намъ дорогихъ и близкихъ и не можемъ имъ помочь, не можемъ облегчить ихъ страданія, не можемъ даже сказать имъ слово утѣшенія. Когда все было готово и закутанный Кирилычъ ломогъ Термину надѣть его охобень, когда за нимъ хлопнула калитка, и въ домѣ снова водворилась тишина, Ольга, простившись съ усталою Анною Павловной, вернулась въ свою комнату. Тоска ея все усиливалась, мрачныя картины рисовались въ ея разстроенномъ воображеніи, и она не могла помириться съ мыслею что у постели быть-можетъ умирающаго Нилова сидитъ старый Кирилычъ который, при всемъ своемъ усердіи и добромъ желаніи, не можетъ принести больному и десятой доли той пользы какую принесла бы даже простая сидѣлка. Она вспомнила свой послѣдній разговоръ съ Ниловымъ, его мрачныя предчувствія, его боязнь за свою мать, его убѣжденіе что кромѣ матери и Термина не найдется

никого кто бы пожалѣлъ его, кто бы рѣшился ради его на какую бы то ни было жертву.

Стихавшій буранъ уныло завывалъ по пустыннымъ улицамъ; Ольга, прислонясь къ окну, вглядывалась въ темноту, и обликъ больнаго Нилова все явственнѣе вырѣзывался предъ ея внутреннимъ взоромъ; его синіе глаза какъ живые смотрѣли на нее изъ темноты молящимъ взглядомъ. Ольга явственно слышала учащенные удары своего сердца; въ ея головкѣ шла усиленная работа мысли. Сердце спорило съ холоднымъ разсудкомъ и старалось залить его молодою, горячею кровью, кровью еще не зараженною порывами страсти. „Его некому ободрить словомъ сердечнаго участія, ему не съ кѣмъ обмѣняться быть-можетъ послѣдними мыслями, некому передать послѣдняго желанія, не съ кѣмъ послать послѣдняго привѣта“, подсказывало сердце, и у разсудка оставался лишь одинъ аргументъ: „что о тебѣ скажутъ, что подумаютъ если ты пойдешь ночью одна въ квартиру молодыхъ людей, къ постели человѣка не роднаго, не близкаго?“ Не близкаго?.. да, онъ близокъ своимъ честнымъ сердцемъ, своими взглядами...

Погруженная въ свои думы, Ольга машинально подошла къ шкафу, достала свое ежедневное платье, свои теплые сапожки и начала одѣваться. Старуха-няня слышавшая въ сосѣдней комнатѣ весь разговоръ съ Терпинымъ и видѣвшая свѣтъ въ комнатѣ Ольги, осторожно вошла и обомлѣла.

— Барышня! голубушка! что вы хотите дѣлать? тревожнымъ, сдержаннымъ шепотомъ заговорила она, кидаясь къ Ольгѣ.

— Ахъ няня! какъ я рада что ты проснулась! ты меня выпустишь.

— Побойтесь Бога, барышня! Что вы хотите дѣлать? Что господа скажутъ! Да можетъ онъ и боленъ-то просто... ну простудился молодецъ, сразу вѣдь не умретъ.

— Нянюшка, не лугайся и не отговаривай меня. Еслибы пришла Анна Павловна, я бы и ее не послушала. Кто меня хорошо знаетъ—дурно не подумаетъ. Выпусти ты меня тихонько; если тамъ нѣтъ большой опасности, я тотчасъ вернусь, а если худо, то какъ проснется Анна Павловна ты ей скажешь.

— Да что же я скажу? Какъ я скажу?

— Скажи просто: барышня отъ Термина узнала чего онъ вамъ не говорилъ и не захотѣла чтобы Павелъ Александровичъ умеръ одинъ.

Старуха, знавшая твердый характеръ барышни, не стала болѣе разсуждать. Она только старательно ее закутала и тихо провела до наружныхъ дверей.

Ключъ отъ второй калитки съ двернымъ замкомъ былъ въ кабинетѣ. Ольга взяла его, позвала съ собою самую большую собаку, Цала, и вышла на улицу. Буранъ совсѣмъ затихалъ, но и слабыхъ порывовъ вѣтра было довольно чтобы сразу запорошить Ольгу съ головы до ногъ. Цалъ, какъ бы понявъ роль охранителя, ни на шагъ не отходилъ отъ молодой дѣвушки и ло временамъ, когда приходилось пробираться чрезъ наметенные сугробы, служилъ ей точкой опоры. Скоро добрались до протока и лодошли къ дому который уже получилъ отъ Золотимцевъ названіе *питерскаго подворья*.

Калитка оказалась не запертою, на дворѣ не было ни души, и только двѣ собаки кинулись на входившую, но встрѣтивъ носъ къ носу грозную морду Цала, трепавшаго ло очередно всѣхъ золотимскихъ собакъ, быстро кинулись подъ телѣгу.

Сѣни, какъ и калитка, были отперты, и Ольга, никогда не бывавшая въ этомъ домѣ, не знала куда ей идти. Случайно она вспомнила слова Термина: „наша скверная лѣстница“ и ощупью найдя ступени, поднялась на верхъ.

Въ небольшой, довольно низкой комнатѣ въ два окна, замѣнявшей гостиную, лежалъ Ниловъ. Бѣлыя стѣны, отсутствіе гардинъ на окнахъ, ярко выкрашенный желтою краской полъ дѣлали комнату похожею на больничный покой. Кирилычъ, въ длинномъ сюртукѣ, повязанный бѣлымъ платкомъ вокругъ шеи, своими сѣдыми баками и очками напоминалъ англійскаго проловѣдника и съ раскрытою книгой на колѣнахъ какъ будто пришелъ напутствовать больнаго душеспасительною бесѣдой.

Ниловъ лежалъ на большомъ диванѣ; на одномъ изъ тѣхъ дивановъ у которыхъ ящикъ подъ сидѣньемъ даетъ возможность замѣнить имъ постель. Спинка была снята, а диванъ поставленъ перпендикулярно къ стѣнѣ, что давало возможность подходить къ больному со всѣхъ сторонъ. Кирилычъ усѣлся въ ногахъ на креслѣ, и устроивъ изъ листа

бумаги абажуръ, который закрывалъ отъ больнаго свѣтъ маленькой лампы горѣвшей на столикѣ, читалъ свой Псалтырь. Кромѣ лампы, въ углу горѣла лампада, и въ комнатѣ жарко натопленной слышался тяжелый, смѣшанный запахъ плохаго керосина и деревяннаго масла. Ниловъ лежалъ въ полузабытьи, и его перерывистое дыханіе по временамъ смѣнялось легкими безсознательными стонами и тихимъ бредомъ. На головѣ его былъ положенъ компрессъ изъ полотенца, расшитаго пестрымъ узоромъ, и его блѣдное лицо рельефно вырѣзывалось изъ-подъ этой импровизованной чалмы.

Ольга прямо съ лѣстницы попала въ комнату замѣнявшую молодымъ людямъ столовую. На тоненькомъ тюфячкѣ, брошенномъ на полъ, спала старуха, исполнявшая должность экономки и кухарки у молодыхъ людей.

Старуху Степаниду, по прозванію „нянюшка“, зналъ почти весь городъ. Маленькая, худая, съ типичнымъ лицомъ няни былыхъ временъ, она по отбытіи каторжныхъ работъ попала подъ манифестъ и поселилась лѣтъ за десять до пріѣзда Нилова въ Золотинскѣ. Тихая, услужливая, ласковая со всѣми, она кочевала изъ дома въ домъ, то нянча дѣтей, то исполняя обязанности кухарки; никогда не назначая сколько ей платить, она получала не болѣе двухъ, трехъ рублей въ мѣсяцъ, да какой-нибудь обносокъ. Терминъ случайно встрѣтилъ ее на базарѣ, разговорился и предложилъ ей поступить къ нимъ. Старуха попросила взять ее на пробу и въ нѣсколько дней привязалась къ молодымъ „барчукамъ“, какъ она съ перваго же дня прозвала молодыхъ хозяевъ, и они были оба рады пріютить старуху.

Когда скрипнула дверь отворенная Ольгой, старуха приподнялась и шепотомъ спросила: „кто тамъ?“

— Это я, нянюшка, также шепотомъ отвѣтила Ольга, — каково больному?

— Здравствуй, красавица! заторопилась старуха, вставая на ноги и зажигая свѣчу. Она по голосу узнала Ольгу и ни сколько не удивилась ея приходу.—Доброе дѣло, барышня, что пришла, а то съ Кирилычемъ сладу нѣтъ, хорошій человѣкъ—да упрямъ. Ты его приструнь. Статочное ли дѣло въ такой жарѣ морить больнаго!

И старуха начала раскутывать Ольгу, какъ будто только и ждала ея прихода. Этотъ пріемъ со стороны Степаниды, такъ просто отнесшейся къ проступку казавшемуся Ольгѣ

чѣмъ-то необычайнымъ, успокоительно подѣйствовалъ на натянутые нервы дѣвушки. Ей почему то пришла на память французская поговорка „puis que le vin est tiré, il faut le boire“, и она послала Степаниду за Кирилычемъ.

Кирилычъ увидѣвъ Ольгу остолбенѣлъ и чуть не перекрестился.

— Барышня?! Господи помилуй! уже не стряслось ли что у насъ?! чуть не закричалъ старикъ.

— Тише, Кирилычъ, я пришла посмотрѣть въ какомъ положеніи Павелъ Александрычъ.

— Да развѣ это возможно!? Молодая барышня, въ холостую квартиру...

— Довольно! мнѣ не нужно вашихъ разсужденій, рѣзко остановила его Ольга, зная что это единственный способъ удержать фонтанъ краснорѣчія у возмущеннаго старика. — Вы сдѣлаете все то что̀ я вамъ скажу, а поговоримъ мы когда минуетъ опасность, добавила она чтобы не разобидѣть совсѣмъ сконфузившагося Кирилыча. — Что̀ Павелъ Александровичъ въ сознаніи или нѣтъ?

— Трудно сказать, барышня! Вѣрнѣе что нѣтъ, хотя меня два раза по имени назвалъ и разъ пить попросилъ.

— Что̀ же вы ему дали?

— Водицы отварной, да вылюнули. Сельтеру хотятъ, да гдѣ его возьмешь? Въ здѣшней магазеѣ татарской былъ осенью по рублю бутылка, да и тамъ теперь нѣтъ.

— Это шипучей-то? что̀ же ты мнѣ не сказалъ? у насъ цѣлый ящикъ стоитъ, да и машинка у господъ въ исправности, и пороточки гдѣ лежатъ я знаю! Экъ ты! заворчала Степанида.

— Скорѣе, нянюшка, достаньте, Кирилычъ вамъ поможетъ, сказала Ольга и пошла въ комнату больнаго.

Кирилычъ укоризненно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и только головой покачалъ.

— Чего головой-то трясешь! сердито шепнула ему Степанида, зажигая фонарь.— Псалтырь да Евангеліе похода читаешь, а какъ пришла чистая душа болящаго посѣтить, ты, на поди! барышню корить началъ. Сказано „къ чистому не пристанетъ“, а чище ее-то мы съ тобою здѣсь другой не видали.

— Да вѣдь холостые...

— Такъ что жъ холостые! Изъ холостыхъ-то женатые бываютъ. Нешто она съ лукавствомъ али съ дурною мыслью?

А какъ ломретъ барикъ, то развѣ не лучше что чистая душа при немъ будетъ. Може онъ ей какое слово душевное передастъ, матери что̀ попросить сказать. Намъ-то съ тобой и не сказалъ бы, а ей скажетъ. Эхъ вы!

И сопровождаемая сбитымъ со своихъ убѣжденій Кирилычемъ, старуха пошла внизъ.

Когда Ольга вошла въ комнату больнаго, ей ударило въ голову отъ духоты, жары и тяжелаго запаху. Самодѣльный абажуръ Кирилыча упалъ, и свѣтъ отъ лампы ярко освѣщалъ лицо Нилова. Глаза его были широко раскрыты, и онъ изумленно смотрѣлъ на вошедшую. Ольга подумала что онъ узналъ ее, но тотчасъ убѣдилась въ своей ошибкѣ.

— А! мама... заговорилъ отрывисто Ниловъ:—мама, когда же ты пріѣхала?... ты знаешь, ея не было... и той другой тоже... знаешь, той кому я отдалъ свое сердце... ужь она его мучила-мучила, терзала, издѣвалась и непремѣнно бросила бы, да я вовремя ополчился...

Было что-то трогательное въ этой безпомощности и дѣтской откровенности больнаго. Ниловъ тяжело вздохнулъ, перемѣнилъ положеніе и опять быстро заговорилъ:—Ждалъ, ждалъ, и Дмитрій ушелъ... вѣрно и я скоро уйду. Ты, мама, не оставляй меня здѣсь... Ахъ! какъ мнѣ пить хочется... свѣжаго такого, знаешь...

Онъ закрылъ глаза и снова впалъ въ забытье. Ольга быстро подошла къ постели и тронула компрессъ. Влага испарилась, и тяжелое горячее полотенце видимо только усиливало приливъ крови. Снявъ полотенце, Ольга вышла въ другую комнату, открыла форточку и доставъ изъ-за окна нѣсколько горстей снѣгу, и вернувшись къ больному положила ему на голову холодный компрессъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Ниловъ глубоко вздохнулъ и заговорилъ совершенно другимъ голосомъ:

— Спасибо, Степанида! теперь хорошо! пить бы мнѣ только, я бы заснулъ. Да одѣяла бы эти поснимать, тяжело отъ нихъ.

Въ эту самую минуту вошедшая Степанида, замѣтивъ знаки которые ей дѣлала Ольга, наклонилась надъ больнымъ.

— Принесла тебѣ, батюшка, пилючки; сейчасъ Кирилычъ откупоритъ. Давай Кирилычъ! давай скорѣе! барчукъ-то нашъ очнулся, радостно торопила она вошедшаго Кирилыча.

Кирилычъ, видя что Ольга Петровна стоитъ въ тѣни и держитъ палецъ на губахъ, догадался что больной не знаетъ

объ ея присутствіи. Онъ приподнялъ голову Нилову и помогъ напиться; Степанида снова устроила абажуръ у лампы, и по знаку Ольги указала Кирилычу на дверь, куда тихо выходила барышня. Старикъ за нею послѣдовалъ.

— Вотъ что̀ нужно сейчасъ же сдѣлать Кирилычъ. Откройте въ печкѣ трубу, вынесите лампу и вмѣсто ея зажгите свѣчу. Лампадку тоже уберите. Въ этихъ комнатахъ отворите форточки, и когда немного остынетъ, отворите дверь къ Павлу Александровичу. Вы поставили ему горчичникъ?

— Нѣтъ еще, барышня; не зналъ куда ставить.

— Поставьте къ ногамъ, къ икрамъ. Компрессъ лучше всего дѣлайте изъ снѣгу, да изъ тонкихъ полотенецъ, а то это тяжелое. Гдѣ стклянка что̀ вы отъ насъ принесли? Давайте сюда. Ольга взяла салфетку, намочила ее водой съ о-де-колономъ.—Этой салфеткой помахайте въ комнатѣ и повѣсьте ее около постели. Одѣяла лишнія снимите, оставьте одно; довольно будетъ.

Кирилычъ вернулся къ больному, и скоро всѣ приказанія молодой дѣвушки были исполнены. Воздухъ въ комнатѣ посвѣжѣлъ, міазмы исчезли. Больной тихо заснулъ. Степанида, замѣнившая Кирилыча у постели, аккуратно складывала полотенца, для перемѣнныхъ компрессовъ, и вязала чулокъ, котораго не покидала ни въ какую минуту.

Слабый свѣтъ началъ брезжить въ окна когда Ольга, убѣдясь что все возможное до пріѣзда доктора ею сдѣлано, вошла еще разъ въ комнату Нилова, и приблизилась къ его постели. Ровное и покойное дыханіе указывало что въ данную минуту опасности нѣтъ. Ольга положила руку на голову больнаго и замѣтила что жаръ значительно уменьшился. Въ ту минуту когда она хотѣла отнять руку, Ниловъ повернулся и крѣпко прильнулъ къ рукѣ воспаленными губами.—

— Спасибо мама! шепталъ онъ во̀ снѣ:—мнѣ хорошо! такъ хорошо...

Ольга не рѣшалась отдернуть руку, боясь что онъ очнется. Но больной самъ еще разъ повернулъ голову, рука освободилась, и дѣвушка вся вспыхнувшая вышла изъ комнаты, шепнувъ Степанидѣ: „помни няню̀тка не говори что я была“.

— Не скажу̀, родная, не бойся. И старый молчать будетъ. Иди домой, отдохни. Да все съ себя скинь, не ровно болѣзнь-то прилипчива.

Ольгу какъ будто кольнуло отъ послѣднихъ словъ старухи; ей до этой минуты въ голову не приходило о возможности зараженія. За себя она не боялась... но Горскіе?

Когда Ольга вернулась домой, всѣ еще спали, одна лишь няня лоджидала барышню и отворила ей двери. По просьбѣ Ольги, она затопила печь въ ванной и вывѣсила шубку дѣвушки на морозъ.

„Такъ вотъ у него какое горе въ прошломъ!“ вдругъ припомнилось Ольгѣ: „несчастная, поруганная любовь... А онъ... онъ умѣетъ любить!“ мысленно закончила она съ какою-то безсознательною увѣренностью.

Къ восьми часамъ утра, Ольга, принявшая ванну и сжегшая все въ чемъ она была въ комнатѣ у больнаго, сидѣла у постели Анны Павловны и подробно разказывала ей свою ночную экскурсію. Она, какъ и думала, не встрѣтила отъ Анны Павловны упрековъ, ни даже порицанія своему поступку. Горская замѣтивъ мокрые волосы у Ольги и перемѣну ея ежедневнаго костюма оцѣнила внимательность молодой дѣвушки и сама придумала какъ предупредить любопытство дѣтей, для которыхъ пропажа платья у Ольги не могла пройти незамѣченною. Явился Кирилычъ съ радостною вѣстью что Нилову лучше, что онъ его узналъ и просилъ не входить въ домъ Горскихъ и вести переговоры въ сѣняхъ. „Боится баринъ, не прилипчивая ли болѣзнь у него“, добавилъ Кирилычъ, буквально исполнившій приказаніе и не вошедшій даже во дворъ, а потребовавшій няню къ калиткѣ.

Днемъ подъѣхали Терминъ съ Вельшемъ. Докторъ расхвалилъ всѣ принятыя безъ него мѣры, сказалъ что опасность миновала и посовѣтовалъ, какъ только больной оправится, переѣхать изъ города.

Приближался Великій Постъ, и Терминъ рѣшилъ что они переѣдутъ на пріискъ. Напрасно Горскіе, Ватрушинъ и Осиповы уговаривали молодыхъ людей дождаться праздника и таянія снѣга; рѣшеніе ихъ было непоколебимо, и въ началѣ февраля лихая тройка выѣхала изъ воротъ „Петербургскаго подворья“. Большое общество проводило выздоравливавшаго больнаго до переправы, а Таркизъ встрѣтилъ его на другой сторонѣ рѣки, гдѣ была разбита юрта и приготовленъ настоящій домъ на полозьяхъ, старинный огромный возокъ, въ которомъ когда-то путешествовалъ губернаторъ.

Ниловъ доѣхалъ благополучно до Таркизова улуса, и Терминъ увѣдомилъ золотимскихъ друзей что больной съ каждымъ часомъ чувствуетъ себя здоровѣе и крѣпче, „а ѣстъ такъ что даже страшно смотрѣть“. Ниловъ просилъ передать городскимъ друзьямъ что пріѣдетъ лично благодарить своихъ спасительницъ. Ольга вслухнула при этихъ словахъ, и Анна Павловна какъ ни старалась, не могла ломочь ей скрыть свое замѣшательство отъ дѣтей. Хотя никто не зналъ о ночной экскурсіи Ольги, но всѣ смутно догадывались что между Ольгой и Ниловымъ есть какая-то тайна, и дѣти, подѣлившись на два лагеря, тихонько строили всевозможныя предположенія. Вѣра была въ отчаяніи, и съ горя начала писать стихи.

XIV.

Лихо домчалъ Таркизъ своихъ гостей до улуса. Губернаторскій возокъ скользилъ по гладкой дорогѣ какъ по рельсамъ. Ни ухабовъ, ни толчковъ; дорога, словно серебряная, усыпанная алмазами лента, уходила подъ полозья, и солнце весело играло надъ безконечною леденой дѣвственнаго снѣга. Гости не узнали Таркизова улуса; лѣсокъ безъ листьевъ стоялъ весь сквозной и казался маленькимъ, жиденькимъ насажденіемъ. Большая юрта уже не бѣлѣла, а вырѣзывалась грязно-бурымъ пятномъ на бѣлой скатерти. Занесенный снѣгомъ дворъ, съ протолтанными кое-гдѣ тропинками, казался пустынною, заброшенною усадьбой, и заиндевѣлыя, занесенныя окна деревяннаго дома какъ-то подслѣповато щурились на пріѣзжихъ. И дворня Таркиза, въ невозможныхъ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ забитое тѣло, выглядывала какою-то забитою и несчастною. Только молоденькая хозяйка произвела на гостей то же впечатлѣніе свѣжести и миловидности, которыя такъ плѣнили ихъ при первомъ знакомствѣ. Одѣтая въ коротенькую шубку по таліи, крытую синимъ сукномъ съ красною оторочкой, въ мѣховой собольей шапочкѣ и въ бѣлыхъ мѣховыхъ сапожкахъ, съ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ блестящими глазками, она напоминала среди непригляднои обстановки сказочную Снѣгурочку, любимую дочку дѣдушки Мороза, не велико-русскаго сердитаго и мрачнаго старика, а сибирскаго, веселаго, который позволяетъ людямъ погрѣться дешевыми дровами, покушать и хлѣба и мяса,

пострѣлять краснаго звѣря въ своихъ непроглядныхъ, неисходимыхъ лѣсахъ. Старикъ южной Сибири и не слыхивалъ о мукѣ изъ лебеды, о томъ что люди могутъ ѣсть такой хлѣбъ, отъ котораго и собака отворачивается. Соломы тамъ съ крышъ скотинѣ на кормъ не стаскиваютъ, потому что только лѣнивый да пролойца сѣна не заготовитъ, да еще и потому что соломой крышъ не кроютъ, когда есть изъ чего тесу наготовить.

Варенька провела гостей прямо въ домъ и вновь они увидѣли накрытый столъ, дымящійся супъ и бутылки съ золотою осылью. На отдѣльномъ столикѣ красовался мельхіоровый спиртовой кофейникъ со всѣмъ приборомъ.

— Что это у васъ, новинка? спросилъ Терминъ у Варенькн, указывая на кофейникъ.

— Къ празднику ей подарилъ! просыла! говорытъ, гости пріѣдутъ, такъ лучше, чище, пояснилъ Таркизъ и тутъ же подробно разказалъ, какіе барыши дерутъ со всѣхъ золотимскіе монополисты.—Другой раза, то аль это кулыла бы— нельзя. Зачѣмъ дуракомъ быть, три раза дороже платить. Просышь съ ярмарка Нижняго привезти знакома. Пулъ-года, цѣла года ждешь. Скучна!

Подали курицу съ рисомъ въ родѣ пилава и къ ней бѣлый соусъ съ каперцами.

— Пробуй рисъ! Лучше чѣмъ былъ тотъ разъ, это я въ кумланствѣ купилъ.

— Въ какомъ комланствѣ?

— Вамъ двумъ провизію изъ Москвы привезли такую хорошую и не дорого, сказала Варенька, кладя Нилову еще кусочекъ;—вотъ у Анны Павловны и составили такую... какъ это? ну вотъ что вмѣстѣ складываются чтобы больше купить и лучше и дешевлѣ.

— А! камланію на акціяхъ.

— Да! да! вотъ какъ паруходъ на Волга. Одному не купыть; нѣсколько человѣка деньга вмѣстѣ, а за мѣсто расписки „акцій“. Годъ кончался, барышъ подѣлилъ, процентъ получалъ. Словъ такая мудрена: да... дивд... не выговору, засмѣялся Таркизъ.

— Дивиденд, подсказалъ Терминъ.

— Онъ! онъ! мудреная вещь человѣкъ въ свой голова полридумаетъ.

— Ну что, Варенька, какъ ваше ученье идетъ? спросилъ Ниловъ дѣвочку.

— Ольга Петровна говоритъ что она довольна, сконфузилась и опустила глаза Варенька.

— Отчего вы въ день рожденья Николая Павлыча не пріѣхали въ городъ?

— Ой нѣтъ, что бы я тамъ дѣлала? Говорить не умѣю, ничего не знаю, гости надо мной смѣяться станутъ... Да не такъ какъ вы: вы прямо смѣетесь и меня поправляете, также какъ и Горскіе всѣ; это ничего, только что развѣ покраснѣю. А гостьи и эти разныя дамы... вотъ тамъ Слемина была, такая насмѣшница; все такъ не добро какъ-то смотритъ; ротъ смирный, а глаза бѣгаютъ такъ по мнѣ, по всей, булавками; и такъ зло! зло! и смѣется какъ-то глазами, и по иностранному осмѣетъ. Я не понимаю, а знаю, такъ внутри себя знаю, что зло...

— Не хорошій дамъ Слемиха! оживился Таркизъ.—Красивый, очень красивый, а женщинъ не хорошъ. И мущинъ такой плоха былъ бы, а женщинъ совсѣмъ не хорошъ. Деньга у! у! у! какъ крѣпко любитъ! Что продашь, купишь, съ ней расписка бери, а то пропалъ. „Головка муй такой слабая!“ передразнилъ ее Таркизъ:—„ничего не помнилъ, все забывалъ.“ А чего забывалъ? лучше всякій мужикъ-кулецъ помнитъ!

— Ей, какъ женщинѣ, трудно дѣло вести, возразилъ Терминъ;—ее каждому обмануть легче.

— Ее обмануть?. какже! нѣтъ, тотъ не родился еще, кто ее обманулъ. Какъ эта по-русски: купитъ тебя, продастъ, выкупитъ, перепродастъ, а ты знать не будешь, вѣдать не будешь!

— Тебѣ развѣ не случается обманывать, Петръ Акимычъ?

— А развѣ безъ обманъ на эта земля проживешь? У Бога тамъ, священникъ говорилъ, нѣтъ обманъ, а здѣся обманъ кругъ каждаго... Ты меня не обманешь, онъ не обманетъ, Горскій не обманетъ, еще одинъ, два человѣка; а другой, всякій? Я баранъ продаю, корову, быкъ, лошадь продаю — глазъ у человѣка есть? ума есть? смотри что берешь... Разъ одна такъ была, пріѣхалъ кулецъ, говоритъ: „Петръ Акимычъ, нужно мнѣ столько лошадь, столько скотъ. Скажи мнѣ Божеска цѣна, настояща, на твой совѣсть.“ Я ему говорю: „сама будешь выбирать?“—„Нѣту, говоритъ, на твоя совѣсть.“ Ты што думалъ? обманулъ я его? Спросы Варынька; скотъ настояща, хороша отобралъ; цѣна правильна взялъ. Теперь другъ! вонъ серебряну столку въ подарокъ присылалъ...

А другой говоритъ прямо: „звай я тебя! вы всѣ мошенныкъ!“ А! мошенныкъ?! хорошо. Онъ выбираетъ, цулать, смотритъ; я молчу, только цѣнъ говору. Бульшой цѣнъ, три разъ больше. Торговался, полцѣнъ больше заплатилъ, скотъ логана забиралъ. А потомъ кричитъ: „мошенныкъ!“ кто обмануъ, кто выбиралъ, кто цѣнъ давалъ?. онъ?! ну онъ и мошенныкъ. Я слово туго даю, а далъ—хоть летя полѣзай, держи! зачѣмъ давалъ?!. А другой не то слово, образъ снималъ, бульшой, великій клятва божился и обманывалъ. Какъ съ такимъ жить? какъ дѣлъ вести? Я правду, онъ обманъ; чрезъ три годъ нищій съ сумка пойдетъ. Эхъ!

Обѣдъ кончился. Варенька спросила что-то у отца, на ихъ языкѣ. Таркизъ обратился къ гостямъ:

— Гость у меня тутъ есть. Нашъ человѣкъ съ Тибету. Можно его сюды звать?

— Ты хозяинъ, Петръ Акимычъ, а мы такіе же гости, какъ и онъ, насъ спрашивать не нужно, отвѣтилъ Ниловъ.

— Нѣтъ! здѣсь Варынька хозяйка, я хозяинъ въ юрта. Это Варынькы домъ, дорогихъ гостей домъ. Ее Ольга Петровна такъ училъ что нужно старщихъ спрашивать.

— Что ты, Петръ Акимычъ, про Ольгу Петровну все поминаешь, а не про Горскаго и его жену?

— По мой разумъ, баба бабу должонъ учить, дѣвка дѣвку. Горскаго голова большаго ума, онъ насъ учить можетъ, а это мелко дѣло для него лустакъ. Такъ можно мой гость лустить? Умна человѣкъ, учена много; съ самимъ Вельтъ говоритъ умѣетъ и споритъ тоже. Далай-Лама знаешь? монастырь слыхалъ? Тамъ училася, въ Тибету; въ Китаѣ былъ, четыре языка говоритъ; ло-русски какъ Варынька, много лучше меня говоритъ. Онъ Павлу Александрычъ хороша совѣтъ, ломощь дастъ. Для того недѣлю у себя держу, не лускаю. Нашимъ, простымъ, онъ шамана ломаетъ; а онъ доктуръ.

— И ты еще спрашиваешь, Петръ Акимычъ, можно ли его лустить, когда мы тебя благодарить должны!

— Чего благодарыть? мы другъ, кунакъ: такъ должно дѣлать. А ты, Варынька, Митку покажь—смирна Митка, какъ собакъ смирна сталъ, ласкова.

Таркизъ ушелъ, а Варенька выбѣжала изъ комнаты и вернулась, ведя на цѣпочкѣ, подареннаго ей пѣстунка. Митка раздобрѣлъ, но мало выросъ и былъ совсѣмъ смирный. Онъ

ловюхалъ, какъ собака, обоихъ гостей, и увидя что его хозяйка начала готовить кофе, сѣлъ на заднія лапы и началъ кланяться и ласково урчать.

— Сахару просить, пояснила она гостямъ,—очень сладкое любитъ, а больше всего наливку, лукаво добавила она, поглядывая на Термина, который пилъ кофе безъ сахару, но любилъ наливку.

— Миша, хочешь наливки? обратилась она къ медвѣдю.

Мишка поднялся во весь ростъ и началъ отвѣшивать поклоны до самаго полу. Всѣ разсмѣялись.

— Хочешь, Миша? ну поди снѣгу принеси!

И Варенька дала ему маленькое ведро. Мишка взялъ его за ручку въ зубы и урча пошелъ изъ комнаты.

— Посмотрите! посмотрите! весело защебетала Варенька. Ея еще дѣтская веселость смѣнила напускную сдержанность, которую она сохраняла при отцѣ.—Смотрите въ окно какъ онъ будетъ снѣгъ набирать въ ведерце; онъ въ другомъ мѣстѣ не смѣетъ.

Мишка важно разсѣлся, поглядывая въ окно, положилъ ведерко бокомъ и придерживая одною лапой, другою началъ загребать въ него снѣгъ. Нѣсколько маленькихъ инородцевъ уже успѣли его окружить и прыгали кругомъ какъ обезьяны, но Мишка не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Довольно Миша! довольно, иди сюда! забарабанила по стеклу пальцами Варенька. Мишка сейчасъ же послушался и понесъ ведерку домой.

— Зачѣмъ вамъ снѣгъ, Варенька? спросилъ ее Терминъ.

— Вы тогда сказали что наливка вкуснѣе, когда холодная, а я теперь сейчасъ вспомнила. Вѣрно вы оттого одну только рюмку выпили что она не холодная. Я ее въ снѣгъ поставлю.

— Ахъ вы милая дѣвочка! весело воскликнулъ Терминъ, цѣлуя ее. Варенька вся вспыхнула, чуть вскрикнула и бѣгомъ кинулась въ гостиную.

— Вотъ тебѣ разъ! кажется, маленькая красавица въ тебя влюбилась!? пошутилъ Ниловъ.

— Эта побѣда не опасная, ни для нея, ни для меня, но право что за прелестная дѣвочка! Какъ много въ ней женственности и граціи!

— Женственности конечно больше чѣмъ въ твоей другой побѣдѣ?

— Какой побѣдѣ?

— Полно, Дмитрій, не хитри. Зачѣмъ было такъ тщательно прятать отъ меня письма Mme Слеминой и оставлять на моемъ столѣ ея конверты, которыхъ, благодаря вензелю, нельзя не узнать! Вѣрь мнѣ, кромѣ горечи, эта начинающаяся интрига ничего тебѣ не доставитъ.

— Только ради Бога, Павелъ, не каркай заранѣе. Мы съ тобой на два года связаны честнымъ словомъ, которое нарушить не способны, а въ два года мы еще многое увидимъ.

Вошедшій Митька, поставивъ на полъ ведро со снѣгомъ, точно человѣкъ теръ себѣ губы, обожженныя холоднымъ желѣзомъ, и тревожно озирался, не видя своей хозяйки. Терминъ нагнулся чтобы взять ведро, но Митька враждебно надвинулся и сердито заворчалъ.

— Вотъ ты какой! крикнулъ на него Терминъ, и взявъ медвѣдя за шиворотъ началъ отталкивать его въ сторону. Сперва Митька барахтался слабо, но вдругъ, въ его маленькихъ глазкахъ сверкнулъ зеленый огонекъ, и онъ, взревѣвъ весьма внушительно, полѣзъ на Термина. Въ то же мгновеніе влетѣла въ комнату Варенька съ револьверомъ въ рукѣ, и сильно ударивъ стволомъ по головѣ Митьки, закричала по инородчески. Митька разомъ присмирѣлъ и заурчавъ жалобно, какъ ребенокъ, началъ лизать ей руку.

— Гадкій, противный, злой, пошелъ вонъ! ничего тебѣ не будетъ, пошелъ, айда!... кричала на него дѣвочка, перепугавшись за Термина: медвѣдь легъ въ растяжку и тихонько визжалъ какъ маленькій щенокъ.

— Оставьте его Варенька, вступился Терминъ,—я самъ виноватъ, началъ его дразнить.

— Такъ что жь дразнить? Людей дразнятъ—терпятъ, а онъ потерпѣть не хочетъ. Я его по часу дразню, когда скучно, и онъ терпитъ, а тутъ смѣлъ такъ ревѣть! Онъ укусить васъ могъ. У, противный, зеленые глаза, гадкіе! Покажи глаза, сейчасъ покажи!

Митька вертѣлъ мордой и старался лизнуть руку Вареньки. Та отвела его въ уголъ, посадила и поставивъ предъ нимъ рюмку наливки крикнула: „смотри не смѣй пить, слышишь?“

— Какъ вы не боитесь такъ обращаться съ револьверомъ, замѣтилъ ей Ниловъ,—не дай Богъ выстрѣлитъ.

— Этотъ? нѣтъ! это сломаный, старый, я имъ Митьку учила когда онъ ласки не слушалъ. Онъ его знаетъ. Палки

и клетка его не пронимаютъ, только отъ желѣза ему больно! наивно объясняла дѣвочка, поставивъ бутылку въ снѣгъ и заправляя кофейникъ.

Таркизъ вернулся, ведя за собою высокаго инородца, лѣтъ подъ сорокъ. Его смуглое овальное лицо, съ выдавшимися скулами, узкими глазами и длинными, тонкими усами, очень подходило къ тѣмъ изображеніямъ Китайцевъ которыя мы привыкли видѣть на китайскихъ картинкахъ. По внѣшности, онъ не имѣлъ ничего общаго съ инородцами, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, а его хотя и узкіе но красивые глаза отличались живостью взгляда и тою особою проницающею силой которая составляетъ отличительную особенность магнитизеровъ и укротителей звѣрей. Сложенъ онъ былъ настолько красиво и пропорціонально что его большой ростъ становился замѣтнымъ только при сравненіи съ другими.

— Вотъ мой пріятель, Домажгирь-Лама, двоеданецъ, Горскаго знаетъ, Вельшу пріятель, прошу полюбите.

— Мы слышали о тебѣ, Домажгирь, много хорошаго. Будемъ знакомы, сказалъ Терминъ, протягивая ему руку, но ломая бывшій у нихъ съ Горскимъ разговоръ о двоеданцахъ, не подымаясь съ мѣста.

— Я, баринъ, тоже много слыхалъ о васъ обоихъ. Счастливъ что свидѣлся и познакомился, отвѣтилъ двоеданецъ, ложимая протянутую ему руку и отвѣшивая низкій поклонъ.

— Говорятъ, ты искусно лѣчишь? спросилъ его Ниловъ, здороваясь въ свою очередь.

— Искусно ли не знаю; удачно часто бываетъ, отвѣтилъ Домажгирь, садясь на пододвинутый ему стулъ. — Своихъ иначе лѣчу; а имъ представляю, вотъ какъ у васъ въ театрѣ. Безъ этого нельзя. Слушать и вѣрить не будутъ. Вотъ Вельшу меньше меня вѣрятъ, а ихъ лучше его лѣчу. Имъ шайтанъ нуженъ, усмѣхнулся двоеданецъ.

— Правда что у тебя сила въ глазахъ особая? что ты усыпить можешь?

— Правда и неправда. Всякаго человѣка не могу, а звѣра могу: у всякаго человѣка, много-мало, эта сила есть, а у звѣря очень рѣдко. Вотъ я Варенькy надъ Мишкой училъ, и у нея есть, она знаетъ.

— Покажи имъ, Домажгирь-Лама, пожалуста покажи, начала ласкаться къ нему Варенька.

Домажиръ ласково погладилъ дѣвочку по головкѣ и безпрекословно направился къ медвѣдю. Бѣдный Мишка грустно сидѣлъ въ углу и умильно поглядывалъ все время то на дѣвочку, то на калишку.

Двоеданецъ началъ съ того что щелкнулъ его по носу и затѣмъ выплеснулъ на него рюмку. Мишка моментально разъярился, глаза его загорѣлись, и онъ съ дикимъ ревомъ полѣзъ было на оскорбителя, но почти съ разу оборвалъ ревъ и замоталъ головой. Отступившій сперва отъ него Домажиръ, началъ тихо подвигаться, пристально смотря на медвѣдя и медленно подымая руки. Онъ вновь загналъ его въ уголъ и положилъ обѣ руки на его голову, безъ усилія пригнулъ его къ полу, уложилъ и затѣмъ знакомъ пригласилъ присутствующихъ подойти. Вся процедура не продолжалась и шести минутъ. Медвѣдь крѣпко спалъ, подвернувъ одну лапу подъ морду, а другую закинувъ за ухо.

— Пока я въ комнатѣ—все будетъ спать, а уйду когда—можетъ нѣсколько минутъ, а можетъ часа два, три.

— Ну, а Вареньку можешь усыпить? шутя спросилъ Ниловъ.

— Можно, но вредно. Молода она, и своей силы у нея много. Бороться, сила на силу идти нужно, а это всякому вредно.

Завязался оживленный разговоръ. Домажиръ охотно отвѣчалъ на вопросы и самъ разспрашивалъ о Москвѣ, о Петербургѣ, о Медицинской Академіи, о врачахъ. Изъ разныхъ вопросовъ молодые люди поняли что онъ радъ случаю провѣрить разсказы Вельша и Горскаго, но старается, и съ большою ловкостью и тактомъ, не дать имъ этого замѣтить. Таркизъ уходилъ и возвращался, но Варенька сидѣла не шелохнувшись, стараясь не проронить ни одного слова и радуясь глазами и улыбкой когда Домажиръ, видимо большой ея пріятель, умно отвѣчалъ и ловко спрашивалъ. Ея торжествующій взглядъ какъ будто говорилъ: „Видите! и у насъ умные люди есть.“ Подчасъ и она рѣшалась что-нибудь спросить или сказать когда разговоръ прерывался. Она какъ бы боялась что они перестанутъ говорить и разойдутся.

— Бульная тебя ждетъ! прервалъ наконецъ ихъ бесѣду Таркизъ, обращаясь къ Домажиру; тотъ обернулся къ Термину.

— Хочешь посмотрѣть какъ ломаюсь? спросилъ онъ его.

— А мнѣ развѣ нельзя? сказалъ Ниловъ.

— Нѣтъ! Болѣнъ былъ недавно, нужно спать раньше, вставать раньше, вечеромъ на воздухъ не ходить, скорѣй поправишься.

— Будь по твоему. Когда же ты меня осмотришь и совѣтъ дашь?

— Я тутъ съ вами рядомъ спать буду. На ночь посмотрю и утромъ, а совсѣмъ тебя вылѣчивать буду, когда снѣгъ уйдетъ, цвѣты зацвѣтутъ, корни нальются. Во всякомъ мѣстѣ, противъ каждой болѣзни Богъ траву далъ, нужно ее знать и взять въ свое время. Которую изъ-подъ солнца, которую изъ-подъ малой, которую изъ-подъ большой луны, взять нужно; а то есть и такъ что когда громъ гремитъ и когда огневыхъ стрѣлъ много, тогда и бери. Ваши доктора не вѣрятъ; все въ порошкахъ, да въ металлувъ внутрь даютъ, а мы любимъ свѣжій травъ какъ онъ есть весь. Частицу отнялъ, часть силы прочь. А металлувъ мы только наружу, листкомъ, пластинкой тонкой на тѣло кладемъ, а внутрь нѣтъ — опасно: много тонкаго яду въ человѣкѣ остается, чрезъ время другой болѣзнь приходитъ.

Въ большой юртѣ Таркиза лежала его больная жена, которую лѣчилъ Домажгирь, не особенно успѣшно, такъ какъ онъ не былъ спеціалистъ женскихъ болѣзней; но больная и слышать не хотѣла о бабкѣ изъ города. Заклинанія Домажгира, по ея увѣренію, ей помогали, и онъ изъ дружбы къ Таркизу ежедневно продѣлывалъ ей свое представленіе.

Народу въ юртѣ набилось много. Дымъ ѣлъ глаза, а запахъ былъ почти невыносимый. Когда очистили мѣсто, не далеко отъ больной, для Термина и Таркиза, двоедавецъ приказалъ открыть запонъ, и вынувъ изъ большаго, принесеннаго за нимъ мѣшка пукъ сухихъ травъ, зажегъ его надъ огнемъ. Ароматическій дымъ застлалъ окончательно юрту, такъ что сидѣвшіе рядомъ едва могли различать другъ друга. Когда дымъ медленно разошелся и началъ подыматься вверхъ, предъ глазами присутствующихъ стояла фантастическая фигура шамана...

Домажгира нельзя было не только узнать, но даже угадать въ безобразно страшной фигурѣ, которая, покачиваясь и глухо напѣвая, стояла у самаго огня и по временамъ бросала въ огонь какіе-то комочки, которые загорались то красноватымъ, то зеленоватымъ пламенемъ. На головѣ страшилища было надѣто нѣчто въ родѣ широкаго, приплюснутаго шлема, укра-

шеннаго искусно набитою головой филина, съ длинными, похожими на кисточки ушами. Весь шлемъ былъ обвѣшанъ лестрыми, суконными лоскутками, шкурками съ бубенчиками или колокольчиками на концахъ, звѣриными хвостами и хвостиками и двумя набитыми лестрыми змѣиными шкурками. Лицо было совершенно закрыто этими безчисленными привѣсками, и по временамъ когда шаманъ потрясая головой откидывалъ ее назадъ, выставлялись его блестящіе глаза и два яркокрасныя пятна на щекахъ. Длинный балахонъ, весь испещренный фантастическими фигурами, съ грубо вышитыми на груди драконами, ладилъ широкими складками и волочился по землѣ.

Статная и рослая фигура Домажгира казалась низкою и толстою, и только Терминъ замѣтилъ что ноги у него согнуты и широко разставлены. Въ рукахъ у шамана былъ маленькій мѣдный гонгъ, въ который онъ изрѣдка ударялъ мягкою колотушкой. То глухіе, то замирающіе, протяжные звуки неожиданно переходили въ пронзительно высокую ноту, отъ которой мурашки пробѣгали по тѣлу присутствующихъ. Шаманъ раскачивался все быстрѣе; лѣніе его становилось громче и рѣзче, вся фигура мало-по-малу какъ будто выростала изъ земли, удары гонга сыпались чаще и чаще. Мрачная, дикая какофонія непривычныхъ, невѣдомыхъ звуковъ туманила голову, спутывала мысли, погружала присутствующихъ въ какое-то полузабытье... А фигура все росла, звуки спутывались и переплетались, пламя костра то вспыхивало, то едва мерцало... Полуиспуганныя, смуглыя лица инородцевъ, жавшихся на корточкахъ другъ къ другу, казались лицами гномовъ собравшихся на зовъ своего повелителя. Минутами когда какофонія ослабѣвала предъ новымъ crescendo, слышно было прерывистое дыханіе присутствующихъ и протяжный, заунывный вой собакъ, сбѣжавшихся со всего улуса.

Вдругъ на высокихъ нотахъ шаманъ замолкъ; оборвалъ свое лѣніе и звуки гонга, и закинувъ голову назадъ, открывъ свое раскрашенное лицо, устремивъ глаза на отверстіе надъ костромъ, весь замеръ. Онъ какъ будто прислушивался, постепенно опускаясь на колѣни и затѣмъ быстро опустилъ голову и положилъ на темя свой гонгъ.

Откуда-то издалека донесся не то стонъ, не то зовъ. Дрожащая, нѣжная, тонкая нота прозвенѣла въ воздухѣ и стихла. Пламя костра потухло, и только красноватый отблескъ раскаленныхъ угольевъ едва давалъ возможность разглядѣть въ

темнотѣ очертанія шамана. Еще звукъ—и шаманъ ударилъ въ гонгъ, и громко произнесъ какую-то фразу. Сверху изъ отверстія послышался какой-то глухой, несвязный говоръ, раздался крикъ совы, рѣзкій свистъ, визгъ и въ ту же минуту костеръ ярко запылалъ, удары гонга посыпались какъ выстрѣлы, пламя взвилось до верху юрты, озарило всѣ уголки, какъ бы залило всѣхъ присутствующихъ, и тотчасъ же бѣлые клубы ароматическаго дыму наполнили юрту и заволокли всѣ предметы.

Дымъ разсѣялся. Домажгирь въ своемъ обыкновенномъ халатѣ сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало на коврѣ около Термина, и только слѣды красокъ на лицѣ да тяжелое дыханіе выдавали только-что завывавшаго шамана. Костеръ горѣлъ обычнымъ малымъ огнемъ, и дымъ вновь начиналъ ѣсть глаза. Больную лечили какимъ-то пахучимъ настоемъ, и она съ благодарностью поглядывала на Домажгира, который крутилъ папиросу изъ предложеннаго ему Терминымъ табаку.

Когда Терминъ и Домажгирь вышли изъ юрты, дворъ былъ весь залитъ ярким лунным свѣтомъ. Вѣтру не было, и легкій морозный воздухъ манилъ на прогулку послѣ тяжелаго жаркаго воздуха юрты.

Терминъ со своимъ спутникомъ машинально направились къ воротамъ, и никто изъ инородцевъ не посмѣлъ идти за ними. Шаманъ никому не позволялъ слѣдовать за собою въ своихъ одинокихъ прогулкахъ.

— Если бы мы жили въ древнія времена, когда процвѣтали языческія религіи, Домажгирь, ты былъ бы великимъ жрецомъ.

Домажгирь лукаво посмотрѣлъ въ глаза говорившему и спросилъ его:

— Узналъ ты голосъ что̀ сверху говорилъ?

— Такихъ людей которые умѣютъ какъ ты говорить животомъ я видалъ и прежде. У насъ ихъ называютъ чревовѣщателями.

— Ты первый изъ Русскихъ что̀ надо мной не смѣешься... задумчиво сказалъ Домажгирь.—Хочешь я тебѣ покажу такое что̀ ты никогда не видалъ? Я этого никому здѣсь не показывалъ чтобы говору не было.

— Покажи пожалуста, я буду очень благодаренъ.

— Видишь, я это не всегда могу сдѣлать. Это та сила какою я Мишку въ сонъ вогналъ. Иногда силы той у меня мало, а то вдругъ много. Сегодня много силы, я тебѣ покажу.

Домажгирь направился къ загону въ которомъ было собрано на ночь нѣсколько сотъ штукъ скота. Навстрѣчу имъ кинулись было собаки, но почему-то вдругъ остановились и затѣмъ, поджавъ хвосты, побѣжали обратно даже не залаявъ.

Терминъ замѣтилъ это явленіе, но ничего не сказалъ. Не доходя саженъ десяти до загона Домажгирь выбралъ мѣстечко, разметалъ ногами снѣгъ, ножомъ срѣзалъ сухую траву до самой земли, и приготовивъ кружокъ въ діаметрѣ не болѣе аршина, совершенно чистый отъ снѣга, сталъ на него обѣими ногами.

— Смотри, сказалъ онъ Терминy, указывая на скотъ,— всѣ спятъ, правда? Теперь смотри что̀ будетъ.

Онъ снялъ рукавицы, сильно началъ тереть руки, ладонь объ ладонь, и присѣлъ на корточки. Знакомый ужь Терминy мотивъ пѣсни шамана вновь едва слышно раздался въ ночной тиши. Вытянувъ обѣ руки впередъ и уставивъ протянутые пальцы по направленію къ загону, Домажгирь началъ выпрямляться, и по мѣрѣ того какъ его туловище подымалось отъ земли, скотъ въ загонѣ началъ волноваться, топтаться на мѣстѣ, ревѣть и мычать. Казалось вотъ-вотъ все стадо шарахнется, сомнетъ и растолчетъ ихъ въ неудержимомъ порывѣ паники. Терминy стало жутко. Вдругъ Домажгирь присѣлъ и спряталъ руки—все сразу моментально успокоилось. Еще разъ съ тѣмъ же успѣхомъ повторилъ онъ свой опытъ, и затѣмъ отеревъ платкомъ лобъ весь мокрый отъ сильной испарины, протянулъ руку Терминy. Рука была до того горяча что Терминъ чуть не вскрикнулъ.

— Больше не могу, сила ушла, сказалъ Домажгирь, и они отправились въ домъ гдѣ Таркизъ и Варенька поджидали ихъ за шумѣвшимъ самоваромъ.

XV.

На днѣ глубокой долины, извивавшейся между двумя горными хребтами, струилась небольшая быстрая рѣчка. Льду на ней почти не было, и только мѣстами она скрывалась подъ снѣжными сугробами, а затѣмъ снова прорывалась и съ веселымъ журчаньемъ играла пестрыми, красивыми каменьями. Мѣстами долина расширялась, и горы расходясь обрамляли широкія, ровныя площадки. Иногда рѣчка текла какъ разъ

ло срединѣ площади, а иногда кидалась въ сторону, журчала то у одного хребта, то у другаго. По долинѣ чернѣла сильно наѣзженная, широкая полоса, то тутъ, то тамъ пересѣкавшая извилистую рѣчку. Это была большая дорога на Ивановскій пріискъ, расположенный среди отроговъ Алтайскаго хребта.

На большой площадкѣ, открытой къ юго-востоку и защищенной высокою, обрывистою горой отъ сѣверныхъ вѣтровъ, скучивались постройки пріиска. Не даромъ прожилъ Стороженко всю осень съ рабочими, не даромъ Никита завербовалъ въ артель четырехъ плотниковъ и не даромъ русскій рабочій при желаніи дѣлаетъ всякое дѣло, какъ будто весь вѣкъ только имъ и занимался. Всѣ старые срубы были исправлены, крыши починены заново, печи смазаны, трубы выведены вновь. Домикъ для господъ былъ срубленъ на славу, и длинная, высокая казарма для рабочихъ съ честью могла бы красоваться въ любомъ городѣ. Правда, матеріалъ былъ не покупной, а выборъ его богатый; правда, сушить постройки было чѣмъ, и если бы печи могли говорить, то онѣ бы разразились энергичнымъ протестомъ противъ адскаго жара, изъ котораго не выходили съ сентября по день пріѣзда господъ. Но печи говорить не могли и только по временамъ лопались трубы и борова, да трескалась обмазка, что̀ вызывало насмѣшки надъ доморощеннымъ печникомъ и задѣвало его самолюбіе. Уже два раза вновь сбивали ссыхавшіеся полы и подводили то тутъ, то тамъ новые стулья подъ осѣдавшія стѣны, но впрочемъ „все обстояло благополучно“, какъ докладывалъ Стороженко, жилось всѣмъ тепло и вольготно, а главное чисто. Грязи ни въ какомъ видѣ Стороженко не допускалъ, и нарушавшимъ его голландскіе вкусы спуску не давалъ.

Съ пріѣздомъ хозяевъ однообразная жизнь рабочихъ оживилась. Молодые люди привезли въ Сибирь сотни двѣ, три книгъ и устроили воскресныя чтенія, а также предложили желающимъ обучаться грамотѣ. Изъ тридцати рабочихъ четверо не только знали грамоту, но даже получили образованіе; человѣкъ семь умѣли читать и писать, а вполнѣ безграмотныхъ было не болѣе десяти и изъ нихъ трое рѣшительно заявили что имъ учиться и поздно и не къ чему. Впрочемъ, эти отрицатели охотно просиживали часъ, другой во время чтеній. Читали поочередно оба хозяина, иногда

Павелъ Чижъ, возбуждавшій сильнѣйшую зависть въ Зарѣзѣ, а иногда рабочій Неломящій, который своею манерой, голосомъ и удареніями выдавалъ былую принадлежность къ духовенству. Мрачный, ярый пессимистъ, смотрѣвшій на Божій міръ сквозь черное стекло, онъ ко всему относился съ недовѣріемъ или презрѣніемъ, не допускалъ ничего хорошаго, порицалъ всѣхъ и все и всегда предсказывалъ всякія бѣды и напасти. Но при этомъ, если случалось кому заболѣть или даже просто прихворнуть, Неломящій готовъ былъ подѣлиться всѣмъ что имѣлъ, просиживалъ ночи на пролетъ, услуживая больному, вызывался читать вслухъ и былъ безконечно признателенъ Стороженку за то что тотъ сдалъ на его руки лѣчебникъ, алтечку и обращался къ нему за совѣтами въ случаѣ болѣзни кого-либо. Съ пріѣзда хозяевъ онъ подружился со Степанидой и самъ вызвался ей помогать по „бабьему“ хозяйству. Съ наступленіемъ великаго поста онъ первый заявилъ желаніе ѣсть постную пищу, то-есть перейти на голодовку, такъ какъ изъ запасовъ провизіи постными продуктами были только мука, крупа и соленая черемша.

Заботливая мать природа наградила сибирскіе лѣса драгоцѣннымъ растеніемъ, черемшей. Не будь черемши, не было бы возможности предохранить рабочихъ въ тайгѣ отъ цынги. Красивое, зеленое, луковичное растеніе, похожее на дикій чеснокъ, черемша отличается еще худшимъ специфическимъ запахомъ, но на вкусъ очень недурна. Единственное средство выносить сообщество людей плотно покушавшихъ щей или похлебки приправленныхъ черемшею, это самому съѣсть нѣсколько зеленыхъ перышекъ или луковку, и тогда запахъ, или вѣрнѣе непріятное ощущеніе запаха, моментально пропадаетъ.

Послѣдователей Неломящаго явилось сперва не много. Рабочимъ тяжело показалось отказаться отъ жирной солонины и мороженой баранины, да и Ниловъ не особенно поощрялъ желавшихъ поститься, но на четвертой недѣлѣ поста на скоромной пищѣ осталось не болѣе шести рабочихъ. Неломящій сплелъ большой неводъ и съ разрѣшенія хозяевъ отправился, съ пятью охотниками и съ десяткомъ инородцевъ давшихъ своихъ лошадей, за сорокъ верстъ на озеро. Уѣхали они въ субботу на ночь, а въ понедѣльникъ утромъ Стороженко уже сердился и бранился что ребята по пустякамъ шляются и работа стоитъ. Лишь ко вторнику вернулись

рыболовы и, къ радости амбарнаго Никиты, привезли болѣе пятнадцати пудовъ замороженой рыбы.

Приближалась Святая; хотя еще стояли морозы, но близость весны чувствовалась въ воздухѣ. Вѣтровъ почти не было, и по временамъ солнце пригрѣвало такъ сильно что появлялись проталины и съ горъ бѣжали подъ снѣгомъ потоки. Воды въ рѣчкѣ прибывало ежедневно. Всѣ приготовительныя работы были окончены, и молодыхъ хозяевъ больше всего озабочивали двѣ новыя плотины, устроенныя въ двухъ мѣстахъ, выше пріиска. Самымъ большимъ недостаткомъ Ивановскаго пріиска была малая вода, и Терминъ, исходивъ верстъ пятнадцать вверхъ по теченію рѣчки, нашелъ два мѣста, которыя показались ему по очертаніямъ и углубленію какъ бы слѣдами бывшихъ маленькихъ озеръ. Вспомнивъ свои былыя занятія, онъ вмѣстѣ съ Ниловымъ сдѣлалъ нивелировку мѣстности и рѣшилъ поставить двѣ небольшія плотины и попробовать задержать возможно болѣе воды. Конечно плотины представляли собою нѣчто весьма первобытное, но такъ какъ рабочихъ было немного и средства хозяевъ были очень ограничены, то удовольствовались и ими. Все зависѣло отъ того какъ будетъ таять снѣгъ: быстро или постепенно. Этотъ вопросъ былъ злобой дня, и на немъ вертѣлись всѣ предположенія. Стороженко не допускалъ неудачи, твердо вѣруя въ знанія „ихъ высокобродій," Павелъ ему вторилъ, а Филиппъ жившій на пріискѣ безъ опредѣленныхъ занятій ежедневно ходилъ навѣщать плотинки.

— У кривой березы еще бы фашинничку подбавить не мѣшало, докладывалъ онъ,—что-то тамъ надысь прожурчало; да и у болотнаго колѣнца лесочку бы подсыпать, благо у свайекъ попротаяло; все крѣпь понадежнѣе будетъ...

И почти всегда его совѣты выслушивались, провѣрялись и оказывалась дѣльными.

Стороженко съ разрѣшенія хозяевъ завелъ свои полувоенные порядки между рабочими. Сперва порядки эти принимались недружелюбно, произошло нѣсколько столкновеній, были протесты, жаловались то Термину, то Нилову, но мало-помалу упрямый хохолъ строгостью, справедливостью, частью ласковымъ словомъ, а главное настойчивостью добился полной дисциплины. Наушничества и сплетенъ онъ не допускалъ и немедленно выводилъ все на чистую воду. Въ теченіе зимы онъ узналъ людей до тонкости; зналъ кого куда

приставить, кто къ чему пригоденъ, и даже сумѣлъ вывѣдать кто какъ попалъ въ Сибирь. Послѣднее было труднѣе всего, такъ какъ сосланные рѣдко бываютъ откровенны. Въ числѣ заведенныхъ имъ порядковъ была ежедневная молитва. Къ удивленію Термина и Нилова, изъ рабочихъ составился весьма сносный хоръ, и въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, въ казармѣ рабочихъ была отслужена настоящая вечерня. Религіозное настроеніе рабочихъ съ этого дня замѣтно усилилось, и когда они узнали что хозяева рѣшили встрѣтить праздникъ на пріискѣ и разговѣться вмѣстѣ съ ними, благодарностямъ не было конца. Стороженко, ѣхавшій въ городъ за покупками, былъ осажденъ просьбами привезти восковыхъ свѣчей, и рабочіе по собственному почину начали приготовлять себя и казарму къ празднику.

Въ Страстной четвергъ, всѣ безъ исключенія рабочіе собрались слушать двѣнадцать Евангелій. Тутъ было нѣсколько человѣкъ католиковъ, лютеранъ и даже одинъ магометанинъ, которые тоже пожелали молиться вмѣстѣ съ товарищами. Магометанинъ усѣлся въ дальнемъ углу на корточкахъ и все время тихо покачивался и шепотомъ читалъ свои молитвы. Громко раздавались священныя слова, и нужно было видѣть общій порывъ съ которымъ опустились на колѣна рабочіе при словахъ разбойника: *помяни мя Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.*

На другой день на всемъ пріискѣ царило то предпраздничное оживленіе, которое бывало прежде въ богатыхъ усадьбахъ тароватыхъ и добродушныхъ помѣщиковъ. Главнымъ лицомъ, безграничнымъ начальникомъ явился Павелъ Чижъ, неизвѣстно когда и изъ чего соорудившій себѣ полный поварской костюмъ. Въ бѣломъ колпакѣ, съ приборомъ поварскихъ ножей за бѣлымъ фартукомъ, онъ отдавалъ приказанія, хлопоталъ, училъ импровизованныхъ поварятъ, мѣсилъ, варилъ, запекалъ и жарилъ безъ устали.

Не малыхъ трудовъ стоило Стороженку раздобыть и еще бо́льшихъ доставить на пріискъ три сотни яицъ, но они были доставлены благополучно, и Степанида торжественно объявила что яйца хоть бы въ Москву. Только когда дошло дѣло до трехъ поросятъ, которыхъ откармливали къ празднику, произошло неожиданное недоразумѣніе. Ни одинъ изъ рабочихъ не рѣшался ихъ зарѣзать. Не дальше какъ въ воскресенье, тѣ же рабочіе съ шутками и прибаутками зарѣ-

зали свинью, а тутъ всѣ какъ одинъ человѣкъ отказывались порѣшить поросятъ. Павелъ обратился къ Стороженкѣ.

— Андрей Гаврилычъ, мнѣ французиковъ-то не несутъ!

— Отчего не несутъ? у кого они?

— Да они въ хлѣвушкѣ; только еще бѣгаютъ.

— Эй, ребята, сходи кто-нибудь за поросятками! крикнулъ Стороженко.

Ближе стоявшіе рабочіе потупились и не отозвались. Стороженко, угадавъ въ чемъ дѣло, нахмурился. Въ такіе дни, изъ-за такого дѣла ему не хотѣлось обращать вниманіе на молчаливый отказъ исполнить приказаніе. Онъ почесалъ голову и пошелъ на совѣтъ къ Степанидѣ.

— Эхъ, дурни вы, погляжу я на васъ! заворчала старуха,— подумаешь какіе нѣжные стали. Другой можетъ не одну христіанскую душу загубилъ, а тутъ на люди, поросятъ жалѣютъ.

— Не принуждать же мнѣ ихъ, наяшка?

— Зачѣмъ принуждать! нешто у тебя инородцевъ подъ рукой нѣтъ? Вонъ Киримка подъѣхалъ; скажи ему. Не то что поросятъ, и тебя прикончитъ, коли попросишь.

Стороженко усмѣхнулся и пошелъ исполнять совѣтъ.

Васька Зарѣзъ не могъ переварить торжество своего соперника Павла Чижа, и предоставивъ ему кухонные лавры, взялъ на себя главное распорядительство по убранству и по устройству декоративной стороны праздника. Онъ притащилъ цѣлые вороха хвойныхъ зеленыхъ вѣтвей, выколалъ изъ-подъ снѣгу разновидности мховъ и уцѣлѣвшихъ съ осени, желтыхъ и красныхъ листьевъ, и началъ снаружи и внутри украшать всѣ постройки разными гирляндами, вѣнками и вензелями. Неломящій и Беркунъ вызвались ему помогать, и работа у нихъ закипѣла. Такъ какъ всѣ были увлечены кулинарными затѣями Павла, обрадованнаго обиліемъ и разнообразіемъ запасовъ въ кладовой у Степаниды, то на затѣи Зарѣза никто не обращалъ вниманія.

Запасовъ у Степаниды было много. Терминъ, проѣзжая чрезъ Москву, обратился, по совѣту Нилова, въ извѣстный магазинъ Андреева и показалъ хозяину письмо своего друга, который сообщалъ что вся бакалея и всѣ вина въ Золотимскѣ ниже всякой критики, а цѣны непомѣрныя. Сахаръ до 60 копѣекъ фунтъ самый плохой, а стеариновыя свѣчи иногда и до рубля. Терминъ вручилъ Андрееву пять сотъ рублей и попросилъ его „на совѣсть“ прислать имъ, чрезъ контору

транспортовъ, всякаго жита по полатѣ, отъ соли до ванили, отъ уксусу и прованскаго масла до вина и сельтерской воды, отъ сахару и сладостей до макаронъ и свѣчей. Андреевъ прислалъ товаръ лучшаго качества и отлично запакованный.

Присылка эта пришлась очень не по вкусу двумъ бакалейнымъ торговцамъ Золотинска. Во-первыхъ, они разсчитывали что пріѣзжіе не отстанутъ скоро отъ столичныхъ привычекъ и дадутъ имъ не малый доходъ; во-вторыхъ, это былъ дурной примѣръ для остальныхъ покупателей, которые могли взяться за умъ и, сложившись, тоже выписать все необходимое изъ первыхъ рукъ и лучшаго качества, за меньшую цѣну, что дѣйствительно и случилось. За то Павелъ былъ очень доволенъ, и даже обрадовался цвѣтной бумагѣ, въ которую были завернуты нѣкоторыя вещи, такъ какъ она давала ему возможность украсить куличи и бабы цвѣтами собственнаго приготовленія. Онъ выводилъ замысловатые узоры на окорокахъ, наблюдалъ чтобы поросята вышли румяные, и съ тревогой поглядывалъ на печь, въ которой, по его разчету, уже должны были „подыматься“ бабы. Степанида, жившая въ Малороссіи и знавшая что хорошо „поднявшіяся“ бабы означаютъ благополучіе для хозяевъ, уже два раза приходила навѣдываться „взошли ли“ куличи, но Павелъ все еще выжидалъ и не отворялъ заслонки. Наконецъ онъ рѣшился и заглянулъ въ устье печи.

Первая баба стояла высокая и стройная „якъ гáрна дúвчина“; вторая взошла не ниже, но наклонилась, какъ башня въ Пизѣ. Этой примѣты ни Павелъ, ни Степанида рѣшить не могли и доложили о своемъ недоумѣніи господамъ.

— Чья же наклонилась? спросилъ Ниловъ.

— А та что я на Дмитрія Павлыча счастье поставилъ, отвѣтилъ Павелъ.

— Все равно, вѣдь взошла хорошо, значитъ и мнѣ счастье будетъ! пошутилъ Терминъ.

— Будетъ-то будетъ, раздумывая замѣтила Степанида,— да только зачѣмъ оно кривое?

Молодые люди разсмѣялись и пошли смотрѣть на приготовленія къ празднику.

Рабочіе, обратившіе наконецъ вниманіе на затѣи Васьки, нашли ихъ не глупыми. „Ай-да Васька!“, замѣтилъ одинъ, смотри-ка братцы какую зеленую люминацію вargанить!“

— А что, ребята, коли нравится такъ подмоги. Нужно бы весь мусоръ да щелу порѣшить, а то сгребли въ кучи, а красы отъ него мало, отозвался Зарѣзъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, оттащимъ-ка его подальше, да коли господа позволятъ, обрубками обкладемъ, да костеръ и запалимъ?

— Лучше тогда ночью вмѣсто плошекъ, что на колокольни да на тумбы ставятъ. Важная люминація будетъ.

— Ладно; а вотъ и господа. Ваше благородіе, обратился Зарѣзъ къ Нилову,—позвольте намъ къ заутрени люминацію устроить.

— Смотрите, ребята, чтобъ отъ этой иллюминаціи у васъ постройки не занялись? замѣтилъ Ниловъ.

— Будьте благонадежны, ваше вскобродіе, вмѣшался Стороженко,—мы за вѣтромъ подальше поставимъ, и караульщика назначимъ.

Съ шутками, живо и дружно, кинулись рабочіе устраивать костры. Скоро всѣ тропки между постройкъ были выметены и усыпаны блестящимъ промытымъ пескомъ, изъ старыхъ отваловъ. Общій видъ поселка повеселѣлъ.

— Жаль, Павелъ, что мы съ тобою не умѣемъ рисовать, обратился Терминъ къ Нилову,—посмотри какой красивый ландшафтъ представляетъ теперь нашъ пріискъ.

— Пріѣдутъ лѣтомъ гости и нарисуютъ.

— Будетъ уже не то. Не будетъ снѣгу на горахъ, не будетъ этихъ просвѣтовъ между деревьями. Все зальется зеленью, а мнѣ именно нравится это первое дыханіе весны. Еще и почки не наливаются и снѣгъ не растаялъ, а чувствуется и глазомъ что зимній сонъ кончился, что даже эти пихты, кедры проснулись и сокъ вновь забродилъ и переливается по вѣткамъ. Я жду первыхъ листьевъ, первой травы съ какою-то особенною радостью. Мы съ тобою уже лѣтъ пять какъ не видали голаго, постепеннаго пробужденія природы подъ лучами весенняго солнца.

— Знаешь, Дмитрій, что я думаю? Посмотри на рабочихъ: кто повѣрилъ бы, не зная гдѣ онъ находится и что за люди предъ нимъ, что это бывшіе каторжники и всѣ сплошь литенные всякихъ правъ на родинѣ; всѣ болѣе или менѣе съ мрачнымъ прошлымъ. Перенеси ты всѣхъ этихъ людей на петербургскую Сѣнную,—были бы они въ такомъ настроеніи, пошли бы они также охотно мести грязную

мостовую и посылать тротуаръ песочкомъ какъ они убираютъ теперь свой поселокъ?

— Мнѣ кажется, отвѣтилъ Терминъ,—что видъ природы: горы, ручьи, деревья, все это смягчаетъ всякую злобу, дѣйствуетъ на всякаго и каждаго какъ лавровишневыя капли на разстроенные нервы. Прибавь къ этому воздухъ которымъ мы здѣсь дышемъ и тотъ какимъ дышатъ на Сѣнной; отсутствіе кабацкой водки и взамѣнъ ея ключевую воду; одни эти чисто физическія причины, не говоря о пережитой каждымъ душевной борьбѣ, способны пробудить въ человѣкѣ добрые инстинкты и хотя на время заглушить злые.

— Посмотримъ что будетъ въ праздникъ. Придется выдавать имъ водку четыре дня подрядъ. Ты знаешь ли что три воскресенья они отказывались отъ винной порціи?

— Стороженко! обратился Терминъ къ проходившему мимо нихъ управителю, какъ его называли рабочіе,—какъ ты полагаешь: запьянствуютъ люди на праздникахъ?

— Никакъ это невозможно, ваше высокбродіе, увѣренно отвѣтилъ Стороженко.—Съ чего имъ пьянствовать? Работа есть, пища хорошая, въ свободное время тоже есть чѣмъ заняться.

— Да вѣдь на праздникахъ всюду пьютъ?

— Пьютъ, ваше высокбродіе, либо съ горя и нужды, либо съ жиру да отъ безділья, когда развлечься нечѣмъ. Тоже когда кабакъ на каждомъ шагу торчитъ, да кабацкіе пролойцы заманиваютъ. Выпить малую толику каждый русскій человѣкъ любитъ, это точно, а пьянствовать безъ горя али безъ уговору не пойдетъ. У насъ, слава Богу, рабочіе много довольны; кабака по близости нѣтъ, а порціями торговать или переуступаться мы не позволимъ. Не пьетъ водки, бери другимъ товаромъ: хочешь табакомъ, хочешь сахаромъ, али инымъ чѣмъ. У насъ ужь этотъ порядокъ заведенъ, мѣнять не станемъ; а пьяницы у меня на счету да на примѣтѣ, и всѣхъ-то шести штукъ не наберется. Я за ними особый надзоръ имѣю.

Настала Страстная суббота. На пріискѣ царила тишина; не слышно было ни громкаго говору, ни пѣсенъ, ни дружеской ругани. Около кухни и амбара были разставлены на козлахъ столы, которые предполагалось уставить снѣдью и внести въ казарму послѣ заутрени. Въ самой казармѣ полъ былъ тщательно выскребленъ, выметенъ и усыпанъ пескомъ

и ельникомъ. На одной изъ стѣнъ висѣли всѣ иконы какія нашлись у хозяевъ и рабочихъ и посреди̇нѣ красовалось перламутровое Распятіе вставленное въ большой деревянный крестъ. Распятіе это вывезенное матерью Нилова изъ Іерусалима, о чемъ подробно разказалъ рабочимъ Стороженко, почиталось всѣми какъ святыня.

— Такую вещь въ рѣдкомъ соборѣ найдешь, говорилъ Неломящій.—У Гроба Господня въ Свѣтлую заутреню самъ патріахъ Іерусалимскій освятилъ. Отъ этой святыни у насъ на пріискѣ и благодать. Оттого и господа въ городъ не поѣхали что самая настоящая заутреня у насъ будетъ, потому что съ крестомъ благодать.

Неломящій изукрасилъ всѣ иконы вѣнками изъ зелени, кругомъ креста развѣсилъ цѣлую гирлянду, уложилъ вдоль стѣнъ всѣ ковры какіе нашлись у хозяевъ и устроилъ изъ дерева, желѣза и жести нѣсколько подсвѣчниковъ. Рабочіе, съ утра наполнявшіе пріисковую баню, а теперь къ вечеру уже одѣтые во все чистое и новое что̀ у кого нашлось, поочередно входили въ казарму, тихо подходили къ иконостасу и, становясь на колѣна, молились по нѣскольку минутъ. Большинство дѣлало это безотчетно чтобы не отстать отъ другихъ. Какъ-то недоумѣвая входили они въ преобразившуюся темную казарму и поглядывали на иконы слабо освѣщенныя тоненькими, едва теплившимися свѣчечками. Неломящій, въ длинномъ кафтанѣ похожемъ на подрясникъ, съ гладко расчесанными длинными волосами и раздвоенною бородкой, звучно и отчетливо читалъ акаѳистъ Сладчайшему Іисусу. Чисто церковная манера чтенія Неломящаго, повышеніе и пониженіе голоса, вся обстановка, дѣйствовали на входившаго, вызывая въ немъ старыя, забытыя картины прошлаго, и не проходило двухъ, трехъ минутъ какъ вошедшій становился на колѣна и, отвѣсивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, весь проникнутый тихимъ молитвеннымъ чувствомъ которое захватывало его за сердце, задумчиво выходилъ, уступая мѣсто слѣдующему.

Старуха Степанида, покончившая со своими хлопотами по дому и по кладовой, какъ вошла въ казарму, такъ и не вставала съ колѣнъ часа два, три.

Въ двѣнадцатомъ часу казарма наполнилась. Почти все населеніе пріиска было налицо. Пестрыя, свѣтлыя рубахи рабочихъ бѣлѣлись въ полумракѣ; Стороженко, въ отстав-

номъ сюртукѣ съ блестящими галунами и во всѣхъ крестахъ и медаляхъ, раздавалъ рабочимъ восковыя свѣчи, причемъ старшіе изъ нихъ отсылались имъ къ иконостасу, гдѣ осторожно снимая со стѣнъ образа, выстраивались молча въ процессію. Терминъ и Ниловъ, снявшіе ради праздника свои неизмѣнныя драповыя лоддевки и замѣнившіе ихъ черными сюртуками, тоже стали въ концѣ рядовъ. Какъ только стѣнные дешевые часы съ длиннымъ маятникомъ, висѣвшіе въ углу, зашипѣли и начали бить полночь, раздался громкій выстрѣлъ изъ самодѣльной пушки. Огоньки замелькали по казармамъ, загорѣлись костры вокругъ пріюта; мелодическій, бархатный баритонъ Павла торжественно зазвучалъ, остальные лѣвчіе стройно подхватили и шествіе тронулось. Ни малѣйшаго дуновенія не чувствовалось въ воздухѣ. Пламя свѣчъ не колебалось; костры потрескивая ярко разгорались, освѣщая снѣжныя, бѣлыя вершины окружающихъ горъ и украшенныя зеленью постройки. Рѣчка, вся уже вскрывшаяся ото льда, какъ черное зеркало отражала міріады звѣздъ мерцавшихъ и мигавшихъ съ безпредѣльной выси темнаго, безоблачнаго неба. Гулко раскатывались выстрѣлы, безконечнымъ эхо отражаясь изъ ущелья въ ущелье и постепенно замирая въ дали, и торжественно, радостно неслась священная пѣснь ликующихъ христіанъ: „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ“.

ВАДИМЪ РОМАНОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АРХИМАНДРИТЪ ПИМЕНЪ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО-УГРѢШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

ГЛАВА X.

Возвращеніе отца Пимена въ Москву.—Послѣднее письмо преосвященнаго Леонида, его пріѣздъ въ Москву и пребываніе въ ней, внезапная его кончина, погребеніе.—Печатаніе и разборъ *Воспоминаній отца Пимена*. — Кончина намѣстника Лавры, отца Антонія.—Военная врачебница для раненыхъ воиновъ на Угрѣшѣ.—Празднованіе двадцатипятилѣтія общежитія и настоятельства отца Пимена на Угрѣшѣ.

I.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ своемъ изъ Ярославля, отецъ Пименъ получилъ отъ преосвященнаго Леонида письмо, въ которомъ выразились вся полнота, вся искренность его душевнаго расположенія, какъ будто смутно предчувствовалъ онъ что письмо это будетъ послѣднее и что въ немъ слѣдовало ему высказать и послѣднее, прощальное слово своей дружбы и любви къ покидаемому другу...

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12й 1880, №№ 10 и 12й 1881 и №№ 3, 6, 9 и 11й 1882 и № 4й 1883 года.

Ни тотъ, ни другой не предчувствовали этого, но такъ свыше суждено было, какъ въ послѣдствіи оказалось.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ архимандритъ,—Посѣщеніе ваше было для меня вполнѣ отрадно. Вы знаете что я привыкъ изъ давнихъ лѣтъ любить свиданія съ вами. Они были для меня, и отдохновеніемъ послѣ трудовъ, и запасомъ для новыхъ. Бесѣды ваши давали мнѣ свѣдѣнія, совѣты, разъясненія, успокоенія. Онѣ были для меня *духовнотворныя* и всегда вновь и вновь желательны. Въ Ярославлѣ съ вами было для меня продолженіе того что было и что прошло невозвратимо. Усердѣйше благодарю васъ. Жалко что тогда не могъ уловить вопросовъ на которые хотѣлось бы слышать отвѣты ваши. По отъѣздѣ вашемъ, они стали появляться... Благодарю за скорое сообщеніе о прибытіи вашемъ въ Москву.

Что до *общежительства* *, то оно, конечно, должно быть непремѣннымъ условіемъ.

Въ Ярославлѣ, по пріѣздѣ изъ Ростова, я нашелъ зиму, но не нашелъ саней, и выѣзжаю въ каретѣ.

Миръ Божій да будетъ въ сердцѣ вашемъ и здравіе въ тѣлѣ! Простите.

Леонидъ архіепископъ Ярославскій.

Ярославль, 28 октября 1876 года.

---

* Сказанное въ письмѣ объ *общежительствѣ* и что *оно, конечно, должно быть непремѣннымъ условіемъ*, требуетъ разъясненія.

Толгскій монастырь (какъ мы уже упоминали въ предшедшей главѣ), при пріѣздѣ преосвященнаго Леонида въ Ярославль, былъ въ столь плачевномъ положеніи что посѣтивъ преосвященный недоумѣвалъ что ему дѣлать съ монастыремъ доведеннымъ до послѣдней степени распущенности и разоренія и съ чего начать чтобы возстановить его и привести въ надлежащій порядокъ и болѣе пристойный видъ.

Вопросъ этотъ былъ тотчасъ же предложенъ преосвященнымъ другу его и учителю въ монашествѣ, возстановителю и преобразователю Угрѣши, отцу Пимену по пріѣздѣ его въ Ярославль.

Какъ истинный ревнитель монашества и приверженецъ общежительства, отецъ Пименъ предложилъ любимое свое средство—*преобразованіе въ общежитіе*, которое, по его мнѣнію, не могло не возстановить захудалой обители, и такъ какъ онъ хорошо зналъ всѣхъ настоятелей Московской епархіи, то и указалъ преосвященному на архимандрита Аркадія, намѣстника московскаго Донскаго монастыря какъ на человѣка вполнѣ способнаго возстановить монастырь Толгскій. Объ этомъ поручено было отцу Пимену переговорить съ нимъ, постараться склонить его чтобы перешелъ въ Ярославскую епархію и въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля

Согласно сказанному отцу Пимену по пріѣздѣ его изъ Ярославля княземъ Долгоруковымъ, преосвященный Леонидъ получилъ послѣ половины ноября приглашеніе прибыть въ Москву для совѣщанія касательно иконъ для Храма Христа Спасителя.

Этотъ пріѣздъ его въ Москву подалъ поводъ къ разнымъ предположеніямъ, желаніямъ и опасеніямъ людей расположенныхъ къ преосвященному или къ нему не благоволившихъ... Толки эти возымѣли вліяніе и на митрополита Иннокентія.

Давно ходили по Москвѣ слухи что митрополитъ просится на покой и что по всей вѣроятности преемникомъ его будетъ преосвященный Леонидъ. Вполнѣ и самъ сознавая затруднительность своего положенія для надлежащаго управленія таковою епархіей какова Московская, владыка митрополитъ неоднократно высказывалъ свое желаніе отойти на покой, о чемъ и отцу Пимену много разъ передавалъ наединѣ. Но ежели самъ онъ желалъ этого, то не желали и стратились сего нѣкоторые изъ его приближенныхъ. Эти люди старались смутить его мыслію что плохо ему будетъ ежели онъ удалится на покой, такъ какъ неизвѣстно кто еще займетъ его мѣсто, въ особенности ежели преосвященный Леонидъ, котораго для того де и назначили въ такую епархію какъ Ярославль, чтобъ оттуда удобнѣе и скорѣе можно было его перевести въ Москву. Это такъ часто было повторяемо владыкѣ что онъ пересталъ уже говорить о своемъ желаніи удалиться на покой и съ нѣкоторою недовѣрчивостію относился къ преосвященному Леониду.

— Не довѣряйтесь ему, внушали владыкѣ ближайшіе къ нему люди,—онъ лицемѣрствуетъ предъ вами, увѣряетъ васъ въ своей преданности, а между тѣмъ интригуетъ чтобы скорѣе

принялъ этотъ монастырь въ свое непосредственное управленіе на началахъ общежительства.

Были объ этомъ переговоры; отецъ Аркадій даже ѣздилъ въ Ярославль и осматривалъ Толгскій монастырь, но не пожелалъ оставить Донской, въ которомъ находился уже много лѣтъ, а главное чувствовалъ что не по годамъ ему (онъ имѣлъ болѣе 70 лѣтъ) вновь *расхаживать запущенную ниву поросшую терніями и волчцами*, и поблагодаривъ преосвященнаго за честь ему сдѣланную мирно возвратился въ Москву, гдѣ въ 1881 году и скончался.

занять ваше мѣсто котораго желаетъ и добивается; составилъ себѣ сильную партію и здѣсь и въ Петербургѣ, всѣ сильныя вліятельныя лица за него, Москва привыкла къ нему, любитъ его, желаетъ и ждетъ его и т. п.

Кѣмъ было это внушаемо, поясненій не требуетъ...

Преосвященный Леонидъ былъ такъ благороденъ и честенъ во всѣхъ своихъ правилахъ и побужденіяхъ, такъ безкорыстенъ и сдержанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, настолько чуждъ всякихъ *путей строптивыхъ*, то-есть лукавыхъ и окольныхъ, что не только никогда не былъ способенъ сдѣлать малѣйшаго шага въ корыстныхъ видахъ, а напротивъ того, не рѣдко и тамъ гдѣ бы и нужно было сдѣлать шагъ впередъ не дѣлалъ его опасаясь подать поводъ къ нареканіямъ якобы онъ чего-нибудь ищетъ и добивается; но люди судятъ о другихъ по себѣ: сами способные на все худое предполагаютъ его и тамъ гдѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Составить себѣ партію преосвященный Леонидъ тоже никогда не старался и не имѣлъ въ томъ нужды, ибо онъ имѣлъ множество людей къ себѣ расположенныхъ и благожелающихъ, изъ которыхъ сама собою образовалась партія, конечно желавшая видѣть его во главѣ Московской епархіи...

Объ этомъ весьма усердно доводили до свѣдѣнія владыки приближенные его, преувеличивая то что было въ дѣйствительности...

Ежели же ко всему сказанному присовокупимъ что нѣкоторые изъ московскихъ мелкихъ листковъ, точно сговорясь между собою, тревожили владыку неприличными выходками и совершенно не кстати брались совсѣмъ не за свое дѣло намекая ему (иногда и черезчуръ уже ясно) что ему пора на покой и во всеуслышаніе трубили что противно каноническимъ правиламъ чтобы во главѣ епархіи находился епископъ лишенный зрѣнія, то вовсе не удивительнымъ покажется что наконецъ и самъ владыка, при всей своей кротости и благодушіи, могъ поколебаться и заподозрить не дѣйствуютъ ли противъ него сообща по чьему-либо наущенію. Не безъ причины подробно изложили мы эти обстоятельства предшествовавшія пріѣзду преосвященнаго Леонида въ Москву, ибо иначе трудно было объяснить по какой причинѣ пріѣздъ этотъ могъ такъ сильно встревожить владыку и почему обошелся онъ такъ холодно и сухо съ человѣкомъ

вполнѣ преданнымъ ему и нарочно ускорившимъ свой пріѣздъ въ Москву чтобы застать владыку хотя бы предъ самымъ его отъѣздомъ и успѣть получить отъ него благословеніе.

Заранѣе предувѣдомленный объ этомъ пріѣздѣ и желая проводить владыку, отецъ Пименъ находился въ Москвѣ когда преосвященный ноября 23 въ девять часовъ утра прибылъ изъ Ярославля. Онъ прямо съ желѣзной дороги проѣхалъ въ Алексѣевскій монастырь, отслушалъ тамъ литургію, посѣтилъ игумению, повидался со своею сестрой тамъ живущею и послѣшилъ на Троицкое подворье.

Когда онъ вошелъ ко владыкѣ, то былъ встрѣченъ вопросомъ который его столько же удивилъ сколько и смутилъ: „Вы-то какъ же здѣсь?“

Это тѣмъ болѣе могло показаться страннымъ преосвященному что весьма не задолго предъ тѣмъ онъ со свойственною ему внимательностію увѣдомлялъ владыку о томъ что онъ вызывается въ Москву для совѣщаній въ комитетѣ по построенію Храма Христа Спасителя и просилъ благословенія пріѣхать. Повторивъ это теперь устно, онъ прибавилъ что узнавъ о скоромъ отбытіи его высокопреосвященства въ Петербургъ, потому и ускорилъ свой пріѣздъ чтобы застать его еще въ Москвѣ и принять его благословеніе.

Владыка засмѣялся.

— Благодарю... Ну ежели для *этого только* такъ спѣшили, не стоило труда.

Все это казалось весьма страннымъ преосвященному, онъ смутно чувствовалъ перемѣну въ митрополитѣ, но недоумѣвалъ чему приписать ее.

„Неужели въ столь короткое время успѣли уже мнѣ такъ повредить?“ приходило ему на мысль.

Въ этотъ день особенно много собралось на Троицкомъ подворьѣ настоятелей и городскаго духовенства чтобы провожать владыку, такъ что когда онъ вышелъ и началъ всѣхъ благословлять и оказалось что было много подходившихъ къ нему, то, должно думать, что въ умѣ его мелькнуло какое-нибудь сомнѣніе, потому что онъ спросилъ у кого-то изъ стоявшихъ возлѣ него:

— Отчего же это сегодня собралось столько? Какъ много!..

Ему отвѣчали:

— Чтобы принять ваше архипастырское благословеніе, пожелать вамъ благополучнаго пути и проводить васъ...

— Или чтобы встрѣтить? договорилъ онъ, и хотя это было сказано не громко или какъ бы про себя, ближе къ нему стоявшіе однако слышали это.

Собираясь ѣхать на желѣзную дорогу прежде владыки чтобы тамъ его встрѣтить и проводить, преосвященный подошедши къ нему сказалъ:

— Вы мнѣ благословите, ваше высокопреосвященство, отслужить въ день святителя Иннокентія и помолиться за васъ?...

— Очень много чести для меня; къ чему вамъ такое безпокойство... Преосвященный отслужитъ...

Преосвященный Леонидъ отправился на станцію Николаевской желѣзной дороги и принявъ сначала эти слова за выраженіе всегдашняго смиренія митрополита, зная что онъ всегда совѣстился и избѣгалъ чтобы дѣлали что-нибудь для него именно.

Послѣ трехъ часовъ на станцію стали всѣ понемногу съѣзжаться: преосвященные, князь Долгоруковъ, многіе изъ городскихъ высшихъ властей, большинство московскихъ настоятелей и нѣкоторые изъ загородныхъ, протоіереи и другія лица изъ монашества и духовенства, такъ что когда прибылъ самъ владыка, то лицъ провожавшихъ его было очень много.

Предъ самымъ уже отъѣздомъ его, прощаясь съ нимъ, преосвященный повторилъ ему свое желаніе служить въ день его именинъ, въ полной увѣренности что сказанное на подворьѣ было сказано потому что онъ совѣстился утруждать пріѣхавшаго служеніемъ...

— Такъ вы благословляете 26го служить и помолиться за ваше высокопреосвященство?...

Не отвѣчая на эти слова, владыка обратился къ стоявшему возлѣ него протоіерею Гавріилу (сыну его) и сказалъ ему со смѣхомъ и какъ бы съ удивленіемъ: „Слышишь, отецъ Гавріилъ, преосвященный проситъ благословенія служить?“ Отецъ Гавріилъ молча улыбнулся. И ничего болѣе не сказавъ, владыка направился къ выходной двери чтобъ идти садиться въ вагонъ. Послѣ этого преосвященному не оставалось уже болѣе никакого сомнѣнія что владыка не желалъ чтобъ онъ служилъ... Сказано это было въ присутствіи многихъ, которые это слышали и одни дивились, другіе недоумѣвали, что бы это могло значить.

Дѣйствительно, тогда трудно было это объяснить, но въ послѣдствіи открылось само собою что владыку увѣрили будто „преосвященнаго нарочно вызвали для того чтобы по

„отъѣздѣ его онъ тотчасъ бы занялъ мѣсто владыки, о чемъ „ему будетъ объявлено въ Петербургѣ и предложено про„ситься на покой.“

Ежели таково было его убѣжденіе, то ему весьма естественно должно было казаться крайнимъ лицемѣріемъ что преосвященный, заранѣе зная что займетъ скоро. завтра быть-можетъ, его мѣсто, точно издѣвается надъ нимъ и притворствуя проситъ еще благословенія служить.

Можно ли винить владыку митрополита за то что, по излишней своей довѣрчивости, ловѣривъ внушенной ему напраслинѣ и небылицѣ, онъ такъ обошелся съ преосвященнымъ Леонидомъ? Но можно ли не пожалѣть и преосвященнаго который при всей своей искренности, благорасположенности и правотѣ потерпѣлъ такое незаслуженное оскорбленіе при стольких свидѣтеляхъ?

Не слышавъ сказаннаго владыкой, преосвященный Никодимъ (преемникъ преосвященнаго Леонида) въ этотъ же вечеръ спросилъ его: „Вы гдѣ же завтра служите?“

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ потому что слѣдующій день, ноября 24, былъ день именинъ любимой сестры преосвященнаго, жившей въ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и намѣревался служить...

Преосвященный Леонидъ, вызванный такимъ вопросомъ, долженъ былъ не хотя передать все что было ему сказано на подворьѣ и въ вокзалѣ и прибавилъ съ прискорбіемъ:

— Послѣ этого могу ли я служить гдѣ-нибудь? Ни завтра, ни послѣ завтра, во все время что я здѣсь пробуду, мнѣ служить нигдѣ нельзя, если этого его высокопреосвященству не угодно... ибо я вижу что имѣлъ несчастіе, самъ не знаю чѣмъ, заслужить его гнѣвъ...

— Зачѣмъ было его спрашивать? съ досадой воскликнулъ преосвященный.—Развѣ вы думали что мы, викаріи владыки, ломѣшаемъ вамъ служить? Напротивъ того, мы съ любовію предоставили бы вамъ выборъ гдѣ угодно... Напрасно, напрасно послѣшили вы спросить его.

— Могъ ли я ожидать этого? съ грустію сказалъ преосвященный Леонидъ.—Но теперь дѣло уже непоправимо, я служить не буду, потому что не могу.

— Напрасно, напрасно, повторялъ преосвященный Никодимъ,—этого ожидать слѣдовало; нужно было дать уѣхать ему и сказать намъ гдѣ вы служить желаете.

Такъ во все время своего пребыванія въ Москвѣ, съ 23 ноября и по 2 декабря, преосвященный не служилъ нигдѣ.

Изъ Николаевскаго вокзала преосвященный и съ нимъ отецъ Пименъ, котораго онъ пригласилъ въ свою карету, поѣхали сперва въ Иверскую часовню, а оттуда въ Чудовъ монастырь, гдѣ приложились къ мощамъ Святителя и прошли въ кельи приготовленныя для архіепископа Ярославскаго.

Этотъ вечеръ и часть утра слѣдующаго дня отецъ Пименъ провелъ съ преосвященнымъ и отправился на Угрѣшу куда ожидалъ пріѣзда стараго викарія, преосвященнаго Никодима, * намѣревавшагося въ день тезоименитства владыки, ноября 26, служить въ селѣ Островѣ въ домовой церкви богадѣльни. Пріѣхавъ на Угрѣшу въ лятомъ часу вечера, ноября 25, преосвященный Никодимъ на слѣдующій день служилъ въ Островѣ; по возвращеніи оттуда трапезовалъ съ отцомъ Пименомъ и нѣсколькими изъ московскихъ протоіереевъ въ архіерейскихъ палатахъ на Угрѣшѣ, и послѣ праздничной вечерни, въ навечеріе Знаменія Пресвятой Богородицы, возвратился въ Москву.

Отецъ Пименъ пробылъ въ своемъ монастырѣ до 1 декабря: послѣ заупокойной литургіи по митрополитѣ Филаретѣ, онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ побывавъ у преосвященнаго Никодима

---

* Въ мірѣ *Николай Петровичъ Бѣлокуровъ* въ 1852 году окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи; 1853 постриженъ въ монашество, въ 1858 году архимандритъ; 1861 — 1869 ректоръ духовной семинаріи Виленской и Московской; 1869 настоятель Московскаго Богоявленскаго монастыря; 1873 намѣстникъ Александро-Невской Лавры; 1875 епископъ Старорусскій, викарій Новогородскій; 1876 (іюнь) епископъ Дмитровскій, викарій Московскій; скончался въ ноябрѣ 1877 года, погребенъ въ Савво-Сторожевскомъ монастырѣ Московской епархіи, Звенигородскаго уѣзда, въ соборномъ храмѣ.

Онъ былъ средняго роста, довольно полный, весьма благообразный и пріятной наружности; волосы и борода свѣтлорусые съ золотисто-красноватымъ оттѣнкомъ (но не рыжіе); характеръ имѣлъ живой; человѣкъ умный, находчивый, пріятный, дѣятельный и хорошій управитель. Ему обязанъ Богоявленскій монастырь своимъ обновленіемъ и средствами которыхъ до него не имѣлъ, слѣды его заботливости и хозяйственной дѣятельности на долгое время сохранятся и въ Невской Лаврѣ, гдѣ онъ умѣлъ угодить владыкѣ. По пріѣздѣ своемъ въ Москву онъ началъ хворать, и въ особенности съ апрѣля 1877 года. Истощеніе, упадокъ силъ, малокровіе и водяная пресѣкли его жизнь.

и поблагодаривъ его за посѣщеніе Угрѣши, отправился въ Чудовъ монастырь къ преосвященному Леониду. Его не было дома; но келейникъ его передалъ отцу Пимену что преосвященный у своихъ сестеръ и тамъ его ожидаетъ. Тамъ отецъ Пименъ нашелъ игуменію Страстнаго монастыря, мать Евгенію, и А. Н. Стрекалову.

Преосвященный встрѣтилъ его вопросомъ;

— Знаете ли вы что васъ приглашаетъ на завтра къ себѣ на обѣдъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ?

„Этотъ вечеръ проведенный нами съ преосвященнымъ," сказано въ воспоминаніяхъ отца Пимена, „былъ *послѣдній*, который намъ суждено было проводить съ нимъ вмѣстѣ.

„Кто бы могъ тогда ожидать этого? Онъ былъ повидимому совершенно здоровъ, полонъ силъ и обѣщалъ, казалось, ложить еще не одинъ десятокъ лѣтъ."

Отъѣздъ преосвященнаго въ Ярославль былъ назначенъ на слѣдующій день, декабря 2.

Отецъ архимандритъ съ самаго утра и довольно рано отправился къ нему въ Чудовъ монастырь, надѣясь предупредить другихъ чтобы поговорить съ нимъ наединѣ, но уже не засталъ его: преосвященный былъ въ патріаршей ризницѣ и выбиралъ образцы древнихъ одеждъ для святительскихъ изображеній на иконахъ въ Храмъ Христа Спасителя.

Отецъ Пименъ пошелъ туда и тамъ въ кельи ризничаго нашелъ двухъ преосвященныхъ, Леонида и Игнатія, и художника: на столахъ и на диванѣ было разложено нѣсколько облаченій, два саккоса митрополита Фотія и два патріарха Никона. Преосвященный Леонидъ надѣвалъ ихъ, а художникъ по его указаніямъ дѣлалъ эскизы.

Окончивъ это дѣло и отпустивъ художника преосвященный куда-то поѣхалъ, назначивъ отцу Пимену быть у него въ Чудовѣ монастырѣ къ 5 часамъ.

Прибывъ туда, отецъ Пименъ нашелъ у преосвященнаго такое многочисленное общество московскихъ его знакомыхъ что поговорить съ нимъ наединѣ нечего было и думать. Но мало-по-малу всѣ разъѣхались, такъ что въ исходѣ пятаго часа преосвященный и отецъ Пименъ сѣли въ карету и поѣхали къ князю Долгорукому, заѣхавъ по пути въ Никитскій монастырь къ пребывавшей тамъ на покоѣ, бывшей игуменіи, почтенной старицѣ, матери Флорѣ, лишенной зрѣнія и потому отказавшейся отъ управленія.

У князя Долгорукова за столомъ былъ преосвященный, баронъ Боде-Колычевъ, князь А. М. Хилковъ, князь Мещерскій, отецъ Пименъ, протоіерей Ключаревъ и Зубовъ. Подъ конецъ обѣда князь предложивъ пить за здоровье преосвященнаго, сказалъ ему: „теперь желаю вамъ благополучнаго пути, а потомъ скораго, скораго къ намъ опять возвращенія!“

Всѣ присутствовавшіе улыбкой сочувствія скрѣпили эти слова.

Послѣ обѣда былъ поданъ кофе и тотчасъ же всѣ собрались разъѣзжаться.

Князь хотѣлъ провожать преосвященнаго до лѣстницы. Могло ли ему тогда придти на мысль что онъ навсегда прощается съ преосвященнымъ Леонидомъ и въ послѣдній разъ съ нимъ видится?

Отецъ Пименъ простился съ отъѣзжавшимъ въ нижнихъ сѣняхъ; проводить его на желѣзную дорогу онъ не могъ, потому что въ этотъ вечеръ ему предстояло служить всенощную на Саввинскомъ подворьѣ по просьбѣ преосвященнаго Никодима, отправившагося на праздникъ прелодобнаго въ Саввинъ монастырь.

Преосвященный Леонидъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ по направленію къ Иверской часовнѣ, отецъ Пименъ все еще стоялъ на подъѣздѣ и провожалъ глазами карету навсегда увозившую отъ него лучшаго его друга, съ которымъ ему уже не суждено было болѣе видѣться...

На слѣдующій день была получена отъ преосвященнаго изъ Ярославля телеграмма извѣщавшая что онъ благополучно возвратился и въ этотъ день совершилъ литургію.

II.

Декабря 16, въ четвергъ, часу во второмъ дня отецъ Пименъ сидѣлъ у себя въ кельи за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, когда вошелъ къ нему возвратившійся изъ Москвы его письмоводитель, отецъ Ѳедоръ, высокій и благообразный старецъ съ сѣдою длинною бородой, подалъ ему привезенный нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей* и сказалъ со слезами на глазахъ: „я привезъ вамъ, батюшка, плачевную вѣсть.“

— Что же такое, спросилъ отецъ Пименъ,—или умеръ кто изъ вашихъ родныхъ?

— Нѣтъ, батюшка, и родные всѣ живы, а владыка, высокопреосвященный Леонидъ приказалъ вамъ долго жить!

Отецъ Пименъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него не понимая что онъ ему такое говоритъ, и это прискорбное извѣстіе какъ будто даже и не поразило его: такъ внезапно было оно и столь невѣроятнымъ оно ему казалось...

Но когда онъ взялъ газету и прочелъ въ ней телеграмму о кончинѣ преосвященнаго, у него опустились руки, онъ сдѣлался мгновенно бѣлѣе полотна, весь оцѣпенѣлъ, почувствовалъ разслабленіе и съ нимъ сдѣлалась дурнота.

Затѣмъ слѣдовалъ нервный приладокъ, возобновлявшійся нѣсколько разъ, какъ это всегда съ нимъ бывало когда онъ плакалъ.

Это продолжалось весьма долго. Въ 6 часовъ, въ тотъ же вечеръ, было заупокойное всенощное бдѣніе, которое совершилъ соборнѣ съ братіей самъ отецъ Пименъ. Можно легко себѣ представить чего ему это стоило и въ какомъ онъ былъ состояніи.

На слѣдующій день, 17 числа, была имъ отслужена соборнѣ заупокойная литургія и послѣ того паннихида, предъ которою былъ рѣдкій благовѣстъ и перезвонъ во все время.

Отецъ Пименъ служилъ съ великимъ трудомъ, видно было что ему страшно тяжело; послѣ паннихиды онъ былъ и въ братской трапезѣ за поминовеннымъ столомъ, и затѣмъ немедленно отправился въ Москву. Здѣсь у преосвященнаго Никодима принялъ онъ благословеніе ѣхать въ Ярославль на погребеніе новопреставленнаго своего друга и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Москвы съ восьмичасовымъ поѣздомъ.

Пріѣхавъ въ Ярославль въ 7 часовъ утра, отецъ Пименъ распорядился чтобъ ему наняли лошадей и не теряя времени отправился въ Николо-Бабаевскій монастырь (Костромской епархіи, отъ Ярославля въ 35 верстахъ), гдѣ скончался преосвященный. Прибывъ туда часа черезъ два съ половиной, отецъ Пименъ остановился въ гостиницѣ.

Немного времени спустя къ нему пришли братъ и сестра покойнаго; наплакавшись вмѣстѣ и погоревавъ, они пошли въ церковь къ паннихидѣ.

Новопреставленный святитель въ бѣломъ облаченіи и бѣлой митрѣ, со крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ, былъ уже во гробѣ изъ кипариснаго дерева; подъ ногами положенъ былъ орлецъ.

Послѣ ланнхиды отецъ Пименъ пошелъ къ П. А. Брянчаниновy и тотъ разказалъ ему о двухъ днях проведенныхъ преосвященнымъ Леонидомъ въ Бабаевскомъ монастырѣ.

Когда преосвященный Платонъ архіепископъ Костромской узналъ о намѣреніи преосвященнаго Леонида обозрѣвать свою епархію въ приволжской мѣстности по близости Николо-Бабаевскаго монастыря, то поручилъ бабаевскому архимандриту Іустину пригласить его на Бабайкуи. Это предложеніе было весьма пріятно преосвященному, онъ обѣщалъ пріѣхать 13 декабря и дѣйствительно въ этотъ день прибылъ въ шестомъ часу вечера.

Архимандритъ съ братіей встрѣтили его въ церкви Святителя Николая. Какъ только вошелъ онъ въ церковь, запѣли *Достойно*. Приложившись ко кресту, преосвященный прошелъ въ алтарь; на литіи было провозглашено ему многолѣтіе. Когда вышедши изъ алтаря, онъ приложился ко святынямъ и опять взошелъ на амвонъ, настоятель подвесъ ему икону Святителя Николая и сказалъ: „Святителю Божій, пріими сію святую икону отъ обители осчастливленной твоимъ посѣщеніемъ.“ Это преосвященнаго очень тронуло, онъ прослезился, съ благоговѣніемъ принялъ икону, приложился къ ней и сказалъ: „Я давно стремился посѣтить Бабаевскую обитель и получивъ разрѣшеніе высокопреосвященнаго Платона, по приглашенію настоятеля монастыря, наконецъ, прибылъ сюда чтобы поклониться святынѣ и просить у пустынножителей молитвъ.“

Сказавъ это, преосвященный поклонился братіи въ землю. Многіе прослезились, видя таковое его истинно монашеское смиреніе. Затѣмъ онъ неслѣшно преподалъ всѣмъ благословеніе, поцѣловавъ каждаго до послѣдняго послушника въ плечо, и благословивъ всѣхъ прочихъ находившихся въ церкви, направился при колокольномъ звонѣ въ больничную церковь, гдѣ слушалъ ланнхиду по преосвященномъ епископѣ Игнатіи Брянчаниновѣ. По окончаніи ланнхиды онъподошелъ къ могилѣ преосвященнаго Игнатія и положилъ земной поклонъ. Потомъ обратился къ братіи и сказалъ имъ: „Преосвященный Игнатій первый познакомилъ меня съ монашествомъ, первый преподалъ мнѣ начала и правила иноческой жизни, руководилъ меня къ ней и утвердилъ въ рѣшимости оставить служеніе міру и вступить въ монашество. Можетъ-быть

не всѣ его совѣты исполнилъ я въ точности, и потому пришелъ сюда чтобъ испросить у него прощеніе... Прошу васъ, святые отцы, помянуть и меня такъ же какъ вы поминаете преосвященнаго Игнатія."

Изъ церкви преосвященный прошелъ въ приготовленныя для него настоятельскія келіи, гдѣ отобѣдавъ провелъ вечеръ въ бесѣдѣ съ отцомъ архимандритомъ Іустиномъ, съ П. А. Бранчаниновымъ и Англичаниномъ Гаррисономъ, который пріѣхалъ съ послѣднимъ. Во время этой бесѣды, разказывая о своемъ знакомствѣ съ преосвященнымъ Игнатіемъ, онъ съ примѣтнымъ надъ собою усиліемъ сказалъ: „Преосвященный владыка Игнатій убѣждалъ меня довольствоваться тою общею наученостію которую я имѣлъ при моемъ свѣтскомъ образованіи, съ тѣмъ чтобъ я исключительно посвятилъ себя изученію монашества". На этомъ преосвященный прервалъ рѣчь, такъ что остальное и безъ словъ уже сказалось само собою.

Въ 11 часовъ преосвященный со всѣми простился и всѣ разошлись по келіямъ.

На утро 14го, преосвященный пришелъ въ церковь съ первымъ ударомъ колокола; отслушалъ утреню и раннюю литургію; потомъ пожелалъ осмотрѣть новый соборъ во имя иконы Иверской Божіей Матери; кушалъ чай въ келіи Бранчанинова, куда пришли архимандритъ и Гаррисонъ. Они напившись чаю ушли, а преосвященный, оставшись съ Петромъ Александровичемъ, сказалъ ему что онъ желалъ бы видѣть ту комнату въ которой скончался преосвященный Игнатій. Войдя въ комнату и остановясь у одра въ Бозѣ почившаго святителя, онъ обратясь къ иконамъ помолился и прочтя *Боже духовъ* осѣнилъ мѣсто благословеніемъ; по просьбѣ Петра Александровича благословить и его, онъ осѣнилъ его своею панагіей съ изображеніемъ Христа Спасителя и далъ ему приложиться къ ней и къ ковчегу со святыми мощами на исподней сторонѣ.

Въ десять часовъ, переодѣвшись онъ поѣхалъ въ открытыхъ саняхъ за Волгу, по приходамъ своей епархіи; день былъ морозный, съ метелью и вѣтромъ. Сдѣлавъ болѣе сорока верстъ, онъ возвратился къ пяти часамъ, веселый и довольный своею поѣздкой и отобѣдавъ хотѣлъ было въ тотъ же вечеръ уѣхать обратно въ Ярославль, но его уговорили остаться переночевать.

Послѣ обѣда онъ пожелалъ съ полчаса отдохнуть и просилъ прислать ему чтеца, чтобъ отправить у себя въ келіи вечерню. Онъ все положенное читалъ самъ; чтецу пришлось только пѣть *Господи помилуй* и *Слава и нынѣ* по каѳизмѣ, которую онъ читалъ стоя на колѣнахъ.

Въ восемь часовъ, когда былъ поданъ самоваръ, онъ послалъ за настоятелемъ и Брянчаниновымъ; пришелъ и Гаррисонъ.

Во время чая началась духовная бесѣда, продолжавшаяся до 11 часовъ. Прощаясь, онъ сказалъ что онъ къ полунощницѣ къ началу не придетъ, но чтобы пришли за нимъ предъ тѣмъ когда поютъ: *Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*, что поютъ столбовымъ напѣвомъ, который ему нравился.

Декабря 15 преосвященный пришелъ въ церковь къ концу полунощницы, простоялъ утреню и раннюю литургію невидимому совершенно бодро. По окончаніи литургіи, ставъ противъ царскихъ вратъ, онъ троекратно всѣхъ осѣнилъ, началъ прикладываться къ иконамъ по всегдашнему своему обычаю съ земными поклонами и вдругъ быстро пошелъ къ выходнымъ дверямъ.

Замѣтивъ необычайную блѣдность его лица, настоятель и казначей подошли къ нему и взявъ его подъ руки повели. Онъ не отговаривался отъ этой помощи, и пока его вели онъ повторилъ нѣсколько разъ: „Боже! что это со мной? Грудь болитъ... спазмы“.

За нимъ слѣдовали Брянчаниновъ и Гаррисонъ.

Войдши въ переднюю и увидѣвъ Брянчанинова, онъ спросилъ нѣтъ ли *лавро-вишневыхъ* капель.

Когда привели его въ спальню, онъ снялъ съ себя самъ свою рясу, и снявъ панагію и крѣпко поцѣловавъ, положилъ ее.

Когда принесли капли, онъ попросилъ налить ему пятнадцать капель и принялъ ихъ. Это его немного успокоило. Тутъ онъ повторилъ что у него спазмы въ груди, что это случается не въ первый разъ, и что онъ спалъ только до двухъ часовъ ночи, а послѣ того заснуть уже не могъ и такъ пошелъ въ церковь когда пришли доложить ему что оканчивается полунощница.

Видя что ему получше и желая дать ему покой, всѣ вышли оставивъ его съ келейникомъ; но не прошло и двухъ минутъ какъ келейникъ всѣхъ вернулъ, говоря что ему опять дурно...

Вошедшіе увидѣли его сидящимъ на кровати: онъ громко стоналъ и растиралъ себѣ грудь. Предложили ему принять Гофмановскихъ капель; онъ ихъ принялъ и просилъ растирать ему грудь масломъ, разогрѣтымъ въ ложкѣ надъ свѣчей и при этомъ указывалъ на правую сторону; стали прикладывать грѣтыя салфетки и послали за духовникомъ и за врачемъ за три версты въ посадъ Большія Соли. Преосвященный просилъ на голову компрессъ: развели уксусъ съ водой и компрессъ приложили къ головѣ. Брянчаниновъ поддерживалъ нѣсколько его голову, и преосвященный тихимъ голосомъ страждущаго дважды повторилъ: „Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!“ Такъ онъ сидѣлъ пока духовникъ читалъ молитвы.

Послали за врачемъ втораго гонца.

Послѣ отпуска по исповѣди сдѣлались опять сильныя спазмы, преосвященнаго положили на кровать, онъ стихъ, принялъ Св. Дары, имѣя открытые глаза, потомъ ихъ закрылъ и смежилъ губы...

Минутъ черезъ пять пріѣхалъ врачъ. Онъ осмотрѣлъ больнаго, приложилъ ухо къ груди, послушалъ, прилодиялъ рѣсницу и обратясь ко всѣмъ присутствовавшимъ сказалъ утвердительно: „Онъ скончался.“

Было 9 часовъ и 40 минутъ утра.

Двѣнадцать медленныхъ ударовъ въ большой колоколъ возвѣстили что святитель преставился... Непостыдная, мирная, христіанская и почти безболѣзненная была его кончина...

Онъ искренно любилъ монашество, велъ жизнь строго подвижническую, и Господь сподобилъ окончить жизнь въ обители иноческой, въ той самой гдѣ опочилъ и тотъ святитель-инокъ который указывалъ ему путь къ монашеству, убѣждая оставить суетный міръ... Не онъ ли же невидимо отверзъ ему и двери изъ своей земной обители ожидая въ небесную?

Тѣло почившаго скутывали и во святительскія одежды облачали іеромонахи, затѣмъ оно было перенесено въ пріемную комнату настоятельскихъ келій, возложено на столъ и прикрыто мантіей епископа Игнатія; настоятель съ братіей совершилъ первую лаииихиду.

Преосвященный Леонидъ не дожилъ только двухъ мѣсяцевъ до шестидесяти лѣтъ; онъ родился 17 февраля 1817 года.

Въ два часа отецъ Пименъ и Краснолѣвковы (братъ и сестра новопреставленнаго) пошли въ настоятельскія келіи,

гдѣ встрѣтили преосвященнаго Геннадія, епископа Кинешемскаго, викарія Костромскаго. Первоначально отъ Св. Синода для совершенія погребенія назначенъ былъ архіепископъ Костромской Платонъ, но по нездоровью онъ былъ не въ силахъ ѣхать и вмѣсто себя прислалъ своего викарія. Кромѣ него, тутъ же находились еще два архимандрита: Ярославскій (Аѳанасіевскій) Николай и Ростовскій (Богоявленскій) Наѳанаилъ и соборный протоіерей, который, узнавъ что было рѣшено насчетъ перенесенія тѣла, встрѣчи и погребенія, въ тотъ же день уѣхалъ обратно, а оба архимандрита остались для сопровожденія тѣла.

Отецъ Пименъ сильно желалъ чтобы тѣло преосвященнаго Леонида погребено было на Угрѣшѣ, на что и братъ его и сестра изъявили свое согласіе (по близости Угрѣши къ Москвѣ), вслѣдствіе чего отецъ Пименъ и отправилъ въ тотъ день три телеграммы въ Москву, а четвертую въ Петербургъ, прося въ трехъ первыхъ содѣйствія и ходатайства, а въ четвертой разрѣшенія.

Въ этотъ вечеръ, 18 числа, съ субботы на воскресенье было воскресное всенощное бдѣніе, а вслѣдъ затѣмъ соборная лаинихида, совершенная четырьмя архимандритами.

Въ воскресеніе 19го, такъ какъ должно было послѣдовать перенесеніе тѣла, обѣдня была рано въ 6 часовъ. Во время причастнаго стиха пѣли стихиру поемую въ Великую Субботу въ концѣ утрени: *Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, во нощи къ Пилату пришедшаго и живота всѣхъ испросшаго: даждь ми сего страннаго, иже не имѣетъ гдѣ главы подклонити.*

Пѣли очень хорошо, и печальный напѣвъ до слезъ растрогалъ отца Пимена.

„Мнѣ казалось“, разсказывалъ онъ, „что я былъ тоже въ томъ настроеніи духа въ какомъ долженъ былъ находиться Іосифъ отъ Аримаѳеи, когда онъ съ надеждой на согласіе и съ опасеніемъ отказа шелъ ночью къ римскому градоправителю Іерусалима испрашивать дозволеніе взять тѣло возлюбленнаго своего Учителя, дабы погребсти оное въ новой пещерѣ своего вертограда... И я, тоже пришлецъ издалека, испрашивалъ тѣло любезнаго мнѣ архипастыря, болѣе двухъ десятилѣтій пребывавшаго въ Москвѣ, весьма недавно переселившагося въ Ярославль и бывшаго тамъ какъ странникъ на чужбинѣ... Онъ любилъ нашу обитель, часто посѣщалъ ее;

и вотъ въ ней-то, казалось мнѣ, и слѣдовало бы положить его останки; съ какимъ бы усердіемъ стали всѣ братія ломикать по смерти того кто при жизни съ такою всегда любовію всѣхъ привѣтствовалъ и поучалъ какъ учитель и отецъ дѣтей своихъ! Лишившись живаго, я лишался и умершаго, и какъ бы вторично терялъ его!“

И дѣйствительно такъ и сбылось какъ предчувствовалъ отецъ Пименъ: телеграммы его не имѣли успѣха, и изъ Петербурга отъ владыки Московскаго послѣдовалъ отвѣтъ что опредѣленіе Святѣйшаго Синода уже состоялось: „Гдѣ ласта да будетъ тамъ и ластырь.“

Послѣ паннихиды совершенной послѣ литургіи, по распоряженію преосвященнаго Геннадія, гробъ былъ обвитъ шнурами и запечатанъ; поставленъ на печальную колесницу и покрытъ святительскою мантіей; по угламъ стали четыре іеродіакона, двое изъ нихъ поддерживали гробъ, двое осѣняли его рипидами. Отъ святыхъ воротъ, послѣ литіи, шествіе тронулось въ 10 часовъ.

Отецъ Пименъ поѣхалъ впередъ чтобы быть при встрѣчѣ съ городскимъ духовенствомъ, а преосвященный и архимандриты сопровождали тѣло; при церквахъ по пути было нѣсколько литій; вездѣ народъ во множествѣ выходилъ на встрѣчу и затѣмъ провожалъ тѣло.

Пріѣхавъ въ Ярославль и нѣсколько отдохнувъ въ архіерейскомъ домѣ, отецъ Пименъ поѣхалъ на встрѣчу вмѣстѣ съ секретаремъ и засталъ шествіе еще въ семи верстахъ за городомъ. Тутъ преосвященный Геннадій сѣлъ въ карету съ отцомъ Пименомъ, который пріѣхавъ къ городу остался дожидаться за Волгой у Троицкой церкви, а преосвященный отправился въ соборъ.

Близъ Троицкой церкви была встрѣча и литія и такое множество народа что когда шествіе вступило на ледъ и стали переходить черезъ Волгу, ледъ началъ было трещать, но городская полиція вовремя распорядилась чтобы народъ шелъ въ разсыпную, а не скучиваясь въ одномъ мѣстѣ, и такимъ образомъ переходъ совершился благополучно. Поднявшись отъ берега въ гору, гробъ съ колесницы сняли и развязавъ шнуры крышу открыли; поставленный на носилки, гробъ былъ принятъ священниками и на плечахъ несенъ ими до собора.

Отецъ Пименъ очень опасался чтобы на продолжительномъ пути не потревожили тѣло, и потому когда сняли

крышу, онъ тщательно осмотрѣлъ тѣло и нашелъ что оно не измѣнило своего положенія: ни голова, ни митра, ни рукъ ни что не тронулось съ мѣста, не примѣтно было ни малѣйшаго признака разложенія и ощутительно было только сильное благоуханіе кипариснаго гроба.

У церквей были везде литіи, ло всему городу слышался печальный перезвонъ; стеченіе народа ло лути къ собору было такъ велико что несмотря на широту улицъ и обширность площадей была тѣснота и давка. Погода была ясная, морозило слегка, и воздухъ былъ до того неподвиженъ что свѣчи несомыя около гроба горѣли всю дорогу. Былъ уже въ исходѣ пятый часъ, когда приблизились къ собору: тѣло было встрѣчено преосвященнымъ Геннадіемъ въ полномъ облаченіи, губернаторомъ и прочими городскими властями въ парадной формѣ, и затѣмъ совершена паннихида. По окончаніи оной всѣ участвовавшіе въ шествіи были приглашены въ архіерейскій домъ экономомъ, отцемъ Павломъ, и тамъ имъ предложена трапеза, въ которой отецъ Пименъ не могъ участвовать по крайнему своему утомленію.

На слѣдующій день, 20го числа, въ соборѣ позднюю литургію и потомъ соборную паннихиду служилъ Богоявленскій (Ростовскій) архимандритъ Наѳанаилъ. Вторую паннихиду совершалъ преосвященный Геннадій въ первомъ часу съ городскимъ духовенствомъ, причемъ одинъ изъ протоіереевъ сказалъ надгробное слово; третью паннихиду служилъ отецъ Пименъ, также съ городскимъ духовенствомъ; четвертую отецъ ректоръ и семинарскія власти, и потомъ было совершено много паннихидъ ло желанію нѣкоторыхъ гражданъ и другихъ усердствовавшихъ частныхъ лицъ. На гробъ была накинута архіерейская мантія, а сверху наложенъ прекрасный покровъ изъ рытаго бархата, даръ усердія одного изъ преданнѣйшихъ почитателей опочившаго святителя, московскаго почетнаго гражданина Лузина.

Съ вечера было заупокойное всенощное бдѣніе, которое служилъ отецъ Пименъ съ соборнымъ духовенствомъ; ло 6й пѣсни было сказано надгробное слово протоіереемъ Демидовскаго Лицея. Преосвященный Геннадій въ служеніи не участвовалъ, но стоялъ въ алтарѣ.

Во вторникъ, 21го числа, въ 9 часовъ начался ло всему городу печальный благовѣстъ. Преосвященный Геннадій прибылъ въ соборъ въ 10 часовъ, и началась литургія. Всѣ

были въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Во время причастнаго стиха надгробное слово говорилъ отецъ ректоръ семинаріи, а предъ началомъ отпѣванія, соборный протоіерей, который плакалъ, и многіе изъ присутствовавшихъ также плакали.

На отпѣваніе собралось столько духовенства что въ теплой соборной церкви всѣ умѣститься не могли; многимъ пришлось стоять въ алтарѣ по обѣимъ сторонамъ престола.

Но самый чинъ отпѣванія, по распоряженію преосвященнаго, былъ къ общему прискорбію многихъ значительно сокращенъ, и Москвичи прибывшіе на погребеніе этимъ соблазнились и остались весьма недовольны подобнымъ неуваженіемъ къ ламати въ Бозѣ почившаго святителя.

Въ церковь впускали не всѣхъ во избѣжаніе духоты, и потому тѣсноты не было.

Хотя не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія что преосвященный дѣйствительно скончался *, но на видъ онъ такъ мало походилъ на умершаго что когда хотѣли закрывать гробъ, губернаторъ (Уваковскій) и самъ пришелъ въ смущеніе, и многихъ изъ присутствовавшихъ смутилъ, сказавъ:

— Не подождать ли бы еще опускать въ землю?.. Не живаго ли мы хоронимъ?

Преосвященный Геннадій успокоилъ его.

Возникло послѣ того еще недоумѣніе: обносить ли тѣло около собора или нѣтъ. Большинство желало этого; гробъ былъ поднятъ, вынесенъ наружу, и торжественно, при печальномъ звонѣ разлившемся по всему городу, обнесенъ около собора и внесенъ въ холодный. Могила была приго-

* Отецъ Пименъ разсказывалъ: „Видя что тѣло преосвященнаго не измѣняется и руки сохраняютъ гибкость, я внутренно смущался мыслію что не умеръ онъ, но впалъ въ летаргію... Но въ день погребенія и я, и братъ преосвященнаго, мы оба вполнѣ убѣдились что сомнѣваться было нечего, ибо поутру, когда еще никого не было въ церкви и когда мы вдвоемъ подошли къ тѣлу и приподняли воздухъ покрывавшій лицо, то ощутили запахъ сырости или земли, не же смрада; изъ этого мы заключили что сомнѣнія въ кончинѣ быть не можетъ, и приняли это за знаменіе данное намъ для нашего успокоенія, ибо безъ этого и мы могли бы еще продолжать сомнѣваться, потому что видимыхъ признаковъ разложенія и тлѣнія никакихъ не было. Потомъ и этотъ запахъ сырости разсѣялся, но мы его уже ощутили, и этого было достаточно для насъ чтобъ успокоиться.

товлена у правой, южной стѣны собора, напротивъ раки съ мощами Свв. Благовѣрныхъ Князей Василія и Константина. Въ соборѣ совершили послѣднюю литію; тѣло покрыли прозрачною леденой привезенною покойному въ даръ изъ Іерусалима со гроба Господня; преосвященный Геннадій посыпалъ тѣло перстію; на гробъ наложили крышу, и священники стали опускать его въ могилу, въ другой тамъ поставленный гробъ (бо́льшаго размѣра), послѣ чего и этотъ послѣдній также покрыли крышей.

По окончаніи печальнаго обряда погребенія, всѣ участвовавшіе, духовенство и міряне, были приглашены къ поминовенной трапезѣ въ архіерейскій домъ. Приглашенныхъ было болѣе 400 человѣкъ, но не только для всѣхъ нашлось мѣсто за столами, остались еще пустыя и не занятыя мѣста.

Всѣмъ распоряжался экономъ архіерейскаго дома отецъ Павелъ *. Благодаря его распорядительности и умѣнію, всего было въ изобиліи за трапезой, за которою недоставало только самого хозяина, любвеобильнаго и гостепріимнаго, котораго поминали родные, друзья и чужіе, и котораго всѣ искренно и непритворно жалѣли.

„Но изъ числа друзей и приближенныхъ покойнаго“, замѣчаетъ отецъ Пименъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, „немного нашлось такихъ которые издалека пришли на гробъ поплакать о немъ, еще разъ посмотрѣть на его лицо и помянуть

---

* Отецъ Павелъ, нынѣ архимандритъ и намѣстникъ Толгскаго первокласснаго монастыря, который вполнѣ обязанъ ему своимъ возстановленіемъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ послѣ сорокалѣтняго упадка. Уроженецъ города Скопина (Рязанской губ.), гдѣ отецъ его былъ діакономъ, отецъ Павелъ поступилъ въ ранней молодости (17—18 лѣтъ) въ 1846 году въ Савво-Сторожевскій монастырь подъ непосредственное руководство двоюроднаго дѣда своего, намѣстника-іеромонаха Николая, благочестиваго и строгаго старца; тамъ получилъ онъ постриженіе и нареченъ Павломъ (въ мірѣ Петръ), былъ іеромонахомъ и наконецъ казначеемъ. Въ 1876 году, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Леонидомъ, прибылъ въ Ярославль и сдѣланъ экономомъ архіерейскаго дома, а въ 1878 году при преосвященномъ Іонафанѣ—намѣстникомъ Толгскаго монастыря, которымъ управляетъ и понынѣ. *„Вѣрный глазъ и правая рука покойнаго* (Леонида), замѣчаетъ отецъ Пименъ въ своихъ воспоминаніяхъ, *человѣкъ добросовѣстный, усердный, добрый, который вездѣ гдѣ онъ ни находился, оставилъ по себѣ хорошую память*“.

его на его могилѣ! Напрасно глядѣлъ я вокругъ себя, стоя у гроба, не увижу ли я кого-нибудь изъ монашествующихъ или изъ духовенства Москвы, которые пришли бы ко гробу архипастыря такъ недавно еще превозносимаго и (казалось) уважаемаго ими, смотрѣлъ я кругомъ—и не нашелъ ни единаго!

„Одна только обитель Преподобнаго Сергія прислала ломянуть того святителя которому давала когда-то кровъ и пищу, да нѣсколько благочестивыхъ міранъ, вѣрныхъ искренней дружбѣ своей къ покойному, послѣшили издалека. Но много ли было этихъ? Сталъ я считать ихъ и не насчиталъ двухъ десятковъ. *

„Не такъ было два года тому назадъ (то-есть въ 1874 году) когда Москва праздновала *пятнадцатилѣтіе* святительства преосвященнаго: не только въ покояхъ его не вмѣщалась толпа поздравителей и именитыхъ приверженцевъ его, но и на обширномъ дворѣ подворья не доставало мѣста для каретъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ столицы. Сколько было поднесено ему тогда богатыхъ иконъ и различныхъ цѣнныхъ подарковъ, сколько поздравительныхъ рѣчей и благожеланій слышалось отовсюду! Всѣ тѣснились вокругъ чествуемаго святителя, считая за счастіе и честь приблизиться къ нему, услышать что онъ говоритъ, увидѣть кто подходитъ къ нему... Смерть, охлаждающая тѣло наше, охлаждаетъ должно-быть и расположеніе неискреннихъ, именитыхъ друзей нашихъ“!

Этимъ описаніемъ погребенія преосвященнаго оканчиваются напечатанныя воспоминанія архимандрита Пимена.

III.

Отецъ Пименъ возвратился изъ Ярославля въ Москву декабря 22, былъ у викарія преосвященнаго Никодима и у князя Долгорукова, который, не имѣя возможности отлучиться на погребеніе, очень желалъ имѣть подробныя объ этомъ

* На погребеніе преосвященнаго Леонида изъ Москвы прибыли 1) гжа Беркутъ (жена доктора); 2) баронъ М. Л. Боде-Колычевъ; 3) А. О. Карпова; 4) М. Н. Катковъ съ семействомъ; 5) г. Павловъ; 6) г. Свербеевъ; 7) г. Симанскій съ семействомъ; 8) Ѳ. М. Сухотинъ; 9) князь А. М. Хилковъ; 10) Е. К. Цеймернъ и еще нѣсколько лицъ, имена которыхъ отцу Пимену были неизвѣстны.

свѣдѣнія. Отецъ Пименъ подалъ ему мысль испросить Высочайшее соизволеніе употребить на памятникъ преосвященнаго изъ матеріаловъ оставшихся отъ построенія Храма Христа Спасителя. Князь Долгоруковъ съ большимъ удовольствіемъ изъявилъ на это свою готовность и по его ходатайству разрѣшено было употребить на памятникъ все что потребуется, а на сооруженіе была открыта подписка.

Послѣ преосвященнаго осталось собственныхъ его денегъ около *двухъ рублей* серебромъ; хоронили его изъ суммъ архіерейскаго дома.

Отецъ Пименъ въ тотъ же день послѣшилъ на Угрѣшу чтобы на слѣдующій день, *девятый* по кончинѣ, совершить заупокойную литургію.

Кто не видалъ отца Пимена въ первое время по кончинѣ преосвященнаго, тотъ не можетъ судить о томъ глубокомъ впечатлѣніи которое произвела на него эта сердечная утрата,—потеря лучшаго, единственнаго друга въ его жизни.

Пока отецъ Пименъ былъ занятъ и озабоченъ приготовленіями къ погребенію и постоянными служеніями, онъ былъ развлеченъ и утомленъ, такъ что внѣшняя суета и тѣлесное утомленіе препятствовали ему войти въ себя и почувствовать всю глубину своей утраты.

Первые два-три дня праздника Рождества Христова было соборное служеніе и внѣшняя суета не отсутствующая и въ монастырѣ въ подобные дни, но на третій день вечеромъ, когда утомленіе тѣлесное стало проходить, глубокая грусть охватила отца Пимена, и неоднократно принимался онъ плакать въ этотъ вечеръ, вспоминая о преосвященномъ и разсказывая то что приходило о немъ ему на память.

Къ счастію, случилось такъ что тотъ изъ братій которому онъ диктовалъ свои *Воспоминанія* (еще не вполнѣ приведенныя въ надлежащій порядокъ для напечатанія), довольно продолжительное время находившійся по своимъ дѣламъ въ отсутствіи, возвратился предъ самымъ праздникомъ. Возвращеніе этого брата, человѣка близкаго отцу Пимену и вполнѣ ему преданнаго, было ему весьма пріятно, и такъ какъ отецъ Пименъ зналъ его душевное расположеніе къ преосвященному, то и находилъ немалое удовольствіе разсказывать прибывшему сперва о поѣздкѣ въ Ярославль при жизни покойнаго, а послѣ о всѣхъ подробностяхъ кончины и погребенія.

Весьма ошибочно думаютъ нѣкоторые что утѣшаютъ насъ или облегчаютъ нашу скорбь, когда мѣшаютъ намъ вспоминать и говорить о тѣхъ близкихъ для насъ людяхъ которыхъ мы только что лишились и не успѣли еще оплакать: напротивъ того, разсказы и воспоминанія о нихъ облегчаютъ печаль нашу, оживляя для насъ въ ихъ отсутствіи воспоминаніе о нихъ и какъ бы видимо воскрешая предъ нами дорогіе и милые для сердца нашего образы, навсегда отъ насъ скрытые.

Этому удовольствію не препятствовалъ составитель *воспоминаній* отца Пимена, и даже подалъ ему мысль заняться дополненіемъ ихъ воспоминаніями о преосвященномъ.

Онъ ему сказалъ: „Батюшка, воскрешать умершихъ не дано намъ, но возвратить ихъ отчасти для себя и для другихъ мы можемъ не разлучаясь съ ними мыслію и стараясь сохранить о нихъ тѣ воспоминанія которыя уцѣлѣли въ нашей памяти... Приломните все что̀ касается преосвященнаго, разкажите, запишите; соберите письма его къ вамъ,— ихъ много; сдѣлайте къ нимъ примѣчанія, такъ какъ многія безъ того будутъ непонятны и отдайте напечатать; многіе будутъ вамъ за это благодарны...“ и т. д.

Невозможно было въ это время ни оказать большей услуги отцу Пимену, ни употребить вѣрнѣйшаго и лучшаго средства для уврачеванія сердечной его скорби, и занявъ его умъ успокоить страдавшее сердце.

Отецъ Пименъ въ тотъ же вечеръ принялся за дѣло: собралъ всѣ уцѣлѣвшія письма преосвященнаго и началъ дѣлать наброски *о подробностяхъ погребенія*. * Это занятіе было весьма пріятно отцу Пимену и принесло желаемую пользу: постоянно занятый мыслію о преосвященномъ, онъ сопребывалъ съ нимъ и не столько ощущалъ ту сердечную пустоту которая такъ мучительна при утратѣ людей любимыхъ.

---

* *Подробности о погребеніи архіепископа Леонида* въ сокращеніи были напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (январь 1877 года) и пространнѣе въ *Воспоминаніяхъ. Прим. авт.*

Письма преосвященнаго Леонида къ архимандриту Пимену (94 стр., лис. 120) были напечатаны въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійск.*, съ приложеніемъ портрета и, кромѣ того, напечатано 300 отдѣльныхъ оттисковъ, которые были разосланы и розданы знакомымъ преосвященнаго и отца Пимена; въ продажѣ ихъ не было.

Письма въ окоромъ времени были снабжены краткими примѣчаніями, небольшимъ предисловіемъ и отданы для напечатанія.

Вотъ предисловіе гдѣ въ немногихъ словахъ много высказано о преосвященномъ, безъ похвалъ и лести, потому что достаточно было сумѣть и истину выразить вполнѣ.

„По смерти блаженныя памяти преосвященнаго Леонида архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго (скончавшагося 15 декабря 1876 года) мнѣ осталось духовное наслѣдство которымъ слѣпу подѣлиться со всѣми чадами Православной церкви. Это драгоцѣнное наслѣдство, которымъ теперь могу невозбранно пользоваться по моему усмотрѣнію (*Письма покойнаго архипастыря* ко мнѣ, съ 1857 года, когда онъ былъ еще архимандритомъ, и до октября мѣсяца сего 1876 года), возлагаетъ на меня двоякую обязанность: первую, относящуюся ко мнѣ лично, стараться воспользоваться, насколько мнѣ возможно, наставленіями которыя, по своему расположенію, преосвященный преподавалъ мнѣ въ видѣ дружескихъ совѣтовъ; и вторую обязанность, въ отношеніи моихъ собратій иноковъ и настоятелей, сообщить имъ оныя, дабы и они могли воспользоваться ими для своего внутренняго преуспѣянія въ тѣхъ добродѣтеляхъ, о которыхъ въ Бозѣ почившій іерархъ не только премудро писалъ и поучалъ, но въ которыхъ онъ и самъ въ дѣйствительности всегда ревностно подвизался, стараясь восходить отъ силы въ силу.

„Если я, воспользовавшись этими малыми крупицами отъ богатой трапезы, выпавшими на мою долю, радуюсь что могу подѣлиться оными со всѣми чтившими и уважавшими покойнаго святителя и тѣмъ утѣшу многихъ, какова же должна быть отрада тѣхъ которые, обладая воистину духовными сокровищами, * мало-по-малу собравшимися въ ихъ рукахъ,

---

* Отцу Пимену извѣстно было что преосвященный Леонидъ въ продолженіе многихъ лѣтъ писалъ свои *воспоминанія*, которыя неоднократно читалъ ему въ отрывкахъ. *Воспоминанія* эти наполняющія нѣсколько томовъ in-4° находятся, по всей вѣроятности, у кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ преосвященнаго (брата или сестеръ); кромѣ того, осталось много подобныхъ томовъ копій съ писемъ и разныхъ мелкій... Весьма прискорбно что, по прошествіи почти шести лѣтъ со дня его кончины, ничего еще не напечатано кромѣ неудачной выборки изъ частныхъ (совершенно интимныхъ) писемъ.

вынувъ изъ-подъ спуда хранимое ими, поревнуютъ моему усердію и для назиданія всѣхъ и каждаго, и въ особенности въ наши печальные дни отрицанія и невѣрія, предложатъ это слово святителя, почерпнутое изъ глубокаго знанія міра, проникнутое подвижническимъ смиреніемъ и согрѣтое духомъ любви во услажденіе вѣрующаго, во утвержденіе колеблющагося и во обличеніе и срамленіе сынамъ вѣка сего, зараженнымъ неисцѣльнымъ недугомъ невѣрія!

„Да ломожетъ Господь и всѣмъ намъ подражать преставившемуся архипастырю,—за его святыя молитвы, стяжать его ревность по Бозѣ, провождать жизнь нашу неутомимо служа церкви Православной и ближнимъ нашимъ и тако, съ миромъ и чистою совѣстію, отъ селеній временныхъ переселиться къ вѣчнымъ!

Угрѣшскій архимандритъ Пименъ.

1877 года, января 6 дня.
Угрѣша.

Въ письмахъ преосвященнаго къ отцу Пимену нѣтъ ничего такого что могло бы подать самому строгому критику малѣйшій поводъ осудить его; развѣ только то что онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ кратко и картинно выражать свои мысли подобно митрополиту Филарету (что нѣкоторые называли у него *подражаніемъ*), но и Филарета самого винили будто бы онъ *обкрадывалъ* Массильйона въ его проповѣдяхъ. * Подобныя обвиненія лучше всякихъ похвалъ, ибо доказываютъ только что за невозможностію найти дѣйствительные недостатки, прибѣгаютъ ко мнимымъ, измышленнымъ.

Воспоминанія отца Пимена были уже почти готовы для печати когда послѣдовали отъѣздъ преосвященнаго въ Ярославль и внезапная его кончина, послѣ которой были прибавлены только послѣднія пять главъ.

Какъ составились эти *Воспоминанія*, почему напечатаны и проч., все это высказалъ самъ отецъ Пименъ въ своемъ предисловіи.

„Эти записки составились совершенно незамѣтнымъ образомъ и *безо всякаго напряженія написать что-нибудь для печати.*

„Многіе изъ моихъ знакомыхъ, слушая мои разсказы (о тѣхъ старцахъ которыхъ я зналъ на своемъ вѣку и о тѣхъ

* Нѣкоторые умные люди вздумали увѣрять глупыхъ будто бы я „обокралъ Массильйона". *Письма къ роднымъ.* № 123; 1810 года 23 апрѣля.

про которыхъ зналъ по наслышкѣ отъ покойнаго игумена нашего отца Иларія), неоднократно совѣтовали мнѣ написать эти разказы и сохранить ихъ ради пользы, какъ духовное наслѣдство полученное мною которое слѣдовало передать и другимъ.

„Въ особенности же настоятельно сего требовалъ отъ меня *одинъ человѣкъ* ко мнѣ весьма расположенный, который и самъ, несмотря на свой высокій санъ, великій подвижникъ и ревнитель монашества. *

„Я все уклонялся, считая таковый трудъ не по моему умѣнію и не по моимъ силамъ. Но случай далъ мнѣ возможность осуществить желаніе многихъ: во время моего лѣченія водами въ Екатерининской пустыни лѣтомъ 1873 года, гдѣ я имѣлъ много досуга, и такъ какъ со мною былъ одинъ изъ братій нашей обители, который могъ мнѣ помочь въ этомъ трудѣ, я рѣшился на это дѣло. Я сталъ ему сказывать всѣ свои воспоминанія съ тѣхъ поръ какъ началъ себя помнить, и такимъ образомъ въ два мѣсяца было набросано наскоро то что сохранила моя память.

„Послѣ того я занялся пересмотромъ написаннаго и поручилъ привести въ порядокъ. И такъ составилась эта толстая тетрадь, которую я назвалъ моими *Воспоминаніями*. Я показалъ ее тѣмъ на мнѣніе которыхъ я полагаюсь: были читаны отрывки, и меня стали убѣждать чтобъ я отдалъ въ печать. Не берусь рѣшать: лучше ли было бы вовсе не печатать, или лучше сдѣлалъ я что сообщилъ все то что можетъ-быть принесетъ и пользу *читающему съ разсужденіемъ*.

„Ежели заключающееся въ этихъ отрывочныхъ разказахъ принесетъ хотя малѣйшую кому бы то ни было пользу, я сочту это для себя наградой и возблагодарю тѣхъ отъ кого слышалъ я все мною переданное, и имъ, а не мнѣ (за то) похвала и благодареніе. Но ежели что соблазнитъ читателя и онъ осудитъ меня, прошу заранѣе прощенія, не за худой умыселъ или за недоброе намѣреніе, но за недостатокъ памяти, за невѣрность слышаннаго мною и за неумѣніе передать. Впрочемъ, кто истинно внимаетъ себѣ, тотъ

* Предисловіе это было написано въ 1875 году 1 октября когда преосвященный Леонидъ, требовавшій составленія записокъ отъ отца Пимена, былъ еще въ живыхъ, почему отецъ Пименъ изъ скромности и изъ уваженія къ преосвященному не счелъ удобнымъ назвать его, но прикровенно намекнулъ о немъ, предоставляя читающему догадываться о комъ идетъ рѣчь.

вездѣ извлекаетъ для себя душевную пользу, и плохое писаніе окажется для него гораздо душеспасительнѣе чѣмъ другому и самое мудрое и самое назидательное.

„Молю Господа, да не будетъ мое слово для брата моего душевреднымъ, но благопримѣнительнымъ.

„Настоятель Угрѣшскаго монастыря

„*Архимандритъ Пименъ.*“

Вслѣдъ за этимъ *предисловіемъ* помѣщаемъ и *заключеніе* которымъ отецъ Пименъ завершилъ свои *Воспоминанія*, въ немъ высказалось его послѣднее слово которое къ несчастію осуществилось: онъ послѣ того ничего уже не писалъ, хотя бы могъ сказать еще многое...

„Окончивъ описаніе погребенія въ Бозѣ почившаго, блаженныя памяти преосвященнаго Леонида“, присноламятнаго для всѣхъ Москвичей, въ особенности же для монашествующихъ, тѣмъ завершаю и заключаю я свои *Воспоминанія*. Его было желаніе чтобъ я записалъ все то что помнилъ, и хотя я непосильнымъ считалъ для себя такой трудъ, я старался исполнить какъ умѣлъ и довелъ до конца. И какъ умолкнулъ навсегда досточтимый нашъ іерархъ, такъ да умолкнетъ и мое неискусное перо писавшее за послушаніе, и сіе буду всегда помнить и съ глубокою благодарностію вспоминать любовь и расположеніе ко мнѣ недостойному, но писать болѣе уже не буду: онъ подалъ мнѣ мысль и благословилъ начало, съ его кончиной да послѣдуетъ и окончаніе!“

1877 года января 24 дня; 40й день.

Можетъ-быть *Воспоминанія* долго бы еще дожидались печатанія еслибы не ускорилъ оное случай: по поводу печатанія писемъ преосвященнаго, отецъ Пименъ познакомился съ *О. М. Бодянскимъ*, который былъ въ то время секретаремъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и разъ какъ-то уломянулъ ему о своихъ *Воспоминаніяхъ*. Бодянскій попросилъ почитать ихъ, и когда ему сообщены были первыя тетради, онѣ такъ заняли его что онъ сталъ настоятельно просить чтобъ отецъ архимандритъ согласился отдать ихъ ему для помѣщенія въ *Чтеніяхъ Общества*. Этотъ способъ печатанія безъ хлопотъ и безъ издержекъ завлекъ отца архимандрита, и онъ охотно согласился. Такимъ образомъ вышло что *Воспоминанія* его сначала сами собою составились,

безъ предвзятой мысли писать для печати, а послѣ того можно-сказать и сами собою напечатались.

Когда *Воспоминанія* еще писались и неизвѣстно было что̀ изъ нихъ выйдетъ, отецъ Пименъ не стѣсняясь и часто весьма рѣзко высказывалъ истину, приговаривая иногда писавшему съ его словъ: „Ну что̀, по твоему, а чай, этого не нужно писать? Нѣтъ, ничего, это вѣдь было же, ну и пиши!“ Но когда рѣшено было что тетради поступятъ въ печать, онъ тщательно всѣ пересмотрѣлъ, прослушалъ, многое велѣлъ смягчить, а многое вовсе исключить, такъ что между черновою рукописью и печатною книгой великая разница.

Появленіе *Воспоминаній отца архимандрита Пимена* въ печати въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей* вызвало различныя сужденія: похвалы и порицанія. Это были первыя записки подобнаго рода писанныя, какъ почти всѣмъ извѣстно было, человѣкомъ малограмотнымъ, самообразовавшимся, но весьма даровитымъ и обладавшимъ рѣдкою памятью и потому вызывали удивленіе людей независтливыхъ и безпристрастныхъ. По содержанію своему, они были такъ разнообразны, многосодержательны и любопытны, по изложенію мыслей такъ послѣдовательны, ясны, своеобразны, а по простотѣ, естественности и живости разсказа такъ завлекательны, что взявъ книгу въ руку не хотѣлось уже ея выпустить.. Это было сужденіе людей умѣющихъ цѣнить хорошее въ чемъ бы и отъ кого бы оно ни проявлялось.

Но были другіе не вполнѣ къ отцу Пимену благоволившіе и ставили ему въ вину что онъ отдалъ *Воспоминанія* въ печать преждевременно, при своей жизни; въ этомъ они видѣли его нетерпѣливое желаніе выказаться, выдвинуть себя впередъ и чрезъ свою книгу пріобрѣсти себѣ извѣстность. Но говорившіе это или умышленно не хотѣли признать что отецъ Пименъ былъ уже и безъ того настолько извѣстною, выдающеюся и всѣми столь уважаемою личностію что не книга могла что-нибудь прибавить къ его прославленію, а напротивъ того, его личная извѣстность, покрайней мѣрѣ въ Москвѣ, дѣлала книгу его для многихъ любопытною... Или быть-можетъ, предполагавшіе въ отцѣ Пименѣ эту тщеславную цѣль *самопрославленія*, въ ослѣпленіи своемъ ,и чистосердечно думали то что̀ говорили не допуская чтобы *какой-нибудь Пименъ, который нигдѣ не учился, который ничто иное какъ торгашъ*, и въ дѣйствительности былъ настолько

извѣстнымъ лицомъ какъ многомысленные его почитатели старались увѣрить.—„Пименъ! Что̀ такое Пименъ?—Кирпичникъ, который, говорятъ, Богъ вѣсть что̀ нагородилъ на Угрѣшѣ!“ говорили эти люди.

Въ числѣ подобныхъ судей были люди и не мало образованные и не безъ личныхъ достоинствъ, но не настолько безпристрастные чтобы могли безъ лицепріятія судить о достоинствахъ и заслугахъ ближняго, отдавая каждому должную справедливость.

Нѣкоторые изъ настоятелей (столь же малограмотные какъ и отецъ Пименъ, но далеко не столь даровитые отъ природы чтобы подобно ему сумѣть развить себя чтеніемъ полезныхъ книгъ и обращеніемъ съ людьми дѣйствительно образованными), *дѣльцы-скопидомы*, высокая не мудрствующіе люди, тоже не сочувственно отзывались о *Воспоминаніяхъ*: „Ужь это не живи хуже коли настоятель да зачнетъ литературой заниматься, а изъ рукъ вожжи выпуститъ, плохое дѣло“, говорили они мотая головой, пожимая плечами и махнувъ рукой, „значитъ—пиши пропало“!

Можетъ-быть и случалось слышать этимъ критикамъ что „предосудительно когда настоятель, по своему пристрастію къ ученымъ трудамъ, занимается разными изслѣдованіями въ ущербъ обители, и роясь въ лѣтописяхъ и книгахъ не видитъ что̀ у него подъ носомъ дѣлается“. Но не до такой степени преданъ былъ отецъ Пименъ ученымъ занятіямъ чтобъ его можно было обвинить въ *пристрастіи къ литературѣ*.

Есть, впрочемъ, и существенные два недостатка въ *Воспоминаніяхъ*, на которые указывали не безъ нѣкотораго основанія, именно въ главахъ VII, XXII и XXVI.

Въ VII главѣ, послѣ очерка дѣятельности двухъ угрѣшскихъ игумновъ наиболѣе принесшихъ монастырю пользы *Амвросія* и *Іонаѳана* слѣдуетъ очеркъ *Израиля* и *Аарона*, которые довели Угрѣшу до послѣдняго разоренія.

Къ чему было раскапывать такую грязь и выставлять такія личности которыя позорятъ монашество? Съ этимъ нельзя отчасти не согласиться; но потому-то именно что эти личности такъ дурны, такъ порочны, такъ неестественно уродливы, отецъ Пименъ и рѣшился выставить ихъ какъ нѣчто необычное и слишкомъ дурное чтобъ оно могло сколько-нибудь повредить монашеству; какъ особенно рѣдки бываютъ примѣры добродѣтели и подвижничества подобные Паисію Величковскому, Зосимѣ, Макарію Пѣшношскому, старцу

Серафиму и другимъ подобнымъ свѣтлымъ личностямъ, столь же рѣдко къ счастію нашему появляются и подобные выродки.

Но предвидя что описаніе этихъ двухъ игуменовъ можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе, отецъ Пименъ и самъ оговаривается и высказываетъ причину которая побудила его очертить Израиля и Аарона.

„Описаніе жизни этихъ двухъ игуменовъ покажется быть-можетъ для нѣкоторыхъ соблазнительнымъ и меня осудятъ что я разказываю подобныя обстоятельства, а потому прибавлю (въ свое оправданіе) что не ради осужденія тревожу я память моихъ предмѣстниковъ, но *ради назиданія* читающимъ, *дабы показать* въ рѣзкихъ чертахъ *до чего можетъ уклониться человѣкъ*, въ какомъ бы званіи онъ ни былъ, *ежели онъ не будетъ постоянно блюсти себя и въ особенности ежели монахъ не будетъ непрестанно памятовать своихъ обѣтовъ*. Вступленіе въ монашество есть дѣйствіе совершенно добровольное, произнесеніе нами обѣтовъ совершается по свободному нашему произволенію, почему и должны мы неусыпно блюсти себя и всѣми силами стараться оградить себя отъ вреднаго вліянія страстей, дабы не допустить ихъ возпреобладать надъ нами, ибо строго судитъ Господь и жестоко наказуетъ Онъ иноka уклонившагося отъ правыя стези.

„Какъ отецъ Израиль, такъ и отецъ Ааронъ, вступивъ въ монашество, позабыли, какъ видно, какія они имѣли побужденія оставить міръ, и добровольно избравъ жизнь монашескую къ сожалѣнію мало ею дорожили, произнести обѣтъ нестяжательности его не хранили, поддались страсти сребролюбія и всѣмъ ей жертвовали... Чѣмъ же кончилась ихъ жизнь? Одинъ вовсе лишился монашества (Израиль), другой умеръ съ запрещеніемъ въ служеніи; оба умерли не въ обителяхъ монашескихъ, а въ мірскихъ домахъ, въ безчестіи и почти въ нищетѣ, сугубо наказанные такимъ образомъ отъ правосудія Божія за то что они безчестили монашество которымъ вовсе не дорожили, и лишились идола своего—*стяжанія*, на которое надѣялись и которому всѣмъ жертвовали!“

Второе замѣчаніе, относящееся ко главамъ XXII и XXVI вполнѣ справедливо; въ этихъ двухъ главахъ говорится о двухъ тяжкихъ болѣзняхъ отца Пимена и съ излишними подробностями, не занимательными для читателей и которыя въ печати могли бы быть вылущены.

Кромѣ сдѣланныхъ замѣчаній, нельзя болѣе ни въ чемъ упрекнуть отца Пимена и нельзя не отдать полной справедливости его книгѣ, по тому уже замѣчательной что она, будучи произведеніемъ человѣка неученаго, заключаетъ въ себѣ много занимательнаго, любопытнаго и назидательнаго не только для монашествующихъ, но и вообще для любознательнаго и со вниманіемъ читающаго человѣка.

IV.

Кончина преосвященнаго Леонида отчасти возстановила прежнія отношенія между митрополитомъ Иннокентіемъ и архимандритомъ Пименомъ, ибо лица сѣявшія терніе на пути преосвященнаго оказывали ту же услугу и отцу Пимену; онъ былъ, по мнѣнію ихъ, ревностѣйшимъ сотрудникомъ преосвященнаго и для того имъ оставленный въ Москвѣ чтобы сообщать ему все что въ ней происходитъ, дѣйствовать съ его согласія въ его пользу, слѣдить за здоровьемъ владыки и т. д. Вслѣдствіе этого отецъ Пименъ долженъ былъ держать себя весьма осторожно чтобы не подать дѣйствительнаго повода къ подозрѣнію и избѣгалъ бывать на Троицкомъ подворьѣ столь же часто, какъ прежде.

Возвращеніе владыки митрополита изъ Петербурга весною 1877 года доказало отцу Пимену что ежели и было какое-нибудь противъ него предубѣжденіе, то теперь оно исчезало: владыка сталъ съ нимъ снова откровененъ, разговорчивъ, привѣтливъ какъ и въ прежнее время, и довѣріе это и расположеніе еще болѣе обнаружилось весной послѣ кончины намѣстника Троицкой Лавры, архимандрита Антонія. *

Распространяться о личности и заслугахъ этого замѣчательнаго всѣми чтимаго и европейски извѣстнаго человѣка считаемъ излишнимъ: нынѣ дѣйствующее поколѣніе возросло

---

* Въ мірѣ *Андрей Гавриловичъ Медвѣдевъ*, род. 6 октября 1792 года въ селѣ Лысковѣ (имѣніи кн. Егора Александровича Грузинскаго близъ Нижняго Новгорода), въ 1818 году поступилъ въ Саратовскую пустынь, въ 1822 году іюня 27 постриженъ и названъ *Антоніемъ*; іюля 20 того года іеродіакономъ; іюля 22 іеромонахъ, въ 1826 году строитель Высокогорской пустыни; 1831 года марта 15—архимандритъ Виленскій намѣстникъ Троицкой Лавры; † 12 мая 1877 года, погребенъ въ притворѣ Филаретовской церкви, при входѣ на лѣво у дверей.

при немъ, знало, чтило, любило и оцѣнило; для грядущаго память о немъ неизгладимо запечатлѣна на всемъ и во всемъ что хорошаго сдѣлано и учреждено въ Лаврѣ за послѣднее полустолѣтіе нынѣшняго вѣка. Лавра единственно ему обязана тѣмъ благолѣпіемъ и благоустройствомъ какихъ она достигла въ продолженіе его сорокапятилѣтняго управленія. Онъ былъ неизмѣннымъ совѣтникомъ, вѣрнымъ другомъ и ревностнымъ помощникомъ и сотрудникомъ мудраго и приснопамятнаго святителя московскаго митрополита Филарета. Для Лавры имена ихъ неразлучны: что совершено при Филаретѣ было, значитъ или задумано, или предложено, или исполнено Антоніемъ: ихъ единомысліе, единоволіе и единодушіе были замѣчательны, и можетъ-быть составляли главную причину того что Лавра такъ скоро обновилась послѣ продолжительнаго своего упадка и такъ быстро и широко развернулась и процвѣла. Антоній былъ человѣкъ по сердцу и по мысли Филарета; найти искуснѣйшаго и вѣрнѣйшаго исполнителя своихъ предначертаній и желаній ему было бы весьма трудно; имѣть лучшаго и вѣры достойнѣйшаго друга едва ли возможно, а человѣка болѣе соотвѣтствовавшаго своему мѣсту и положенію даже и желать было немыслимо. Такой святитель и долженъ былъ имѣть таковаго представителя и намѣстника.

Что отецъ Антоній, какъ и всякій человѣкъ, могъ имѣть свои недостатки и слабость, весьма естественно и не подлежитъ сомнѣнію; но они были или такъ незначительны въ сравненіи съ его достоинствами, качествами и способностями, или такъ имъ обуздываемы и глубоко подавляемы что для простаго глаза становились непримѣтны, тогда какъ все что было въ немъ хорошаго, возвышеннаго, неподражаемо-своеобразнаго съ перваго взгляда бросалось каждому въ глаза, удивляло, поражало, ослѣпляло и невольно приводило въ сомнѣніе: неужели и такой человѣкъ можетъ имѣть какіенибудь недостатки? Какіе именно были они и въ какой степени, вполнѣ вѣдомо только единому Богу и отчасти можетъ-быть извѣстно было приближеннымъ его; но для постороннихъ лицъ, которыя могли судить о немъ только по его словамъ, привѣтливости или дѣйствіямъ, это былъ человѣкъ въ высшей степени привлекательный, который услаждалъ бесѣдою, назидалъ и утѣшалъ своими наставленіями, удивлялъ быстротою соображенія, памятью, знаніемъ, поражалъ своимъ

достоинствомъ и сановитостію, и въ большей части знавшихъ его людей составлялось неизгладимое убѣжденіе что онъ человѣкъ единственный, незамѣнимый и дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова—*мужъ*.

Весьма благообразный съ величественною осанкой, онъ столько же привлекалъ и своею внѣшностію, сколько располагалъ къ себѣ особенною мягкостію и сладкозвучіемъ голоса, плавностію рѣчи и природнымъ даромъ слова.

Въ послѣдніе годы своей жизни отецъ Антоній видимо слабѣлъ одержимый тяжкими недугами, и въ то время какъ онъ лежалъ на одрѣ своемъ не имѣя возможности слѣдить за тѣмъ что происходило вокругъ него, многое изъ того что было введено имъ съ такимъ трудомъ, учреждено непоколебимою силой воли и поддерживаемо неутомимою и бдительною его взыскательностію,—многое безъ него стало приходить въ упадокъ, по невниманію ли окружавшихъ его помощниковъ, или потому что имъ было не подъ силу и поддержать того что могла ввести и основать твердая и могучая рука этого непреклоннаго властелина съ желѣзною и непоколебимою волей, умѣвшею преодолѣть всякія препоны.

Безъ сомнѣнія и самъ отецъ намѣстникъ видѣлъ это и сознавалъ, но уже не доставало у него силъ бороться съ трудностями какъ прежде... Къ немощамъ тѣлеснымъ и недугамъ душевнымъ происходившимъ отъ сознанія внутреннихъ нестроеній въ послѣднее время жизни отца намѣстника присоединилась еще и внѣшняя скорбь, которую онъ испытывалъ вслѣдствіе нерасположенія къ нему не столько самого владыки митрополита сколько окружавшихъ его лицъ: имъ хотѣлось устранить отца намѣстника за старостію и дряхлостію и на его мѣсто возвести такое лицо которое, будучи имъ всѣмъ обязано, безусловно подчинилось бы ихъ вліянію и слѣпо исполняло бы ихъ волю. Неоднократно было предлагаемо отцу намѣстнику проситься на покой, но онъ не согласился, сказавъ что онъ сорокъ шесть лѣтъ служитъ въ Лаврѣ преподобнаго Сергія, и что на службѣ и жизнь свою окончить желаетъ...

Вопреки его желанію тронуть его не смѣли, и онъ мирно окончилъ жизнь свою 12 мая 1877 года, на 85 году отъ рожденія.

Но кѣмъ же замѣнить этого человѣка почитавшагося незамѣнимымъ?

Тѣ личности которыя добивались его мѣста, какъ ни усиливались доставить имъ оное услужливые совѣтники митро-

лолита, были таковы что владыка, не взирая на всѣ домогательства не рѣшался и представлять ихъ, должно-быть и самъ сознавая всю ихъ несостоятельность для столь видного и значительнаго мѣста и опасаясь отказа.

Митрополитъ неоднократно говорилъ съ отцомъ Пименомъ и убѣждалъ его принять намѣстничество лавры.

Отецъ Пименъ отвѣчалъ владыкѣ что „какъ монахъ онъ ни отъ чего не смѣетъ и не можетъ отказываться, но чувствуетъ что не по лѣтамъ его, не по силамъ и не съ его характеромъ занять это мѣсто, гдѣ потребуется много ломки, такъ какъ въ послѣдніе годы отца намѣстника многое запустили и трудно будетъ все опять привести въ порядокъ.

— Ежели сами не желаете и говорите что вамъ не по силамъ это мѣсто, назовите мнѣ человѣка котораго считаете способнымъ, говорилъ митрополитъ.

Отецъ Пименъ указалъ на архимандрита Леонида, настоятеля Ново-Іерусалимскаго Воскресенскаго монастыря, и прибавилъ:

— Онъ моложе меня, онъ опытенъ въ монашествѣ, онъ человѣкъ съ образованіемъ не то что я, имѣетъ силу воли, что и доказалъ уже въ Новомъ Іерусалимѣ, а по его характеру и съ его здоровьемъ ему скорѣе тамъ быть чѣмъ мнѣ...

— Но согласится ли онъ, пожелаетъ ли? допрашивалъ митрополитъ.—Какъ вы думаете?

— Ежели на то непремѣнная ваша воля и другаго кромѣ меня не угодно вамъ представить, не могу противиться и *стороны* въ представленіи быть не опасаюсь.

Это все происходило на Угрѣшѣ, куда пріѣхалъ митрополитъ въ скоромъ времени послѣ кончины отца Антонія и провелъ нѣсколько дней. Это было его послѣднее посѣщеніе.

На мѣсто отца намѣстника Антонія были представлены три кандидата: 1) ново-іерусалимскій настоятель, архимандритъ Леонидъ; 2) николо-угрѣшскій настоятель, архимандритъ Пименъ; 3) намѣстникъ московскаго Чудова монастыря, архимандритъ Веніаминъ. Въ іюнѣ послѣдовало утвержденіе Святѣйшаго Синода: утвержденъ былъ отецъ архимандритъ Леонидъ Кавелинъ, давно уже извѣстный своими прекрасными историческо-археологическими изслѣдованіями и другими статьями и монографіями преимущественно церковно-историческаго содержанія. Когда это утвержденіе сдѣлалось извѣстнымъ, отецъ Пименъ вполнѣ успокоился. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ:

— Ну слава Богу что теперь все рѣшено, и хотя я заранѣе увѣренъ былъ что безъ меня дѣло обойдется, а все-таки вѣрнѣе когда уже знаешь что другой назначенъ... Кто говоритъ что не легко быть намѣстникомъ Лавры!.. И я, будь я моложе и крѣпче здоровьемъ, конечно бы не отказался, но теперь тамошняя ломка, безъ которой дѣло не можетъ обойтись, Пимену не по лѣтамъ и не подъ силу, а по правдѣ сказать мнѣ это мѣсто и не по мѣркѣ—*всякъ Еремѣй про себя разумѣй*; ну могу ли я, сумѣю ли принять какъ бывало принималъ отецъ намѣстникъ высочайшихъ и высокихъ посѣтителей, которые тамъ частенько бываютъ? Нѣтъ, голубчики мои, не по *Сенькѣ шапка*; вотъ отецъ архимандритъ Леонидъ—это другое дѣло: изъ дворянъ, ученый, опытный, человѣкъ бывалый; да, онъ тамъ скорѣе будетъ на своемъ мѣстѣ чѣмъ бы я; съ меня и Угрѣши довольно.

Такъ, вполнѣ отдавая справедливость другимъ, отецъ Пименъ при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ качествахъ и достоинствахъ считалъ себя какъ бы не соотвѣтствующимъ важности мѣста.

— Быть преемникомъ Антонія, вы шутите этимъ? Вы думаете это легко? Нѣтъ, въ его мѣру тоже не скоро, да и не всякій выростетъ... И его митрополитъ Филаретъ поддерживалъ и въ гору тавулъ, а то и ему бы трудно было самому взойти на такую высоту! Кто Антонія не зналъ? Въ Европѣ, на Востокѣ всѣ его знали. *Втораго Антонія не будетъ*! А Пименъ въ сравненіи съ нимъ что̀ такое? такъ—*букашка, козявка. Нѣтъ, не въ свои сани не садись*... Хорошо что меня Богъ избавилъ!

V.

Къ началу весны 1877 года относится новый видъ дѣятельности отца Пимена, о которой умолчать было бы крайнею несправедливостію, ибо въ ней равнымъ образомъ выразились и его личная *любовь къ ближнему*, и живое *сочувствіе къ общественнымъ нуждамъ отечества*, и наконецъ, его искреннее и глубокое сознаніе высокаго значенія и обязанностей монашества въ дѣлахъ милосердія и любви; мы говоримъ объ учрежденіи на Угрѣши временной *военной врачебницы для раненыхъ воиновъ*.

Еще въ предшедшемъ году, какъ только начали обнаруживаться враждебныя отношенія между Турціей и ея православными подданными и стало проявляться сочувствіе Русскихъ Сербамъ, онъ принялъ сердечное участіе въ судьбахъ несчастныхъ Герцеговинцевъ, Сербовъ и прочихъ славянскихъ племенъ, съ живымъ и напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій, и читалъ съ ужасомъ и негодованіемъ извѣстія о притѣсненіяхъ и насиліяхъ Турціи.

Услышавъ что въ Троицкой Лаврѣ (еще при жизни блаженной памяти отца-намѣстника Антонія) предположено было въ случаѣ войны между Россіей и Турціей учредить при монастырѣ и отъ монастыря военный временный лазаретъ, отецъ Пименъ рѣшилъ что при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны и по удостовѣреніи что раненые будутъ привозиться въ Москву, откроетъ и онъ на Угрѣшѣ военную врачебницу Краснаго Креста, при участіи всѣхъ прочихъ общежительныхъ монастырей.

Онъ говорилъ неоднократно: „Воины за всѣхъ насъ сражаются, они защищаютъ Россію, нашу вѣру, всѣхъ и каждаго изъ насъ, жертвуютъ своею жизнію; потому и мы должны, со своей стороны, дѣлать для нихъ все что̀ мы можемъ: за живыхъ молись чтобы Господь имъ помогъ и сохранилъ ихъ, за убитыхъ молись—поминай ихъ, а живымъ и раненымъ помогай, старайся облегчить имъ страданія...“

Когда 12 апрѣля 1877 года была объявлена война Турціи и въ Москвѣ начали устраивать лазареты въ зданіяхъ недостроеннаго бывшаго Ивановскаго монастыря и въ другихъ мѣстахъ, отецъ Пименъ поѣхалъ въ Москву и удостовѣрившись что раненыхъ будутъ привозить, заявилъ словесно и письменно свое желаніе и готовность учредить на Угрѣшѣ временную врачебницу на пятьдесятъ человѣкъ съ полнымъ и безвозмезднымъ отъ монастыря содержаніемъ на цѣлый годъ.

Побывавъ вездѣ гдѣ онъ считалъ нужнымъ чтобы видѣть что̀ приготовляютъ для раненыхъ, онъ составилъ соотвѣтственно этому бюджетъ единовременныхъ издержекъ на приспособленіе помѣщенія и на пріобрѣтеніе всего нужнаго для обзаведенія и на содержаніе пятидесяти человѣкъ въ теченіе года; все это вмѣстѣ составило приблизительно *пятнадцать тысячъ*. Доложивъ владыкѣ о своемъ желаніи и испросивъ его благословеніе, онъ объявилъ всѣмъ настояте-

лямъ своего благочинія что онъ даетъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ помѣщеніе и сверхъ того принимаетъ на свою часть *восемь тысячъ* рублей расхода, а остальныя *семь тысячъ* разложилъ на всѣ прочіе монастыри соотвѣтственно ихъ средствамъ и доходамъ.

Для помѣщенія раненыхъ была очищена монастырская богадѣльня, имѣющая два отдѣленія на верху и внизу. Въ верхнемъ отдѣленіи есть стеклянная дверь въ Казанскую церковь. Въ коррідорѣ чрезъ сѣни было отдѣлано нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній для офицеровъ, а въ двухъ общихъ палатахъ поставлены желѣзныя койки для двадцати человѣкъ внизу и для столькихъ же на верху. Пристроена была съ задняго двора къ зданію врачебницы временная деревянная кухня, чтобы не на братской поварнѣ пришлось готовить скоромную пищу, необходимую для больныхъ. Всюду были проведены воздушные звонки для удобства раненыхъ; куплены всѣ необходимые и лучшіе инструменты для всевозможныхъ операцій, столъ и носилки, и все это помѣщено въ отдѣльной комнатѣ для того предназначенной; словомъ, все придумано, предусмотрѣно съ удивительною заботливостію.

Имѣть постоянный надзоръ за больными изъявилъ желаніе монастырскій постоянный врачъ-хирургъ Тяжеловъ безвозмездно, но такъ какъ онъ имѣлъ семейство и постоянную практику въ Москвѣ и, кромѣ того, состоялъ на службѣ, то требовалось ему имѣть помощника, и онъ указалъ на одного очень хорошаго молодаго врача, недавно кончившаго курсъ въ Москвѣ, А. Н. Виноградова.

Но всего этого, по мнѣнію отца Пимена, было еще недостаточно; онъ желалъ чтобъ и нѣкоторые изъ братій, которые изъявятъ на то свою готовность, сами ходили за больными, и при этомъ говорилъ: „помѣщаетъ, кормитъ и лѣчитъ обитель, а братія изъ среды своей должна дать людей готовыхъ и способныхъ ходить за больными.“

Онъ созвалъ тѣхъ изъ младшихъ братій которыхъ считалъ и по лѣтамъ, и по характеру годными къ такому послушанію, и предложилъ имъ всѣмъ помолиться, подумать рѣшатся ли они на предлагаемый имъ подвигъ, а на слѣдующій день придти къ нему и заявить буде кто пожелаетъ. На слѣдующій день пришли желавшіе быть *братьями милосердія;* ихъ было болѣе нежели предполагалъ отецъ Пименъ, и изъ нихъ онъ выбралъ десять человѣкъ, которыхъ отправилъ въ

Москву учиться въ фельдшерскомъ отдѣленіи Военнаго Госпиталя и въ Новой Екатерининской больницѣ. Они жили на Угрѣшскомъ подворьѣ и ежедневно поутру и послѣ обѣда ходили въ госпиталь и въ больницу. Къ этимъ угрѣшскимъ братіямъ вскорѣ присоединились еще трое: два изъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря и одинъ изъ Бѣлолесоцкаго.

Сперва отецъ Пименъ думалъ что придется всѣхъ этихъ братьевъ послать въ дѣйствующую армію на поле сраженія, и намѣревался съ ними отправить іеромонаха, снабдивъ его значительнымъ количествомъ запасныхъ даровъ. О своемъ предположеніи онъ письменно сообщилъ князю В. А. Долгорукову и князю В. А. Черкасскому, который былъ начальникомъ санитарнаго отдѣла Краснаго Креста въ Болгаріи; но переписка эта послѣдствій не имѣла, и вызова *братій милосердія* изъ Угрѣшскаго монастыря не послѣдовало. Тогда отецъ Пименъ рѣшилъ что они будутъ служить раненымъ въ монастырской врачебницѣ.

Первый пріѣздъ раненыхъ былъ іюля 29 съ Курской желѣзной дороги, со станціи Люблино, отстоящей отъ Угрѣши въ 10 верстахъ. Въ тотъ годъ было весьма много жившихъ тамъ на дачахъ, многіе изъ молодыхъ людей и даже нѣкоторыя изъ дамъ пожелали сопровождать раненыхъ до Угрѣши. Самыхъ слабыхъ и тяжело раненыхъ положили на носилки, которыя на себѣ несли сострадательные юноши изъ дачниковъ Люблина; другіе шли сзади, ожидая своей очереди смѣнить утомившихся; дамы и дѣвицы держали распущенные зонтики надъ сидѣвшими на носилкахъ; другіе раненые сидѣли въ линейкахъ и въ иныхъ повозкахъ. День былъ весьма знойный.

Отецъ Пименъ рѣшилъ сдѣлать раненымъ торжественную встрѣчу у Святыхъ воротъ: онъ вышелъ въ облаченіи со крестомъ въ рукѣ и съ нимъ нѣсколько іеромонаховъ также въ облаченіи, діаконы держали чашу со святою водой и кропило. Когда съ колокольни увидѣли что изъ-за горы показался поѣздъ раненыхъ, ударили въ колоколъ при приближеніи ко Святымъ вратамъ раненыхъ, нѣкоторые были въ силахъ, соскакивали съ линеекъ, подходили ко кресту, прикладывались и, окропленные святою водой, шли или ѣхали въ монастырь, сопровождаемые большою толпой народа; а лежавшихъ на носилкахъ подносили къ отцу архимандриту и затѣмъ доставляли въ монастырь ко врачебницѣ.

Когда раненые, которыхъ назначили помѣстить наверху, вошли въ верхнюю палату, двери въ церковь были отворены; тамъ совершалась литія со многолѣтіемъ государю императору, съ возглашеніемъ во блаженномъ успеніи вѣчнаго покоя всѣмъ на брани убіеннымъ и со многолѣтіемъ всему христолюбивому воинству... Это было очень торжественно.

Каждый день въ больничной Казанской церкви совершалась ранняя литургія, а подъ воскресенье и праздничные дни всенощное бдѣніе. Раненые и тѣлесно врачуемые находили въ монастырѣ и врачеваніе духовное въ молитвѣ и въ присутствіи при богослуженіи; въ числѣ раненыхъ было нѣсколько католиковъ которые также иногда приходили во храмъ и молились.

Погода стояла хорошая, и раненые долго могли пользоваться прекраснымъ воздухомъ, гуляя по рощѣ и между цвѣтниками угрѣшскаго монастырскаго сада. Отецъ Пименъ не рѣдко посѣщалъ врачебницу, присылалъ больнымъ разныя книги духовнаго содержанія; богомольцы навѣщали ихъ и давали имъ деньги или приносили разные гостинцы, калачи, хлѣбъ и т. п.

Всѣхъ раненыхъ было три транспорта по пятидесяти человѣкъ каждый, и по мѣрѣ того какъ выздоравливающихъ отвозили, на ихъ мѣсто поступали другіе, и такъ перебывало полтораста человѣкъ. Умерло, кажется, двое или трое: одинъ послѣ операціи и одинъ отъ воспаленія. Послѣдніе раненые выбыли въ февралѣ или мартѣ 1878 года. Отецъ Пименъ всегда ходилъ благословлять иконами отпускаемыхъ, и многіе просили на память его карточку. Эту врачебницу неоднократно посѣщали высокостоящія лица имѣвшія надзоръ за больницами для раненыхъ воиновъ; между прочими пріѣзжалъ сенаторъ Гедеоновъ, который не только остался вполнѣ доволенъ всѣмъ что нашелъ и видѣлъ, но неоднократно потомъ многимъ говорилъ объ Угрѣшской врачебницѣ и ставилъ ее въ образецъ всѣмъ прочимъ.

Многіе усиливались доказать что врачебница эта была устроена отцомъ Пименомъ изъ тщеславныхъ видовъ, но къ счастію случилось такъ что всѣ получили награды по представленію отца архимандрита: врачъ Тяжеловъ орденъ Св. Анны на шею, помощникъ его—Станислава въ петлицу, а отецъ Пименъ, главный учредитель всего, не получилъ ничего

кромѣ маленькаго значка Краснаго Креста, который былъ данъ и прочимъ настоятелямъ и нѣкоторымъ изъ братій. Многіе ожидали что онъ получитъ орденъ Св. Владиміра второй степени, что̀ ему и слѣдовало бы получить по всей справедливости, ибо онъ уже имѣлъ Владиміра третьей степени, но духовное начальство ожидало что его представитъ свѣтское, а свѣтское ждало ходатайства отъ духовнаго, и кончилось тѣмъ что за всѣ труды и лопеченія отцу Пимену наградой послужило его собственное сознаніе что онъ исполнилъ долгъ совѣсти, за что̀ будетъ ему награда не на землѣ и не отъ людей.

VI.

Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1877 года, въ день кончины намѣстника Лавры Антонія, скончался въ Костромѣ архіепископъ Платонъ, находившійся тамъ болѣе 20 лѣтъ, а осенью того же года скончался въ Москвѣ старшій викарій, преосвященный Никодимъ, и вслѣдствіе этихъ двухъ кончинъ произошли перемѣны въ Московской епархіи, именно:

Одинъ изъ московскихъ вдовыхъ протоіереевъ отецъ Алексѣй (Осиповичъ) Ключаревъ, которому давно предлагали вступить въ монашество, но который до сего времени отказывался, былъ постриженъ въ Богоявленскомъ монастырѣ преосвященнымъ Игнатіемъ во время всенощнаго бдѣнія и нареченъ Амвросіемъ, а на утро во время литургіи возведенъ въ санъ архимандрита и въ скоромъ послѣ того времени хиротонисанъ въ Петербургѣ во епископа Можайскаго.

Экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи Александръ Ѳедоровичъ Лавровъ, занимавшій каѳедру каноническаго права, въ сентябрѣ мѣсяцѣ овдовѣвшій, въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ постриженъ въ монашество и нареченъ Алексіемъ, въ январѣ посвященъ во іеродіакона и во іеромонаха, въ мартѣ мѣсяцѣ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ апрѣлѣ въ Петербургѣ хиротонисанъ во епископа Можайскаго и назначенъ быть вторымъ викаріемъ Московскимъ съ жительствомъ на Саввинскомъ подворьѣ, гдѣ прежде было пребываніе старшаго викарія епископа Дмитровскаго. Преосвященный Игнатій назначенъ въ Кострому на мѣсто скончавшагося архіепископа Платона, а преосвященный Амвросій назначенъ быть старшимъ викаріемъ Московскимъ съ

жительствомъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ санѣ епископа Дмитровскаго. Такимъ образомъ съ небольшимъ въ полтора года Москва лишилась трехъ викаріевъ: преосвященнаго Леонида, переведеннаго въ Ярославль и тамъ скончавшагося; преосвященнаго Никодима, переведеннаго изъ викаріевъ Новгородскихъ и скончавшагося въ Москвѣ, а погребеннаго въ Саввинѣ монастырѣ, и преосвященнаго Игнатія, переведеннаго въ Кострому. Мѣста ихъ заняли преосвященный Амвросій епископъ Дмитровскій (въ Богоявленскомъ монастырѣ) и преосвященный Алексій епископъ Можайскій (на Саввинскомъ подворьѣ).

Къ этому времени, къ марту—апрѣлю 1878 года, относится событіе само по себѣ весьма не важное, но имѣвшее значеніе для Угрѣшскаго монастыря и доставившее отцу Пимену не малое удовольствіе. Ему давно желалось чтобы на Угрѣшѣ былъ хорошій звонъ; между тѣмъ самый большой колоколъ былъ всего въ 355 пудовъ, что далеко не соотвѣтствовало высотѣ и размѣрамъ колокольни; употреблять же на это изъ средствъ монастыря отецъ Пименъ не счелъ возможнымъ, имѣя болѣе существенныя надобности, и потому поставивъ въ разныхъ мѣстахъ монастыря и въ гостиницѣ кружки для пожертвованій *на колоколъ*, рѣшился вооружиться терпѣніемъ и ожидать пока соберется достаточная на то сумма. При самомъ началѣ сбора нашелся одинъ доброхотный датель Кононовъ, который пожертвовалъ три тысячи, и въ теченіе десяти-двѣнадцати лѣтъ прибавилось еще вдвое или втрое, такъ что весной 1878 года въ сборѣ оказывалась довольно значительная сумма. Отецъ Пименъ предпочелъ заказъ колокола сдѣлать на заводѣ Финляндскаго, по его мнѣнію, одномъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ въ Москвѣ, почему и для Храма Христа Спасителя всѣ колокола отливались тамъ же. Не прошло двухъ или трехъ недѣль послѣ того какъ отецъ Пименъ заказалъ колоколъ въ 600 пудовъ, онъ получилъ отъ Финляндскаго совершенно неожиданное и весьма пріятное увѣдомленіе что по усердію нѣкоего боголюбца, который желалъ утаить свое имя, ему заказанъ для Угрѣши еще колоколъ въ 1.200 пудовъ. Такимъ образомъ составился звонъ замѣчательно хорошій, и нынѣ во всѣхъ колоколахъ вѣсу почти 3.000 пудовъ.

Въ то время по Москвѣ рѣкѣ ходили пароходы (для которыхъ по мелководью устроены были между Москвой и

Угрѣшей въ двухъ мѣстахъ шлюзы), и благодаря этому водяному сообщенію оба колокола могли быть доставлены безъ большаго затрудненія къ самому почти монастырю на баркѣ туэрнымъ пароходомъ, а отъ берега въ монастырь ихъ тащили и катили по бревнамъ. Меньшій колоколъ былъ повѣшенъ іюля 2, а самый большой 3 сентября, и подъ Рождество Богородицы въ него уже благовѣстили ко всенощному бдѣнію.

Въ маѣ мѣсяцѣ посѣтилъ Угрѣшу въ послѣдній разъ на прощаніе преосвященный Игнатій епископъ Дмитровскій, назначенный въ Кострому, а мая 9 служилъ преосвященный Никодимъ.

Въ началѣ мая отецъ Пименъ (по совѣту своихъ обычныхъ врачей) долженъ былъ пить минеральныя воды, такъ какъ опять проявились, нѣкоторые неблагопріятные признаки прежней его болѣзни и поэтому съ половины мая и до 20 чиселъ іюня онъ прожилъ на дачѣ Берлюковской пустыни, въ сельцѣ Кармолинѣ, о которомъ было уже подробно говорено, когда онъ тамъ пребывалъ въ 1876 году. Время которое онъ тамъ провелъ не ознаменовалось ни чѣмъ особеннымъ, и потому разказывать какъ онъ тамъ жилъ, пилъ предписанныя ему воды и гулялъ бо́льшую часть, дня считаемъ совершенно излишнимъ.

Пріѣхавъ въ Кармолино 15 мая, онъ возвратился на Угрѣшу 22 іюня и два два спустя поѣхалъ въ Москву приглашать на скитскій праздникъ, Петровъ день, новаго викарія преосвященнаго Амвросія и московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова.

Преосвященный прибылъ наканунѣ и пребываніе имѣлъ въ скитской настоятельской кельѣ, совершалъ всенощное бдѣніе у праздника, а на утро литургію, послѣ которой произнесъ прекрасное слово; трапезовалъ въ монастырѣ въ братской трапезѣ; потомъ, по предложенію отца Пимена, ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Островъ осматривать тамошнюю богадѣльню, которой дотолѣ онъ еще не видалъ, и возвратясь въ монастырь и отдохнувъ немного, къ вечеру уѣхалъ въ Москву.

Это былъ единственный разъ что̀ преосвященный Амвросій * посѣтилъ Угрѣшу и тамъ служилъ.

* Въ мірѣ Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ, протоіерей Казанской церкви въ Замоскворѣчьѣ. Въ 1844 году окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи и священникъ; въ 1864 году протоіерей; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавалъ духовный журналъ

Неизвѣстно почему, несмотря на самый радушный и привѣтливый пріемъ отца Пимена, преосвященный не возымѣлъ расположенія ни къ Угрѣшѣ, ни къ ея настоятелю, такъ что до самаго конца жизни отца Пимена отношенія между ними, не будучи непріязненны, были довольно холодны, и хотя ни одинъ изъ нихъ не подалъ другому ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, они сблизиться не могли, не имѣя повидимому взаимнаго сердечнаго другъ ко другу расположенія.

Ко дню именинъ отца Пимена, августа 27, въ день памяти великаго во иноцѣхъ подвижника и наставника преподобнаго Пимена Великаго, по обыкновенію съѣхались на Угрѣшу всѣ общежительные настоятели и многіе изъ настоятельницъ Московской епархіи поздравить своего благочиннаго, и тутъ сговорились между собою чтобы 16 октября опять всѣмъ собраться и поздравить отца Пимена съ сугубымъ *двадцатипятилѣтіемъ* со дня учрежденія имъ на Угрѣшѣ общежитія и возведенія его въ санъ игумена. Тутъ рѣшено было насчетъ подношеній и еще нѣкоторыхъ подробностей относительно этого дня. Настоятели мужскихъ монастырей рѣшили всѣ вмѣстѣ поднести одну икону, а не каждый отдѣльно, но игумены пожелали каждая поднести икону отъ своей обители.

Въ половинѣ сентября отецъ Пименъ былъ извѣщенъ что надгробный памятникъ преосвященному Леониду уже готовъ; это побудило его ѣхать въ Ярославль, гдѣ между тѣмъ въ Спасскомъ монастырѣ готовилось и освященіе вновь отдѣланной церкви, попеченіемъ экономa архіерейскаго дома отца Павла. Въ эту поѣздку свою въ Ярославль, отецъ Пименъ также останавливался у аѳанасіевскаго архимандрита, отца Николая, и неоднократно бывалъ у новаго владыки Ярославскаго, преосвященнаго Іонаѳана, который по своему всегдашнему радушію обошелся и съ нимъ ласково и привѣтливо; но тяжело и грустно было отцу Пимену это пребываніе въ Ярославлѣ, и потому онъ не долго тамъ пробылъ.

Памятникъ надъ могилой преосвященнаго Леонида превзошелъ всѣ ожиданія; онъ составляетъ нынѣ одно изъ украшеній Ярославскаго (бывшаго) холоднаго собора, и едва ли

Душеполезное Чтеніе; въ 1877 году постриженъ въ монахи, архимандритъ, епископъ Можайскій, второй викарій въ Москвѣ; въ 1878 епископъ Дмитровскій—первый викарій; въ 1882 (сентябрь) епископъ Харьковскій; въ октябрѣ отбылъ изъ Москвы въ Харьковъ.

еще найдется подобный ему во всей Россіи, ибо онъ составленъ изо всѣхъ тѣхъ матеріаловъ которые были употреблены на внутреннее украшеніе храма Христа Спасителя; въ особенности считаютъ цѣннымъ искристый лабрадоръ.* Такъ угодно было въ Бозѣ почившему государю императору Александру Николаевичу и по смерти наградить преосвященнаго Леонида за его участіе въ трудахъ коммиссіи по построенію храма Христа Спасителя.

VII.

Дней за шесть или за недѣлю до 16 октября Угрѣшскій казначей, отецъ Валентинъ, по совѣту отца архимандрита Сергія, доложилъ отцу Пимену что братія желала бы отпраздновать 16 октября двадцатипятилѣтіе общежитія на Угрѣшѣ и двадцатипятилѣтіе его настоятельства.

— Хорошо что ты меня предупредилъ, сказалъ онъ,—я долженъ испросить на это благословеніе владыки.

На слѣдующій день отецъ Пименъ отправился въ Москву и явившись ко владыкѣ доложилъ ему о желаніи братіи...

— Ну что же, отвѣчалъ митрополитъ,—Богъ благословитъ, праздновать можете; колокола теперь у васъ хорошіе, есть во что лозвонить.

Въ воскресенье, октября 15, прибыли на Угрѣшу всѣ настоятели общежительствъ Московской епархіи и нѣкоторыя изъ настоятельницъ или ихъ казначеи и посланницы отъ игуменій московскихъ, пожелавшихъ по личному своему уваженію привѣтствовать отца Пимена, бывшаго въ то время самымъ старшимъ и заслуженнымъ изо всѣхъ общежительныхъ настоятелей Московской епархіи.**

---

* Употребленные на памятникъ разнаго рода мраморъ, гранитъ, порфиръ, лабрадоръ и другіе матеріалы оцѣниваютъ болѣе чѣмъ въ шесть тысячъ рублей; работа стоила около трехъ тысячъ и производилась по проекту и указаніямъ архитектора Дмитріевскаго, подъ наблюденіемъ отца архимандрита Пимена, по просьбѣ брата преосвященнаго и по желанію князя В. А. Долгорукова. Такъ дружба отца Пимена и по смерти своего друга продолжала оказывать ему услуги заботясь о благолѣпіи его надгробнаго памятника.

** Отецъ Пименъ былъ посвященъ во игумена 16 октября 1853 года. Изъ же общежительныхъ старшіе его были: архимандритъ

Предъ малою вечернею казначей въ сопровожденіи старшей братіи пришелъ въ кельи отца Пимена и подвесъ ему новое золотое облаченіе отъ лица всей братіи, прося принять оное и обновить въ служеніи.

Всенощное бдѣніе было совершено архимандритомъ Пименомъ со всѣми прочими настоятелями въ тепломъ Успенскомъ храмѣ, въ которомъ въ этотъ день за двадцать пять лѣтъ предъ тѣмъ служилъ митрополитъ Филаретъ; служба совершась Успенію Богоматери.

Октября 16, по неизмѣнному обычаю, литургія началась въ 9 часовъ. Ее совершалъ отецъ Пименъ и съ нимъ: два архимандрита: отецъ *Сергій* Ново-Голутвинскій и отецъ *Іосифъ* Давидовскій; четыре игумена: отецъ *Павелъ* (намѣстникъ Толгскаго Ярославскаго монастыря), отецъ *Діонисій* Пѣшношскій, отецъ *Іоанникій* Бѣлопесоцкій и отецъ *Нилъ* Берлюковскій; четыре строителя: отецъ *Варлаамъ* Старо-Голутвинскій, отецъ *Арсеній* Екатерининскій; отецъ *Іеронимъ* — Гуслицкій и отецъ *Каллистъ* Бобреневскій, отецъ *Сергій*—съ Саввинскаго подворья * и одинъ угрѣшскій іеромонахъ.

Кромѣ означенныхъ настоятелей участвовавшихъ въ служеніи, поутру прибылъ изъ Москвы настоятель Высоко-Петровскаго монастыря, архимандритъ Григорій, бывшій въ то время благочиннымъ всѣхъ городскихъ и не общежительныхъ монастырей; въ служеніи не участвовалъ.

По совершеніи литургіи послѣдовало благодарственное молебствіе съ обычнымъ многолѣтіемъ и съ заупокойнымъ возглашеніемъ основателю обители благовѣрному великому князю Димитрію Іоанновичу, блаженныя памяти государю императору Николаю Павловичу, въ Бозѣ почившимъ святителямъ: митрополиту Филарету, архіепископу Леониду; игумену Иларію, въ схимонасѣхъ Иліи; благотворителямъ: Павлу

Агапитъ (Новоспасскій; съ 1829 года † 1880 года) архимандритъ *Гедеонъ* (Іосифъ-Волоколамскій; съ 1842 года живъ); архимандритъ *Евстафій* (Симоновскій; съ 1850 года; живъ).

* Отецъ Сергій — Крестовый іеромонахъ Саввинскаго подворья, духовникъ отца Пимена, привезшій икону отъ преосвященнаго Алексія епископа Можайскаго (образъ Преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Саввы Старожевскаго), нынѣ отецъ Сергій архимандритъ, настоятель Дмитровскаго-Борисоглѣбскаго монастыря Московской епархіи.

и Маріи и всѣмъ благотворителямъ и братіямъ святыя обители.

Когда по окончаніи всего служенія отецъ Пименъ, въ предшествіи братіи, пришелъ въ свои кельи, онъ былъ встрѣченъ всѣми настоятелями и начались поздравленія и благожеланія.

Первый привѣтствовалъ его Высоко-Петровскій архимандритъ отецъ Григорій:

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,— Минуло 25 лѣтъ какъ вы поставлены игуменомъ Никольо-Угрѣшской обители и открыто въ ней въ Бозѣ почившимъ святителемъ Филаретомъ монашеское общежитіе, благодаря которому она, при благословеніи Божіемъ, процвѣла яко кринъ, управляемая многополечительнымъ и въ жизни духовной опытнымъ аввою. Привѣтствую благословенную Богомъ обитель и достолочтеннѣйшаго настоятеля ревностно и много потрудившагося ко благу ея. Въ своемъ нынѣшнемъ видѣ она дѣло рукъ вашихъ. Усердно принявшись за преобразованіе пустыннаго, мало извѣстнаго прежде и убогаго монастыря, вы нашли для этой благочестивой цѣли богатыя средства и съ большимъ умѣніемъ и рѣдкимъ искусствомъ воспользовались ими. Вы создали совершенно новую обитель похожую на градъ. Дивимся глядя на громады ея величественныхъ и изящныхъ зданій, радуемся зря *обиліе въ столпостѣнаяхъ ея* (Пс. 121, ст. 7). Что касается собственно внутренняго благоустройства этой со вѣ прекрасной обители, нельзя не указать на то примѣчательное обстоятельство что она въ послѣднее время сдѣлалась разсадникомъ настоятелей для прочихъ общежительныхъ въ Московской епархіи монастырей, и настоятели изъ среды вашей братіи съ успѣхомъ проходятъ свой трудный путь, облегчаемый благочинническимъ руководствомъ вашимъ.

Благоустроя внѣшне и внутренно свою обитель, старались вы соединить съ удобствами уединенной монашеской жизни цѣль благотворительную, учредивъ въ самомъ монастырѣ Угрѣшскомъ благотворительное заведеніе и при ономъ училище для крестьянскихъ мальчиковъ.

Могу ли съ отрадой въ сердцѣ не вспомнить вашего дѣятельнаго участія въ устроеніи дома призрѣнія бѣдныхъ изъ духовенства въ селѣ Островѣ?

Во время минувшей войны обитель Угрѣшская первая открыла въ стѣнахъ своихъ военную врачебницу для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Важенъ починъ въ каждомъ дѣлѣ. По примѣру вашему подобныя врачебницы учреждены были и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ самой столицѣ.

Не касаясь другихъ подвиговъ вашихъ изъ опасенія утомить ваше вниманіе послѣ продолжительнаго священнодѣйствія или оскорбить чувство глубокаго смиренія вашего, оканчиваю рѣчь искреннимъ пожеланіемъ вашему высоко-

преподобію много лѣтъ утѣшаться плодами обширной и благотворной дѣятельности вашей, а общежительной Николо-Угрѣшской обители, вами возсозданной и въ средствахъ къ дальнѣйшему ея существованію обезпеченной, желаю процвѣтать многіе вѣки".

Архимандритъ Пименъ, которому неизвѣстно было что архимандритъ Григорій пріѣдетъ и скажетъ рѣчь, долженъ былъ отвѣтить нисколько къ тому не подготовившись и отвѣчалъ такъ спокойно, неторопливо и плавно какъ будто читалъ онъ по бумагѣ имъ написанное:

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ Григорій,— благодарю за поздравленіе и выраженіе вашихъ чувствъ, за доброе ваше мнѣніе и благожеланіе намъ грѣшнымъ, но не могу принять всего безусловно, потому что въ дѣлѣ устроенія обители я сознаю себя не болѣе какъ исполнителемъ воли моихъ архипастырей. Что же касается матеріальныхъ средствъ, то на это была воля боголюбивыхъ благодѣтелей. Имъ угодно было сдѣлать мнѣ довѣріе въ этомъ дѣлѣ, и я былъ не болѣе какъ исполнителемъ ихъ благихъ цѣлей, и потому моя судьба тѣсно связана съ Угрѣшскимъ монастыремъ.

Обитель существуетъ около 500 лѣтъ, до меня было болѣе восьмидесяти пяти настоятелей, но никому изъ нихъ не суждено было устроить общежитіе, и я счастливѣе ихъ и благодарю что на мою долю выпалъ счастливый жребій устроить общежитіе.

Вотъ какъ это случилось:

Познакомился я съ Александровымъ въ 1849 году. Въ одно время говоритъ мнѣ Павелъ Матвѣевичъ: „Какое бы мнѣ сдѣлать доброе дѣло? Подумай-ка да и скажи мнѣ." Спустя нѣсколько времени явился я къ нему съ отвѣтомъ. „Вы желали сдѣлать доброе дѣло?" сказалъ я.—„ Да," отвѣчалъ онъ мнѣ. Тогда я сказалъ ему: „Сдѣлать больницу—дѣло доброе, но если спросите больнаго желаетъ ли онъ еще быть въ оной?"—„Конечно не пожелаетъ," сказалъ Павелъ Матвѣевичъ. Я продолжалъ: „Если сдѣлаете богадѣльню, это также по-евангельски дѣло доброе; но если призрѣваемому откроется случай воспользоваться счастливою судьбой, то захочетъ ли онъ жить въ богадѣльнѣ?" — „Ну, кто жъ его заставитъ жить." Тогда я сказалъ: „Слѣдовательно они только по нуждѣ были бы приведены сюда, а не по расположенію духа." — „Такъ что же тогда дѣлать?" сказалъ онъ на это.—„А вы," говорю я, „сдѣлайте такъ чтобы ваше усердіе было Бога ради, но чтобъ и живущіе-то также были Бога ради."—„Да какое же это можетъ быть такое заведеніе чтобъ и жили-то въ немъ Бога ради?" Тутъ я и высказался: „Вы сдѣлайте въ Угрѣшскомъ монастырѣ *общежитіе*: и вами будетъ сдѣлано это *Бога ради*, и поступающіе въ него и жить въ немъ будутъ также *Бога ради*."

На этомъ разговоръ нашъ кончился, и не послѣдовало никакого рѣшенія. Послѣ этого нашего разговора прошло еще нѣсколько времени и наступилъ 1852 годъ. Предмѣстнику моему, игумену отцу Иларію пожелалось сложить съ себя начальство и удалиться на покой. Архипастырю угодно было сдѣлать меня *управляющимъ* монастыря. Когда я къ нему явился съ донесеніемъ о принятіи мною монастыря, мнѣ представлялись вопросы которые онъ будетъ мнѣ дѣлать о состояніи монастыря, но вышло совсѣмъ иначе. Владыка сказалъ мнѣ чтобъ я сѣлъ—чего прежде не бывало, и потомъ нѣсколько помолчавъ, спросилъ меня: „А можешь ли ты устроить общежитіе?“ Я поклонился и отвѣчалъ: „Когда на это есть ваша архипастырская воля, сколько могу, я буду стараться.“ Владыка одобрительно улыбнулся и сказалъ: „Что до меня касается, можешь на меня полагаться, я буду помогать.“ Я передалъ все это Александрову; онъ заплакалъ отъ радости. „Ну, говоритъ онъ,—видно на это есть воля Божія; я бы тебѣ одному не повѣрилъ, моли Бога за *Святогорца;* я читалъ его письма, и они утвердили меня въ тѣхъ же мысляхъ.“ Съ этого времени пошли у насъ переговоры, то со владыкою, то съ Александровымъ; и когда все было приготовлено на тридцать человѣкъ, владыка назначилъ открытіе общежитія на 16 октября (1853 года). Онъ пріѣхалъ наканунѣ, осмотрѣлъ приготовленныя одежды и приказалъ положить ихъ за престолъ на горнее мѣсто. Всенощное бдѣніе совершалъ онъ самъ; благословенный хлѣбъ самъ вручилъ болящему Александрову, сидѣвшему на креслѣ, и послѣ Евангелія подошедъ къ нему, помазалъ его елеемъ. Когда окончилась всенощная, владыка стоя у престола тихо прочиталъ про себя молитву, окропилъ святою водой всѣ одежды и благословилъ чтобы на утро вся братія въ нихъ облеклась. На другой день, 16го числа, владыка самъ совершалъ литургію, мнѣ вручилъ посохъ игумена; сказалъ слово: *О нестяжаніи* и раздѣлилъ съ нами трапезу. Такимъ образомъ совершилось открытіе общежитія въ Угрѣшской обители. Первоначально Александровъ имѣлъ другое намѣреніе, но Богу угодно было перенести его помыслы на монастырскую почву, и мы видимъ нынѣ плоды достойные усердія благотворителя. И я думаю что не погрѣшу ежели скажу что общежитіе есть дѣло богоугодное и даже спасительное не только для пребывающихъ въ немъ, но и для тѣхъ которые содѣйствовавъ учрежденію онаго при жизни своей и по кончинѣ пользуются молитвами облагодѣтельствованной братіи, присно молящейся за своихъ боголюбивыхъ благотворителей.

Послѣ этого отвѣта архимандриту Григорію, приблизившись къ отцу Пимену, сказалъ ему привѣтствіе Ново-Голутвинскій архимандритъ Сергій:

Ваше высокопреподобіе, всечестнѣйшій отецъ архимандритъ,—Нынѣ волею Божіею исполнилось двадцать лять лѣтъ

вашего настоятельства въ сей святой обители, сорокъ четыре года вашего разнообразнаго, но всегда благочестиваго и благотворнаго въ ней служенія во славу Господа. Въ сей знаменитый для васъ день, мы смиренные чтители ваши, сочли благовременнымъ выразить вамъ искреннія чувства нашей братской любви и неизмѣнной преданности. Движимые сими чувствами, мы желаемъ нынѣ во всеуслышаніе засвидѣтельствовать вамъ что наше сердечное къ вамъ расположеніе слагалось подъ живымъ впечатлѣніемъ вашей примѣрной жизни, полезной дѣятельности и отеческихъ отношеній не только къ равнымъ, но и къ низшимъ. Намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно что въ жизни своей вы шли путемъ труднымъ, прилагая попеченія о нравственномъ преуспѣяніи въ добрѣ, на тернистомъ поприщѣ иночества, въ борьбѣ съ великими искушеніями; и даже при тягчайшихъ тѣлесныхъ недугахъ вы оставались тверды духомъ и благодушны, перенося ихъ съ рѣдкою покорностію волѣ Провидѣнія. Принимая одинаково счастіе и несчастіе въ жизни, вы такимъ образомъ всегда служили образцомъ твердости духа и терпѣнія.

Какъ настоятель монастыря, вы ревностно и богобоязненно несли это не легкое бремя. Изъ подчиненныхъ вамъ братій трудолюбцы пользовались вашимъ вниманіемъ и отличіемъ; лѣнивые—внушеніемъ и любвеобильнымъ вразумленіемъ. Подъ вашимъ мудрымъ руководствомъ иноки крѣпли здѣсь въ подвигахъ своихъ и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли таковую опытность что потомъ сами стали настоятелями иныхъ монастырей. Сама обитель сія, благодаря неусыпнымъ заботамъ вашимъ, получила возможность быть общежительною и обогатившись украсилась новыми роскошными храмами, великолѣпными зданіями и достигла нынѣшняго цвѣтущаго своего состоянія.

„Мало того, вашимъ попеченіемъ основано и открыто двухклассное училище на 200 мальчиковъ съ безплатнымъ содержаніемъ для многихъ изъ нихъ. Но и въ отправленіи должности *благочиннаго общежительныхъ монастырей*, вполнѣ оправдывающемъ высокое о васъ мнѣніе епархіальнаго начальства, вы уже какъ нельзя болѣе успѣли оправдать его къ вамъ довѣріе. Ваша неуклонная точность по дѣламъ этой должности, разумно-отеческая снисходительность и христіанско-братское обхожденіе выше нашихъ скудныхъ похвалъ... Да, слово наше слишкомъ слабо чтобъ изобразить всю благоплодность вашей дѣятельности, но отчасти вѣдомое человѣкомъ не сокрыто предъ очами всевидящаго Господа Бога, праведнаго мздовоздателя!

„Да ниспошлетъ же вамъ Всевышній душевное и тѣлесное здравіе и благоденствіе на славу Его, на пользу церкви и на утѣшеніе всѣмъ намъ! И мы просимъ васъ принять отъ насъ посильный даръ признательности нашей и усердія, св. икону Успенія Божіей Матери, и молимъ Господа, да будетъ она залогомъ Его вамъ благословенія и покровительства Пресвятыя

Владычицы Богородицы, и да послужитъ сія святая икона душѣ вашей всегдашнимъ напоминовеніемъ о глубоко-любящихъ, преданныхъ и присномолящихся о васъ почитателяхъ вашихъ". *

По окончаніи этой рѣчи архимандритъ давидовскій Іосифъ подвесъ отцу Пимену икону Успенія (въ размѣрахъ подлинной, что въ Кіево-Печерской Лаврѣ) въ богатой золоченой ризѣ украшенной финифтью и жемчугомъ (средней величины).

Затѣмъ іеромонахъ Досиеей произнесъ рѣчь отъ лица всей братіи:

Ваше высокопреподобіе, всечестнѣйшій отецъ архимандритъ,—Прошло уже четверть столѣтія съ тѣхъ поръ какъ въ нынѣшній благознаменитый для обители нашей день, въ томъ же самомъ Успенскомъ храмѣ священнодѣйствовалъ въ Бозѣ почившій блаженныя памяти владыка Московскій, митрополитъ Филаретъ, и благословилъ начало *общаго житія* для иноковъ угрѣшскихъ.

Должно думать что молитвы святителя были въ тотъ день свыше услышаны, ибо благословеніе Божіе видимо опочило на обители сей, тогда только, что начинавшей оправляться послѣ долговременнаго своего оскудѣнія, угрожавшаго ей окончательнымъ упадкомъ и неминуемымъ упраздненіемъ. Глубоко вѣруя евангельскому слову: *яко безъ Мене не можете творити ничесоже*, владыка сознавалъ съ тѣмъ вмѣстѣ что тогда только сила божественная невидимо зиждетъ и устрояетъ благія дѣла человѣка когда онъ и самъ видимымъ образомъ тому содѣйствуетъ, и потому со свойственнымъ ему опытностію и прозорливостью, владыка для обновленія обители употребилъ вѣрное средство и избралъ надежное орудіе.

Средствомъ было *учрежденіе общежитія*, орудіемъ *новый настоятель*, достойный дѣлатель для сего труднаго и нема-

* Это привѣтствіе, написанное на особомъ листѣ и подвесенное отцу архимандриту Пимену, подписали всѣ настоятели, именно:

1) Коломенскаго Троицкаго Ново-Голутвина монастыря архимандритъ *Сергій*.

2) Вознесенской Давидовской пустыни архимандритъ *Іосифъ*.

3) Троицкаго Бѣлопесоцкаго монастыря игуменъ *Іоанникій*.

4) Николаевскаго Пѣтиотскаго монастыря игуменъ *Діонисій*.

5) Николаевской Берлюковской пустыни игуменъ *Нилъ*.

6) Старо-Голутвина монастыря строитель іеромонахъ *Варлаамъ*.

7) Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря строитель іеромонахъ *Іеронимъ*.

8) Екатерининской пустыни строитель іеромонахъ *Арсеній*.

9) Коломенскаго Богородице-Рождественскаго Бобренева монастыря строитель іеромонахъ *Каллистъ*.

ловажнаго дѣланія. Не легко было найти подобнаго человѣка, ибо кромѣ неусыпнаго старанія для успѣшности дѣла ему потребно было еще умѣть приложить и приспособить общія правила, сообразуясь съ особенностями мѣстныхъ и частныхъ условій.

Но Господь видимо споспѣшествовалъ благимъ начинаніямъ и даровалъ таковаго дѣлателя. Взирая не на одно только настоящее, но простирая взоръ свой и въ отдаленное будущее, мудрый архипастырь не затруднился какъ ему дѣйствовать, и даруя обители въ день ея духовнаго возрожденія новаго настоятеля не усомнился облечь его и полнотой власти и вручилъ ему тогда посохъ игуменскій.

Сіе было сдѣлано, безъ сомнѣнія, вопервыхъ, потому что будучи еще только временнымъ управителемъ онъ оказывался уже добрымъ пастыремъ на самомъ дѣлѣ; а вовторыхъ и потому быть-можетъ что чрезъ это имѣлось въ виду еще тѣснѣйшими узами связать обитель съ ея настоятелемъ, дабы обитель, пріемля чинъ древняго устава, искони дѣйствовавшаго на Востокѣ, именовала бы и настоятеля своего тѣмъ древнимъ именованіемъ которое всегда было присвоиваемо главнымъ управителямъ монашескихъ общежитій.

Съ другой стороны, и новый настоятель получивъ санъ и власть, чрезъ то самое какъ бы еще болѣе обязывался непрестанно ламатовать что онъ во главѣ обители общежительной и что ему надлежитъ неусыпно пещись о соблюденіи всего что установлено и заповѣдано было строгими подвижниками и первоначальниками древняго монашества.

Духовное сіе единеніе обители съ ея настоятелемъ, взаимность эта пастыря и его пасомыхъ усматривается и изъ нынѣшняго торжества: настоятель ламятуетъ четверть-вѣковое существованіе общежительнаго устава въ обители имъ преобразованной, обитель празднуетъ четверть-вѣковое правленіе своего правителя, преобразователя и обновителя, отецъ радуется о чадѣхъ, чада веселятся о отцѣ.

Много совершилось перемѣнъ въ теченіе четверти вѣка, и весьма немногимъ изъ первоначальныхъ очевидцевъ преобразованія штатной обители въ общежительную и возведенія временнаго ея управителя въ санъ игумена, суждено было дождаться нынѣшняго радостнаго дня: одни сами удалились отсюда въ иныя обители, и намъ невѣдомо гдѣ они нынѣ и есть ли еще изъ нихъ оставшіеся въ живыхъ, а другіе изъ селеній временныхъ отошли въ вѣчныя и изъ обители земной призваны Господомъ въ обители небесныя.

Но ежели нынѣ иные здѣсь братія, число ихъ однакоже не умалилось, не оскудѣло и возросло еще даже болѣе, ибо сыны обители не умираютъ, они только смѣняются одни другими, и вмѣсто отсутствующихъ и навѣки отошедшихъ уста живыхъ здѣ предстоящихъ да свидѣтельствуютъ о всемъ что совершено вами и при васъ въ теченіе четверти столѣтія, авва возлюбленнѣйшій!

Да и потребно ли еще таковое свидѣтельство?

Не довлѣетъ ли намъ обратиться къ поселянамъ ближайшихъ селъ и весей и вопросить ихъ: кто обновилъ, кто благоустроилъ ту малую, скудную обитель которую многіе изъ нихъ въ недавнее еще время застали обнищалою и разрушавшеюся?

Не услышимъ ли мы отъ обитателей столицы, кто установилъ здѣсь благолѣпное служеніе и ввелъ стройное церковное лѣніе привлекающія сюда бѣднаго и богатаго?

Нищіе скитальцы и убогіе пришельцы изъ ближнихъ и дальныхъ странъ не повѣдаютъ ли намъ, кто устроилъ для нихъ обширную странноприимницу, гдѣ подъ сѣнію монастырскаго крова они находятъ для себя пріютъ, успокоеніе и пропитаніе?

Немощные и увѣчные старцы, въ суетахъ мірскихъ всю жизнь свою изжившіе и во время старости и оскудѣнія силъ тѣлесныхъ себялюбивымъ міромъ отверженные, не скажутъ ли намъ, кто призрѣлъ недужную и убогую старость и во имя Христово отверзъ предъ ними двери постояннаго убѣжища, гдѣ они крыты, сыты и одѣты?

Сотни дѣтей и юношей изъ окрестнаго населенія и изъ дальнихъ мѣстъ не назовутъ ли намъ того боголюбиваго и любвеобильнаго старца который воздвигъ для нихъ обширное зданіе, гдѣ они, въ удаленіи отъ зрѣлища грубыхъ пороковъ свойственныхъ невѣжеству, получили христіанское воспитаніе и кромѣ познанія слова Божія пріобрѣли еще и знанія потребныя мірянину, а многіе изъ учившихся и сами наконецъ сдѣлались учащими?

Кого же назовутъ всѣ сіи вопрошенные нами?

Не произнесутъ ли они всѣ единогласно имени *аввы Пимена*—виновника всѣхъ этихъ благодѣяній человѣчеству?

Но ежели бы и всѣ вопрошенные нами и всѣ живущіе согласившись между собою задумали утаить отъ насъ имя сего друга человѣчества, намъ бы повѣдали о немъ со всѣхъ концовъ обители глаголатые ея,—неодушевленные памятники и каменосѣчныя скрижали, которые не современникомъ только, но и въ грядущіе роды, въ отдаленнѣйшія поколѣнія будутъ немолчно и велегласно вѣщать о незабвенномъ имени обновителя своего и создателя.

И могло ли бы это быть иначе?

Не при немъ ли, не при аввѣ ли Пименѣ, не подъ его ли зоркимъ и бдительнымъ окомъ обновлены, распространены и украшены и древній соборъ, и храмъ Успенія, и сооружено еще девять новыхъ храмовъ?

Не онъ ли довершилъ болѣе вѣка не довершавшуюся, нынѣ же столь стройную и величавую колокольню, украшенную тяжелыми и благозвучными четырьмя колоколами?

Не его ли заботливое гостепріимство соорудило благолѣпное жилище для святителей посѣщающихъ обитель и обширныя три виталища для совмѣщенія безчисленныхъ богомольцевъ бѣдныхъ и богатыхъ?

Не его ли отважная мысль внушила ему желаніе преодолѣть природныя недостатки почвы, и мѣстность толкую, безплодную и ни на что не пригодную превратить въ сухую и твердую, гдѣ нынѣ красуется деревянный храмъ и кельи уединеннаго скита и гдѣ зеленѣетъ разрастающійся и тѣнистый садъ?

Монастырская врачебница, многочисленныя кельи, обширная ограда, часовни и башни, хозяйственныя постройки и разнообразныя мастерскія, сады и вертограды, полезное и пріятное, малое и великое,—что позабыто, что упущено изъ виду этимъ заботливымъ хозяиномъ, этимъ опытнымъ настоятелемъ, этимъ обновителемъ обители?

Во дни его счастливаго правленія, по его ходатайству, обитель пріяла и два царственные дара—новыя земли покрытыя лѣсами, получила щедрые вклады—цѣнные дома, обезпечивающіе вещественное благосостояніе обители, которая и собственною своею казной пріобрѣла домъ сопредѣльный съ древнимъ ея подворіемъ, также распространенный и обновленный неусыпнымъ стараніемъ того же неутомимаго промыслителя о ея благосостояніи. Но возможно ли исчислить всѣ заслуги его, не только предъ обителію имъ благоустроенною, но и предъ всѣми прочими общежительными обителями Московской епархіи, уже болѣе десяти лѣтъ находящимися подъ его вѣдѣніемъ и руководствомъ?

Даже и внѣ круга монастырскихъ учрежденій на него волей епархіальнаго начальства возложено было не легкое бремя устроенія, а потомъ и самаго управленія обширной богадѣльни въ селѣ Островѣ для призрѣнія престарѣлыхъ священно- и церковно-служителей изъ бѣлаго духовенства, ихъ вдовъ и сиротъ, которые съ благодарною памятью объ учредителѣ сего дома конечно не преминутъ соединить молитвенное воспоминаніе о попечительномъ строителѣ и управителѣ онаго, всечестнѣйшемъ архимандритѣ Пименѣ.

Посему и торжество нынѣшнее есть торжество сугубое: торжество чадолюбиваго отца видящаго что взлѣлеянное имъ дѣтище—обновленная обитель,—достигла уже возраста совершенна, что она пріодѣлась и пріукрасилась паче многихъ иныхъ, а сія обитель не можетъ, въ свою очередь, не памятовать молитвенно сего достопамятнаго для нея дня, не можетъ не молиться радостно, не радоваться торжественно, не торжествовать благодарственно и не благодарить Господа искренно что Онъ сподобилъ ее вкупѣ съ ея духовнымъ насадителемъ и пѣстуномъ мирно и безмятежно прежить четверть столѣтія, и не можетъ не пожелать ему благословенія благостнаго, пріумноженія чадъ духовныхъ и спасенія душевнаго въ вѣчности, а въ сей жизни временной—здравія и крѣпости тѣлесной, долгоденствія даже до лѣтъ старости и престарѣнія, во всемъ благаго послѣшенія, въ

трудностяхъ преодолѣнія и жительства мирнаго, тихаго и безмятежнаго на многая, многая и многая лѣта. *

Протянувъ руку къ говорившему, отецъ Пименъ взялъ у него эту рѣчь и сказалъ въ краткихъ словахъ благодарственное привѣтствіе всей братіи.

За этимъ послѣдовало поднесеніе казначеемъ отъ братіи иконы (въ окладѣ) съ изображеніемъ шести ликовъ. **

Ризничій іеромонахъ Вассіанъ поднесъ большую заздравную просфору.

Послѣ этого къ отцу Пимену подошли трое изъ учениковъ монастырскаго народнаго училища и одинъ изъ нихъ сказалъ рѣчь отъ лица всѣхъ прочихъ:

Высокопреподобнѣйшій и благополучительнѣйшій отецъ нашъ,—Не возбрани и намъ, дѣтямъ твоимъ, по примѣру Спасителя нашего, придти къ тебѣ для принятія твоего благословенія, для участія въ приносимыхъ тебѣ поздравленіяхъ и благопожеланіяхъ отъ сонма всѣхъ окружающихъ тебя въ день настоящаго торжества.

Не будутъ тощи предъ Отцемъ Небеснымъ и наши молитвы о тебѣ, и наши благожеланія тебѣ ежели вспомнимъ что уже около 13 лѣтъ ты, какъ многополезительный отецъ нашъ на землѣ, отираешь слезы безпріютныхъ дѣтей и ихъ вдовствующихъ матерей; обезпечивъ болѣе сотни сиротъ, ты облегчаешь горькую нужду бѣдныхъ родителей принятіемъ всѣхъ и каждаго изъ малыхъ, собравшихся нынѣ въ числѣ болѣе 200 человѣкъ подъ кровъ учрежденнаго тобой и все болѣе и болѣе расширяемаго разсадника духовно-нравственнаго образованія, безъ чего многіе изъ насъ быть-можетъ никогда бы

---

* Рѣчь поднесенная отцу Пимену была со слѣдующими подписями: 1) казначей іеромонахъ *Валентинъ*; 2) ризничій іеромонахъ *Вассіанъ*; 3) духовникъ іеромонахъ *Паисій*; 4) іеромонахъ *Досиѳей*; 5) іеромонахъ *Ираклій*; 6) іеромонахъ *Иларій*; 7) іеродіаконъ *Ѳеодосій*; 8) іеродіаконъ *Аркадій*; 9) монахъ *Нифонтъ*; 10) послушникъ Дмитрій Благово.

** 1) Архидіакона *Лаврентія* (10 августа, день рожденія отца Пимена).

2) Преподобнаго *Пимена Великаго* (27 августа, день тезоименитства).

3) Святителя *Петра митрополита Московскаго* (24 августа, день прежняго тезоименитства).

4) Святителя *Николая* (въ честь коего Угрѣшская обитель).

5) Преподобнаго *Кирилла Новоезерскаго* (4 февраля; въ его обители отецъ Пименъ полагалъ начало).

6) Св. мученика *Логгина сотника* (16 октября, день открытія общежитія и посвященія въ санъ игумена).

не вкусили благодѣтельныхъ для васъ и спасительныхъ для души нашей плодовъ духовнаго, истиннаго просвѣщенія. Но благодаря твоей попечительности, нынѣ многіе изъ этого питомника твоего выйдутъ, а многіе уже и вышли въ свѣтъ людьми способными для благаго дѣланія, и уже приносятъ благіе плоды обществу, церкви и отечеству, и пользуются въ своей жизни довольнымъ счастіемъ, будучи всѣмъ этимъ обязаны великой твоей благостынѣ.

Итакъ отъ избытка благодарнаго сердца молимъ Господа да укрѣпитъ Онъ тебя и сохранитъ дни живота твоего, отца сирыхъ и вдовицъ, на многая лѣта для блага и счастія многихъ.

По окончаніи этой рѣчи стали подносить отцу Пимену иконы и просфоры въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Икону *Спаса Нерукотвореннаго*, прекрасной живописи и въ благолѣпной ризѣ, поднесла игуменія *Алексія* Спасо-Бородинскаго монастыря.

2) Икону св. мученика *Логгина сотника*, въ изящно шитой ризѣ, въ прекрасномъ окладѣ, поднесла игуменія *Рафаила* Аносино-Борисоглѣбскаго монастыря.

3) Икона *Божіей Матери Страстныя* въ окладѣ, отъ игуменіи *Евгеніи*, прислана изъ Московскаго Страстнаго монастыря.

4) Икона *Божіей Матери Одигитріи* (путеводительницы), въ окладѣ, отъ игуменіи *Аѳанасіи* изъ Одигитріевской Зосимовой пустыни.

5) Икона *Божіей Матери Влахернскія* отъ игуменіи *Серафимы* изъ Спасо-Влахернской пустыни.

6) Просфора отъ игуменіи Вознесенской.

7) Просфора отъ игуменіи Алексѣевской.

Когда всѣ поздравленія кончились, всѣ прошли въ слѣдующія комнаты, гдѣ были поданы чай и закуска.

Нѣсколько времени спустя всѣ пошли въ Успенскій храмъ и оттуда при колокольномъ звонѣ, въ предшествіи всей братіи, настоятельницъ и настоятелей, понесли *Пречистую* и двѣ иконы поднесенныя отъ общежитій и отъ Угрѣшскаго монастыря; за ними слѣдовалъ архимандритъ Пименъ въ большую трапезную палату.

Во время трапезы была читаема бесѣда митрополита Филарета на слова Спасителя: *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* и проч., которая за 25 лѣтъ предъ тѣмъ была произнесена имъ при открытіи общежитія.

Предъ окончаніемъ трапезы провозглашено было многолѣтіе: 1) Государю Императору и всему Царственному Дому; 2) Святѣйшему Синоду и владыкѣ Московскому со всею Богомъ хранимою его паствой; 3) отцу архимандриту Пимену, и 4) всѣмъ присутствующимъ настоятелямъ и настоятельницамъ. Во все время многолѣтій не прекращался красный звонъ. По возстаніи отъ трапезы всѣ возвратились тѣмъ же порядкомъ въ Успенскій храмъ и послѣ прошли къ настоятелю, у котораго оставались недолго: привѣтствовавъ его еще и поблагодаривъ за угощеніе, простились съ нимъ и спѣшили на желѣзную дорогу въ обратный путь.

Такъ происходило это вполнѣ духовное торжество, вызванное всеобщимъ уваженіемъ къ отцу Пимену, который, какъ намъ достовѣрно извѣстно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ что̀ для него приготовлялось пока не доложилъ ему о томъ казначей, по совѣту архимандрита Сергія. Это празднество было для отца Пимена столь же отрадно сколько и прискорбно: ибо ежели ему было весьма пріятно видѣть выраженіе всеобщаго къ нему расположенія такъ неожиданно для него проявившееся, то тѣмъ прискорбнѣе и чувствительнѣе было для него совершенное безучастіе митрополита, которому онъ былъ преданъ, для котораго онъ не щадилъ своего здоровья и силъ неусыпно и неустанно заботившись объ устроеніи Островской богадѣльни, желая ему сдѣлать пріятное и угодное. Конечно, не ради наградъ или внѣшнихъ отличій какихъ-нибудь трудился отецъ Пименъ, но нѣтъ сомнѣнія что ему, какъ человѣку болѣе самолюбивому нежели честолюбивому или тщеславному, было бы весьма пріятно даже малѣйшее вниманіе владыки; но и этого не было оказано ему: владыка не счелъ нужнымъ ни написать къ отцу Пимену, ни послать ему икону, ни просфору, и ли даже просто послать къ нему со словеснымъ привѣтствіемъ и кромѣ благословенія помолиться и *позвонить побольше въ новые колокола* (что̀ весьма походило на насмѣшку), онъ не принялъ ни малѣйшаго участія въ этомъ празднованіи двадцатипятилѣтія. Не безъ негодованія говорили послѣ того объ этомъ свѣтскіе друзья отца Пимена, весьма справедливо замѣчая: „что должно быть Пименъ тогда и хорошъ былъ когда былъ еще нуженъ, а теперь изъ него весь сокъ выжатъ; за что̀ же и награждать когда имъ уже все нужное сдѣлано?“

Преосвященный Амвросій также не счелъ за нужное почтить своимъ вниманіемъ заслуженнаго старца и благочинаго всѣхъ общежительныхъ монастырей.

Нѣкоторые защитники епархіальнаго начальства, безъ сомнѣнія внутренно вполнѣ сознавая всю непріличность подобнаго невниманія, въ извиненіе этой безучастности говорили: „что двадцатипятилѣтніе юбилеи воспрещены и что потому владыка и не могъ ничего для отца Пимена сдѣлать.“

Но если владыка былъ такъ не рѣшителенъ что не отваживался представлять къ наградѣ Св. Синоду человѣка возсоздавшаго разоренную обитель, то кто могъ воспрепятствовать ему оказать свое личное вниманіе, выразить начальническое участіе, поощрить святительскимъ словомъ? Самъ отецъ Пименъ, при сосредоточенности и сдержанности своего характера, въ то время казалось какъ будто и не замѣтилъ того что такъ явно бросалось всѣмъ въ глаза, но въ послѣдствіи онъ сознался „что его глубоко огорчило явное нерасположеніе владыки въ этотъ день всеобщаго къ нему вниманія.“

Не такъ дѣйствовалъ митрополитъ Филаретъ: онъ былъ строгъ, взыскателенъ (иногда и чрезмѣрно даже); но ежели онъ умѣлъ требовать и взыскивать, онъ умѣлъ и цѣнить людей, поощрять ихъ и награждать достойныхъ. Когда въ мартѣ 1856 года исполнилось двадцать пять лѣтъ служенія отца намѣстника Антонія, митрополитъ Филаретъ представилъ въ Св. Синодъ о наградѣ его, прося для него или креста Владиміра 2й степени, или панагіи. Но зная что награды по представленіи получаются весьма не скоро, онъ написалъ ему письмо которое дороже было всякихъ наградъ, ибо доказывало отцу Антонію какъ владыка умѣетъ цѣнить его; а владыка, привѣтствуя его и какъ бы опасаясь подать поводъ подумать что считаетъ свое привѣтствіе наградой, почти оправдываетъ себя предъ намѣстникомъ и говоритъ въ заключеніе: „Ваша награда въ Господѣ. Ваше утѣшеніе въ благоволеніи преподобнаго Сергія. Изъявляя вамъ искреннюю къ вамъ благодарность моей мѣрности, не думаю умножить утѣшеніе ваше, но исполняю требованіе моего сердца. Молю преподобнаго Сергія, да благословитъ васъ продолжать полезное служеніе ваше въ обители его и еще понести мою тяготу на моемъ приближающемся къ своему предѣлу поприщѣ.“ „Желаю чтобы сіе (то-есть письмо) прочитано было въ трапезѣ предъ братіей Лавры, а также

въ Виеаніи и въ Скитѣ. Надобно чтобы сіе осталось въ дѣлахъ собора въ подлинникѣ или въ спискѣ."

Просимое митрополитомъ намѣстникъ получилъ въ послѣдствіи: августа 26 того же 1856 года ему была пожалована въ день коронованія *панагія*, а въ мартѣ 1863 года онъ былъ сопричисленъ къ ордену Св. Князя Владиміра 2й степени.

Неоспоримо что заслуги отца Антонія относительно Лавры были велики и незабвенны, почему его и называли обновителемъ и преобразователемъ Лавры, всѣмъ ему обязанной; но отецъ Пименъ для Угрѣши сдѣлалъ еще несравненно болѣе; ибо отецъ Антоній имѣлъ средства въ рукахъ и былъ подъ непосредственнымъ всесильнымъ покровительствомъ митрополита Филарета, отецъ Пименъ пріобрѣлъ средства и умѣлъ снискать довѣріе Филарета не взирая на всѣ козни благочиннаго.

Чѣмъ былъ для Лавры отецъ Антоній, тѣмъ отецъ Пименъ былъ для Угрѣши: оба люди малограмотные, умные, самообразовавшіеся и неисходно проведшіе почти одинакое время (46 лѣтъ) въ одной обители, съ тою только разницей что одинъ поступилъ прямо намѣстникомъ со всею силой власти и уже въ лѣтахъ зрѣлыхъ; другой былъ юноша и послушникъ, и своимъ собственнымъ умомъ и безукоризненною жизнію достигъ чрезъ 19 лѣтъ настоятельства, а потомъ и званія архимандрита, и бывъ настоятелемъ почти 27 лѣтъ, могъ бы предъ кончиной имѣть одну изъ тѣхъ двухъ высшихъ наградъ которыя имѣлъ отецъ Антоній ежели бы по справедливости былъ награжденъ по своимъ заслугамъ. *

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Д. Б.

---

* Вотъ четыре замѣчательнѣйшіе изъ настоятелей Московской епархіи—почти современники, которымъ обязаны въ равной степени тѣ обители въ которыхъ они находились:

Макарій—Пѣшношскій, 1788+1811. Игуменъ, архимандритъ, схимонахъ.

Самуилъ—Старо-Голутвинскій, 1800+1829. Строитель.

Антоній—намѣстникъ *Троицкой Лавры*, 1831+1877. Архимандритъ Виеанскій.

Пименъ—Николо-Угрѣшскій, 1853+1880. Игуменъ съ 1853, архимандритъ съ 1858, поступилъ на Угрѣшу послушникомъ въ 1834 году.

ДЕМОКРАТІЯ*

АМЕРИКАНСКІЙ РОМАНЪ.

VI.

Въ февралѣ погода стала теплою, почти лѣтнею. Въ Виргиніи въ это время года между сплошными снѣжными и дождевыми тучами часто прокрадывается обманчивый проблескъ лѣта; проходятъ дни и даже недѣли когда температура напоминаетъ іюнь, когда на раннихъ растеніяхъ начинаютъ появляться цвѣтки, и только голыя вѣтви лѣсныхъ деревьевъ обличаютъ путаницу во временахъ года. Тогда на мущинъ и женщинъ нападаетъ томность; жизнь, словно въ Италіи, полна нѣги и блещетъ яркими красками; чувствуешь себя въ какой-то теплой атмосферѣ, чуть не осязаемой, много обѣщающей; легкій туманъ виситъ надъ Арлингтономъ и смягчаетъ даже ослѣпительно рѣзкую бѣлизну Капитолія; житейская борьба какъ будто ослабѣваетъ; Великій Постъ на все общество бросаетъ свою спокойную тѣнь; а юные дипломаты, не подозрѣвая угрожающей имъ опасности, устулаютъ искушенію свататься къ молодымъ, глупенькимъ дѣвушкамъ; кровь таетъ въ сердцѣ и разливается по

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

жиламъ подобно ручейкамъ сверкающей воды, которая струится изъ-подъ каждаго комочка льда и снѣга на землѣ; и всякое ожесточеніе сердца, всякій расколъ и ересь, всѣ дѣянія злаго духа покоряются силѣ любви и согрѣвающему вліянію невинной какъ агнецъ, довѣрчивой добродѣтели. Въ такомъ свѣтѣ казалось бы не должно быть коварства, а между тѣмъ его въ немъ очень много, и въ это время года даже болѣе чѣмъ когда-нибудь. Именно въ эту пору обѣ бѣлыя гробницы на обоихъ концахъ Аллеи дымятся тяжелыми испареніями торга и продажи. Старое уходитъ, новое приходитъ. Богатство, должности, власть, все выставлено на аукціонъ. Кто дороже дастъ? кто злѣе возненавидитъ? кто искуснѣе съинтригуетъ? кто сдѣлаетъ самое грязное, самое низкое, самое темное и самое политичное дѣло, тотъ и получитъ награду.

Сенаторъ Ратклифъ былъ очень занятъ и погруженъ въ хлопоты: цѣлый рой искателей должностей ходилъ за нимъ по пятамъ и осаждалъ его квартиру, прося у него одобрительныхъ аттестатовъ. Новый президентъ долженъ былъ пріѣхать въ понедѣльникъ. Въ ожиданіи этого пріѣзда закипали интриги и комбинаціи, душою которыхъ былъ Ратклифъ. Корреспонденты газетъ мучили его вопросами, товарищи-сенаторы звали его на конференціи, а умъ его былъ озабоченъ собственными интересами. Всякій подумалъ бы что въ такую минуту ни что не можетъ отвлечь его отъ политическаго игорнаго стола, а между тѣмъ когда мистриссъ Ли уломанула при немъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ субботу въ Маунтъ-Вернонъ съ небольшою компаніей, въ которой участвовалъ британскій посланникъ съ однимъ ирландскимъ джентльменомъ, временно гостившимъ въ британскомъ посольствѣ, Ратклифъ удивилъ ее выразивъ сильное желаніе присоединиться къ ихъ обществу. Онъ объяснилъ ей что такъ какъ онъ не руководитъ болѣе политикой, то готовъ держать девять противъ десяти что малѣйшій его шагъ можетъ быть ошибкой; что друзья его ждутъ отъ него дѣйствій когда въ сущности ничего нельзя сдѣлать; что всѣ приготовленія давно уже сдѣланы и что поѣздка въ Маунтъ-Вернонъ вмѣстѣ съ британскимъ посланникомъ кажется ему въ настоящую минуту самымъ полезнымъ употребленіемъ времени, такъ какъ она дастъ ему возможность скрыться хоть на одинъ день изъ глазъ публики.

Лордъ Скай пріобрѣлъ привычку совѣтоваться съ мистриссъ Ли всякій разъ когда собственная его изобрѣтательность становилась втупикъ, и ей принадлежала мысль ѣхать въ Маунтъ-Верновъ и взять съ собою Карринггона какъ путеводителя, а мистера Гора какъ собесѣдника для ирландскаго пріятеля лорда Ская, котораго онъ усердно старался развлекать: этотъ джентльменъ, носившій громкую фамилію Дэнбегъ, былъ захудалый перъ, не богатый и ничѣмъ не знаменитый. Лордъ Скай довезъ его съ визитомъ къ мистриссъ Ли и такъ сказать отдалъ его подъ ея покровительство. Дэнбегъ былъ молодъ, недуренъ собой, уменъ, но питалъ нѣсколько излишнее пристрастіе къ фактамъ и не гораздъ на юморъ. Онъ имѣлъ привычку улыбаться съ умоляющимъ выраженіемъ лица и когда говорилъ, то бывалъ или разсѣянъ или слишкомъ возбужденъ. Иногда онъ дѣлалъ странные промахи и тогда улыбался какъ бы умоляя о пощадѣ, а въ другой разъ слова его стремились неудержимо другъ за другомъ, загромождая себѣ путь. Быть-можетъ манеры его были нѣсколько смѣшны, но онъ имѣлъ доброе сердце, свѣтлую голову, титулъ, и попалъ въ милость къ Сибиллѣ и Викторіи Дэръ, которыя не пожелали имѣть другихъ женщинъ въ своей компаніи, хотя ничего не сказали противъ допущенія мистера Ратклифа въ свой кружекъ. Что же касается лорда Дэнбега, онъ былъ восторженнымъ поклонникомъ генерала Вашингтона и жаждалъ, какъ онъ сообщилъ имъ по секрету, изучить фазы американскаго общества. Прогулка въ небольшой компаніи приводила его въ восхищеніе, и миссъ Дэръ тайно дала себѣ слово показать ему одну фазу.

Утро было теплое, воздухъ мягкій, маленькій пароходъ стоялъ въ спокойной пристани съ нѣсколькими неграми, лѣниво наблюдавшими за приготовленіями къ его отходу. Карринггонъ, пріѣхавшій прежде всѣхъ съ мистриссъ Ли и молодыми дѣвушками стоялъ облокотившись на перила въ ожиданіи прочихъ слутниковъ. Вслѣдъ затѣмъ явился мистеръ Горъ, изящно одѣтый, въ перчаткахъ и свѣтломъ весеннемъ пальто. Мистеръ Горъ очень занимался своею внѣшностью и былъ довольно высокаго мнѣнія о своей красотѣ. За нимъ взошла на пароходъ, ведя за руку маленькую дѣвочку, красивая блондинка съ голубыми глазами, съ которою Карринггонъ хотѣлъ поздороваться. Когда онъ вернулся къ мистриссъ Ли, она спросила его объ этой новой

знакомой, и онъ съ полуусмѣхомъ отвѣчалъ ей, какъ будто не слишкомъ гордясь ею, что это его klientka, красивая вдовушка, хорошо всѣмъ извѣстная въ Вашингтонѣ.

— Въ Капитоліи всякій вамъ разкажетъ ея исторію. Она была женой извѣстнаго завсегдатая парламентскихъ korridorовъ, который умеръ года два тому назадъ. Члены kongressa ни въ чемъ не могутъ отказать хорошенькому дичику, и она была для нихъ идеаломъ женской красоты. А между тѣмъ она довольно глуленькая женщина. Ея мужъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни и, къ моему великому удивленію, назначилъ меня своимъ душеприкащикомъ. Вѣроятно онъ думалъ что можетъ довѣрить мнѣ свои бумаги, содержаніе которыхъ по своей важности могло его компрометтировать, такъ какъ онъ не успѣлъ повидимому просмотрѣть ихъ чтобъ уничтожить наиболѣе опасныя. Такимъ образомъ, какъ видите, на моемъ попеченіи осталась его вдова и ребенокъ. Но по счастію они оба хорошо обезпечены.

— Однако вы мнѣ все-таки не сказали ея имени.

— Ея имя Бекеръ, мистриссъ Самъ Бекеръ. Но мы отчаливаемъ, и мистеръ Ратклифъ останется на берегу. Я попрошу капитана подождать.

Прибыло еще около дюжины пассажировъ, и въ числѣ ихъ оба лорда съ лакеемъ несшимъ въ рукахъ много обѣщавшую korzinu съ завтракомъ. Когда стали уже отнимать доски, къ пристани подлетѣлъ экипажъ, изъ котораго выскочилъ мистеръ Ратклифъ и стремглавъ побѣжалъ на пароходъ.

— Эй вы! отчаливайте какъ можно скорѣе! скомандовалъ онъ негрямъ, и вслѣдъ затѣмъ пароходъ пустился въ путь, разсѣкая мутныя волны Потомака и спуская маленькій столбъ дыма, словно это былъ новоизобрѣтенный сосудъ съ ониміамомъ, направлявшійся ко храму національнаго божества. Ратклифъ съ большимъ оживленіемъ разказывалъ какъ онъ сумѣлъ ускользнуть отъ своихъ посѣтителей, увѣривъ ихъ что его ждетъ британскій послапникъ и что онъ сейчасъ же вернется назадъ.

— Еслибъ они знали куда я ѣду, сказалъ онъ,—этотъ пароходъ былъ бы затопленъ искателями должностей. Одинъ Иллинойсъ погрузилъ бы васъ всѣхъ въ водяную могилу.

Онъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, расположенъ наслаждаться своею свободой, и когда они проходили мимо

арсенала съ его одинокимъ часовымъ и мимо корабельнаго дока съ его единственнымъ невзрачнымъ деревяннымъ военнымъ пароходомъ, онъ указалъ лорду Скаю на эти очевидныя доказательства національнаго величія, шутливо грозя ему, въ случаѣ дипломатическихъ недоразумѣній, отправить его въ Англію на американскомъ фрегатѣ. Покамѣстъ они предавались такимъ образомъ сенаторскому юмору на одной сторонѣ парохода, Сибилла и Викторія съ помощью мистера Гора и Каррингтона просвѣщали лорда Дэнбега на другой его сторонѣ.

Миссъ Дэръ, отыскавъ себѣ наконецъ удобное мѣсто, на которомъ она могла сидѣть спокойно и командовать позиціей, придала своему лицу выраженіе особенной скромности и съ важностью ожидала чтобъ ея благородный сосѣдъ далъ ей случай выказать тѣ дарованія которыя, по ея мнѣнію, должны были составить фазу въ его существованіи. Миссъ Дэръ была одна изъ тѣхъ молодыхъ особъ, встрѣчающихся иногда въ Америкѣ, которыя не имѣютъ какъ будто никакой цѣли въ жизни и повидимому занятыя мущинами въ сущности нисколько о нихъ не думаютъ, но находятъ свое счастіе лишь, въ томъ чтобы нарушать приличія; она не хвалилась своими добродѣтелями и величайшее свое удовольствіе полагала въ насмѣшкахъ надо всѣми и надъ самою собой.

— Какая величественная рѣка! замѣтилъ лордъ Дэнбегъ, когда пароходъ вышелъ на ширину потока;—вы вѣроятно часто по ней ѣздите?

— Я ни разу не была на ней во всю мою жизнь до нынѣшняго дня, солгала миссъ Дэръ,—мы о ней весьма невысокаго мнѣнія; она слишкомъ мала: мы привыкли къ гораздо бо́льшимъ рѣкамъ.

— Въ такомъ случаѣ я боюсь что наши англійскія рѣки вамъ совсѣмъ не понравились бы; онѣ ручейки въ сравненіи съ этою рѣкой.

— Неужели? сказала Викторія, разыгрывая удивленную;— какъ это странно! Въ такомъ случаѣ я не желаю быть Англичанкой. Я не могла бы жить безъ большихъ рѣкъ.

Лордъ Дэнбегъ вылупилъ глаза отъ удивленія и замѣтилъ что это несовсѣмъ благоразумно.

— Развѣ только въ томъ случаѣ еслибъ я была графиней! продолжала Викторія, задумчиво глядя на Александрію и не обращая никакого вниманія на благороднаго лорда; — мнѣ

кажется я могла бы помириться будь я гра-гра-финей. Это такой красивый титулъ!

— Титулъ герцогини обыкновенно находятъ еще лучше, пробормоталъ Дэнбегъ въ большомъ смущеніи. Молодой человѣкъ не привыкъ къ женскому вышучиванію.

— Я удовольствовалась бы и титуломъ графини. Онъ такъ хорошо звучитъ. Удивляюсь почему онъ вамъ не нравится!

Дэнбегъ безпокойно посматривалъ вокругъ себя, какъ бы ища спасенія, но ему не было выхода.

— Я думаю вы бываете страшно озабочены выбирая себѣ графиню. Какъ это у васъ дѣлается?

Лордъ Дэнбегъ нервно засмѣялся вмѣстѣ съ прочими, когда Сибилла воскликнула: „О, Викторія!“

Но миссъ Дэръ, не улыбаясь и не возвышая своего однообразнаго голоса, продолжала:

— Пожалуста, Сибилла, не прерывайте меня, разговоръ съ лордомъ Дэнбегомъ глубоко меня интересуетъ. Онъ понимаетъ что это интересъ чисто научный, но для моего счастія мнѣ необходимо знать какъ выбираютъ графинь. Лордъ Дэнбегъ, какимъ способомъ посовѣтовали бы вы вашему другу выбрать себѣ графиню?

Ея нахальство начинало забавлять лорда Дэнбега, и онъ даже попытался изъ угожденія къ ней изложить одно или два правила для выбора графинь, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ выдумать первое изъ нихъ, Викторія перескочила уже къ другому предмету.

— Кѣмъ желали бы вы лучше быть, лордъ Дэнбегъ, графомъ или Джоржемъ Вашингтономъ?

— Конечно Джоржемъ Вашингтономъ, былъ вѣжливый, но немного смущенный отвѣтъ графа.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она томно съ притворнымъ удивленіемъ,—это ужасно мило съ вашей стороны говорить такъ, но вы конечно этого не думаете?

— Увѣряю васъ что думаю.

— Возможно ли? Я никогда бы этому не повѣрила.

— Почему же нѣтъ, миссъ Дэръ?

— По вашему лицу не видно чтобы вы желали быть Джоржемъ Вашингтономъ.

— Могу я снова спросить почему?

— Конечно. Видали вы когда-нибудь Джоржа Вашингтона?

— Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Онъ умеръ за пятьдесятъ лѣтъ до моего рожденія.

— Я такъ и думала. Стало быть вы его не знаете. Теперь скажите намъ, каковъ по вашимъ представленіямъ былъ Вашингтонъ?

Дѣнбегъ сдѣлалъ самое лестное описаніе Вашингтона, частію по портрету Стюарта, частію по Гриновской статуѣ Юпитера Олимпійскаго съ чертами Вашингтона, стоявшей на Капитолійскомъ скверѣ. Миссъ Дэръ слушала его съ выраженіемъ терпѣливаго превосходства и потомъ стала просвѣщать его такъ:

— Все что вы сейчасъ говорили—совершеннѣйшая челуха, простите вульгарность выраженія. Когда я буду графиней, я исправлю свой слогъ. Вѣрно то что Джоржъ Вашингтонъ былъ худой какъ спичка сельскій фермеръ съ грубѣйшими чертами лица, весьма неуклюжій, безграмотный и чрезвычайно скучный; прескверная характера, большой нечестивецъ и большею частію льяный послѣ обѣда.

— Вы меня ужасаете, миссъ Дэръ! воскликнулъ Дѣнбегъ.

— О! мнѣ извѣстно все что касается генерала Вашингтона. Мой дѣдъ зналъ его коротко и часто по цѣлымъ недѣлямъ гостилъ въ Маунтъ-Вернонѣ. Вы не вѣрьте тому что читали и ни одному слову изъ того что вамъ скажетъ мистеръ Каррингтонъ. Онъ Виргинецъ и наговоритъ вамъ цѣлую массу прелестныхъ исторій, въ которыхъ не будетъ ни единаго слова правды. Мы всѣ патріоты относительно Вашингтона и любимъ скрывать его недостатки. Еслибъ я не была увѣрена что вы не станете ловторять моихъ словъ, я никогда бы вамъ этого не сказала. А по правдѣ-то, когда Джоржъ Вашингтонъ былъ еще мальчикомъ, у него былъ такой свирѣпый нравъ что съ нимъ сладу не было. Однажды въ припадкѣ гнѣва онъ вырубилъ у отца всѣ фруктовыя деревья, а потомъ, когда его хотѣли за это высѣчь, грозилъ разсѣчь голову отцу топоромъ. Его ложилая жена терпѣла отъ него страшныя муки. Мой дѣдъ часто разказывалъ мнѣ, какъ генералъ при немъ ругалъ и цилалъ ее до тѣхъ поръ пока несчастная женщина не уходила изъ комнаты вся въ слезахъ; и какъ однажды въ Маунтъ-Вернонѣ Вашингтонъ, тогда уже совершенно ложилой человѣкъ, бросился при немъ на одного совершенно безобиднаго посѣтителя и сталъ гнать его колотя по головѣ толстою узловатою палкой, и все это потому что несчастный заикался: Вашингтонъ не выноситъ заи-заи-канья.

Каррингтонъ и Горъ заливались громкимъ смѣхомъ, слушая подобное описаніе отца отечества, но Викторія продолжала своимъ протяжнымъ кроткимъ голосомъ просвѣщать лорда Дэнбега относительно другихъ предметовъ, пока онъ не рѣшилъ наконецъ что она самая эксцентричная особа изо всѣхъ до сихъ поръ имъ видѣнныхъ. Пароходъ пришелъ уже въ Маунтъ-Вернонъ, а Викторія все еще занята была описаніемъ общества и нравовъ Америки и особенно тѣхъ правилъ по которымъ каждый мущина обязанъ былъ непремѣнно свататься. По ея словамъ, лорду Дэнбегу грозила неминуемая опасность; отъ джентльменовъ и въ особенности иностранцевъ требовалось чтобы во всѣхъ штатахъ къ югу отъ Потомака они предлагали въ каждомъ городѣ свою руку по крайней мѣрѣ хоть одной молодой миссъ. „Я вчера еще получила письмо“, сказала Викторія, „отъ одной прелестной дѣвушки изъ Сѣверной Каролины, большой моей пріятельницы, которая пишетъ мнѣ что она совершенно разстроена, потому что ея братья сдѣлали визитъ одному молодому Англичанину съ заряженными ружьями, такъ что тотъ едва ли оправится, а между тѣмъ она во всякомъ случаѣ намѣрена была отказать ему, судя по ея словамъ.“

А Магдалина, сидя въ это время на другой сторонѣ парохода и не смущаясь смѣхомъ раздававшимся вокругъ миссъ Дэръ, разсудительно и серіозно бесѣдовала съ лордомъ Скаемъ и сенаторомъ Ратклифомъ. Лордъ Скай, также упоенный прелестью утра, сталъ громко восхищаться величественною рѣкой и обвинялъ Американцевъ въ неумѣньи цѣнить красоты своей собственной страны.

— Вашъ національный умъ, сказалъ онъ,—лишенъ вѣкъ. Ему нуженъ рѣзкій ослѣпительный блескъ и избитая дорога. Онъ предпочитаетъ тѣни, которыя можно очертить ножомъ. Онъ не цѣнитъ всей красоты этой мягкой Виргинійской зимы.

Мистриссъ Ли обидѣлась. „Америка“, утверждала она, „не износила своихъ чувствъ подобно Европѣ. Ея исторія еще впереди; она еще ожидаетъ своихъ Бёрнсовъ и Скоттовъ, своихъ Вордсвортовъ и Байроновъ, своихъ Гогартовъ и Тёрнеровъ.“

— Вы хотите персиковъ весной, сказала она.—Пусть лѣто возвращается къ намъ въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія, и тогда жалуйтесь, если вамъ угодно, что наши персики не

такъ нѣжны какъ ваши. Даже голоса наши станутъ тогда нѣжными, прибавила она, бросая значительный взглядъ на лорда Скай.

— Намъ не выгодно спорить съ мистриссъ Ли, сказалъ онъ Ратклифу:—переставая быть адвокатомъ, она становится обвинителемъ. Уста знаменитой герцогини Девонширской вполовину не были такъ убѣдительны какъ голосъ мистриссъ Ли.

Ратклифъ внимательно слушалъ, соглашаясь всякій разъ какъ только видѣлъ что мистриссъ Ли желаетъ этого. Ему очень хотѣлось бы въ точности знать что именно значатъ всѣ эти „тоны и полутоны, краски и ихъ гармонія“.

Наконецъ они пріѣхали и побрели вверхъ по освѣщенной солнцемъ дорожкѣ. У гробницы они остановились, какъ останавливаются всѣ добрые Американцы, и тутъ мистеръ Горъ съ тихою грустью произнесъ небольшую рѣчь.

— Было бы гораздо хуже, еслибъ они сдѣлали ее красивѣе, сказалъ онъ, окидывая ея размѣры эстетическими глазами образованнаго Бостонца.—Въ своемъ настоящемъ видѣ эта гробница говоритъ намъ только о несчастіи могущемъ постигнуть каждаго изъ насъ; мы не должны слишкомъ скорбѣть надъ ней. Что почувствовали бы мы, еслибы комитетъ конгресса выстроилъ на мѣсто ея другую изъ бѣлаго мрамора съ готическими перечницами по угламъ и позолотилъ бы сформованную на машинѣ лѣпную работу штукатурки?

Но Магдалина утверждала что въ настоящемъ видѣ эта гробница есть единственное рѣзкое пятно во всемъ спокойномъ ландшафтѣ и что она совершенно противорѣчитъ ея понятію о спокойствіи могилы. Ратклифъ задумался, не понимая что хотѣла она сказать этимъ.

Они прошли далѣе луговиной газона и по всему дому. Глаза ихъ утомленные жесткими красками и формами городскихъ домовъ съ удовольствіемъ останавливались на потертыхъ панеляхъ и запачканныхъ стѣнахъ. Нѣкоторыя изъ комнатъ были до сихъ поръ еще обитаемы; въ широкихъ каминахъ горѣлъ огонь. Всѣ онѣ были порядочно меблированы, не производя непріятнаго впечатлѣнія новизны или недавнихъ передѣлокъ. Они пошли на верхъ, и мистриссъ Ли отъ души засмѣялась когда ей показали комнату гдѣ спалъ и умеръ генералъ Вашингтонъ.

Каррингтонъ также улыбнулся.

— Наши старые виргинскіе дома по большей части всѣ были таковы, сказалъ онъ:—рядъ большихъ залъ въ нижнемъ этажѣ и жалкіе бараки вверху. Виргинскій домъ былъ чѣмъ-то въ родѣ отеля. Когда во время скачекъ, свадебъ, танцевъ, домъ наполнялся гостями, хозяева не стѣсняясь набивали по шести человѣкъ въ одну комнату, а если комната была велика, то протягивали поперекъ ея простыню чтобъ отдѣлить мущинъ отъ женщинъ. Что же касается туалета, то въ тѣ времена не знали холодныхъ ваннъ. Наши предки обходились и простымъ умываньемъ.

— И до сихъ поръ еще такъ живутъ въ Виргиніи? спросила Магдалина.

— О, нѣтъ, все это давно уже кончилось. Теперь мы живемъ подобно всѣмъ сельскимъ людямъ и стараемся платить свои долги, чего прежнее поколѣніе никогда не дѣлало. Они жили изо дня въ день, держали полныя конюшни лошадей. Молодые люди разъѣзжали по странѣ, держа пари на скачкахъ, забавляясь игрою, льянствомъ, драками и любовными похожденіями. Ни одинъ не зналъ хорошенько что̀ у него есть до тѣхъ поръ пока пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не произошло крушенія и тогда все рухнуло.

— Точь въ точь какъ въ Ирландіи! сказалъ лордъ Дёнбегъ, чрезвычайно заинтересованный разговоромъ и мысленно готовя статью въ *Quarterly Review*;—совершенное сходство во всемъ, даже въ домахъ.

Мистриссъ Ли рѣзко спросила Каррингтона, сожалѣетъ ли онъ о старыхъ порядкахъ.

— Нельзя не сожалѣть о томъ, сказалъ онъ,—что̀ произвело Джорджа Вашингтона и цѣлую толпу ему подобныхъ. Но я думаю что мы и теперь еще могли бы произвести такихъ же людей еслибъ имѣлось для нихъ такое же поле дѣйствія.

— А вернули ли бы вы прежнее общество, еслибы могли? спросила она.

— Зачѣмъ? Оно не могло бы устоять. Самъ Вашингтонъ не въ состояніи былъ спасти его. Еще заживо онъ потерялъ всякій авторитетъ въ Виргиніи и его могущество пало.

Общество разбрѣлось на минуту, и мистриссъ Ли очутилась одна въ большой гостиной. Въ эту минуту въ комнату вошла бѣлокурая мистриссъ Бекеръ со своею дѣвочкой, которая начала такъ бѣгать и шумѣть что будь тутъ мистриссъ

Вашингтонъ она ей вѣрно этого не позволила бы. Магдалина, питавшая обычную въ женщинахъ любовь къ дѣтямъ, подозвала дѣвочку къ себѣ и стала показывать ей пастуховъ и пастушекъ вырѣзанныхъ на бѣломъ итальянскомъ мраморѣ камина; чтобы позабавить малютку, она начала выдумывать ей разныя маленькія исторіи о нихъ, между тѣмъ какъ мать стояла тутъ же и подъ конецъ поблагодарила разкацицу съ неестественнымъ жаромъ. Мистриссъ Ли не понравились ни ея изліянія, ни ея цвѣтъ лица, и она обрадовалась увидавъ Дэнбега показавшагося въ дверяхъ.

— Какъ вамъ нравится генералъ Вашингтонъ въ домашней обстановкѣ? спросила она.

— Увѣряю васъ что я чувствую себя какъ дома, отвѣчалъ Дэнбегъ съ самою лучезарною изъ своихъ улыбокъ.—Я убѣжденъ что генералъ Вашингтонъ былъ Ирландецъ. Это сейчасъ видно по самой мѣстности. Я намѣренъ заломанить все и напишу объ этомъ статью.

— Итакъ, если вы покончили съ этимъ, сказала Магдалина,—мы можемъ, я думаю, приняться за полдникъ, и я уже взяла на себя смѣлость распорядиться чтобъ его приготовили на открытомъ воздухѣ.

Тамъ дѣйствительно уже былъ импровизованъ столъ, и миссъ Дэръ инспектировала полдникъ, дѣлая свои замѣчанія о кухнѣ и погребѣ лорда Ская.

— Надѣюсь, это неподслащенное шампанское? сказала она;—любить сладкое шампанское по моему просто непозволительно.

Молодая миссъ столько же знала о неподслащенномъ и сладкомъ шампанскомъ сколько о винахъ Улисса, съ тою развѣ разницей что пила и то и другое съ одинаковымъ удовольствіемъ; она просто копировала одного секретаря британскаго посольства, который угощалъ ее ужиномъ на послѣднемъ вечерѣ. Лордъ Скай попросилъ ее отвѣдать его шампанскаго, что̀ она и исполнила, съ важностью замѣтивъ что оно вѣроятно заключаетъ въ себѣ около 5%. Это выраженіе она также поймала у секретаря и повторяла какъ попугай, совершенно не понимая его значенія.

Полдникъ былъ очень оживленъ и весьма вкусенъ; когда онъ кончился и джентльменамъ позволили курить, разговоръ сталъ сдержаннѣе и грозилъ даже принять совершенно серіозный характеръ.

— Вы любите полутоны, сказала Магдалина лорду Скай,— но развѣ на стѣнахъ этого дома мало полутоновъ?

По мнѣнію лорда Ская причину этого слѣдовало искать вѣроятно въ томъ что такъ какъ Вашингтонъ принадлежалъ всему міру, то и вкусы его составляли исключеніе изъ мѣстныхъ.

— А не чаруетъ ли васъ разлитое здѣсь повсюду чувство спокойствія? продолжала она.—Посмотрите на этотъ милый садъ, этотъ растреланный лужокъ, на эту большую рѣку впереди и на старинное укрѣпленіе за рѣкой! Все здѣсь спокойно даже до маленькой спальни бѣднаго генерала. Такъ и хочется лечь и заснуть въ ней на цѣлое столѣтіе, пожалуй на два. А между тѣмъ этотъ ужасный Капитолій со своими искателями должностей всего только за десять миль отсюда!

— Нѣтъ, ужь этого я не могу вынести! перебила миссъ Викторія театральнымъ шепотомъ,—этотъ ужасный Капитолій! Но вѣдь никого изъ насъ не было бы здѣсь безъ этого ужаснаго Капитолія, исключая меня одной быть-можетъ.

— Вы превосходно исполнили бы роль мистриссъ Вашингтонъ, Викторія.

— Миссъ Дэръ была такъ обязательна что изложила намъ сегодня утромъ свой взглядъ на характеръ генерала Вашингтона, сказалъ Дэнбегъ,—но я еще не успѣлъ узнать мнѣніе мистера Каррингтона.

— Все что говоритъ миссъ Дэръ неоцѣнимо, отвѣчалъ Каррингтонъ,—но она особенно сильна въ фактахъ.

— Пожалуста безъ комплиментовъ, мистеръ Каррингтонъ! протянула миссъ Дэръ; — я не нуждаюсь въ нихъ, и они къ вамъ не пристали. Скажите, лордъ Дэнбегъ, не похожъ ли немножко, по вашему мнѣнію, мистеръ Каррингтонъ на генерала Вашингтона во дни его молодости?

— Послѣ того описанія которое вы намъ сдѣлали о генералѣ Вашингтонѣ, миссъ Дэръ, могу ли я согласиться съ вами?

— Какъ бы то ни было, сказалъ лордъ Скай,—а я думаю что въ принципѣ миссъ Дэръ права въ своемъ мнѣніи о прелестяхъ Маунтъ-Вернона. Даже мистриссъ Ли, шедши сюда, нашла что самому генералу, единственному, постоянному обитателю здѣшнихъ мѣстъ, ловидимому страшно надоѣло лежать въ своей могилѣ. Я самъ не охотникъ до вашего

ужаснаго Капитолія; но я его предпочитаю пастушеской жизни здѣсь, и этимъ я объясняю мою холодность къ вашему великому генералу. Другаго рода жизни онъ не любилъ, мнѣ кажется онъ болѣе великъ въ качествѣ тоскующаго по родинѣ виргинскаго плантатора чѣмъ какъ генералъ или президентъ. Я прощаю ему его безмѣрную ласмурность, потому что онъ не былъ дипломатомъ и не обязанъ былъ лгать, но все-таки онъ могъ бы когда-нибудь хоть временно позабыть свой Маунтъ-Вернонъ.

Тутъ Дэнбегъ въ сильномъ возбужденіи выступилъ впередъ со своимъ протестомъ; слова его какъ будто столкали другъ друга, слѣпа вылетѣть изо рта.

— Всѣ наши великіе англійскіе люди были тоскующіе по родинѣ сельскіе сквайры. Я самъ тоскующій по родинѣ сельскій сквайръ.

— Какъ интересно! прошептала миссъ Дэръ.

Мистеръ Горъ также вмѣшался въ разговоръ.

— Хорошо вамъ, джентльмены, мѣрить генерала Вашингтона на свой аршинъ! Но что вы скажете намъ, уроженцамъ Новой Англіи, которые никогда не были сельскими сквайрами и не питали никакой любви къ Виргиніи? Сдѣлалъ ли Вашингтонъ что-либо для насъ? Онъ даже никогда не выказывалъ намъ расположенія. Онъ былъ съ нами вѣжливъ и только. Я его не обвиняю, всякій знаетъ что онъ любилъ только Маунтъ-Вернонъ. И со всѣмъ этимъ мы его обожаемъ. Мы видимъ въ немъ олицетвореніе нравственности, правосудія, долга, истины; въ немъ одномъ воплощено съ полдюжины главнѣйшихъ римскихъ боговъ. Онъ суровъ, одинокъ, великъ; его слѣдовало бы обоготворять. Мнѣ неловко ѣсть, пить, курить безъ его разрѣшенія на этой галлереѣ; свободно расхаживать въ его отсутствіе по его дому, критикуя его спальни. Что еслибы мы услыхали сейчасъ звукъ копытъ его лошади скачущей съ той стороны, и онъ вдругъ появился бы въ этихъ дверяхъ и поглядѣлъ бы на насъ? Я предоставилъ бы васъ его негодованію. Я убѣжалъ бы отсюда и спрятался бы на пароходѣ. Одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ ужасъ.

Эти полусеріозныя предположенія Гора видимо забавляли Ратклифа.

— Вы напоминаете мнѣ, сказалъ онъ,—мои собственныя чувства, когда я былъ мальчикомъ и по приказанію отца училъ наизусть Прощальную Рѣчь. Въ тѣ дни генералъ

Вашингтонъ былъ въ своемъ родѣ богомъ для Америки. Но Западъ плохая школа, въ которой не учатъ почтительности. Съ тѣхъ поръ какъ я попалъ въ конгрессъ, я многое узналъ о генералѣ Вашингтонѣ и съ удивленіемъ увидалъ на какомъ узкомъ основаніи покоится его репутація. Честный офицеръ, надѣлавшій много ошибокъ и едва имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточное число людей чтобъ образовать армейскій корпусъ подъ своею командой, онъ пріобрѣлъ огромную репутацію въ Европѣ потому только что не захотѣлъ быть королемъ, хотя всегда могъ это сдѣлать. Почтенный, трудящійся президентъ, онъ имѣлъ со стороны оппозиціи такъ много доказательствъ уваженія что правленіе для него могло бы быть игрушкой еслибъ оно не надоѣло ему до смерти. Офиціальныя бумаги его написаны добросовѣстно и отличаются обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, который можно встрѣтить въ настоящее время у сотни тысячъ пишущихъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ. Я подозрѣваю что привязанность его къ этому мѣсту происходила главнымъ образомъ отъ сознанія своей ограниченности и опасенія отвѣтственности. Настоящее правительство можетъ выставить въ данную минуту цѣлыя дюжины людей одинаковаго съ нимъ дарованія, но мы ихъ однако не обоготворяемъ. Что меня всего болѣе въ немъ удивляетъ, это не военный и не политическій его геній, потому что я сомнѣваюсь чтобъ онъ былъ у него, а скорѣе замѣчательная ловкость Янки въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ считалъ себя весьма богатымъ человѣкомъ, и между тѣмъ не тратилъ ни одного доллара безразсудно. Онъ почти единственный Виргинецъ изъ числа общественныхъ дѣятелей, какъ я слышалъ, который умеръ не оставивъ послѣ себя долговъ.

Въ продолженіе этой длинной рѣчи, Каррингтонъ бросилъ нѣсколько взглядовъ на Магдалину, сидѣвшую насупротивъ его, и встрѣтился съ ней глазами. Критика Ратклифа ей не понравилась. Каррингтонъ видѣлъ что она находитъ такія слова недостойными его, и онъ зналъ что они ее раздражатъ. „Я поставлю маленькую ловушку мистеру Ратклифу“, подумалъ онъ про себя. „Посмотримъ выпутается ли онъ изъ нея“. Каррингтонъ заговорилъ, и всѣ стали внимательно его слушать, потому что, какъ Виргинецъ, онъ долженъ былъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, а семей-

ство его пользовалось даже большимъ довѣріемъ самого Вашингтона.

— Въ здѣшнемъ околоткѣ ходили въ продолженіе многихъ лѣтъ, а можетъ-быть ходятъ и до сихъ поръ, весьма странныя исторіи о скупости генерала Вашингтона въ денежныхъ дѣлахъ. Разказывали что онъ никогда ничего не покупалъ на вѣсъ не свѣсивъ еще разъ, или по счету не провѣривъ его самъ; и если вѣсъ или счетъ оказывались невѣрными, то онъ возвращалъ покупку. Однажды во время его отсутствія, управляющій его приказалъ оштукатурить комнату и уплатилъ представленный счетъ. Вернувшись домой генералъ самъ вымѣрилъ комнату и нашелъ что штукатуръ взялъ пятнадцатью шиллингами болѣе чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ штукатуръ успѣлъ уже умереть, но генералъ предъявилъ искъ на его имущество и получилъ удовлетвореніе. Далѣе, одинъ изъ его арендаторовъ принесъ ему условленную плату за аренду,—не доставало четырехъ пенсовъ. Арендаторъ подалъ долларъ, прося генерала причесть остальное къ платѣ будущаго года. Но генералъ не согласился и заставилъ его сдѣлать девять миль до Александріи и обратно чтобы привезти четыре пенса. Въ другой разъ онъ послалъ въ Александрію за башмачникомъ чтобы тотъ пріѣхалъ снять мѣрку. Послѣдній отвѣчалъ что онъ ни къ кому не ѣздитъ снимать мѣрки: тогда генералъ сѣлъ на лошадь и самъ поѣхалъ за девять миль къ башмачнику. Однимъ изъ его правилъ было платить въ трактирахъ за пищу своей прислуги столько же сколько за свою собственную. Однажды трактирщикъ подалъ ему счетъ въ которомъ поставлено было три шиллинга и девять пенсовъ за его собственный завтракъ и три шиллинга за завтракъ его слуги. Генералъ потребовалъ чтобы трактирщикъ прибавилъ недостающіе девять пенсовъ, будучи увѣренъ что слуга его съѣлъ никакъ не менѣе его самого. Что вы скажете объ этихъ анекдотахъ? Что это мелочность по вашему или нѣтъ?

Ратклифъ засмѣялся.

— Эти анекдоты я слышу въ первый разъ, сказалъ онъ,— но они совершенно подтверждаютъ мою мысль. Все это обличаетъ человѣка много думающаго о пустякахъ, дѣлающаго много шума изъ ничего. Мы не поступаемъ въ настоящее время такимъ образомъ, мы на обухѣ ржи не молотимъ, какъ дѣлали это нѣкогда въ Нью-Гампширѣ, засѣвая гранитную почву, когда я былъ ребенкомъ.

Карринггонъ отвѣчалъ что онъ весьма сожалѣетъ что Виргинцы не постулали такъ же; тогда они вѣроятно не пошли бы къ чорту.

Горъ серіозно покачалъ головой.

— Развѣ я не говорилъ вамъ! сказалъ онъ.—Развѣ этотъ человѣкъ не былъ отвлеченною добродѣтелью? Даю вамъ честное слово что я предъ нимъ благоговѣю, что мнѣ совѣстно копаться въ этихъ подробностяхъ его жизни. Что намъ до того какъ онъ примѣнялъ свои принципы къ ночнымъ коллакамъ и швабрамъ? Мы не лакеи его, и намъ нѣтъ никакого дѣла до его слабостей. Довольно съ насъ знать что онъ въ точности исполнилъ свой кодексъ добродѣтели и что мы должны всѣ до единаго пасть на колѣна предъ его могилой.

Дэнбегъ, погруженный въ глубокое раздумье, спросилъ наконецъ Карринггона, не находитъ ли онъ что всѣ эти разказы представляютъ отца отечества весьма жалкимъ политикомъ.

— Мистеръ Ратклифъ болѣе меня знакомъ съ политикой. Спросите его, сказалъ Карринггонъ.

— Вашингтонъ вовсе не былъ политикомъ въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ это слово, отрывисто отвѣчалъ Ратклифъ.—Онъ стоялъ внѣ политики. Теперь этого нельзя было бы сдѣлать. Народъ не любитъ этихъ королевскихъ замашекъ.

— Не могу понять этого, сказала мистриссъ Ли,—почему вы не могли бы этого сдѣлать теперь?

— Потому что я показалъ бы себя глупцомъ, отвѣчалъ Ратклифъ, восхищенный мыслью что мистриссъ Ли ставила его на одинъ уровень съ Вашингтономъ. Но она разумѣла только самый постулокъ, а не его личность, и это проявленіе тщеславія съ его стороны было неподражаемо.

— Мистеръ Ратклифъ хочетъ сказать что въ Вашингтонѣ было слишкомъ много достоинства для нашего времени, вставилъ Карринггонъ.

Это было сказано съ намѣреніемъ раздражить Ратклифа, и тѣмъ болѣе его раздражило что мистриссъ Ли, обернувшись къ Карринггону, сказала съ нѣкоторою горечью:

— Неужели онъ былъ нашъ единственный честный, общественный дѣятель?

— О, нѣтъ! весело отвѣчалъ Карринггонъ:—найдутся еще дня-два.

— Еслибы всѣ прочіе наши президенты были подобны ему, сказалъ Горъ,—въ нашей кратковременной исторіи было бы меньше грязныхъ пятенъ.

Привычка Каррингтона доводить всякій разговоръ до колкостей страшно бѣсила Ратклифа. Онъ принялъ это замѣчаніе за личное оскорбленіе и зналъ что оно было сдѣлано съ умысломъ.

— Общественные дѣятели, началъ онъ,—не могутъ въ наше время рядиться въ обноски Вашингтона. Еслибы Вашингтонъ былъ теперь президентомъ, онъ долженъ былъ бы выучиться нашимъ порядкамъ или потерять свое мѣсто на слѣдующихъ выборахъ. Только глупцы и теоретики воображаютъ что нашимъ обществомъ можно управлять въ перчаткахъ или съ канатнымъ шестомъ въ рукахъ. Нужно самому стать его частью. Если нельзя взять добродѣтелью, нужно лускать въ ходъ порокъ, а иначе наши противники лишатъ насъ должности, и это было такъ же вѣрно при Вашингтонѣ, какъ вѣрно теперь и какъ будетъ вѣрно всегда.

— Полноте, сказалъ лордъ Скай, начинавшій опасаться открытой ссоры,—разговоръ скоро коснется государственной измѣны, а вы знаете что я аккредитованъ при здѣшнемъ правительствѣ. Отчего бы намъ не пройтись по усадьбѣ?

Какое-то невольное естественное влеченіе заставило лорда Дэнбега идти рядомъ съ миссъ Дэръ въ этомъ миломъ старомъ саду. Занятый мыслью о томъ какъ бы поскорѣе разогнать полученныя имъ сейчасъ влечатлѣнія, онъ былъ болѣе обыкновеннаго разсѣянъ, и этотъ недостатокъ вниманія съ его стороны раздражалъ молодую дѣвушку. Она сдѣлала нѣсколько замѣчаній о цвѣтахъ, выдумала нѣсколько новыхъ родовъ съ невѣроятными названіями, спросила извѣстны ли они въ Ирландіи, но лордъ Дэнбегъ давалъ ей въ эту минуту такіе неопредѣленные отвѣты что дѣло ея становилось плохо.

— Вотъ старые солнечные часы. У васъ есть солнечные часы въ Ирландіи, лордъ Дэнбегъ?

— Да, конечно! Что? Солнечные часы? О, да! Увѣряю васъ, у насъ много солнечныхъ часовъ въ Ирландіи, миссъ Дэръ.

— Очень рада! Но я думаю, у васъ они служатъ только для украшенія. У насъ какъ разъ наоборотъ. Поглядите на эти

часы! Они всѣ принимаютъ такой видъ. Они не переносятъ вліянія нашего солнца и очень не прочны. Мой дядя, у котораго есть помѣстье въ Лонгъ-Брашѣ, перемѣнилъ лять солнечныхъ часовъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

— Вотъ такъ штука! Но позвольте, миссъ Дэръ, я право не понимаю какъ могутъ солнечные часы быть непрочными?

— Вы не понимаете? Какъ странно! Но развѣ вы не видите какъ они до такой степени пропитываются солнцемъ что уже не могутъ удерживать тѣни? Знаете что? они въ родѣ меня! Мнѣ всегда бываетъ такъ хорошо что я не могу быть несчастлива. Читаете ли вы когда-нибудь *Burlington Hawkeye*, лордъ Дэнбегъ?

— Что-то не припомню; кажется, нѣтъ. Что это... какое-нибудь американское періодическое изданіе? задыхаясь спросилъ Дэнбегъ, едва поспѣвавшій за миссъ Дэръ, которая безпечно порхала по полю.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала Викторія,—но мнѣ кажется для васъ это чтеніе было бы трудно; я на вашемъ мѣстѣ не стала бы и пробовать.

— А вы часто занимаетесь этимъ чтеніемъ, миссъ Дэръ?

— О, постоянно! я вовсе не такъ пуста какъ кажусь. Впрочемъ, я имѣю предъ вами то преимущество что хорошо знаю языкъ.

Тутъ Дэнбегъ совсѣмъ очнулся. Миссъ Дэръ, довольная своимъ успѣхомъ, рѣшилась быть благоразумнѣе и что-то похожее на чувство ловѣяло на нихъ своими легкими крылами.

Разсыпавшаяся во всѣ стороны компанія должна была скоро соединиться. Звонъ колокола на пароходѣ подалъ сигналъ къ отъѣзду, всѣ спустились внизъ по дорожкамъ и заняли свои прежнія мѣста. Въ то время какъ они отчаливали мистриссъ Ли смотрѣла на освѣщенный солнцемъ холмъ и стоящій на вершинѣ его мирный домъ, пока они не скрылись у нея изъ глазъ; и чѣмъ долѣе она смотрѣла тѣмъ недовольнѣе становилась она сама собою. Неужели Викторія Дэръ была права сказавъ ей что она не можетъ жить въ такой чистой атмосферѣ? Неужели ей въ самомъ дѣлѣ нужны болѣе густыя испаренія города? Неужели она, сама того не замѣчая, постепенно заражается окружающею ея жизнью? И не правъ ли Ратклифъ, допуская въ одно и то же время и дурное и хорошее и идя рука объ руку со своимъ вѣкомъ, коль скоро уже онъ живетъ въ немъ? Почему же, говорила она себѣ

съ горечью, все до чего касался Вашингтонъ очищалось, даже воспоминанія связанныя съ его домомъ? И почему все до чего мы коснемся какъ будто грязнѣетъ? Отчего я чувствую себя нечистою когда смотрю на Маунтъ-Вернонъ? Что бы ни говорилъ мистеръ Ратклифъ, не лучше ли быть ребенкомъ и плакать о лунѣ и звѣздахъ?

Въ эту минуту къ ней подошла малютка Бекеръ и стала играть ея зонтикомъ.

— Какъ зовутъ вашу маленькую пріятельницу? спросилъ Ратклифъ.

Мистриссъ Ли полуразсѣянно отвѣчала что это дочь той красивой женщины въ траурѣ и что кажется ея фамилія Бекеръ.

— Бекеръ, вы говорите? повторилъ Ратклифъ.

— Бекеръ, мистриссъ Самъ-Бекеръ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ мистеръ Каррингтонъ; онъ говоритъ что это его кліентка.

Дѣйствительно Ратклифъ скоро увидалъ какъ Каррингтонъ подошелъ къ молодой женщинѣ и въ продолженіе всего остальнаго пути оставался подлѣ нея. Ратклифъ смотрѣлъ на нихъ пронзительно и упорно, все болѣе и болѣе погружаясь въ свои думы по мѣрѣ того какъ пароходъ ближе и ближе подвигался къ берегу.

Каррингтонъ былъ въ большомъ одушевленіи. Онъ былъ увѣренъ что на этотъ разъ мастерски разыгралъ свою игру. Даже миссъ Дэръ соблаговолила найти его пріятнымъ въ этотъ день. Она объявила себя нравственнымъ подобіемъ Марты Вашингтонъ и подняла вопросъ о томъ кто бы лучше годился для нея въ роли генерала, Каррингтонъ или лордъ Дэнбегъ.

— Мистеръ Каррингтонъ образецъ всѣхъ совершенствъ, сказала она,—но какое счастье быть Мартою Вашингтонъ и въ то же время графиней!

VII.

Вернувшись въ этотъ день вечеромъ домой, сенаторъ Ратклифъ нашелъ у себя, какъ и ожидалъ, избранный кружокъ друзей и поклонниковъ, которые съ самаго полудня коротали у него время, осыпая его разнообразнѣйшими ругательствами какія только существуютъ на человѣческомъ языкѣ и могутъ быть

внушены привычкой къ брани и нетерпѣніемъ. Что же касается его самого, то послушайся онъ своихъ чувствъ, онъ сейчасъ же прогналъ бы ихъ всѣхъ изъ дома и захлопнулъ бы за ними двери. Но какъ ни нечестивы были ихъ молчаливыя проклятія, они должны были уступить въ силѣ и обдуманности его собственнымъ мыслямъ, обрекавшимъ этихъ господъ на вѣчную погибель, въ то время какъ онъ сквозь зубы посылалъ ихъ къ чорту, приближаясь къ своей квартирѣ. Никакое общество не могло менѣе подходить къ его настоящему настроенію духа, какъ то которое ожидало его теперь въ его комнатахъ. Онъ мысленно простоналъ, усѣвшись за свой письменный столъ и оглянувшись кругомъ. Цѣлыя дюжины просителей мѣстъ осаждали его домъ; то были люди коихъ патріотическія заслуги на послѣднихъ выборахъ громко требовали признанія отъ благодарной страны. Они принесли свои просьбы сенатору, умоляя его скрѣпить ихъ своею подписью и дать имъ ходъ. Нѣсколько членовъ и сенаторовъ, думавшихъ что у Ратклифа не было другой задачи въ жизни, какъ поддерживать ихъ борьбу за покровительство, бродили по его комнатѣ, читая газеты или развлекая себя табакомъ въ его различныхъ формахъ, или перебрасываясь унылыми замѣчаніями, какъ будто атмосфера окружавшая величайшее въ мірѣ правительство тяготила ихъ еще болѣе нежели ихъ избирателей. Нѣсколько газетныхъ корреспондентовъ, жаждавшихъ вымѣнять свои новости на намеки и мнѣнія Ратклифа, являлись также по временамъ въ его комнатѣ и опускаясь на стулъ подлѣ его бюро, таинственно съ нимъ перешептывались.

Такимъ образомъ время текло, а сенаторъ продолжалъ работать, машинально исполняя все что отъ него требовали подписывая бумаги которыхъ онъ не читалъ, отвѣчая на замѣчанія коихъ онъ не слушалъ, почти не отрывая глазъ отъ своего бюро и стараясь казаться погруженнымъ въ работу. Это спасало его отъ любопытства и болтовни. Эта мнимая работа служила ему какъ бы занавѣсью, за которою онъ прятался отъ свѣта. Позади этой занавѣси онъ занимался своими соображеніями, не смущаясь тѣмъ что вокругъ него происходило, слушая все что ни говорилось, самъ же говоря весьма мало или вовсе почти не говоря. Приверженцы его съ уваженіемъ относились къ этому безмолвію, и оставляли его въ покоѣ. Онъ былъ ихъ

пророкомъ и имѣлъ право на уединеніе. Онъ былъ ихъ вождемъ, и въ то время какъ онъ сидѣлъ, погруженный въ молчаніе, лишь изрѣдка роняя односложные отвѣты, изъ среды его прихвостней, расположившихся вокругъ него въ различныхъ позахъ, вырывалось по временамъ то слово, то ругательство. Въ эти періоды его безусловнаго молчанія всѣ они находили единственное развлеченіе въ табакѣ и газетахъ.

Въ лицахъ и голосахъ шайки Ратклифа замѣтно было въ этотъ вечеръ какое-то уныніе, часто распространяющееся въ войскахъ наканунѣ сраженія. Они гораздо рѣже обмѣнивались замѣчаніями, да и тѣ были тупѣе и суетнѣе обыкновеннаго. Ни въ наружности, ни въ тонѣ ихъ не проявлялось ни малѣйшаго оживленія, отчасти по сочувствію къ унылому настроенію своего вождя, отчасти вслѣдствіе грозныхъ знаменій времени. Президентъ долженъ былъ пріѣхать чрезъ двое сутокъ, а между тѣмъ до сихъ поръ ничто не показывало чтобъ онъ должнымъ образомъ цѣнилъ ихъ заслуги; напротивъ, по нѣкоторымъ несомнѣннымъ даннымъ, ясно было что его жестоко обманули и обошли, что вниманіе его отвлечено совершенно въ другую сторону, и что всѣ принесенныя ими жертвы считаются имъ ни во что. Былъ также поводъ думать что онъ ѣдетъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ вести войну съ Ратклифомъ и сломить его, и что покровительство свое онъ окажетъ не имъ, но наиболѣе враждебной для нихъ партіи. Мысль что ихъ честно добытыя права на заграничныя посольства и консульства, на департаменты, таможни и конторы государственныхъ доходовъ, на почтамты, индійскія агентства и интендантства по снабженію довольствіемъ арміи и флота, могутъ быть у нихъ вырваны себялюбивымъ жаднымъ пришельцемъ,—человѣкомъ непопулярнымъ и возбуждавшимъ всеобщія насмѣшки,—одна мысль эта приводила ихъ въ негодованіе, и они чувствовали что такъ не должно быть; что при такомъ порядкѣ вещей демократическое правительство сдѣлалось бы невозможнымъ. На этомъ пунктѣ они обыкновенно начинали волноваться, выходили изъ себя и ругались. Затѣмъ, въ нихъ снова возрождалась надежда на Ратклифа; только онъ одинъ могъ ихъ вытянуть; во всякомъ случаѣ президенту нужно будетъ сперва посчитаться съ нимъ, а Ратклифъ, какъ они знали, былъ не податливъ на сдѣлки.

Впрочемъ, вѣра ихъ въ Ратклифа могла бы пожалуй поколебаться еслибъ они въ состояніи были заглянуть въ его

голову и понять что̀ въ ней происходило. Ратклифъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ и хорошо сознавалъ это. Онъ жилъ въ своемъ особомъ внутреннемъ мірѣ и носилъ въ душѣ инстинкты утонченности. Каждый разъ какъ дѣла его принимали неблагопріятный оборотъ, инстинкты эти пробуждались въ немъ съ особенною силой и поглощали все его существо. Въ настоящее время онъ чувствовалъ отвращеніе и циническое презрѣніе къ политикѣ во всѣхъ ея формахъ. Много лѣтъ работалъ онъ для своей партіи; продалъ душу свою діаволу, продавалъ кровь своего сердца по каплямъ, трудился съ упорною настойчивостью, на которую не способенъ бы былъ даже простой лодевщикъ, и для чего? Для того чтобы быть отвергнутымъ этою же партіей, для того чтобы быть брошеннымъ подъ борону мелкаго фермера изъ Индіаны, который не скрывалъ своего намѣренія раздавить его, или, какъ онъ изящно выражался, „содрать съ него шкуру вмѣстѣ съ тукомъ“. Ратклифъ конечно не боялся за свою шкуру; но ему было обидно, что онъ вынужденъ защищать ее и что таковы результаты его двадцатилѣтней преданности. Подобно многимъ людямъ въ одинаковомъ съ нимъ положеніи онъ не терялъ времени на то чтобы свести счеты со своею партіей или задать себѣ вопросъ, бывшій самымъ больнымъ мѣстомъ въ его сердцѣ: кому болѣе служилъ онъ, ей или самому себѣ? Онъ чувствовалъ себя неспособнымъ анализовать свои поступки: для этого требовалось полное спокойствіе духа, а его не было у него въ настоящую минуту. Что же касается президента, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго извѣстія со времени дерзкаго письма къ Гримсу, письма тщательно скрытаго имъ отъ всѣхъ, сенатору хотѣлось только проучить его не много, чтобъ онъ сталъ поумнѣе и повѣжливѣе. Но событія послѣднихъ шести мѣсяцевъ заставили его совершенно разочароваться въ политической жизни и не придавать ей болѣе никакой цѣны. Онъ не могъ видѣть своихъ неотвязчивыхъ спутниковъ, жующихъ табакъ, читающихъ газеты, заламывающихъ шляпы на всѣ фасоны кромѣ настоящаго, протягивающихъ ноги повсюду кромѣ пола. Разговоръ ихъ безконечно надоѣдалъ ему, а присутствіе ихъ было для него существымъ наказаніемъ. Онъ не хотѣлъ болѣе подчиняться этому рабству. Онъ охотно промѣнялъ бы свое сенаторство на свѣтскій домъ, подобный дому мистриссъ Ли, съ такою же хозяйкой

во главѣ его какъ мистриссъ Ли, и съ двадцатью тысячами годоваго дохода на всю остальную жизнь. Онъ только разъ весь вечеръ улыбнулся при мысли, какъ живо выгнала бы она изъ своихъ гостиныхъ всѣхъ этихъ дураковъ его политической клики, и съ какою кротостью подчинились бы они своему изгнанію въ людскую гдѣ нѣтъ ничего кромѣ клеенчатаго половика и двухъ камышевыхъ стульевъ, вмѣсто мебели. Онъ чувствовалъ что мистриссъ Ли была для него нужнѣе самаго президентства; онъ не могъ обходиться безъ нея; онъ нуждался въ человѣческомъ обществѣ; въ христіанскомъ утѣшеніи для наступающей старости; въ какомъ-нибудь проводникѣ для сообщенія съ тѣмъ „свѣтомъ“, въ сравненіи съ которымъ все его окружающее казалось ему холоднымъ и гнусавымъ; онъ жаждалъ прикосновенія утонченнаго ума и нравовъ, подлѣ которыхъ его собственные казались ему грубыми. Онъ чувствовалъ себя невыразимо одинокимъ. Ему хотѣлось чтобы мистриссъ Ли позвала его къ себѣ обѣдать. Но мистриссъ Ли легла въ постель съ головною болью, и онъ не увидитъ ее ранѣе какъ чрезъ недѣлю. Потомъ мысли его снова вернулись къ утру, проведенному въ Маунтъ-Вернонѣ, и, вспомнивъ о мистриссъ Самъ-Бекеръ, онъ взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ къ Вильсону Кину, эсквайру, въ Джорджтоунъ, приглашая его побывать у него по дѣлу завтра, если можно, около часу. Вильсонъ Кинъ былъ начальникъ секретнаго отдѣленія въ министерствѣ финансовъ и, какъ хранитель всякихъ тайнъ, часто былъ призываемъ на помощь сенаторами, требованія коихъ исполнялъ онъ весьма обязательно, въ особенности если они мѣтили на постъ министра финансовъ.

Отправивъ это письмо, Ратклифъ снова впалъ въ раздумье которое видимо порождало въ немъ еще большее недовольство. Наконецъ, внезапно вставъ со своего мѣста и съ подавленнымъ ругательствомъ прошелтавъ: „это невыносимо!“ онъ объявилъ своимъ посѣтителямъ что къ сожалѣнію долженъ ихъ оставить, потому что чувствуетъ себя дурно и долженъ лечь въ постель. И онъ дѣйствительно легъ въ постель, между тѣмъ какъ гости его разбрелись кого куда влекли дѣла или вкусы. Одни отправились пить водку, другіе отдыхать.

Въ воскресенье утромъ мистеръ Ратклифъ по обыкновенію пошелъ въ церковь. Онъ всегда присутствовалъ при утренней

службѣ въ методистской епископальной церкви, не столько по религіозному убѣжденію сколько потому что большинство его избирателей посѣщали церковь и онъ не хотѣлъ умышленно оскорблять ихъ принциповъ пока нуждался въ ихъ голосахъ. Въ церкви онъ стоялъ устремивъ глаза на пастора и по окончаніи проповѣди могъ по совѣсти сказать что не слыхалъ изъ нея ни единаго слова, хотя почтенный проповѣдникъ былъ весьма польщенъ вниманіемъ оказаннымъ его проповѣди сенаторомъ изъ Иллинойса, вниманіемъ тѣмъ болѣе лохвальнымъ что важныя политическія заботы должны были въ настоящую минуту отвлекать умъ сенатора. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи пасторъ былъ правъ, умъ Ратклифа дѣйствительно былъ озабоченъ политическими дѣлами, и одна изъ главнѣйшихъ причинъ его хожденія въ церковь заключалась въ томъ что тамъ онъ могъ часокъ-другой предаться совершенно спокойному, ничѣмъ не нарушаемому размышленію. Въ теченіе всей службы онъ занятъ былъ придумываньемъ различныхъ разговоровъ съ новымъ президентомъ. Онъ представлялъ себѣ послѣдовательно всѣ предложенія какія могъ ему сдѣлать президентъ, всякую ловушку которую тотъ могъ ему поставить, всякаго рода поступки какихъ можно было ожидать отъ него, такъ чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ и чтобъ его откровенной простой натурѣ не пришлось стать въ тупикъ. Одного впрочемъ долго не могъ рѣшить онъ. Долуская, а это было болѣе чѣмъ вѣроятно, что нерасположеніе президента къ завѣдомымъ друзьямъ Ратклифа закроетъ имъ доступъ къ должностямъ, необходимо было найти какого-нибудь новаго кандидата въ члены кабинета который не былъ бы непріятенъ президенту. Но кого же выбрать? Ратклифъ долго думалъ, пріискивая человѣка который будучи самымъ могущественнымъ представителемъ ихъ интересовъ возбуждалъ бы наименьшую къ себѣ непріязнь. Этотъ предметъ все еще вертѣлся у него въ головѣ въ минуту окончанія службы. Ратклифъ не переставалъ о немъ думать даже на возвратномъ пути домой и только у подъѣзда пришелъ онъ къ послѣднему заключенію что на это годится Карсонъ изъ Пенсильваніи. Президентъ вѣроятно никогда и не слыхалъ о немъ.

Мистеръ Вильсонъ Кингъ уже ожидалъ возвращенія сенатора. Это былъ тучный человѣкъ съ квадратнымъ лицомъ и добродушно живыми голубыми глазами; говорилъ онъ мало,

но всегда обдумано. Свиданіе было коротко. Мистеръ Ратклифъ извинился предъ нимъ что въ виду близкаго закрытія сессіи онъ вынужденъ былъ нарушить святость воскреснаго дня дѣлами. На разсмотрѣніе одного изъ его комитетовъ поступилъ недавно билль, требовавшій немедленнаго о себѣ доклада и относившійся къ дѣламъ о коихъ вѣдалъ единственно покойный Самуилъ Бекеръ, нѣкогда извѣстный посѣтитель парламентскихъ корридоровъ въ Вашингтонѣ. Но такъ какъ его уже не было на свѣтѣ, то мистеръ Ратклифъ желалъ бы знать, не осталось ли послѣ него какихъ-нибудь бумагъ и въ чьихъ рукахъ онѣ находятся, а также не извѣстны ли его дѣла кому-либо изъ бывшихъ его товарищей или компаніоновъ.

Мистеръ Кинъ записалъ въ свою памятную книжку просьбу Ратклифа, замѣтивъ только что онъ хорошо былъ знакомъ съ Бекеромъ и отчасти даже съ его женой которая, какъ полагаютъ, знала его дѣла не хуже его самого и до сихъ поръ находится въ Вашингтонѣ. Онъ сказалъ что чрезъ день, много два, надѣется доставить ему всѣ необходимыя свѣдѣнія. Затѣмъ, когда онъ собрался уѣзжать, мистеръ Ратклифъ прибавилъ что какъ свиданіе ихъ, такъ и разговоръ должны быть сохранены въ тайнѣ чтобы не возбудить подозрѣнія въ людяхъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ и могущихъ помѣшать производству слѣдствія. Мистеръ Кинъ далъ свое согласіе и удалился.

Все это казалось довольно естественнымъ и отнюдь не предосудительнымъ, по крайней мѣрѣ на взглядъ. Будь у мистера Кина побольше любопытства относительно чужихъ дѣлъ и пожелай онъ ознакомиться съ тою законодательною мѣрой которая вызвала разспросы Ратклифа, ему долго пришлось бы искать ее между документами конгресса и въ концѣ концовъ придти въ полное недоумѣніе. На самомъ дѣлѣ никакой подобной мѣры и не существовало. Все это была одна выдумка. Съ самой смерти Бекера мистеръ Ратклифъ едва ли не впервые вспомнилъ о немъ въ тотъ день какъ увидалъ наканунѣ его вдову на пароходѣ *Маунтъ-Вернонъ* и открылъ ея сношенія съ Каррингтономъ. Нѣчто особенное въ манерахъ послѣдняго и его обращеніи съ нимъ, Ратклифомъ, уже давно поражало сенатора, а близость Каррингтона съ мистриссъ Бекеръ внушила сенатору мысль что не худо будетъ имѣть надзоръ за обоими. Онъ зналъ что мистриссъ Бекеръ

женщина недальняго ума, а такъ какъ у сенатора съ ея мужемъ были старыя дѣла, которыя могли быть ей извѣстны, то Ратклифъ вовсе не желалъ видѣть ихъ доведенными до свѣдѣнія мистриссъ Ли. Что же касается басни сочиненной имъ для того чтобы пріобрѣсти содѣйствіе Кина, она была совершенно невинна и никому не могла причинить вреда. Ратклифъ выбралъ именно этотъ способъ наведенія справокъ какъ самый легкій, безопасный и дѣйствительный. Еслибъ онъ всегда выжидалъ время чтобы сказать истинную правду, дѣла его скоро пришли бы въ застой, а карьера совершенно бы погибла.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ сенаторъ изъ Иллинойса провелъ все послѣобѣденное время въ визитахъ къ товарищамъ сенаторамъ, и первымъ удостоившимся его посѣщенія былъ мистеръ Креббсъ изъ Пенсильваніи. Содѣйствіе этого высокоумнаго политика было по многимъ причинамъ весьма важно въ настоящее время для мистера Ратклифа. Главнѣйшая изъ нихъ заключалась въ томъ что пенсильванская делегація въ конгрессѣ была хорошо дисциплинирована и могла быть особенно полезна какъ орудіе „давленія“. Успѣхъ Ратклифа въ борьбѣ его съ новымъ президентомъ зависѣлъ отъ силы „давленія“ которое онъ могъ употребить. Держась самъ позади, раскинуть надъ головой неопытнаго правителя сѣть хитросплетенныхъ вліяній, изъ которыхъ каждое само по себѣ было ничтожно, всѣ же вмѣстѣ взятыя несокрушимы; возродить утраченное искусство римскаго ретіарія, который находясь на недосягаемомъ разстояніи, набрасывалъ издали сѣть на своего противника прежде чѣмъ поразить его кинжаломъ,—таковъ былъ планъ Ратклифа, и къ исполненію этого плана направлены были всѣ его дѣйствія въ продолженіе уже многихъ недѣль. Сколько нужно было ему для этого торговаться и обѣщать, зналъ только онъ одинъ. Около этого времени мистриссъ Ли немного удивилась услыхавъ съ какою увѣренностью говорилъ мистеръ Горъ о поддержкѣ которую окажетъ ему Ратклифъ для полученія мѣста посланника въ Испаніи, между тѣмъ какъ до сихъ поръ она думала что Горъ не въ ладахъ съ Ратклифомъ. Она замѣтила также что и Шнейдекулонъ, по возвращеніи, таинственно говорилъ о своихъ свиданіяхъ съ Ратклифомъ, о попыткахъ соединить интересы Нью-Йорка съ интересами Пенсильваніи, и съ мрачнымъ драматическимъ выраженіемъ лица

провозглашалъ что онъ никогда не потерпитъ чтобы покровительственные принципы были принесены въ жертву. Потомъ Шнейдекуломъ снова исчезъ такъ же быстро какъ и появился; и изъ наивныхъ жалобъ Сибиллы на его нравъ и дурное настроеніе духа мистриссъ Ли не замедлила вывести заключеніе что мистеръ Ратклифъ, мистеръ Клинтонъ и мистеръ Креббсъ соединенными силами налегали на бѣднаго Шнейдекулона чтобъ устранить его неудобное вліяніе со сцены дѣйствія на то время пока другіе успѣютъ устроить свои дѣла; но это были только ничтожные случаи, случайно не ускользнувшіе отъ наблюдательности мистриссъ Ли. Она чувствовала себя въ атмосферѣ барышничества и интриги, не подозрѣвая какъ далеко простиралась эта атмосфера. Даже Каррингтонъ, съ которымъ она заговорила объ этомъ, только засмѣялся и покачалъ головой: „Эти дѣла держатся въ тайнѣ, милая моя мистриссъ Ли, и намъ съ вами никогда не узнать ихъ“, сказалъ онъ.

Въ это самое воскресенье вечеромъ сенаторъ намѣренъ былъ пустить въ ходъ свой маленькій маневръ относительно Карсона изъ Пенсильваніи. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Креббсъ принялъ Карсона и обѣщалъ выдвинуть его впередъ какъ только представится случай.

Ратклифъ былъ великій политикъ. Онъ дѣйствовалъ съ удивительною ловкостью. Ни одинъ политикъ въ мірѣ и даже ни одинъ изъ политиковъ этой страны не сумѣлъ бы, такъ говорили его поклонники, согласить между собою столько враждебныхъ другъ другу интересовъ и произвести такую фантастическую комбинацію. Нѣкоторые утверждали даже что онъ „скрутитъ“ самого президента прежде чѣмъ старикъ успѣетъ стать съ нимъ на ножи“. Особенно замѣчательно было его искусство обходить принципіальные вопросы. Дѣло шло теперь не о принципахъ, благоразумно замѣчалъ Ратклифъ, но о власти. Судьба этой благородной партіи, имѣвшей незабвенное прошедшее и къ которой всѣ они принадлежали, зависѣла теперь отъ устраненія принциповъ. Ихъ принципъ долженъ былъ состоять въ отсутствіи всякихъ принциповъ. Находились, впрочемъ, люди возражавшіе на это что Ратклифъ далъ неисполнимыя обѣщанія и внесъ въ свою комбинацію такіе элементы раздора преодолѣть кои было почти не по силамъ человѣка; но онъ тонко

замѣчалъ что нужно подождать недѣлю и обѣщанія его оправдаются.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ понедѣльникъ послѣ полудня прибылъ въ Вашингтонъ новоизбранный президентъ и комедія началась. Новый президентъ былъ почти такой же неизвѣстный *x* въ политической математикѣ какъ Авраамъ Линкольнъ или Франклинъ Пирсъ. Когда, во время національнаго конвента партіи, девять мѣсяцевъ тому назадъ, Ратклифу не достало только трехъ голосовъ для полученія большинства и нѣсколько дюжинъ шаровъ брошенныхъ въ его пользу оказались безплодными, противники его сдѣлали то же самое что̀ дѣлалъ онъ въ настоящую минуту. Они отложили принципы въ сторону и выбрали своимъ кандидатомъ простаго фермера изъ Индіаны, политическая опытность котораго ограничивалась тѣмъ что онъ говорилъ когда-то рѣчь въ своемъ родномъ штатѣ и прослужилъ три года губернаторомъ. Они выбрали его не потому чтобы находили его достойнымъ, а надѣялись черезъ это оттягать у Ратклифа Индіану, и настолько успѣли въ своемъ намѣреніи что не прошло пятнадцати минутъ какъ друзья Ратклифа были разбиты и президентство досталось этому новому политическому Буддѣ.

Онъ началъ свою карьеру простымъ каменотесомъ въ каменоломнѣ и не безъ основанія гордился этимъ фактомъ. Въ продолженіе выборовъ обстоятельство это играло важную роль во мнѣніи или, точнѣе сказать, въ глазахъ всего общества. Одни называли его „Уабашскимъ каменотесомъ“, другіе—„Хузіеромъ каменьщикомъ“ *, но болѣе всего любилъ онъ данное ему прозвище „Старый вранитъ“, хотя это послѣднее милое для него названіе, благодаря несчастному сходству звуковъ, было умышленно измѣнено его противниками въ „Старый Гранитъ“. Нѣсколько тысячъ ярдовъ холста потрачено было на малеваніе его портретовъ, на которыхъ его изображали то съ громаднымъ молотомъ въ рукахъ, разбивающимъ черепа (фигурировавшіе тутъ въ видѣ булыжниковъ) своихъ политическихъ враговъ, то раздробляющимъ на огромныя глыбы гигантскій утесъ, обозначавшій

---

* *Хузіерами* называютъ гражданъ штата Индіаны за то что когда къ нимъ стучатся въ дверь, они обыкновенно грубо окликаютъ: *Who's yere* (кто тамъ)?

противную партію. Враги же его выставляли другаго рода картинки, изображавшія каменьщика въ одеждѣ государственнаго преступника, разбивающимъ головы Ратклифа и другихъ извѣстныхъ политическихъ вожаковъ самымъ легкимъ молоточкомъ; или въ видѣ „Стараго Гранни“ въ нищенскомъ рубищѣ, тщетно пытающагося вымостить тѣми же головами плохо содержимые и грязные пути своей партіи. Но всѣ эти оскорбленія приличія и здраваго смысла были повсемѣстно порицаемы людьми благонамѣренными, и можно было съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ что наиболѣе нравственные и благовоспитанные издатели газетъ въ одинъ голосъ называли каменотеса благороднымъ типомъ, едва ли не самымъ благороднымъ изо всѣхъ украшавшихъ собою страну послѣ несравненнаго Вашингтона.

Что онъ былъ честенъ, это всѣ допускали; или лучше сказать, всѣ подавшіе за него свои голоса. Это общая характеристика всѣхъ новыхъ президентовъ. А что онъ самъ гордился своею доморощенною честностью, это уже составляло особенную черту свойственную всѣмъ аристократамъ природы. Сознавая что онъ ничѣмъ не обязанъ политикамъ, какъ ему казалось, но сочувствуя всѣми фибрами своей не себялюбивой природы порывамъ и стремленіямъ народа, онъ заявилъ что сочтетъ своимъ первымъ долгомъ защищать народъ отъ политиковъ, этихъ коршуновъ, этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ, этихъ гарпій и гіенъ, какъ онъ называлъ ихъ; эпитеты, подъ которыми нужно было понимать Ратклифа и его друзей. Его главнѣйшимъ политическимъ принципомъ были враждебныя дѣйствія противъ Ратклифа; но при всемъ этомъ онъ не былъ мстителенъ. Онъ прибылъ въ Вашингтонъ съ рѣшимостью быть отцомъ для своей страны, заслужить безсмертіе и... вторичное избраніе.

И вотъ на этого-то джентльмена Ратклифъ направилъ всѣ виды „давленія“ какіе только можно было пустить въ ходъ въ Вашингтонѣ или внѣ его. Съ той самой минуты какъ президентъ покинулъ свой скромный коттеджъ въ южной Индіанѣ друзья Ратклифа овладѣли имъ и осыпали его изъявленіями своей дружбы. Они не дали старику ни разу намекнуть на возможность непріязненныхъ чувствъ. Они уговорились считать несомнѣннымъ что между нимъ и его партіей существуетъ самая искренная привязанность. По пріѣздѣ его въ Вашингтонъ они систематически оградили его ото

всякаго другаго вліянія кромѣ своего собственнаго, что было весьма легко сдѣлать, такъ какъ при всемъ своемъ величіи онъ любилъ чтобъ ему объ этомъ говорили и они дали ему почувствовать что онъ колоссъ. Даже тѣхъ немногихъ друзей его которые при немъ находились, они обошли такъ ловко и хитро что не прошло дня по пріѣздѣ ихъ въ Вашингтонъ, какъ ихъ слабостями успѣли уже воспользоваться. Несправедливо было бы сказать что Ратклифъ принималъ прямое участіе въ этой низкой, подлольной интригѣ. Мистеръ Ратклифъ былъ человѣкъ исполненный самоуваженія, предоставлявшій всѣ подробности дѣла своимъ подручникамъ. Онъ спокойно выжидалъ чтобы президентъ, отдохнувъ послѣ утомительнаго путешествія, почувствовалъ на себѣ вліяніе вашингтонской атмосферы. Затѣмъ въ середу утромъ мистеръ Ратклифъ вышелъ изъ своей квартиры часомъ ранѣе обыкновеннаго чтобъ отправиться въ сенатъ и по дорогѣ позвонилъ у дверей президентскаго дома. Его ввели въ большую комнату, гдѣ новый правитель уже давалъ аудіенціи, но при видѣ Ратклифа всѣ прочіе посѣтители посторонились, взяли шляпы и вышли изъ пріемной. Президентъ оказался человѣкомъ лѣтъ шестидесяти, съ жесткими чертами лица, крючковатымъ носомъ и жиденькими, прямыми, сѣро-желѣзнаго цвѣта волосами. Голосъ его былъ еще жестче его лица, и онъ принялъ Ратклифа весьма неуклюже. Съ самаго отъѣзда изъ Индіаны онъ чувствовалъ себя нехорошо. Тамъ, на родинѣ, ему казалось что отстранить Ратклифа будетъ такъ же легко какъ смахнуть блоху съ руки, но въ Вашингтонѣ онъ увидалъ что это будетъ немного помудренѣе. Даже его индіанскіе друзья становились серіозными и качали головой, когда онъ заводилъ объ этомъ рѣчь. Они совѣтовали ему быть осторожнымъ и выждать время; а покамѣстъ только подзадоривать Ратклифа, довести его до ссоры и на него же, если возможно, свалить за это отвѣтственность. И потому онъ былъ похожъ теперь на медвѣдя въ процессѣ приученія; сердитый, грубый и въ то же время озадаченный и какъ бы немного испуганный. Ратклифъ посидѣлъ съ нимъ минутъ десять, слушая разказъ о томъ какъ президенту понездоровилось наканунѣ отъ излишняго употребленія свѣжихъ морскихъ раковъ, роскошь которую онъ дозволилъ себѣ въ видѣ развлеченія послѣ государственныхъ трудовъ. Потомко-

вавъ объ этомъ немного и выразивъ свое соболѣзнованіе, Ратклифъ всталъ и простился.

Все что только есть въ политикѣ хитростей и уловокъ, все было пущено въ ходъ противъ Хузіера каменьщика. Изъ разныхъ штатовъ посылали къ нему съ самыми противорѣчивыми просьбами делегаціи, изъ коихъ массачузетская просила только объ одномъ назначить мистера Гора посланникомъ въ Испанію. Множество затрудненій придумано было чтобъ измучить его и привести его въ замѣшательство. Много ложныхъ внушеній, много ложныхъ сообщеній сдѣлано было ему, искусно перемѣшаныхъ съ правдой. Съ утра до ночи происходила предъ его глазами какая-то дикая пляска, пока наконецъ умъ его помутился въ усиліяхъ слѣдить за ней. Нашли даже средство совратить одного изъ его ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ друзей пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Индіаны, у котораго оказалось также мало ума и чести какъ и у остальныхъ; чрезъ него каждое слово президента дѣлалось тотчасъ же извѣстнымъ Ратклифу.

Рано утромъ въ пятницу мистеръ Томасъ Лордъ, соперникъ покойнаго Самуила Бекера, унаслѣдовавшій и его славу, явился въ квартиру Ратклифа въ то время какъ сенаторъ одиноко завтракалъ яйцомъ и котлетой. Мистеръ Лордъ избранъ былъ надзирать за партіей президента и руководить всѣми дѣлами находившимися въ связи съ интересами Ратклифа. Иные быть-можетъ назвали бы это шпіонствомъ, но онъ смотрѣлъ на свою обязанность какъ на общественный долгъ. Онъ донесъ сенатору что въ „Старомъ Граннѣ“ показались наконецъ признаки слабости. Поздно вечеромъ наканунѣ, куря по обыкновенію трубку, окруженный „кухоннымъ кабинетомъ“ своихъ приверженцевъ, онъ снова заговорилъ о Ратклифѣ и съ запалъ ругательствъ поклялся что онъ еще укажетъ ему мѣсто и приготовитъ для него такое кресло въ настоящемъ кабинетѣ на которомъ ему будетъ жестче сидѣть чѣмъ „свиньѣ на колу“. Изъ этого замѣчанія и нѣсколькихъ послѣдовавшихъ за тѣмъ намековъ можно было заключить что каменотесъ отказался отъ своего намѣренія немедленно подвергнуть Ратклифа политической смерти и рѣшилъ пригласить его въ кабинетъ, составъ котораго былъ спеціально приноровленъ къ тому чтобъ унизить и оскорбить сенатора. Замѣчаніе одного совѣтника что въ кабинетѣ Ратклифъ будетъ менѣе опасенъ чѣмъ въ сенатѣ и что его

оттуда легче будетъ выжить, вызвало горячее одобреніе со стороны президента.

Ратклифъ угрюмо улыбался въ то время какъ мистеръ Лордъ весьма искусно передразнивалъ манеры и разговоръ президента, но онъ не сказалъ ни слова и выжидалъ что будетъ. Въ тотъ же вечеръ получилъ онъ отъ частнаго секретаря президента записку съ просьбой явиться къ нему, если можно, завтра, въ субботу, въ десять часовъ утра. Записка была холодна и коротка; Ратклифъ велѣлъ отвѣчать на словахъ что онъ будетъ, и пожалѣлъ лишь о томъ что по незнанію этикета президентъ не пойметъ что этимъ словеснымъ отвѣтомъ ему дѣлаютъ намекъ быть повѣжливѣе. На другой день онъ явился на приглашеніе и нашелъ президента еще угрюмѣе чѣмъ въ первый разъ. На этотъ разъ нельзя было нѣжничать. Президентъ рѣшился показать Ратклифу что онъ командиръ и сразу приступилъ къ дѣлу: „Я послалъ за вами, сказалъ онъ,—чтобы выслушать вашъ совѣтъ относительно моего кабинета. Вотъ списокъ лицъ которыхъ я намѣренъ пригласить въ него. Изъ него вы увидите что вамъ я назначаю финансы. Не угодно ли вамъ просмотрѣть этотъ списокъ и сказать мнѣ что вы о немъ думаете?“

Ратклифъ взялъ бумагу, но тотчасъ же положилъ ее на столъ, даже не взглянувъ на нее.

— Я ничего не могу имѣть противъ вашего кабинета каковъ бы ни былъ составъ его, лишь бы самому не быть въ числѣ его членовъ. Мое желаніе—остаться на своемъ мѣстѣ. Тамъ я могу быть гораздо полезнѣе для вашей администраціи нежели въ кабинетѣ.

— Стало-быть вы отказываетесь? проворчалъ президентъ.

— Нисколько. Я не хочу только ни подавать совѣта, ни узнавать именъ моихъ товарищей пока не рѣшено будетъ что мои услуги необходимы. Если да, то я дамъ свое согласіе, не заботясь о томъ съ кѣмъ я буду служить.

Президентъ тревожно взглянулъ на него. Что дѣлать теперь? Ему нужно было бы поразмыслить, но Ратклифъ сидѣлъ предъ нимъ и ждалъ его отвѣта. Онъ поневолѣ сдѣлался вѣжливѣе.

— Мистеръ Ратклифъ, вашъ отказъ все перевернетъ у меня, я думалъ что это дѣло уже рѣшеное. Что же еще могу я сдѣлать?

Но Ратклифъ не намѣренъ былъ такъ скоро выпустить президента изъ своихъ когтей, и потому между ними завя-

зался длинный разговоръ, въ теченіе котораго сенаторъ принудилъ своего противника настоятельно предложить ему портфель финансовъ дабы предупредить какую-нибудь серіозную бѣду въ сенатѣ. Наконецъ рѣшено было что Ратклифъ дастъ черезъ два дня положительный отвѣтъ, и затѣмъ онъ удалился.

Въ то время какъ онъ проходилъ коррридоромъ множество джентльменовъ ждали свиданія съ президентомъ и въ числѣ ихъ находилась вся пенсильванская делегація „готовая на бой", какъ замѣтилъ мистеръ Томъ Лордъ, подмигивая глазомъ. Ратклифъ отвелъ въ сторону Креббса, и они обмѣнялись нѣсколькими словами въ то время когда онъ уходилъ. Десять минутъ спустя делегація была принята, и нѣкоторые изъ ея членовъ съ удивленіемъ услыхали какъ ихъ представитель, сенаторъ Креббсъ, чрезвычайно настойчиво и отъ ихъ имени предлагалъ кандидатомъ въ кабинетъ Джосайю Б. Карсона, между тѣмъ какъ до сихъ поръ имъ дано было понять что они пришли рекомендовать Джареда Калдвелла на должность почтмейстера въ Филадельфію. Но Пенсильванія великій и добродѣтельный штатъ, представители котораго имѣютъ полное довѣріе къ своему вождю. Ни одинъ изъ нихъ даже не шевельнулъ бровью.

Демократическая пляска вокругъ президента началась съ удвоеннымъ бѣшенствомъ. Ратклифъ выпустилъ свои послѣднія стрѣлы. Онъ выпросилъ эти два дня отсрочки съ единственною цѣлью—пустить въ ходъ новыя вліянія. Не нужно ему было никакой отсрочки, ни времени для размышленія. Президентъ задумалъ посадить его на рога дилеммы: или насильно втолкнувъ его во враждебный и вѣроломный кабинетъ, или возложивъ на него отвѣтственность за отказъ и ссору. А онъ со своей стороны хотѣлъ ухватиться за одинъ изъ этихъ роговъ и посадить на нихъ самого президента, нисколько не сомнѣваясь въ своемъ успѣхѣ. Онъ намѣренъ былъ принять портфель финансовъ и готовъ былъ побиться объ закладъ что черезъ какихъ-нибудь шесть недѣль правленіе совершенно перейдетъ въ его руки. Презрѣніе его къ Хузіерукаменотесу было безгранично, а увѣренность въ самомъ себѣ была сильнѣе чѣмъ когда-либо.

Несмотря на дѣла и недостатокъ времени, сенаторъ все-таки отправился на слѣдующій день вечеромъ къ мистриссъ Ли, и заставъ ее одну съ Сибиллой, которая была занята

своими собственными маленькими планами, Ратклифъ разказалъ Магдалинѣ происшествія послѣдней недѣли. Но о своихъ подвигахъ онъ не распространялся. Напротивъ, онъ совершенно умолчалъ о тѣхъ ловкихъ продѣлкахъ съ помощью коихъ онъ забралъ въ свои руки президента. Онъ представилъ себя одинокимъ, беззащитнымъ, въ родѣ того честнаго животнаго которое, будучи позвано на обѣдъ ко льву, видитъ всѣ слѣды своихъ предшественниковъ идущими въ направленіи къ пещерѣ льва и ни одного слѣда выходящаго изъ пещеры. Онъ весьма юмористично и подробно описалъ ей свои свиданія съ индіанскимъ львомъ, а разказъ о томъ какъ старикъ объѣлся морскихъ раковъ передалъ на діалектѣ самого президента. Онъ даже повторилъ ей дословно сообщенія мистера Тома Лорда, не исключая ругательствъ и жестовъ, разказалъ ей въ какомъ положеніи находились дѣла въ настоящую минуту и какъ президентъ поставилъ ему ловушку изъ которой ему невозможно выпутаться. Или онъ долженъ принять мѣсто въ совѣтѣ составленномъ нарочно для того чтобъ ему противодѣйствовать и наконецъ постыдно изгнать его при первой возможности; или онъ долженъ отказаться отъ предлагаемой дружбы, навлечь на себя этимъ обвиненіе въ ссорѣ и дать возможность президенту приписывать „всѣ будущія затрудненія ненасытному честолюбію Ратклифа“. „И потому, мистриссъ Ли“, продолжалъ онъ, становясь серіознѣе и серіознѣе, „мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ: что мнѣ дѣлать?“

Даже это неполное раскрытіе низости искажавшей политику, этотъ односторонній видъ человѣческой природы въ ея голомъ безобразіи, играющей интересами сорока милліоновъ людей, возбудили глубокое отвращеніе въ душѣ Магдалины и привели ее въ уныніе. Ратклифъ безпощадно показалъ ей все кромѣ своихъ собственныхъ нравственныхъ язвъ. Онъ не преминулъ обратить ея вниманіе на каждое пятно отъ проказы у своихъ ближнихъ, на каждую дыру въ ихъ гнилой одеждѣ, на каждую тинистую и зловонную лужу стоявшую на ихъ дорогѣ. Это придавало только большій блескъ его собственнымъ качествамъ. Ему хотѣлось чтобъ она шла съ нимъ рука объ руку мимо этого озера, кишащаго сѣрой и жупеломъ и чѣмъ отвратительнѣе оно ей покажется, тѣмъ поразительнѣе выступитъ его превосходство. Ему хотѣлось разрушить тѣ сомнѣнія относительно его репутаціи которыя такъ тщательно поддерживалъ въ ней Каррингтонъ, возбу-

дить ея сочувствіе, воспламенить въ ней женственное чувство самоложертвованія.

Когда онъ поставилъ ей свой вопросъ, она взглянула на него съ выраженіемъ гордаго негодованія.

— Я опять повторяю вамъ то что уже говорила раньше, мистеръ Ратклифъ. Дѣлайте все что найдете полезнымъ для общественнаго блага.

— А что по вашему *полезнѣе* для общественнаго блага?

Магдалина уже готова была отвѣть, какъ вдругъ остановилась и устремила глаза на огонь камина. И въ самомъ дѣлѣ, *что полезнѣе* для общественнаго блага? Какъ протискаться общественному благу въ этомъ лабиринтѣ личныхъ интригъ, въ этихъ дикихъ дебряхъ тупыхъ натуръ, гдѣ нѣтъ ни одной прямой дороги, а есть только кривыя, безвѣстныя тропинки, проложенныя звѣрьемъ и пресмыкающимися? Гдѣ слѣдовало ей искать руководящихъ принциповъ, идеаловъ для поклоненія и стремленія къ нимъ?

Ратклифъ снова обратился къ ней съ мольбой, и тонъ его сталъ еще серіознѣе.

— Я въ крайне затруднительномъ положеніи, мистриссъ Ли, враги окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ, они хотятъ погубить меня. Я искренно желаю исполнить свой долгъ. Вы сказали однажды что личныя соображенія должны быть откинуты. Прекрасно! Откинемъ ихъ! Ну, а теперь скажите же мнѣ, что мнѣ дѣлать?

Въ первый разъ почувствовала мистриссъ Ли его силу. Онъ былъ простъ, прямъ, искренекъ. Его слова тронули ее. Могла ли она думать что онъ играетъ ея воспріимчивою натурой точь-въ-точь какъ игралъ грубою натурой президента, что въ этомъ дюжемъ западномъ политикѣ таятся инстинкты дикаго Индійца, его тонкость и быстрота соображенія, что онъ угадалъ ея характеръ и читаетъ въ ея душѣ такъ же какъ онъ разбиралъ изо дня въ день лица и голоса цѣлыхъ тысячъ другихъ людей? Ей стало неловко отъ его взгляда. Она хотѣла заговорить, но на половинѣ фразы остановилась, оборвала ее и умолкла. Она совершенно утратила свободу мысли и сидѣла какъ приговоренная, такъ что ему же пришлось выводить ее изъ смущенія, котораго самъ онъ былъ причиной.

— Я угадываю ваши мысли по вашему лицу. Вы хотите сказать что я долженъ исполнить свой долгъ и пренебречь послѣдствіями.

— Не знаю, робко отвѣчала Магдалина.—Да, мнѣ кажется, я дѣйствительно это думала.

— А если я ладу жертвой зависти и интригъ этого человѣка, что̀ подумаете вы тогда, мистриссъ Ли? Не скажете ли вы вмѣстѣ съ прочими что я обманулся и пошелъ въ эту ловушку съ открытыми глазами ради своихъ собственныхъ цѣлей? Не думаете ли вы что обо мнѣ будутъ лучшаго мнѣнія если я поладусь въ нее? Я не хвастаю высокими нравственными взглядами подобно нашему другу Френчу. Я не буду лицемѣрно толковать о добродѣтели. Но я смѣло говорю что въ своей общественной жизни я старался поступать хорошо. Будете ли вы настолько справедливы чтобы согласиться съ этимъ?

Магдалина все еще боролась. Она не хотѣла связывать себя относительно этого человѣка никакими неопредѣленными обѣщаніями сочувствія къ нему. Каковы бы ни были ея симпатіи, она будетъ держать его въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Она не дастъ ему слова дѣйствовать съ нимъ за одно. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она сказала ему что ея личное мнѣніе теперь какъ и всегда ровно ничего не значитъ, что это глупость, пустяки, и что единственная награда на которую имѣетъ право разчитывать общественный дѣятель есть его собственное сознаніе справедливости своихъ поступковъ.

— А между тѣмъ вы суровый критикъ, мистриссъ Ли. Если мысли ваши дѣйствительно таковы какъ вы говорите, то слова ваши далеко не то. Вы судите по отвлеченнымъ принципамъ и управляете стрѣлами божественнаго правосудія. Вы смотрите, произносите свой приговоръ, но отъ оправданія отказываетесь. Въ то время какъ я обращаюсь къ вамъ, готовясь сдѣлать быть-можетъ роковой шагъ въ моей жизни и прошу только указать мнѣ тотъ нравственный принципъ который долженъ руководить мною, вы смотрите на меня и говорите что добродѣтель сама себѣ награда. Но при этомъ вы не хотите даже сказать въ чемъ состоитъ добродѣтель.

— Каюсь въ своихъ грѣхахъ, грустно и кротко сказала Магдалина,—жизнь гораздо сложнѣе чѣмъ я думала.

— Хорошо, я буду руководиться вашимъ совѣтомъ, сказалъ Ратклифъ; — я брошусь въ эту берлогу дикихъ звѣрей если вы считаете это моимъ долгомъ. Но вы должны взять на себя отвѣтственность. Вы не можете оставить

меня одинокимъ среди опасностей, въ которыя вы же меня вовлекли.

— Нѣтъ! нѣтъ! серіозно воскликнула Магдалина;—я не беру на себя никакой отвѣтственности. Вы требуете болѣе чѣмъ я могу дать.

Ратклифъ съ минуту глядѣлъ на нее со смущеннымъ и озабоченнымъ лицомъ. Глаза его казалось глубоко ушли въ свои темныя впадины, а голосъ звучалъ какою-то торжественностью:

— Долгъ остается долгомъ для васъ также какъ и для меня. Я имѣю право на помощь со стороны всѣхъ честныхъ душъ, а вы не имѣете права отказать мнѣ въ этомъ. Какъ можете вы слагать съ себя всякую отвѣтственность и въ то же время требовать ея отъ меня?

Съ этими словами онъ всталъ и удалился, едва давъ ей время прошептать свой слабый безполезный протестъ. Послѣ его ухода мистриссъ Ли долго сидѣла устремивъ глаза на огонь и размышляя о томъ что онъ сказалъ. Умъ ея былъ озадаченъ тѣми новыми намеками, которые вырвались у Ратклифа. Могла ли тридцатилѣтняя женщина со стремленіемъ къ безконечному противустоять такому наладенію? Могла ли женщина съ душой, видя предъ собою самаго могущественнаго общественнаго дѣятеля своего времени, взывающаго къ ней со взволнованнымъ выраженіемъ лица, голосомъ звучащимъ едва сдерживаемою страстью, молящаго ее о совѣтѣ и сочувствіи, могла ли она оставить его безъ отвѣта? Какая женщина не склонила бы голову предъ его упрекомъ въ чрезмѣрной самоувѣренности ея сужденія, упрекомъ идущимъ отъ человѣка который въ то же самое время обращался къ этому сужденію какъ къ своему послѣднему приговору? У Ратклифа тоже было замѣчательное чутье угадывать человѣческія слабости. Палецъ его съ вѣрностью магнитной стрѣлки указывалъ уязвимое мѣсто въ умѣ противника. Мистриссъ Ли нельзя было затронуть ни воззваніемъ къ ея религіозному чувству, ни къ ея честолюбію, ни къ ея любви. Всякое подобное воззваніе пролетѣло бы мимо ея ушей и осталось бы безотвѣтнымъ. Но она была женщина до послѣдней капли крови. Ея не могли бы заставить полюбить Ратклифа, но могли обольстить умоляя принести себя ему въ жертву. Недостатокъ преданности Богу она искупала преданностью къ человѣку. Въ ней было прирожденное женщинамъ стремленіе къ аскетизму, къ самоотреченію, къ самоотверженности. Всю

жизнь свою она дѣлала тяжкія усилія чтобы понять и исполнить свой долгъ. Ратклифъ зналъ ея слабый пунктъ и напалъ на нее именно съ этой стороны. Подобно всѣмъ великимъ ораторамъ и адвокатамъ, онъ былъ въ то же время и актеръ, и тѣмъ болѣе эффектный что исполнялъ свою роль съ достоинствомъ не допускавшимъ фамильярности. Онъ взывалъ къ ея симпатіи, къ ея чувству правды и долга, къ ея мужеству, благородству, къ ея лучшимъ нравственнымъ инстинктамъ; и взывая онъ почти убѣжденъ былъ что онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ какимъ выдаетъ себя и имѣетъ право на ея преданность. Удивительно ли что и сама она почти готова была признать это право? Она знала его теперь лучше чѣмъ знали его Каррингтонъ и Якоби. Ужь конечно человѣкъ говорившій такъ какъ онъ говорилъ долженъ имѣть и благородные инстинкты, и высокія цѣли. Развѣ его дѣятельность не въ тысячу разъ важнѣе ея собственной? Если онъ, одинокій и удрученный заботами, нуждался въ ея помощи, имѣетъ ли она право ему отказывать? Что такого драгоцѣннаго въ ея безцѣльной, безполезной жизни что помѣшало бы ей броситься въ бездну, еслибъ это понадобилось, для того только чтобъ осчастливить другое болѣе полное существованіе?

VIII.

Изо всѣхъ титуловъ когда-либо присвоенныхъ себѣ земными властителями, славнѣйшій принадлежитъ римскимъ папамъ: *Servus servorum Dei* (слуга слугъ Божіихъ). Въ прежнія времена не допускалось чтобы слуги діавола могли по праву принимать какое-либо участіе въ правленіи. Ихъ обрекали на исключеніе, кару, изгнаніе, пытку и сожженіе. Въ настоящее время у діавола нѣтъ болѣе слугъ; за то они есть у народа. Легко можетъ быть что доктрина по которой злые находясь въ большинствѣ являются посредниками между Богомъ и людьми добродѣтельными, не совсѣмъ справедлива, но родъ человѣческій возлагаетъ на нее свои надежды; и если маловѣрные сокрушаются иногда видя какъ человѣчество плыветъ по безбрежному океану на этой утлой доскѣ, которую религія и опытъ давно признали сгнившею,—люди между тѣмъ, считайте это заблужденіемъ или истиной, находятъ въ ней до сихъ поръ гораздо болѣе

надежную для себя опору чѣмъ въ самыхъ заманчивыхъ папскихъ принципахъ, такъ что долго еще придется ждать пока общество раскается.

Были или не были „слугами слугъ Божіихъ“ новый президентъ и его главный соперникъ Сила П. Ратклифъ, для насъ не существенно важно. Вѣрно то что они были чьими-то слугами. Безъ сомнѣнія, многіе изъ тѣхъ которые зовутъ себя слугами народа нисколько не лучше волковъ въ овечьей шкурѣ илиословъ во львиной кожѣ. Въ Капитоліи ихъ можно видѣть цѣлые десятки въ продолженіе сессіи конгресса, гдѣ они дѣлаютъ шумныя демонстраціи или, что̀ гораздо полезнѣе, не дѣлаютъ ровно ничего. Болѣе благоразумное поколѣніе воспользуется ими какъ простыми ремесленниками; въ настоящее же время они служатъ только самимъ себѣ. Но есть между ними впрочемъ два дѣятеля которые несутъ дѣйствительную службу — это президентъ и его министръ финансовъ. Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ какъ Хузіеръ Каменотесъ переселился въ Вашингтонъ, а уже онъ сильно тосковалъ по Индіанѣ. Ни одна поденщица въ какой-нибудь дешевой гостиницѣ не выбилась изъ силъ до такой степени какъ онъ. Всѣ были противъ него въ заговорѣ. Враги не давали ему покоя. Весь Вашингтонъ смѣялся надъ его промахами, а пасквильные листки, выходившіе по воскресеньямъ, съ наслажденіемъ печатали слова и поступки новаго правителя приправленные самымъ оскорбительнымъ юморомъ, и нарочно вывѣшивались враждебною рукой въ такихъ мѣстахъ гдѣ президентъ не могъ ихъ не замѣтить. Онъ былъ чутокъ къ насмѣшкамъ, и глубоко оскорблялся тѣмъ что его слова и поступки казавшіеся ему весьма разумными могли быть извращены до такой степени. Сверхъ того, онъ былъ обремененъ общественными дѣлами. Они лились на него потокомъ, котораго онъ въ отчаяніи не пытался уже болѣе сдерживать и давалъ ему нестись надъ своею головой подобно волнамъ. Умъ его помутился отъ безчисленнаго множества посѣтителей, которыхъ онъ долженъ былъ выслушивать. Но всего болѣе озабочивала его „вступительная рѣчь“, которой ему никакъ не давали окончить, между тѣмъ какъ чрезъ недѣлю онъ уже долженъ былъ произнести ее. Составленіе кабинета также раздражало его. Ему казалось что онъ ни за что̀ не можетъ приняться прежде чѣмъ порѣшитъ съ Ратклифомъ. Благодаря друзьямъ президента,

Ратклифъ уже сдѣлался для него необходимъ. Конечно, это былъ все-таки врагъ, своего рода Самсонъ котораго нужно было держать до того времени въ оковахъ пока не наступитъ время совершенно отъ него избавиться, но нужно было извлекать изъ него пользу. Порѣшивъ этотъ пунктъ, президентъ сталъ мысленно опираться на Ратклифа и за послѣдніе два откладывалъ всѣ дѣла до будущей недѣли, говоря: „когда устроится мой кабинетъ", что̀ означало: „когда я пріобрѣту содѣйствіе Ратклифа", и старикъ положительно приходилъ въ ужасъ, думая о возможности отказа съ его стороны.

Въ понедѣльникъ утромъ президентъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ ожиданіи часа назначеннаго для пріема Ратклифа. Онъ все еще былъ сильно взволнованъ, и хотя сознавалъ необходимость пользоваться Ратклифомъ, но тѣмъ не менѣе твердо рѣшился связать ему руки. Онъ заставитъ его вступить въ кабинетъ, гдѣ всѣ голоса будутъ противъ него. Онъ отнимаетъ у него всякую возможность оказывать какое-либо вліяніе. Онъ принудитъ его съ самаго начала принять эти условія. Но какъ представить ему все это въ такомъ видѣ чтобы не оттолкнуть его сразу? Всѣ эти соображенія были совершенно безполезны, но президентъ не подозрѣвалъ этого: онъ считалъ себя глубокимъ политикомъ направляющимъ судьбы Америки къ своему вторичному избранію. Когда наконецъ часы пробили десять и Ратклифъ съ послѣднимъ ударомъ ихъ вошелъ въ комнату, президентъ съ нервною поспѣшностью обернулся къ нему и, еще не подавая руки, уже выразилъ надежду что мистеръ Ратклифъ вѣроятно готовъ сейчасъ же приняться за работу. Сенаторъ отвѣчалъ что если таково непремѣнное желаніе президента, онъ не сдѣлаетъ болѣе никакихъ возраженій. Затѣмъ, принявъ позу американскаго Катона, президентъ произнесъ заранѣе приготовленную имъ рѣчь, въ которой высказалъ что при составѣ кабинета онъ обращалъ особенное вниманіе на общественные интересы; что мистеръ Ратклифъ существенно необходимъ для его соображеній; что онъ не предвидитъ между ними разногласія въ принципахъ, такъ какъ лишь одинъ принципъ слѣдуетъ признавать фундаментальнымъ, а именно—принципъ неувольненія отъ должностей безъ причины; и что въ силу этихъ обстоятельствъ онъ разчитываетъ

на помощь мистера Ратклифа какъ на патріотическій долгъ съ его стороны.

Все это Ратклифъ принялъ безъ малѣйшаго возраженія, а президентъ, болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденный въ своей глубокой политической мудрости, вздохнулъ наконецъ свободнѣе чѣмъ когда-либо за всю послѣднюю недѣлю. Въ продолженіе десяти минутъ они дѣятельно работали вмѣстѣ, разбирая массу наколившихся дѣлъ. Каменотесъ самъ удивлялся какъ легко ему становилось. Ратклифъ почти безъ усилія снялъ съ его плечъ тяготившую ихъ ношу. Онъ зналъ все и всѣхъ. Онъ сразу забралъ въ свои руки бо́льшую часть посѣтителей президента и выпроводилъ ихъ очень скоро. Ему извѣстно было все чего они хотѣли; онъ зналъ кто изъ нихъ имѣлъ сильную поддержку, кто слабую; съ кѣмъ нужно было обращаться деликатно, а съ кѣмъ рѣзко; кому можно было смѣло отказать, а кому позволительно было дать обѣщаніе. Президентъ довѣрилъ ему даже неоконченную рукопись вступительной рѣчи, которую Ратклифъ возвратилъ ему на другой же день съ такими примѣчаніями и поправками что оставалось только переписать ее набѣло. Кромѣ того, онъ оказался весьма пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ говорилъ хорошо и оживлялъ трудъ; онъ не былъ суровымъ сотрудникомъ, и когда замѣтилъ что президентъ утомленъ, то смѣло заявилъ что нѣтъ такого дѣла которое не могло бы подождать до завтра и затѣмъ повезъ утомленнаго каменотеса покататься часокъ-другой, давъ ему спокойно выспаться въ каретѣ. Обѣдали они вмѣстѣ, и Ратклифъ для общаго развлеченія не забылъ послать за Томомъ Лордомъ, такъ какъ Томъ Лордъ былъ остякъ, юмористъ и умѣлъ смѣшить президента. Мистеръ Лордъ заказывалъ обѣдъ и выбиралъ вина. Онъ умѣлъ быть настолько грубымъ чтобы придтись по вкусу даже президенту, и Ратклифъ со своей стороны не отставалъ отъ него. Когда же новый министръ ушелъ въ десять часовъ вечера домой, начальникъ его въ высшей степени довольный и обѣдомъ, и шампанскимъ, и своимъ разговоромъ, выругался какъ настоящій каменщикъ и съ совершенно неумѣстнымъ „гранитнымъ“ клятвіемъ объявилъ что Ратклифъ „во всякомъ случаѣ умный малый“ и что онъ весьма радъ что „обломалъ это дѣльце“.

Въ сущности Ратклифъ имѣлъ еще ровно десять дней до открытія новаго кабинета и въ эти десять дней долженъ былъ

такъ упрочить свою власть надъ президентомъ чтобы ничто уже не могло поколебать ея. Онъ не терялъ времени. Скоро окружающіе почувствовали на себѣ его руку.

Если къ президенту поступало дѣловое письмо или докладная записка, онъ сейчасъ же надписывалъ сверху: „передать министру финансовъ“. Если какой-нибудь посѣтитель просилъ чего-либо для себя или за другаго, отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же: „сообщите объ этомъ мистеру Ратклифу“; или „мистеръ Ратклифъ это разсмотритъ“.

Скоро онъ началъ даже шутить совершенно по-Катоновски, шутки его были не особенно остроумны, скорѣе угрюмы и грубоваты, но обличали однако безпокойное и самодовольное настроеніе. Какъ-то утромъ онъ отдалъ приказъ Ратклифу, взявъ броненосецъ, идти атаковать племя Сіу въ Монтанѣ и не забывать что ему одновременно поручены и армія, и флотъ, и Индійцы, и что онъ долженъ быть малымъ на всѣ руки; въ другой разъ онъ сказалъ одному морскому офицеру, который требовалъ военнаго суда надъ собою, чтобъ онъ выбралъ лучше судьей Ратклифа, такъ какъ Ратклифъ одинъ совмѣщаетъ въ себѣ весь военный судъ. Что Ратклифъ продолжалъ питать презрѣніе къ своему начальнику было весьма вѣроятно, но нельзя было утверждать этого навѣрное, такъ какъ въ обществѣ онъ хранилъ на этотъ счетъ глубокое молчаніе, и каждый разъ принималъ важный видъ какъ только рѣчь заходила о президентѣ.

Не прошло и трехъ дней какъ президентъ спросилъ его, съ большею чѣмъ обыкновенно рѣзкостью, извѣстно ли ему что-нибудь объ этомъ молодцѣ, Карсонѣ, котораго Пенсильванцы навязываютъ ему въ кабинетъ. Ратклифъ притаился; онъ сказалъ что почти не знаетъ его; что мистеръ Карсонъ, кажется, никогда не занимался политикой, но довольно приличный человѣкъ для Пенсильванца. Президентъ нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету; онъ вынулъ списокъ кандидатовъ назначенныхъ для выбора въ кабинетъ и усердно соображалъ что-то съ озабоченнымъ и смущеннымъ выраженіемъ лица. Ратклифъ былъ также призванъ на помощь; наконецъ все было кончено, и глаза Ратклифа заблистали когда президентъ отдалъ ему для отсылки въ сенатъ 5 марта списокъ назначеній по которому Джосайя Б. Карсонъ изъ Пенсильваніи былъ утвержденъ въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ. Но глаза его заблистали еще веселѣе когда

нѣсколько дней спустя президентъ далъ ему другой длинный списокъ съ именами почти сорока человѣкъ, прося его найти для нихъ мѣста, на что Ратклифъ весьма добродушно согласился, замѣтивъ только что для удовлетворенія этихъ лицъ необходимо будетъ нѣкоторыхъ другихъ уволить.

— Что жъ, пожалуй, сказалъ президентъ,—я думаю именно столько человѣкъ и найдется которымъ слѣдовало бы выйти въ отставку. Ну, а тѣ всѣ мои друзья: о нихъ нужно позаботиться. Ужъ распихайте ихъ куда-нибудь.

Даже и емубыло неловко говорить объ этомъ предметѣ, и нужно отдать ему справедливость что послѣ того онъ уже никогда болѣе не упоминалъ о фундаментальномъ принципѣ своей администраціи. Отставки и увольненія слѣдовали другъ за другомъ въ неимовѣрномъ количествѣ и съ неимовѣрною быстротой до тѣхъ поръ пока вся Индіана поустроила свои финансы; но нельзя было отрицать и того что тѣмъ или другимъ путемъ, на долю друзей Ратклифа досталась также порядочная часть общественныхъ денегъ. Быть-можетъ президентъ счелъ за лучшее не замѣчать до поры до времени такого употребленія государственной казны, а можетъ-быть онъ уже немного и побаивался своего министра финансовъ.

Ратклифъ сдѣлалъ свое дѣло. Съ помощью ловкой интриги народъ запрягъ своихъ слугъ въ постромки. Даже индіанскаго каменотеса заставили понять что его личныя предубѣжденія должны быть принесены въ жертву общественной службѣ. Не станемъ говорить о томъ какое зло могло произойти отъ эгоизма, честолюбія или невѣжества этихъ людей. Скажемъ только что при настоящемъ положеніи дѣлъ президентъ сталъ жертвой своихъ собственныхъ плановъ. Оставалось только ожидать того дня когда можетъ-быть мистеръ Ратклифъ нашелъ бы удобнымъ и выгоднымъ для себя спокойно придушить своего начальника какою-нибудь ловкою интригой, но то время уже безвозвратно миновало когда президентъ могъ его самого уничтожить топоромъ или веревкой.

Пока все это происходило, мистриссъ Ли мучила свою маленькую головку раздумывая о своемъ долгѣ и отвѣтственности предъ Ратклифомъ, который не пропускалъ почти ни одного воскресенья чтобы не явиться вечеромъ въ ея гостиную. Права его тамъ уже настолько были упрочены что никто и не думалъ оспаривать его мѣста, за исключеніемъ развѣ стараго Якоби, который отъ

времени до времени напоминалъ ему что онъ смертенъ и не безгрѣшенъ. Случалось, впрочемъ, хотя и не часто, что мистеръ Ратклифъ приходилъ иногда и въ другіе дни, какъ напримѣръ когда онъ уговаривалъ мистриссъ Ли присутствовать при церемоніи водворенія президента въ Бѣломъ Домѣ и сдѣлать визитъ женѣ президента. Магдалина и Сибилла отправились въ Капитолій, гдѣ имъ были предоставлены самыя лучшія мѣста чтобы видѣть и слышать все происходившее, сколько позволялъ холодный мартовскій вѣтеръ; но церемонія не понравилась мистриссъ Ли. Она нашла ее скучнѣйшею изъ скучныхъ. Пожилой западный фермеръ въ серебряныхъ очкахъ, новомъ, сосящемся фракѣ, съ худощавымъ лицомъ и жесткими, жидковатыми сѣдыми волосами, пытающійся говорить предъ огромною толпой народа на пронзительномъ вѣтру и притомъ съ насморкомъ, не могъ казаться героемъ. Сибилла только и думала о томъ какъ бы онъ не умеръ отъ воспаленія въ легкихъ. Но даже и этотъ выѣздъ можно было назвать удачнымъ въ сравненіи съ визитомъ къ женѣ президента, послѣ котораго Магдалина рѣшилась навсегда оставить въ покоѣ новую династію. Эта дама, нѣсколько тучная и съ грубыми чертами лица, которую Магдалина не взяла бы къ себѣ даже въ кухарки, обнаружила качества казавшіяся весьма не привлекательными, при ослѣпительномъ блескѣ престола. Она питала къ Ратклифу еще бо́льшую антипатію нежели ея мужъ и даже выказывала ее яснѣе, чѣмъ совершенно конфузила президента. Вражда ея распространялась на всѣхъ кто только считался другомъ Ратклифа, а газеты заодно съ городскими сплетнями указывали на мистриссъ Ли какъ на женщину которая, посредствомъ брака съ Ратклифомъ, имѣла въ виду отнять у нея господство надъ Бѣлымъ Домомъ. Поэтому когда ей доложили о пріѣздѣ мистриссъ Ли и обѣ сестры введены были въ гостиную президента, она приняла холодный покровительственный видъ, и на привѣтствіе Магдалины, выразившей надежду что Вашингтонъ ей понравился, отвѣчала что въ Вашингтонѣ многое показалось ей ужаснымъ, особенно женщины; затѣмъ, взглянувъ на Сибиллу, она заговорила о вашингтонскихъ модахъ и прибавила что сдѣлаетъ все отъ нея зависящее чтобы положить имъ конецъ. Она слышала что многія дамы выписываютъ себѣ туалеты изъ Парижа, какъ будто въ Америкѣ не умѣютъ шить хорошихъ платьевъ.

Іаковъ (всѣ президентскія жены зовутъ своихъ мужей по имени) обѣщалъ ей издать законъ противъ этого. Еслибъ у нихъ въ Индіанѣ увидали на улицѣ молодую женщину въ такомъ костюмѣ, съ нею никто не заговорилъ бы. Эти намеки, сдѣланные такимъ тономъ и съ такимъ видомъ которые не оставляли никакихъ сомнѣній, взорвали Магдалину; она отвѣчала въ свою очередь что „Вашингтонъ съ удовольствіемъ встрѣтитъ всякую реформу президента не только относительно платьевъ, но и относительно чего-нибудь другаго“; и съ этимъ намекомъ на много обѣщавшія рѣчи президента предъ выборами, мистриссъ Ли повернулась спиной и вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Сибиллы, задыхавшейся отъ подавленнаго смѣха. Конечно, она не удержала бы его еслибъ могла видѣть лицо своей хозяйки послѣ того какъ затворились за ними двери и слышать съ какимъ энергическимъ движеніемъ головы сказала она: „ну, смотри у меня, какъ бы я тебя самоё не переформировала, безстыдница“.

Мистриссъ Ли весьма живо описала это свиданіе Ратклифу, который хохоталъ почти не менѣе Сибиллы, хотя и старался успокоить ее говоря что даже ближайшіе друзья президента открыто признавали его жену сумашедшею, а самъ онъ положительно ея боялся. Но мистриссъ Ли объявила что президентъ также плохъ какъ и его жена; что такого президента, такую президентшу можно найти въ любой мелочной лавочкѣ между Озерами и Огайо, и что никакія убѣжденія въ мірѣ не заставятъ ее болѣе приблизиться къ этой грубой судомойкѣ.

Ратклифъ не пытался измѣнить мнѣнія мистриссъ Ли. Онъ лучше всякаго другаго зналъ какимъ способомъ дѣлаютъ президентовъ и имѣлъ свой личный взглядъ какъ на процессъ приготовленія, такъ и на самую фабрику которая ихъ изготовляла. Все что ни говорила теперь мистриссъ Ли нисколько не трогало его. Онъ сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, и она внезапно увидала ее на своихъ собственныхъ плечахъ. Когда она съ негодованіемъ заговорила о поголовныхъ увольненіяхъ отъ должностей, которыми новая администрація ознаменовала свое вступленіе во власть, онъ передалъ ей исторію о фундаментальномъ принципѣ президента и просилъ ее сказать что она посовѣтуетъ ему дѣлать. „Онъ хотѣлъ связать мнѣ руки“, сказалъ Ратклифъ, „свои же оставить свободными, и я принялъ это условіе. Могу

ли я теперь отказаться безо всякой другой причины?“ И Магдалина принуждена была согласиться что онъ не можетъ. Она не имѣла случая узнать, какъ много увольненій сдѣлалъ онъ самъ, изъ своихъ личныхъ видовъ, или насколько онъ перехитрилъ президента въ его собственной игрѣ. Онъ выставлялъ себя предъ нею жертвой и патріотомъ. Каждый сдѣланный имъ шагъ предпринятъ былъ съ ея одобренія. Онъ вступилъ въ должность чтобы сколько возможно предупреждать будущее зло, не беря на себя отвѣтственности за прошлое; и по совѣсти увѣрялъ ее что когда ему придется уйти, такъ какъ президентъ непремѣнно постарается спровадить его при первомъ удобномъ случаѣ, другіе несравненно худшіе люди займутъ его мѣсто.

Мистриссъ Ли представлялся теперь случай привести въ исполненіе тотъ планъ ради котораго она пріѣхала въ Вашингтонъ; она уже глубоко погрузилась въ политическую тину, и совершенно удобно могла разсмотрѣть какъ вращалась эта огромная машина, забрызгивая грязью даже ея собственную чистую одежду. Самъ Ратклифъ съ тѣхъ поръ какъ вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ сталъ насмѣшливо отзываться о способахъ составленія законовъ и громко говорилъ что его удивляетъ какъ еще можетъ держаться правительство, а между тѣмъ онъ все-таки утверждалъ что именно это правительство есть высочайшее выраженіе политической идеи. Мистриссъ Ли смотрѣла на него во всѣ глаза, спрашивая себя, понимаетъ ли онъ что̀ такое идея. По ея мнѣнію, въ этомъ правительствѣ было гораздо менѣе идеи чѣмъ въ какомъ-нибудь платьѣ Сибиллы, потому что если эти платья, подобно правительству, стоили страшныхъ денегъ, то по крайней мѣрѣ они соотвѣтствовали своему назначенію, всѣ ихъ составныя части какъ нельзя лучше приходились другъ къ другу и не были ни мѣшковаты, ни неуклюжи.

Все это было далеко неутѣшительно, но тѣмъ не менѣе это было лучше Нью-Йорка. По крайней мѣрѣ тутъ было на что̀ смотрѣть и о чемъ думать. Невозмутимый лордъ Дэнбегъ проповѣдывалъ ей въ это время о практической филантропіи. Ратклифъ, принужденный иногда вылѣзать изъ колеи политической машины, приходилъ также пользоваться своими правами на ея гостепріимство. А мистеръ Френчъ разглагольствовалъ у нея безконечно, пока 4 марта не вызвало его обратно въ Коннектикутъ. Но онъ успѣлъ привлечь въ

гостиную мистриссъ Ли не мало даровитыхъ членовъ конгресса. Магдалина чувствовала что подъ грязною пѣной стоявшей на поверхности политики скрывался цѣлый океанъ честныхъ побужденій, который разгонялъ пѣну и во глубинѣ оставался чистъ.

Этого было достаточно чтобы завлечь ее. Ей ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ примириться съ моралью Ратклифа. Каждый его шагъ сдѣланъ былъ съ ея одобренія. Она не могла отрицать что двоедушіе въ нравственности непозволительно,—но въ чемъ же выражалось оно? Мистеръ Ратклифъ повидимому стремился къ добру, употребляя настолько чистыя средства сколько было ихъ у него подъ руками. Его нужно было поощрять, а не бранить. И что такое она сама чтобъ ей судить его?

Но другіе не такъ одобрительно смотрѣли на ея дѣйствія. Въ числѣ ихъ былъ мистеръ Натанъ Горъ. Онъ явился однажды вечеромъ разстроенный, и сѣвъ около нея, сказалъ что пришелъ проститься и поблагодарить ее за оказанное ему вниманіе; завтра утромъ онъ долженъ оставить Вашингтонъ. Магдалина выразила ему по этому поводу свое искреннее сожалѣніе вмѣстѣ съ надеждой что онъ вѣроятно уѣзжаетъ лишь для того чтобъ отправиться въ Мадридъ.

Онъ покачалъ головой. „Я уѣзжаю, но не въ Мадридъ“, сказалъ онъ: „судьба заградила мнѣ туда дорогу. Президентъ не нуждается въ моихъ услугахъ, и я не могу порицать его, потому что еслибы мы могли помѣняться ролями, я конечно не пожелалъ бы его услугъ. У него есть одинъ пріятель въ Индіанѣ, которому хотѣлось получить мѣсто почтмейстера въ Индіанополисѣ, но такъ какъ это было не съ руки политикамъ, то они откупились отъ него дорогою цѣной, давъ ему взамѣнъ испанское посольство. Впрочемъ, не будь даже и его на моей дорогѣ, я все-таки не имѣлъ бы успѣха. Президентъ не одобряетъ меня. Ему не нравится покрой моего сюртука, потому что онъ имѣетъ несчастіе быть англійскимъ. Ему не нравится какъ я стригу волосы, а женѣ его, какъ мнѣ кажется, я потому не нравлюсь что имѣю счастіе считаться вашимъ другомъ.

Магдалина не могла не сознаться что положеніе мистера Гора было весьма плохое.

— Впрочемъ, сказала она,—можно ли и ожидать чтобы политики любили васъ, литераторовъ, пишущихъ исторію?

Найдутся ли такіе преступники которые любили бы своихъ судей?

— Нѣтъ, но они имѣютъ настолько смысла чтобъ ихъ бояться, злобно отвѣчалъ Горъ.—Ни одинъ изъ нынѣшнихъ политиковъ не обладаетъ такимъ умомъ или искусствомъ чтобы защищать свое собственное дѣло. Океанъ исторіи зараженъ трупами подобныхъ государственныхъ людей, давно умершихъ и остающихся позабытыми до тѣхъ поръ пока какой-нибудь историкъ не вздернетъ ихъ на висѣлицу.

Мистеръ Горъ былъ до такой степени раздраженъ что послѣ этой выходки принужденъ былъ остановиться чтобы нѣсколько придти въ себя. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Вы совершенно правы, также какъ и президентъ. Мнѣ не для чего мѣшаться въ политику. Тутъ я не у мѣста. И могу обѣщать вамъ что въ первый разъ какъ вы услышите обо мнѣ, это будетъ конечно не какъ объ искателѣ государственной должности.

Потомъ, быстро перемѣнивъ разговоръ, онъ выразилъ надежду что мистриссъ Ли скоро возвратится на сѣверъ, и что они быть-можетъ встрѣтятся въ Ньюпортѣ.

— Не знаю, отвѣчала Магдалина.—Весна здѣсь очень пріятна, и мы вѣроятно останемся тутъ до наступленія тепла.

Мистеръ Горъ принялъ серіозный видъ.

— А ваша политика? сказалъ онъ:—довольны ли вы тѣмъ что видѣли?

— Я дошла до того что потеряла всякое различіе между правдой и неправдой. Не есть ли это первый шагъ въ политикѣ?

Мистеръ Горъ не расположенъ былъ шутить въ эту минуту даже серіозно. Онъ началъ читать длинную лекцію, походившую скорѣе на главу изъ какой-нибудь будущей исторіи.

— Но неужели вы не видите, мистриссъ Ли, по какой ложной дорогѣ вы идете? Если вы хотите знать что въ мірѣ дѣйствительно дѣлается хорошаго, то проведите лучше зиму въ Самаркандѣ или въ Тимбукту, только не въ Вашингтонѣ. Сдѣлайтесь банковымъ писцомъ или типографщикомъ, но не членомъ конгресса. Тутъ вы не найдете ничего кромѣ даромъ потраченныхъ усилій и неловкихъ интригъ.

— Вамъ было бы жаль стало-быть еслибъ я это узнала? спросила Магдалина, когда онъ кончилъ свою длинную тираду.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Горъ нерѣшительно;—я не пожалѣлъ бы еслибъ вы дѣйствительно это узнали. Но многіе не узнаютъ

этого никогда, а если и узнаютъ, то слишкомъ поздно Мнѣ весьма пріятно было бы слышать что вы уже все это поняли и отказались отъ преобразованія политики. У Испанцевъ есть пословица отъ которой лахнетъ стойломъ, но которую можно отлично примѣнить къ людямъ подобнымъ мнѣ и вамъ: „моющій голову своему ослу теряетъ даромъ время и мыло“.

Горъ откланялся Магдалинѣ прежде чѣмъ она успѣла осмыслить всю наглость его послѣднихъ словъ. Только ночью, когда она лежала уже въ постели, внезапно мелькнуло въ ея головѣ что мистеръ Горъ осмѣлился ее самое представить въ карикатурномъ видѣ, намекнувъ что она теряетъ время и мыло надъ Ратклифомъ. Сперва она страшно разсердилась, а потомъ невольно расхохоталась; портретъ былъ до нѣкоторой степени вѣренъ. И притомъ во глубинѣ души она еще менѣе чувствовала себя оскорбленною, сознавая что отъ нея самой зависѣло сдѣлать для себя изъ мистера Гора нѣчто болѣе простаго друга. Подслушай она прощальныя его слова Каррингтону, она имѣла бы еще большій поводъ думать что зависть къ успѣхамъ Ратклифа сдѣлала ненависть Гора острѣе прежняго.

— Берегитесь Ратклифа! сказалъ онъ на прощанье Каррингтону;—онъ умный песъ. Онъ намѣтилъ для себя мистриссъ Ли. Такъ глядите въ оба, чтобъ онъ не далъ съ нею тягу.

Немного испуганный этимъ внезапнымъ открытіемъ, Каррингтонъ спросилъ только что̀ можетъ онъ сдѣлать чтобы помѣшать этому.

— Кошки ловятъ крысъ безъ перчатокъ, отвѣчалъ Горъ, у котораго всегда была наготовѣ какая-нибудь испанская пословица, и Каррингтонъ послѣ мучительнаго размышленія догадался наконецъ что это былъ намекъ врагамъ Ратклифа выпустить свои когти. Но какъ это сдѣлать?

Вскорѣ послѣ того мистриссъ Ли высказала Ратклифу свое сожалѣніе о неудачѣ Гора и дала ему почувствовать что онъ весьма раздраженъ. Ратклифъ отвѣчалъ что онъ сдѣлалъ для Гора все что̀ отъ него зависѣло, что онъ представилъ его президенту, но тотъ, увидавъ его, поклялся со своими обычными ругательствами скорѣе послать въ Испанію своего негра Джака который работаетъ у него на фермѣ, нежели этого модника. „Вы знаете въ какомъ положеніи я самъ стою къ нему, прибавилъ Ратклифъ;—могъ ли я сдѣлать болѣе?“ И упрекъ мистриссъ Ли замеръ на ея губахъ.

Если Горъ не доволенъ былъ поведеніемъ Ратклифа, то бѣдный Шнейдекулонъ былъ еще недовольнѣе. Вскорѣ послѣ церемоніи водворенія президента онъ снова вернулся въ Вашингтонъ и имѣлъ тайное свиданіе съ министромъ финансовъ. Что происходило во время этого свиданія—осталось тайной для всѣхъ, но какъ бы то ни было настроеніе Шнейдекулона отъ этого не улучшилось. Изъ разговоровъ его съ Сибиллой можно было заключить что между нимъ и Ратклифомъ была рѣчь о назначеніяхъ въ которыхъ заинтересованы были его друзья, и онъ совершенно открыто говорилъ о вѣроломствѣ Ратклифа, о томъ какъ Ратклифъ каждому изъ нихъ надавалъ кучу обѣщаній и ни одного изъ этихъ обѣщаній не исполнилъ, и что еслибы послушались его, Шнейдекулона, то этого не случилось бы. Мистриссъ Ли передала Ратклифу о недовольствѣ Шнейдекулона и спросила его какая тому причина. Въ отвѣтъ на это онъ только засмѣялся, сказавъ что подобные скоты постоянно жалуются до тѣхъ поръ пока имъ не дадутъ перевернуть вверхъ дномъ все правительство; Шнейдекулону не на что ворчать; ему никто и никогда не давалъ никакихъ обѣщаній. Тѣмъ не менѣе Шнейдекулонъ открылъ Сибиллѣ свою антипатію къ Ратклифу и торжественно умолялъ ее не допускать чтобы мистриссъ Ли попалась въ его руки, на что Сибилла рѣзко отвѣчала что она просила бы самого мистера Шнейдекулона научить ее какъ это сдѣлать.

Реформаторъ Френчъ былъ также однимъ изъ помощниковъ Ратклифа въ его борьбѣ за портфель финансовъ. Онъ оставался еще нѣсколько дней въ Вашингтонѣ послѣ церемоніи водворенія, но потомъ исчезъ, оставивъ у подъѣзда мистриссъ Ли свои прощальныя карточки съ буквами *p. p. c.* на уголкѣ. Ходила молва что и его надежды были обмануты, однако онъ молчалъ, и хотя дѣйствительно желалъ получить мѣсто посланника въ Бельгіи, но предпочелъ ждать его. Въ настоящее же время мѣсто это было отдано одному почтенному содержателю почтовыхъ каретъ въ Орегонѣ.

Что касается Якоби, которому нечего было просить для себя, а потому и нельзя было считать себя обманутымъ, онъ былъ злѣе всѣхъ. Онъ церемонно поздравилъ Ратклифа съ его назначеніемъ. Эта маленькая сцена произошла въ гостиной мистриссъ Ли. Съ самыми изящными манерами и съ самымъ вольтеріанскимъ смѣхомъ, старый

баронъ сказалъ что въ продолженіе своей долговременной жизни онъ былъ свидѣтелемъ многихъ придворныхъ интригъ, но такой ловкой какъ интрига съ министерствомъ финансовъ онъ еще не видывалъ до сихъ поръ. Ратклифъ пришелъ въ ярость и прямо объявилъ барону что если иностранные посланники позволяютъ себѣ оскорблять тѣ правительства при которыхъ они аккредитованы, они рискуютъ быть возвращенными на родину.

— Ce serait toujours un pis-aller, сказалъ Якоби, спокойно садясь на любимое мѣсто Ратклифа около мистриссъ Ли. Какъ ни встревожена была Магдалина, она не могла не вступиться и послѣшно спросила можно ли перевести эту логоворку.

— Ахъ, сказалъ баронъ,—вашъ языкъ для меня слишкомъ труденъ. Вы вѣроятно сказали бы что нужно выбирать изъ двухъ золъ меньшее—уходить или оставаться.

— А можетъ-быть мы перевели бы ее и такъ: дальше пойдешь, хуже найдешь, возразила Магдалина. Такимъ образомъ буря на этотъ разъ прошла мимо, и Ратклифъ нахмурившись, прекратилъ этотъ разговоръ. Тѣмъ не менѣе каждый разъ какъ оба джентльмена встрѣчались въ гостиной мистриссъ Ли, она постоянно дрожала чтобы между ними не вышло ссоры. Мало по малу, благодаря сарказмамъ Якоби, съ одной стороны, и грубости Ратклифа, съ другой, они почти перестали говорить между собою и только яростно поглядывали другъ на друга, какъ двѣ сердитыя собаки. Магдалина вынуждена была пускать въ ходъ всевозможныя средства для поддержанія мира, но въ то же время ее чрезвычайно забавляло ихъ поведеніе, и такъ какъ ихъ взаимная ненависть только разжигала ихъ любовь къ ней самой, она старалась сохранять равновѣсіе, дѣля между ними поровну свое вниманіе.

Но не въ одномъ этомъ сказывались неловкія послѣдствія ухаживанья мистера Ратклифа. Теперь, когда всѣ стали признавать его близкимъ другомъ мистриссъ Ли, и даже ея будущимъ мужемъ, никто не рѣшался болѣе нападать на него въ ея присутствіи; тѣмъ не менѣе многое давало ей чувствовать что министръ финансовъ бросаетъ отъ себя все болѣе и болѣе мрачную тѣнь на окружающую ее атмосферу. По временамъ она испытывала невольное безпокойство, какъ будто въ воздухѣ пахло заговоромъ. Однажды вече-

ромъ, въ мартѣ, когда она сидѣла у камина съ англійскимъ журналомъ въ рукахъ, слуга подалъ ей карточку, и не успѣла мистриссъ Ли разобрать стоявшее на ней имя мистриссъ Самуилъ Бекеръ какъ эта дами съ такою безцеремонною поспѣшностью ворвалась вслѣдъ за слугой въ гостиную что Магдалина на минуту совершенно растерялась. Такимъ назойливымъ посѣтителямъ она обыкновенно оказывала весьма холодный пріемъ, но на этотъ разъ, изъ вниманія къ Каррингтону, попыталась привѣтливо улыбнуться своей гостьѣ и попросила ее сѣсть, что мистриссъ Бекеръ уже сдѣлала до ея приглашенія, скоро поставивъ свою хозяйку въ самыя непринужденныя къ себѣ отношенія. Безъ вуаля ей можно было дать лѣтъ подъ сорокъ. Это была видная женщина, положительно полная, высокая, черезчуръ разряженная несмотря на трауръ и съ цвѣтомъ лица гораздо свѣжѣе натуральнаго. Въ ея привѣтствіяхъ и улыбкѣ была какая-то живость, задушевность, совершенно въ вашингтонскомъ духѣ, что вмѣстѣ съ роскошнымъ южнымъ акцентомъ сразу объясняло ея успѣхи въ парламентскихъ корридорахъ. Глядя вокругъ себя съ изящнымъ самообладаніемъ, она любовалась обстановкой мистриссъ Ли, и похвалы ея звучали такою искренностью въ сравненіи съ натянутыми похвалами Сѣверянъ что Магдалина чувствовала себя скорѣе польщенною чѣмъ обиженною. Впрочемъ, когда глаза вдовы остановились на ландшафтѣ Корѐ, составлявшемъ гордость Магдалины, она очевидно стала въ тупикъ и взялась за лорнетъ вѣроятно для того чтобы дать себѣ время подумать. Но даже chef d'oeuvre Корѐ не привелъ ее въ смущеніе.

— Какъ красиво! Японскій видъ не правда ли? Морскія водоросли сквозь туманъ. Вчера я была на аукціонѣ и, можете себѣ представить, купила чайникъ точь въ точь съ такимъ же рисункомъ.

Магдалина начала съ большимъ интересомъ разспрашивать объ аукціонѣ, но выслушавъ отъ мистриссъ Бекеръ все что та имѣла сообщить ей, она уже готовилась умолкнуть, какъ вдругъ ей пришло въ голову упомянуть о Каррингтонѣ. Мистриссъ Бекеръ мгновенно оживилась, если можно такъ выразиться о лицѣ, въ которомъ и до этого не замѣтно было ни малѣйшаго признака вялости.

— Милый мистеръ Каррингтонъ! Не правда ли какъ онъ очарователенъ? Я нахожу что онъ прелестный человѣкъ.

Безъ него я не знала бы что̀ дѣлать. Съ тѣхъ поръ какъ я лишилась моего бѣднаго мистера Бекера, мы постоянно были вмѣстѣ. Нужно вамъ сказать что мой бѣдный мужъ сдѣлалъ завѣщаніе чтобы всѣ его бумаги были сожжены, и хоть я не сказала бы вамъ этого, не будь вы въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ мистеромъ Каррингтономъ, но мнѣ кажется что такое распоряженіе моего мужа было весьма полезно для нѣкоторыхъ людей. Я не въ состояніи была бы перечесть вамъ всѣхъ бумагъ, которыя мы побросали съ мистеромъ Каррингтономъ въ огонь; и всѣ эти бумаги мы перечитывали.

Магдалина спросила, не скучно ли ей было этимъ заниматься.

— О, Боже мой! нисколько. Вѣдь все это было мнѣ уже знакомо, и я разсказывала мистеру Каррингтону исторію каждой бумаги по мѣрѣ того какъ мы ихъ просматривали. Напротивъ, это было весьма интересно, увѣряю васъ.

Мистриссъ Ли тогда смѣло сказала что изъ разговора съ мистеромъ Каррингтономъ она вывела заключеніе что мистриссъ Бекеръ весьма искусная дипломатка.

— Дипломатка! повторила вдова со своимъ задушевнымъ смѣхомъ.—Что̀ жь! пожалуй и дипломатка, кромѣ всего прочаго, только не у многихъ дипломатовъ въ здѣшнемъ городѣ найдутся жены которыя передѣлали бы столько дѣла сколько я. Вѣдь большинство членовъ конгресса были со мной коротко знакомы, а всѣхъ остальныхъ я знала въ лицо. Мнѣ извѣстно было откуда они, чего добиваются и почти у каждаго изъ нихъ я могла вывѣдать всю подноготную рано или поздно.

Мистриссъ Ли спросила ее, для чего нужно ей было все это знать. Тогда мистриссъ Бекеръ закинула назадъ свою румяную физіономію и такъ величественно подмигнула сидѣвшей насупротивъ ея сосѣдкѣ что та почти остолбенѣла.

— О, моя милая! Вы здѣсь внове. Еслибы вы видѣли Вашингтонъ во время войны или нѣсколько лѣтъ спустя, вы бы этого не спросили. У насъ было болѣе дѣлъ по конгрессу чѣмъ у всѣхъ прочихъ агентовъ вмѣстѣ. Каждый обращался къ намъ тогда чтобы мы провели его билль или наблюли за его назначеніемъ. Мы тогда сильно работали. Вѣдь не легко, какъ вы думаете, выдерживать натискъ трехъ сотъ человѣкъ. Мой мужъ обыкновенно записывалъ въ особенную

книгу имя каждаго изъ нихъ, его исторію и все что̀ могъ узнать о немъ, а я все это держала просто въ головѣ.

— Не хотите ли вы этимъ сказать что вы могли заставить ихъ вотировать по вашему желанію?

— Пожалуй! Мы проводили чрезъ нихъ наши билли, отвѣчала мистриссъ Бекеръ.

— Но какъ же вы это дѣлали? Брали они что̀ ли взятки?

— Иные брали. Другіе любили ужины, карты, театръ и тому подобныя вещи. Одними можно было руководить, другихъ нужно было подгонять какъ ирландскую свинью У однихъ были жены которыя могли ихъ уговаривать, а у другихъ не было женъ, сказала мистриссъ Бекеръ со странною интонаціей въ голосѣ, оборвавъ на этихъ словахъ свою рѣчь.

— Но вѣроятно, сказала мистриссъ Ли,—многіе изъ нихъ стояли гораздо выше... я хочу сказать что многіе ничего не добивались, такъ что съ этими вамъ не легко было ладить.

Мистриссъ Бекеръ весело засмѣялась, замѣтивъ что и эти большею частію все такіе же.

— Но я не могу понять какъ вы это дѣлали, настаивала Магдалина;—объясните мнѣ какъ сумѣли бы вы пріобрѣсти голосъ какого-нибудь почтеннаго сенатора... ну хоть мистера Ратклифа, напримѣръ?

— Ратклифа? повторила мистриссъ Бекеръ съ легкимъ повышеніемъ въ голосѣ, перешедшимъ въ какой-то покровительственный смѣхъ.—О, моя милая! не называйте пожалуста никого по имени. Это привело бы меня въ затрудненіе. Сенаторъ Ратклифъ былъ хорошимъ пріятелемъ моего мужа. Я полагаю, мистеръ Каррингтонъ могъ бы разказать вамъ объ этомъ. Но видите ли, мы никогда не добивались ничего кромѣ справедливаго. Намъ только нужно было знать что̀ дѣлается съ нашими биллями и подталкивать людей подъ локоть чтобъ они докладывали о нихъ вовремя. Иногда намъ приходилось убѣждать ихъ что нашъ билль хорошъ, и что они должны вотировать за него. Только по временамъ когда у насъ бывало много денегъ, а выборы уже приближались, мы узнавали цѣны голосамъ. Все ограничивалось большею частію обѣдами, да разговорами, вызываніемъ ихъ въ коридоръ или приглашеніями на ужинъ. Мнѣ очень хотѣлось бы разказать вамъ все что̀ я видѣла, да не смѣю. Это было бы опасно. Я и такъ уже открыла вамъ многое, чего никогда и никому не говорила до сихъ поръ; но вы такъ близки съ

мистеромъ Каррингтономъ что я смотрю на васъ почти какъ на стараго друга.

Мистриссъ Бекеръ продолжала болтать, а мистриссъ Ли, слушая ее, чувствовала какъ въ душѣ ея растутъ сомнѣнія и отвращеніе. Эта женщина была эффектна, красива въ грубомъ стилѣ и совершенно представительна. Мистриссъ Ли случалось видѣть не менѣе вульгарныхъ герцогинь. Она обладала такими свѣдѣніями по части практическихъ дѣйствій правительства, какихъ мистриссъ Ли нечего было и надѣяться когда-либо пріобрѣсти. Къ чему же было уклоняться отъ этой интересной „корридорщицы“ съ такою дѣтскою брезгливостью?

Когда наконецъ послѣ длиннаго и, какъ она выразилась, „въ высшей степени пріятнаго визита“ мистриссъ Бекеръ направила свои стопы въ другое мѣсто, а Магдалина отдала строжайшій приказъ никогда болѣе не принимать ея, вошелъ Каррингтонъ. Магдалина показала ему карточку мистриссъ Бекеръ и живо описала ему ихъ свиданіе.

— Какъ мнѣ поступить съ этою женщиной? спросила она;— слѣдуетъ ли мнѣ отдать ей визитъ.

Но Каррингтонъ уклонился ото всякаго совѣта по поводу этого интереснаго обстоятельства.

— Она говорила мнѣ также что мистеръ Ратклифъ былъ другомъ ея мужа, и что вы можете мнѣ кое-что разсказать объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, она говорила это? разсѣянно замѣтилъ Каррингтонъ.

— Да! и что она знаетъ слабыя стороны каждаго и можетъ завербовать всѣ голоса.

Каррингтонъ не выразилъ никакого удивленія, но обнаружилъ такое очевидное желаніе перемѣнить разговоръ что мистриссъ Ли уступила и не сказала болѣе ни слова.

Но она рѣшилась повторить тотъ же опытъ надъ мистеромъ Ратклифомъ и воспользовалась для этого первымъ удобнымъ случаемъ. Самымъ равнодушнымъ голосомъ разсказала она ему о посѣщеніи мистриссъ Самъ-Бекеръ, прибавивъ что эта женщина посватила ее съ такою подробностью во всѣ „корридорныя“ тайны что ей самой захотѣлось попробовать свои силы на этомъ поприщѣ.

— Она сказала что вы были другомъ ея мужа, тихо прибавила Магдалина.

Лицо Ратклифа было непроницаемо.

— Если вы будете вѣрить всему что̀ вамъ станутъ разказывать эти люди, сказалъ онъ сухо,—то сдѣлаетесь мудрѣе самой царицы Савской.

IX.

Когда человѣкъ восходитъ на высшую ступень политической лѣстницы, враги его соединяютъ свои силы чтобы свергнуть его внизъ, а друзья становятся требовательнѣе и строже критикуютъ его дѣйствія. Много опасностей угрожало Ратклифу со стороны сенаторовъ и членовъ конгресса, но болѣе другихъ встревожила бы его одна опасность, сдѣлайся она ему извѣстною: Карринггонъ заключилъ противъ него наступательный и оборонительный союзъ съ Сибиллой. Это случилось такимъ образомъ. Сибилла очень любила верховую ѣзду, и отъ времени до времени Карринггонъ сопровождалъ ее, охраняя въ этихъ загородныхъ прогулкахъ; извѣстно что у каждаго Виргинца, даже самаго незажиточнаго, кромѣ рубашки и башмаковъ есть непремѣнно и лошадь. Однажды, не подумавъ хорошенько, Карринггонъ обѣщалъ Сибиллѣ съѣздить съ нею въ Арлингтонъ. Обѣщаніе это онъ не особенно слѣпилъ исполнить, такъ какъ по нѣкоторымъ причинамъ поѣздка въ Арлингтонъ далеко не была ему пріятна; но Сибилла ничего не хотѣла слушать, и потому въ одно прелестное мартовское утро, когда въ кустахъ и деревьяхъ сосѣдняго сквера начинала уже пробиваться подъ благодатными лучами солнца игривая, молодая жизнь, Сибилла поджидала его, стоя у открытаго окна, а ея новая кентукійская лошадь, подведенная ко крыльцу, гнула шею въ кольцо, качала головой и била копытами, явно выражая этимъ свое нетерпѣніе. Карринггонъ почему-то замѣшкался, за что̀ сильно досталось бѣднымъ кустикамъ резеды и геранiума, украшавшимъ окно, а кисти оконныхъ занавѣсей порядкомъ пострадали отъ нетерпѣливо теребившей ихъ безлошадной руки. Наконецъ онъ явился, и они отправились вмѣстѣ, пробираясь черезъ всю великую метрополію Джорджтауна по улицамъ наименѣе оживленнымъ ѣздой экипажей и телѣжекъ съ провизіей, пока не выѣхали на мостъ, перекинутый черезъ величественную рѣку въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ смѣлые изгибы

далеко раскинувшихся въ обѣ стороны береговъ сжимаютъ городъ Вашингтонъ въ своихъ широкихъ объятіяхъ. Переправившись на Виргинскій берегъ, они весело поскакали по окаймленной лавровыми деревьями дорогѣ, откуда виднѣлись поросшія лѣсомъ ущелья, со стремящимися изъ нихъ ручьями, обѣщавшія такое множество цвѣтовъ на лѣто, а издали открывался по временамъ очаровательный видъ рѣки и города.

Когда они поравнялись съ небольшимъ военнымъ постомъ, ломѣщавшимся на высотѣ и все еще носившимъ громкое названіе форта, Сибилла мысленно спросила себя, можетъ ли быть фортъ безо всякихъ крѣпостныхъ сооруженій, и сожалѣла что вся его воинственность ограничивалась только цѣлымъ разсадникомъ телеграфныхъ шестовъ. День былъ ясный, солнечный; все улыбалось и блистало подъ вліяніемъ терпкой свѣжести утра, Сибилла чувствовала себя въ самомъ веселомъ настроеніи духа и съ неудовольствіемъ замѣчала что по мѣрѣ того какъ они подвигались впередъ, путникъ ея становился все печальнѣе и разсѣяннѣе. „Бѣдный мистеръ Каррингтонъ!“ думала она про себя: „онъ такой милый; но когда онъ напуститъ на себя эту торжественность, того и гляди заснетъ. Я увѣрена что ни одна порядочная дѣвушка не пойдетъ за него замужъ если онъ будетъ смотрѣть такъ мрачно“, и она принялась перебирать въ своемъ практическомъ умѣ всѣхъ знакомыхъ ей молодыхъ дѣвушекъ, стараясь отыскать между ними такую которая могла бы примириться съ меланхолическою физіономіей Каррингтона. Она знала объ его любви къ ея сестрѣ, но давно считала ее безнадежною. Сибилла относилась къ жизни совершенно просто, что придавало ей особенную прелесть. Надъ невозможнымъ или недоступнымъ она никогда не задумывалась. У нея было чувствительное сердце, и она легко отдавалась симпатіямъ и горю, но за то также легко побѣждала ихъ, полагая что и другіе дѣйствуютъ подобно ей. Магдалина постоянно анализировала свои ощущенія, задавая себѣ вопросъ, дѣйствительны они или фиктивны; она привыкла совлекать съ себя свою духовную оболочку, какъ снимаютъ платье и разсматривала ее какъ чужую собственность, словно чувства и одежды одно и то же. Это повидимому самый легкій способъ заглушать горе если умъ въ состояніи отсѣкать свои щупальцы. Но Сибилла терпѣть не могла этого самонаблюденія. Во первыхъ, она его не понимала,

вовторыхъ, умъ ея весь состоялъ изъ щупальцевъ, а потому ампутація для нея равнялась бы смерти. Она не могла ни анализировать своихъ чувствованій, ни сомнѣваться въ ихъ существованіи, между тѣмъ какъ сестра ея привыкла къ тому и къ другому.

Могла ли Сибилла знать что̀ происходило въ душѣ Каррингтона? Онъ думалъ вовсе не о томъ что̀ ей казалось интереснымъ. Его волновали воспоминанія о междуусобной войнѣ и другихъ, болѣе раннихъ событіяхъ его жизни, относившихся ко временамъ проходящимъ или давно уже минувшимъ; но что̀ могла она знать о междуусобной войнѣ происходившей въ ту пору когда она была почти ребенкомъ? Въ настоящую минуту ее занимала Ватерлоская битва и вотъ по какой причинѣ: она читала *Ярмарку Тщеславія* Такерея, и какъ водится, плакала о бѣдной маленькой Эмми, въ томъ мѣстѣ гдѣ описывается ея мужъ Джорджъ Осборнъ, лежащій на полѣ сраженія съ пулей въ сердцѣ. Но почему ей было знать что здѣсь за нѣсколько шаговъ отъ нея лежали въ своихъ могилахъ дюжины, сотни такихъ же Джорджей Осборновъ, которые тоже были нѣкогда любовью и надеждой другихъ Эмми, не вымышленныхъ, а дѣйствительныхъ живыхъ существъ, изъ плоти и крови, подобныхъ ей самой. Всѣ эти воспоминанія, вызывавшія стоны изъ глубины души Каррингтона, для нея имѣли такъ же мало значенія какъ еслибъ онъ былъ старымъ Каспаромъ, а она маленькою Вильгельминой. Не все ли ей равно что на свѣтѣ однимъ человѣкомъ больше или меньше? И какое ей дѣло до этой знаменитой побѣды?

Однако Сибилла вздрогнула въѣхавъ въ ворота и увидавъ по обѣимъ сторонамъ пути длинные бѣлые ряды надгробныхъ камней, тянувшихся вверхъ и внизъ по склонамъ холмовъ, какъ бы въ боевомъ порядкѣ. Казалось, миѳъ Кадма повторился здѣсь въ обратномъ смыслѣ, и тутъ посѣяны были живые люди для того чтобъ изъ нихъ выросли драконовы зубы. Дрожа отъ ужаса, она осадила свою лошадь и едва не заплакала. Тутъ являлось для нея что-то новое. Тутъ была война: раны, страданія, смерть. Она понизила голосъ, и ставъ почти такою же серіозною какъ и самъ Каррингтонъ, спросила его что̀ означаютъ эти могилы. Онъ сталъ ей разказывать, и тутъ только впервые начала она смутно догадываться почему лицо его было не весело, хотя понять его совершенно она все-таки не могла, потому что онъ мало

говорилъ о самомъ себѣ. Одно только уразумѣла она, наконецъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду онъ дѣйствительно воевалъ противъ этихъ людей, покоившихся теперь подъ ея ногами и отдавшихъ свою жизнь для защиты ея интересовъ. Ей вдругъ пришло въ голову что онъ и самъ быть-можетъ убилъ кого-нибудь изъ нихъ, и эта мысль страшно поразила ее. Она почувствовала что Каррингтонъ сталъ ей чужимъ, но эта отчужденность его, какъ мятежника, придала ему большое достоинство въ ея глазахъ. Она желала и въ то же время страшилась спросить его какъ могъ онъ стать измѣнникомъ. Каррингтонъ измѣнникъ! Каррингтонъ убивающій своихъ собратій! Мысль эта была слишкомъ чудовищна чтобы вмѣститься въ ея головѣ, и она предпочла лучше думать о томъ красивъ ли онъ былъ въ мундирѣ мятежника.

Медленно подъѣхавъ къ дверямъ дома, они сошли съ лошадей и съ трудомъ отыскали человѣка которому можно было поручить ихъ. Потомъ, войдя въ массивныя каменныя сѣни, они стали смотрѣть оттуда на великолѣпную рѣку и на разстилавшійся за нею городъ съ безобразною массой строеній, которымъ воздушная синева дали и мягкій фонъ лурлурныхъ холмовъ окаймлявшихъ горизонтъ придавали какую-то особенную идеальную прелесть, а прямо противъ нихъ возвышался Капитолій во всей судейски-грубой простотѣ бѣлаго купола и съ оградой лоходившею на крѣпостную стѣну. Постоявъ немного подлѣ Сибиллы и полюбовавшись вмѣстѣ съ нею этимъ видомъ, Каррингтонъ сѣлъ на крыльцѣ и сказалъ ей что онъ не желалъ бы входить въ домъ; тогда она отправилась одна осматривать комнаты. Онѣ были пусты, обнажены, и женскій инстинктъ сталъ подсказывать Сибиллѣ, чѣмъ и какъ можно было бы сдѣлать ихъ удобными для жизни. У нея было много вкуса и умѣнья выбирать обстановку. Фантазія ея заработала, распредѣляя тоны, полу-тоны и цвѣта на потолкахъ и стѣнахъ: здѣсь поставила бъ она стулъ съ высокою спинкой, тамъ диванъ на тонкихъ ножкахъ, въ срединѣ столъ съ палообразною тумбой... Вдругъ глаза ея остановились на довольно грязномъ бюро, гдѣ лежала открытая книга и стояла чернильница съ перьями. Послѣднее записанное въ ней имя было: „Илія М. Гроу съ супругою, Центръ Өермолилъ.“ Даже могилы стоявшія внѣ дома не столько напоминали объ ужасахъ войны сколько эта книга. Страшныя опустошенія произвелъ этотъ бичъ! Гдѣ та почтенная семья которая

обитала въ этомъ миломъ домѣ?—она изгнана изъ него навсегда. Гдѣ его красивая обстановка?—безслѣдно уничтожена толпой грубыхъ туристовъ „съ супругами“. Еслибы воины Аттилы вписывали свои имена во храмѣ Весты или въ домѣ Саллюстія, не грознѣе ли казалось бы тогда имя „Бича Божія!“ Сибилла вернулась на крыльцо и сѣла рядомъ съ Каррингтономъ.

— Какое ужасное уныніе здѣсь во всемъ, сказала она;—я полагаю домъ былъ хорошо меблированъ во времена Ли. Видали вы его въ то время?

Сибилла была далеко не глубокомысленна, но она умѣла сочувствовать, а Каррингтонъ въ эту минуту сильно нуждался въ утѣшеніи. Ему хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими ощущеніями и онъ обратился къ ней за участіемъ.

— Ли были старинные друзья моего семейства, сказалъ онъ.—Я часто гостилъ у нихъ будучи еще мальчикомъ и былъ здѣсь въ послѣдній разъ весной 1861 года. Мы всѣ сидѣли тогда вотъ тутъ, горячо разсуждая о нашихъ несогласіяхъ, да ни о чемъ другомъ не могло быть и рѣчи. Сейчасъ я пытался припомнить что̀ было говорено тогда. Война намъ и въ голову не приходила, а принудительныя мѣры казались просто безсмыслицей. Принужденіе, какъ бы не такъ! Это было черезчуръ смѣшно. И я также раздѣлялъ ихъ мнѣніе, несмотря на то что принадлежалъ къ Союзу и не желалъ чтобы мой штатъ отъ него отдѣлился. Что Виргинія должна была пострадать, въ этомъ я былъ увѣренъ, но я никакъ не предполагалъ что мы можемъ быть разбиты. И между тѣмъ я, помилованный мятежникъ, сижу вотъ здѣсь въ настоящую минуту, а бѣдные Ли исчезли безъ слѣда, и даже мѣсто гдѣ они жили обратилось въ кладбище.

Сибилла глубоко заинтересовалась судьбой Ли и забросала Каррингтона вопросами, на которые тотъ охотно отвѣчалъ ей. Онъ разказалъ ей какъ высоко цѣнилъ онъ генерала Ли и какъ онъ слѣдовалъ за нимъ повсюду въ продолженіе всей войны. „Мы думали что онъ будетъ нашимъ Вашингтономъ“, сказалъ онъ, „да кажется и самъ онъ былъ того же мнѣнія“. А когда Сибиллѣ захотѣлось послушать о битвахъ и сраженіяхъ, онъ начертилъ ей на пескѣ позиціи обѣихъ армій, находившихся тогда въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста гдѣ они сидѣли, и затѣмъ принялся разказывать о

всѣхъ походахъ и сраженіяхъ въ которыхъ онъ участвовалъ. Сибилла все желала знать. Разказъ объ этой войнѣ живо интересовалъ ее; вѣдь тутъ же предъ ея глазами были могилы ея собственныхъ защитниковъ, а рядомъ съ ней сидѣлъ бывшій мятежникъ, который самъ выдержалъ „нашъ“ огонь подъ Мальвернскимъ Холмомъ и Южною Горой, и какъ очевидецъ разказывалъ ей теперь о внѣшнемъ видѣ и духѣ солдатъ предъ лицомъ смерти. Она жадно слушала, едва переводя дыханіе, и наконецъ, собравшись съ силами, рѣшилась спросить у него сдержаннымъ отъ ужаса голосомъ, не убилъ ли онъ самъ кого-нибудь своею рукой. Когда онъ сказалъ ей что сомнѣвается въ этомъ, даже надѣется что ему никого не пришлось убить до сихъ поръ, хотя ни одинъ солдатъ участвовавшій въ войнѣ не можетъ утверждать навѣрное куда попала его пуля, она почувствовала и облегченіе, и въ то же время какое-то разочарованіе.

— Я лично никого не старался убивать, сказалъ онъ,—но въ меня безпрестанно направлялись удары.

Тутъ Сибилла стала разспрашивать Карринтона какимъ образомъ старались убить его, и онъ разказалъ ей нѣсколько случаевъ, бывшихъ почти съ каждымъ солдатомъ на полѣ сраженія, какъ пули рвали его платье и какъ текла его кровь. Бѣдная Сибилла была совершенно подавлена и находила странное очарованіе въ чувствѣ ужаса наполнявшемъ ея душу. Сидя вмѣстѣ съ нимъ на ступенькахъ входа, предъ великолѣпною панорамой рѣки и города, Сибилла была до такой степени поглощена разказомъ что не замѣчала ни панорамы, ни экипажей туристовъ, которые подъѣзжали къ дому, осматривали окружающую мѣстность и опять уѣзжали, завидуя бесѣдѣ Карринтона съ прелестною дѣвушкой. Увлекаемая воображеніемъ, она то стремительно гналась вмѣстѣ съ нимъ по Виргинской долинѣ за бѣгущею арміей Сѣверянъ, то уныло влачилась обратно къ Потомаку послѣ кровавыхъ дней подъ Геттисбургомъ, то наконецъ созерцала страшное побоище на дорогѣ между Ричмондомъ и Аппоматоксомъ. Они просидѣли бы тутъ до солнечнаго заката еслибы Карринтонъ не убѣдилъ ее наконецъ что пора возвращаться домой, но и тутъ она медленно поднялась со своего мѣста, глубоко вздыхая и не скрывая своего сожалѣнія.

Дорогой Карринтонъ, мысли котораго не исключительно посвящены были его спутницѣ, выразилъ сожалѣніе что съ

ними нѣтъ Магдалины, но его намекъ было дурно принять.

Сибилла весьма рѣзко отнеслась къ его замѣчанію:

— А я такъ очень рада что она не поѣхала съ нами. Еслибъ она была здѣсь, вы все время проговорили бы съ нею, а меня предоставили бы самой себѣ. Между вами начались бы длинныя разсужденія, которыя я ненавижу. Она все доискивалась бы начала вещей, а вы метались бы изъ стороны въ сторону, стараясь помочь ей въ этомъ. Да притомъ она и сама побываетъ здѣсь въ одно изъ воскресеній съ этимъ скучнымъ мистеромъ Ратклифомъ. Не понимаю, что она находитъ занимательнаго въ этомъ человѣкѣ. Ея вкусъ положительно начинаетъ портиться въ Вашингтонѣ. Знаете ли, мистеръ Каррингтонъ, я далеко не такъ умна и серіозна какъ Магдалина, я не могу читать законовъ и ненавижу политику, но у меня болѣе здраваго смысла чѣмъ у нея, и она меня злитъ. Теперь я понимаю почему молодыя вдовы опасны и почему ихъ сжигаютъ въ Индіи на кострѣ послѣ похоронъ мужа. Конечно, я не хочу чтобы Магдалину сожгли, потому что она милое, доброе существо и я люблю ее больше всего на свѣтѣ; но она непремѣнно и даже очень скоро нанесетъ себѣ какой-нибудь страшный вредъ. У нея самыя дикія понятія о самоложертвованіи и долгѣ. Еслибъ ей не пришла въ голову счастливая мысль взять меня на свое попеченіе, она уже давно сдѣлала бы что-нибудь ужасное; а еслибъ я могла быть хоть крошечку похуже, она сочла бы себя счастливою посвятить всю свою жизнь на мое исправленіе. Но теперь она взялась за мистера Ратклифа, который старается увѣрить ее что она можетъ его передѣлать, и если это ему удастся, то мы погибли. Магдалина сокрушитъ свое сердце изъ-за этого ненавистнаго, громаднаго, грубаго животнаго, которому нужны только ея деньги.

Сибилла проговорила эту тираду съ энергіей, которая глубоко потрясла Каррингтона. Она не способна была на продолжительныя усилія, но на этотъ предметъ, какъ видно, истощила всѣ силы своего ума. Каррингтонъ былъ въ восторгѣ и старался еще болѣе подстрекнуть ее.

— Я не менѣе васъ ненавижу мистера Ратклифа, сказалъ онъ;—если еще не болѣе. Но нашимъ вмѣшательствомъ мы только ухудшимъ дѣло. Что можемъ мы сдѣлать?

— То же самое и я говорю всѣмъ, продолжала Сибилла.— Напримѣръ, Викторія Дэръ, она постоянно твердитъ мнѣ

что я должна предпринять что-нибудь, да и мистеръ Шнейдекупонъ также; какъ будто я въ самомъ дѣлѣ могу что-нибудь сдѣлать! Магдалина ничего не нажила себѣ здѣсь, кромѣ вреда. Половина знакомыхъ считаютъ ее суетною и честолюбивою. Вотъ что сказала мнѣ не далѣе какъ вчера вечеромъ эта злая старуха, мистриссъ Клинтонъ: „Вашингтонъ совершенно испортилъ вашу сестру. Я не видала никого, кто бы такъ безумно гнался за властью какъ она.“ Это меня ужасно разсердило, и я сказала ей что она очень ошибается, что Магдалина ничуть не испортилась. Но я не могла сказать чтобъ она не любила власти, потому что она ее дѣйствительно любитъ, хотя не въ томъ смыслѣ какъ разумѣетъ мистриссъ Клинтонъ. Послушали бы вы ее не давно вечеромъ, когда мистеръ Ратклифъ, разсуждая о какомъ-то общественномъ вопросѣ, сказалъ ей что сдѣлаетъ все что только она найдетъ справедливымъ. Какъ она презрительно засмѣялась и какъ рѣзко замѣтила ему чтобъ онъ дѣлалъ лучше то что ему самому кажется справедливымъ! Онъ посмотрѣлъ на нее почти сердито и пробормоталъ что-то о непостижимости женщинъ. Онъ постоянно старается соблазнять ее властью, и она давно уже могла бы получить всю власть какую только онъ въ состояніи ей предоставить еслибъ она не держала его въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, что я очень хорошо вижу и онъ также. Ему конечно это не нравится, но онъ разчитываетъ не нынче-завтра подкупить ее какимъ-нибудь другимъ средствомъ. Лучше бы намъ вовсе не пріѣзжать въ этотъ Вашингтонъ! Нью-Йоркъ гораздо пріятнѣе, люди тамъ гораздо веселѣе, танцуютъ они лучше, присылаютъ постоянно цвѣты и никогда не говорятъ о первоначальныхъ причинахъ. Модъ имѣла тамъ свои госпитали, свою школу, своихъ бѣдныхъ и жила отлично. Намъ было тамъ такъ спокойно! Но когда я теперь заговариваю съ ней объ этомъ, она только улыбается съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ и говоритъ что дастъ мнѣ еще натѣшиться Ньюпортомъ сколько моей душѣ угодно, точно я ребенокъ какой, а не двадцатилятилѣтняя женщина. Бѣдная Модъ! Я не въ состояніи буду жить съ ней если она выйдетъ замужъ за мистера Ратклифа, а между тѣмъ мысль оставить ее одну съ этимъ человѣкомъ надрываетъ мое сердце. Какъ вы думаете, будетъ онъ бить ее? Пьетъ онъ? Еслибъ я любила кого-нибудь, то лучше согласилась

бы дать побить себя немножко желали ѣхать въ Неаполь. О, мистеръ Каррингтонъ! Вы наша единственная надежда! Она васъ послушаетъ. Не давайте ей выходить замужъ за этого ужаснаго политика.

На эту патетическую мольбу, которая въ иныхъ частяхъ своихъ могла не понравиться ему также какъ и Ратклифу, Каррингтонъ отвѣчалъ что онъ готовъ сдѣлать все отъ него зависящее, лишь бы только Сибилла сказала ему когда и какъ онъ долженъ дѣйствовать.

— Итакъ, мы заключаемъ договоръ, сказала она;—какъ скоро вы мнѣ будете нужны, я обращусь къ вамъ за помощью, и вы разстроите этотъ бракъ.

— Наступательный и оборонительный союзъ, сказалъ онъ смѣясь,—война на смерть съ Ратклифомъ. Мы можемъ даже скальпировать его, если понадобится; только я думаю что онъ самъ не замедлитъ скомпрометтировать себя какою-нибудь глупостью если мы оставимъ его въ покоѣ.

— Магдалинѣ онъ еще болѣе понравится если выкинетъ какую-нибудь японскую штуку, отвѣчала Сибилла весьма серіозно;—жаль что здѣсь мало японскихъ старьевщиковъ или какихъ-нибудь старыхъ горшковъ и кастрюль, о которыхъ можно было бы толковать. Ей не мѣшало бы поразвлечься немного искусствами. Что за странное мѣстечко здѣсь! Люди просто ходятъ на головахъ. Каждый думаетъ по своему. Викторія Дэръ говоритъ что она по принципу не хочетъ быть доброю, чтобы приберечь какое-нибудь новое развлеченіе для будущей жизни. И я увѣрена что она дѣйствительно исполняетъ то что проповѣдуетъ. Видѣли вы ее вчера вечеромъ у мистриссъ Клинтонъ? Она вела себя неприличнѣе чѣмъ когда-либо. Въ продолженіе всего ужина она просидѣла на лѣстницѣ словно скромная желтая кошечка, съ двумя букетами въ лапкахъ, изъ которыхъ одинъ, я знаю навѣрное, поднесенъ былъ лордомъ Дэнбегомъ, и позволила мистеру Френчу кормить себя съ ложечки сливочнымъ мороженымъ. Она говоритъ что показывала лорду Дэнбегу фазу, и что онъ собирается напечатать въ *Quarterly Review* статью объ американскихъ нравахъ и обычаяхъ; но мнѣ это очень не нравится, мистеръ Каррингтонъ. А вамъ какъ? Я желала бы чтобы Магдалина занялась ея исправленіемъ. Тогда ей довольно было бы дѣла, ужъ за это я ручаюсь.

Весело болтая, Сибилла возвратилась въ городъ, заключивъ окончательный договоръ съ Каррингтономъ, и странное дѣло, съ тѣхъ поръ она уже никогда болѣе не называла его скучнымъ. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы она ни находилась, лицо ея выражало при видѣ его истинное удовольствіе и радушіе; въ слѣдующій же разъ, когда онъ предложилъ ей новую прогулку верхомъ, она немедленно согласилась, несмотря на то что еще ранѣе обѣщала одному молодому джентльмену изъ дипломатическаго корпуса остаться въ этотъ вечеръ дома, и бѣдный малый, сильно взбѣшенный, ушелъ ни съ чѣмъ отъ ея порога.

Мистеръ Ратклифъ ничего не зналъ объ этомъ заговорѣ противъ его спокойствія и плановъ. Да еслибъ и зналъ, то засмѣялся бы только и, не задумываясь ни на минуту, продолжалъ бы начатое имъ дѣло. А между тѣмъ нельзя было сказать чтобъ онъ пренебрегалъ враждой Каррингтона; съ тѣхъ поръ какъ ему сдѣлалась извѣстна причина этой вражды, онъ началъ принимать свои мѣры. Даже посреди горячей борьбы за портфель финансовъ онъ нашелъ время выслушать отчетъ мистера Вильсона Кина о дѣлахъ покойнаго Самуила Бекера. Мистеръ Кинъ принесъ ему копію духовнаго завѣщанія Бекера и списокъ примѣчаній, составленный рукой ничего не подозрѣвавшей вдовы его, „изъ котораго явствовало“, какъ говорилъ Кинъ, „что Бекеръ, не имѣя времени привести свои дѣла въ порядокъ, оставилъ особенное распоряженіе своему душеприкащику чтобъ онъ тщательно уничтожилъ всѣ бумаги могущія скомпрометтировать частныхъ лицъ.“

— Какъ фамилія душеприкащика? прервалъ Ратклифъ.

— Его зовутъ Джонъ Каррингтонъ, сказалъ Кинъ, методически справившись съ копіей завѣщанія.

Лицо Ратклифа осталось безстрастнымъ, но невольное восклицаніе „я зналъ это“, какъ бы сорвалось съ его языка. Ему было отчасти пріятно что инстинктъ такъ безошибочно навелъ его на настоящій слѣдъ.

Далѣе Кинъ сообщилъ ему что изъ разговора съ мистриссъ Бекеръ онъ убѣдился навѣрное что воля завѣщателя была исполнена и что большинство бумагъ сожжено.

— Въ такомъ случаѣ дальнѣйшее разслѣдованіе становится безполезнымъ, сказалъ Ратклифъ,—я вамъ чрезвычайно обязанъ за ваше содѣйствіе, и онъ свернулъ разговоръ на бюро мистера Кина въ министерствѣ финансовъ.

Въ первый разъ какъ Ратклифъ увидалъ мистриссъ Ли послѣ своего утвержденія въ должности министра финансовъ, онъ спросилъ ее, считаетъ ли она Каррингтона способнымъ къ общественной дѣятельности; когда Магдалина съ жаромъ стала увѣрять его въ несомнѣнныхъ качествахъ Каррингтона, онъ сказалъ ей что ему пришло въ голову предложить Каррингтону мѣсто солиситора при министерствѣ финансовъ, и что хотя штатное жалованье на этомъ мѣстѣ не многимъ превышаетъ его настоящіе заработки, получаемые отъ частной практики, однако для вашингтонскаго адвоката оно представляетъ значительныя выгоды; а министру необходимо де имѣть ходатая на котораго онъ могъ бы совершенно положиться. Такое предложеніе со стороны Ратклифа было особенно пріятно мистриссъ Ли, потому что ей казалось что Ратклифъ не долюбливаетъ Каррингтона. Правда, она сомнѣвалась чтобы Каррингтонъ принялъ это мѣсто, но думая что это уменьшитъ его антипатію къ Ратклифу, она согласилась выпытать его мнѣніе на этотъ счетъ. Конечно, такое вмѣшательство могло ее не много компрометтировать. Оно дѣлало ее какъ бы раздавательницей щедротъ мистера Ратклифа, но она прогнала отъ себя эту мысль въ интересахъ Каррингтона, предоставляя ему самому рѣшить вопросъ о томъ—брать это мѣсто или нѣтъ. А что если общество неблагосклонно посмотритъ на это назначеніе? Что тогда? Мистриссъ Ли задала себѣ этотъ вопросъ, и ей стало неловко.

Относительно Каррингтона ей недолго пришлось сомнѣваться. Онъ скоро убѣдилъ ее что не возьметъ этого мѣста. Когда она заговорила съ нимъ объ этомъ предметѣ и повторила ему слова Ратклифа, онъ весь вспыхнулъ и просидѣлъ нѣсколько минутъ въ молчаніи. Обыкновенно онъ думалъ медленно, но въ настоящую минуту въ головѣ его тѣснилось столько мыслей что умъ его былъ ими совершенно затуманенъ. Положеніе его внезапно освѣтилось предъ нимъ какъ бы посредствомъ электричества. Прежде всего у него промелькнуло въ головѣ что Ратклифъ хочетъ подкупить его, зажать ему ротъ и заставить его бѣжать какъ цѣлую собаку за своею колесницей министра финансовъ. Затѣмъ онъ подумалъ что Ратклифъ желаетъ этимъ оказать услугу мистриссъ Ли чтобы получить права на ея благодарность и уваженіе и выиграть въ ея мнѣніи, выставивъ

себя другомъ честной администраціи и безпомощной добродѣтели. Наконецъ, ему внезапно представилось что весь этотъ планъ разчитанъ на то чтобы выказать его ревнивымъ и мстительнымъ, чтобы поставить его въ такое положеніе въ которомъ всякій поводъ къ отказу съ его стороны имѣлъ бы видъ низости и только содѣйствовалъ бы разрыву его съ мистриссъ Ли. Карринтонъ былъ до того поглощенъ этими мыслями, а умъ его работалъ такъ медленно что онъ не слыхалъ даже двукратныхъ замѣчаній Магдалины, которая испугалась немного, видя его неподвижность, и сочла его внезапно парализованнымъ.

Но когда онъ наконецъ услыхалъ ее и попытался ей отвѣчать, смущеніе его увеличилось. Онъ едва могъ выговорить что никакъ не можетъ принять подобнаго мѣста.

Такое рѣшеніе заставило Магдалину вздохнуть свободнѣе, хотя она этого и не выказала. Напротивъ, глядя на нее можно было подумать что ея пламеннымъ желаніемъ было видѣть Карринтона солиситоромъ при министерствѣ. Она упорно начала его допрашивать. Развѣ онъ не находитъ это предложеніе выгоднымъ для себя? Онъ долженъ былъ сознаться въ противномъ. Или быть-можетъ обязанности эти кажутся ему невыполнимыми? Совсѣмъ нѣтъ, обязанности нисколько его не смущаютъ. Въ такомъ случаѣ его, какъ Южанина, удерживаютъ какія-нибудь предубѣжденія противъ администраціи? О нѣтъ, никакое политическое чувство не входитъ въ его соображенія. Такъ въ чемъ же заключается причина его отказа?

Карринтонъ снова погрузился въ молчаніе до тѣхъ поръ пока мистриссъ Ли не спросила его, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, возможно ли до такой степени поддаваться чувству личной непріязни къ Ратклифу чтобъ отвергать ради его столь блестящее предложеніе? Смущеніе Карринтона увеличилось. Онъ всталъ со своего мѣста сильно взволнованный и началъ ходить по комнатѣ. Онъ чувствовалъ что Ратклифъ перехитрилъ его и обдумывалъ теперь свой слѣдующій ходъ чтобы не сыграть въ руку своему противнику. Тяжело было человѣку нуждавшемуся, какъ онъ, въ деньгахъ и профессіональномъ повышеніи, отказываться отъ такого выгоднаго предложенія, но вдвое тяжелѣе было сознавать что, причиняя вредъ себѣ, онъ оказываетъ этимъ услугу Ратклифу. Тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ сознаться что не желалъ бы брать мѣста находящагося подъ непосредственнымъ контро-

демъ министра финансовъ. Магдалина не сказала болѣе ни слова, но ему показалось что она недовольна, и онъ почувствовалъ себя въ невыносимо тяжеломъ положеніи. Какъ знать, не принимала ли и она участія въ этомъ планѣ, и не нанесъ ли онъ ей самой оскорбленія своимъ отказомъ? Что можетъ она думать о немъ въ такомъ случаѣ? Въ эту минуту онъ охотно далъ бы отсѣчь свою правую руку за одно слово истиннаго чувства со стороны мистриссъ Ли. Онъ боготворилъ ее. Для нея онъ осудилъ бы себя на вѣчную муку. Не было жертвы которой онъ не принесъ бы для того чтобы сблизиться съ нею. Со свойственнымъ ему прямодушіемъ и спокойствіемъ онъ всецѣло жертвовалъ ей собою. Сердце его уже въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ болѣло отъ безнадежной страсти къ ней, и онъ сознавалъ всю ея безнадежность. Онъ зналъ что она никогда его не полюбитъ. Впрочемъ, нужно ей отдать справедливость, она никогда не давала ему повода думать что можетъ полюбить его или кого-нибудь другаго. И вотъ онъ принужденъ играть теперь предъ нею роль человѣка неблагодарнаго, предубѣжденнаго, низкаго и мстительнаго. Онъ снова сѣлъ на свое мѣсто въ такомъ невыразимомъ унынiи, съ такимъ трагически-печальнымъ выраженіемъ на лицѣ что Магдалина нашла все это нелѣпымъ и громко разсмѣялась.

— Пожалуста, не смотрите такимъ несчастнымъ, сказала она,—я вовсе не желала васъ огорчать. Да наконецъ что за бѣда? Вы имѣете полное право отказываться, а я со своей стороны вовсе не желаю чтобы вы непремѣнно соглашались.

Эти слова оживили Каррингтона, онъ сказалъ ей что если она одобряетъ его отказъ, то ему нѣтъ дѣла ни до чьего мнѣнія. Одно тяготило его душу, мысль оскорбить ея чувство, и голосъ его звучалъ такою глубокою страстью когда онъ говорилъ это что мистриссъ Ли снова сдѣлалась серіозною и вздохнула.

— Ахъ, мистеръ Каррингтонъ, сказала она, — свѣтъ не передѣлаешь по своему. Неужели вы думаете наступитъ то время когда всѣ станутъ добрыми, счастливыми и будутъ дѣлать лишь должное? Я надѣялась что это предложеніе хоть нѣсколько облегчитъ ваши заботы. Но теперь сожалѣю что согласилась взять на себя роль посредницы.

Каррингтонъ не могъ отвѣчать ей. Онъ боялся чтобы голосъ не выдалъ его ощущеній. Онъ всталъ чтобы проститься

съ нею, и когда она протянула ему руку, онъ внезапно подносъ ее къ своимъ губамъ и ушелъ не сказавъ ни слова. Слезы выступили на ея глазахъ, и она просидѣла такъ еще съ минуту послѣ его ухода. Ей казалось что она ясно понимаетъ все происходившее въ его душѣ. Со свойственною всѣмъ женщинамъ готовностью объяснять всякій поступокъ мущины пожирающею страстью, она не задумываясь рѣшила что единственною причиной вражды Каррингтона къ Ратклифу была ревность, и съ очаровательною живостью поспѣшила извинить ее. „Десять лѣтъ тому назадъ я могла бы полюбить его,“ подумала она про себя, но въ то время какъ она еще улыбалась этой мысли, другое воспоминаніе внезапно сверкнуло въ ея головѣ, и она закрыла лицо рукой какъ будто ей нанесли ударъ. Каррингтонъ разбередилъ старую рану.

Въ первый же разъ какъ навѣстилъ ее Ратклифъ, что случилось весьма скоро послѣ приведеннаго нами разговора, Магдалина передала ему объ отказѣ Каррингтона, прибавивъ только что онъ повидимому не возьметъ никакого мѣста имѣющаго политическій характеръ. Ратклифъ не выказалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія; онъ только кротко выразилъ свое сожалѣніе о томъ что не могъ быть полезенъ ея преданному другу, и этимъ какъ бы заявилъ свои права на ея признательность.

Согласіе Каррингтона отнюдь не входило въ разчеты Ратклифа, и Каррингтонъ не могъ бы привести его въ большее затрудненіе какъ взявъ предлагаемое имъ мѣсто. Цѣль Ратклифа состояла лишь въ томъ чтобъ уяснить себѣ вопросъ о враждебности къ нему Каррингтона, ибо онъ зналъ его за человѣка который при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ могъ дѣйствовать не иначе какъ съ совершенною прямотой. Если онъ согласится, то будетъ ему вѣренъ какъ своему начальнику. Если откажется, чего и ожидалъ Ратклифъ, это послужитъ доказательствомъ того что нужно искать какихъ-нибудь другихъ средствъ чтобъ устранить его со своей дороги. Во всякомъ случаѣ сдѣланное предложеніе было новою петлей въ той сѣти которою, какъ надѣялся мистеръ Ратклифъ, онъ быстро опутывалъ сердце и честолюбіе мистриссъ Ли. Впрочемъ, онъ имѣлъ причины опасаться что Каррингтонъ, если ему вздумается, скорѣе всякаго другаго порветъ петли этой сѣти и потому онъ счелъ за лучшее

пріостановить свои дѣйствія, пока адвокатъ не будетъ какъ-нибудь устраненъ съ дороги.

Не медля ни минуты, онъ навелъ справки о всѣхъ свободныхъ и выгодныхъ мѣстахъ находившихся въ распоряженіи правительства, внѣ его собственнаго министерства. Весьма немногія оказались соотвѣтствующими его цѣли. Ему нужно было отыскать такую юридическую должность которая бы на время отвлекла ея исполнителя куда-нибудь подальше, напримѣръ, въ Австралію или въ Среднюю Азію, чѣмъ дальше тѣмъ лучше; онъ хотѣлъ чтобы вознагражденіе было непремѣнно высокое, а самый способъ назначенія такой чтобъ участіе въ немъ самого Ратклифа отнюдь не могло бы быть заподозрѣно. Такое мѣсто найти было не легко. Въ Средней Азіи почти нѣтъ юридическихъ дѣлъ, да и въ Австраліи въ это время ихъ было не такъ много чтобы посылать туда спеціальнаго агента. Едва ли согласился бы Каррингтонъ предпринять экспедицію къ источникамъ Нила единственно изъ угожденія мистеру Ратклифу, да и врядъ ли обнадежило бы его министерство внутреннихъ дѣлъ что правительство заплатитъ ему за путевыя издержки. Всего лучше казалось Ратклифу дать ему мѣсто юрисконсульта при Мексиканской коммиссіи исковъ которая должна была собраться въ непродолжительномъ времени въ городѣ Мексикѣ и вѣроятно удержала бы его тамъ мѣсяцевъ на шесть. Съ помощью маленькой хитрости онъ могъ выпроводить адвоката впередъ до отъѣзда самой коммиссіи, какъ будто для приготовительныхъ работъ по этому дѣлу.

Разъ порѣшивъ въ умѣ съ этимъ дѣломъ, Ратклифъ съ обычною быстротой приступилъ къ исполненію своего плана. Затрудненій онъ не встрѣтилъ. Черезъ двое сутокъ послѣ своего послѣдняго разговора съ миссъ Ли, онъ неожиданно зашелъ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ. Въ первые дни дѣятельности каждой новой администраціи правительство обыкновенно посвящаетъ все свое вниманіе раздачѣ должностей. Министръ финансовъ всегда готовъ былъ оказать услугу своимъ товарищамъ по кабинету, устраивая по возможности судьбу ихъ друзей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, показалъ себя не менѣе предупредительнымъ. Лишь только онъ услыхалъ что мистеръ Ратклифъ сильно желаетъ выхлопотать для извѣстнаго ему лица должность юрисконсульта при Мексиканской коммиссіи исковъ,

министръ выразилъ полную готовность исполнить его желаніе, а когда ему стало извѣстно имя этого лица, онъ еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ согласился на его опредѣленіе, потому что Каррингтонъ былъ хорошо знакомъ и всѣми любимъ въ министерствѣ и, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе подходилъ къ этому мѣсту. Ратклифу почти ничего не пришлось обѣщать взамѣнъ, и дѣло было порѣшено въ какихъ-нибудь десять минутъ.

— Я только одно нахожу нужнымъ сказать, прибавилъ Ратклифъ,—что если мое участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружится, мистеръ Каррингтонъ навѣрное не приметъ этого мѣста, потому что онъ принадлежитъ къ разряду нашихъ старосвѣтскихъ виргинскихъ плантаторовъ. Онъ гордъ какъ Люциферъ, и ничего не принимаетъ изъ милости. Я поговорю объ этомъ съ вашимъ товарищемъ, и рекомендація будетъ идти какъ бы отъ него.

На слѣдующій же день Каррингтонъ получилъ частное письмо отъ своего стараго друга, товарища министра внутреннихъ дѣлъ, который, съ радостью извѣщая его что имѣетъ случай быть ему полезнымъ, просилъ его побывать какъ можно скорѣе въ министерствѣ. Каррингтонъ отправился, и товарищъ министра объявилъ ему что онъ предложилъ назначить его юрисконсультомъ въ Мексиканскую коммиссію, на что послѣдовало согласіе министра внутреннихъ дѣлъ.

— Намъ необходимъ юристъ-Южанинъ съ нѣкоторымъ знаніемъ международнаго права, который могъ бы отправиться туда немедленно, сказалъ онъ,—а главное, былъ бы честенъ. Вы какъ разъ подходите къ нашимъ требованіямъ, стало-быть укладывайте вашъ чемоданъ и поѣзжайте когда угодно.

Каррингтонъ былъ пораженъ. Сдѣланное въ такомъ видѣ и такимъ человѣкомъ предложеніе это было не только благовидно, но даже соблазнительно. Колебаться не было причины. Онъ сразу понялъ что нужно ѣхать, а между тѣмъ уѣзжать-то ему и не хотѣлось. Подозрѣвая въ этомъ планѣ изгнанія тайное участіе Ратклифа, онъ тутъ же спросилъ не хлопоталъ ли кто за него. Но товарищъ министра увѣрилъ его что назначеніе сдѣлано единственно по его личному ходатайству, и тѣмъ положилъ конецъ дальнѣйшимъ разспросамъ. Въ сущности эти увѣренія были совершенно правдивы и, слушая ихъ, Каррингтонъ чувствовалъ что отказываться

отъ такого деликатнаго предложенія было бы низкою неблагодарностью съ его стороны.

А между тѣмъ онъ все-таки не могъ рѣшиться принять его. Онъ выпросилъ себѣ двадцать четыре часа сроку чтобы сообразить кому передать дѣла на время своей шестимѣсячной отлучки, хотя былъ вполнѣ увѣренъ что это не представляло ни малѣйшихъ затрудненій. Удалясь въ свою контору и сидя тамъ въ мрачномъ раздумьи, онъ спрашивалъ себя что̀ ему дѣлать, несмотря на то что положеніе его съ первой же минуты было для него совершенно ясно, и въ немъ не было ни одного темнаго уголка куда могло бы закрасться сомнѣніе. Полгода назадъ онъ вспрыгнулъ бы отъ радости получивъ подобное предложеніе. Что̀ же такое случилось въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ что̀ заставляло его смотрѣть на это предложеніе какъ на несчастіе?

Мистриссъ Ли! Вотъ въ чемъ былъ весь секретъ. Удалиться въ настоящую минуту значило бы уступить мистриссъ Ли и по всей вѣроятности уступить ее Ратклифу. Каррингтонъ скрежеталъ зубами думая о томъ какъ искусно разыгрывалъ Ратклифъ свою игру; и чѣмъ далѣе размышлялъ онъ, тѣмъ сильнѣе становилась въ немъ увѣренность что весь этотъ планъ затѣянъ Ратклифомъ чтобы только поскорѣе сбыть его съ рукъ. Однако, вдумываясь въ положеніе дѣлъ, ему вдругъ пришло въ голову что и Ратклифъ могъ въ концѣ концовъ сдѣлать ошибку. Этотъ шотландскій политикъ былъ уменъ и хорошо зналъ людей; но знать людей еще не значило знать женщинъ. Каррингтонъ былъ самъ весьма неопытенъ по этой части, но онъ все-таки считалъ себя опытнѣе Ратклифа, который очевидно хотѣлъ примѣнять къ женскимъ слабостямъ свою обыкновенную теорію политическаго подкупа и ломалъ себѣ голову только надъ тѣмъ чтобъ узнать какъ высока будетъ цѣна которую потребуетъ за себя мистриссъ Ли. Если этотъ планъ былъ дѣйствительно придуманъ Ратклифомъ чтобъ удалить отъ дѣлъ Каррингтона, онъ вѣроятно имѣлъ главнымъ образомъ въ виду то обстоятельство что ему достаточно будетъ шести мѣсяцевъ или даже шести недѣль для исполненія своихъ намѣреній. Дойдя до этого открытія, Каррингтонъ внезапно всталъ, закурилъ сигару и цѣлый часъ не переставая ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ видомъ генерала обдумывающаго планъ кампаніи или адвоката предугадывающаго возраженія своего

противника. Одинъ пунктъ былъ окончательно рѣшенъ въ его головѣ. Онъ приметъ сдѣланное ему предложеніе. Если Ратклифъ дѣйствительно участвовалъ въ этомъ планѣ, желаніе его исполнится. Если онъ поставилъ ему ловушку, онъ самъ попадетъ въ нее. Съ наступленіемъ вечера, Каррингтонъ взялъ свою шляпу и отправился къ мистриссъ Ли.

Онъ засталъ сестеръ однѣхъ, спокойно занимавшихся каждая своимъ дѣломъ. Магдалина пресеріозно трудилась надъ починкой ажурнаго шелковаго чулка, мудреною и деликатною работой, поглощавшею все ея вниманіе, а Сибилла по обыкновенію была за роялемъ; но увидавъ его она встала, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ зналъ ее, взяла свою рабочую корзинку и подсѣла къ нимъ чтобы принять участіе въ разговорѣ. Отнынѣ она хотѣла стать женщиной; ей надоѣло уже разыгрывать изъ себя дѣвочку. Мистеръ Каррингтонъ увидитъ что она не дура.

Каррингтонъ сразу приступилъ къ дѣлу. Онъ объявилъ о сдѣланномъ ему предложеніи, которое привело Магдалину въ восторгъ, и она засыпала его вопросами. Велико ли вознагражденіе? Скоро ли онъ долженъ ѣхать? На долго ли? Не вредевъ ли тамъ климатъ? И наконецъ съ улыбкой прибавила: „что же мнѣ сказать теперь мистеру Ратклифу если вы согласитесь взять это мѣсто, между тѣмъ какъ ему вы отказали?“ Сибилла только воскликнула съ упрекомъ: „о, мистеръ Каррингтонъ“! и снова погрузилась въ молчаливое изумленіе. При первой попыткѣ занять самостоятельное мѣсто въ обществѣ она испытывала неудачу. Она чувствовала что ей измѣнили.

Но и Каррингтону было не весело. Какой человѣкъ, если только онъ не идіотъ, какъ ни велика была бы его скромность, будетъ вѣчно мечтать о лунѣ и звѣздахъ? Во глубинѣ души своей онъ питалъ надежду что, слушая его разказъ, Магдалина измѣнится въ лицѣ, броситъ ему взглядъ полный невольнаго сочувствія, что глаза ея подернутся слезой и слегка дрогнетъ голосъ. Но слышать съ какою безпечною веселостью говорила любимая имъ женщина о предстоящей ему поѣздкѣ въ Мексику было для него тяжелымъ разочарованіемъ. Онъ почувствовалъ что надежды его рушились и смотрѣлъ на нее со стѣсненнымъ сердцемъ, что конечно не способствовало оживленію разговора. Магдалина сама чувствовала необходимость объяснить точнѣе смыслъ употреб-

ленныхъ ею выраженій и поправить свою ошибку. Что̀ станетъ она дѣлать теперь безъ учителя? сказала она. Онъ долженъ оставить ей списокъ книгъ для чтенія на время своего отсутствія. Въ половинѣ мая онѣ думаютъ уѣхать на сѣверъ, а Каррингтонъ вѣроятно уже вернется изъ своей поѣздки ко времени ихъ возвращенія сюда въ декабрѣ? Во всякомъ случаѣ онѣ также мало видѣлись бы съ нимъ лѣтомъ еслибъ онъ оставался въ Виргиніи, какъ и теперь когда онъ уѣдетъ въ Мексику.

Каррингтонъ съ грустью сознался что ему очень не хочется уѣзжать, что онъ сожалѣетъ зачѣмъ сдѣлали ему это предложеніе, что онъ былъ бы совершенно счастливъ еслибы планъ этотъ не удался по какой бы то ни было причинѣ; но онъ не далъ никакихъ объясненій на этотъ счетъ, а у Магдалины было слишкомъ много такта чтобы настаивать. Она удовольствовалась тѣмъ что стала изо всѣхъ силъ возражать ему съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Это грустное спокойное лицо, которое становилось все трогательнѣе и трогательнѣе въ своей тихой скорби, заставляло ея сердце обливаться кровью. Но что̀ могла она сказать или сдѣлать? Онъ просидѣлъ у нея до десяти часовъ; онъ не могъ оторваться отъ нея; онъ чувствовалъ что доживаетъ послѣднія счастливыя минуты своей жизни; онъ страшился остаться наединѣ со своими мыслями. Изобрѣтательность мистриссъ Ли стала наконецъ истощаться. Длинныя паузы наступали по временамъ между ея замѣчаніями; наконецъ, сдѣлавъ надъ собою нечеловѣческое усиліе, Каррингтонъ попросилъ у нея извиненія что такъ безпощадно обременяетъ ее своимъ присутствіемъ. Еслибы знала она какъ страшитъ его одиночество, сказалъ онъ, то она простила бы ему. Затѣмъ онъ всталъ чтобъ уйти и прощаясь замѣтилъ Сибиллѣ что если она желаетъ завтра ѣхать верхомъ, онъ весь къ ея услугамъ. Лицо Сибиллы просіяло и приглашеніе было принято.

Дня черезъ два послѣ того мистриссъ Ли упомянула Ратклифу о назначеніи Каррингтона и потомъ разсказала послѣднему что министръ финансовъ повидимому чувствовалъ себя обиженнымъ и оскорбленнымъ, но выказалъ это лишь тѣмъ что немедленно перемѣнилъ предметъ разговора.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОДЕССЫ

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

Стóитъ заговорить съ любымъ изъ обывателей Одессы участвующихъ въ дѣловой (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) жизни города, и вы немедленно услышите что въ торговлѣ Одессы застой, что она если не находится въ полномъ упадкѣ, то во всякомъ случаѣ переживаетъ тяжкій кризисъ. Подобныя жалобы въ такой голословной формѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Люди склонны быть недовольными своею судьбой и охотно обрисовываютъ мрачными красками настоящее, золотя, напротивъ, если можно такъ выразиться, прошлое и въ особенности, пока молоды, будущее. Поэтому для наблюдателя не безынтересно провѣрить эти жалобы на основаніи точныхъ данныхъ и опредѣлить насколько господствующій пессимизмъ Одесситовъ основателенъ, насколько онъ преувеличенъ и быть-можетъ даже прямо ошибоченъ. Желательность такой провѣрки послужитъ можетъ-быть оправданіемъ настоящей статьи, авторъ которой поставилъ себѣ задачей въ нижеслѣдующихъ строкахъ оказать со своей стороны посильную помощь при рѣшеніи тяготѣющаго надо всѣми Одесситами вопроса. Что рѣшить его вполнѣ правильнымъ и недопускающимъ сомнѣнія образомъ авторъ не въ состояніи—понятно само собою; это было бы дѣломъ цѣлой коммиссіи свѣдущихъ людей по всѣмъ отраслямъ хозяйства какъ Одессы, такъ и тяготѣющаго къ ней района. Тѣмъ не менѣе, имѣющагося у насъ подъ руками матеріала и нѣкотораго знакомства съ другими торговыми центрами находящимися въ аналогическомъ Одессѣ положеніи, достаточно для достиженія хотя и не непогрѣшимыхъ, но все-таки

болѣе или менѣе правдоподобныхъ и вѣроятныхъ выводовъ и заключеній.

I.

Основаніемъ всей торговой дѣятельности Одессы служитъ хлѣбъ, въ особенности важнѣйшій представитель хлѣбнаго товара въ нашемъ вывозѣ, пшеница. Торговый уладокъ Одессы есть уладокъ вывоза изъ нея пшеницы, а насколько таковой имѣетъ мѣсто, гораздо болѣе чѣмъ изъ уменьшенія количествъ вывозимаго нами зерна явствуетъ изъ паденія цѣнъ его на рынкахъ потребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашемъ собственномъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе зарабатывается по этой статьѣ отлуска, тѣмъ чаще самые заработки замѣняются убытками и потерями. Ничто не можетъ быть въ этомъ случаѣ поучительнѣе сравненія существующихъ у насъ цѣнъ на пшеницу съ тѣми которыя господствовали въ то же время на главныхъ рынкахъ потребленія, въ Марсели и Лондонѣ. Если привести принятыя въ послѣднихъ вѣсовыя и денежныя единицы къ одному наименованію съ нашими, имѣя при этомъ постоянно въ виду колебанія нашей бумажной валюты по биржевому курсу, то окажется что пудъ пшеницы (одесскаго происхожденія) высшаго качества въ 1882 году стоилъ:

	*Въ Одессѣ.**	*Въ Лондонѣ.*	*Разница.*
Въ январѣ.....	1 р. 45 k.	1 р. 70 k.	+25 k.
„ февралѣ.....	1 „ 42 „	1 „ 70 „	+28 „
„ мартѣ	1 „ 42 „	1 „ 70 „	+28 „
„ апрѣлѣ.....	1 „ 42 „	1 „ 65 „	+23 „
„ маѣ.....	1 „ 45 „	1 „ 69 „	+24 „
„ іюнѣ.....	1 „ 45 „	1 „ 64 „	+19 „
„ іюлѣ.....	1 „ 42 „	1 „ 65 „	+23 „
„ августѣ.....	1 „ 27 „	1 „ 65 „	+39 „
„ сентябрѣ.....	1 „ 25 „	1 „ 60 „	+35 „
„ октябрѣ.....	1 „ 26 „	1 „ 32 „	+ 6 „
„ ноябрѣ.....	1 „ 26 „	1 „ 48 „	+22 „
„ декабрѣ.....	1 „ 26 „	1 „ 47 „	+21 „

Если принять во вниманіе что одесскій экспортеръ кромѣ цѣны платимой въ Одессѣ долженъ накинуть на товаръ свой еще страхованіе и морской фрахтъ (не

* Цѣны здѣсь имѣются въ виду средніа мѣсячныя какъ въ Одессѣ, такъ и въ Лондонѣ, конечно не тѣ которыя состоялись при отдѣльныхъ сдѣлкахъ.

говоря о потерѣ времени), каковой расходъ въ среднемъ выводѣ (конечно также мѣняясь подъ вліяніемъ биржеваго курса) составляетъ около 24 копѣекъ съ пуда, то окажется что въ теченіе 1882 года были мѣсяцы когда экспортеръ не только не выручалъ своихъ затратъ, но даже прямо несъ убытки (въ январѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, іюлѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ), и что вообще барыши его были чрезвычайно скудные, не способные вознаградить за несомый рискъ и за расходы и усилія.

И не должно думать что 1882 годъ исключительный и представляетъ выдающееся изъ ряда явленіе. Напротивъ, онъ служитъ только продолженіемъ того что̀ началось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Если тотъ же разчетъ который примѣненъ къ 1882 году примѣнить къ ближайшимъ изъ предшедшихъ годовъ, то окажется что разница въ цѣнахъ между Лондономъ и Одессой была значительнѣе въ пользу экспортеровъ послѣдней, но все-таки не достигала такой высоты чтобъ изъ хлѣбной торговли сдѣлать операцію безусловно выгодную и обезпеченную, при благоразумномъ веденіи ея, отъ потери. Разницы за послѣдніе четыре мѣсяца 1881 года въ пользу Одесскаго экспортера представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ сентябрѣ	+ 45
„ октябрѣ	+ 44
„ ноябрѣ	+ 43
„ декабрѣ	+ 23

причемъ дѣятельность его могла считаться до извѣстной степени плодотворною, но не особенно щедро вознаграждавшею за трудъ его. За 1880 годъ имѣемъ слѣдующія цифры:

	Одесса.	Лондонъ.	Разница.
Январь	1,52	1,88	+ 36
Февраль	1,55	1,79	+ 24
Мартъ	1,47	1,90	+ 43
Апрѣль	1,45	1,85	+ 40
Май	1,45	1,69	+ 24
Іюнь	1,27	1,61	+ 34
Іюль	1,27	1,72	+ 45
Августъ	1,33	1,42	+ 9
Сентябрь	1,52	1,72	+ 20
Октябрь	1,50	1,82	+ 32
Ноябрь	1,46	1,70	+ 24
Декабрь	1,44	1,70	+ 26

За 1879 годъ:

	Одесса.	Лондонъ.	Разница.
Январь	1,21	1,60	+ 39
Февраль	1,26	1,63	+ 37
Мартъ	1,26	1,60	+ 34
Апрѣль	1,30	1,53	+ 23
Май	1.35	1,58	+ 23
Іюнь	1,27	1,55	+ 28
Іюль	1,30	1,51	+ 21
Августъ	1,32	1,53	+ 21
Сентябрь	1,50	1,45	— 5
Октябрь	1,55	1,87	+ 22
Ноябрь	1,65	1,53	— 12
Декабрь	1,60	1,99	+ 39

За 1878 годъ:

Іюнь	1,15	1,58	+ 43
Іюль	1,22	1,38	+ 16
Августъ	1,20	1,35	+ 15
Сентябрь	1,17	1,38	+ 21
Октябрь	1,17	1,57	+ 40
Ноябрь	1,26	1,46	+ 20
Декабрь	1,22	1,56	+ 34

Эти цифры ясно показываютъ что хлѣбная торговля Одессы давно уже перестала быть тѣмъ золотымъ рунномъ какимъ являлась въ старинное время. Теперь не то что было, напримѣръ, въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, когда въ Одессѣ можно было купить четверть пшеницы за 8 – 9 рублей (считая по теперешнему курсу), а въ Лондонѣ выручить за нее до 30 рублей той же валюты. Тогда не рѣдко одной хлѣбной компаніи было достаточно чтобы составить громадное состояніе; еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ приломинается такой случай что одинъ изъ землевладѣльцевъ Одесскаго уѣзда однимъ урожаемъ покрылъ половину всѣхъ издержекъ на покупку его земельнаго участка; теперь такое явленіе положительно невозможно.

При всемъ томъ вышеприведенное сравненіе цѣнъ еще не вполнѣ оправдываетъ безусловно пессимистскій взглядъ. Относительно зарабатываемыя на хлѣбномъ вывозѣ прибыли могли уменьшиться; абсолютно онѣ могли оставаться тѣми же и даже увеличиться. Если экспортеръ вмѣсто сотни тысячъ четвертей отправилъ милліонъ и на каждой зарабатывалъ только десятую долю того что зарабатывалъ прежде, то все-

таки не остался въ накладѣ; но и съ этой стороны дѣло обстоитъ не лучше, а хуже прежняго. Въ 1878 году изъ Одессы вывезено 4.400.000 четвертей пшеницы, въ 1879—3.502.830, въ 1880—1.567.000, въ 1881—1.890.000, въ 1882—3.185.000, а между тѣмъ это послѣднее приращеніе отпуска не было достаточно сильно чтобы предотвратить разорительность хлѣбной кампаніи 1882 года для нашихъ экспортеровъ. Громадный скачекъ съ 1879 на 1880 и 1881 годы объясняется неурожаемъ въ Херсонской, Таврической и части Екатеринославской губерніи, въ силу котораго, напримѣръ, Дальнъ далъ немногимъ болѣе половины того что̀ обыкновенно доставляетъ Одесскому рынку; но 1881 годъ былъ благодатный. Если въ предшествующее ему пятилѣтіе на десятину въ Херсонской, Таврической и южной половинѣ Екатеринославской губерніи, по свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, приходилось среднимъ числомъ $3^1/_2$ четверти пшеницы, то въ 1881 году эта цифра дошла до 7, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 9, 10 и даже $11^1/_2$ четвертей. И при всемъ томъ воспользовались этою благодатью не одесскіе экспортеры, а только землевладѣльцы. Увлекаясь высотой цѣнъ установившихся въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря стачкѣ нѣкоторыхъ нью-йоркскихъ и чикагоскихъ торговцевъ, экспортеры наши заключали съ производителями условія которыя оказались разорительными, такъ какъ очень скоро пришлось отпускать пшеницу на цѣлые два рубля съ четверти дешевле чѣмъ поскольку она приходилась при покулкѣ. Въ 1882 году повторилось то же что̀ имѣло мѣсто въ 1879 году, когда подъ вліяніемъ плохаго урожая въ Англіи и Франціи хлѣбная спекуляція на нашемъ Югѣ достигла горячечныхъ размѣровъ, и въ ожиданіи богатыхъ заработковъ состоялись сдѣлки съ уплатой 20 р. за четверть пшеницы въ пунктахъ отправки ея за границу. Такія сдѣлки были конечно исключительнымъ явленіемъ, и ихъ было очень мало, но онѣ все-таки до извѣстной степени характеризуютъ положеніе дѣла. Онѣ свидѣтельствуютъ о господствовавшемъ тогда оптимизмѣ, который не могъ не привести къ разочарованію. Впрочемъ, неурожаи 1879 года въ Западной Европѣ увлекли не нашихъ только экспортеровъ, но и самихъ Американцевъ; въ сентябрѣ 1879 года, въ самомъ Нью-Йоркѣ, цѣны пошли сильно въ гору, но когда начали поступать на

рынокъ результаты послѣдняго сбора, въ исходѣ сентября мѣсяца, то крупныя потери не только у насъ, но и въ Америкѣ, явились естественнымъ слѣдствіемъ излишняго оптимизма. Въ 1880 году Одесса менѣе пострадала отъ этого, не потому чтобы наученная опытомъ воздержалась отъ увлеченій, а потому что плохой урожай у насъ самихъ не давалъ простора спекуляціямъ; но исторія 1882 года показала что Одесса не сумѣла воспользоваться даннымъ ей урокомъ. Вѣсти о наводненіяхъ происходившихъ прошлою осенью въ нѣкоторыхъ изъ Американскихъ Штатовъ (Иллинойсѣ и Огайо) снова возбудили надежды на возвышеніе цѣнъ, снова вызвали горячку, свидѣтельницей коей была Одесса въ началѣ нынѣшней навигаціи и которая снова привела къ тѣмъ же результатамъ. Американскія наводненія при всей разорительности для извѣстныхъ мѣстностей отнюдь не смогли скомпрометтировать производительность такой страны какъ Соединенные Штаты, и тревога ими причиненная, хотя ей поддались даже сами Американцы (если это не было просто маневромъ чтобы подвести европейскихъ конкуррентовъ ихъ), скоро оказалась фальшивою. Опять увлекшіеся оптимизмомъ торговцы поплатились потерями, и воспользоваться даннымъ положеніемъ смогли лишь тѣ изъ нихъ которые успѣли ковать желѣзо пока оно было горячо, то-есть продали въ моментъ горячки, не выжидая обманчивыхъ благъ будущаго. Разчитывать на то что при настоящемъ положеніи нашего хлѣбнаго производства и при настоящихъ условіяхъ нашей хлѣбной торговли мы можемъ сдѣлаться опять равносильными конкуррентами Соединенныхъ Штатовъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, сообщенный и въ одесскихъ газетахъ послѣдній отчетъ Кременчугскаго банка,—опасное и ни на чемъ не основанное заблужденіе; немыслимо чтобы мы, какъ это бывало когда-то, снова сдѣлались законодателями хлѣбныхъ цѣнъ на Англійскомъ рынкѣ, уже просто по той роли которую мы играемъ въ литаніи его и которая заставляетъ насъ подчиняться, а не господствовать. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ Россія давала около $^2/_3$ всей той иностранной пшеницы въ которой нуждалось Великобританское королевство; участіе же ея за послѣднее пятилѣтіе изображается слѣдующими цифрами, извлеченными изъ офиціальной статистики по привозной торговлѣ Англіи. Изо всего количества доставленной туда пшеницы дали:

	1878.	1879.	1880.	1881.
Россія	18,1%	13,4%	5,1%	7%
Германія	10,7%	6	3,2	2,3
Франція	0,03	0,03	—	0,01
Турція Румынія	0,5	0,2	0,2	0,4
Египетъ	0,4	3,4	2,3	1,9
Соединенн. Штаты	58,1	60,1	65,9	62,8
Чили	0,1	0,8	—	1,9
Остъ-Индія	3,7	1,5	5,7	12,8
Австралія	2,8	3,8	7,8	5,2
Канада	5,2	7,8	6,8	5
Остальныя страны	0,38	2,97	3,0	0,69 *

Если даже связать воедино цифры означающія участіе Россіи и Германіи въ питаніи Англіи пшеницей, такъ какъ Германія изъ портовъ своихъ Кенигсберга, Данцига и Гамбурга вывозитъ главнымъ образомъ не свой, а нашъ хлѣбъ, то и въ такомъ случаѣ результатъ для насъ далеко не утѣшительный: вмѣсто того чтобы занимать первое мѣсто въ питаніи главнаго рынка потребленія, мы уступаемъ даже Индіи, о которой десять лѣтъ тому назадъ не было и слышно, а по временамъ и Канадѣ и Австраліи; въ будущемъ онѣ для насъ не менѣе опасны чѣмъ сама Америка. По части хлѣба Австралія угрожаетъ намъ тѣмъ же что̀ сдѣлала уже по части шерсти.

Представленный въ предшедшемъ краткій очеркъ пшеничной торговли Одессы за послѣдніе годы объясняетъ и то что торговля эта существенно измѣнила свой характеръ, превратясь изъ дѣла вѣрнаго, подлежащаго разчету и раціональнымъ соображеніямъ, въ азартную игру, въ которой гораздо болѣе шансовъ на лотери чѣмъ на выигрыши. Чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе поэтому хлѣбная торговля будетъ удѣломъ солиднаго торговца, и тѣмъ болѣе, въ противоположность прошлому, въ ея область станетъ вторгаться спекуляція; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе торговля эта будетъ становиться эфемерною аферой, случайнымъ гешефтомъ, а не строго послѣдовательнымъ систематическимъ образомъ дѣйствій. И хлѣбная торговля Одессы подчиняется господствующему въ наше время

* Числа эти извлечены изъ статистическихъ обозрѣній внѣшней торговли Англіи, публикуемыхъ въ началѣ каждаго года англійскою *Economist*.

стремленію къ демократизаціи, измѣняя своему прежнему олигархическому характеру. Главною задачей современнаго дѣятеля на этомъ поприщѣ становится, какъ говорится, сорвать кусокъ, гдѣ это окажется возможнымъ, но не выращивать плодъ до зрѣлости посредствомъ тщательнаго за нимъ ухода. Словомъ, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе хлѣбная торговля Одессы принимаетъ характеръ хищническаго хозяйничанья, и нельзя отрицать что чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе та же печать усваивается и самою производительностію нашею. Причина этого хищничества въ томъ и другомъ отношеніяхъ, съ одной стороны, подавляющая конкурренція Америки, съ другой—отсутствіе всякой организаціи въ нашей хлѣбной торговлѣ. Противъ того и другаго есть средства, но на ихъ разсмотрѣніи здѣсь не мѣсто остановиться. Цѣль наша показать что пессимизмъ Одесситовъ относительно хлѣбной торговли ихъ города имѣетъ основаніе и вполнѣ оправдывается.

Но слѣдуетъ ли отсюда что Одесса вообще въ упадкѣ, что тяготѣющій надъ нею хлѣбный кризисъ имѣетъ роковое значеніе для ея будущаго,—это другой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ на основаніи не однихъ только статистическихъ данныхъ о вывозѣ пшеницы и состоявшихся покупныхъ и продажныхъ цѣнахъ. Постараемся въ послѣдующемъ разобрать тѣ элементы которые имѣютъ войти въ составъ отвѣта вызываемаго этимъ болѣе широкимъ и болѣе общимъ вопросомъ.

Прежде всего упадокъ или процвѣтаніе данной мѣстности отражается на цѣнѣ недвижимаго имущества; судьба послѣдняго солидарна съ судьбой самой мѣстности; недвижимая собственность не можетъ подобно деньгамъ или товарамъ перейти въ другое мѣсто чтобы пріискать себѣ болѣе выгодное или болѣе плодотворное примѣненіе. И съ этой стороны пессимизмъ Одесситовъ видимо оправдывается. По вѣдомостямъ городскаго управленія Одессы, стоимость всѣхъ недвижимостей составляла въ 1872 году 39.327.682 р., въ 1875—41.109.826 р., въ 1878—43.313.613 р., въ 1881—44.029.025 р. Ростъ въ десять лѣтъ на 10% слишкомъ незначителенъ чтобы свидѣтельствовать о благосостояніи, тѣмъ болѣе что онъ становится чисто фиктивнымъ если принять во вниманіе колебанія нашей валюты. 39 милліоновъ въ 1872 году стоили больше чѣмъ 44 милліона въ 1881. Но въ предупрежденіе ошибоч-

ныхъ заключеній могущихъ получиться отъ такого сопоставленія чиселъ необходимо вспомнить о томъ произволѣ который господствуетъ въ городскихъ оцѣнкахъ и который нисколько не стѣсняется возможностью опротестовывать ихъ со стороны обиженныхъ. Обиженными являются не владѣльцы недвижимостей, а правительство и общество—вслѣдствіе слишкомъ низкой оцѣнки, а протесты самихъ владѣльцевъ могутъ возникать единственно потому что одинъ болѣе, другой менѣе участвуетъ въ этомъ обижаніи. Низкость же оцѣнки прямо явствуетъ изъ сравненія съ тою которая производится кредитными установленіями, гдѣ, съ одной стороны, въ интересахъ владѣльцевъ возможно высокая оцѣнка, а съ другой стороны, кредитныя установленія сами, во имя самосохраненія, должны препятствовать излишней высотѣ ея. Такимъ образомъ дѣйствующія въ Одессѣ учрежденія кредита подъ недвижимости представляютъ лучшее средство для контроля и исправленія собственно городской оцѣнки. Такихъ учрежденій два: 1) Одесское Городское Кредитное Общество, выдавшее по настоящее время ссудъ на 27.954.500 рублей, и 2) Бессарабско-Таврическій Земельный Банкъ, выдавшій ихъ въ Одессѣ собственно (дѣятельность его простирается и на городскія имущества другихъ городовъ въ Бессарабской, Херсонской и Таврической губерніяхъ) на сумму 4.234.200 рублей. Если принять во вниманіе что ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше 60% съ цѣны закладываемаго имущества (а весьма часто и въ гораздо меньшемъ), то стоимость заложенныхъ въ обоихъ банкахъ имуществъ окажется въ 53.647.000 рублей, почти на 25% выше всей городской оцѣнки, хотя все-таки далеко не всѣ городскія недвижимости Одессы находятся въ залогѣ у банковъ. Чтобы судить по крайней мѣрѣ приблизительно о стоимости всего города, было сдѣлано сравненіе между банковою и городскою оцѣнкой 124 домовъ, а именно всѣхъ тѣхъ по которымъ ссудъ выдано болѣе чѣмъ на 50.000 рублей (распространить этотъ разчетъ на всѣ находящіяся въ залогѣ недвижимости потребовало бы слишкомъ много времени—въ Городскомъ Кредитномъ Обществѣ ихъ болѣе 2.000), изъ чего видно что первая къ послѣдней относится какъ $2,_1$ къ 1. Стоимость Одессы въ настоящее время поэтому безошибочно можно опредѣлить въ 90 милліоновъ.

Къ сожалѣнію, этого контроля городскихъ оцѣнокъ банковыми недостаточно для того чтобы вывести заключеніе

собственно о движеніи цѣнъ на городскія недвижимости. Банковая оцѣнка, разъ состоявшись, мѣняется только въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же сохраняетъ силу на весь срокъ выданной ссуды. Поэтому, ею нельзя пользоваться для того чтобы вывести заключеніе объ упадкѣ или прогрессѣ города.

На основаніи сказаннаго, единственное средство достигнуть вѣрнаго заключенія о движеніи цѣнъ на городскія недвижимости Одессы, это прослѣдить состоявшіяся въ послѣдніе годы покупки или продажи недвижимыхъ имуществъ, съ обращеніемъ конечно вниманія на тѣ измѣненія въ цѣнѣ которыя произошли отъ вещественныхъ измѣненій въ самыхъ имуществахъ вслѣдствіе новыхъ пристроекъ, передѣлокъ, капитальнаго ремонта и тому подобныхъ обстоятельствъ. Это дѣло потребовало бы много времени, но по крайней мѣрѣ хотя часть задачи была бы такимъ образомъ разрѣшена. Пишущимъ эти строки были собраны свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ изъ подходящихъ сюда домовъ, то-есть такихъ которые не измѣнились въ наружномъ видѣ своемъ, а мѣняли своихъ владѣльцевъ въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Изъ этихъ свѣдѣній, обнимающихъ около 40 городскихъ имуществъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ города, оказывается что съ 1878 года по настоящее время цѣнность ихъ возвысилась среднимъ числомъ приблизительно на 7%; за пять лѣтъ это конечно не много, но все же это прямое доказательство что недвижимая собственность не въ упадкѣ въ Одессѣ, а напротивъ растетъ въ цѣнѣ своей и слѣдовательно указываетъ на экономическій прогрессъ города, хотя и необходимо прибавить что такое заключеніе основано лишь на аналогіи и не можетъ претендовать на безусловную вѣрность. Во всякомъ случаѣ, отъ полученнаго такимъ путемъ результата не многимъ отличаются и голословные отзывы людей стоящихъ близко къ дѣлу, факторовъ и коммиссіонеровъ по найму квартиръ.

Что касается района тяготѣющаго къ Одессѣ, экономическое положеніе котораго не можетъ не отразиться и на ней самой, то въ Бессарабіи ростъ цѣны на землю съ 1878 по настоящій годъ, по даннымъ имѣющимся въ Бессарабско-Таврическомъ Банкѣ (наемнымъ цѣнамъ на десятину лахотной земли и проч.), можетъ быть опредѣленъ тройною противъ приведенной цифрой (20%), а въ Подольской губерніи еще

гораздо того болѣе. Сильно возрасла цѣна и въ сѣверной половинѣ Херсонской губерніи, и даже въ южной части ея, несмотря на неурожаи, не усматривается по крайней мѣрѣ пониженія подесятинныхъ цѣнъ. Въ послѣднее время, въ особенности даже и здѣсь, усматривается сильный толчекъ къ повышенію, вслѣдствіе учрежденія крестьянскаго банка.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на конкурренцію Америки съ нашимъ хлѣбнымъ отпускомъ, на землевладѣніе она не оказала того гибельнаго вліянія какое усматривается въ Атлантическихъ Штатахъ самой Америки, въ особенности Нью-Йорка и Пенсильваніи. Избытокъ производительности „дальняго запада“ тамъ просто разорилъ фермеровъ и почти совершенно вытѣснилъ хлѣбное производство въ этихъ штатахъ, заставивъ замѣнить его другими культурами. У насъ это пока еще не имѣло мѣста.

II.

Рука объ руку съ уменьшеніемъ отпуска въ тѣхъ портахъ которые главнымъ образомъ существуютъ имъ идетъ и уменьшеніе привоза. Но неволѣ отказывается отъ покупки иностранныхъ товаровъ, когда уменьшается размѣръ платежныхъ средствъ за нихъ. Такъ въ прежніе годы бывало и въ Одессѣ, но въ послѣдній пятилѣтній періодъ усматривается обратное явленіе: привозъ начинаетъ дѣлаться независимымъ отъ вывоза и даже превышать его:

Въ 1878 году онъ составилъ	56.322.860 р., т.-е.	$65,_{67}$%	цѣнности	отпуска
„ 1879 „ „ „	56.260.711 „ „	$60,_{41}$%	„	„
„ 1880 „ „ „	51.359.944 „ „	$122,_{7}$%	„	„
„ 1881 „ „ „	60.406.393 „ „	$132,_{9}$%	„	„
„ 1882 „ „ „	46.205.087 „ „	$74,_{66}$%	„	„

Эти цифры заслуживаютъ анализа.

Что касается послѣдней изъ нихъ, то она представляется естественнымъ слѣдствіемъ послѣдовавшихъ въ 1881 году измѣненій тарифа. Это не есть явленіе свойственное одной Одессѣ, но повторяющееся во всѣхъ портахъ нашихъ. Вообще же эмансипація, если можно такъ выразиться, привоза отъ отпуска прямо указываетъ что районъ на который распространяется импортъ чрезъ Одессу расширяется, то-есть что Одесса начинаетъ питать имъ не только мѣстности сбывающія въ нее свои избытки, но и другія, въ этомъ отношеніи отъ нея не зависящія. Отсюда прямо слѣдуетъ что она начинаетъ вступать въ ту роль которая

назначена ей географическимъ ея положеніемъ, то-есть служить входными воротами въ Россію (не только ея тѣснѣйшаго района) для товаровъ, пока еще поступающихъ относительно искусственными обходными путями чрезъ Петербургъ, Ригу, Либаву или посредствѣ Лондона, Гамбурга и Кенигсберга. Для продуктовъ дальняго Востока со времени открытія Суэзскаго канала эта роль для нея обязательна; но точно также и для продуктовъ Леванта и восточнаго Средиземья, и если Одесса до сихъ поръ не исполняла ея, то лишь вслѣдствіе медленности съ которою вообще установляются новые торговые пути, въ силу, такъ сказать, историческаго права старыхъ путей. Вышеприведенныя цифры одесскаго импорта указываютъ на то что сила обстоятельствъ наконецъ начинаетъ одолѣвать историческое право, и одесская торговля, даже не взирая на апатичность своихъ дѣятелей и на равнодушіе такихъ своихъ органовъ (какъ, напримѣръ, Русское Общество Пароходства и Торговли) для коихъ давно было бы обязательно пойти во главѣ новаго движенія, волей-неволей мѣняетъ свои привычки. А какія богатыя послѣдствія для города собственно обѣщаетъ такой поворотъ къ лучшему, это не нуждается въ объясненіи. Заключающіяся въ этомъ поворотѣ ручательства вполнѣ могутъ изгладить тѣ опасенія которыя сопряжены съ несомнѣннымъ паденіемъ одесскаго отпуска.

Только что сказанное вполнѣ подтверждается болѣе близкимъ разсмотрѣніемъ этого растущаго привоза въ Одессу. Изъ статистики его видно что усиливается онъ главнымъ образомъ не по отношенію къ тѣмъ статьямъ которыя интересны для ближайшаго района Одессы, а къ тѣмъ которыя касаются всей Россіи. Такъ, напримѣръ, хлопка въ 1878 году поступило только 230.000 пуд., въ 1879—643.431, въ 1880—646.175, въ 1881—1.346.343, въ 1882—774.367; если послѣдній годъ въ этомъ рядѣ представляетъ убыль въ сравненіи съ предшедшими, то виной тому уменьшеніе покупательской способности не спеціально Одесскаго района, а всей Имперіи вслѣдствіе предшествовавшей голодухи 1880 года. Риса привезено въ тѣ же годы: 154.520, 181.400, 278.842, 291.232 и 282.591 пудовъ; кофе: 76.910, 83.739, 81.806, 104.106 и 93.751 пуд.; деревяннаго масла: 258.131, 316.045, 302.323, 337.872 и 130.417 пуд.; *

* Объясненіе этой видимой аномаліи будетъ дано ниже.

табаку: 46.801, 66.612, 67.413, 57.857 и 66.361 пуд.; свѣжихъ фруктовъ въ 1878 году поступило только съ небольшимъ 270.000, въ 1881—495.949, а въ 1882 году уже 535.334 пуд. Очевидно это усиленіе привоза не зависитъ отъ того что одни и тѣ же потребители даннаго товара, снабжавшіеся имъ изъ Одессы, стали потреблять его больше, а отъ увеличенія числа потребителей, то-есть, иначе говоря, отъ расширенія района Одесскаго импорта. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, усиленіе импорта заслуживаетъ особеннаго вниманія желѣзнодорожной администраціи. Интересы желѣзной дороги, вѣрно понимаемые, всегда солидарны съ интересами тѣхъ пунктовъ гдѣ рельсовый путь связывается съ водяными сообщеніями. На этомъ основаніи полезно было бы пересмотрѣть и измѣнить соотвѣтственнымъ образомъ тарифы Юго-Западныхъ дорогъ для прямыхъ сообщеній Одессы насколько эти тарифы касаются собственно привознаго товара. Во многихъ случаяхъ, вслѣдствіе удешевленія его настолько что товаръ сможетъ пройти лишнюю сотню верстъ безъ приплаты, у дороги окажется лишняго фрахта настолько что понесенная отъ пониженія потеря вознаградится вдесятеро. Въ интересахъ какъ города Одессы, такъ и Юго-Западныхъ дорогъ по возможности усилить прямыя заморскія сообщенія, къ чему впрочемъ и направлены усилія настоящей ихъ администраціи.

Изъ статей привоза, въ числѣ тѣхъ которыя представляютъ правильное, прогрессивное возрастаніе въ количествѣ, не помянутъ каменный уголь, относительно коего означенный прогрессъ идетъ безо всякихъ уклоненій. Если въ 1878 году каменнаго угля ввезено въ Одессу болѣе чѣмъ когда-либо прежде или послѣ этой эпохи (23.798.317 пуд.), то это просто объясняется истощеніемъ запасовъ во время блокады 1877 года, такъ что годовая пропорція 1878 года соотвѣтствуетъ собственно двухлѣтней потребности, и эта потребность съ особенною легкостью могла быть удовлетворена вслѣдствіе дешевизны фрахтовъ на шедшихъ за хлѣбомъ судахъ. Цифра въ 23 милліона именно зависитъ отъ усиленнаго отпуска того же 1878 года и лучше всего другаго свидѣтельствуетъ о взаимной солидарности обѣихъ операцій. Но затѣмъ такой зависимости не усматривается; привозъ каменнаго угля усиливается, несмотря на то что вывозъ хлѣба уменьшается. Въ 1879 году поступило 12.850.239 пуд., въ 1880—16.855.598, въ

1881—13.342.460, но въ 1882 году 19.041.968 пуд. Это возрастаніе привоза каменнаго угля не даетъ права заключить о расширеніи района Одессы, какъ мы заключали изъ роста привоза по другимъ вышеломянутымъ статьямъ: каменный уголь по дешевизнѣ своей не можетъ выносить длинныхъ перевозокъ, если въ немъ нѣтъ спеціальной надобности для какого-нибудь техническаго производства; для домашнихъ надобностей въ нашихъ степяхъ его замѣняютъ и еще долго будутъ замѣнять кизякъ, камышъ и солома, а въ тѣхъ мѣстахъ вдали отъ Одессы, гдѣ является нуждающаяся въ каменномъ углѣ промышленность (напримѣръ, въ полосѣ сахарныхъ заводовъ), каменный уголь обходится еще слишкомъ дорого чтобъ уже теперь выдерживать конкурренцію дроваго отопленія. Отсюда одно заключеніе: усиленіе доставки каменнаго угля обусловливается одною Одессой; онъ потребляется почти исключительно на мѣстѣ, то количество которое внѣ предѣловъ Одессы потребляютъ Юго-Западныя дороги для отопленія своихъ паровозовъ слишкомъ незначительно чтобы принимать во вниманіе. Усиливающееся же мѣстное потребленіе каменнаго угля Одессой указываетъ прямо на возрастаніе ея фабричной промышленности, долженствующей обратить на себя вниманіе всякаго кто хочетъ выяснить себѣ экономическое положеніе города.

Фабричная и заводская промышленность самая молодая изъ экономическихъ функцій Одессы, если можно такъ выразиться. При прежнихъ условіяхъ жизни этого города (при существованіи порто-франко) не было и мыслимо возникновеніе этой промышленности; потребности не только въ фабричныхъ, но даже и въ ремесленныхъ продуктахъ удовлетворялись почти исключительно привозомъ изъ-за границы или заграничными дѣятелями. Такъ, напримѣръ, хлѣболеченіе было почти цѣликомъ въ рукахъ греческихъ хлѣболековъ, дѣлавшихъ то что леченый хлѣбъ въ Одессѣ, несмотря на ея торговлю лучшею въ свѣтѣ пшеницей, былъ хуже чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ Имперіи. Изъ разныхъ ремесленныхъ цеховъ самый многочисленный былъ цехъ цирюльниковъ (исключительно константинопольскіе Армяне), такъ какъ нельзя же было ѣздить за границу чтобы побриться или постричься. Портные и сапожники перебивались главнымъ образомъ починкой старыхъ издѣлій, а не производствомъ новыхъ. Порядочный мужской костюмъ можно было

заказать лишь въ одной мастерской, бравшей за услуги свои громадную плату. Иначе обстояло дѣло по отношенію къ дамскимъ уборамъ; модисткъ было не мало, но всѣ онѣ брали чрезвычайно дорого и наживали большія состоянія. Одна паровая мукомольня, одинъ литейный заводъ весьма скромныхъ размѣровъ, вотъ и все, чѣмъ выражалась фабрично-заводская дѣятельность Одессы, когда городъ еще пользовался льготами порто-франко. Сало выталливалось у самаго города въ значительномъ количествѣ—большемъ чѣмъ теперь, но мыломъ мылись въ Одессѣ французскимъ изъ Марсели или англійскимъ, а главнымъ образомъ турецкимъ.

Послѣ Крымской кампаніи все это самымъ существеннымъ образомъ измѣнилось, и измѣнилось особенно въ послѣдніе годы, когда въ хлѣбной торговлѣ все сильнѣе сталъ чувствоваться гнетъ американской конкурренціи. За 1878 годъ заводскофабричная дѣятельность Одессы выразилась цифрой въ 14 съ небольшимъ милліоновъ; за послѣдующее время было:

	Фабрикъ и заводовъ.	На нихъ рабочихъ.	Сумма производства въ руб.
Въ 1879 году.....	191	4.406	17.105.321
Въ 1880 году.....	206	6.313	28.013.299
Въ 1881 году.....	207	5.127	25.785.387
Въ 1882 году.....	211	5.236	26.143.063

Это безъ сомнѣнія хорошее начало, но только начало, не болѣе. Во всякомъ случаѣ оно показываетъ что промышленное производство удовлетворяетъ уже не однѣ мѣстныя нужды, но ищетъ и находитъ потребителей своихъ въ предѣлахъ довольно обширнаго района, даже за границей. Замѣчательно только что именно та отрасль обрабатывающей промышленности которой повидимому скорѣе всего слѣдовало воспользоваться иностранными рынками болѣе другихъ находится въ застоѣ и менѣе прочихъ оправдываетъ надежды на прогрессъ. Мы говоримъ о мукомольномъ дѣлѣ; изъ тѣхъ 6.793.326 руб. которые имъ зарабатываются, не болѣе $^1/_3$ переходитъ въ карманы производителей изъ-за границы; все остальное дается мѣстнымъ потребленіемъ. Этимъ объясняется и застой его; въ 1879 году одесскіе мельники произвели на 6.470.260, въ 1881 на 6.368.100 рублей. Если сравнить вывозъ муки съ вывозомъ пшеницы въ формѣ зерна, то (по цѣнности) первый составлялъ не болѣе 3 и 5% за оба названные года. Это слишкомъ мало: когда Американцы впервые

выступили на международномъ рынкѣ съ громадными массами своего хлѣба, то въ формѣ муки ими отправлялось около 6% всего отпуска, а въ настоящее время эти отправки доходятъ до 20%. А какъ важно такое измѣненное отношеніе для всего народнаго хозяйства едва ли нужно объяснять. Страна-отправительница не только выигрываетъ всю задѣльную плату ложащуюся на продуктъ этотъ, но и фрахтъ за излишекъ безполезнаго груза; а главное: лобочные продукты, отруби и отбросы не пріобрѣтаются уже странополучательницею за полцѣны или того меньше. Въ формѣ муки и нашъ хлѣбъ идетъ значительными массами на западноевропейскіе рынки, но не черезъ Одессу, сбытъ которой по отношенію къ мукѣ почти что ограничивается Турціей и Левантомъ, а черезъ Пештъ, Фіуме, Тріестъ, Кенигсбергъ и Берлинъ, которые такимъ образомъ сберегаютъ то что по справедливости должно бы было составить наше достояніе. На это ненормальное положеніе дѣла не излишне было бы обратить особое вниманіе правительству.

Съ производствомъ муки тѣсно связано производство макаронъ, галетовъ и тому подобныхъ продуктовъ, которые не идутъ за границу (кромѣ незначительныхъ количествъ служащихъ для пополненія судовыхъ запасовъ), а служатъ внутреннему рынку. До послѣдняго времени этотъ рынокъ ограничивался небольшимъ райономъ Одессы, но съ 1881 года это производство получаетъ громадное значеніе. Вмѣсто изображающей его суммы въ 257.000 за 1879 и 225.000 за 1880, оно въ 1881 году выражается 2.207.600, а въ 1882 2.567.950 рублей; очевидно громадное расширеніе Одесскаго района, по поводу чего можно только повторить то что прежде было замѣчено о желѣзной дорогѣ по поводу тарифовъ на иностранные привозные товары. Какъ видно изъ сказаннаго, макаронное производство, насколько оно не ограничивается мѣстнымъ потребленіемъ Одессы, есть новый промыселъ и какъ таковый заслуживаетъ поощренія и покровительства со стороны желѣзной дороги, которая за понесенныя такимъ образомъ жертвы можетъ и должна вознаградить себя въ послѣдствіи, когда промыселъ разовьется и окрѣпнетъ.

Такъ какъ здѣсь не имѣется въ виду представить подробную характеристику всей вообще обрабатывающей промышленности Одессы, а лишь тѣхъ отраслей которыя снабжая

своими продуктами весь районъ могутъ развиваться совмѣстно съ послѣднимъ, то-есть представляютъ всѣ шансы прогрессивнаго движенія, иначе говоря должны играть роль въ будущемъ экономическомъ положеніи Одессы, то достаточно будетъ обратить вниманіе только на слѣдующія производства.

1) Рафинадное дѣло: ему служитъ одинъ заводъ, дѣйствующій всего съ 1880 года и давшій слѣдующіе результаты: Въ 1880 году на 6.000.000 руб., въ 1881—на $6^1/_2$ милл., въ 1882—на 7.059.560 р. На заводѣ 1.440 паровыхъ силъ и 680 рабочихъ.

2) Маслобойная, дѣйствующая съ 1880 года, дала въ 1881 году 469.162, въ 1882—626.169 руб. Маслобойня эта первая въ Россіи начала изготовлять масло изъ сезамоваго сѣмени—столь высокаго качества что безъ пригоднаго только для лабораторіи, обстоятельнаго анализа его нельзя отличать отъ лучшаго прованскаго. Этимъ отчасти объясняется замѣченное выше уменьшеніе привоза растительныхъ маслъ изъ-за границы съ 337.872 пудовъ въ 1881 до 130.417 пудовъ въ 1882 году.

3) Изготовленіе красокъ и лаковъ: въ 1879 году было выработано ихъ на 260.900, въ 1880—395.000, въ 1881—435.000, въ 1882—681.500 руб. По производству ультрамарина и свинцовыхъ бѣлилъ (добываемыхъ новымъ способомъ съ устраненіемъ всякой опасности для здоровья рабочихъ) это первая фабрика въ Россіи и теперь уже разсылаетъ произведенія свои по всей Имперіи. Но еще большее развитіе предстоитъ ей въ будущемъ, благодаря открытіямъ минеральныхъ богатствъ по части красильнаго дѣла (тяжелаго шпата, желѣзнаго кровоцика и пр.) въ мѣстности Криваго Рога. Обработка этихъ минераловъ по окончаніи Екатеринославской желѣзной дороги по всей вѣроятности не минуетъ Одессы.

4) Бумагопрядильная и ткацкая фабрика дѣйствуетъ только съ 1880 года; въ первые два года давала съ небольшимъ 120.000 рублей; въ 1882 году, при 12.000 веретенахъ и занимая 173 рабочихъ, дала пряжи и тканей на 240.000 рублей. Хлопчатобумажное производство есть именно одно изъ тѣхъ къ которымъ Одесса, благодаря близости къ мѣстамъ производства сыраго матеріала (Кавказу, Леванту, Египту и самой Индіи) и сравнительной дешевизнѣ минеральнаго топлива, призвана гораздо болѣе чѣмъ другія мѣстности Имперіи, гдѣ этотъ промыселъ процвѣтаетъ гораздо болѣе по исторіи-

ческимъ нежели ло естественнымъ причинамъ; поэтому означенной отрасли промышленности въ Одессѣ нельзя отказать въ богатомъ будущемъ.

Но все это начатки только, не болѣе. Сколько еще есть отраслей промышленнаго производства которыя еще не тронуты въ Одессѣ, а между тѣмъ по естественнымъ условіямъ города могли бы процвѣтать въ немъ лучше чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ Имперіи. Для примѣра да позволено будетъ указать на слѣдующія:

а) Обработка джутоваго волокна для всякаго рода ткацкихъ произведеній. На мѣшки для хлѣба, пока у насъ не установится по примѣру Соединенныхъ Штатовъ перевозка въ ссыпную, въ самой Одессѣ такой спросъ что можетъ обезпечить существованіе цѣлой дюжины мануфактуръ этого рода. Сырой матеріалъ давался бы Кавказомъ въ громадномъ количествѣ еслибы въ Одессѣ оказались на него требованія; были даже удачные опыты культуры этого растенія въ самой Херсонской губерніи, и быть-можетъ производство его до извѣстной степени могло бы вознаградить нашихъ хозяевъ за несомыя ими потери на хлѣбномъ рынкѣ.

б) Производство соды и ѣдкаго натра, за которые мы переплачиваемъ ежегодно громадныя суммы за границу. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Одессы соляные промыслы, дававшіе въ иные годы до 3 милліоновъ пудовъ, и немногимъ дальше отъ нея Бессарабскія озера (въ нѣсколькихъ часахъ морскаго пути), могущія дать гораздо большее количество. Съ другой стороны, сравнительная дешевизна минеральнаго топлива и бо́льшая бли́зость Одессы къ мѣстамъ добыванія сѣры чѣмъ Петербурга или любаго изъ портовъ Балтійскаго моря.

в) Обработка винъ мѣстнаго происхожденія, особенно бессарабскихъ. Вмѣсто того чтобы, какъ дѣлается теперь, идти въ значительныхъ массахъ во Францію, а оттуда возвращаться подъ французскими этикетами къ намъ же назадъ, отчего этимъ винамъ не подвергаться той же процедурѣ въ Одессѣ и не снабжать нашъ рынокъ тѣмъ же добромъ за половинную цѣну. Бессарабія, Крымъ и Кавказъ могли бы насъ почти совершенно эмансипировать отъ винодѣлія Западной Европы, какъ они почти эмансипировали насъ отъ табаковъ даваемыхъ Турціей; $^{9}/_{10}$ того зелія которое мы куримъ подъ названіемъ турецкаго есть наше родное произведеніе, качество

коего годъ отъ году улучшается, такъ что оно уже начинаетъ играть нѣкоторую роль въ нашемъ экспортѣ. *

Но кто же исчислитъ всѣ тѣ отрасли промышленнаго производства которыя при настоящемъ состояніи техники оказались бы хозяйственно выгодными, привившись въ Одессѣ, то-есть въ ней дали бы лучшіе экономическіе результаты чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ Имперіи? Достаточно убѣдиться въ томъ что они есть и что если ими не пользуются, то по винѣ самихъ же Одесситовъ, а не какихъ-либо сторонніхъ условій. А если такое убѣжденіе разъ родится, то несправедливо и напрасно жаловаться на судьбу, лугаться кризиса въ дѣловой жизни ея и печалиться на счетъ ея упадка. Если онъ есть, то никто въ немъ не виноватъ кромѣ самихъ же Одесситовъ.

III.

Одесса не даромъ царила когда-то въ міровой хлѣбной торговлѣ: въ ней накопились громадные капиталы. Не трудно насчитать въ числѣ одесскихъ гражданъ и полсотни такихъ которые могутъ быть названы милліонерами. Изъ русскихъ городовъ только Москва и Петербургъ превосходятъ Одессу въ этомъ отношеніи. Капиталъ же есть спросъ на трудъ, ибо только при сочетаніи съ послѣднимъ онъ перестаетъ быть мертвымъ. До сихъ поръ спросъ этотъ былъ односторонекъ, обращаясь по преимуществу къ одной спеціальности, къ хлѣбной торговлѣ. Неудачи понесенныя на этомъ поприщѣ должны дать ему иное направленіе, но конечно для такого поворота требуется нѣкоторое время. Капиталъ будируетъ или, вѣрнѣе говоря, дѣлаетъ то что, по выраженію князя Горчакова, дѣлала Россія послѣ Парижскаго міра— il se recueille. Затѣмъ наступитъ новая для него дѣятельность. Чѣмъ скорѣе пройдетъ этотъ періодъ застоя, чѣмъ скорѣе капиталъ воспрянетъ къ новому творчеству, тѣмъ конечно для Одессы будетъ лучше. Но еслибы даже этого не случилось, еслибы даже было суждено ей, какъ думаютъ нѣкоторые, сдѣлаться тѣмъ чѣмъ сталъ Франкфуртъ съ конца прошлаго вѣка, если она не будетъ претендовать на роль бо́льшую чѣмъ роль центральнаго кредитнаго учрежденія

* Въ 1882 году изъ Одессы вывезено за границу 13.495 пудовъ.

для всего юга Россіи, отдыхать на лаврахъ такъ сказать и довольствуясь умѣреннымъ процентомъ жить нажитымъ уже состояніемъ, то и въ такомъ случаѣ это означаетъ не упадокъ, а напротивъ процвѣтаніе.

Мы начали констатированіемъ того что въ Одессѣ существуетъ пессимистическое настроеніе. Первая половина нашей статьи показала законность и основательность такого настроенія, но дальнѣйшія соображенія приводятъ къ тому что пессимизмъ этотъ лишь временный и что онъ долженъ замѣниться оптимизмомъ. На хлѣбную торговлю надѣяться нечего, но не только свѣта что въ окошко. Развитіе другихъ отраслей торговли, а главное промысловаго производства съ излишкомъ вознаградитъ за понесенную потерю. Одесса послѣдуетъ примѣру своей младшей, и болѣе счастливой чѣмъ она, соперницы—Чикаго. И тамъ годъ отъ году фабричная и мануфактурная промышленность растетъ гигантскими шагами и въ еще быстрѣйшей прогрессіи чѣмъ отпускъ хлѣба.

Но и для хлѣбной торговли Одессы настоящій кризисъ ею переживаемый не есть послѣднее слово. Видя ростъ нашей соперницы, Америки, и приходя въ ужасъ отъ размѣровъ этого роста, не должно забывать о нѣмецкой поговоркѣ что Богъ не даетъ деревьямъ расти до самаго неба. Со своею стремительностію, со своемъ безпощаднымъ go a head, Американцы скоро должны прохозяйничать, несмотря на все обиліе имѣющихся у нихъ рессурсовъ. Избытки ихъ производства не замедлятъ понадобиться для растущаго въ колоссальныхъ размѣрахъ собственнаго населенія. Самая система этого производства, хищническаго, должна измѣниться, а вмѣстѣ съ нею и условія отпуска. Конечно моментъ для такой перемѣны наступитъ не скоро еще, и настоящему поколѣнію едва ли удастся дожить до него. Но рано или поздно она совершится, и тогда наша конкурренція съ ними встрѣтитъ новые шансы, конечно лодъ условіемъ что мы сами не будемъ зѣвать тѣмъ временемъ, а воспользуемся американскимъ примѣромъ и американскимъ опытомъ, усвоивъ то что̀ есть хорошаго въ ихъ способахъ культуры и организовавъ по этому образцу нашу хлѣбную торговлю.

Р. ОРБИНСКІЙ.

БЕЗДНА*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

Посвящается Елент Сергѣевнѣ Рахмановой

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Все тотъ же вы?
— Зачѣмъ мѣняться мнѣ!
Горе отъ ума.

Владиміру Петровичу Ашанину уже перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, но „безпощадное крыло времени", какъ говорилось встарь, коснулось лишь словно pro forma этого „баловня природы" съ той поры когда мы впервые познакомились съ нимъ, благосклонный читатель мой. Въ порѣдѣвшей довольно замѣтно шапкѣ его волосъ начинали кое-гдѣ проглядывать серебряныя нити, но волосы эти все такъ же живописно кудрявились вокругъ смуглаго, все еще свѣжаго чела и большіе черные глаза горѣли все тѣмъ же юношески пылкимъ, соблазняющимъ женщинъ огнемъ, какъ въ тѣ давно минувшіе годы когда въ полупрозрачной тьмѣ майскихъ ночей поджидалъ онъ Ольгу Акулину въ аллеяхъ Сицкаго.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2, 3 и 4.

„Обломокъ старыхъ поколѣній“, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ традиціямъ своего былаго донъ-жуанства и, вопреки всякимъ „новымъ вѣяніямъ“, плѣнялъ теперь *демократокъ*-дочекъ все тѣми же вкрадчиво дерзкими пріемами обольщенія какими въ оны дни завоевывалъ сердца маменекъ „барынь“. Въ свѣтъ онъ давно пересталъ ѣздить, да и какой же теперь „свѣтъ“ въ Москвѣ? А въ послѣднее время всѣ часы остававшіеся у него свободными отъ занятій по театру проводилъ въ *Стрѣльнѣ* за Тверскою заставой, или въ одномъ скромномъ домикѣ на Патріаршихъ прудахъ: очень ужъ полюбилъ Владиміръ Петровичъ цыганское пѣніе за этотъ годъ...

Мы застаемъ его въ настоящую минуту у себя дома, въ его изящно убранной, холостой квартирѣ въ мѣстности сосѣдней съ Большою Дмитровкой. Десять часовъ только-что пробило въ его кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ спальни большою ковровою занавѣсью. За нею, въ спальнѣ, происходитъ обычное здѣсь утреннее священнодѣйствіе. Дюжій русскій парикмахеръ Ѳедоръ, переименовавшій себя „для репутаціи“ во французскаго „Théophile, coiffeur“, *наводитъ красоту* на своего кліента: бритъ ему подбородокъ, подвиваетъ усы и выливаетъ на его расчесанную волосокъ къ волоску голову цѣлый флаконъ *eau athénienne*... Но вотъ онъ кончилъ. Старый красавецъ, оглянувъ себя въ послѣдній разъ въ широкое туалетное зеркало у котораго сидѣлъ, скинулъ съ плечъ лудермантель и, отпустивъ „Теофила“, направился въ уголъ къ висѣвшей тамъ большой иконѣ Спасителя, предъ которою теплилась неугасимая лампада, и сталъ благоговѣйно на молитву, обернувшись спиной къ увѣнчанной гроздіями гологрудой вакханкѣ, глядѣвшей льняными глазами съ противоположной стѣны... Тотъ же двойственный характеръ набожности и *грѣховности* носило и все остальное здѣсь: на столѣ предъ зеркаломъ, между цѣлою массой англійскихъ щетокъ, черепаховыхъ гребней, ногтяныхъ пилокъ и всякихъ иныхъ принадлежностей тщательнаго туалета, гранатовыя четки лежали рядомъ съ маленькимъ блѣднорозовымъ башмачкомъ, очевидно скинутымъ „на ламять“ съ ножки молоденькой балерины; перламутровые крестики изъ Іерусалима, финифтяные образки отъ кіевскихъ святынь висѣли надъ кроватью покрытой жемчужнаго цвѣта атласнымъ одѣяломъ, расшитымъ по краямъ гирляндой розъ изъ сирени и съ огромнымъ вензелемъ владѣльца его по срединѣ, работа и подарокъ

влюбленной мастерицы рукодѣлья. Запахъ лампаднаго масла пробивалъ сквозь своеобразный букетъ только-что откупоренной большой стклянки духовъ, содержавшей въ себѣ какую-то смѣсь иланъ-иланга, лавдыша и вервены, которую Аманинъ приготовлялъ самъ по изобрѣтенному имъ особому рецепту... Во всемъ этомъ было что-то невольно говорившее о типахъ *кавалеровъ* давно исчезнувшихъ временъ когда религіозный энтузіазмъ и земныя страсти переплетались органически въ какое-то одно, цвѣтистое цѣлое. Недаромъ прозывалъ Аманина „un *raffiné* * du temps de la Saint-Barthélemy петербургскій пріятель его, князь Щепятевъ, большой зубоскалъ, острословъ и неудачникъ...

Въ кабинетѣ ждали хозяина похолодѣвшій уже стаканъ чая и актеръ Ростиславцевъ, сѣдовласый и добродушный мудрецъ, за потерей голоса перешедшій безъ малѣйшаго неудовольствія съ амплуа перваго тенора московской оперы на роли *подтчика писемъ* и *гостя* въ труппѣ Малаго Театра, совершенно довольный пятью рублями разовыхъ которые получалъ за выходъ, благодаря особому предстательству за него Аманина. Онъ, въ изъявленіе благодарности и преданности Владиміру Петровичу, являлся къ нему аккуратно каждый день въ десять часовъ утра, присаживался къ круглому столу за которымъ тотъ отпивалъ свой чай изъ стакана медленными глотками, дымя въ интервалахъ изъ лѣковой трубки, изображавшей нагую сирену съ рыбьимъ хвостомъ; вынималъ изъ стоявшаго тутъ же футляра затасканныя отъ частаго употребленія карты и принимался за пасьянсъ, за которымъ хозяинъ въ свою очередь слѣдилъ зоркими глазами. Разговоры между ними были коротки и относились исключительно къ ихъ домашнимъ, театральнымъ дѣламъ. Съ первымъ ударомъ одиннадцати часовъ Ростиславцевъ также аккуратно вставалъ, раскланивался и отправлялся на репетицію. Не видя у себя утромъ за пасьянсомъ Ростиславцева Аманинъ по всей вѣроятности удивился бы въ такой же

* Названіе *raffinés*, или болѣе опредѣлительно, *raffinés d'honneur* носили во Франціи въ царствованіе Карла IX придворные молодые люди отличавшіеся особливымъ изяществомъ и вкусомъ своихъ костюмовъ, многочисленностью любовныхъ приключеній и количествомъ противниковъ убитыхъ на дуэли. Это были *львы* той эпохи.

мѣрѣ какъ еслибъ ему сказали что воры прошедшею ночью похитили Царь-пушку изъ Кремля.

— Здравствуйте, Петръ Михайловичъ, говорилъ онъ, выходя, омовенный тѣлесно и духовно изъ спальни и садясь на свое плетеное кресло у стола;—что новаго?

— Три декораціи разрѣшено написать для новаго балета, отвѣтилъ тотъ, укладывая червонную даму на трефоваго короля.

— Вы почемъ знаете? быстро спросилъ Ашанинъ;—у насъ офиціально ничего нѣтъ изъ Петербурга.

— Шрамъ, декораторъ, письмо получилъ, встрѣтилъ его сейчасъ идучи сюда; самъ хотѣлъ къ вамъ быть съ этимъ, пріятель у него тамъ въ конторѣ есть: вмѣсто семи, пишетъ, декорацій на какія просятъ у васъ въ Москвѣ разрѣшенія, баронъ согласенъ на три, а представленную смѣту въ десять тысячъ изволилъ сократить на двѣ съ половиной.

— Я зналъ это, съ какою-то словно торжествующею улыбкой проговорилъ на это Ашанинъ.

Ростиславцевъ поднялъ на него съ изумленіемъ глаза:

— Какъ такъ, вѣдь вы, говорите, ничего офиціально не получали?

— Я и не офиціально... Варвара Аѳанасьевна открыла, примолвилъ какъ бы таинственно старый красавецъ.

— Гадалка? въ самомъ дѣлѣ? давно это?

И отставной теноръ, смѣшавъ карты не вышедшаго ласьянса, принялся торопливо тасовать ихъ, не отрываясь взглядомъ отъ своего собесѣдника, откровеніе котораго видимо заинтересовало его.

— Вчера заѣзжалъ къ ней предъ театромъ... Есть тутъ одно обстоятельство безпокоющее меня, примолвилъ слегка морщась Ашанинъ.

— Насчетъ Зильбермана? участливо спросилъ Ростиславцевъ.

Тотъ махнулъ рукой:

— Я о немъ и думать забылъ! Коли отсрочить не хочетъ, пусть подаетъ ко взысканію... Пусть всѣ они подаютъ! Рано ли, поздно ли, одинъ конецъ—опишутъ... Нѣтъ, я о другомъ...

Ростиславцевъ качнулъ головой: знаю-молъ о чемъ.

— Такъ что жь вамъ Варвара-то Аѳанасьевна напророчила?

— Я вамъ говорю, просто удивительно что за даръ прозрѣнія у этой женщины! Глядитъ въ гущу—она на кофейной

гущѣ гадаетъ — будто въ зеркалѣ все такъ и проходитъ предъ ней... „У васъ, говоритъ, много теперь заботъ всякихъ и безпокойства, только вы напрасно не тревожьтесь, потому все это должно къ вашему удовольствію кончиться. Первона-перво, говоритъ, женщина тутъ одна, съ которою вы въ близости состоите, брюнетка, лѣвица она или изъ актерокъ, не знаю, а только не изъ вашего дворянскаго сословія показываетъ... И молодая она, изъ себя красивая и большую къ вамъ преданность имѣетъ.“ „Сколько времени, можете сказать, спрашиваю, состою я съ этою женщиной въ близости?“ „Въ августѣ четыре года будетъ“, отвѣчаетъ. Именно такъ, какъ вамъ извѣстно.

— Удивительно! воскликнулъ Ростиславцевъ, слегка даже перемѣнялся въ лицѣ подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства.

Ашанинъ, съ выраженіемъ подобнаго же суевѣрнаго благоговѣнія въ чертахъ и тонѣ голоса, продолжалъ:

„— Вы, говоритъ, сами сперва-начала очень любили эту женщину и привыкли, но теперь она вамъ въ тягость, а вамъ совѣсть мѣшаетъ кинуть ее и отъ этого самого вы себѣ покою не знаете. Только все это неожиданно для васъ развяжется какъ нельзя лучше, такъ что вы сами удивитесь.“ „Какъ же это можетъ развязаться?“ спрашиваю я ее опять. „Очень просто: такой будетъ случай что она васъ будетъ ожидать къ себѣ по обѣщанію, а вы не пріѣдете; она очень разсердится за это и сама пожелаетъ разойтись съ вами...“

— Что же, Владиміръ Петровичъ, воскликнулъ прерывая Ростиславцевъ,—если такъ, то дѣйствительно чего же лучше! Съ одной стороны Зильберманы всякіе, а тутъ женщина на рукахъ... Коли сама васъ развяжетъ, благословляйте Создателя...

Старый Донъ-Жуанъ усмѣхнулся:

— Погодите, я не досказалъ. Разрывъ, какъ уже знаете, долженъ произойти изъ-за того что я не пріѣду *къ ней* по обѣщанію, но главная тутъ причина „другая женщина“...

— Ну такъ! комически вздохнулъ отставной теноръ.

— И это въ связи съ представленіемъ моимъ въ Петербургъ о декораціяхъ для новаго балета,

Ростиславцевъ даже руками всплеснулъ:

— Что вы! все это она въ гущѣ видитъ?

— „Показываетъ“, повторяя выраженіе Варвары Аѳанасьевны, подтвердилъ Ашанинъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности такого „показанія“ кофейной гущи.—„Вы, говоритъ, хлопочете на счетъ какихъ-то денегъ и будто какъ бы не для себя собственно, а въ какомъ-то чужомъ интересѣ. Деньги эти вы получите, только не всѣ, и узнаете объ этомъ чрезъ одну молодую даму, а въ скорости послѣ того изъ-за самой этой дамы выйдетъ у васъ ссора съ вашимъ предметомъ.“

— Что за притча! засмѣялся Ростиславцевъ,—дама-то эта выходитъ—я; потому объ отказѣ барона сообщено вамъ сейчасъ мною.

Въ кабинетъ въ эту минуту донесся изъ передней звонъ колокольчика, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ комнату дежурный капельдинеръ въ придворной ливреѣ, съ письмомъ и визитною карточкой въ рукѣ.

Анастасія Дмитріевна Ларина, прочелъ Ашанинъ на карточкѣ, взглянулъ на письмо... „Отъ Ошмянскаго“, быстро выговорилъ онъ, взглянувъ на Ростиславцева, вскрылъ поспѣшно конвертъ и обращаясь къ дежурному:

— Попроси эту госпожу въ гостиную! приказалъ онъ и принялся читать. Но едва пробѣжавъ первыя строки, онъ задрожавшею мгновенно рукой протянулъ письмо Ростиславцеву:

— Читайте: вѣрно или нѣтъ *видитъ* Варвара Аѳанасьевна.

Письмо было изъ Петербурга отъ состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ашанинымъ секретаря всевластнаго въ ту пору въ театральномъ вѣдомствѣ лица и начиналось такъ:

„Пользуясь случаемъ отъѣзда податильницы, гжи Ларионой, которая сама изъяснитъ вамъ о предметѣ своихъ желаній и для которой, не сомнѣваюсь, вы сдѣлаете все что̀ отъ васъ зависитъ, какъ и для всѣхъ кто только прибѣгаетъ къ вамъ, я со своей стороны считаю не безполезнымъ извѣстить васъ, до полученія вами формальнаго о томъ извѣщенія, что на послѣднее представленіе ваше о новыхъ декораціяхъ его высокопревосходительство...“ Слѣдовало буквальное повтореніе того что̀ писалъ декоратору Шраму пріятель его изъ той же канцеляріи главнаго театральнаго управленія.

— Удивительно! повторилъ спирающимся голосомъ отставной теноръ, нервно дернувъ плечомъ.

Ашанинъ принималъ очень горячо къ сердцу всѣ интересы театра, и скаредничанье барона, постоянно отказывавшаго, въ прямой ущербъ дѣйствительныхъ выгодъ дѣла, тамъ гдѣ расходы на оное представлялись совершенно необходимыми, приводило его всегда въ крайнее раздраженіе. Но въ настоящемъ случаѣ чувство досады сводилось у него на „нѣтъ“ въ виду того удовлетворенія которое доставляло ему „поразительное“ доказательство несомнѣннаго пророческаго дара гадалки, въ совѣщаніяхъ съ коею онъ проводилъ цѣлые часы по нѣсколько разъ въ недѣлю; онъ, чуть не лакуя, направился своими торопливо-мелкими шажками въ гостиную, гдѣ его ожидала госпожа Ларина.

Это была еще весьма молодая, но съ усталымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ особа, одѣтая въ скромное, хорошо скроенное, шерстяное платье темнаго цвѣта и въ такой же скромной, но свѣжей шляпкѣ съ полуопущенною вуалеткой, сквозь которую сквозили большіе и прекрасные, сколько можно было судить, глаза.

— Не знаю, узнаете ли вы меня, Владиміръ Петровичъ? проговорила она, увидавъ его и подымаясь съ турецкаго дивана роскошно расшитаго шелковыми узорами по красному сукну, какъ и вся остальная мебель этой парадной пріемной пожилаго московскаго Донъ-Жуана.

— Ахъ, Боже мой, конечно! воскликнулъ онъ, протягивая руку и дружески пожимая ея тонкіе пальцы:—карточка ваша мнѣ ничего не сказала; *Ларину* я никакой не знаю, но по голосу и лицу узналъ васъ съ первой минуты... Вы замужъ вышли вѣроятно съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь—тому два года кажется?—на этомъ самомъ мѣстѣ, примолвилъ Ашанинъ, съ ласкательнымъ оттѣнкомъ въ улыбкѣ и тонѣ рѣчи.

Она усмѣхнулась слегка:

— Нѣтъ, я все также не замужемъ; *Ларина*—мой театральный псевдонимъ... который я возобновляю теперь, примолвила она сквозь слезы.

— Возобновляете? повторилъ вопросительно Ашанинъ.

— Да, я цѣлый годъ... я была за Дунаемъ во время войны, какъ бы застыдясь объяснила она.

— Въ Красномъ Крестѣ?... И вернулись оттуда цѣлы и здравы? спросилъ онъ съ живымъ участіемъ.

— Нѣтъ, у меня былъ тифъ... какъ у всѣхъ тамъ, добавила она съ новою легкою усмѣшкой,—но, какъ видите, жива... Я изъ Петербурга привезла вамъ письмо отъ господина Оттманскаго, поспѣшила она перемѣнить разговоръ.

— Какже, благодарю васъ очень! Онъ мнѣ пишетъ проса о моемъ содѣйствіи вамъ... Но въ чемъ—вы сами мнѣ должны объяснить, говоритъ онъ... Для этого мнѣ рекомендаціи его не нужно, молвилъ улыбаясь Ашанинъ,—мы съ вами старые знакомые и чрезъ посредство человѣка котораго я ото всей души люблю и уважаю, Бориса Васильевича Троекурова... Давно не было его въ Москвѣ, и я въ послѣднее время не имѣю о немъ никакихъ извѣстій... А вы?

— Я слышала, онъ за границей съ дочерью.

— Сами вы не были въ его мѣстахъ?

— Нѣтъ, я прямо изъ Болгаріи проѣхала въ Петербургъ съ общиною сестеръ въ которой состояла.

— Навидались вы тамъ всякихъ ужасовъ, за Дунаемъ, воображаю, сказалъ Ашанинъ, все внимательнѣе вглядываясь въ свою собесѣдницу.

— Да, подтвердила она,—но съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось видѣть столько самоотверженія, покорности, столько (она какъ бы искала выраженія)... святыхъ чувствъ что о темныхъ сторонахъ забываешь... Нельзя не полюбить ото всей души русскаго простаго человѣка когда узнаешь его такъ какъ *нам* дано было узнать его теперь, пояснила дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалась трогательная нота; она приподняла вуалетку, и предъ Ашанинымъ сверкнули какъ двѣ звѣзды ея загорѣвшіеся глубокіе каріе глаза.

Онъ видѣлъ ихъ тому два года эти глаза, это все такъ же какъ и теперь блѣдное и выразительное лицо, но они въ ту пору не произвели на него никакого впечатлѣнія. Въ настоящую же минуту онъ чувствовалъ что его „подмываетъ“, какъ выражался онъ внутренно. „Изъ за *этой* женщины“, по предсказанію Варвары Аѳанасьевны, долженъ былъ произойти у него разрывъ съ тою „*фараонкой*“* изъ Стрѣльны, которую „совѣсть не позволяла ему до сихъ поръ покинуть“, и онъ глядѣлъ теперь на эту ниспосылаемую ему таинственною

* Выраженіе Полежаева.

судьбой „избавительницу“ съ полною уже готовностью предоставить ей со своей стороны всякое право и основаніе споспѣшествовать его *избавленію*.

— Вы надолго теперь въ Москву? поспѣшилъ онъ спросить въ соотвѣтствіе тому что̀ роилось у него теперь въ головѣ.

— Это будетъ отчасти отъ васъ зависѣть, отвѣчала она на это какъ бы не совсѣмъ увѣренно.

— Отъ меня? Въ такомъ случаѣ вы отсюда никогда не уѣдете! воскликнулъ Ашанинъ, и лицо его, по давнишней привычкѣ, приняло тотчасъ же то елейно вызывающее выраженіе, напоминавшее нѣсколько *заигрываніе* старой кокотки, которое до сихъ поръ производило, какъ онъ зналъ, неотразимый эффектъ на женщинъ удостоиваемыхъ имъ своего вниманія.

Но дѣвушка въ отвѣтъ на это взглянула на него такимъ „невинно“ удивленнымъ взглядомъ что ему стало тутъ же совѣстно (ему припомнилось письмо отъ Бориса Васильевича Троекурова которое она привезла ему въ первый разъ и мѣсто въ этомъ письмѣ гдѣ говорилось о „полномъ *уваженіи* и участіи коихъ достойна эта молодая особа“), и, опустивъ свои лукавые глаза, онъ продолжалъ уже надлежащимъ тономъ:

— Съ Краснымъ Крестомъ вы теперь покончили и думаете опять на сцену, такъ ли?

— Да.

— Имѣете вы ангажементъ куда-нибудь?

— Я бы могла, еслибы захотѣла, поступить опять въ *** (Ларина назвала одинъ изъ большихъ русскихъ университетскихъ городовъ): тамошній антрепренеръ очень просилъ меня объ этомъ когда я собралась въ *сестрьи*...

— Вы тамъ большой успѣхъ имѣли, я знаю, перебилъ ее Ашанинъ: — васъ видѣлъ одинъ мой знакомый въ *Маріи Стюартъ* и отзывался съ восхищеніемъ о вашей игрѣ.

Лицо Лариной заалѣло слабымъ румянцемъ: отзывъ этотъ видимо вызывалъ въ ней давно не испытанное ощущеніе радости.

— Тамошняя публика, дѣйствительно, была очень благосклонна ко мнѣ, сказала она и какъ бы невольно добавила: — но положеніе провинціальной актрисы ужасно тяжело!...

— Не тяжелѣе все же, думаю, усмѣхнулся ея собесѣдникъ,—того креста который взялись вы нести въ военномъ

госпиталѣ, среди умирающихъ и зараженныхъ, при всевозможныхъ лишеніяхъ и изнуряющемъ трудѣ?

— Ахъ, какъ можно! воскликнула горячо недавняя *сестра:*— тамъ о лишеніяхъ не думаешь, тамъ рядомъ съ трудомъ такое душевное спокойствіе... такое *удовлетвореніе*, примолвила она, безсознательно подчеркивая;—знаешь что ты нужна, что ты истинному дѣлу служишь и какъ въ семьѣ себя чувствуешь, среди братьевъ, всѣ тебя любятъ, радуются тебѣ...

Она оборвала вдругъ и отвела глаза въ сторону, будто говоря себѣ: „къ чему объ этомъ распространяться“!

Ашанинъ качнулъ головой:

— Въ театральномъ быту приходится испытывать совершенно противоположное: не удовлетвореніе и братскія чувства, а терзанія и вражду... А все же васъ опять туда тянетъ?

— Тянетъ, Владиміръ Петровичъ! вырвалось неудержимо изъ устъ Настасьи Дмитріевны. И столько искренности и неожиданной наивной какой-то прелести сказалось въ эту минуту во всей ея наружности что въ вѣчно юной головѣ пожилаго красавца снова закопошилась мысль: а вѣдь по гаданію нелогрѣшимой Варвары Аѳанасьевны выходитъ что никакая иная какъ *эта* „женщина“ должна его вызволить изъ узъ *фараонки*“...

— И еслибы вы нашли возможность, говорила она между тѣмъ,—исполнить теперь то на что давали вы мнѣ нѣкоторую надежду два года назадъ...

Онъ не далъ ей договорить:

— Зависѣло бы это отъ меня, вы бы завтра приняты были въ труппу Малаго Театра. Но мы здѣсь лишенныя всякаго значенія лѣпки на шапешницѣ: слоны и ферязи орудующіе нашимъ злополучнымъ театральнымъ дѣломъ сидятъ въ Петербургѣ и будто единственно для того чтобы тормозить и придушивать, все что можетъ служить преуспѣянію его... Вы не были тамъ у барона Кналлера?

— Онъ меня не принялъ, и меня въ его канцеляріи направили къ секретарю его, господину Ошмянскому.

— Который, въ свою очередь, какъ они всегда тамъ дѣлаютъ, направляетъ васъ ко мнѣ, зная напередъ что станемъ мы отсюда просить о принятіи васъ въ труппу, патронъ его сочтетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ, въ виду все того же соблюденія экономіи, à tout prix, отказать намъ въ этомъ

наотрѣзъ, желчно выговорилъ Ашанинъ, оборачиваясь машинально въ то же время на входившаго въ эту минуту въ комнату камердинера своего Максима, маленькаго, юркаго и смѣтливаго малаго, съ птичьимъ лицомъ и плутоватымъ лоскомъ наружности слугъ старинныхъ французскихъ комедій,—un Frontin digne de son maitre, какъ говорилъ про него все тотъ же князь Щенятевъ... Онъ быстро подошелъ къ барину, сунулъ ему какое-то письмо въ пальцы и по одной игрѣ его физіономіи Ашанинъ догадался кѣмъ оно было ему писано.

— Извините, проговорилъ онъ, послѣшно вставая и подходя къ окну прочесть письмо.

Оно содержало лишь нѣсколько словъ:

„Два дня не видала. Если не можешь обѣдать, пріѣзжай *непремѣнно* сегодня вечеромъ. Жду отвѣта“.

— Кто принесъ? спросилъ вполголоса Донъ-Жуанъ.

— Кухарка ихняя, отвѣтилъ еле слышно Лепорелло;—говоритъ, весь вчерашній день проплакали ожидаючи васъ.

— Хорошо, скажи что обѣдать не могу, а вечеромъ буду... *непремѣнно*, промолвилъ Ашанинъ, безсознательно повторяя подчеркнутое „фараонкою“ въ запискѣ слово. Но лицо его замѣтно омрачилось...

— Извините, повторилъ онъ, возвращаясь къ своему мѣсту противъ дивана на которомъ сидѣла его гостья.

— Не задерживаю ли я васъ? проговорила она,—у васъ дѣло, можетъ-быть...

— Ахъ нѣтъ, пожалуста! вскликнулъ онъ, какъ-то вдругъ страшно испугавшись что она „сейчасъ встанетъ и уйдетъ“;—никакого у меня дѣла нѣтъ въ эту минуту, кромѣ вашего, и я весь къ вашимъ услугамъ.

— Что же мое дѣло, промолвила она печально,—когда я вижу изъ вашихъ словъ что нѣтъ надежды...

— Надежды никогда терять не надо, усмѣхнулся онъ;—представленіе о васъ мы во всякомъ случаѣ сдѣлать можемъ, а тамъ быть-можетъ и вывезетъ... У насъ на драматическія роли европейскаго репертуара исполнителей нѣтъ, а возобновить этотъ репертуаръ моя всегдашняя мечта... Вѣдь это просто позоръ: какой-нибудь антрепренеръ въ губернскомъ городѣ находитъ возможность поставить *Марію Стюартъ*, напримѣръ, а московская Императорская сцена не можетъ этого сдѣлать—сыграть некому!... Нашъ бытовой репертуаръ

погубилъ у насъ цѣлое поколѣніе актеровъ, воскликнулъ съ горечью старый театральный энтузіастъ;—воспитавшись на Любимахъ Торцевыхъ да на Подхалюзиныхъ—пойди, подымись на высоту *Гамлета* или *Валленштейна!* Геніальный актеръ былъ покойный Провъ Михайловичъ Садовскій, а вздумалъ попробовать себя въ *Лирѣ*, срамота вышла.. Школа, традиція, воспитательное значеніе театра — все это у насъ сметено съ лица сцены, хоть сначала начинай!... Да что объ этомъ говорить! перебилъ онъ себя, проводя рукою по лбу,—не поможешь!.. Возвратимся къ вамъ, это гораздо интереснѣе. Мы будемъ просить о васъ отсюда, я уговорю это сдѣлать нашего здѣшняго набольшаго; но вамъ слѣдовало бы прежде самимъ заявить о себѣ...

— Дайте мнѣ дебютъ! поспѣшила она сказать на это.

Онъ усмѣхнулся:

— Заставьте насъ дать вамъ его поневолѣ, а не изъ милости.

— Я васъ не понимаю, промолвила дѣвушка, глядя на него съ удивленіемъ.

— Я вамъ открою одну изъ нашихъ тайнъ, отвѣтилъ онъ ей шутливо:—вотъ видите, начальство у насъ терпѣть не можетъ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно ее боится, и всякій невѣжда и оборвышъ литушій театральныя рецензіи въ газетахъ по двѣ съ половиною копѣйки за строчку представляется ему силой съ которою слѣдуетъ де считаться... Интриганы знаютъ это хорошо и проводятъ и поддерживаютъ этимъ путемъ всякую бездарность и мерзость на сценѣ... Воспользуемся же этимъ орудіемъ и мы въ интересахъ хорошаго дѣла. Вамъ прежде всего надо было бы показать себя на частной сценѣ, въ Артистическомъ Кружкѣ, напримѣръ, и въ піесѣ которая у насъ не идетъ,—въ той же хотя бы *Маріи Стюартъ*. Объ успѣхахъ вашихъ въ этой роли въ *** было не разъ уже говорено въ газетахъ, и я не сомнѣваюсь что такой же успѣхъ вы будете имѣть и здѣсь. Въ Артистическій Кружокъ вы будете приглашены когда только захотите,—я берусь это устроить. А какъ только вы тамъ сыграете, мы и пустимъ сейчасъ въ ходъ „благодѣтельную гласность“. Возьму я за бока одного знакомаго мнѣ здѣшняго корреспондента петербургской газеты *Призывъ*—она вѣдь тамъ за Евангеліе идетъ у лицъ *правительственныхъ*;—онъ про васъ и протрубитъ въ своемъ московскомъ фельетонѣ, благо

ему случай этимъ лишній выйдетъ выругать правительственное вѣдомство... Дрянь вѣдь, по правдѣ вамъ сказать, весь этотъ людъ невообразимая! презрительно засмѣялся Ашанинъ:—самъ онъ чиновникъ и рода и нрава чиновническаго, и отъ казны норовитъ какъ бы побольше жалованья получить, а посмотрите чего онъ тутъ не настрочитъ—и про казенную монополію, и про чиновничій произволъ въ сферѣ искусства, и про гибель молодыхъ талантовъ „вслѣдствіе печальныхъ условій нашего общественнаго устройства“ и такъ далѣе, и такъ далѣе... Намъ-то все это на благо будетъ, оживленно договорилъ онъ:—я постараюсь повести дѣло такъ чтобы какъ разъ вслѣдъ за его фельетономъ пришло въ Петербургъ наше представленіе о принятіи васъ на драматическія роли классическаго репертуара, и тогда является огромнѣйшій шансъ что намъ не откажутъ изъ-за боязни чтобы дирекцію по поводу васъ не выбранили еще разъ въ газетѣ *Призывъ*.

Настасья Дмитріевна тихо засмѣялась.

— Для моего самолюбія пожалуй и не очень лестно изъза такихъ поводовъ добиться чести поступить на Императорскую сцену, но я самолюбію моему давно велѣла смолкнуть, промолвила она съ полувздохомъ.

— Помилуйте, ему въ этомъ случаѣ и говорить нечего! послѣдовательно воскликнулъ Ашанинъ:—безъ рекламъ, подкупа или устрашенія ничего не добьешься въ нашъ вѣкъ; все и вся поневолѣ должны подчиняться этому закону.

Изъ передней раздался опять звонъ колокольчика, и вслѣдъ за тѣмъ быстрыми шагами, не замѣчая или дѣлая видъ что не замѣчаетъ разговаривавшихъ въ гостиной, прошелъ мимо ихъ въ кабинетъ декораторъ Шрамъ, красивый малый и закулисный сердцеѣдъ Ашанинской школы, съ какою-то палкой подъ мышкой.

Ларина поднялась съ мѣста:

— У васъ дѣла, Владиміръ Петровичъ, а васъ совсѣмъ заговорила... Когда же вы позволите мнѣ зайти опять къ вамъ узнать?..

У него еще разъ пронеслось въ головѣ о Варварѣ Аѳанасьевнѣ и ея предсказаніяхъ... Онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Позвольте мнѣ самому явиться къ вамъ... Я надѣюсь еще сегодня устроить дѣло о приглашеніи васъ Артистиче-

скимъ Кружкомъ... Я бы могъ привезти вамъ вечеромъ отвѣтъ. Можно?

— Очень вами буду благодарна... если не очень поздно, промолвила она, какъ бы нѣсколько поколебавшись.

— Гдѣ вы остановились?

— У Харитонія въ Огородникахъ, домъ Срѣтенской... Я тамъ у старушки хозяйки живу, Лизавету Ивановну спросите, ее всѣ тамъ знаютъ.

— Лизавета Ивановна, „ангелъ мой“! воскликнулъ онъ смѣясь,—да и я ее издавна знаю... Вы съ нею чрезъ Александру Павловну Троекурову познакомились?

— Нѣтъ, когда я два года тому назадъ покидала деревню чтобъ ѣхать сюда, я встрѣтилась въ нашемъ городѣ съ докторомъ Ѳирсовымъ, что̀ живетъ у Троекуровыхъ,—онъ лѣчилъ моего покойнаго отца и очень хорошій человѣкъ;—онъ меня и направилъ съ запиской къ этой старушкѣ, такъ какъ я... не знала гдѣ мнѣ пристать въ Москвѣ, добавила дѣвушка съ нѣкоторою запинкой,—а теперь я у нея опять остановилась.

— Божья душа! промолвилъ Аѳанинъ, видимо тронутый.— Все та же она за всѣхъ радѣлица и богомолица?

— Все та же, подтвердила съ такою же въ свою очередь тронутою улыбкой Настасья Дмитріевна;—у нея вѣдь маленькое состояніе послѣ отца осталось, но оно у нея все на бѣдныхъ ушло. Александра Павловна ей этотъ домикъ купила съ полнымъ хозяйствомъ и взяла съ нея слово сохранить все это въ цѣлости до смерти, а то она бы опять все раздала... Ноги теперь у нея слабы стали; бѣгать по больнымъ и нуждающимся, какъ бывало прежде, ей уже тяжело становится, такъ она квартиру свою въ странноприимный домъ обратила. Вѣчно у нея какія-то старушки недужныя живутъ, да дѣти сироты, которыхъ она какъ-то удивительно всегда умѣетъ пристраивать къ добрымъ людямъ... Мнѣ тамъ очень хорошо живется! вырвалось какъ бы помимо воли у дѣвушки.

Аѳанинъ пристально взглянулъ на нее своими большими черными глазами и вздохнулъ почему-то во всю грудь.

— Такъ я къ вамъ и Лизаветѣ Ивановнѣ отъявлюсь сегодня непремѣнно, Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—и надѣюсь съ добрыми вѣстями.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку, проводилъ до передней,

раскланялся съ оттѣнкомъ какой-то особой почтительности—и, Богъ вѣсть чѣмъ необыкновенно довольный, вернулся своими мелкими шажками въ кабинетъ, гдѣ Ростиславцевъ въ ожиданіи его раскладывалъ уже третій пасьянсъ.

II.

Mihi praeter omnes angulus ridet.

Horat.

—

Захочу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.
Островскій. *Бѣдность не порокъ.*

Это былъ одинъ изъ тѣхъ, выросшихъ какъ грибы послѣ пожара Двѣнадцатаго Года, деревянныхъ, оштукатуренныхъ въ позднѣйшее время, одноэтажныхъ домиковъ, комнатъ въ пять-шесть, съ мезониномъ въ двѣ „свѣтелки“, надъ скрипучею лѣстницей, какихъ еще не мало—и слава Богу!—осталось въ Москвѣ бѣлокаменной;—одинъ изъ тѣхъ домиковъ съ крошечнымъ садикомъ и цвѣтничкомъ подъ самыми окнами, гдѣ въ комнатахъ вѣчно пахнетъ жженымъ кофе и геранью, и по чисто вымытому полу, отъ двери къ двери, бѣжитъ дорожка изъ толстой парусины; на почетномъ мѣстѣ въ гостиной, чинно уставленной старинною краснаго дерева мебелью, висятъ литографированныя изображенія императора Николая 1го или митрополита Филарета, оклеенныя чернымъ бордюромъ по стеклу, да глядитъ съ почернѣвшаго полотна какой-нибудь дѣдъ секундъ-майоръ въ екатерининскомъ мундирѣ;—одинъ изъ тѣхъ тишайшихъ *уголковъ* въ которыхъ пришлаго, усталаго отъ жизненной битвы человѣка охватываетъ внезапно неотразимымъ ощущеніемъ мира и забытья.... „Такъ бы кажется и олочилъ здѣсь до втораго пришествія“, проносится у него на мигъ въ головѣ.—„Если до этого не успѣешь ты тутъ десять разъ умереть со скуки“, скептически договариваетъ онъ себѣ, вздыхая, минуту спустя...

Лизавета Ивановна Срѣтенская не скучала въ своемъ „пріютѣ“, какъ называла она принадлежавшій ей домикъ у Харитонія въ Огородникахъ. Она чувствовала себя въ немъ „какъ въ Царствіи Небесномъ“ и смущалась порою лишь мыслью о томъ что „вотъ ей дано такъ много, а у другаго ни крова,

ни хлѣба", и что она этимъ „можетъ соблазняетъ иного на зависть", а въ Писаніи именно сказано чтобы не быть для ближняго предметомъ соблазна... Она очень боялась всегда „пристула" этой мысли, такъ какъ за нею постоянно слѣдовалъ въ мозгу маленькой особы прямой изъ нея выводъ: „отдай все во имя Его", побудившій ее уже разъ въ молодости обратить себя добровольно въ нищую. А *отдать* она не почитала себя теперь въ правѣ, такъ какъ „анделъ" ея, Александра Павловна, „уготовавъ ей этотъ пріютъ для мирнаго въ старости житія и кончины", очень бы уже огорчилась еслибъ она, Лизавета Ивановна, этимъ „пренебрегла"... „Анделъ Александра Павловна", къ тому же, въ не частыя лобывки свои въ Москвѣ постоянно останавливалась у нея въ этомъ домикѣ (домъ на Покровкѣ, наслѣдіе Остроженковъ, оставался все также никогда Троекуровыми не обитаемымъ) съ сыномъ своимъ Васей,—„Христовымъ избранникомъ", какъ называла его Лизавета Ивановна, питавшая къ мальчику какое-то восторженно благоговѣйное чувство вслѣдствіе одной особенности, о которой въ свое время узнаетъ читатель... Она поэтому тщательно старалась не допускать себя „путаться мыслями на счетъ дома и прочаго", хотя бы и „спасенья себя ради".

Помѣщалась она сама „на верху", въ одной изъ „свѣтелокъ" мезонина съ десятилѣтнею тщедушною дѣвочкой, дочерью одной ломершей знакомой ея просвирни, которую пріютила она у себя, спасая сначала малютку отъ лобоевъ вѣчно пьянаго отца, а послѣ его смерти и просто ради того что „куда же ей, личужкѣ Божіей, дѣться-то"! На томъ же простомъ основаніи „скрилѣла" у нея второй годъ въ сосѣдней комнатѣ древняя, бездомная и сирая „странница", Таисія Филипповна, „подобранная" ею въ одинъ большой праздничный день въ церкви, гдѣ она отъ изнеможенія и духоты пала въ толпѣ безъ чувствъ. „Не давать же ей ломирать тутъ, анделъ мой, аль чтобы въ участокъ ее стащили", объясняла по этому случаю Лизавета Ивановна, „а у меня въ ту пору и свѣтелка-то рядомъ съ моею свободная стояла; я и попросила добрыхъ людей снести ея сюда, благо отъ церкви-то до меня рукой подать; и ничего, отошла тутъ сейчасъ, а только въ скорости потомъ ноги у нея отнялись... Такъ такъ вотъ и живетъ съ того дня у меня, сердечная".... „Сердечная" стонала съ утра до ночи, не то отъ боли въ ногахъ, не то отъ

скуки по прежней бродячей жизни, и привередничала какъ малый ребенокъ, но какъ бы тѣмъ паче вызывала заботы и нѣжность своей хозяйки, „баловавшей ее неустанно чаемъ съ „вареньицемъ“ или „манною кашкой съ сахарцемъ и корицей“ изъ обильнаго запаса всякихъ сластей и деревенской провизіи, которыя вѣрная обычаямъ старины высылала „по первопутьѣ“ цѣлыми возами Александра Павловна Троекурова изъ Всѣхсвятскаго старой своей пріятельницѣ въ Москву.

Внизу, въ залѣ, довольно пространной комнатѣ съ лѣпнымъ карнизомъ, узенькими кисейными занавѣсями на окнахъ и небольшимъ количествомъ какихъ-то очень стариннаго фасона съ рѣзными спинками стульевъ, стояла узкою стороной къ свѣту пара длинныхъ лялецъ и такой же длинный липоваго дерева столъ съ гладкою, некрашеною поверхностью. Тутъ вѣчно шла та или другая работа „Бога для“, какъ выражалась хозяйка. На столѣ кроились ризы для священниковъ какихъ-то бѣдныхъ деревенскихъ приходовъ изъ „остаточковъ“ парчи и „муаре“, которыя добывала Лизавета Ивановна ото всякихъ своихъ доброхотовъ „купецкой націи“; ситцевыя рубашки и платьица для той или другой „пичужки“ изъ сиротъ. Вышивать въ пяльцахъ *воздухи* или коврики подъ иконы, въ четыре, иной разъ въ восемь рукъ, собирались по утрамъ дѣвочки и взрослыя дочери всякихъ отставныхъ чиновницъ и офицерскихъ вдовъ, сосѣдокъ Лизаветы Ивановны, въ средѣ которыхъ пользовалась она огромною популярностью и уваженіемъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и почитали нужнымъ за глаза—отъ „духа вѣка“ не уйдешь и у Харитонія въ Огородникахъ—относиться о ней какъ о „совсѣмъ *безъ развитія* и даже въ нѣкоторомъ родѣ юродивой особѣ“... По обѣимъ сторонамъ зальца расположены были двѣ выходившія на улицу комнаты, изъ которыхъ одна, по правой сторонѣ, съ прилегавшею къ ней коморкой въ видѣ алькова составляла „покой Александры Павловны“. Сюда, „окромѣ какъ если кто изъ Всѣхсвятскаго“, хозяйка никого никогда не пускала и самый ключъ отъ двери въ это отдѣленіе дома постоянно носила у себя въ карманѣ. Комната слѣва, уютно уставленная скромною, но покойною мебелью, занимаема была теперь Настасьею Дмитріевною Ларикой. Подлѣ нея, въ небольшой столовой, собиралась въ урочный часъ трапезовать вся сборная семья жилицъ

Лизаветы Ивановны; къ ней же принадлежалъ еще двѣнадцатилѣтній гимназистикъ, сынъ одного дальняго родственника хозяйки, изъ духовнаго званія, порученный ей состоявшимъ на службѣ гдѣ-то въ Рязанской губерніи отцомъ, и котораго она устроила въ выходившей окномъ на дворъ, рядомъ со столовою, узенькой заставленной шкалами комнаткѣ, служившей первоначально *буфетною*. „Въ тѣснотѣ люди живутъ и счастливы бываютъ, анделъ мой“, говорила она ему какъ бы въ видѣ утѣшенія каждый разъ какъ входила въ его „дырочку“ наблюсти держитъ ли онъ ее и себя „въ чистотѣ“...

— Съ тетей тутъ господинъ какой-то васъ дожидаются, говорилъ этотъ гимназистикъ, выбѣжавъ отворить дверь съ улицы на звонокъ вернувшейся отъ Аѳанасія Настасьи Дмитріевны.

— Кто такой? машинально спросила она, быстро входя въ сѣни.

— Не знаю, большущій такой, здоровый... И тетя его не знаетъ. Онъ васъ спрашивалъ, такъ она посылала меня сказать ему что вы обѣщались скоро быть, а потомъ и сама къ нему сошла, объяснялъ мальчикъ, подымаясь на цыпочки чтобы снять ей съ плечъ тяжелый, омоченный только-что ливнемъ дождемъ бурнусъ.

— Спасибо, Петя милый, вотъ ты какой дамскій угодникъ! съ ласковою улыбкой молвила она ему, сбрасывая калоши съ ногъ;—а что же ты не въ гимназіи самъ?

— Праздникъ большой сегодня, Покрова Богородицы, отвѣтилъ онъ, словно съ упрекомъ, показалось ей, взглянувъ на нее;—мы съ тетей только изъ церкви вернулись какъ этотъ пріѣхалъ.

— Да, да, торопливо проговорила она, и какъ бы невольно домолвивъ:—я не успѣла быть въ церкви, у меня дѣло было очень нужное,—прошла въ залъ.

Тамъ у рабочаго стола, посреди комнаты, сидѣлъ насупротивъ хозяйки дома человѣкъ котораго она менѣе всего думала увидать здѣсь.

— Провъ Ефремычъ! вскликнула она, быстро направляясь къ нему,—вы вернулись... давно?... А Тоня гдѣ же?

— Здравствуйте, сестрица, какимъ-то поразившимъ ее съ перваго раза дѣланнымъ тономъ выговорилъ онъ въ отвѣтъ, подымаясь съ мѣста и церемонно подходя ей къ ручкѣ.— Сестрица ваша Антонина Дмитріевна за границей продол-

жаетъ пребывать, добавилъ онъ тутъ же съ насилованною усмѣшкой.

У Ларисой ёкнуло сердце отъ какого-то дурнаго предчувствія...

— Лизавета Ивановна, голубушка, здравствуйте, мы съ вами еще не видались сегодня, послѣдно промолвила она, проходя къ ней и цѣлуясь съ ней щека въ щеку.—Шуринъ это мой, указала она на гостя,—сестры мужъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ.

— Знаю, анделъ мой, знаю, сказывали они мнѣ. Чрезъ Николая Иваныча, золотаго моего, узнали что вы у меня стоите и пріѣхали они вотъ, объяснила маленькая особа съ оживленнымъ выраженіемъ на своемъ сморщенномъ какъ печеное яблоко старческомъ личикѣ.

Ей далеко еще шестидесяти лѣтъ не было, но, глядя на нее, невольно приходилъ въ голову вопросъ: „въ чемъ у нея душа держится“? какъ говорятъ въ народѣ. Эта ея вѣчно болѣвшая за все и всѣхъ душа словно спалила ея хрупкій физическій организмъ и „держалась“ въ разрушенномъ тѣльцѣ, дѣйствительно, словно лишь въ силу какихъ-то еще невѣдомыхъ наукѣ физіологическихъ законовъ; вся она была точно прозрачная, безъ кровинки подъ кожей, худая и хилая, какъ малый ребенокъ, но попрежнему бодрая и свѣтлая духомъ, вѣчно озабоченная ближнимъ и забывающая о себѣ, никогда не жалуясь и каждаго утѣшая,—утѣшая тѣмъ именно *донимающимъ* душу словомъ что̀ извлекаетъ воду живую изъ камня безчувственнаго...

— Вотъ вы съ братцемъ и поговорите, анделъ мой, поговорите по душѣ, лепетала она съ болѣзненнымъ напряженіемъ въ чертахъ, опираясь обѣими руками о столъ чтобы приподняться со своего мѣста,—а мнѣ еще къ отцу Павлу надо, къ благочинному, насчетъ дьячихи-вдовы попросить...

— Какъ же это вы пойдете, милая. Дождь какъ изъ ведра льетъ, заботливо замѣтила ей Настасья Дмитріевна,—и ноги у васъ слабы такъ...

— И ничего, поплетусь помаленьку—дойду; недалечко вѣдь, за проулокъ сейчасъ и къ крылечку его выйдешь... Коли нужно — Богъ завсегда силы дастъ; это вы безъ сумленія будьте, анделъ мой... До пріятнаго свиданія, сударь, обернулась она на Сусальцева,—займите сестрицу словомъ хорошимъ, утѣшнымъ; не весела все она у насъ, задумчивая...

Извѣстно, каждому крестъ нести дано, заключила она нежданно, пристально глянувъ ему въ лицо,—*и сердце знаетъ горе души своей*, въ Притчахъ премудраго Царя-Соломона сказано... До пріятнаго свиданія!...

И она тихо поплелась изъ комнаты.

Сусальцевъ проводилъ ее долгимъ взглядомъ:

— Почтеннѣйшая старушенція надо быть! какъ бы безсознательно вырвалось у него громко.

— Ее „Божьею душой“ зовутъ, и совершенно справедливо, молвила Настасья Дмитріевна;—я не знаю какъ и благодарить Николая Ивановича Ѳирсова за то что далъ онъ мнѣ случай сойтись съ нею... Вы чрезъ него узнали что я въ Москвѣ и здѣсь? послѣшила она спросить.

— Чрезъ него; онъ мнѣ письмо ваше къ нему показывалъ.

— Такъ вы изъ нашихъ сторонъ теперь, не прямо изъ-за границы?

— Я полтора мѣсяца какъ оттуда вернулся, мрачно отвѣтилъ Сусальцевъ.

— Изъ Парижа? спросила дѣвушка какъ бы съ тѣмъ лишь чтобы спросить что-нибудь: она чуяла что онъ пріѣхалъ къ ней недаромъ, не изъ какой-нибудь „родственной учтивости“, а съ чѣмъ-то что должно было принести съ собою новую печаль ея давно пріобыкшему къ однѣмъ печалямъ сердцу, и инстинктивно отдаляла моментъ когда это что-то сдѣлается ей извѣстнымъ.

— Изъ Венеціи прямымъ путемъ, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ.

— Тоня тамъ... осталась? спросила она опять слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Была тамъ-съ когда я уѣзжалъ, а теперь гдѣ—мнѣ неизвѣстно.

„Вотъ оно“! пронеслось въ мозгу Настасьи Дмитріевны, и губы ея побѣлѣли.

— Она вамъ не пишетъ? растерянно пробормотала она.

— Собственноручныхъ строкъ своихъ не удостоиваетъ, словно прошипѣлъ Сусальцевъ,—вмѣсто нихъ за то на рукахъ пріятную цыдулку въ видѣ банкирскаго перевода имѣлъ счастіе получить.

Дѣвушка недоумѣвая поглядѣла на него только.

— Я объ Антонинѣ Дмитріевнѣ желалъ именно объясниться съ вами, сестрица, началъ черезъ мигъ Провъ Ефремо-

вичъ, укладывая могучія длани свои на колѣни, между тѣмъ какъ она устало опускалась на стулъ, только-что оставленный Лизаветой Ивановной;—я всегда почиталъ васъ за вполнѣ уважительную особу и смѣю надѣяться что могу дѣйствительно поговорить съ вами „*по душѣ*“, какъ сказала отлично эта ваша почтенная хозяйка, съ которою имѣлъ я сейчасъ удовольствіе бесѣдовать.

Онъ видимо старался говорить „красно“ и „степенно“.

— Конечно можете, тихо произнесла она.

Онъ опустилъ голову и, слегка вздохнувъ, подхватилъ ее опять:

— Какъ если, заговорилъ онъ своеобычнымъ оборотомъ,— были бы вы, сестрица, мужняя жена и отъ этого своего мужа кромѣ ласки, уваженія, и можно сказать, полнаго баловства ничего не видали съ самаго дня замужества, почли ли бы вы что за это надо вамъ быть ему благодарной?

— Я полагаю... Да, конечно, я была бы ему за это благодарна, твердо выговорила дѣвушка подумавъ.

— Такъ-съ. А теперь, съ другой стороны, если жена и *этого* (Провъ Ефремовичъ щелкнулъ ногтемъ большаго пальца о ноготь безыменнаго) не можетъ найти сказать въ упрекъ мужу, обязана ли она по закону и совѣсти... по совѣсти и закону, повторилъ онъ,—исполнить его требованіе когда онъ при этомъ имѣетъ въ виду единственно ихъ, можно сказать, *коллективный* интересъ?

— Въ чемъ же требованіе? спросила Настасья Дмитріевна, избѣгая прямаго отвѣта.

— Очень просто-съ: за два года пребыванія нашего съ Антониной Дмитріевной за границей, или такъ прямо сказать, съ самаго перваго дня нашего брака, истратили мы до милліончика франковъ, по нынѣшнему курсу на наши деньги около 400 тысячъ серебра выходитъ. Въ два года, хорошо-съ? А въ дѣлахъ у себя дома между тѣмъ полное, можно сказать, неглиже, чуть не до совершеннѣйшаго разстройства довели довѣренные въ мое отсутствіе; я даже ужаснулся какъ пріѣхалъ... И давно бы пора было мнѣ, по истинѣ сказать, расточенію этому нашему конецъ положить, да все малодушествовалъ, знаете, къ стыду моему признаюсь. Вижу, сестрица ваша, а моя супруга законная, такъ въ эту жизнь веселую нашу втянулась что ни о чемъ другомъ и думать не желаетъ, я такъ все и откладывалъ со дня на день объясниться съ нею насчетъ этого... Наконецъ, вотъ въ этой самой

Венеціи, объявляетъ она при мнѣ чужимъ, со мною словомъ предварительно не обмѣнявшись, что думаетъ она на зиму во Флоренцію ѣхать,—значитъ, опять въ ту же волну должны мы лопасть... Я тутъ оставшись съ нею наединѣ и говорю ей что замѣсто этого намъ окончательно до дому, въ Россію требуется... Такъ вы что же думаете она мнѣ на это?...

И глаза Сусальцева засверкали мгновеннымъ, острымъ блескомъ.

— Тоня не захотѣла ѣхать? съ тоскливою усмѣшкой и словно помимо воли отвѣтила ему свояченица.

— Въ точку-съ! вскликнулъ онъ, кривя судорожно губы:— „я, говоритъ, не поѣду, а вы какъ знаете“... Пречудесно это, какъ находите?... Мало того-съ!.. „Какже это вы не поѣдете,“ прямо говорю ей, „какъ если я вамъ денегъ не согласенъ буду давать на дальнѣйшее пребываніе ваше за границей?“ А она мнѣ на это: „Дадите“, говоритъ...

Слова спирались у него въ горлѣ. Воспоминаніе обиды съ новою, жгучею силой рвало его за сердце.

— „Не захотите добровольно“, говоритъ, прохрипѣлъ онъ черезъ силу,—„такъ васъ молъ заставятъ дать“... *Заставятъ*, а!...

Онъ вскочилъ внезапно съ мѣста, красный какъ ракъ, потрасая сжатыми въ кулакъ руками:

— И заставила вѣдь, дѣйствительно заставила! истерически захохоталъ онъ.

— Провъ Ефремовичъ, успокойтесь, ради Бога! вскликнула испуганно дѣвушка.

Онъ какъ-то разомъ овладѣлъ собою, провелъ рукой по лицу, усмѣхнулся черезъ силу:

— Извините меня, я дѣйствительно... отъ природы горячъ маленько, много себѣ этимъ порчу даже, можно сказать... Только сами разсудите, сестрица, какъ напримѣръ, къ такому поступку отнестись: 20 числа прошлаго мѣсяца получаю я чрезъ Ахенбаха и Колли трансфертъ по векселю въ 25 тысячъ франковъ, выданному госложею Антониною Сусальцевой одному тамъ въ Венеціи банкирскому дому, и предлагается мнѣ при этомъ на волю платить ло немъ или нѣтъ, такъ какъ вѣрность платежа обезпечена другою подписью.

— И вы заплатили?

Онъ нервно передернулъ плечами:

— Не заплатить было нельзя-съ. У насъ вѣдь тоже честь своя кулеческая есть, фирмой своею дорожимъ... Разчетъ у Антонины Дмитріевны вѣрный былъ. Деньги-то эти, 25 тысячъ франковъ, не облыжно получила законная моя, Прова Ефремова Сусальцева, супруга; такъ какъ же это я могу допустить чтобъ ихъ кинула ей въ подачку, съ милости своей большой, какая-нибудь аристократка трехъэтажная, графиня фонъ-деръ-Драхенбергъ!

— Елена Александровна Драхенбергъ, вдова, которая была въ Красномъ Крестѣ за Дунаемъ? вскликнула Настасья Дмитріевна.

— Та самая.

— Я у нея въ госпиталѣ была тамъ...

— Родственница вѣдь она вамъ.

— Какая родственница? удивилась дѣвушка.

— Этого уже объяснить я вамъ не могу, а только что онѣ съ сестрицей вашею постоянно „кузинами“ величались, и даже меня, иронически промолвилъ Сусальцевъ,—удостоивала барыня сія большая, въ *интимности*, то-есть когда никого кругомъ не было чтобъ ей этого стыдиться, меня удостоивала „кузеномъ“ называть.

— Она свѣтская, легкомысленная, но очень доброй души женщина, замѣтила Ларина.

— Чего ужь добрѣе когда женѣ противъ законнаго мужа бунтовать помогаетъ, подъ ея векселями поручительницей подписывается! Настоящая *грандама*, что говорить!...

— Я сестру мою въ образѣ ея дѣйствій относительно васъ нисколько не оправдываю, молвила Настасья Дмитріевна,— и графиня, конечно, гораздо лучше бы сдѣлала еслибы близость свою съ нею постаралась употребить на примиреніе ея съ вами; но сама она слишкомъ поверхностно относится и къ своимъ и къ чужимъ дѣламъ, а Тоня слишкомъ самостоятельна и упорна чтобъ изъ этого могло выйти что-либо серіозное. Разъ же та рѣшилась просить ее ломочь ей, такая женщина какъ она, я совершенно понимаю, ни минуты не могла подумать ей отказать.

Провъ Ефремовичъ язвительно засмѣялся, онъ видимо особенно золъ былъ на графиню Драхенбергъ.

— Это дѣйствительно что она ни себѣ, ни другимъ ни въ чемъ отказать не можетъ. Денегъ у нея попросятъ—извольте; любезный ей потребуется—первый съ улицы пожалуйте!

— Этого быть не можетъ! горячо запротестовала дѣвушка, вынесшая изъ отношеній своихъ съ молодою вдовой въ Болгаріи впечатлѣніе далеко не соотвѣтствовавшее подобному отзыву о ней.

— Отъ вашей же сестрицы слышалъ, послѣшилъ объяснить Сусальцевъ:—язычекъ-то у Антонины Дмитріевны изволите вѣдь знать какой! Нѣтъ, нѣтъ да и отпуститъ вдругъ, какъ ножомъ пырнетъ. Отыскала теперь эта графиня ваша молодца какого-то, мальчишкѣ ея будто бы русскій языкъ преподавать, а Антонина Дмитріевна по этому случаю такъ прямо мнѣ про нее и отрѣзала: „Новаго Альфонса, говоритъ, взяла себѣ изъ нигилистовъ“... А „Альфонсъ“, знаете,—ѣздили мы съ нею въ Парижѣ на *премьеру* * этой самой піесы Дюма-фиса смотрѣть,—насчетъ любовницы своей живущій человѣкъ значитъ.

— Видѣли вы этого учителя? съ тревожнымъ любопытствомъ въ глазахъ спросила дѣвушка.

— Видѣлъ, какже. Ничего себѣ, молодой, бѣлокурый, лицомъ недуренъ. Предъ самымъ это моимъ отъѣздомъ, на площади Святаго Марка, вечеръ онъ съ нами со всѣми въ компаніи провелъ. Былъ тутъ даже одинъ изъ высокопоставленныхъ особъ, князь Іоаннъ, такъ она, графиня-то, представила и его вмѣстѣ съ прочими: „Monsieur Послѣловъ“, назвала его, и тотъ ему руку далъ... Мнѣ не далъ, хихикнулъ Провъ Ефремовичъ;—а ему далъ, удостоилъ чести..

— И Тоня была тутъ съ вами?

— Само собой.

— И говорила съ нимъ?

— Съ кѣмъ это, съ учителемъ? Дожидайтесь, какже! Антонина Дмитріевна съ одними принцами да королевичами привыкла разговаривать, промолвилъ Сусальцевъ съ какою-то странною смѣсью самодовольства и ироніи въ тонѣ;—этотъ самый князь Іоаннъ все ее тутъ подъ ручку водилъ.. Станетъ она какимъ-нибудь Послѣловымъ, или какъ его тамъ по настоящему зовутъ, заниматься!.. Она его, сказываю вамъ, „кузининымъ Альфонсомъ“ называетъ...

— Ахъ, эта безсердечная Тоня! негодующимъ, ѣдкимъ кашкомъ вырвалось на это у Настасьи Дмитріевны.

---

* *Première*—первое представленіе. *Monsieur Alphonse*—названіе комедіи Александра Дюма-сына.

— Задача, дѣйствительно, сестрица ваша, Антонина Дмитріевна! подхватилъ Провъ Ефремовичъ, натолкнутый опять этими словами на главный предметъ своей заботы;—нутро у нея каменное какое-то, справедливо изволили замѣтить... не пронять ее ничѣмъ!.. Только и меня вѣдь не легко доѣхать! искрикнулъ онъ вдругъ съ новымъ взрывомъ, вскакивая съ кресла;—разъ удалась ей штука, а теперь шалишь, не подцѣпишь!..

Онъ прошелся по комнатѣ, судорожно потеръ рукою лобъ, подошелъ къ столу и сѣлъ опять.

— Вы вѣдь совершенно правильно пишете по-французски, сестрица? озадачилъ онъ Ларису неожиданнымъ вопросомъ.

— Да, а что? недоумѣло проговорила она.

— Просьбица у меня къ вамъ покорнѣйшая: составить отъ моего имени письмо къ этой вашей графинѣ; я бы его переписалъ и послалъ къ ней.

Настасья Дмитріевна невольно усмѣхнулась.

— Зачѣмъ же по-французски, развѣ не все равно вамъ его самому по-русски написать?

— Русское письмо она пожалуй и читать не станетъ: „дѣловое“, скажетъ, и къ управляющему своему въ Петербургъ отошлетъ... Да и вообще, по-французски напишешь, гораздо внушительнѣе такой барынѣ покажется.

— Въ чемъ же должно заключаться это письмо?

— А вотъ въ чемъ-съ. Сказать требуется ей отъ меня что отъ молъ, получивъ къ уплатѣ выданный женою моей, за ня, графини Драхенбергъ, поручительствомъ вексель банкиру такому-то (онъ послѣшно вытащилъ изъ кармана портфель, а изъ него уплаченный трансфертъ и передалъ его сіяченицѣ), я, единственно изъ уваженія моего къ ней, не желая вводить ее безполезно въ убытокъ, рѣшился оную плату учинить, но такъ какъ (Сусальцевъ поднялъ при томъ вверхъ указательный палецъ правой руки) жена моя, оставаясь за границей вопреки моему желанію, на дальнѣйшее такое баловство съ моей стороны претендовать никакъ не въ правѣ, то я и считаю долгомъ извѣстить ее, графиню, что не намѣренъ впредь ни гроша платить за Антонину Дмитріевну, и буде вздумается имъ опять на меня такой же трансфертъ послать, такъ я его возвращу ей обратно, пусть она по поручительству за любезнѣйшую „кузину“ и платитъ... А чтобъ она, заключилъ Провъ Ефремовичъ съ

надменнымъ выраженіемъ вскидывая голову,—а чтобъ она меня за то скаредникомъ обругать не могла, напишите ей что я въ тотъ же часъ сумму равную той въ какой ей вздумается поручиться за мою супругу отпишу въ пожертвованіе на госпиталь, либо школу какую-нибудь... Пусть она, эта барыня трехъэтажная, знаетъ что мнѣ, Прову Сусальцеву, на расходъ наплевать, а что только ей съ моею Антониною Дмитріевной объегорить меня никогда не удастся... Никогда-съ! повторилъ онъ во весь голосъ, ударяя своею могучею пятерней по столу, такъ что мирно покоившіяся на немъ катушки ниточекъ, наперстки и ножницы вспрыгнули, зазвенѣли и покатились. — Извините-съ! пробормоталъ онъ тутъ же, сконфуженно наклоняясь къ полу подымать улавшее.

III.

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны еѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать,
И, забывая гулъ народный,
Вѣрнясь долѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

Фетъ.

Настасья Дмитріевна безмолвно слушала, неподвижно устремивъ глаза въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ. Старая, знакомая тоска сжимала ей грудь. Эта „безсердечная“ сестра ея, этотъ „нигилистъ“,—она опять надрывалась сердцемъ, думая о нихъ... „Имъ суждено было встрѣтиться въ чужомъ краю, и Тоня, безъ жалости къ *мученичествамъ* чрезъ которыя прошелъ *онъ*, имѣетъ духъ позорить его въ глазахъ другихъ!“... А онъ? Онъ, какъ оказывается, пристроился лока—и къ такой милой женщинѣ какъ эта графиня Елена Александровна, „которую, вспоминала дѣвушка, всѣ мы такъ любили тамъ, въ госпиталѣ, за ея *милоту* душевную, искренность и горячность“—но надолго ли?.. Да и какой онъ учитель!.. „Графиня, конечно, свѣтская, *не глубокая* женщина, но вѣдь и она это пойметъ съ первыхъ его педагогическихъ пріемовъ съ ея ребенкомъ... Или она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ него? Онъ *интересенъ*, женщина можетъ увлечься имъ... Но какая же дѣйствительно роль въ

такомъ случаѣ предстоитъ ему въ ея домѣ?“ И Настасья Дмитріевна чувствовала какъ внезапный румянецъ выступалъ вслѣдъ за этою мыслью на ея блѣдныхъ щекахъ...

Она знала что *онъ* успѣлъ бѣжать за границу... Онъ состоялъ въ числѣ подсудимыхъ въ извѣстномъ процессѣ *ста девяноста трехъ*.... Настасья Дмитріевна ѣздила нарочно въ ту лору въ Петербургъ, присутствовала при томъ судбищѣ... Предреченное ей Троекуровымъ въ бытность ея во Всѣхсвятскомъ блистательно оправдалось теперь: защитники, прокуроры, судьи дружно вели дѣло къ тому чтобы свести вину судимыхъ на „нѣтъ...“ *Онъ* былъ оправданъ вмѣстѣ со всѣми почти остальными, но вскорѣ потомъ послѣдовало административное распоряженіе о водвореніи его на жительство въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Она видѣлась съ нимъ предъ этимъ, предлагала солутствовать ему въ ссылку, поселиться съ нимъ въ этомъ городкѣ, съ тайною мыслью „помирить его съ жизнью“, утишить злобное раздраженіе его духа, но онъ настрѣзъ отклонилъ ея предложеніе. „Я уйду оттуда, ты мнѣ только ломѣшать можешь“, объявилъ онъ ей напрямикъ. Съ несказанною тревогой въ сердцѣ уѣхала она тогда въ ***, куда, благодаря усиленному ходатайству о ней Ашанина у тамошняго антрепренера, получила ангажементъ въ его труппу на ничтожное жалованье—и вся погрузилась въ свое искусство... Тяжелы были для нея первые шаги на театральныхъ подмосткахъ. Ей суждено было пройти весь тотъ скорбный эволюціонный путь, испить всю ту отравленную чашу что достаются въ удѣлъ девяти десятымъ провинціальныхъ лицедѣевъ прежде чѣмъ успѣютъ они *завоевать* себѣ „любовь публики“, а съ этимъ и извѣстное матеріальное обезпеченіе. Что тайныхъ слезъ пролила она въ тѣ дни, сидя надъ тою или другою *пустою* ролью въ убогой и сырой квартирѣ въ двѣ комнаты, которую нанимала она *отъ хозяевъ* въ самой глухой части города, сберегая деньги оставленныя ей графиней Лахницкой,—для *него* же сберегая... „Онъ насилу, насилу согласился взять у меня изъ нихъ нѣсколько когда вышелъ изъ тюрьмы безъ гроша,—и Тоня рѣшается такія мерзости говорить про него!“ съ новою горечью проносилось въ ея мысли по этому поводу... Дебюты Ларивой прошли съ успѣхомъ, но ея тотчасъ же *отперла* отъ *настоящихъ* ролей занимавшая первое женское амплуа въ труппѣ „артистка“ Фіоринская-Ларалиніеръ, тридцати-

восьмилѣтняя очаровательница, плѣнявшая издавна сердца ***скихъ любителей драматургіи. Красивая женщина и актриса „не безъ игры“, выражаясь техническимъ терминомъ, она состояла въ ближайшихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ всей провинціальной Россіи „знаменитымъ первымъ сюжетомъ“— Славскимъ, человѣкомъ, какъ и она, не лишеннымъ таланта и нахаломъ неслыханнымъ. Они вдвоемъ держали злополучнаго антрепренера подъ настоящимъ терроромъ и самовластно распоряжались судьбами остальныхъ членовъ труппы (Славскій, въ видѣ „милой шутки“, разказывалъ между прочимъ въ мѣстныхъ салонахъ, куда извѣстность его и бойкій французскій языкъ давали ему доступъ, будто онъ съ содержателями театровъ заключалъ контракты не иначе какъ со включеніемъ въ нихъ спеціальнаго пункта по которому ему предоставляется де право „поучать *собственноручно* своихъ собратьевъ по искусству“). Выбиться изъ-подъ этого гнета долго, мучительно долго, казалось невозможнымъ Ларисой— руки у нея падали... Одно нежданное обстоятельство выдвинуло ее вдругъ.

Она выходила однажды изъ театра послѣ утренней репетиціи и натолкнулась на крыльцѣ на одного бородатаго молодаго человѣка въ круглой шляпѣ, по всѣмъ признакамъ студента, который видимо ждалъ ее тутъ, такъ какъ завидѣвъ ее тотчасъ же обратился къ ней со словами:

— Госпожа Ларина, я бы желалъ переговорить съ вами.

Она ужасно испугалась; разговоръ съ молодымъ, незнакомымъ человѣкомъ здѣсь, на театральномъ подъѣздѣ, въ минуту разъѣзда актеровъ, когда изъ этого могла вырости за кулисами цѣлая сплетня...

— Извините, мнѣ некогда, я слѣшу домой, торопливо пролепетала она, направляясь къ стоявшему вблизи извощику.

Онъ пошелъ за нею:

— Вы, можетъ-быть, думаете я по части фердакурства намѣренъ, такъ выкиньте это изъ головы, грубовато вымолвилъ онъ:—мнѣ вамъ нѣчто передать требуется о близкомъ вамъ человѣкѣ...

Онъ оглянулся кругомъ и прибавилъ:

— Здѣсь, пожалуй, дѣйствительно неудобно: я могу къ вамъ отъявиться. Гдѣ вы живете?

Она сказала...

Чрезъ полчаса студентъ входилъ къ ней въ комнату.

Сердце у нея усиленно билось. „Близкій человѣкъ“ могъ быть никто иной какъ тотъ ссыльный, она это впередъ знала. Что̀ суждено ей узнать о немъ?...

— Вамъ настоящая-то фамилія Буйносова, вѣрно? спросилъ ее съ окна студентъ.

— Вѣрно.

— Настасья Дмитріевна?

— Да.

— Такъ вотъ что: поручено передать вамъ что Владиміръ Буйносовъ — Владиміръ Дмитріевичъ, братъ вашъ значитъ,— сосланный въ городъ Вельскъ, благополучно удралъ оттуда и находится въ настоящее время за границей, въ Вѣнѣ.

— Удалось! вскрикнула она съ радостнымъ въ первую минуту чувствомъ;—отъ кого вы узнали?

Онъ зорко глянулъ ей въ лицо.

— Вы изъ *нашихъ*, или нѣтъ? подчеркнулъ онъ.

Она поняла и подняла на него глаза въ свою очередь.

— Нѣтъ, твердо произнесла она.

— Странно! процѣдилъ онъ сквозь зубы и полупрезрительно, полунасмѣшливо примолвилъ:—*Искусству для искусства* служите въ вашемъ театрѣ, значитъ... Ну, въ такомъ случаѣ достаточно вамъ знать то о чемъ вамъ мною сообщено, и ничего болѣе.

— Какъ онъ успѣлъ уйти оттуда? вырвалось у нея.

— И этого сказать вамъ не могу, потому не знаю. Я не тамошній, здѣшній, что̀ приказано передать вамъ, то я и передалъ.

— Писать ему какъ, не научите ли меня? спросила она опять:—по почтѣ нельзя вѣдь?

Студентъ разсмѣялся:

— Еще бы! На чей адресъ, перво-на-перво, вы бы туда писали? Не по своему же волчьему паспорту онъ тамъ живетъ, какъ полагаете!... Если вздумаете, добавилъ онъ подумавъ,—занесите письмо въ швейцарскую университета на мое имя, Ивану Николаеву Коробкину, юристу втораго курса, для передачи Владиміру Дмитріеву; я буду знать...

— Какъ же вы доставите?...

— Ну, это опять-таки вамъ знать не для чего... А только благонадежны будьте: по нашей почтѣ дойдетъ, прибавилъ онъ съ видимымъ самодовольствомъ.

— Благодарю васъ!...

.. — Не за что!

Онъ поднялся съ мѣста.

— Не роскошно жительствуете! молвилъ онъ оглядываясь;— ходу вамъ въ театрѣ не даютъ?...

Она невольно усмѣхнулась этой безцеремонности тона.

— Не даютъ, это правда, вздохнула она тутъ же.

— У Фіоринской рукъ не лижете, извѣстное дѣло!... А у васъ ничего, *правда* въ игрѣ есть... Вы только важность-то по боку; попростѣе знаете...

— „Важность"? повторила въ изумленіи Ларина:—въ чемъ же это вы замѣтили у меня?

— А вотъ, напримѣръ, я васъ на дняхъ *Въ чужомъ пиру похмѣлье* видѣлъ. Вы кого изображать должны? Дочь бѣднаго учителя, честную демократку, значитъ. А у васъ нѣтъ, нѣтъ да и проглянетъ барышня съ манерами... Это, говорю вамъ, по боку надо!... А впрочемъ, поощрительно заключилъ уходя студентъ, — узнавъ теперь чья вы сестра, мы положили васъ поддерживать, можете разчитывать...

Обѣщаніе это оказалось не пустою фразой. Съ того дня въ *** скомъ театрѣ противъ общей до тѣхъ поръ „любимицы публики Фіоринской-Ларалиніеръ" образовалась и быстро разрослась многочисленная, состоявшая преимущественно изъ университетской молодежи, партія протестантовъ, которымъ присвоена была кличка *Ларинцевъ*, соотвѣтственно фамиліи молодой актрисы избранной ими предметомъ новаго поклоненія „за честное отношеніе къ реальной идеѣ въ искусствѣ", въ противоположность Фіоринской, тѣмъ же рѣшеніемъ разжалованной въ „представительницу старой буржуазной рутины". Верхи театра разражались теперь все чаще и чаще неистовыми плесками и криками одобренія каждый разъ какъ Ларина выступала на сцену; ее вызывали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, вызывали по несчетному числу разъ и въ антрактахъ, и по окончаніи спектакля, и въ теченіе его, прерывая и нарушая сценическую иллюзію этими лихорадочными, насильственными восторгами; вздумали даже вызвать однажды когда она не принимала участія въ представленіи, во время одной изъ наиболѣе удававшихся Фіоринской сценъ въ *Бойкомъ Мѣстѣ*. Въ театрѣ произошелъ скандалъ. Бывшая „любимица" очень эффектно упала тутъ же въ обморокъ. Губернаторъ, присутствовавшій на спектаклѣ, послалъ полицію „вывести и лере-

лисать нарушителей порядка". Ихъ оказалось человѣкъ двадцать. Одного изъ посланныхъ исполнить губернаторское приказаніе полицейскихъ „помяли" довольно сильно. Составленъ былъ о семъ протоколъ и переданъ на рѣшеніе мироваго судьи. Мировой судья приговорилъ двухъ изъ „мявшихъ" къ трехрублевому штрафу, а остальныхъ освободилъ „за недоказанностью вины". Нѣсколько молодыхъ офицеровъ полка стоявшаго въ городѣ, остававшіеся вѣрными культу „божественнаго бюста" Фіоринской и возмущенные „оскорбленіемъ Ларинцами въ ея лицѣ артистки и женщины," не удержались въ свою очередь шикнуть ея „соперницѣ" въ первый разъ какъ выступила она на сцену послѣ „происшествія". Полковой командиръ отправилъ ихъ за этотъ поступокъ на недѣлю на гауптвахту. Но *Ларинцевъ* это не удовлетворило: они искали всякаго случая „заводить исторіи" съ „представителями *грубой силы*". Одна изъ такихъ „исторій" дошла чуть не до лобоища... Деликатное военное начальство „въ виду сего" авторитетно „посовѣтовало" своимъ подчиненнымъ „воздержаться на время отъ посѣщенія театра и *вообще публичныхъ мѣстъ*". *Наука* такимъ образомъ восторжествовала надъ *грубою силой*... Остальные старовѣры Фіоринской-Ларалиніеръ изъ *штатскихъ* ступевались, со своей стороны, залуганные мѣстною „прессой" ставшей само собою на сторону *науки* и „честной" служительницы „реальной идеѣ въ искусствѣ".

Нѣкій Левіаѳановъ изъ *удаленныхъ* учителей *, состоявшій подъ надзоромъ полиціи и редижировавшій въ то же время издававшійся на казенную субсидію мѣстный листокъ, ломѣстилъ въ немъ подъ заглавіемъ *Современныя задачи искусства* цѣлый трактатъ по поводу исполненія въ первый разъ Ларисою роли *Катерины* въ *Грозѣ*. Въ трактатѣ доказывалось что въ тотъ-молъ *могучій* моментъ развитія до котораго достигло современное человѣчество, *производительность* носящая названіе *художественной* потеряла всякое самостоятельное значеніе и въ правѣ существовать лишь какъ послушное орудіе иныхъ *гражданскихъ* цѣлей,—что-молъ „давно и доказано геніальнымъ критикомъ *Темнаго Царства*" **. „Изъ этого совершенно ясно, говорилось далѣе, что

* *Марина изъ Алаго Рога.*

** Добролюбовъ.

каждое литературное, а тѣмъ паче драматическое (какъ наиболѣе непосредственно дѣйствующее на *массовые инстинкты*) произведеніе заслуживаетъ вниманія лишь потолику поколику имѣетъ важность заключающійся въ немъ *гражданскій мотивъ*". Разумѣя „важнѣйшими" изъ такихъ „мотивовъ" тѣ въ коихъ изображается „борьба личности съ пригнетающею ея свободу неправдой существующихъ соціальныхъ условій" и признавая въ этомъ отношеніи *Грозу* Островскаго „*вещью* по силѣ протеста не имѣющею себѣ равной во всей литературѣ", г. Левіаѳановъ переходилъ затѣмъ „къ игрѣ молодой артистки, появленіе которой въ роли *Катерины*", восклицалъ онъ, „было цѣлымъ откровеніемъ для интеллигентной части ***ской публики"... Объ „откровеніи" впрочемъ говорилось мало, но очень много и пространно опять о „*честности* служенія идеѣ", проявлявшейся де въ каждомъ словѣ, жестѣ, взглядѣ г-жи Ларионой - Катерины, которые и вызывали-молъ поэтому особенно восторженныя выраженія сочувствія со стороны нашей дорогой университетской молодежи, всегда столь чутко относящейся къ каждому проявленію высокихъ идеаловъ свободы (стоявшее вслѣдъ за этимъ слово „равенства" было почему-то единственное во всей статьѣ вычеркнутое вице-губернаторомъ, цензуровавшимъ газету) и братства человѣческихъ отношеній"... Статья заканчивалась весьма „ядовитымъ" намекомъ на всѣмъ извѣстную въ городѣ компанію нѣкоторыхъ отставныхъ военныхъ и *статскихъ* генераловъ, холостяковъ доживавшихъ въ *** остаткѣ своихъ веселыхъ и даже бурныхъ когда-то дней. Гласилось именно слѣдующее: „Одни старики-жуиры и отставные бонвиваны, которыхъ обрѣтается еще малая толика въ нашемъ губернскомъ бомондѣ, состоящіе и понынѣ въ рангѣ пѣтуховъ - цѣнителей *античныхъ* прелестей г-жи Фіоринской-Ларалиніеръ,—да простятъ намъ читатели этотъ каламбуръ невольно просящійся подъ перо когда заходитъ рѣчь о столь *заслуженной* артисткѣ какъ г-жа Фіоринская,—однѣ эти превосходительныя руины оставались равнодушными къ блестящему успѣху г-жи Ларионой и даже видимо старались выражать противъ него протестъ своимъ комильфотнымъ молчаніемъ и кислыми улыбочками. Но да не смутится этою беззубою манифестаціей наше восходящее театральное свѣтило: сіи послѣдніе Могикане крѣпостническихъ временъ—уже не люди; это живыя мощи, которыхъ

пренебрегла убрать съ лица земли безлошадная, выражаясь языкомъ московскихъ классиковъ, коса времени. Sit eis terra levis!"

Статья произвела въ городѣ эффектъ необычайный. „Жуиры" и „бонвиваны" отправили одного изъ своихъ съ выраженіемъ негодованія на нее и жалобой къ губернатору. Губернаторъ принялъ посланнаго въ объятія и чуть не плача выразилъ ему со своей стороны „глубочайшее соболѣзнованіе о такой *непріятности*".—„Но какъ же вы, ваше превосходительство, можете допускать чтобы подобные пасквили печатались въ газетѣ издающейся на казенныя деньги, подъ вашимъ ближайшимъ наблюденіемъ?" спросилъ его тотъ.—„Je n'y puis rien, mon cher, je n'y puis rien", и почтенный администраторъ судорожно пожалъ плечами, „въ статьѣ антиправительственнаго я ничего не нахожу, да и вообще"... Онъ наклонился къ уху своего собесѣдника и прошепталъ: „Я могу вамъ показать, noir sur blanc, секретную инструкцію вмѣняющую намъ, начальствующимъ лицамъ, въ обязанность: *не раздражать прессу*..." Представитель генераловъ „жуировъ" съ тѣмъ и отъѣхалъ какъ говорится, а сами генералы перестали посѣщать театръ, равно какъ и губернаторскій домъ... *Ларинцы* въ свою очередь послали редактору мѣстнаго листка трехъ „делутатовъ" изъ своей среды для выраженія ихъ „глубочайшаго сочувствія его гражданскому мужеству" и врученія ему „почетнаго" билета на имѣвшій быть вскорѣ послѣ того студентскій балъ. На балѣ этомъ послѣ ужина, вслѣдъ за обильными возліяніями пива и иныхъ вдохновительныхъ напитковъ, торжествующаго Левіаѳанова—его тутъ же единогласно провозгласили „вторымъ Добролюбовымъ"—„дорогая молодежь" подвергла качанію до безчувствія и отвезла мертвецки льянаго домой...

Соотвѣтственно всему этому внѣшнему возбужденію, въ самомъ театрѣ произошла цѣлая революція. Сообразительный антрепренеръ увидѣлъ себя вдругъ свободнымъ отъ тисковъ въ которыхъ держали его до сихъ поръ соединенныя силы двухъ главныхъ его *сюжетовъ*... „При томъ громадномъ сочувствіи которое такъ быстро сумѣла завоевать себѣ Настасья Дмитріевна Ларина со стороны здѣшней интеллигентной публики, сборы мои до конца сезона обезпечены", говорилъ онъ уже прямо, тономъ дружеской откровенности гжѣ Фіоринской-Ларапиніеръ, давая ей

тонкимъ образомъ понимать что еслибы, молъ, тебѣ опять вздумалось требовать мѣсячной прибавки или втораго бенефиса, такъ знай что я и вовсе могу теперь безъ тебя обойтись... „Заслуженная артистка“, безсильная бороться съ „новымъ свѣтиломъ“, слегла въ постель, у нея разлилась желчь. Ларисой пришлось одной держать репертуаръ. Гонораръ ея со ста пятидесяти рублей въ мѣсяцъ повышенъ былъ до трехсотъ. „Знаменитый“ Славскій беззастѣнчивымъ вольтомъ перекинулся тутъ же отъ оставшейся, какъ нахально выражался онъ, за флагомъ наѣздницы на сторону взявшей первый призъ, и ловелъ немедленно же атаку на ея сердце. Онъ почиталъ дѣломъ самолюбія своего, равно какъ и разчета, покорять и обращать себѣ въ „рабу“ каждое первое женское амплуа той труппы въ которой игралъ онъ въ данный моментъ и, не взирая на свои далеко не молодые годы, каждый разъ „безъ промаха“ достигалъ своей цѣли, благодаря той „овечьей способности бабьей натуры“, говорилъ онъ все тѣмъ же своимъ цинническимъ языкомъ, въ силу которой женщина неизмѣнно-де „слотыкается о тотъ же камень на дорогѣ о который слоткнулись бѣжавшія предъ нею“... Но перезрѣлому закулисному ловеласу пришлось на этотъ разъ разочароваться въ своихъ чаяніяхъ. Онъ возбуждалъ одно отвращеніе въ Ларисой... Славскій не допускалъ впрочемъ чтобы какая бы то ни была женщина могла испытывать къ нему подобное чувство и приписывалъ брезгливость молодой актрисы „слабому развитію въ ней мозговъ“. „По глупости своей не въ мѣру долго въ честность играетъ“, разсуждалъ онъ...

Но она была дѣйствительно честна,—*честна* въ смыслѣ нѣсколько болѣе серіознымъ чѣмъ то „служеніе идеѣ“ въ роли Катерины въ *Грозѣ* о которомъ трубили Левіаѳановы и К°, и умна въ придачу. Она нисколько не обольщалась на счетъ внезапнаго своего „блестящаго успѣха“ и отнюдь не удовлетворялась имъ. Въ немъ было даже что-то колючее, чуть не оскорбительное для нея,—сознаніе несоразмѣрности награды съ заслугой. Всѣ эти чествованія и шумъ поднятый изъ-за нея были—это было ей совершенно ясно — нѣчто не имѣющее ничего общаго съ дѣломъ искусства, дѣломъ которому она дѣйствительно стремилась *служить*. Овація „дорогой университетской молодежи“ имѣли въ виду не ее лично, не ея „далеко еще незрѣлую игру,“ строго говорила она

себѣ,—а того удачливаго „политическаго агитатора“ сумѣвшаго „ударать“, по выраженію студента Коробкина, изъ мѣста ссылки своей за границу. На нее очевидно возлагались лавры заслуженные въ понятіяхъ этой молодежи „подвигомъ“ ея брата „въ борьбѣ съ автократіей“; она, по тѣмъ же понятіямъ, должна была быть „поддерживаема“ не потому что она *талантъ*, а на основаніи того что она имѣетъ честь быть *его* сестрой... Сама Настасья Дмитріевна сомнѣвалась въ себѣ, въ этомъ талантѣ, который превозносили теперь въ ***,—сомнѣвалась именно потому что та, носившая названіе „интеллигентной“, часть публики въ которой чаяла она найти себѣ компетентныхъ цѣнителей и судей, видимо *подчеркивала* своими рукоплесканіями почти исключительно мѣста заключавшія въ себѣ, или въ которыхъ эта публика думала видѣть, намекъ на все ту же „идею“ извѣстнаго пошиба. До художественности, доброкачественности, *отдѣлки* ея игры интеллигентамъ этимъ видимо никакого дѣла не было,—да „едва ли и понимали они что-либо въ этомъ“, должна она была весьма скоро убѣдиться... Самый репертуаръ который приходилось исполнять ей, все это наводненіе піесъ изъ русскаго современнаго быта, порожденное *театромъ* Островскаго, съ ихъ „направленіемъ“, съ ихъ плоскимъ, неумѣлымъ, часто и совсѣмъ безграмотнымъ *разговоромъ*, съ ихъ все тѣми же, вездѣ, до отчаянія шаблонными *характерами* плута капиталиста, „барина“ развратника и глупца, учителя мученика „гражданскихъ убѣжденій“ и „развитой“ дѣвицы въ образѣ гувернантки или „курсистки“, представляло собою такое поразительное однообразіе мотивовъ, такое отсутствіе данныхъ изъ которыхъ могло бы въ исполненіи создаться сценически жизненное, оригинальное и интересное *само по себѣ* лицо что ей „рѣшительно, чувствовала она, не на чемъ было настоящимъ образомъ испробовать себя“... „Неужели,“ говорила она себѣ внутренно въ тѣ минуты тоскливаго раздраженія нервовъ которыми такъ обилуетъ жизнь артиста, „не отбиться мнѣ никогда отъ протестующаго“ хныканія *Воспитанницъ* и *Бѣдныхъ Невѣстъ*, отъ этихъ все тѣхъ же жалкихъ словъ, все той же слезливой жертвы родительскаго или общественнаго гнета! Хотя бы дали разъ расправить крылья на *настоящей* роли“!.. Ее все настоятельнѣе тянуло къ поэзіи женскихъ типовъ Шекспира и Шиллера. „Сыграть Корделію, Дездемону, королеву въ *Донъ-Карлосѣ*; говорить этимъ благороднымъ, изящнымъ языкомъ, чувствовать себя

на сценѣ *женщиной*, а не все тою же *овцой* покорною или возмущенною,—о, только послѣ этого могла бы она сказать себѣ вѣрно, призвана ли она дѣйствительно быть актрисой *художницей* своего дѣла"!..

Этому желанію ея суждено было осуществиться: „Знаменитый Славскій, имѣвшій лично претензію „умѣть носить костюмъ" и „подъѣзжавшій", какъ говорится, къ ней со всѣхъ сторонъ, надумалъ поставить въ свой бенефисъ, въ угоду ей, *Марію Стюартъ*, въ которой предназначалась ей главная роль. Фіоринская, еще желтая послѣ болѣзни, но разчитывавшая произвести эффектъ на публику количествомъ имѣвшихся у нея настоящихъ и фальшивыхъ брилліантовъ, безъ особаго неудовольствія согласилась играть Елизавету. Самъ Славскій игралъ Лейстера.

Дни посвященные Ларисой изученію своей роли были счастливыми днями въ ея существованіи. Она въ первый еще разъ дѣйствительно „уходила вся въ чужую жизнь", осуществляла ту свою мечту художественнаго воспроизведенія о которой говорила Троекурову во Всѣхсвятскомъ. Она чувствовала себя объятою какимъ-то „священнымъ пламенемъ восторга". Какую личность, какую *женщину* приходилось ей изображать, какое богатство, какое безконечное разнообразіе мотивовъ, оттѣнковъ, *звуковъ* заключалось въ этомъ „характерѣ", какая игра взаимно противорѣчащихъ побужденій и чувствъ сведенныхъ въ одинъ гармоническій, неотразимый аккордъ: нѣжность, страсть, обольщеніе, гордость, мстительность, жажда жизни и презрѣніе смерти!... И все это въ широкихъ, изящныхъ рамахъ царственности и культуры, въ высшихъ формахъ той *воспитанности* которая ей, Ларисой, ставилась въ упрекъ студентомъ Коробкинымъ, отъ которой приходилось и точно чураться ей на сценѣ въ виду „реальнѣйшаго" изображенія *типовъ* современной отечественной драматургіи... „Марія Стюартъ—отъ одного этого имени будто розами вѣетъ", говорила она себѣ со счастливою улыбкой, и уста ея невольно шептали Шиллеровскіе стихи заученные ею еще въ дѣтствѣ,—обращеніе плѣнной королевы къ облакамъ пробѣгавшимъ по небу надъ ея темницей съ мольбой отнести привѣтъ ея Франціи, „отечеству ея молодости (mein Jugendland)":

Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab'keinen andern Gesandten,
Frey in Lüften ist eure Bahn,
Ihr seyd nicht dieser Königin Unterthan!...

Она добыла все что̀ можно было достать въ городѣ историческихъ матеріаловъ относящихся до шотландской королевы, перечла два извѣстные романа Валтеръ-Скотта (*Аббатъ* и *Монастырь*) въ которыхъ, по свидѣтельству Минье, * „великій романистъ сумѣлъ изобразить ея обаятельную личность въ такой полнотѣ и правдивости красокъ до которыхъ не могли достичь самые тщательные и подробные историческіе этюды о ней“,—перечла, подолгу останавливаясь на каждой страницѣ, вдумываясь въ каждую черту, въ каждое слово вложенное авторомъ въ уста Лохлевенской узницы. ** Только послѣ этой предварительной подготовки перешла она къ самой драмѣ, къ изученію своей роли. Въ первый разъ при этомъ воспользовалась она своимъ первенствующимъ теперь положеніемъ въ театрѣ: она потребовала отъ антрепренера и Славскаго „не менѣе осьми полныхъ репетицій“, объявляя рѣшительно что „въ противномъ случаѣ отказывается участвовать въ бенефисѣ“. Не довольствуясь этимъ, она то и дѣло зазывала къ себѣ репетовать отдѣльныя сцены того или другаго изъ участвовавшихъ въ драмѣ товарищей (ее любили въ труппѣ сколько могутъ актеры любить другъ друга и довольно охотно дѣлали ей пріятное), а въ томъ числѣ игравшаго роль Мортимера молоденькаго *жень-премье* Печорина, актера съ миловидною наружностью и *горяченькимъ* темпераментомъ, котораго ненавидѣлъ и почиталъ соперникомъ своимъ у Ларисой Славскій. Отставной корнетъ, прослужившій не болѣе двухъ лѣтъ въ полку и поступившій на сцену, какъ сама Ларина, по врожденной страсти къ лицедѣйству, Печоринъ (псевдонимъ) четвертый годъ перекочевывалъ съ одного провинціальнаго театра на другой, не находя до сихъ поръ, какъ и она, роли *по душѣ* во всемъ томъ злополучномъ репертуарѣ который выпадалъ на долю его амплуа. Онъ ухватился теперь за Мортимера со всѣмъ пыломъ молодаго честолюбія рвавшагося „выйти на большую дорогу“. Онъ былъ мало образованъ, крайне наивенъ и недалекъ по природѣ, но у него имѣлось то неизъяснимое артистическое чутье которымъ *угадывается* многое, что̀ не дается часто самому добросовѣстному и тщательному труду другаго. Ларина замѣтила это въ немъ съ

* Mignet, *Histoire de Marie Stuart.*

** Лохлевенъ—замокъ въ Шотландіи, изъ котораго бѣжала Марія Стюартъ въ Англію—на новый, нежданный плѣнъ.

первыхъ же дней ихъ совмѣстнаго служенія. Она теперь въ интересахъ піесы сочла нужнымъ „заняться“ имъ, „поправить его“... Онъ выслушивалъ ея совѣты, принималъ ея указанія съ глубокимъ вниманіемъ, съ лыавшими отъ удовольствія и благодарности глазами, и съ каждымъ разомъ становился все болѣе и болѣе удовлетворительнымъ... „Знаете, сказала ему однажды поощрительно Надежда Дмитріевна, оставшись съ нимъ вдвоемъ у себя,—вы гораздо лучше сыграете Мортимера чѣмъ этотъ вѣчный лозёръ Славскій—Лейстера.“ У Печорина мгновенно все лицо покрылось краской и задрожали губы. „Все это вы, вы“... прерывающимся голосомъ пролепеталъ онъ, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ комнаты...

На бенефисъ Славскаго собрался весь городъ. Сами генералы „жуиры“, которымъ бенефиціантъ, весьма потѣшавшій ихъ всегда за ужиномъ въ клубѣ своей „blague de tous les diables“, развезъ билеты по домамъ со „слезною“ просьбой „не испортить ему праздника своимъ отсутствіемъ“, рѣшили нарушить на этотъ разъ данный ими вслѣдъ за статьей Левіаѳанова обѣтъ „ne plus remettre les pieds dans cette sale boutique“ (то-есть театръ) и заняли in corpore свои прежнія мѣста въ первомъ ряду креселъ. Въ качествѣ людей бывалыхъ „вкусившихъ наслажденія искусствомъ на *всѣхъ извѣстныхъ сценахъ Европы*“ они не ожидали особеннаго удовольствія отъ „старомодной, *сентиментальной* нѣмецкой драмы“ и еще менѣе отъ исполненія ея провинціальною труппой; но зрѣлище „великолѣпныхъ плечъ“ Фіоринской и состязаніе ея съ Ларисой „cette petite morveuse prétendant jouer du vrai tragique“, должны были въ ихъ понятіи послужить имъ нѣкоторою „компенсаціей“ за чаемую скуку... Ларисцы, со своей стороны, готовились дружно „всею партіей“ *поддержать* „свою“ актрису: въ этомъ въ сущности заключался для нихъ весь интересъ предстоявшаго спектакля. *Что* должно было даваться на этомъ спектаклѣ, было для нихъ безразлично... Да и въ самомъ дѣлѣ, *Марія Стюартъ*, Шиллеръ, „этотъ добрый лоцманъ Шиллеръ“ (sic), какъ выражался одинъ изъ „*отцовъ* умственнаго движенія въ Россіи“ въ шестидесятыхъ годахъ*,—что могли сказать имъ эти имена? Счастливые сыны реальнаго

* *Западникъ.*

вѣка, воспитанные своими авторитетами на презрѣніи исторіи и „эстетики“,—для нихъ все это было звукъ пустой, нѣмыя этикетки на сосудахъ съ невѣдомымъ содержаніемъ...

При такомъ „настроеніи“ своихъ зрителей вышла предъ ними Ларина въ темныхъ тканяхъ заключенной въ англійскомъ замкѣ королевы-красавицы, съ длиннымъ черным вуалемъ, ладавшимъ съ головы ея до колѣнъ... Въ залѣ воцарилась мгновенно мертвая тишина. Съ первыхъ же словъ разговора Маріи съ приставленнымъ надзирать за нею суровымъ пуританиномъ (сэръ Амміасъ Паулетъ) зазвенѣла какая-то всѣмъ сочувственная, находившая себѣ эхо въ каждомъ изъ присутствовавшихъ нота. Это былъ именно *тотъ* тонъ, *тотъ* звукъ голоса который приличествовалъ *этой* женщинѣ, *этому* долголѣтнему, истомившему, но не сломившему царственный духъ ея страданію, и эта же внимавшая ей нелодготовленная, равнодушная или враждебная „эстетикѣ“, толпа зрителей поняла это тѣмъ таинственнымъ чутьемъ *высшаго* что̀ хранитъ въ глубинѣ своей каждая человѣческая душа и что̀ внезапно, часто безсознательно, но неотразимо исторгаетъ изъ нея отзвукъ на все отмѣченное печатью этого *высшаго* на землѣ... Ларину не прерывали теперь представители „дорогой университетской молодежи“ обычными неистовыми рукоплесканіями, они жадно и нѣмо прислушивались къ падающимъ съ устъ ея размѣреннымъ періодамъ стихотворной рѣчи, и странное обаяніе производила на нихъ рѣчь эта и заключавшееся въ ней содержаніе. Въ этомъ ничего не было знакомаго имъ, близкаго, *своего*, никакого отношенія къ „злобѣ дня“, никакой „гражданской идеи“, предъ ними разыгрывалась скорбная повѣсть „давно замолкнувшихъ страстей“, давно отошедшей во мракъ прошлаго борьбы двухъ властительницъ, двухъ непримиримыхъ женскихъ темпераментовъ: безпощаднаго разчета и преступнаго легкомыслія, ледянаго ума и обольстительнаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ сердца, а между тѣмъ эта „безыдейная“ драма, помимо ихъ воли, „захватывала“ ихъ, уносила въ струяхъ своего трагическаго теченія. Отъ нея вѣяло для нихъ чѣмъ-то чего не дано было имъ вкушать отъ произведеній отечественныхъ драмокропателей, чѣмъ-то глубокотрогательнымъ и незлобивымъ, чѣмъ-то высоко-человѣческимъ, спокойнымъ и *благороднымъ*. Въ узкую душную область ихъ *убѣжденій* врывалось живое

представленіе иныхъ двигавшихъ людьми идеаловъ и побужденій, героическихъ самоложертвованій во имя задачъ и вѣрованій не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми которыя учили ихъ чествовать Левіаѳановы и К°, съ высоты каѳедръ, со столбцовъ своихъ „просвѣтительныхъ“ изданій... Обаяніе художественной концепціи держало ихъ въ своей власти; какимъ-то благодатнымъ, умиряющимъ умиленіемъ проникалась нежданно для себя теперь эта безпрестанно раздражаемая и раздраженная „молодежь“...

Ларина съ каждою новою сценой крѣпла въ своей роли. Она, со своей стороны, чутьемъ чуяла тотъ магнетическій взаимодѣйствующій токъ, образующійся въ данные моменты между актеромъ и его публикой, при которомъ у исполнителя словно выростаютъ неодолимыя крылья на которыхъ онъ можетъ унести всѣхъ. Она уже не боялась за успѣхъ *піесы*, забыла о *роли*, она не *играла*, она сама переживала чувствомъ, кровью, нервами психическій процессъ изображаемаго ею лица... Въ знаменитой сценѣ встрѣчи съ Елизаветою (Фіорилская особенно старательно и удачно вела свою роль въ этой сценѣ), когда, вся горя негодованіемъ и гордостью, отплативъ язвительнымъ, непрощаемымъ словомъ за оскорбленіе, * Марія заставляетъ вѣнчанную обидчицу свою удалиться, „унося остріе стрѣлы ея въ груди“, и кидается въ судорожномъ порывѣ на шею старой няни (Анна Кеннеди) со словами:

„О, какъ мнѣ сладко, Анна! Наконецъ,
За годы униженій и страданья,
Мигъ торжества, отмщенья былъ мнѣ данъ“!

она залилась *настоящимъ*, неудержимымъ, жгучимъ рыданіемъ. Вся зала огласилась въ отвѣтъ продолжительнымъ стономъ восхищенія. Сами генералы не выдержали и апплодировали „à tout rompre“... Въ послѣднемъ актѣ, въ сценахъ исповѣди и прощанія Маріи, предъ тѣмъ какъ идти ей на эшафотъ, барыни въ ложахъ плакали навзрыдъ. Заколовшійся въ предыдущемъ актѣ Мортимеръ-Печоринъ (онъ имѣлъ въ своей роли, какъ предсказывала ему Ларина, большой и вполнѣ

* Въ подлинникѣ:

Der Thron von England ist durch einen Bastard
Entweiht, der Britten edelherzig Volk
Durch eine list'ge Gauklerin betrogen. Act. 3 sc 4.

заслуженный успѣхъ) стоялъ въ кулисѣ блѣдный какъ смерть, кусая себѣ губы до крови, чтобы не разрыдаться тоже на весь театръ... Онъ кинулся къ Ларионой едва успѣла она сойти со сцены и безъ словъ судорожно прижикъ губами къ ея рукѣ. Она ухватилась въ свою очередь за его руку— ноги ея подкашивались отъ волненія и усталости—и вывела съ собою предъ занавѣсъ на неистовый ревъ „требовавшей“ ее публики, забывъ о бенефиціантѣ только что отрисовавшемся въ своей роли двуличнаго Лейстера... Она ничего не помнила; вызовамъ ея не было конца. Добравшись наконецъ до уборной, она упала тамъ на диванъ въ обморокъ... Конца трагедіи происходящаго во дворцѣ Елизаветы никто не дослушалъ. Студенты гурьбой ждали у актерскаго крыльца, на улицѣ, выхода Ларионой изъ театра. Ее подхватили, едва показалась она, усадили въ сани съ отпряженною лошадью и довезли до ея квартиры десятки рукъ этой обезумѣвшей отъ восторга толпы...

Да, это былъ знаменательный незабвенный для молодой актрисы вечеръ. Она впервые тутъ почувствовала свою силу и *ширь* на которую была способна она. То что удалось теперь передать ей были уже не тѣ грубые скопки или каррикатуры съ дѣйствительности, не тѣ вѣчныя варіаціи на все тотъ же мотивъ *погребенія кота*, какъ выражался ядовито одинъ старый русскій актеръ про отечественныя *драмы* новѣйшихъ временъ, — которыя приходилось ей исполнять до сихъ поръ,—это было вдохновенное созданіе великаго поэта, это было *искусство*... Невѣдомымъ ею до сихъ поръ удовлетвореніемъ исполнена была она теперь; успѣхъ ея представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ награды за доброе дѣло. Дѣйствительно было нѣчто благотворное — она это чуяла, угадывала, осязала какъ бы — въ томъ впечатлѣніи какое произвела на своихъ зрителей. Хотя бы лишь на этотъ вечеръ, на нѣсколько часовъ, она оторвала ихъ отъ пошлости жизни, ото лжи и лотуга искалѣченной мысли и унесла съ собою въ свѣтлый міръ искусства, гдѣ та же вѣчная игра человѣческихъ страстей облекается въ чарующія и возвышающія человѣка изящество и благородство формы. „Какія у всѣхъ у нихъ были *хорошія, разнухженныя* лица“, говорила себѣ Ларина съ мягкою улыбкой вспоминая выраженіе всѣхъ этихъ юныхъ „демократовъ“, когда они, примчавъ на себѣ сани до ея квартиры, вошли чинною толпой въ ея маленькую гостиную, прося „въ знакъ

благодарности за дарованное имъ наслажденіе" дозволенія „ложать на прощаніе" и—совсѣмъ уже не по демократически—„поцѣловать" ея руку... Никто изъ нихъ очевидно не чествовалъ въ ней въ эту минуту *сестру ея брата*. Въ ея лицѣ Марія Стюартъ, безсмертная обольстительница, влекла къ себѣ эти молодыя нежданно пробужденныя сердца...

Трагедія прошла восемь разъ въ теченіе мѣсяца, дѣлая полные сборы,—явленіе почти небывалое въ провинціальныхъ театрахъ. Руководители ***ской „интеллигенціи" почуяли даже въ успѣхѣ „такого сорта вещи" нѣчто въ родѣ бревна на пути шествія „освободительныхъ идей" въ любезномъ имъ отечествѣ. Нѣкій очень рьяный маленькій профессоръ, израильскаго рода, похожій не то на майскаго жука, не то на уличную тумбу, читавшій въ то время въ университетѣ „о Карамзинѣ" и „*распатронивавшій*" между прочимъ, какъ выражались его слушатели, бѣднаго исторіографа „на всѣ корки" за его *Письма русскаго путешественника*, въ которыхъ молъ онъ, „распространяясь на цѣлыхъ страницахъ объ игрѣ видѣнныхъ имъ въ Парижѣ актеровъ, какъ бы нарочито *просмотрѣлъ* совершавшуюся тамъ въ то же время на глазахъ его *революцію, это священнѣйшее право народовъ доросшихъ до сознанія своихъ правъ*",—профессоръ этотъ, по тому же поводу, упомянулъ на лекціи весьма ловко о томъ „горячемъ сочувствіи" которое другой, „германскій, писатель покрупнѣе господина *симбирскаго дворянина* Карамзина", а именно Шиллеръ, питалъ „къ великому дѣлу свободы вынесенному на плечахъ своихъ Франціей на исходѣ XVIII вѣка". „Это былъ", подчеркивалъ маленькій человѣкъ, меча громы сквозь очки и потрясая кулачкомъ надъ лоснившеюся будто отъ ваксы головой, „это былъ не позднѣйшій, *офилистившійся* Шиллеръ какой-нибудь *Мессинской Невѣсты* или *Маріи Стюартъ*,—это былъ Шиллеръ первыхъ лучшихъ временъ своихъ, Шиллеръ *Разбойниковъ* и *Коварства и Любви*, въ которыхъ горитъ благотворнымъ пожаромъ святая ненависть къ угнетенію и эксплуатаціи слабаго и бѣднаго сильнымъ и богатымъ!..." Слушатели поняли намекъ „либеральнаго" наставника: иные опустили смущенно голову, другіе улыбнулись. Одному изъ ультра-*Ларинцевъ* намекъ даже и вовсе не понравился, онъ сложилъ обѣ руки въ трубочку и свистнулъ въ нее на всю аудиторію. Либеральный профессоръ, въ свою очередь, ощутилъ нѣкоторое смущеніе, закашлялся и перешелъ

опять къ *распатроніванію* Карамзина... Левіаѳановъ, между тѣмъ, поучалъ публику въ своемъ листкѣ что „выходящій молъ изъ ряда талантъ г-жи Ларионой способенъ конечно подкупить ея зрителей во всякой какую ей ни вздумается исполнить роли“, но что не слѣдуетъ забывать что *Марія Стюартъ* вмѣстѣ съ *Орлеанскою дѣвой* принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ драмъ нѣмецкаго поэта какъ по неинтересности вообще ихъ сюжетовъ, такъ и по *мѣщански рутинному* отношенію къ нимъ самого автора. „Вѣроятно поэтому“, *ядовито* говорилось въ заключеніе, „піесы эти и пользуются свободнымъ обращеніемъ на россійскихъ театрахъ, между тѣмъ какъ произведеніе съ такимъ міровымъ значеніемъ какъ *Вильгельмъ Телль* находится у насъ и понынѣ подъ строжайшимъ запретомъ“...

Ларионой въ то же время приходилось расплачиваться за свои лавры. Отвергаемый ею Славскій не могъ простить ей ни своей неудачи, ни еще менѣе того „дерзкій *пассажъ*“ съ нимъ въ вечеръ его бенефиса, когда она на вызовъ ея публикой, вывела съ собою не его, бенефиціанта, перваго сюжета и „знаменитость“, а „мозгляка актеришку, сволочь, цѣна которому *грошъ*“... „Это я вамъ приломаю-съ“! отпустилъ онъ ей, стиснувъ зубы, тогда же за кулисами, въ ту минуту какъ она, чуть не падая на каждомъ шагу отъ изнеможенія, проходила со сцены мимо его въ свою уборную, а публика, вспомнивъ наконецъ о „виновникѣ праздника“, выкликала теперь и его, Славскаго... Расставшаяся было связь его съ Фіоринской съ этой минуты окрѣпла сильнѣе прежняго. Достойная чета пустила тутъ же въ ходъ двойную козни имѣвшую въ виду донять врага, какъ говорится, „не мытьемъ такъ катаньемъ“. Съ одной стороны, о любовныхъ отношеніяхъ Ларионой и Печорина повѣствовалось не только какъ о „фактѣ“ не допускающемъ никакого сомнѣнія, но и сообщались при этомъ подробности изъ которыхъ можно было заключить что онѣ поступили въ общее свѣдѣніе не иначе какъ благодаря хвастливой невоздержности языка самого Печорина. Съ другой, въ одно изъ пріемныхъ matinées губернаторши, милостивымъ расположеніемъ которой пользовался Славскій, имъ была разказана самымъ невиннымъ и сочувственнымъ къ предмету его разказа тономъ „романическая исторія“ одного бѣднаго юноши (онъ не назвалъ его фамилію) изъ судившихся по *Жихаревскому* процессу“ (*ста девяноста трехъ*),

который де не будучи самъ ни въ чемъ замѣшанъ принялъ на себя добровольно вину одной страстно любимой имъ особы, принадлежавшей къ организаціи нигилистовъ и игравшей даже, какъ говорятъ, очень значительную роль между ними, и сосланъ былъ такимъ образомъ вмѣсто нея—она не была даже привлечена къ суду—въ Сибирь или куда-то на сѣверъ".

— Ah, quel héros, quel noble caractère! воскликнули на это его слушательницы,— а она за которую пострадалъ несчастный, она что?

— А она ничего, благоденствуетъ, иронически отпустилъ Славскій.

— Гдѣ же она, кто? Вы ее знаете?

Онъ значительно усмѣхнулся:

— Знаю.

— Можете сказать намъ кто?

— Нѣтъ, ужь увольте, mesdames!

— Можете, покрайней мѣрѣ, сказать къ какому кругу общества она принадлежитъ.

Онъ какъ бы заколебался:

— Она... она—актриса, какъ бы помимо воли вырвалось у него.

Губернаторша, петербургская барыня среднихъ лѣтъ и общества, съ остатками „пикантной" красоты и большою юркостью въ характерѣ, вонзилась ему глазами въ лицо:

— Она здѣсь эта актриса, въ вашей труппѣ?

— Н-нѣтъ, почему вы думаете! уклончиво проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Я увѣрена... я угадала... Это Ларина, notre charmante *Marie Stuart!*..

И она даже руками всплеснула.

Славскій какъ бы испуганно вскинулъ свои вверхъ.

— Я ее не называлъ, прошу замѣтить! счелъ онъ нужнымъ заявить.

Губернаторша, особа „развитая", какъ и подобаетъ быть русской сановницѣ послѣдней формаціи, величаво пожала плечами на это.

— Вы могли бы назвать ее безо всякой опасности для себя и для нея: я допускаю *всѣ* убѣжденія когда они искренни, подчеркнула она, и обратившись къ сидѣвшимъ тутъ двумъ, тремъ дамамъ изъ ея *intimité*: — я хочу пригласить ее завтра обѣдать къ намъ; nous la ferons causer, voulez vous?

Дамы единогласно и шумно изъявили на это согласіе. Славскій ожидалъ что вслѣдъ за тѣмъ хозяйка обратится и къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ, но таковаго не послѣдовало. Онъ тотчасъ же поднялся и ушелъ въ великой досадѣ, „сыгравъ лишь на руку, какъ говорилъ онъ себѣ, этой недотрогѣ проклятой“.

Сановница между тѣмъ отправила въ тотъ же день съ полицейскимъ „милую записку“ къ Ларисой, въ которой заключалось приглашеніе на обѣдъ, исполненное изощреннѣйшихъ любезностей. Записка пришла въ очень тяжелую для получившей ее минуту. У молодой актрисы сидѣлъ студентъ Коробкинъ, который, въ качествѣ горячаго приверженца ея и перваго покровителя, счелъ нужнымъ придти „предварить ее о *мерзостяхъ* распространяемыхъ Фіоринскою и Славскимъ насчетъ ея и Печорина“. Дѣвушка была глубоко взволнована и возмущена этимъ; вслѣдъ за постановкой *Маріи Стюартъ* на сцену, Печоринъ даже ни разу не былъ у нея, она видѣлась съ нимъ только въ театрѣ и никогда не вела съ нимъ бесѣды a parte. „Извините меня предъ генеральшей“, молвила она растерянно, со стоявшими еще у нея въ глазахъ слезами, торопливо влетѣвшему къ ней посланному губернаторши, „но я нездорова и не въ силахъ принять ея приглашенія; я очень благодарю ее, но не могу у нея быть („сплетня лопнла теперь по всему городу, *тамъ* еще пожалуй будутъ мнѣ на это намеки дѣлать“, проносилось у нея болѣзненно въ головѣ, „да и на что мнѣ эти свѣтскія барыни!“), никакъ не могу“... „Генеральша“ была поражена какъ громомъ неждannою „дерзостью“ этого отказа, этимъ „manque complet de savoir vivre“. „Развѣ она писать не умѣетъ, не знаетъ что на письмо отвѣчаютъ письмомъ“? Она потребовала чтобъ ей было *подробно* доложено „*какъ* исполнено было ея порученіе и *что* именно было сказано въ отвѣтъ на ея записку“. Полицейскій Меркурій, отставной *унтеръ*, не старый и видимо шустрый, держа руки по швамъ, но бойко ляля зрачки на генеральшу, доложилъ ей все „до малости“.

— Одна она была или кто-нибудь былъ тутъ еще? спросила сановница.

— Былъ-съ! гаркнулъ онъ.

— Много было?

Генеральша даже покраснѣла отъ мысли что афронтъ сдѣланный ей этою не умѣющею жить лицедѣйкой имѣлъ свидѣтелей...

— Никакъ нѣтъ-съ: одинъ всего гость тутъ съ ними сидѣлъ.

— Не знаете кто?

— Не могу знать, ваше пр—ство... Изъ самыхъ изъ этихъ нигилистовъ, надо полагать, ваше... нежданно домолвилъ онъ какъ бы сообразивъ.

Она изумленно вскинула на него глаза.

— Почему вы полагаете?

— А какъ намъ по примѣтамъ хорошо извѣстно, ваше—ство, потому нечесаный и шлала, значитъ, широкая, и одѣяло этто опять на плечахъ, все какъ слѣдуетъ у студентовъ ихней націи...

„Mon billet est venu la déranger dans sa conférence politique ou amoureuse“, со злою ироніей проговорила мысленно губернаторша и, отлустивъ проницательнаго унтера, прошла къ мужу въ кабинетъ передать ему о своей „déconfiture“.

Начальникъ губерніи, послѣ совѣщанія съ супругой, отправилъ въ свою очередь посланнаго за антрепренеромъ театра и, по прибытіи сего послѣдняго, приступилъ тотчасъ же къ разспросамъ о томъ что̀ ему извѣстно о личности и прошломъ состоящей въ его трупнѣ актрисы Ларионой—„по всей вѣроятности псевдонимъ“? ввернулъ губернаторъ мимоходомъ,—о которой дошли до него кое-какія *неблагопріятныя* свѣдѣнія.

— Въ какомъ отношеніи, ваше пр—ство? спросилъ огорошенный содержатель театра.

Губернаторъ, нѣсколько кисло усмѣхнувшись, заявилъ что онъ „разумѣется не намѣренъ да и не считаетъ себя въ правѣ касаться частной жизни молодой артистки“, которая „впрочемъ, сколько ему извѣстно, и не заслуживаетъ въ этомъ отношеніи никакого упрека“, любезно промолвилъ онъ, но тутъ же, слегка поморщившись, добавилъ: — „къ сожалѣнію, этого кажется нельзя сказать про ея *воззрѣнія* на существующій государственный и общественный порядокъ“...

Антрепренеръ со своей стороны заявилъ что о „воззрѣніяхъ“ г-жи Ларионой ему ничего неизвѣстно, кромѣ того что по театральной своей службѣ она весьма исправна, роли свои знаетъ *на зубокъ* и на репетиціи никогда не опаздываетъ; а

что также и насчетъ знакомствъ весьма осторожна и мало кого къ себѣ принимаетъ, такъ какъ постоянно занята ролями. О „прошедшемъ“ ея онъ равно ничего не имѣлъ сообщить его превосходительству, кромѣ того что познакомился съ нею въ Москвѣ въ началѣ зимняго сезона, принявъ ее въ труппу по рекомендаціи одного извѣстнаго въ московскомъ театральномъ мірѣ лица, а что „настоящая ей фамилія, какъ значится въ ея видѣ, Буйносова, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера“.

— Буйносова! вскрикнулъ губернаторъ, — такъ я отца ея зналъ, Дмитрія Васильевича Буйносова... Большую игру велъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и въ свое время чуть въ посланники не попалъ... И это его дочь, скажите пожалуста!...

Почтенный сановникъ вздохнулъ, задумчиво пожалъ рўку „вызваннаго“ и отпустилъ его на этомъ съ миромъ. Но, встрѣтившись въ тотъ же вечеръ въ клубѣ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ его губерніи, онъ отвелъ его въ сторону и, передавъ о „ходящихъ довольно *странныхъ* слухахъ относительно *политическаго прошлаго* этой милой молодой актрисы Ларионой,“ оказывающейся дочерью очень извѣстнаго въ свое время и хорошо ему знакомаго человѣка, просилъ сообщить ему „келейно, помимо всякой официальности“, имѣются ли по *ихъ* вѣдомству какія-либо подтверждающія такіе слухи данныя. Штабъ-офицеръ озабоченно сжалъ брови, собирая свои воспоминанія и, припомнивъ, объявилъ категорично что по процессу *ста девяноста трехъ* судился дѣйствительно нѣкій студентъ Буйносовъ,—„по всей вѣроятности братъ нашей здѣшней Рашели“, засмѣялся онъ,—былъ судомъ оправданъ и сосланъ затѣмъ административно въ Вологодскую губернію, откуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ успѣлъ бѣжать и скрыться за границей, но что о какой-либо дѣвицѣ Буйносовой у *нихъ* никакого рѣшительно производства не было, и что поэтому то что разказывается объ актрисѣ Ларионой слѣдуетъ объяснить „*подвохомъ* подъ нее“ устроеннымъ кѣмъ-либо изъ „ея же *театральныхъ*“. Губернаторъ вспомнилъ со своей стороны что „*это* было *пущено* въ гостиной его жены *знаменитымъ* Славскимъ“.

— Ну такъ, извѣстный интриганъ! прибавилъ штабъ-офицеръ,—я его къ себѣ въ домъ пускать пересталъ.

— Да и я велю ему съ нынѣшняго же дня запереть мою дверь, строго сказалъ на это губернаторъ.

Вмѣстѣ съ этимъ изгнаніемъ его изъ салоновъ ***скихъ властей, Славскаго ожидалъ въ театрѣ новый и даже сугубо непріятный „пассажъ“. Возмущенные лущенною имъ клеветой на предметъ ихъ культа, *ларинцы* торжественно освистали его на другой же день послѣ визита Коробкина у Настасьи Дмитріевны, — освистали такъ что онъ, не доигравъ сцены, долженъ былъ уйти за кулисы. Весь зеленый отъ бѣшенства подъ своими румянами выскочилъ онъ туда, *чья кого поглотитъ*.

— Это все изъ-за вашей ст...! рявкнулъ онъ площадною бранью попавшемуся ему подъ глаза Печорину.

Лицо молодаго человѣка стало блѣдно какъ саванъ; онъ двинулся съ мѣста не ломая себя:

— Что вы сказали... про кого? еле въ силахъ былъ онъ выговорить.

— Ваша ст.... Ларина устроила извѣстно, повторилъ тотъ.

Оглушающая оплеуха чуть не сшибла его съ ногъ. Онъ пошатнулся, схватился за щеку... Присутствовавшіе оттащили отъ него Печорина.

— Если угодно вамъ будетъ потребовать отъ меня сатисфакціи, крикнулъ ему отставной корнетъ,—я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Но „знаменитый артистъ“ былъ уже снова въ полномъ обладаніи своей прирожденной наглости. Онъ окинулъ своего оскорбителя полнымъ презрѣнія взглядомъ и ударивъ себя ладонью по груди:

— Чиномъ не вышелъ еще чтобъ отъ тебя *Славскій* сатисфакціи требовалъ! надменно произнесъ онъ, повернулся на длинныхъ ногахъ своихъ и величественно зашагалъ къ своей уборной...

„Сокрушеніе врага и торжество добродѣтели въ лицѣ дѣвицы Лариной“, какъ выражались ***скіе шутники, разумѣвшіе этимъ новыя восторженныя овація, которыя были сдѣланы молодой актрисѣ при выходѣ ея на сцену вслѣдъ за сдѣлавшимся тотчасъ же извѣстнымъ въ залѣ театра „наказаніемъ“ Славскаго за оскорбленіе ея, не въ силахъ были разогнать то тяжелое, подавляющее настроеніе духа которое владѣло ею теперь. „Послѣ того что суждено мнѣ было испытывать въ жизни, ничто меня не устрашитъ и все отъ меня отскочитъ“, похвалялась она Борису Васильевичу Троекурову въ молодой самонадѣянности своей, когда наканунѣ поступленія ея на театральное поприще, говорилъ онъ ей объ

ожидавшихъ ее тамъ тяжкихъ испытаніяхъ... Въ дѣйствительности оказывалось что ничто отъ нея не „отскакивало“, а каждая малость, напротивъ, причиняла ей рану и засѣдала въ ней надолго. Мотивы къ вѣчно новымъ душевнымъ мукамъ какъ бы находили въ ней тѣмъ болѣе воспріимчивости чѣмъ давнѣе знакома она была со страданіемъ. Ее еще съ первыхъ дебютовъ начало грести сознаніе безпомощности ея и *сиротства* среди этихъ „товарищей по искусству“ съ которыми не связывало ее ничего кромѣ взаимныхъ *репликъ* на подмосткахъ сцены. Ее постоянно коробило внутренно отъ ихъ „нравовъ“ и привычекъ, отъ ихъ „ремесленническаго“ отношенія къ своему дѣлу. Ей подчасъ казалось что она рано или поздно должна задохнуться въ этой атмосферѣ раздраженныхъ самолюбій, лютой зависти и безпощадныхъ клеветъ, среди этой разнузданности рѣчей, въ невылазномъ омутѣ этихъ мелкихъ интригъ и грязныхъ кляузъ... Но ее лично щадило все это относительно пока случай, а затѣмъ и несомнѣнный ея талантъ не выдвинули ея на первый планъ, пока не объявлена она была „свѣтиломъ“. Мелкая букашка, она могла кой-какъ пройти стороною отъ лужи; ей роковымъ образомъ слѣдовало быть обрызганною съ ногъ до головы разъ ей приходилось переѣзжать поперекъ этой лужи на золотой колесницѣ успѣха... Имя ея теперь было на всѣхъ устахъ,—а много ли чистыхъ человѣческихъ чувствъ въ этомъ мірѣ! Злостная, грубая, нелѣпая клевета лущенная на нее—она знала, она помнила извѣстную алофтегму Бомарше—отъ нея „всегда что-нибудь останется“.... „Найдутся всегда люди, десятки, сотни людей которые радостно ей повѣрятъ и станутъ злорадно повторять ее другимъ“... Ларина была умна, мы уже сказали, и слишкомъ изстрадалась, изстрадалась съ дѣтства, чтобы не вынести изъ опыта жизни значительной доли горечи и недовѣрія къ людямъ. Въ тотъ самый вечеръ когда послѣ „пассажа“ со Славскимъ привѣтствовала ее публика шумными рукоплесканіями и криками, очевидно выражая этимъ и неизмѣнное расположеніе свое къ ней, и негодующій протестъ противу взведенной на нее въ двойномъ видѣ напраслины (объ „анекдотѣ“ Славскаго у губернаторши зналъ тоже весь городъ), а она низко присѣдала, приложивъ руку къ груди и ловодя благодарными глазами съ высоты сцены на всѣ стороны залы, внутренній голосъ неотступно шепталъ ей: „Сколько изъ этого хора привѣтствующихъ тебя голосовъ слѣдуетъ отнести на долю любителей гама и скандала по поводу

чего бы онъ ни производился, и многіе ли изъ этихъ неистово аплодирующихъ тебѣ теперь искренно убѣждены въ томъ что ты заслуживаешь уваженія"?.. Самое заступничество за нее этой лубляки представлялось ей во глубинѣ души чѣмъ-то обиднымъ; какія-то вспышки родовой гордости загорались въ ней; „она не изъ тѣхъ кому нужны защитники въ *толпѣ*"... Такое же недоброе чувство, какъ ни старалась она побороть его въ себѣ, внушалъ ей выступившій за нее рыцаремъ Печоринъ: она избѣгала его насколько это было въ ея власти, не обмѣнялась съ нимъ словомъ послѣ той *исторіи*. Молодой человѣкъ въ свою очередь точно прятался отъ нея въ театрѣ, и когда приходилось ему релетовать съ ней, упорно глядѣлъ въ землю, боясь встрѣтиться съ ней глазами... У себя дома Ларина теперь ни души уже болѣе не принимала.

Она сидѣла дома одна и жадно зачитывалась вѣстей съ театра войны, которыя обильно сообщались въ тѣ дни газетами обѣихъ столицъ. Какая-то неодолимая сила все лихорадочнѣе влекла мысль ея *„туда*, гдѣ люди теперь гибнутъ тысячами за святое дѣло" и все настойчивѣе шептала ей что *„тамъ* теперь *настоящая задача*, *тамъ*—призваніе"... Измученная, раздраженная безпрерывною сутолокой и ядовитыми уколами театральной жизни, она въ какомъ-то невыразимо заманчивомъ свѣтѣ рисовала себѣ это „высшее изо всѣхъ существующихъ для женщины" *призваніе*. Тамъ, далеко, въ *баракѣ*, среди раненыхъ, въ поглощающихъ все время и всѣ физическія силы занятіяхъ, никому невѣдомая *сестра*,—тамъ для нея „миръ душевный и *удовлетвореніе*"...

Послѣ „второй Плевны" она не выдержала. Годовой срокъ контракта ея съ антрепренеромъ ***скаго театра кончался. Труппа собиралась перекочевать на Нижегородскую ярмарку; на время пребываніе ея тамъ Ларикой предложенъ былъ ангажементъ въ 600 рублей и бенефисъ. Она отказалась и уѣхала въ Одессу. Тамошнее отдѣленіе Краснаго Креста опредѣлило ее *сестрой* и переслало недѣли черезъ двѣ за Дунай.

По пути туда, на какой-то станціи не доѣзжая Унгенъ, къ окну вагона изъ котораго она разсѣянно глядѣла на толпу пассажировъ ея поѣзда высыпавшую на платформу подошелъ къ ея окну какой-то съ отроставшею бородой молодой человѣкъ въ кителѣ и военной фуражкѣ.

— Вы тоже туда... *на театръ войны*, Настасья Дмитріевна? произнесъ онъ робкимъ, слегка даже дрожавшимъ голосомъ, прикладывая руку къ козырьку.

— Печоринъ! невольно вскликнула она, узнавая недавняго „товарища“.

— Ряполовскій, чуть-чуть усмѣхнулся онъ:—настоящую мою фамилію кошу опять... Я въ прежній мой полкъ поступилъ, послѣшилъ объяснить онъ.

— Гдѣ же онъ? спросила она.

— А и самъ не знаю, отвѣтилъ Ряполовскій съ какою-то совсѣмъ ребяческою интонаціей и съ видимою благодарностью за вопросъ:—гдѣ-то тамъ, говорятъ, въ самомъ центрѣ дѣйствій...

— Въ Нижній не захотѣли? спросила она, усмѣхнувшись тоже.

Онъ какъ-то мгновенно вскинулъ на нее глаза, весь заалѣвъ:

— Нѣтъ... что же, васъ ужь нѣтъ вѣдь въ трулле...

И, такъ же мгновенно испугавшись недовольнаго, показалось ему, выраженія ея лица, торопливо приложилъ опять пальцы къ фуражкѣ, пролепеталъ какія-то неразслышанныя ею слова прощанія—и исчезъ... Онъ такъ и не показывался болѣе Настасьѣ Дмитріевнѣ...

Четыре мѣсяца спустя, въ госпиталь Краснаго Креста, въ которомъ она, за отбытіемъ графини Драхенбергъ, оставалась одно время старшею, привезли послѣ сраженія подъ Горнимъ Дубнякомъ значительную партію раненыхъ. Въ одномъ изъ нихъ она узнала Ряполовскаго. Онъ былъ тяжело раненъ въ голову и долго не приходилъ въ сознаніе. „Такъ и отойдетъ не очнувшись“, отвѣтилъ сквозь зубы осматривавшій его рану врачъ на вопросительный взглядъ стоявшей у койки Настасьи Дмитріевны... Но предсказаніе оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ. Раненый очнулся поздно вечеромъ, открылъ глаза. Женскій ликъ, съ повязанною бѣлою косынкой головой, съ большими, устремленными на него, темными глазами, полуосвѣщенный мерцаніемъ лампы спускавшейся съ потолка, наклонялся надъ нимъ... Какимъ-то лучемъ освѣтилось внезапно его мертвенно блѣдное лицо. „Марія Стюартъ“, еле слышно пролепеталъ онъ...— „Вамъ надо повязку перемѣнить“, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она... Онъ не отрывался отъ нея потухающимъ взглядомъ. Она потянулась осторожною рукой къ его повязкѣ... „Сестрица... Настасья Дмитріевна... благословите меня!“ угадала она скорѣе чѣмъ разслышала... Перемѣнять перевязку было уже не къ чему...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ИСТОРІЯ ГЕТМАНСТВА МАЗЕПЫ

Мазепа. Историческая монографія Н. И. Костомарова. Москва, 1883. (VII+446).

I.

Монографія г. Костомарова озаглавлена авторомъ не совсѣмъ точно. Соотвѣтственно дѣйствительному его содержанію сочиненіе это слѣдовало бы назвать „Исторіей гетманства Мазепы". Упомянувъ въ немногихъ словахъ о происхожденіи Мазепы и нѣкоторыхъ событіяхъ его юности, авторъ прямо переходитъ къ описанію избранія Мазепы гетманомъ и предупреждаетъ читателя что всѣ событія изъ предыдущей жизни его героя, начиная отъ перваго прибытія его къ гетману Самойловичу до низложенія послѣдняго благодаря интригамъ Мазепы, изложены въ другомъ изслѣдованіи г. Костомарова, озаглавленномъ *Руина* и напечатанномъ въ 1879—80 годахъ въ журналѣ *Вѣстникъ Европы*. Свою настоящую монографію г. Костомаровъ признаетъ „непосредственнымъ продолженіемъ" только что указаннаго сочиненія. Такимъ образомъ лаконическое заглавіе *Мазепа* должно быть признано слишкомъ широкимъ. Предъ читателемъ является не весь Мазепа, но только Мазепа-гетманъ; предъ нами проходитъ не вся его жизнь, но только исключительный періодъ

этой жизни, двадцать два послѣдніе года изъ числа семидесяти. Весьма можетъ быть что заинтересовавшись новѣйшею монографіей г. Костомарова, читатель, для пополненія своихъ свѣдѣній о Мазепѣ, обратится къ предыдущему сочиненію того же автора, прочтетъ также „Руину“. Еще вѣроятнѣе что лица прочитавшія „Руину“ пожелаютъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ составляющимъ „непосредственное продолженіе“ этого труда. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе о Мазепѣ является раздробленнымъ на двѣ самостоятельныя части, и только переработавъ ихъ въ одно связное цѣлое авторъ получилъ бы право дать этому цѣлому заглавіе *Мазепа*. Дѣйствительно, нѣтъ ничего страннѣе какъ въ монографіи спеціально и исключительно посвященной изслѣдованію объ извѣстной исторической личности встрѣтить громадный пробѣлъ, занятый простою ссылкой на другое сочиненіе. Мы поняли бы еще г. Костомарова еслибъ онъ присоединилъ къ обоимъ новѣйшимъ своимъ изслѣдованіямъ общее заглавіе: „Исторія Малороссійскаго края въ такихъ-то столѣтіяхъ“, или назвалъ бы свою монографію „Гетманство Мазепы“. Мы не совсѣмъ понимаемъ теперь какую задачу ставилъ себѣ авторъ, и соотвѣтственно съ этимъ затруднились бы сказать достигъ ли г. Костомаровъ предположенной имъ цѣли, исполнилъ ли онъ свою задачу въ предположенныхъ размѣрахъ. Книга не снабжена предисловіемъ. Говоря откровенно, это столько же досадно какъ и то что къ ней не приложено предметныхъ и алфавитныхъ указателей. Если отсутствіе указателей представляетъ серіозное затрудненіе для быстраго наведенія справокъ, то отсутствіе предисловія представляетъ еще большее затрудненіе для объективной оцѣнки труда. „Историческая монографія“ есть понятіе весьма растяжимое, и если авторъ не опредѣляетъ самъ предѣловъ, объема и размѣра своей задачи, то онъ рискуетъ встрѣтить у читателей весьма различныя требованія, изъ которыхъ каждое является справедливымъ, какъ скоро самъ историкъ не указываетъ съ точностію какія именно требованія должны быть предъявлены къ его труду. Мы полагаемъ, со своей стороны, что монографія г. Костомарова о Мазепѣ страдаетъ нѣкоторою сухостію и что при другой постановкѣ задачи она могла бы разчитывать на гораздо болѣе широкій кругъ читателей и на гораздо большій литературный успѣхъ. Читатель спеціалистъ, равно какъ люди хорошо знакомые съ исторі-

ческою литературой едва ли найдутъ много новаго въ этой монографіи г. Костомарова, значительное большинство источниковъ которой состоитъ въ нѣмецкихъ переводахъ шведскихъ историковъ и такихъ общеизвѣстныхъ сочиненіяхъ каковы *Hermann's Geschichte des Russischen Staates*, *Исторія Соловьева*, *Украинскія народныя пѣсни Максимовича*, *Словарь Бантышъ-Каменскаго*, *Русскій Архивъ*, *Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Любителей Исторіи и Древностей* и т. д. Читатели не спеціалисты, большинство читающей публики, едва ли будутъ, со своей стороны, удовлетворены монографіей г. Костомарова. Это большинство не встрѣтитъ въ монографіи о Мазепѣ живаго литературнаго разказа, художественно-психологической обработки благодарной темы, выясненія и обрисовки такой выдающейся исторической личности какою былъ Мазепа. Разказъ г. Костомарова не достаточно популяренъ въ лучшемъ значеніи этого слова, говоря точнѣе — предполагаетъ въ читателяхъ большее количество географическихъ и административно-бытовыхъ свѣдѣній нежели, по справедливости, можно требовать отъ массы читающей, хотя бы и „образованной“ русской публики. Въ качествѣ наглядаго пособія было бы необходимо приложить для этой публики географическую карту на которой было бы обозначено относительное положеніе „Украины“ и „Запорожской Сѣчи,“ на которой ясно виденъ былъ бы „правый“ и „лѣвый“ берегъ, видны были бы русскія и польскія владѣнія того времени, между тѣмъ какъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или въ особой главѣ слѣдовало бы изложить внутреннее устройство „Гетманщины“ и „Запорожья“, объяснить различные технические термины и т. д. Кромѣ того, г. Костомаровъ не достаточно воспользовался въ текстѣ наиболѣе драгоцѣннымъ и оригинальнымъ матеріаломъ бывшимъ въ его рукахъ, подлинными документами московскихъ архивовъ и малороссійскими лѣтописями. Въ монографіи его есть много страницъ главный интересъ которыхъ заключается въ подстрочныхъ выдержкахъ, несравненно болѣе типичныхъ и характерныхъ нежели сухое извлеченіе дѣлаемое изъ нихъ авторомъ въ текстѣ монографіи. Такимъ образомъ приходится сказать что г. Костомарову еще предстоитъ создать дѣйствительную монографію о Мазепѣ, для которой имъ извлечены, собраны и до извѣстной степени обработаны теперь матеріалы.

Изслѣдованіе г. Костомарова раздѣляется на XVII главъ, коимъ предпослано перечисленіе „источниковъ“ съ критическою ихъ оцѣнкой. Первыя десять главъ—за исключеніемъ вступительной, гдѣ находятся нѣсколько интересныхъ или „пикантныхъ“ подробностей объ юности Мазепы—заключаютъ въ себѣ весьма сухое изложеніе событій гетманствованія Мазепы до того времени когда явилось первое искушеніе измѣнить Русскому правительству. Все содержаніе этихъ десяти главъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: заручившись милостію и довѣренностію Петра вслѣдствіе „природной вкрадчивости“ (которая, между прочимъ, остается недостаточно выясненною), Мазепа ѣздитъ въ Москву, получаетъ тамъ жалованныя грамоты на имѣнія, подарки и ордена; доносители на него отсылаются въ Малороссію и тамъ подвергаются казнямъ; недовольные бѣгутъ изъ „Гетманщины“ въ Запорожскую Сѣчь; Запорожцы мятутся и своевольничаютъ; предпринимается рядъ походовъ противъ Крымцевъ. На почвѣ „Гетманщины“ сталкиваются въ неправильныхъ приливахъ и отливахъ волны русскихъ, польскихъ, крымскихъ вліяній, производятъ броженіе, перемѣшиваются между собою, Запорожская Сѣчь постоянно поддерживаетъ это броженіе, а среди его то тамъ, то здѣсь появляются внезапно отдѣльныя личности которыя какъ будто овладѣваютъ на время ходомъ событій, даютъ имъ извѣстное направленіе, но затѣмъ также внезапно исчезаютъ въ общемъ процессѣ какого-то смутнаго исканія формъ и комбинацій могущихъ вызвать желаемый осадокъ. Что касается Мазепы, то онъ проходитъ чрезъ всѣ эти первыя десять главъ безо всякихъ признаковъ какой-либо типичной индивидуальности, сильнаго или своеобразнаго характера. Мы видимъ предъ собою ловкаго администратора умѣющаго отлично ладить съ высшимъ правительствомъ, пользующагося расположеніемъ и довѣріемъ правительства для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, но цѣли эти пейдутъ далѣе устройства своихъ собственныхъ дѣлъ, пріобрѣтенія имущества и наградъ, мщенія личнымъ врагамъ. Характеръ Мазепы не складывается предъ читателемъ въ рѣзко обособленную личность. Мы видимъ лишь его административную (хотѣлось бы сказать дипломатическую) дѣятельность и не знаемъ ничего про его частную жизнь. Быть-можетъ для обрисовки его частной жизни не достаетъ свѣдѣній, источниковъ, матеріаловъ, быть-можетъ эти

источники остались неизвѣстными г. Костомарову, быть-можетъ, наконецъ, отысканіе ихъ не входило въ планъ его изслѣдованія. Послѣднее предположеніе представляетъ, повидимому, наиболѣе вѣроятности, ибо трудно представить себѣ чтобы не сохранилось никакихъ извѣстій которыя помогли бы изслѣдователю возсоздать съ извѣстною яркостію фигуру Мазепы. Какъ жилъ Мазепа? Какая была обстановка его жизни? Былъ ли онъ расточителенъ или скупъ, любилъ ли онъ пиры, охоту, общество, кто были его друзья и знакомые, съ кѣмъ находился онъ въ перепискѣ, кто писалъ ему, былъ ли онъ, быть-можетъ, нелюдимъ, задумчивъ или веселъ? Всѣ эти подробности весьма существенны для изслѣдователя задавшагося цѣлію возсоздать извѣстную личность, а между тѣмъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не находимъ мы отвѣта въ монографіи г. Костомарова. Нѣсколько отрывочныхъ указаній въ этой монографіи прямо намѣчаютъ даже путь слѣдуя которымъ можно было бы, по всей вѣроятности, разыскать свѣдѣнія въ высшей степени интересныя и существенныя для характеристики Мазепы. Въ доносѣ Кочубея приведена, напримѣръ, пѣсня сложенная Мазепой. Кочубей получилъ эту пѣсню отъ одного „всечестнаго и разумнаго отца архимандрита“, который „читаючи и уважаючи“ эту пѣсню далъ ему ее „и радилъ въ спрату добромъ держати“. Это чрезвычайно интересное свѣдѣніе которое невольно наводитъ на предположеніе о томъ что Мазепа сочинилъ не одну эту пѣсню. Отлично образованный по своему времени, проведшій три года за границей для завершенія своего образованія, въ совершенствѣ владѣвшій латинскимъ языкомъ, польскій придворный во дни юности, женолюбецъ отъ молодости до глубокой старости, человѣкъ обладавшій обаяніемъ личнаго обращенія, Мазепа представляетъ для историка множество разнообразныхъ, интересныхъ сторонъ изслѣдованія и описанія. Мы опять повторяемъ что за отсутствіемъ предисловія лишены всякой возможности составить себѣ точное понятіе о планѣ и цѣляхъ монографіи г. Костомарова и поэтому можемъ лишь отмѣчать пробѣлы оставляемые этимъ изслѣдованіемъ во впечатлѣніяхъ читателя. Читателю кажется что г. Костомаровъ намѣренно оставляетъ въ сторонѣ все что могло бы способствовать возстановленію фигуры Мазепы. Такъ изслѣдователь совершенно не касается народныхъ преданій о немъ, а между

тѣмъ было бы чрезвычайно интересно собрать черты Мазепы сложившіяся въ народномъ творчествѣ, привести однѣ изъ этихъ чертъ къ ихъ дѣйствительнымъ размѣрамъ, прослѣдить другія до источника ихъ происхожденія, установить по этимъ проявленіямъ размѣры впечатлѣнія произведеннаго Мазепой на народную фантазію. Читатель повѣрилъ бы на слово г. Костомарову еслибъ онъ сказалъ что несмотря на всѣ свои старанія не могъ найти никакихъ источниковъ для своей монографіи кромѣ тѣхъ которые перечислены имъ во введеніи. Читатель зналъ бы какого взгляда держаться ему на народныя преданія о Мазепѣ еслибы г. Костомаровъ заявилъ что не придаетъ этимъ преданіямъ никакого значенія, что всѣ они измышлены, ложны, не имѣютъ никакихъ основаній, не представляютъ никакого интереса. Но авторъ не дѣлаетъ этого, и читатель остается въ недоумѣніи почему оставлено въ сторонѣ множество матеріала представляемаго пѣснями и легендами о Мазепѣ. Народъ считаетъ, напримѣръ, Мазепу колдуномъ. Какую благодарную тему представляло бы для историка прослѣдить какимъ образомъ сложилась эта легенда и какую связь имѣетъ она съ „демоническимъ“ обаяніемъ личности Мазепы. Нельзя не упомянуть здѣсь же что весьма интересную задачу для изслѣдователя представлялъ бы анализъ источниковъ и преданій изъ которыхъ сложился образъ Мазепы въ поэзіи Западной Европы, обзоръ и анализъ графическихъ изображеній Мазепы, портретовъ, народныхъ картинъ и т. д. Ни что не помогаетъ въ такой степени выясненію исторической личности какъ сопоставленіе дѣйствительнаго ея содержанія и значенія со впечатлѣніемъ произведеннымъ ею на современниковъ, какъ параллель между легендой и фактомъ, между дѣйствительностію и вымысломъ. Исторія есть кристаллизовавшаяся жизнь. Какъ въ жизни, такъ и въ исторіи мелкія черты содѣйствуютъ уясненію и пониманію крупныхъ, а изученіе подробностей ведетъ къ уразумѣнію цѣлаго.

Указавъ на пробѣлы представляемые монографіей г. Костомарова, мы остановимся теперь подробнѣе на семи заключительныхъ ея главахъ. Онѣ обнимаютъ собою періодъ съ 1705 по 1709 годъ и содержатъ описаніе послѣднихъ четырехъ лѣтъ жизни Мазепы. Разказъ г. Костомарова значительно оживляется въ этихъ главахъ по мѣрѣ приближенія трагической катастрофы, которою завершилась жизнь и гетманство Мазепы.

II.

Постараемся уяснить себѣ тѣ обстоятельства при которыхъ „преклонено было до измѣны сердце Мазепы“.

Въ ноябрѣ 1699 года въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвой, происходили черезъ полномочныхъ первые тайные переговоры между Петромъ и польскимъ королемъ Августомъ относительно союза противъ Швеціи. Августъ задумывалъ отнять у Шведовъ Ливонію; Петръ обѣщалъ давать ему восломоженіе войскомъ. Военныя дѣйствія открылись въ 1700 году, и по приказанію Петра Мазепа долженъ былъ послать къ Августу въ Ливонію казаковъ. Въ началѣ 1701 года Петръ заключилъ съ Августомъ формальный договоръ, по которому обязывался дать Августу 15.000 войска, 100.000 рублей и построить на свой счетъ магазины для продовольствія арміи. Зимой съ 1702 на 1703 годъ Мазепа ѣздилъ въ Москву и возвратился съ пожалованіями и подарками, а Польскій король, во вниманіе къ услугамъ оказаннымъ малороссійскими войсками, прислалъ Мазепѣ, имѣвшему уже отъ Петра ленту Андрея Первозваннаго, орденъ Бѣлаго Орла. Между Мазепой и Петромъ существовали самыя лучшія отношенія. Мазепа посылалъ къ царскому столу дичь, лосей и сервъ своей охоты, дули, вишни и яблоки изъ малороссійскихъ садовъ; Петръ отвѣчалъ ему присылкой разныхъ гостинцевъ, напримѣръ живой рыбы изъ Невы и Ладожскаго озера. Война шла между тѣмъ своимъ чередомъ, съ тою только разницей что съ 1704 года Петръ нашелъ удобнѣе посылать Малороссіянъ противъ Шведовъ не на сѣверъ, а въ польскія области, въ качествѣ вспомогательныхъ силъ. Задача казаковъ была въ этомъ случаѣ довольно своеобразная: они должны были разорять имѣнія и земли тѣхъ пановъ которые шли противъ Августа, держали сторону Шведовъ; но такъ какъ Поляки съ необыкновенною быстротой переходили съ одной стороны на другую, то приходилось поперемѣнно оберегать или разорять одни и тѣ же помѣстья. Въ 1705 году въ Варшавѣ былъ коронованъ Станиславъ Лещинскій, избранный въ короли при жизни Августа по волѣ Карла XII. Коронованіе состоялось 3 сентября, а отъ 13 октября Мазепа

писалъ Петру что на его душу и непреоборимую поддавскую вѣрность устремилось уже четвертое искушеніе отъ короля Шведскаго и псевдо-короля польскаго Лещинскаго. По словамъ Мазепы, оба они „покушаются своими факціями и злоковарными прелестями преклонить его къ себѣ“, но онъ, гетманъ, „во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и адамантъ несокрушимый“, и „его малую службишку“ и поддавную вѣрность не могли „умягчить, сокрушить, преклонить и преодолѣть“ никакія „злокозненныя прелести“. А между тѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ этого письма первое сѣмя искушенія уже запало въ душу Мазепы. Искусителемъ явилась женщина, княгиня Анна Дольская, урожденная Ходоровская, вдова Константина Вишневецкаго, вышедшая во второй разъ замужъ за князя Дольскаго, великаго маршала литовскаго. Мазепа былъ приглашенъ крестить вмѣстѣ съ нею дочь, родившуюся у ея сына, князя Вишневецкаго. Княгиня была еще не стара и, по словамъ г. Костомарова, обладала въ „высшей“ степени качествами „прелестницы“. Мазепа „имѣлъ съ нею денныя и нощныя конференціи“, въ продолженіе которыхъ она „выперсвадовала своими прелестями“ измѣну у Мазепы. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Орликъ въ письмѣ къ Яворскому. Оговариваясь, на всякій случай, что „о томъ единый Богъ вѣсть“, онъ прибавляетъ однако: „отъ большей части разсуждаю что сная прелестница могла его обезумить“. Предположеніе Орлика имѣетъ тѣмъ большую достовѣрность что начиная съ этого времени княгиня Дольская вступаетъ съ Мазепой въ весьма характерную переписку.

Съ зимы 1705 на 1706 годъ дѣла Карла XII и Станислава Лещинскаго становились все успѣшнѣе. Карлъ двинулся въ Литву, шляхетство начало цѣлыми воеводствами переходить на его сторону. Петръ потребовалъ Мазепу въ Минскъ. Здѣсь Мазепа получилъ отъ княгини Дольской небольшое письмецо писанное цифрами. Въ письмецѣ говорилось о возвращеніи ея посланца съ письмомъ отъ какого-то короля.

— Вотъ глупая баба! сказалъ Мазепа писарю своему Орлику.—Хочетъ чрезъ меня обмануть его царское величество, чтобы царь, оставивши короля Августа, принялъ подъ свою протекцію Станислава Лещинскаго и помогъ ему утвердиться на престолѣ, а онъ за то обѣщаетъ царю подать такой

способъ чтобы царь могъ побѣдить Шведа. Я уже о такомъ дурачествѣ говорилъ государю, и онъ надъ этимъ смѣялся.

Орликъ пишетъ что онъ тогда повѣрилъ Мазепѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ чтобы гетманъ склоненъ былъ къ измѣнѣ. Г. Костомаровъ также предполагаетъ что склонности къ измѣнѣ еще не было въ это время у Мазепы. А искушенія княгини продолжались. Въ іюнѣ кума опять прислала Мазепѣ, уже въ Кіевъ, шифрованное письмо.

„Мазепа позвалъ къ себѣ въ спальню Орлика, самъ легъ на постель, а своему генеральному писарю приказалъ читать письмо. Въ этомъ письмѣ княгиня Дольская, именемъ короля Станислава, просила Мазепу начать *мальтренный* путь, надѣяться на скорое прибытіе изъ Волыни цѣлаго шведскаго войска и быть увѣреннымъ что всѣ желанія, какія заявитъ гетманъ, будутъ исполнены. Княгиня обѣщала притомъ прислать *ассекурацію* Станислава и *гаранцію* Шведскаго короля.“ По выраженію Орлика, Мазепа „слухалъ того листу“ съ великимъ гнѣвомъ, а выслушавши „порвался разъяренный съ постели и началъ поносить княгиню тѣми словами: проклятая баба обезумилась. Прежде меня просила чтобы царское величество воспріялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь иное пишетъ. Бѣсуется тая баба, хочетъ меня мошеннаго и искуснаго птаха (птицу) обманить“ и т. д. Въ заключеніе Мазепа велѣлъ принести огня, „сплавилъ оригинальное цифирное письмо и переводъ его“ и затѣмъ обратился къ Орлику:

„Пиши до тоей проклятой бабы цифрами не выходя отсюду въ тые слова: прошу вашей княжей милости оставить тую корреспонденцію которая мене можетъ погубити и на житіи и на гонорѣ и на субстанціи. И не токмо ваша княжая милость не надѣйся, но не помышляй о томъ чтобы я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ, которую отъ молодшихъ лѣтъ моихъ доселѣ ненарушимо сохранилъ и въ оной умрети желаю не хотячи и за живота и по смерти моей безчестнаго измѣническаго пороку и имени на особу мою навесть, и того ради а повскоре вашей княжеской милости прошу оставить тую корреспонденцію и больше о томъ до меня не писать“.

Отвѣтъ этотъ Мазепа взялъ къ себѣ, и Орликъ не знаетъ былъ ли онъ отосланъ или же Мазепа послалъ къ княгинѣ другое письмо. Г. Костомаровъ говоритъ: „Соображая обстоятельства можно допустить что Мазепа и въ самомъ дѣлѣ не

рѣшался еще въ это время на измѣну; онъ только высматривалъ и, такъ сказать, примѣривался какъ ему поступить если обстоятельства дѣйствительно приведутъ къ необходимости искать дружбы съ Карломъ и Станиславомъ". Ничтожное, повидимому, обстоятельство—мы говоримъ *повидимому*, ибо на самомъ дѣлѣ никогда нельзя сказать что ничтожно и что нѣтъ,—внезапно перетянуло вѣсы на сторону „проклятой бабы", если только Мазепа не разыгрывалъ уже и ранѣе комедіи предъ Орликомъ. Петръ пріѣхалъ въ Кіевъ и по случаю разнесшейся въ это время вѣсти о движеніи Карла XII на Малороссію приказалъ Мазепѣ исполнять то что велитъ Меншиковъ, снаряжавшійся съ кавалеріей на Волынь. Экспедиція Меншикова не состоялась, Карлъ повернулъ изъ Польши въ Саксонію, а не въ Украйну, но „шляхетская гордость человѣка бывшаго въ юности *покоёвымъ* польскаго короля затопорщилась при мысли находиться подъ командой того кто въ дѣтствѣ торговалъ въ Москвѣ пирогами". Мазепа принялъ царскій указъ себѣ въ безчестіе и говорилъ своимъ ближнимъ: „вотъ какъ наградили меня на старости за многолѣтнюю службу! Велятъ быть подъ командой Меншикова! Не жалостно было бы еслибъ отдали подъ команду Шереметева или иного какого-нибудь высокоименитаго и отъ предковъ заслуженнаго человѣка!" Была и еще причина недовольства Мазепы Меншиковымъ. Гетманъ сватался сестру Меншикова за племянника своего Войнаровскаго, и Меншиковъ сначала согласился, но потомъ отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ что на сестрѣ его думаетъ жениться самъ царь. А въ это время подослѣло еще шифрованное письмо отъ княгини Дольской съ предостереженіемъ противъ Меншикова. Княгиня писала „по дружбѣ" что гдѣ-то на крестинахъ, сидя за столомъ между Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и генераломъ Реномъ, отозвалась съ похвалой о Мазепѣ. Генералъ Ренъ также отозвался о немъ съ похвалой и сказалъ: „жаль этого добраго и умнаго Ивана! Онъ, бѣдный, не знаетъ что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, его отставя, самъ стать въ Украйнѣ гетманомъ". Шереметевъ потвердилъ будто бы это извѣстіе. Прослушавъ письмо княгини, Мазепа сказалъ что онъ самъ хорошо знаетъ что замышляютъ надъ нимъ и какъ хотятъ „уконтентовать" его „княженіемъ Римскаго государства", между тѣмъ какъ Меншиковъ „стелетъ себѣ путь къ гетманству" прося

себѣ у царя княженія Черниговскаго. Онъ приказалъ Орлику написать княгинѣ письмо съ благодарностью за дружбу и предостереженіе. Очевидно что въ эту минуту измѣна была уже замышлена. Это былъ такъ-называемый „психологическій моментъ“. Затронута была наиболѣе чуткая струна, задѣто чувство личнаго достоинства и самолюбія; по мѣткому выраженію г. Костомарова, „шляхетская гордость затолорщилась“; затолорщились и всѣ инстинкты самосохраненія высоколоставленнаго административнаго лица, для котораго обладаніе властью стало потребностью и условіемъ существованія. Предъ Мазепой внезапно открылась возможность потерять свое прежнее значеніе, свою прежнюю власть. Въ умѣ Петра дѣйствительно начали носиться предположенія о преобразованіи казачества. Въ апрѣлѣ 1707 года Мазепа былъ вызванъ Петромъ на военный совѣтъ въ Жолкву; по окончаніи этого совѣта, онъ не хотѣлъ обѣдать къ царю, вернулся въ свое помѣщеніе разстроеннымъ, весь день ничего не ѣлъ и былъ чрезвычайно раздражителенъ. Онъ не сообщалъ старшинамъ что̀ за непріятность произошла съ нимъ, но только произнесъ загадочныя для нихъ слова: „Еслибъ я Богу такъ радѣтельно и вѣрно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе; а здѣсь, хотя бы я въ ангела перемѣнился, и тогда не могъ бы службою и вѣрностію никакого получить благодаренія.“ Въ послѣдствіи оказалось что Петръ сообщилъ Мазепѣ на этомъ совѣтѣ свое намѣреніе произвести нѣкоторыя перемѣны въ отправленіи казацкой службы. Перемѣны не состоялись, и мы отмѣтимъ лишь въ словахъ Мазепы весьма характерное сопоставленіе *службы и вѣрности* со *мздовоздаяніемъ* и *благодарностію*. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Мазепѣ было доставлено письмо князя Меншикова къ компанейскому полковнику Танскому. Меншиковъ приказывалъ ему выступить со своимъ полкомъ въ походъ. Обращеніе къ казацкому полковнику мимо казацкаго гетмана взорвало Мазепу. Онъ въ ярости закричалъ: „Можетъ ли быть болѣе поруганія, посмѣянія и униженія моей особѣ! Князь Александръ Даниловичъ каждый день со мною видится, всегда со мною конверсуетъ и не сказалъ мнѣ о томъ ни единого слова, но безъ моего вѣдома и согласія разсылаетъ ордонансы людямъ моего регимента! Да еслибы Танскій попелъ, я велѣлъ бы его какъ лса разстрѣлять!“ Въ эту минуту гетману доложили что въ пріемной комнатѣ стоитъ и дожидается его львовскій іезуитъ

Заленскій, ректоръ іезуитской школы въ Виницѣ. Мазепа „весь просвѣтлѣлъ“, заперся наединѣ съ іезуитомъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Измѣна началась фактически: гетманъ посылалъ этого іезуита въ Саксонію къ Станиславу Лещинскому и Карлу XII. Происходило это въ апрѣлѣ, а въ октябрѣ того же 1707 года Мазепа уже получилъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ княгини Дольской письмо отъ короля Станислава. Сцена полученія этого письма, разказанная Орликомъ, такъ и просится въ драму которая со временемъ будетъ написана на сюжетъ измѣны Мазепы.

Была ночь. Генеральный писарь Орликъ находился въ помѣщеніи занимаемомъ Мазепой и составлялъ какую-то длинную бумагу. Мазепа нѣсколько разъ спрашивалъ его изъ внутреннихъ комнатъ:

— Скоро ли ты кончишь? Есть еще иное дѣло!

Наконецъ бумага была дописана. Орликъ принесъ ее къ гетману. Мазепа сидѣлъ за столомъ и держалъ въ рукѣ небольшой конвертъ съ письмомъ отъ княгини Дольской. Конвертъ былъ присланъ зашитымъ въ шалку какого-то Валаха. Гетманъ приказалъ Орлику распечатать письмо и читать. Генеральный писарь приблизился къ свѣчѣ, заслоненной зонтикомъ отъ глазъ Мазепы, вскрылъ конвертъ и вмѣстѣ съ шифрованнымъ письмомъ княгини увидалъ въ немъ другое запечатанное письмо: оно было отъ Станислава. Не говоря ни слова, Орликъ прочелъ про себя письмо короля. Между тѣмъ Мазепа, удивленный долгимъ молчаніемъ Орлика, спросилъ его, почему онъ не начинаетъ чтенія. Орликъ подалъ ему письмо Станислава. Мазепа тихо прочелъ письмо, съ ужасомъ выронилъ его изъ рукъ на столъ и долго сидѣлъ задумавшись.

— Что мнѣ дѣлать? спросилъ онъ наконецъ у Орлика.— Посылать это письмо къ царскому величеству или удержать?

Орликъ посовѣтовалъ отослать письмо къ Петру. Мазепа велѣлъ своему генеральному писарю идти домой и молиться Богу „да, яко же хощетъ, устроитъ вещь“, а утромъ обѣщалъ снова съ нимъ посовѣтоваться. Пришедши домой, Орликъ взялъ два рубля денегъ, вышелъ и началъ раздавать ихъ нищимъ лежавшимъ въ „кущахъ“ (шалашахъ) на улицѣ и въ богадѣльнѣ Кіево-Печерскаго монастыря. Нищіе, валявшіеся въ шалашахъ, бранили Орлика когда онъ толкался къ нимъ

ночью; они „не милостыни отъ него надѣялись, но воровства опасались“. Однако же, услышавъ отъ него „слова“, поняли что онъ не воръ, отворяли дверцы шалашей и принимали милостыню. Раздачу милостыни въ столь необычайное время генеральный писарь производилъ „да освободитъ его всемогущій Богъ отъ обстоящихъ бѣдъ и да отвратитъ Мазепино сердце отъ лукаваго предпріятія“. Рано утромъ Орлика позвали къ Мазепѣ. Гетманъ сидѣлъ уже за своимъ столомъ, а предъ нимъ лежалъ крестъ. Произнеся къ генеральному писарю цѣлую рѣчь, Мазепа присягнулъ предъ нимъ въ томъ что „дерзаетъ такъ постулать“ лишь ради общей пользы народа Малороссійскаго, а не ради „приватныхъ прихотей“. Затѣмъ онъ потребовалъ чтобъ Орликъ въ свою очередь присягнулъ въ томъ что будетъ вѣренъ гетману и не откроетъ никому секрета. Чрезъ мгновеніе послѣ этой присяги и крестнаго цѣлованія Мазепа уже обманулъ Орлика. Приказавъ ему написать письмо къ Петру и вложить въ него „записочку“ Станислава для доказательства „своей вѣрности“, онъ не отослалъ этого письма. Читателямъ не должно казаться противорѣчіемъ если гетманъ говорилъ еще Орлику въ это время о „вѣрности“ Русскому царю. Онъ до послѣдняго мгновенія продолжалъ двоедушествовать между двумя сторонами и все высматривалъ шведская или русская „потенція“ одержитъ верхъ.

III.

Въ декабрѣ того же года, на второй день Рождества, іезуитъ Залевскій опять пріѣхалъ въ Украйну, и на этотъ разъ привезъ уже Мазепѣ „универсалъ“ короля Станислава къ цѣлой Украйнѣ. Въ универсалѣ этомъ Станиславъ убѣждалъ Малороссійскій народъ „вмѣстѣ съ предостойнѣйшимъ вождемъ своимъ стараться объ освобожденіи отъ московскаго ига“. Мазепа былъ уже, такъ-сказать, офиціально компрометтированъ въ глазахъ Польскаго и Шведскаго королей, а между тѣмъ вотъ что писалъ онъ въ началѣ 1708 года къ Петру, благодаря его за присылку къ нему врача:

„О здравіи моемъ благосердствуя, благосердствуешь неизрѣченную, яки же реку, равнобожескую, монаршескую свою являя мнѣ милость, когда для уврачеванія моей немощи изволилъ Ваше Царское Пресвѣтлое Величество милостивно указать

лѣкаря мнѣ прислать. И что̀ воздамъ Вашему Цесарскому Величеству за всѣхъ аже воздалъ ми еси? *А понеже по достоинству возблагодарить не могу, убо до кончины дней и истощенія силъ моихъ за толь премилосердое монаршее призрѣніе вѣрными своими непремѣнными услугами подданнически награждать должественную, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ проницающій сердца*". Въ январѣ же мѣсяцѣ 1708 года, по поводу новаго и совершенно справедливаго доноса на Мазепу, Петръ прислалъ Мазепѣ „утѣшительную грамоту". Въ ней между прочимъ говорилось: „Вѣрность твоя свидѣтельствуется тѣмъ что ты не мало ничего у себя не задерживая намъ о всемъ доносилъ....и ты нашего царскаго величества подданный служишь намъ вѣрно". Тѣмъ не менѣе, когда Петръ приказалъ Мазепѣ послать подчиненное ему войско противъ тѣхъ кому онъ тайно обѣщалъ свое содѣйствіе, положеніе гетмана стало весьма затруднительнымъ. Онъ всячески увертывался оказывать помощь польскому военачальнику Сенявскому принадлежавшему къ партіи враждебной Станиславу, не шелъ самъ въ Польшу на помощь противникамъ Станислава и не посылалъ туда казаковъ. Мазепа старался сдѣлать Сенявскаго подозрительнымъ въ глазахъ Петра и, на самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Костомаровъ, „польскіе паны въ то время такъ легко переходили съ одной стороны на другую что ни какихъ соображеній нельзя было заранѣе составлять ни о комъ. Малѣйшее что-нибудь, манившее выгодой или устрашавшее опасностью, располагало польскаго пана пристать къ той сторонѣ которой онъ только-что предъ тѣмъ былъ противникомъ и измѣнить той которой недавно клялся въ вѣрности". Со своей стороны, Сенявскій не оставался въ долгу и возбуждалъ въ царѣ подозрѣніе на Мазепу. „Охъ, смотрите", говорилъ онъ въ апрѣлѣ 1708 года русскимъ резидентамъ Украинцеву и Дашкову, „смотрите какъ бы гетманъ вашъ не имѣлъ со Шведскимъ королемъ и съ Лещинскимъ тайнаго согласія!" Подозрѣнія все увеличивались и усложнялись. Мазепа узналъ что Станиславъ хвалится тѣмъ что гетманъ съ нимъ за одно и будетъ помогать ему противъ Москвы. Сенявскому было прислано письмо въ которомъ его склоняли принять сторону Станислава указаніемъ на примѣръ склонившагося уже къ нему Мазепы. Гетманъ немедленно обратился тогда съ горькими жалобами къ Головкину:

„Благодарю Бога моего что грѣхъ моихъ ради наказуетъ мя отовсюду скорбями, напастями и клеветами, бѣдами и неудобоносимыми печалями, которыя въ крайней моей немочи и ослабѣлой старости превосходятъ мои силы и не даютъ мнѣ спокойно сего уже короткаго житія докончить, но прежде времени въ гробъ женутъ. Богдай никогда бы того уряду гетманскаго не зналъ, на которомъ отъ начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанныя напасти и внутрь отъ своихъ знаемыхъ и лжебратій, и извнѣ отъ чужестранныхъ терплю. Прошу вашей вельможности, сотвори милость съ ближнимъ своимъ горѣе нежели въ разбойники влавшимъ и милосердствуя о мнѣ подаждь въ тяжкихъ печаляхъ желаемую отраду, да не скончаюсь безвременно“. Головкинъ, утѣшая „добраго старика“, писалъ въ отвѣтъ: „Много такихъ разсѣянныхъ бездѣлицъ бываетъ не на одного васъ, но и на иныхъ многихъ вѣрныхъ слугъ царскаго величества. Нечего тому вѣрить, ибо непріятели всегда для своей пользы ложь на вѣрныхъ сплетаютъ, дабы тѣмъ своихъ единоплеменниковъ увеселить“. Но еще убѣдительнѣе для лолкой вѣры въ преданность Мазепы должно было показаться Головкину и Петру сообщенное имъ письмо Мазепы на обращенное къ гетману предложеніе какого-то лана Тарло пристать на сторону Станислава и Карла. „Не могутъ меня никогда ни стрѣлы, ни огонь разлучить отъ любви пресвѣтлѣйшаго всемилостивѣйшаго государя моего, котораго святобливымъ предкамъ пресвѣтлѣйшимъ царемъ московскимъ и его царскому величеству единожды во все со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ вѣру присягалъ и оную свято содержать долженъ есмь по праву совѣсти. Напрасный вашъ трудъ, непотребные заводы, ненадежныя надежды и ожиданія суть. Понеже въ тѣхъ своихъ вертоглавныхъ дѣйствахъ напрасно чрезъ толь многіе годы трудитеся, ибо первѣе на земли звѣзды будутъ, небо же сохой орано, нежели Украйна могла бы когда возвратиться къ коронѣ Польской и народъ казацкій, отъ вѣковъ къ польскому имѣющій ненависть, съ Рѣчью Посполитою соединенъ имѣлъ быть; локамѣстъ свѣтъ свѣтомъ стоитъ, не будетъ казакъ Поляку братъ, ожегшися на водѣ побратимства лядскаго“.

Все болѣе и болѣе непроницаемою сѣтью ложится интрига на Украйну. Въ то самое время какъ Мазепа излагалъ въ отвѣтѣ лану Тарло историческую невозможность братства

между казаками и Поляками, указывалъ на то какъ польскіе жолнеры отнимали у казацкихъ матерей невинныхъ малютокъ, втыкали ихъ на копья, бросали въ ямы и душили огнемъ, загоняли женщинъ въ избы и сожигали тамъ, принуждали народъ къ „проклятой“ уніи, запрещали вольное отправленіе таинствъ и запродавали жидамъ на аренду Святыя Тайны, крещеніе и вѣнчаніе, тогда какъ на оборотъ „вѣра святая соединяетъ Малороссіянъ съ храбрымъ народомъ Московскимъ“,—въ то самое время оказывается что Мазепа былъ склоненъ на сторону Станислава преимущественно іезуитами, которымъ онъ поддался потому что съ юности былъ привязанъ къ Римской церкви, и хотя въ послѣдствіи изъ видовъ казался православнымъ, но на самомъ дѣлѣ притворялся и внутренно не терпѣлъ православнаго исповѣданія. Шведскіе, русскіе и малороссійскіе источники обличаютъ Мазепу въ намѣреніи отдать Малороссію Польшѣ съ цѣлью ввести римскую вѣру и унію. Съ необыкновенною ловкостью пользовался Мазепа настроеніемъ которое онъ замѣчалъ между нѣкоторыми изъ своихъ старшинъ заявлявшихъ ему желаніе воспользоваться текущими военными обстоятельствами для утвержденія независимости Украйны. Онъ спорилъ съ ними, испытывалъ ихъ искренность, доводилъ ихъ до того что они горячились и въ концѣ концовъ поставилъ дѣло такъ какъ будто не онъ увлекаетъ Малороссіянъ, но они увлекаютъ его отступить отъ царя, Мазепа такъ настроилъ старшинъ что они стали принуждать его сойтись со Шведами, затѣмъ мало-по-малу началъ показывать видъ будто онъ колеблется, наконецъ заставилъ всѣхъ дать присягу и только тогда присягнулъ уже самъ. Въ присягѣ, написанной „обознымъ“ Ломиковскимъ, положили, по соображенію обстоятельствъ, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать имъ противъ Московскаго царя съ тѣмъ чтобы по заключеніи мира Украйна была признана вполнѣ независимою страной. Въ то же время неизвѣстный старшинамъ тайный агентъ Мазепы, низложенный болгарскій архіерей, заключилъ отъ имени Мазепы тайный договоръ съ Карломъ и Станиславомъ. Условія съ Карломъ касались только военныхъ дѣйствій. Но въ договорѣ со Станиславомъ Мазепа въ награду за присоединеніе къ Польшѣ всей Украйны съ Кіевомъ и Черниговомъ, а также Смоленска, выговаривалъ себѣ княжескій титулъ и владѣніе

воеводствами Плоцкимъ и Витебскимъ на тѣхъ же правахъ на какихъ герцогъ Курляндскій владѣлъ подвластнымъ ему краемъ. Послѣ обоюдной присяги между Мазепой и четырьмя старшинами: Ломиковскимъ, Горленкой, Апостоломъ и Зеленскимъ, мысль объ отложеніи отъ царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Орликъ говоритъ что ему еще разъ приходило въ голову намѣреніе сообщить Меншикову что по поводу доноса Кочубея, какъ разъ разбиравшагося въ это время, Мазепа находится въ боязни и опасеніи что между генеральными старшинами и полковниками возникаетъ ропотъ на обиды Великороссіянъ и нарушенія войсковыхъ правъ, что по этой причинѣ не худо было бы прислать отъ царя знатную особу чтобъ отобрать присягу въ вѣрности царю. Но когда пришли извѣстія что Кочубея и Искру отсылаютъ къ Мазепѣ для казни, Орликъ вспомнилъ изреченіе: *felix q uem faciunt aliena pericula cautum*, и онъ отказался отъ своего намѣренія.

IV.

Донось Кочубея и судьба его слишкомъ извѣстны для того чтобы предстояла необходимость подробно останавливаться на этомъ предметѣ, и мы воспользуемся лишь нѣсколькими любопытными подробностями встрѣчающимися въ изслѣдованіи г. Костомарова.

Мазепа и Кочубей, говоритъ г. Костомаровъ, были издавна близкими пріятелями. Нѣкогда они служили вмѣстѣ у Дорошенка, потомъ у Самойловича, и вмѣстѣ выкапывали яму въ которую удалось имъ свалить Самойловича. Послѣ того какъ Мазепа сталъ гетманомъ, нѣсколько лѣтъ господствовало между ними согласіе; по крайней мѣрѣ это можно заключать изъ того что гетманъ женилъ своего племянника Обидовскаго на дочери Кочубея, Аннѣ, и самому Кочубею исходатайствовалъ у Петра жалованныя грамоты на маетности. Кочубей былъ долго въ чинѣ генеральнаго писаря, потомъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьей, что составляло повышеніе въ казацкомъ урядѣ. Событіе послѣвшее роковую вражду между Мазепой и Кочубеемъ наступило только въ 1704 году: это извѣстная исторія любви между Мазепой и дочерью Кочубея, Матреною. Олоэтизованная Пушкинымъ

любовь эта становится удивительно прозаичною въ изложеніи историка.

Мазепѣ было 73 года, когда, въ 1702 году, умерла его жена. Несмотря на то что „Мотря“ Кочубей была его крестною дочерью, Мазепа сталъ сватать ее за себя. „Егда же предастъ гробу жену“, доносилъ Кочубей Петру, „тогда новую изобрѣтаетъ на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертію прещаше, дабы вторую дщерь мою дѣвицу, ему же воспріемлемую отъ св. крещенія духовную дщерь, взяти могль въ супружество“. Мазепѣ разумѣется отказали. Тогда онъ началъ посредствомъ тайнаго посланца подговаривать Мотрю чтобъ она шла жить къ нему, за что обѣщалъ сначала три, а потомъ десять тысячъ червонцевъ. Еслибы не это предложеніе крупныхъ денежныхъ суммъ, то можно было бы нарисовать цѣлую малороссійскую идиллію изъ ухаживанія Мазепы за Мотрею. Посланный гетмана просилъ у Мотри прядь волосъ и вызывалъ ее на свиданье съ Мазепою въ огородъ Кочубеева двора, гдѣ была дыра въ частоколѣ. Мазепа писалъ любовныя записочки: „Моя сердечная коханая Матронепко! Поклонъ мой отдаю вашей милости, мое серденько, а при поклонѣ посылаю вашей милости гостинца книжечку и обручикъ діаментовый, прошу тые завдячно прияти, а меня въ любви своей неотмѣнно ховати... Затѣмъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькія и всѣ члонки тѣльца твоего бѣленькаго, моя любенко коханая“. Гетманъ просилъ прислать ему то рубашку съ тѣла, то монисто съ шеи. Г. Костомаровъ не характеризуетъ подробнѣе Мотрю и ограничивается простымъ замѣчаніемъ что она была „очень ограниченное женское существо“. Сначала Мотря не соглашалась ни на какія предложенія, но потомъ убѣжала къ Мазепѣ „уклоняясь отъ родительскихъ преслѣдованій: положеніе ея въ домѣ стало несносымъ; ея мать, какъ изъ многаго видно, была женщина крутаго и суроваго характера“. Кочубей не придумалъ ничего лучшаго какъ звонить по этому случаю въ колоколъ: „Азъ же не могль что творити, въ колоколъ ударяя, да видитъ всякъ бѣдствіе мое“. Чрезвычайно трудно понять изо всей этой исторіи что-либо другое кромѣ великаго скандала который она произвела. Не стерпѣвъ укоровъ Кочубея, Мазепа отослалъ Мотрю назадъ, и намъ остается судить о характерѣ отношеній между гетманомъ и дочерью Кочубея лишь по нѣсколькимъ отрывкамъ изъ писемъ приводимымъ г. Костомаровымъ. Мазепа

узналъ отъ Мотриной „дѣвки“ что та сердится на него за отсылку ея обратно къ родителямъ. Онъ пишетъ Мотрѣ письмо и проситъ ее сообразить что̀ вышло бы изъ пребыванія ея у него въ домѣ: „уважь сама щобъ з того выросло. Першая: щобъ твои родичи на всемъ свѣтѣ разголосили же взявъ у насъ дочку у ночи кгвалтомъ и держитъ у себе мѣсто лодложницы. Другая причина же державши вашу милость у себе я бымъ не могълъ жадною мѣрою витримати, да и ваша милость такъ же: мусѣлибисьмо изъ собою жить якъ малженство кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе одъ церкви и клятва же бы намъ съ тобою не жить“. Въ другомъ письмѣ Мазепа писалъ: „Сама знаешь якъ я сердечно шалене люблю вашу милость: еще никого на свѣтѣ не любилъ такъ. Мое бъ то счастье и радость щобъ нехай ѣхала и жила у мене, тилко жъ я уважавъ якій конецъ съ того можетъ быти, а звлаща при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ“. Находясь подъ строгимъ присмотромъ родителей, Мотря тѣмъ не менѣе тайкомъ переписывалась съ Мазепою черезъ „дѣвку Мелашку“ и въ это время „доходила до безумія, металась, плевала на отца и на мать“. Родители приписывали все это вліянію чаръ: „егда не возмогъ лестію“, пишетъ Кочубей про Мазепу, „преклонься къ обаянію и чародѣянію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ еже дщери моей возбѣситися и бѣгати, на отца и на матерь плевати“. Повторяемъ что во всей этой исторіи весьма трудно понять что-нибудь. Неизвѣстно что̀ писала Мотря Мазепѣ; но изъ отвѣтныхъ его писемъ усматривается что онъ хотѣлъ „учинить отмщеніе своимъ врагамъ“, совѣтовалъ Мотрѣ идти въ монастырь, наконецъ упрекалъ ее за охлажденіе ея любви къ нему: „Вижу же ваша милость во всемъ одмѣнилася своею любовью прежнею ко мнѣ. Якъ себѣ знаешь: воля твоя, чини что̀ хочешь! Моя сердечне коханая, наймильшая, найлюбезнѣйшая Матроненько! Сломни тилко на свои слова, сломни на свою присягу, сломни на свои ручеки, которые мнѣ не на однократъ давала, же меня хочь будешь за мною, хочь не будешь, до смерти любити обѣщалася“. Кочубей въ свою очередь писалъ гетману: „Горе мнѣ мизерному и всѣми заплеванному! Обратилась въ грусть надежда моя найти себѣ въ дочери будущую утѣху! Омрачился свѣтъ очей моихъ; обошелъ меня кругомъ мерзостный студъ, не могу смотрѣть людямъ прямо въ лицо; срамъ и лоношеніе

покрываютъ меня предъ ближними и домашними! Всегда съ бѣдною супругою своей плачу отъ сокрушенія". Мазепа не остается въ долгу отвѣтами. Онъ совѣтуетъ Кочубею положить мундштукъ на свою „гордую, велерѣчивую жену, якъ на конѣ, такъ и на кобылѣ кладутъ", ссылается даже на примѣръ Варвары великомученицы: „утекала Св. мученица Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ не въ домъ гетманскій, але въ подлѣйшее мѣсто межъ овчари въ разсѣлины каменныя, страха ради". Мазепа угрожаетъ Кочубею грозящею ему отъ жены пагубою: „и если же въ Бозскаго презрѣнія тебѣ и всему дому твоему зготувалося якая пагуба, то не на кого иншаго нарекати и плакати тилко на свою и женскую проклятую лыху". Замѣчательнѣе всего и всего менѣе понятнѣе то обстоятельство что послѣ исторіи съ Мотрею семейство Кочубеевъ оставалось въ дружескихъ отношеніяхъ съ Мазепою. Кочубей, какъ генеральный судья, постоянно находился въ приближеніи у гетмана и участвовалъ съ нимъ въ пирушкахъ, а Мазепа посѣщалъ по пріятельски Кочубея, пировалъ съ нимъ и велъ съ нимъ и его женою интимные разговоры которые въ послѣдствіи послужили матеріаломъ для доноса. Выступая въ походъ гетманъ оставлялъ Кочубея, какъ генеральнаго судью, въ Батуринѣ вмѣсто себя наказнымъ гетманомъ, и это продолжалось въ 1706 и 1707 годахъ, между тѣмъ какъ исторія съ Мотрею происходила въ 1704 и 1705 году. Допустимъ что служебное положеніе Кочубея могло оставаться неизмѣннымъ послѣ домашняго скандала, происшедшаго вслѣдствіе отношеній между Мазепою и Мотрею. Трудно представить себѣ, однако, какимъ образомъ послѣ звона въ колоколъ Кочубей продолжалъ „по пріятельски" бывать у Мазепы и такимъ же образомъ принимать его въ своемъ домѣ. Г. Костомаровъ излагаетъ одни факты, не вдаваясь въ ихъ объясненіе. Недоразумѣнія читателей остаются неразъясненными.

Точно также не выяснена личность Кочубея и причины побудившія его представить свой доносъ. Что за личность былъ Кочубей? Какую роль играло въ его доносѣ желаніе личнаго мщенія Мазепѣ, съ одной стороны, преданность дѣйствительнымъ интересамъ Малороссіи, съ другой стороны? Читатель не найдетъ отвѣта на эти вопросы въ монографіи г. Костомарова, а между тѣмъ вопросы эти невольно приходятъ въ голову. Мы узнаемъ лишь что, вопреки сложившемуся

мнѣнію, Кочубей посылалъ къ Петру нѣсколько доносовъ. Первый былъ отправленъ въ августѣ 1707 года съ монахомъ Сѣвскаго Спасскаго монастыря, Никандромъ. Послѣ цѣлованія креста Кочубеемъ, его женою и Никандромъ, Кочубей сказалъ послѣднему: „гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ измѣнить великому государю и отложиться къ Лахамъ чтобы Московскому государству учинить лакость и отдать въ неволю Украину. Съ этимъ словомъ ты долженъ отъ меня немедленно ѣхать въ Москву". Никандръ пріѣхалъ въ Москву, явился сначала въ Монастырскій, а потомъ въ Преображенскій приказъ, гдѣ и былъ задержанъ. По выраженію г. Костомарова, „посылка эта застряла"; Петръ занятъ былъ другими дѣлами, и не довѣряя никакимъ доносамъ на Мазепу, оставилъ это дѣло безъ вниманія. Въ началѣ 1708 года Кочубей уговорилъ ѣхать въ Москву выкреста изъ Жидовъ, Петра Яценка, который словесно долженъ былъ сообщить царскому духовнику что Мазепа сносится со Станиславомъ чрезъ посредство ксендза Заленскаго съ цѣлью отдать Украйну Польшѣ, причемъ злоумышлялъ на особу самого государя: „когда распространился слухъ что царь самъ хочетъ пріѣхать въ Батуринъ, гетманъ разставилъ 300 сердюковъ и приказывалъ имъ стрѣлять въ пріѣзжихъ по знаку данному изъ гетманскаго дворца". Отправивъ Яценка (онъ жилъ въ Полтавѣ и занимался въ Ахтырскомъ полку арендовыми промыслами), Кочубей вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ и своякомъ, бывшимъ полтавскимъ полковницкомъ Искрою, зазвали въ помѣстье Кочубея, Диканьку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Свитайла и поручили ему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Ѳедору Осипову объ измѣнническихъ замыслахъ Мазепы, съ тѣмъ чтобъ Осиповъ со своей стороны сообщилъ объ этомъ кіевскому губернатору. Осиповъ долженъ былъ сдѣлать свое сообщеніе такъ чтобъ о томъ не вѣдали другіе ближніе совѣтники царя, въ особенности Меншиковъ, „потому что какъ только довѣдаются, то и сообщатъ о томъ гетману". Тѣмъ не менѣе Мазепа провѣдалъ о доносѣ Кочубея. Донесеніе ахтырскаго полковника было отправлено кіевскимъ губернаторомъ къ Петру и получено царемъ 27 февраля, а вслѣдъ затѣмъ пришло письмо Мазепы отъ 24 февраля въ которомъ гетманъ, увѣряя въ своей догробной вѣрности царю, находилъ сочиненную на него клевету болѣе

достойною смѣха, чѣмъ вниманія, но умолялъ произвести розыскъ надъ клеветниками. Петръ отвѣтилъ Мазепѣ что „клеветникамъ на него ложно навѣтствующимъ никакая вѣра не дается, но и паче оные купно съ наустителями воспримутъ по дѣламъ своимъ достойную казнь". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ поручалъ Мазепѣ поймать Кочубея и Искру при удобномъ случаѣ, а вмѣстѣ съ ними онъ приказывалъ прислать къ нему въ оковахъ также и миргородскаго полковника Апостола. Апостолъ былъ отецъ невѣстки Кочубея; Петръ зналъ что онъ прежде не ладилъ съ Мазепой и подозрѣвалъ его въ соучастіи съ Кочубеемъ по доносу на гетмана. Но Апостолъ сдѣлался уже тайнымъ соумышленникомъ Мазепы, и гетманъ не только постоянно выгораживалъ его во всемъ этомъ дѣлѣ, но даже не помѣшалъ ему—что совершенно непостижимо—послать гонца къ Кочубею съ предупрежденіемъ о предстоявшемъ ему арестѣ. Гонецъ Апостолъ выѣхалъ одновременно съ отрядомъ посланнымъ подъ начальствомъ полковника Трощинскаго для поимки Кочубея. Въ то время какъ отрядъ остановился для ночевки, гонецъ прискакалъ въ Диканьку и вручилъ Кочубею записку Апостола. Въ ту же ночь Кочубей послалъ въ Полтаву за Искрой. Искра явился въ Диканьку рано утромъ, и оба, Кочубей и Искра, успѣли до прибытія Трощинскаго ускакать въ Красный Кутъ, городъ Ахтырскаго полка, гдѣ и отдались подъ покровительство полковника Ѳедора Осипова. Въ скоромъ времени Петръ вытребовалъ къ себѣ Кочубея, Искру, Осипова и священника Святайла. Дальнѣйшее извѣстно. Но не всѣ знаютъ, можетъ-быть, что Кочубей, котораго Головкинъ боялся пытать „чтобъ онъ прежде времени не издохъ, понеже зѣло дряхлъ и старъ", и который тѣмъ не менѣе подвергнутъ былъ пыткѣ по приказу Петра,—немногіе знаютъ, говоримъ мы, что Кочубей на пыткѣ показалъ что ничего подобнаго его доносу не было, что онъ все самъ затѣялъ на гетмана единственно по старой на него злобѣ. Свое показаніе Кочубей подписалъ: „окаянный проступца и згубца дому и дѣтей своихъ". Всѣ остальные участники доноса заявили что повторяли лишь слышанное отъ Кочубея, сами же ничего не знаютъ. Какъ было тутъ повѣрить доносамъ, въ особенности послѣ того какъ цѣлый рядъ ихъ уже не подтвердился на дѣлѣ? Любопытно что Малороссы и во время пытки вспомнили о женѣ Кочубея. Когда попъ Свитайло и сотникъ

Кованько послѣ пытки лежали на полу прикрытые окровавленными рогожами, Кованько сказалъ Свитайлу: отче Иване! Якажъ московська лужка солодка (плетки сладкая)! Купимъ ее жинкамъ на гостинецъ!"—„—Богдай тебе, Петре, побила лиха година, хиба трохи тоби слину ислисали!" отвѣчалъ полъ Свитайло. По мнѣнію г. Костомарова, Кованько подразумѣвалъ жену Кочубея, которая „завлекла своего мужа, а черезъ него и прочихъ въ доносъ". Нельзя не пожалѣть что г. Костомаровъ не представилъ болѣе подробной характеристики жены Кочубея, имѣвшей, какъ можно заключить изъ вышеизложеннаго, такое сильное вліяніе на своего мужа. Въ монографіи мы встрѣчаемъ лишь одну небольшую картинку, въ которой выступаетъ „Кочубеиха". Когда Трощинскій былъ отправленъ на поимку Кочубея и уже не засталъ его въ Диканькѣ, онъ отправилъ Волоховъ звать къ себѣ его жену. Она была въ это время въ церкви. Волохи стали вокругъ храма, и ротмистръ ихъ, Константинъ Великій, съ тремя подчиненными вошелъ въ церковь и объявилъ Кочубеихѣ что ее зоветъ Трощинскій. „Не пійду въ церкви", отвѣчала Кочубеиха, „нехай постражду между алтаремъ якъ Захарія". Съ трудомъ убѣдили ее выйти изъ церкви. Тотчасъ Волохи подхватили обѣихъ,—ее и невѣстку,—посадили въ коляску и повезли въ Ковалювку, имѣніе Кочубея, гдѣ въ то время остановился Трощинскій. Тамъ заставили хозяйку предъ собственнымъ дворомъ стоять добрый часъ времени и ждать пока доложатъ Трощинскому. Наконецъ онъ вышелъ на крыльцо, одѣтый въ бѣломъ кафтанѣ, безъ пояса, въ желтыхъ туфляхъ. По тогдашнимъ обычаямъ, замѣчаетъ г. Костомаровъ, это былъ признакъ невѣжливости. Трощинскій былъ пьянъ. Кочубеиха съ видомъ достоинства выступила впередъ:

— За тое-то Мазепа прислалъ васъ зъ такимъ войскомъ ло моего пана, що зичливе и вѣрне войску Запорожскому лисарствомъ и судействомъ служивъ?

Трощинскій съ перепоя забылся, пришелъ въ ярость и крикнулъ Волохамъ:

— Стрѣлайте!

Волохи было уже и курки пистолетовъ взвели, но Кожуховскій, „охотный полковникъ", командированный вмѣстѣ съ Трощинскимъ для поимки Кочубея, крикнулъ на нихъ:

— Стоять смирно!

Такъ осталась жива Кочубеиха. Имѣніе Кочубея было собрано и отвезено въ гетманскій дворецъ. Кочубеиху отправили въ Батуринъ и на находившемся тамъ собственномъ дворѣ Кочубея отвели ей для помѣщенія тѣсную хату. Во дворѣ было поставлено два караула, малороссійскій и великорусскій, „жолдатскій“ и „московскій“. Запрещено было не только посѣщать узницу, но даже приближаться къ оградѣ двора. Несмотря на то что Мазепа послѣ казни Кочубея и Искры выражалъ въ письмахъ къ Головкину намѣреніе оказать милость семействамъ казненныхъ и отдать женамъ ихъ и дѣтямъ Кочубеевымъ имущества, „дабы и жена Кочубеева и дѣти ихъ и жена Искрина могли безъ жадной бѣды и скорби въ домахъ своихъ проживать спокойно и мирно и своихъ имѣній употреблять“, семействамъ казненныхъ имущества не были возвращены, а вдовы продолжали содержаться въ Батуринѣ до самой минуты осады этого города русскими войсками. Изъ письма вдовы Кочубея и ея сестры, вдовы Искры, къ митрополиту Кіевскому Іосафу мы узнаемъ что въ самую критическую минуту, когда Батурину угрожало разореніе, въ городъ въѣхала какая-то черница на возѣ крытомъ будкою. Вдовы Кочубея и Искры были выведены этою черницей, сѣли на ея возъ переодѣвшись монашенками и выѣхали изъ города вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Кочубея, Ѳедоромъ. Дочь Кочубея, Прасковья, переодѣлась въ платье простолюдинки, вышла пѣшкомъ и соединилась съ остальными за городомъ. По приказанію Петра, вдовамъ Кочубея и Искры были возвращены всѣ недвижимыя имущества ихъ мужей, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ помѣстій. Что касается легендарныхъ сказаній о „сокровищахъ“ Кочубея, то размѣры его богатствъ оказались довольно скромными. При допросѣ Кочубей показалъ что у него въ домѣ осталось 4.000 червонцевъ въ одной скрынькѣ, да въ другой 500 червонцевъ и 2.000 талеровъ, затѣмъ въ долгахъ 18.000 злотыхъ. Къ этимъ суммамъ онъ предъ казнью добавилъ еще показаніе о 1.500 червонцахъ и 200 ефимкахъ, обѣщанныхъ имъ въ раздачу дѣтямъ, о 1.000 червонцахъ принадлежащихъ его умершей дочери и о нѣсколькихъ штукахъ серебряной посуды. „А що многіе особы разумѣютъ быть у мене великіе скарбы, то тое кладутъ рѣчь мнѣ тѣсную не разсуждаючи же мнѣ не дали того способу обымъ умѣлъ зъ скарбу богатитися“, показывалъ Кочубей на допросѣ. По

его словамъ, онъ проживалъ всѣ свои доходы: „треба было опричь харчей и напитковъ себѣ и на дѣтки суконки и чоботки и иншіе охендоженья купить, и челядь одѣвати и плату давати, а и духовнымъ особамъ, якъ чужеземскимъ, такъ и тутешнимъ ло прошеніи и ло зможности на длугъ моей мелкой особы въ милостыню давалося больше твердою нежели мелкою монетой. Бывало тежъ тое ло многу, же когда бывало человѣкъ якій знакомитый талеремъ и другимъ поклонится, ту и не принималемъ, назадъ отдавалемъ. А що убогимъ бѣднымъ чеховой давалося, нехай тое не будетъ въ лицемѣріе, и на будованье килкихъ церквей деревяныхъ що выложилося, того грѣхъ сломинати, але ло приказу докладаю...“

V.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступитъ святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.

Эти строфы графа А. Толстаго невольно приломинаются намъ когда послѣ эпизода съ Кочубеемъ мы снова возвращаемся къ исторіи измѣны Мазепы. Въ то время когда гетману не удалось поймать Кочубея и Искру, когда оба они ускользнули изъ его рукъ и успѣли пробраться къ высшему правительству, на Мазепу напалъ ужасъ: „видѣлемъ его великою боязнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія“, пишетъ Орликъ. По словамъ г. Костомарова, Мазепа, „какъ кажется, прервалъ даже на нѣкоторое время тайныя сношенія съ царскими непріятелями, по крайней мѣрѣ о нихъ не сохранилось свѣдѣній отъ первой половины 1708 года“. Благопріятный для гетмана исходъ доноса Кочубея разомъ прорвалъ плотину которою еще сдерживался все увеличивавшійся валоръ потока. Нѣтъ уже теперь этому потоку удержи, и судьба Мазепы вынесена имъ за предѣлы загадочной черты, которою отъ вѣка очерчена человѣческая свобода. Теперь уже человѣкъ не воленъ

въ своихъ дѣяніяхъ. Онъ влалъ во власть рока и невозвратно уносится его теченіемъ. Судьба какъ будто берегла всю жизнь Мазепы для двухъ, трехъ заключительныхъ ея годовъ. Лишь въ эти послѣдніе годы необычайно продолжительной, восьмидесятилѣтней жизни, внезапно слагается Мазепа для памяти исторіи, для вѣковой памяти народа. Судьбѣ какъ будто оказался нужнымъ измѣнникъ соединявшій въ себѣ всѣ условія успѣха, находчивый, ловкій, изворотливый, заручившійся безграничнымъ довѣріемъ верховной власти,—такой человѣкъ какъ будто оказался нуженъ ей чтобы на его примѣрѣ безпощадно и ярко доказать всю тщетность борьбы отдѣльнаго человѣка съ духомъ исторіи, съ ея величественнымъ, мощнымъ, неизмѣннымъ теченіемъ. Мазепа, іезуиты и Польскій король были увѣрены въ успѣхѣ дѣла; Поляки вмѣстѣ съ Мазепой думали что казаки ничего такъ не желаютъ какъ освободиться отъ царской власти. Имъ было непонятно историческое сознаніе великаго единенія всей Великой и Малой и Бѣлой Россіи въ лонѣ православія и подъ единою властью. Едва сдѣлалась извѣстною народу измѣна Мазепы, какъ весь народъ въ ужасѣ отшатнулся отъ него на томъ самомъ рубежѣ за предѣлами котораго рокъ безпощадно и быстро унесъ гетмана въ погибель. По мѣткому выраженію г. Костомарова, „Мазепа не зналъ духа Малороссійскаго народа, хотя и управлялъ имъ болѣе двадцати лѣтъ“.

21 сентября 1708 года Карлъ XII вступилъ съ войсками въ предѣлы Гетманщины. Петръ отправилъ туда же генерала Инфлянта, а гетману указалъ дѣйствовать съ нимъ сообща. Получивъ такой указъ, Мазепа пригласилъ четырехъ полковниковъ давшихъ ему уже ранѣе присягу и показалъ имъ указъ:

— Я опасаюсь, сказалъ онъ, — не приманиваютъ ли меня къ этому генералу чтобы взять въ руки. Идти ли намъ по указу царскому въ сношеніе съ этимъ генераломъ?

Всѣ „заволили единогласно“:

— Нѣтъ, не иди! Не медли болѣе и посылай къ Шведскому королю просить протекціи: какъ бы намъ сойтись со Шведами на границѣ и не впустить великороссійскихъ войскъ въ Украину.

Тутъ кто-то спросилъ:

— Ты, гетманъ, объяви намъ, чего имѣемъ съ цѣлою

Украиной и Войскомъ Запорожскимъ надѣяться и на якомъ фундаментѣ ты тую махину заложилъ?

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Какъ было объявить Мазепѣ на какомъ „фундаментѣ“ онъ заложилъ „тую махину“? Но гетманъ вывернулся. Онъ объявилъ что лолковникамъ не для чего вѣдать о томъ прежде времени, что они должны „слуститься на его совѣсть и подлое розумишко“, и что впрочемъ онъ „по милости Божіей имѣетъ разумъ единъ вѣжъ они всѣ“.

Мазепѣ естественно хотѣлось, говоритъ г. Костомаровъ, во что бы то ни стало оставаться съ казаками въ Украинѣ до того времени пока войдетъ туда шведская сила, а затѣмъ внезапно и неожиданно объявить себя на сторонѣ враговъ Петра. Съ другой стороны, онъ дѣйствительно опасался какъ бы Русскіе не заманивали его съ тѣмъ чтобы взять его въ свои руки, ибо въ Польшѣ, какъ извѣщали Мазепу, всюду носились слухи о его тайномъ соглашеніи со Станиславомъ и союзѣ со Шведами. Душу Мазепы волновала страшная тревога. Онъ долженъ былъ скрываться и каждую минуту находиться въ страхѣ что коварство его откроется, что русскіе министры догадаются. И дѣйствительно, министры, кажется, уже начинали догадываться что въ поведеніи Мазепы есть что-то зловѣщее, но никто не смѣлъ заявить объ этомъ Петру, такъ какъ онъ не переставалъ довѣрять честности и прямотѣ своего гетмана. И вотъ Мазепа прибѣгъ къ средству весьма часто практиковавшемуся въ XVIII вѣкѣ: онъ притворился больнымъ. Къ нему послали Семена Протасьева съ указомъ позволяющимъ ради болѣзни оставаться при обозѣ на лѣвой сторонѣ Десны, а за Десну приказывали послать по своему усмотрѣнію легкое войско. Когда Протасьевъ увидѣлъ Мазепу, послѣдній лежалъ въ постели, едва говорилъ и казался при смерти, однако изъявлялъ готовность ѣхать съ войскомъ. Въ Борзну, гдѣ находился онъ въ то время, пріѣхалъ, по его приглашенію, Кіевскій митрополитъ и совершилъ надъ Мазепой таинство елеосвященія. Головкинъ писалъ даже по этому случаю особое письмо къ гетману съ выраженіями соболѣзнованія:

„...Извольте ваше сіятельство сему, какъ и во всемъ прочемъ, мнѣ вѣрить что я есть истинный вашъ пріятель и о скорби вашей имѣю усердное сожалѣніе, какъ для особливой пріязни, такъ и для общихъ интересовъ. А что ваше

сіятельство изволишь писать въ цидулѣ, будто нѣкакой лжеклеветникъ васъ обнесъ, что вы себѣ болѣзнь будто притворяете, то я вашему сіятельству истинно доношу что ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а еслибы сіе кто и дерзнулъ говорить, какъ бы могли оному въ томъ вѣрить, видя вашего сіятельства письма. Мы вѣримъ вашему сіятельству во всемъ и безъ свидѣтельственныхъ писемъ, и зѣло о томъ соболѣзнуемъ."

Между тѣмъ въ Борзнѣ господствовала лихорадачная дѣятельность. Послѣ совѣщанія съ четырьмя полковниками, Мазепа отправилъ къ Шведамъ своего управляющаго, Поляка Быстрицкаго, съ изъявленіемъ радости гетмана по поводу вступленія Шведскаго короля въ Украину и съ просьбой оказать ему, гетману, и всему народу Малороссійскому протекцію въ дѣлѣ освобожденія отъ московскаго] ига и поскорѣе прислать оберегательные отряды для обороны. 20 октября Меншиковъ, шедшій на короля Шведовъ, послалъ звать Мазепу къ себѣ на совѣщаніе. Мазепа не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ своего племянника Войнаровскаго съ извѣщеніемъ что находится при послѣднемъ дыханіи. „Со дня на день ожидалъ я къ себѣ гетмана", писалъ Меншиковъ по этому случаю къ Петру, „но вмѣсто него получилъ вчерашняго дня видѣть Войнаровскаго. О болѣзни своей гетманъ пишетъ что отъ подагричной и хиратричной приключилась ему апелепсія. И сія вѣдомость зѣло меня опечалила, первое тѣмъ что не получилъ его видѣть, другое тѣмъ что жаль *такого добраго человѣка*, ежели отъ болѣзни его Богъ не облегчитъ". 22 октября воротился Быстрицкій съ извѣщеніемъ что Карлъ обѣщалъ быть въ этотъ же день у Десны, а 23 октября Войнаровскій прискакалъ въ Борзну съ извѣщеніемъ что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ сюда же самъ Меншиковъ. Войнаровскій убѣжалъ отъ Меншикова, покинувъ у него свои возы и прислугу, потому что слышалъ какъ одинъ нѣмецкій офицеръ говорилъ другому: „Помилуй, Господи, этихъ людей! Завтра они будутъ въ кандалахъ."

Въ то же мгновеніе болѣзнь Мазепы исчезла точно чудомъ. Онъ „порвался какъ вихорь" и поспѣшилъ со старшинами въ Батуринъ. Послѣдняя ночь прошла въ распоряженіяхъ. Гетманъ наказалъ не сдавать городъ если придутъ Русскіе, отбиваться и ожидать помощи которую онъ самъ приведетъ вмѣстѣ со Шведскимъ королемъ. Въ понедѣльникъ

25 октября Мазепа переправился черезъ Десну съ четырьмя или пятью тысячами войска. Казаки были увѣрены что ихъ ведутъ по царскому указу противъ непріятеля. Переправившись черезъ Десну и нѣсколько подвинувшись впередъ, Мазепа приказалъ казакамъ построиться и началъ говорить рѣчь въ которой открылъ всю истину. Рѣчь встрѣчена была мертвымъ молчаніемъ, а когда Мазепа, достигнувъ шведскихъ аванпостовъ, велѣлъ казакамъ присягнуть что они вступаютъ въ союзъ со Шведами для освобожденія Украйны отъ московскаго ига, то оказалось что казаковъ осталось, по однимъ извѣстіямъ—1.500 человѣкъ, по другимъ—лишь нѣсколько сотенъ. Всѣ остальные дали тягу.

VI.

Мазепа былъ принятъ Карломъ XII 29 октября. Около короля находились знатнѣйшіе вельможи и военачальники; Мазепа также явился торжественно: съ нимъ внесли знаки его гетманскаго достоинства, бунчукъ и булаву. Онъ произнесъ предъ Карломъ рѣчь на латинскомъ языкѣ. Во вниманіе къ лѣтамъ и подагрическимъ страданіямъ гетмана, Карлъ пригласилъ его сѣсть, а самъ бесѣдовалъ съ нимъ стоя. По извѣстіямъ секретаря Карла XII, „Мазепа былъ старикъ 66 лѣтъ (на самомъ дѣлѣ онъ былъ гораздо старше), средняго тѣлосложенія, худощавый, безъ бороды, но съ усами по польскому обычаю. Вообще онъ имѣлъ видъ важный, по временамъ проявлялъ проблески веселаго и живаго нрава, шутилъ съ очень мѣткимъ остроуміемъ и развеселялъ слушателей; въ рѣчахъ его замѣчали большой тактъ и много ума. Видно было что онъ человѣкъ образованный и превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Карлу онъ сразу понравился и былъ приглашенъ къ королевскому столу, вмѣстѣ съ ближайшими къ нему особами изъ генеральныхъ старшинъ. Послѣ обѣда король отошелъ въ свои покои, а за нимъ Мазепа съ бунчукомъ и булавою; въ знакъ своей покорности онъ положилъ эти знаки къ ногамъ Шведскаго короля. Наконецъ гетманъ простился съ королемъ и сѣлъ на коня при звукѣ трубъ, на которыхъ играли его люди“.

Между тѣмъ Меншиковъ, согласно своему обѣщанію лично посѣтить больнаго гетмана, отправился въ путь 24 октября.

На дорогѣ ему встрѣтился полковникъ Анненковъ съ письмомъ отъ Мазепы, въ которомъ послѣдній просилъ извинить внезапный отъѣздъ его племянника Войнаровскаго, и объявилъ что гетманъ поѣхалъ въ Батуринъ. Въ это время къ Меншикову пріѣхалъ находившійся по близости военный губернаторъ князь Д. М. Голицынъ, и оба вмѣстѣ, чуя что-то недоброе, быстро поѣхали въ гетманскую резиденцію. Въ селѣ Обмачевѣ, близь Батурина, явился къ Меншикову нѣкто Соболевскій и объявилъ за собою *слово и дѣло Государево*. Его вызвали для свиданія съ Меншиковымъ въ сельскую хату. Услышавъ поразительную вѣсть о томъ что Мазепа уѣхалъ къ Шведскому королю, а въ Батуринъ не велѣлъ впускать Русскихъ, Меншиковъ не вполнѣ повѣрилъ еще Соболевскому и продолжалъ свой путь. Въ Батуринъ пріѣхали около полудня. Сомнѣнія болѣе не было. Сердюки и батуринскіе обыватели ушли въ замокъ и заперлись въ немъ; на стѣнахъ стояли вооруженные люди; со стѣнъ наведены были пушки. На вопросъ зачѣмъ они укрѣпились какъ будто противъ непріятеля, со стѣны отвѣчали что гетманъ не велѣлъ впускать никого изъ великороссійскихъ людей, потому что отъ нихъ дѣлается великое разореніе малороссійскимъ людямъ и уже не мало городовъ и селъ совсѣмъ отъ нихъ пропали.

Меншиковъ немедленно отправилъ къ Петру курьера съ извѣщеніемъ о случившемся. Онъ писалъ, между прочимъ: „при семъ еще доношу что въ здѣшней старшинѣ, кромѣ самыхъ высокихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго злого гетманскаго учинку, никаково худа ни въ комъ не видѣть, но токмо что ко мнѣ изо всѣхъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчане и приносятъ на него въ томъ нареканіе и много просятъ меня со слезами, чтобы за нихъ предстательствовать и не допустить до погибели". Въ самый день представленія Мазепы Карлу XII, Петръ издалъ уже манифестъ извѣщавшій все войско казацкое, а равно всѣ духовные и мірскіе чины въ Малой Россіи что гетманъ Мазепа куда-то безвѣстно пропалъ и что возникаетъ сомнѣніе нѣтъ ли тутъ непріятельскихъ „факцій", вслѣдствіе чего всѣмъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ и прочимъ вмѣнялось въ обязанность ѣхать въ царскій обозъ для совѣта, и *если бъ оказалось* что гетманъ измѣнилъ, то пристулить къ избранію новаго. Видно было, говорить

г. Костомаровъ, что царь до такой степени довѣрялъ Мазепѣ что сомнѣвался еще и теперь и не рѣшался прямо заявить объ измѣнѣ Мазепы. Между тѣмъ Петръ получилъ несомнѣнныя доказательства этой измѣны, и чрезъ нѣсколько дней изданъ былъ новый манифестъ, гдѣ уже измѣна прямо заявлялась, какъ вполнѣ извѣстная царю, и назначался съѣздъ для избранія новаго гетмана. Въ то же время Петръ писалъ объ измѣнѣ Мазепы своимъ любимымъ генераламъ: Толстому, Апраксину, Шереметеву, Долгорукимъ и другимъ. Въ письмѣ къ графу Ѳ. М. Апраксину Петръ говоритъ: „Нужда довелѣваетъ явити что учинилъ новый Іуда Мазепа, ибо 21 годъ бывъ въ вѣрности, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Однакоже Богъ правосуденъ, который такимъ злымъ никогда исполнить не допускаетъ своего намѣренія. Понеже какъ слышимъ, что житіе его кромѣ Бога было, то надежда въ Бога, что себѣ вящее зло исходатайствуетъ (чему пособитъ и кровь Самуйлова) нежели тому кому зло хотѣлъ“. Ромодановскаго, начальника Преображенскаго приказа, такъ поразила вѣсть объ измѣнѣ Мазепы что онъ впалъ въ безчувственное состояніе и затѣмъ „что о Мазепѣ услустилъ, не можно всего и описать“.

2 ноября 1708 года былъ взятъ и сожженъ Батуринъ, столица гетмана, главное и, повидимому, единственное гнѣздо единомышленниковъ или сторонниковъ Мазепы. Что касается остальной Малороссіи, то едва сдѣлалось извѣстнымъ что Мазепа перешелъ на шведскую сторону, непріязненную царю, какъ тотчасъ же послѣдовали челобитныя заявлявшія о преданности Малороссіянъ Московскому престолу, и притомъ не только изъ того края гдѣ уже появились великороссійскія ратныя силы, но и изъ такихъ полковъ гдѣ ихъ еще не было; слѣдовательно, говоритъ г. Костомаровъ, нельзя ихъ признавать только слѣдствіемъ страха. 5 ноября въ Глуховѣ совершено было торжественное отрѣшеніе Мазепы отъ гетманства. На эшафотъ внесли куклу изображавшую Мазепу въ Андреевской лентѣ. Меншиковъ и Головкинъ подвались на возвышеніе и разорвали ленту на званіе кавалера. Потомъ прочтена была длинная бумага съ изложеніемъ благодѣяній Петра Мазепѣ и неблагодарности послѣдняго. Вслѣдъ затѣмъ съ куклы сорвали Андреевскую ленту, а палачъ повѣсилъ куклу на висѣлицѣ. На слѣдующій день,

6 ноября, произошло избраніе новаго гетмана, стародубскаго полковника Ивана Ильича Скоропадскаго, а 12 ноября въ глуховской Троицкой церкви провозглашены были послѣ литургіи анаѳема и вѣчное проклятіе вору и измѣнику Мазепѣ. Въ новомъ манифестѣ давался мѣсячный срокъ (до 10 ноября) всѣмъ кто измѣной вора-Мазепы бывъ заведены въ непріятельскія руки отлучились бы отъ вора и вернулись къ вѣрной службѣ государя. Этимъ лицамъ обѣщалось сохраненіе чиновъ и маетностей ихъ безо всякаго умаленія; въ противномъ же случаѣ каждому изъ такихъ измѣнниковъ, при его поимкѣ, опредѣлялась заранѣе смертная казнь, жены и дѣти измѣнниковъ должны были подвергнуться ссылкѣ, а имѣнія быть отобраны.

Такимъ образомъ, казалось, были порваны всѣ нити между Мазепой и Петромъ. Тѣмъ не менѣе оказывается что совершенно разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, Мазепа дѣлалъ попытку снова войти въ милость царя посредствомъ новой измѣны, на этотъ разъ уже Шведамъ. Послѣ приведеннаго выше манифеста Петра, въ средѣ немногихъ Малороссовъ перешедшихъ къ Шведамъ вмѣстѣ съ Мазепой стали являться охотники воспользоваться обѣщаніями прощенія и милости. 21 ноября изъ шведскаго лагеря ушли миргородскій полковникъ Апостолъ, генеральный хоружій Сулима, а за ними нѣсколько другихъ лицъ. Петръ потребовалъ къ себѣ Апостола, принялъ его чрезвычайно ласково, объявилъ что за нимъ остаются его прежній чинъ и маетности и обѣщалъ ему на будущее время свою милость. Апостолъ сообщилъ ему тогда „тайное предложеніе“ Мазепы. Оно состояло въ томъ чтобы предать въ руки Петра Шведскаго короля со знатнѣйшими генералами. Дѣлая это предложеніе, Мазепа просилъ непремѣнно чтобы договоръ съ нимъ о безопасности былъ гарантированъ иностранными дворами. Предложеніе Мазепы было повторено чрезъ нѣсколько дней новымъ перебѣжчикомъ отъ Шведовъ, охотнымъ полковникомъ Игнатомъ Галаганомъ, и Головкинъ написалъ по этому случаю любопытное письмо къ Мазепѣ:

„Ясновельможный господинъ! Донощеніе ваше чрезъ господина полковника миргородскаго его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ что ежели вы въ томъ

пребывати и начатое намѣреніе свое во исполненіе привесть потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и свою милость принять, но оную къ вамъ умножить изволитъ, а на тѣ кондиціи, чрезъ помянутаго господина полковника предложенныя, consволилъ и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи принимаетъ (хотя только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ, по предложенію своему, безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ невозможно, то хотябъ о прочихъ знатнѣйшихъ то учините по предложенію; а удобно то учиниться можетъ, понеже наши войска въ близости оттуду въ мѣстечкѣ Великѣ обрѣтаются въ готовности, куда и убѣжище безопасное можетъ отъ нихъ воспріято быть съ тѣми особами). Отвѣту же вашей милости на то предложеніе, съ господиномъ полковникомъ миргородскимъ посланное, по сіе число не было того ради, понеже сумнѣвались истиноль-то; но понеже царское величество изъ присылки сюда отъ васъ полковника компанейскаго Кгалагана съ полкомъ и изъ устнаго его доношенія отъ вашей милости ему приказаннаго, истину того дѣла призналъ, того ради повелѣлъ мнѣ съ крайнимъ обнадеживаніемъ милости своей къ вамъ писать".

Это любопытное письмо помѣчено 22 декабря 1708 года. Переговоры съ Мазепою были однако скоро прерваны, ибо въ то самое время, какъ они велись, схвачено было собственноручное письмо Мазепы къ Станиславу, въ которомъ послѣдній приглашался поспѣшить съ войскомъ для взаимнаго дѣйствія оружіемъ противъ „Москвы". Со своей стороны Шведы, послѣ побѣга Алостола, перестали довѣрять перешедшимъ къ нимъ Малороссіянамъ. За Апостоломъ хотѣлъ уйти лубенскій полковникъ Зеленскій, но Шведы поставили у него караулъ на дворѣ, въ сѣняхъ и въ домѣ. За каждымъ изъ старшинъ присматривалъ караулъ изъ двухъ шведскихъ солдатъ, а у Мазепы неотлучно стоялъ „почетный" караулъ.

VII.

Намъ трудно теперь вообразить тѣ ужасныя минуты которыя переживалъ Мазепа послѣ того какъ сраженіе подъ Полтавой было проиграно Карломъ, говоритъ г. Костомаровъ.

„Всѣ надежды его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь рядъ коварствъ и козней, которыми такъ богатъ былъ пройденный имъ путь. Уже скоро послѣ своей измѣны сталъ онъ предчувствовать неудачу. Уже не разъ сожалѣлъ онъ что ступилъ на скользкую дорогу, пробовалъ сойти съ нея, но ему не удалось. Тоска и раскаяніе мучили его не одинъ день. И вотъ ударилъ рѣшительный, страшный часъ. Медлить было невозможно. Никто въ побѣжденномъ станѣ не имѣлъ такого повода страшиться, какъ Мазепа. Русскіе съ минуты на минуту могли появиться, взять его и повести — куда? — къ царю! Что могло ожидать его — отъ одного воображенія должна была останавливаться въ жилахъ кровь у слабаго старика. Мазепа принялся просить, умолять Карла немедленно бѣжать съ остаткомъ силъ своихъ въ турецкія владѣнія.“

Но и послѣ благополучнаго прибытія въ турецкія владѣнія ужасъ и страхъ предъ мыслію о возможной выдачѣ его Петру ни на одно мгновеніе не оставляли Мазепу и ускорили угасаніе его старческихъ силъ. Съ необычайнымъ упорствомъ добивался Петръ выдачи ему гетмана. Въ число условій мира съ Карломъ онъ поставилъ выдачу Мазепы, а русскій посланникъ Толстой два раза предлагалъ великому муфтію 300.000 талеровъ за содѣйствіе этой выдачѣ. Сераскиръ ласково принялъ Мазепу и сообщилъ ему что падишахъ приказалъ его беречь. Но Мазепа хорошо зналъ обычаи мусульманскаго Востока и то вліяніе которое имѣютъ червонцы при Оттоманскомъ дворѣ. „Если Петръ, котораго Мазепа зналъ всегда бережливымъ, не щадилъ уже большихъ суммъ единственно изъ-за того только чтобы добыть въ свои руки хилаго старика, то Мазепа могъ опасаться что еще два, три такія настойчивыя домогательства, и диванъ прикажетъ его выдать.“ Съ прибытіемъ своимъ въ Бендеры, Мазепа слегъ въ постель и съ каждымъ днемъ угасалъ все болѣе. Онъ умеръ 22 августа 1709 года. Былъ слухъ что онъ отравилъ себя ядомъ боясь быть выданнымъ Петру, но, говоритъ г. Костомаровъ, слухъ этотъ не имѣетъ за собой никакой исторической достовѣрности. Торжественныя похороны состоялись въ Яссахъ. „Карлъ присутствовалъ при погребеніи своего союзника. Впереди погребальнаго поѣзда играли королевскіе трубачи; гробъ, обитый краснымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ позументомъ, везли на повозкѣ запряженной

шестью бѣлыми лошадьми. По обѣимъ сторонамъ его шли рядами kasaki съ обнаженными саблями. Предъ гробомъ гетманскій бунчужный несъ гетманскую булаву, блиставшую жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. За гробомъ шла толпа Малороссіянокъ, послѣдовавшихъ за мужьями и родными приставшими къ гетману: по народному обычаю, онѣ голосили и кричали. Сзади за ними ѣхали верхами два тогдашніе претендента на гетманство: неизмѣнный товарищъ и довѣренный Мазепы, Орликъ, и любимый племянникъ его, Войнаровскій. За ними слѣдовали всѣ старшины. Kasaki шли съ опущенными внизъ знаменами и оружіемъ; гробъ Мазепы опустили въ могилу, приготовленную въ церкви, находившейся за городомъ, а kasaki, въ знакъ почести, дали въ эту минуту залпъ изъ своихъ мушкетовъ." Въ Малороссіи сохранилось до настоящаго времени преданіе будто Мазепа не умеръ въ Молдавіи и не былъ тамъ похороненъ, что тамъ были устроены для вида лишь фиктивныя похороны, между тѣмъ какъ гетманъ тайкомъ пробрался въ Кіевъ, принялъ подъ чужимъ именемъ иночество, а затѣмъ схиму въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и тамъ окончилъ въ покаяніи свои дни. По мнѣнію г. Костомарова, легенда эта не подтверждается никакими фактами и соображеніями. Что касается богатства Мазепы, то по смерти его осталось 100.000 червонцевъ, изъ которыхъ Карлъ XII взялъ въ займы 40.000, а по другимъ извѣстіямъ онъ еще прежде занялъ у Мазепы 240.000 талеровъ, обѣщая отдать ихъ въ случаѣ смерти гетмана племяннику его, Войнаровскому. Это дало поводъ, говоритъ г. Костомаровъ, къ совершенно легендарному извѣстію будто Мазепа, собираясь переходить къ Шведамъ, послалъ Карлу 30 возовъ наполненныхъ золотыми и серебряными монетами. „Какъ бы то ни было, Мазепа успѣлъ увезти съ собою въ изгнаніе и оставить послѣ своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромнаго богатства которое онъ пріобрѣлъ въ Украйнѣ во время своего гетманства, благодаря щедротамъ искренно любившаго его Петра. Всѣ его имѣнія, жалованныя и купленныя, были конфискованы. Множество движимаго имущества и принадлежавшихъ ему денежныхъ суммъ отняты Русскими. Все нажитое имъ, и правымъ и кривымъ способомъ, пошло прахомъ, какъ и всѣ его планы, замыслы и затѣи."

Г. Костомаровъ заключаетъ свою монографію общею

характеристикой Мазепы, которою мы въ свою очередь закончимъ обзоръ этого сочиненія.

„Гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи. Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ слова. Полякъ по воспитанію и пріемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, подслуживаясь къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни предъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности — будетъ сказать что эта была воплощенная ложь. Онъ лгалъ предъ всѣми, всѣхъ обманывалъ—и Поляковъ, и Малороссіянъ, и царя, и Карла, всѣмъ готовъ былъ дѣлать зло, какъ только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться изъ опасности. Онъ воспользовался сохранившимся у Малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность, и обманывалъ старшинъ будто у него планъ—пріобрѣсть для Украйны самостоятельность. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ его тайный договоръ съ Лещинскимъ, онъ думалъ отдать Украйну подъ власть Польши; иначе сказать, онъ въ старости дѣлалъ то что дѣлалъ въ юности, когда король Янъ-Казиміръ посылалъ его агентомъ въ Украйну проводить планъ возвращенія этого отпавшаго отъ Польши края къ прежнему господству. Онъ и не могъ добиваться предъ королями Шведскимъ и Польскимъ независимости Украйны: Станиславъ, какъ Польскій король, не могъ и не долженъ былъ отрекаться отъ наслѣдственныхъ правъ Рѣчи Посполитой на Украйну; притомъ Мазепа самъ зналъ хорошо что народъ, ненавидѣвшій его, не будетъ повиноваться новой династіи которая должна была начаться съ него, Мазепы. Онъ благоразумно выговаривалъ себѣ владѣніе въ Бѣлорусскомъ краѣ, а Малороссію отдавалъ на жертву междуусобной войны, которая неминуема вспыхнула бы съ Поляками еслибъ Украйна поступила подъ польскую власть: это Мазепа зналъ по опыту, разыгравшемуся уже въ правобережной Украйнѣ. Но ему не жаль было того народа у котораго онъ за 20 лѣтъ своего правленія не могъ пріобрѣсть любви. Что онъ только обманывалъ своихъ малороссійскихъ соумышленниковъ призракомъ независимости, а на самомъ дѣлѣ собирался ввергнуть ихъ со всею страной въ рабство, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и Петръ, обличавшій въ томъ

Мазепу предо всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, былъ совершенно правъ; шведскій историкъ, королевскій секретарь, близко стоявшій къ дѣлу и лично видѣвшій Мазепу, сообщаетъ объ его коварномъ замыслѣ, безо всякой задней цѣли желавшемъ новаго шведскаго союзника. Не довѣрять этому источнику нѣтъ никакого основанія. Ясно что Мазепа не измѣнилъ бы царю Петру еслибы не показалось ему что такъ-сказать акціи Петра падаютъ, а акціи Карла поднимаются. Карлъ заставилъ Августа отречься отъ польской короны, Карлъ ограбилъ Саксонію контрибуціями; польскіе паны одинъ за другимъ спѣшили признавать королемъ Станислава; государства европейскія присылали Карлу поздравленія и благожеланія. Карлъ собирался идти расправляться съ Петромъ. Между тѣмъ въ царской державѣ происходили внутреннія смуты, а царскія войска терпѣли отъ Шведовъ и Поляковъ пораженія за пораженіями. Уже Петръ трепеталъ даже за свою столицу и собирался увозить оттуда всѣ драгоцѣнности чтобъ онѣ не попали въ руки враговъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ эгоистъ-гетманъ не задумался измѣнить своему благодѣтелю и, конечно, думалъ что онъ совершаетъ актъ мудрой и проницательной политики. Но не прошло и мѣсяца какъ Мазепа увидалъ что онъ ошибся. И большинство казаковъ, и весь Малороссійскій народъ, все пошли не за него, а противъ него. Думая оказать важную услугу царскому непріятелю, онъ причинилъ ему только зло. И что же? Не задумался Мазепа измѣнить и своему свѣжему союзнику, замышлялъ онъ, какъ мы видѣли, купить его гибелью свое примиреніе съ оскорбленнымъ царемъ. Никогда во всю жизнь не проявилъ себя этотъ человѣкъ во всей полнотѣ какъ въ этомъ новомъ замыслѣ. Но коварство не удалось. Нить которую онъ началъ вести такъ осторожно оборвалась прежде времени. Приходилось вмѣстѣ съ подведеннымъ героемъ отваживаться на конечную гибель."

Указывая на громадное историческое значеніе Полтавской битвы, которая запечатлѣлась въ народной памяти въ одинаковой степени съ Куликовской, г. Костомаровъ подчеркиваетъ то обстоятельство что „истиннымъ виновникомъ спасенія Русской державы былъ Малороссійскій народъ, хотя эта сторона дѣла не выставлялась до сихъ поръ исторіей въ настоящемъ свѣтѣ." Много было условій дѣлавшихъ возможнымъ отпаденіе Малороссіянъ отъ вѣрности Русскому

царю, говоритъ г. Костомаровъ. „И однако вышло не то. Народъ инстинктивно почуялъ ложь въ тѣхъ призракахъ свободы которые ему выставляли. Никакія увѣренія измѣнника, никакія лживыя обвиненія, разсылаемыя имъ на московскія власти, не перемѣнили къ нему народной антипатіи. Народъ инстинктивно видѣлъ что его тянутъ въ гибель и не пошелъ туда". По мнѣнію г. Костомарова, нигдѣ такъ ясно какъ въ эпоху Мазепы не проявлялась еще та истина что „народная масса въ важныя минуты своего историческаго бытія проявляетъ внутренній смыслъ". Истина эта неопровержима, но представляя „въ настоящемъ свѣтѣ" спасающую роль Малороссійскаго народа въ эпоху войны между Петромъ и Карломъ XII, г. Костомаровъ значительно ослабляетъ своими доводами ту заслугу которую ему хотѣлось бы упрочить за населеніемъ Украйны. „Народъ (Малороссійскій) остался вѣренъ царю даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто оттого что изъ *двухъ золъ* надобно было выбирать меньшее. Какъ бы ни тяжело ему было подъ гнетомъ московскихъ властей, но онъ по опыту зналъ что гнетъ польскихъ пановъ сталъ бы для него тяжелѣе. Подъ русскою властью *по крайней мѣрѣ* (!) оставалось для него всегда духовное утѣшеніе—вѣра его отцовъ, которую уже никакъ не могли бы попирать *Москали*, какъ бы ни относились они ко всѣмъ остальнымъ народнымъ правамъ. Этого одного уже было достаточно."

Выборъ изъ *двухъ золъ*, причемъ на сторонѣ одного находилась *по крайней мѣрѣ* вѣра отцовъ, этотъ выборъ г. Костомаровъ желаетъ поставить въ заслугу Малороссійскому народу. Это не заслуга, это результатъ инстинкта самосохраненія. Созданіе мнимыхъ заслугъ такъ же несовмѣстимо съ необходимымъ для историка безпристрастіемъ, какъ умаленіе дѣйствительныхъ заслугъ или недостаточное къ нимъ вниманіе. Г. Костомаровъ протестуетъ противъ того что Русское правительство послѣ измѣны Мазепы осторожно и недовѣрчиво относилось къ Малороссійскому народу которому „слѣдовало бы быть совершенно изъятымъ отъ пятна павшаго на Мазепу: народъ за Мазепою не пошелъ." Но внутреннія смуты старой Малороссіи подробно описаны въ собственномъ сочиненіи г. Костомарова, и автору менѣе нежели кому другому можно было удивляться „осторожности" или

недовѣрчивости Русскаго правительства. Г. Костомаровъ рѣшительно ошибается утверждая что даже въ Великорусскомъ народѣ ламять объ измѣнѣ Мазепы „всячески набрасывала тѣнь на Малороссовъ во всѣ грядущія поколѣнія. Великороссіянинъ, разсердившись на Малороссіянина, первымъ дѣломъ считаетъ ломануть Мазепу и выраженіе: *Хохол-Мазепа* остается во всей силѣ до нашего времени.“ Нѣсколько смѣшно читать когда почтенный историкъ задаетъ вопросъ—„чему, какъ не ламати о Мазепѣ и его измѣнѣ можно приписать въ послѣднее время *гоненіе* на украйнофиловъ и подозрѣніе будто въ намѣреніи дать Малороссійскому народу воспитаніе съ сохраненіемъ своей рѣчи и своей индивидуальности, въ стремленіи поднять путемъ литературной обработки родное нарѣчіе Малороссійскаго края кроется какое-то тайное политическое измышленіе, вредное для государственной цѣльности Россійской имперіи.“ Намъ кажется что задавать такіе вопросы значитъ уличать себя въ нѣкоторой искусственной наивности и примѣшивать имя Мазепы къ вопросамъ ничего не имѣющимъ съ нимъ общаго. Не смѣшно ли само по себѣ „намѣреніе дать Малороссійскому народу воспитаніе съ сохраненіемъ“ какой-то „своей рѣчи“, когда рѣчь эта, даже въ началѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству самого г. Костомарова въ приводимой имъ самой интимной перепискѣ казацкаго гетмана съ Мотрей, въ письмахъ Орлика и проч., является тѣмъ самымъ языкомъ какимъ мы говоримъ и пишемъ, лишь съ примѣсью нѣсколькихъ польскихъ словъ, а не тѣмъ какой желали бы гг. Кулишъ и Костомаровъ навязать Малороссіянамъ съ тѣмъ чтобъ отдѣлить ихъ рѣчь отъ общаго корня. Во всякомъ случаѣ мы совершенно согласны съ г. Костомаровымъ когда онъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе заявленіемъ о томъ что Великая и Малая Россія настолько сблизились и соединились теперь что расторженіе ихъ стало немыслимымъ. Именно въ силу этой немыслимости нелѣпы и постыдны попытки искусственнаго обособленія, стремленіе называемое украйнофильствомъ. Русскій народъ есть одинъ цѣльный народъ: что же значатъ эти попытки изъ одного народа сдѣлать два? И еслибъ эти попытки могли имѣть успѣхъ, то было ли бы расторженіе связи между Великою и Малою Россіей дѣломъ *немыслимымъ*?

С. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Какъ сказочный звѣрь, я прикованъ
Къ завѣтному дубу цѣпями,—
И цѣпи и дубъ очарованъ,
И все очаровано съ нами...

Порвать эти цѣпи нѣтъ силы,
Я съ ними сроднился душею,
Онѣ мнѣ и святы и милы,
Онѣ неразрывны со мною...

И вѣчныя будни съ своею
Холодной и сумрачной маской,
Ну право, ничто предъ моею
Волшебной и милою сказкой...

II.

НА МОТИВЪ БАЙРОНА

Моя малютка дорогая,
Твой образъ чистый надо мной,
Какъ свѣтозарный ангелъ рая,
Сіяетъ первою весной...

Я узнаю въ улыбкѣ ясной
Давно знакомыя черты,—
Къ кому неслись волною страстной
Мои завѣтныя мечты...

И ты, малютка,—воплощенье
Неясныхъ помысловъ и грезъ,
Моя любовь, мое рожденье,
Царица думъ, царица слезъ!..

П. ГНѢДИЧЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ:

Въ С.-Петербургѣ:

Исторія Священнаго Коронованія съ подробнымъ описаніемъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и съ приложеніемъ Высочайшаго манифеста, послѣдовавшаго въ присноламятный день 15 мая 1883 года. Составилъ М. Т. 18 стр. 8 д. л.

Всенародное коронаціонное изданіе въ память 15 мая 1883 года. Одинъ листъ.

Москвѣ 15 мая 1883 года. Письмо къ дѣтямъ. Всеволода Соловьева. 16 стр. 12 д. л.

Макарій митрополитъ Московскій. *Православное Догматическое Богословіе.* Т. I и II. Изданіе четвертое. 598 и 674 стр. 8 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. *Вымышленные статейные списки посольствъ Андрея Ищеина къ Турецкому султану Мурату* (7078—1570 годы) *и князя Захарія Ивановича Сугорскаго къ королю Максимиліяну* (7084—1576 годы). 27 стр. 8 д. л.

Исторія Рима Dr. Г. Ф. Герцберга, профессора Галльскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. Антоновича. Съ политипажами въ текстѣ и отдѣльными рисунками и картами. Томъ II. Выпускъ третій. 321—496 стр. 8 д. л.

Н. И. Гродековъ. *Хивинскій походъ 1873 года.* Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. III+345+65 стр. 8 д. л.

Историческій очеркъ постройки Александровскаго рынка въ С.-Петербургѣ. 30+XLIII стр. 8 д. л.

Еврейскій вопросъ. *Должны ли христіане преслѣдовать Евреевъ.* Размышленія по поводу анти-еврейскихъ безпорядковъ. Очерки и изысканія заключающіе въ себѣ средства рѣшить этотъ вопросъ. 158 стр. 8 д. л.

Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. Издаваемая В. В. Чуйко. *Фихте.* 157 стр. 8 д. л.

Исократъ. *Наставленіе Демонику и рѣчь о значеніи ареопага.* Переводъ съ греческаго, съ примѣчаніями. Составилъ М. Н. Гурьевъ. 44 стр. 8 д. л.

La charité publique et privée. Conférences du Comte Jules de Suzor père (3 et 10 avril 1883) IV+84 p. in 8.

Столѣтіе журнала „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ 20 мая 1783—1883 годъ. Составили и издали: гравюру В. А. Бобровъ, текстъ И. Н. Божеряновъ. 2 д. л.

Сочиненія А. Писемскаго. Посмертное полное изданіе. Т. II. 446 стр. 12 д. л.

Сочиненія И. Лажечникова. Т. IV. 243 стр. 12 д. л. Т V. 294 стр. 12 д. л.

Житейское море. Повѣсть Сазоновой. 215 стр. 12 д. л.

Басни И. А. Крылова. Съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. 250 стр. 12 д. л.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго. 359 стр. 8 д. л.

Записки степняка. Очерки и разказы А. Эртеля. Т. II. 298 стр. 8 д. л.

К. Случевскій. *Застрѣльщики.* 156 стр. 8 д. л.

Круглый годъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. 192 стр. 8 д. л.

Господа Головлевы. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. 285 стр. 8 д. л.

„Земское дѣло, семейное дѣло“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Александра Соколова. 127 стр. 16 д. л.

Отъ колыбели до савана. Повѣсть изъ петербургскаго быта. Ас. Ас. Лм. 124 стр. 8 д. л.

Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. *Былины и стихотворенія графа Алексѣя Константиновича Толстаго.* Рисунки Н. Н. Каразина. 62 стр. 12 д. л.

Принцъ и нищій. Историческій романъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Сочиненіе Марка Твена (Самуэля Клеменса). Со 150 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. 332 стр. 8 д. л.

А. Море. *Черный кардиналъ.* Романъ. 436 стр. 8 д. л.

Эмиль Зола. Шесть разказовъ. 429 стр. 8 д. л.

Гюи де-Мопассана. *Жизнь.* Романъ. Переводъ съ предисловіемъ Ѳ. И. Булгакова. 230 стр. 8 д. л.

Народныя чтенія. *О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоищѣ.* Ал. Н. Майкова. 28 стр. 12 д. л.

Народныя чтенія. *Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.* Ал. Н. Майкова. Книжка первая. 33 стр. 12 д. л. Книжка вторая. 23 стр. 12 д. л. Книжка третья. 29 стр. 12 д. л.

Н. Бунаковъ. *Дневникъ начальной общеобразовательной школы.* 2е исправленное изданіе. 198 стр. 8 д. л.

Предметные уроки въ начальной школѣ. Подробныя указанія какъ учить дѣтей по книжкѣ *Міръ Божій.* Часть I. Земля, воздухъ и вода. Составилъ А. Гердъ. 132 стр. 8 д. л.

Н. Бунаковъ. *Книжка-первинка.* Чтеніе послѣ азбуки съ картинками. 4е изданіе. 47 стр. 8 д. л.

Н. Бунаковъ. *Въ школѣ и дома.* Книга для чтенія. Ч. I. 1й и 2й кругъ. 12е изданіе. 112 стр. 8 д. л. Ч. II. 3й и 4й кругъ. 238 стр. 8 д. л.

Н. Бунаковъ. *Азбука и уроки чтенія и письма въ трехъ книжкахъ.* 26е изданіе. 28+28 стр. 8 д. л.

Первый русскій учебникъ, выучивающій читать въ три урока. Составилъ Н. Стельманенко. 23 стр. 8 д. л.

Cours élémentaire et progressif de langue française à l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles, par D. Margot. XVI+192+188 p. in. 8.

Опытъ новаго введенія въ геометрію. Съ таблицей чертежей. Составилъ А. Кунцевичъ. 31 стр. 8 д. л.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ по Вѣкелю, Шпицу и друг. Составилъ А. Дмитріевъ. Книга первая. Планиметрія. Изданіе третье. XVI+186 стр. 8 д. л.

Доказательство трансцендентности чиселъ e и π (невозможность квадратуры круга). По статьямъ Эрмита и Линдеманна. Обработалъ А. Марковъ. 30 стр. 8 д. л.

Основанія физики. Со многими политипажами въ текстѣ. Составилъ Е. Краевичъ. VIII+331 стр. 8 д. л.

Матеріалы для геологіи Россіи. Изданіе Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества. Т. XI. 243 стр. 8 д. л.

Изслѣдованія Геологическаго комитета. 1883 г. Томъ второй. № 6. Стр. 51—147. 8 д. л.

Таблицы о климатѣ въ Россіи. А. Воейковъ. 16 стр. 8 д. л.

Русскій путь въ Закавказье. Н. Шаврова. 58 стр. 8 д. л.

К. Скальковскій. *Русская торговля въ Тихомъ Океанѣ.* Экономическое изслѣдованіе русской торговли и мореходства въ Приморской области Восточной Сибири, Кореѣ, Китаѣ, Японіи и Калифорніи. 515 стр. 8 д. л.

О льняныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Финмаркеномъ. Докладъ Д. Н. Бухарова. 60 стр. 8 д. л.

Нуженъ ли намъ крейсеръ въ Сѣверномъ Океанѣ для охраненія и развитія тамъ русской промышленности и торговли. Е. С. Митрополовой. 16 стр. 8 д. л.

Въ чемъ состоитъ тайна цѣлесообразнаго переустройства Маріинской системы? 19 стр. 8 д. л.

Записка о мѣрахъ для развитія горнаго дѣла. В. Д. Бѣлова. 35 стр. 8 д. л.

Новый методъ вычисленія размѣровъ желѣзныхъ и стальныхъ сооруженій. Составилъ инженеръ М. Черепашинскій. 55 стр. 8 д. л.

1882—1883. *Сборникъ сообщеній въ собраніи инженеровъ путей сообщенія.* 335 стр. 8 д. л.

Машинное дѣло на желѣзныхъ дорогахъ. Сочиненіе Ричарда Коха. Перевелъ съ нѣмецкаго Александръ Цитовичъ. Выпускъ третій: желѣзнодорожныя мастерскія. 445—661 стр. 8 д. л.

Рельсы, ихъ выдѣлка и пріемъ. 41 стр.

Новый водяной двигатель „парашютный гидромоторъ" системы инженера Н. Ф. Ягна. Составилъ по указаніямъ изобрѣтателей Э. В. Коріандеръ, горный инженеръ. 31 стр. 8 д. л.

Новый видъ контрольнаго барометра. Г. Вильдъ. 15 стр. 8 д. л.

Н. Писаревскій. *О совдиненіи почтъ съ телеграфами.* 38 стр. 8 д. л.

Н. Писаревскій. *Различныя средства для болѣе раціональнаго употребленія личнаго состава на телеграфныхъ линіяхъ.* 48 стр. 8 д. л.

Тарифъ внутренней и международной телеграфной корреспонденціи. Изданіе телеграфнаго Департамента. 204 стр. 4 д. л.

Краткій обзоръ дѣятельности Телеграфнаго Департамента и телеграфная статистика за 1881 годъ. Изданіе Телеграфнаго Департамента. 48 стр. 8 д. л.

Объ исправленіи и содержаніи рѣкъ. Водный уставъ. Переводъ воднаго устава изданнаго для Галиціи въ Австро-Венгріи, съ объяснительнымъ къ нему предисловіемъ. 52 стр. 8 д. л.

Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности. *1883 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи* по отвѣтамъ полученнымъ отъ хозяевъ. Періодъ 1й—весенній. 127 стр. 8 д. л.

Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. (Первая серія.) Краснолѣсье (хвойный лѣсъ). Сочиненіе Димитрія Кайгородова. (Со многими рисунками.) Изданіе второе. 111+182 стр. 8 д. л.

Записки охотника Восточной Сибири 1856—1863 года. А. Черкасова. Изданіе второе. Съ рисунками въ текстѣ X+678 стр. 8 д. л.

О развитіи картофельнаго винокуренія въ Россіи. 55 стр. 8 д. л.

Необходимыя на практикѣ таблицы спиртомѣровъ Траллеса и металлическаго. 79 стр. 16 д. л.

М. Клима. *Азбука домоводства и домашней гигіены для самообразованія и женскихъ учебныхъ заведеній.* Перевелъ съ пятаго нѣмецкаго изданія, съ измѣненіями и дополненіями, баронъ Н. А. Корфъ. 218 стр. 12 д. л.

Дѣтская лѣчебная колонія устроенная Русскимъ Обществомъ Охраненія Народнаго Здравія. 22 стр. 8 д. л.

Дифтеритъ и другія болѣзни. Dr. Б. А. Окса. 158+II стр. 12 д. л.

Предохранительныя мѣры отъ заболѣванія злокачественною жабой. 7 стр. 8 д. л.

Dr. Carl Friedländer. *Микроскопическая техника при медицинскихъ и патолого-анатомическихъ изслѣдованіяхъ.* Перевелъ съ нѣмецкаго Ад. Цедербаумъ. 118 стр. 8 д. л.

Медицинскій отчетъ С.-Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи за 1877, 1878, 1879 и 1880 годы. XII+304+204+26 стр. 8 д. л.

Леченіе морскими купаньями въ Ялтѣ на Южномъ берегу Крыма. Руководство для купающихся, составленное В. Н. Дмитріевымъ. IX+214 стр. 8 д. л.

Капиръ или кефиръ, истинный кумысъ изъ коровьяго молока. Врача В. Н. Дмитріева. Изданіе В. Н. Дмитріева. 35 стр. 8 д. л.

Клиническія и экспериментальныя изслѣдованія объ отдѣленіи и выдѣленіи послѣда. Диссертація на степень доктора медицины И. О. Даниловича. 90 стр. 8 д. л.

Изслѣдованіе килевой (трюмной) воды и значеніе ея въ гигіеническомъ отношеніи (матеріалъ для судовой гигіены). Диссертація на степень доктора медицины А. Ф. Стефановича. 94 стр. 8 д. л.

Grundzüge der Physiologie, Pathologie und Terapie des Kindesalters. Dr. W. Reitz. IV+295 стр. 8 д. л.

Dr. Friedrich Hersing. *Compendium глазныхъ болѣзней* 240 стр. 8 д. л.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Сборникъ составленный Dr. Богословскимъ. Изданіе второе. 413 стр. 12 д. л.

О нахожденіи и образованіи пептона внѣ пищеварительнаго аппарата и объ обратномъ превращеніи пептона въ бѣлокъ. Доктора химіи А. В. Пеля. 91 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Доктора медицины И. Заблудовскаго. 91 стр. 8 д. л.

Основы врачебной практики по страхованію жизни Ольдендорфъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и дополненіями, касающимися страхованія жизни въ Россіи. Э. Ѳ. Морица и П. К. Угрюмова. X+156 стр. 8 д. л.

Кумысъ и его гиперкритики. Джорджа Карриса. 44 стр. 8 д. л.

Растительные паразиты человѣка и животныхъ, какъ причина заразныхъ болѣзней. Для натуралистовъ, врачей, студентовъ и ветеринаровъ. Съ рисунками. Н. Сорокина. Выпускъ II. 544+XIV стр. 8 д. л.

О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обоихъ полушарій большаго мозга. Патолого-физіологическое изслѣдованіе М. М. Манасеиной. 158 стр. 8 д. л.

Матеріалы по вопросу о перевозкѣ мяса въ вагонахъ-ледникахъ системы инженера С. А. Чацкина и ветеринарнаго врача Н. Н. Кулешова. 9 стр. 12 д. л.

М. Герасимовъ. *Элементарная анатомія, физіологія и гигіена.* Руководство для городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Второе изданіе. Съ 65ю рисунками. 175 стр. 8 д. л.

Узаконенія изданныя въ поясненіе и дополненіе къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года. XIV изданіе 586+26+XVII стр. 12 д. л.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года, съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Четырнадцатое исправленное и дополненное изданіе. 133+III+393+VI+553+VI+153 стр. 12 д. л.

Городовое положеніе со всѣми относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительственными разъясненіями. Составилъ М. И. Мышъ. Изданіе пятое. V+594+XIV стр. 8 д. л.

Сборникъ узаконеній по строительной части въ городѣ Петербургѣ. Составилъ В. И. Бѣлобородовъ. IV+105 стр. 8 д. л.

Питейный уставъ въ сжатомъ изложеніи. Составилъ и издалъ Ѳ. А. Куманинъ. 308+56 стр. 12 д. л.

Мировой судъ въ провинціи. Нѣсколько словъ о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ законахъ о земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ. Владиміра Березина. 81 стр. 8 д. л.

Для солдатъ и народа. *Сокращенный уставъ о воинской повинности, дополненный законоположеніями по 1 апрѣля 1883 года.* Составилъ А. Янушъ. 86 стр. 16 д. л.

Сотникъ И. Озаровскій. *Опытъ военнаго обозрѣнія Закавказья.* I. Шестая дистанція Ванкской кордонной линіи. Общій обзоръ Кавказско-Персидской границы и подробное описаніе мѣстности прилегающей къ VI дистанціи Ванкской кордонной линіи. Съ картой. 187 стр. 8 д. л.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціей генералъ-лейтенанта Г. А. Леера. Т I. Вылускъ второй. 161—320 стр. 8 д. л.

Военная телеграфія. Руководство для нижнихъ чиновъ военно-телеграфныхъ парковъ. Составилъ В. Витковскій. Изданіе второе. 120 стр. 12 д. л.

Пособіе для разъѣздокъ мѣстности и противника. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ Грязновъ. 209 стр. 12 д. л.

Лѣтнія занятія кавалеріи. Составилъ А. Пузыревскій. 61 стр. 12 д. л.

Отчетъ о двадцать пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 202 стр. 8 д. л.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1882 годъ, читанный въ общемъ собраніи 21 апрѣля 1883 года. 88 стр. 8 д. л.

Одиннадцатый годовой отчетъ состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Общества Спасанія на Водахъ за 1882 годъ. 8 д. л.

Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (бывшій Петербургскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Москвѣ) по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 годахъ. 862 стр. 8 д. л.

Списокъ почтовыхъ учрежденій въ Россійской Имперіи. Изданіе Почтоваго Департамента. 336 стр. 4 д. л.

Списокъ иногородныхъ періодическихъ изданій въ Россійской Имперіи. 35 стр. 8 д. л.

В. К. Симанскій. *Спутникъ Петербуржца.* Съ картой окрестностей Петербурга. 64 стр. 16 д. л.

Планъ С.-Петербурга. Составленъ на основаніи плана Шуберта 1828 года, гидрографическихъ картъ Невы и ея устья, изданія Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства, и рекогносцировки произведенной въ 1882—83 годахъ отставнымъ полковникомъ М. С. Воротниковымъ. (На 4 листахъ.)

—

Въ Москвѣ:

„Разумѣйте языцы и покоряйтеся“. Полное описаніе торжественнаго въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Священнаго Коронованія и муропомазанія Ихъ Величествъ. О незабвенныхъ дняхъ 10 и 15 мая 1883 года, на память Русскому народу. Составилъ И. А. Морозовъ. 63 стр. 8 д. л.

На память Русскому народу и воинству. Священное Коронованіе Государя Императора и Государыни Императрицы

Маріи Ѳеодоровны. Съ рисунками составилъ А. Соколовъ. 58 стр. 8 д. л.

Для любителей церковнаго благолѣпія. Ко дню освященія храма Христа Спасителя 1883 года въ Москвѣ. 16 стр. 8 д. л.

Противъ теченія. Очерки французской революціи. Н. Любимова (Варѳоломея Кочнева). Выпускъ III. 174 стр. 8 д. л.

Указатель сочиненій Николая Ивановича Пирогова. Составленъ П. Шереметевскимъ. 18 стр. 8 д. л.

Хроника русскаго театра. Носова. Съ предисловіемъ и новыми розысканіями о первой эпохѣ русскаго театра. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 420+30 стр. 8 д. л.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпуски 3й и 4й. Изданіе коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ 486+XXI—CCLX+26+XI. 8 д. л.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать девятая. 492 стр. 8 д. л.

Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII столѣтій. 92 стр. 4 д. л.

Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи. Эдуарда Гиббона. Съ портретомъ автора. Изданіе Джорджа Белля 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть I. XLI+XVIII+548 стр. 8 д. л.

Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Разъясненіе истинъ бытія, жизни, смерти, начала, конца, несчастія, душа, вѣра, вѣчность, зло, безсмертіе и загробная жизнь. Сочиненіе М. П. Погодина. Изданіе четвертое. 402 стр. 8 д. л.

Воспоминанія крестьянина села Угодичъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, Александра Артынова. Съ предисловіемъ. А. А. Титова. 164 стр. 8 д. л.

Стихотворенія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. X+212 стр. 12 д. л.

Сочиненія И. С. Никитина съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Дешуле. Т. I. VIII+496 стр. Т. II. IV+347 стр. 8 д. л. Изданіе третье.

Сочиненія Н. В. Успенскаго. Повѣсти, разсказы и очерки. Въ четырехъ томахъ. Т. I. XII+512 стр. Т. II. 464 стр. Т. III. 319 стр. Т. IV. 340 стр. 8 д. л.

В. Авсѣенка. *Злой духъ.* Романъ, томъ второй. 443 стр. 8 д. л.

Ландыши. Разказы, очерки и сценки А. Пазухина. 135 стр. 12 д. л.

Военныя русскія пѣсни. Собралъ С. Н. Д. Изданіе третье. 127 стр. 12 д. л.

Годольфинъ-Арабіанъ. *Исторія одной лошади.* Съ французскаго. 162 стр. 12 д. л.

Угрызеніе совѣсти. Соч. Бензона. Переводъ съ французскаго. 309 стр. 12 д. л.

Все хорошо когда конецъ хорошъ. Разказъ изъ Шекспира. 36 стр. 12 д. л.

Полный пѣсенникъ. Соч. Н. П. Бѣляева. 490+XIII стр. 12 д. л.

Методическая русская хрестоматія съ приложеніемъ: 1) стилистики и теоріи прозы въ связи съ приготовительнымъ курсомъ логики; 2) теоріи поэзіи; 3) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній. (Третье изданіе III тома „Русской хрестоматіи" вновь дополненное). Пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности, логики и при руководствованіи въ сочиненіяхъ учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Удостоена малой преміи императора Петра Великаго. Ч. I. XLVII+652 стр. Ч. II. 209 стр. 8 д. л.

Конспектъ всеобщей и русской географіи. Составилъ Н. Чмыревъ. 4е изданіе. 32 стр. 8 д. л.

Французская азбука для русскаго юношества. Составилъ Ф. Бюиссонъ. 115 стр. 8 д. л.

Теорія словесности. Е. Бѣлявскаго. Изданіе четвертое. 116 стр. 8 д. л.

Наша родная рѣчь. Руководство къ изученію русскаго и славянскаго языковъ, приспособленное къ программѣ низшихъ учебныхъ заведеній священникомъ Іоанномъ Казанскимъ. 134 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію древнихъ классиковъ въ объемѣ классическихъ гимназій. Сост. Ф. В. Отто. *Цезарь. Комментаріи о Галльской войнѣ.* Книга вторая и третья. Выпускъ 7 и 8. Изданіе второе. 139 стр. 8 д. л.

Ξενοφῶντος Ἀνάβασις. Текстъ со словаремъ, составленнымъ для гимназій Я. Кремеромъ. Изданіе седьмое. 146 стр. 12 д. л.

Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Изд. четырнадцатое. 336 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Г. Веркгаултъ. II. Иліада. Пѣсни VIII—IX. стр. 47—141. 12 д. л.

Краткій учебникъ физіологіи растеній. І. Рейнке, переводъ подъ редакціей К. Тимирязева. 169 стр. 8 д. л.

Начальныя основанія физики. Руководство для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій съ вопросами и задачами. Составилъ А. Малининъ. Изданіе третье. Съ 272 политипажами, 192 стр. 8 д. л.

Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ. Составилъ М. Варавва. Изданіе 2е. 270 стр. 8 д. л.

Для чтенія и разказа. Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ первый. Составлена П. Басистовымъ. Изданіе шестнадцатое. 368 стр. 8 д. л.

Другъ народныхъ школъ. Сборникъ статей. Составили священникъ М. Рудневъ и К. Кузьминъ. IX+263 стр. 8 д. л.

Краткая нѣмецкая грамматика. Составилъ Ѳ. Кейзеръ. Часть II. Изданіе восьмое. 309+68 стр. 12 д. л.

Русская хрестоматія для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ I. Составилъ К. Кузьминъ. Изданіе третье. 300 стр. 8 д. л.

Пособіе при изученіи образцевъ русской литературы. Составилъ Андрей Поповъ. Шестое изданіе. 595 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Г. Веркгаултъ. I. Одиссея. Выпускъ третій. Пѣснь третья. Изданіе третье исправленное 175—248 стр. 12 д. л.

Курсъ ариѳметики Серре и Комберуса. Переводъ Ев. Гутора. Съ послѣдняго французскаго изданія. VIII+212 стр. 8 д. л.

Рѣшенія задачъ тригонометріи прямолинейной и сферической. Составилъ Леонидъ Ивановъ. Изданіе четвертое. 232 стр. 8 д. л.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ шесть мѣсяцевъ. Сочиненіе профессора Оллендорфа. Изданіе 4е. 486+194 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о значеніи патологическихъ измѣненій яйцепроводовъ въ этіологіи безплодія внѣматочной беременности. Диссертація на степень доктора медицины Александра Исполатова. 87+XII стр. 8 д. л.

Труды Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за второе полугодіе 1881 года. 132 стр. 8 д. л.

Московскій музей прикладныхъ знаній. Засѣданія комитета за 1877—78 года. Подъ редакціей секретаря комитета В. Д. Левинскаго. 100 стр. 4 д. л.

Общая разработка торгово-промышленныхъ вопросовъ. П. Каткарова. 16 стр. 8 д. л.

Школа сельскаго богатства. Поля, луга, огороды, сады, лѣса и полное хозяйство. Лѣчебникъ, конскій лѣчебникъ и скотолѣчебникъ. Составлена Владиміромъ Верещагинымъ и Гр. Крыловымъ. 766 стр. 8 д. л.

Рысакъ, его выдержка, выѣздка и подготовка на призъ. Сочиненіе Н. Тихомірова. Изданіе второе. 179+45 стр. 8 д. л.

Протоколы засѣданій совѣта Императорскаго Московскаго Университета за вторую половину 1880 года. 207 стр. 8 д. л.

Aperçu historique sur la maison Impériale des enfants-trouvés à Moscou. 29 p. in 12.

Алфавитный списокъ типографіямъ и т. п. заведеніямъ подлежащимъ надзору инспекціи по дѣламъ печати въ Москвѣ. Изданіе московской инспекціи. 129 стр. 12 д. л.

—

Въ Кіевѣ:

Задунайская сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разказамъ). Ѳ. Кондратовича. Съ приложеніемъ портрета живущаго доселѣ запорожца А. И Коломійца, карты и плана Сѣчи, а также вида Дунавца. 116 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ какъ не осталось на Руси богатырей. Николая Дамкевича. 62 стр. 8 д. л.

Русскій рабочій вопросъ съ юридико-практической стороны и другія замѣчанія къ новому гражданскому уложенію. Соч. Александра Соколова. 78 стр. 8 д. л.

Отчетъ Кіевскаго мѣстнаго управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста за 1882 годъ. 114 стр. 12 д. л.

Очеркъ исторіи медицины. Составилъ С. Ковнеръ. Выпускъ второй. Гиппократъ. Стр. 185—546+30 8 д. л.

Зевортъ Эдгаръ. *Исторія новаго времени.* 8 д. л.

Этнографія по Адаму Бременскому. Изслѣдованіе Владиміра Ляскоронскаго. 54 стр. 8 д. л.

Корнелій Непотъ. *Біографіи знаменитыхъ полководцевъ.* Переведъ съ латинскаго и объяснилъ Ив. Ел. Тимошенко. 156+XVIII стр. 8 д. л.

Прибавленіе къ путеводителю „Кіевъ и его окрестности". Печерская лавра и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ городъ Кіевъ. Составилъ Н. Тарановскій. 180 стр. 16 д. л.

Опись актовой книги Кіевскаго центральнаго архива № 2.037. Составилъ И. М. Каманинъ. 31 стр. 8 д. л.

Объ иннерваціи кровообращенія въ легкихъ. Изслѣдованіе А. Равы. 36+IV стр. 8 д. л.

Почтовыя реформы. 32 стр. 16 д. л.

Юго-Западный край на Всероссійской Промышленно-Художественной Выставкѣ 1882 года въ Москвѣ Н. А. Бунге. 140 стр. 8 д. л.

Описаніе ускоренной отбивки и сушки сахара-рафинада. По привилегированному способу П. Т. Литвиненко. 29 стр. 8 д. л.

Корнеслов̀ъ еврейскаго языка, составленный Платономъ Лукашевичемъ. 326 стр. 8 д. л.

Актъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. 12 стр. 16 д. л.

Рѣчь и отчетъ читанные на торжественномъ актѣ Кіевской женской гимназіи 14 іюня 1883 года. 42 стр. 8 д. л.

—

Въ Харьковѣ:

Сборникъ вводныхъ докладовъ по вопросамъ предложеннымъ къ обсужденію членовъ съѣзда овцеводовъ, шерстепромышленниковъ и фабрикантовъ въ городѣ Харьковѣ съ 5 по 15 іюня 1883 года. 77 стр. 8 д. л.

Ревень употребляемый въ домашнемъ хозяйствѣ. 15 стр. 16 д. л.

—

Въ Казани:

Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ. Н. И. Ивановскаго. 420 стр. 8 д. л.

Основанія философіи какъ спеціальной науки. П. Милославскаго. Томъ I. IV+443 стр. 8 д. л.

—

Въ Одессѣ:

О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Выпускъ первый. А. Маркевича. 188 стр. 8 д. л.

Докладъ комиссіи избранной Юридическимъ Обществомъ при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ для обсужденія проекта Уложенія. 98 стр. 8 д. л.

Путеводитель по Крыму. Составили Г. Караудовъ и М. Сосногорова. Изданіе четвертое. Съ приложеніемъ двухъ картъ, плати рисунковъ и проч. 457+XVII стр. 12 д. л.

Путеводитель на Святую Авонскую гору, а также по ея монастырямъ, скитамъ и прочимъ достопримѣчательнымъ святынямъ. Е. Фесенко. 104 стр. 12 д. л.

Любимые уроды, будьте честны. В. П. 77 стр. 8 д. л.

Ю. А. Трачевская. *О происхожденіи азбуки.* Публичная лекція для учащихся. 11 стр. 8 д. л.

Заколдованный кругъ. Сцены и разсужденія по поводу послѣдней реформы нашихъ гимназій и прогимназій. Написалъ Грицъ Бендякъ. 113 стр. 8 д. л.

—

Въ Варшавѣ:

Н. Карѣевъ. *Введеніе въ курсъ исторіи Среднихъ Вѣковъ.* 48 стр., 8 д. л.

Сравнительная статистика внѣшней торговли Россіи. Таможенная система и тарифъ. М. Е. Терехова. Часть I. стр. 1—140. 8 д. л.

Отчетъ профессора Императорскаго Варшавскаго Университета I. I. Первольфа о научныхъ занятіяхъ за границей съ 20 мая по 20 сентября 1882 года. 82 стр. 8 д. л.

Служба подвижнаго состава и тяги. Изслѣдованіе. Составилъ Лестушевскій. Выпускъ первый. 119 стр. 8 д. л.

В. Истоминъ. *Методъ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку въ высшихъ классахъ гимназій.* Съ приложеніемъ темъ для сочиненій. 38 стр. 8 д. л.

Грамматическія замѣтки. Статьи Романа Брандта. 8 д. л.

Курсъ иппологіи составленъ для ветеринаро-фельдшерскихъ учениковъ войскъ Варшавскаго военнаго округа М. Скрипниковымъ. Изданіе третье. 268 стр. 8 д. л.

—

Въ Житомірѣ:

Изъ жизни дѣйствительной. Выпускъ первый. Г. Ч. 53 стр. 16 д. л.

—

Въ Ярославлѣ:

Ревизія волостей Ростовскаго уѣзда въ 1879 году. 12 стр. 8 д. л.

—

Въ Черниговѣ:

Правила для медико-статистической регистраціи въ земскихъ учрежденіяхъ Черниговской губерніи и номенклатура болѣзней. 53 стр. 8 д. л.

Хирургія для фельдшеровъ и фельдшерскихъ школъ. Составилъ И. Н. Лагода. Часть первая. Десмургія. 57 стр. 8 д. л.

—

Въ Нѣжинѣ:

Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія. Составилъ И. Бѣлоруссовъ. 57 стр. 8 д. л.

—

Въ Вильнѣ:

Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка. Съ планомъ города Вильны, девятью рисунками и картой Виленской губерніи. VIII+318 стр. 12 д. л.

Планъ города Вильны съ поясненіями. 24 стр. 16 д. л.

Полный учебникъ для фельдшерскихъ учениковъ, фельдшеровъ и фельдшерицъ. Топографическая анатомія, наружныя болѣзни, фармакологія съ рецептурой и токсикологіей. Съ политипажами. Соч. Dr. Л. Д. Фишкина. Изд.3е. XIII+538 стр. 8 д. л.

Каталогъ дублетовъ Виленской публичной библіотеки. Выпускъ третій. 137 стр. 8 д. л.

—

Въ Витебскѣ:

Витебская старина. I. Извѣстія русскихъ и литовскихъ лѣтописей о Витебскѣ. II. Грамоты, привилегіи и пр. III. Документы касающіеся жизни и дѣятельности Іосафата Кунцевича, Полоцкаго уніатскаго архіепископа. IV. Документы касающіеся Витебскаго Свято-Троицкаго Маркова монастыря. V. Документы касающіеся еврейскаго населенія города Витебска. VI. Документы касающіеся Двѣнадцатаго Года. VII. Витебское мыто 1605 года. VIII. Инвентари. IX. Лѣтопись города Витебска. X. Статья П. С. З. Р. И. касающаяся Витебска и Витебской губерніи. XI. Списки. XII. Историко-статистическій очеркъ города Витебска. Съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Составилъ и издалъ А. Салуновъ. Томъ первый. 668 стр. 8 д. л.

Въ Полтавѣ:

Исторія священнаго коронованія русскихъ государей. Сост. Иванъ Матченко. 55 стр. 8 д. л.

Картина свѣта. Изъ научныхъ популярныхъ свѣдѣній. Составилъ П. А. Климовъ. 12 стр. 8 д. л.

Въ Твери:

Хмпль. Землевладѣльца А. Губченко. 22 стр. 8 д. л.

—

Въ Тамбовѣ:

Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и сборникъ геометрическихъ теоремъ и задачъ на построеніе и приложеніе алгебры къ геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Александровъ. 193 стр. 8 д. л.

—

Въ Воронежѣ:

Взглядъ на преподаваніе отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. П. И. Иванова. 25 стр. 8 д. л.

—

Въ Горбатовѣ:

Планы объяснительнаго чтенія. Опытъ объясненія образцовъ русской литературы для начальнаго обученія. Составилъ В. Виноградовъ. 130 стр. 8 д. л.

—

Въ Саратовѣ:

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Саратовскій уѣздъ. Часть I. Выпускъ I. Изданіе Саратовскаго губернскаго земства. 99+102 стр. 8 д. л.

—

Въ Ставрополѣ:

Матеріалы для исторіи колонизаціи Сѣвернаго Кавказа. *Историко-статистическое обозрѣніе инородцевъ-магометанъ кочующихъ въ Ставропольской губерніи.* І. Бентковскаго. Ногайцы. Часть I. 134 стр. 8 д. л.

—

Въ Уфѣ:

Справочная книжка Уфимской губерніи. Часть I. Адресъ-календарь. Свѣдѣнія дополнены по май 1883 года. Составленъ и редактированъ Н. А. Гурвичемъ. 227 стр. 8 д. л.

—

Въ Изюмѣ:

О предложенномъ Dr. философомъ Шедль преобразованіи акцизной системы. А. Ф. Ф. 35 стр. 8 д. л.

—

Въ Рыбинскѣ:

Старину вспоминаемъ. Разказъ изъ народнаго быта. Якоря. 32 стр. 12 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ *МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ*

Лже-охранители. — Рѣчь г. Чичерина. — Г. Скарятинъ и татарское движеніе 1878 года. — Новый университетскій уставъ. — Холерная эпидемія. — Желѣзныя дороги.—Настоятель Сербскаго подворья въ Москвѣ. — Румынскія дѣла.—Французскій парламентаризмъ.—Культурная борьба въ Германіи.

I.

Моск. Вѣд. № 186.

Съ нѣкоторыхъ поръ тѣ самые люди которые при жизни покойнаго Императора хвалились своею систематическою оппозиціей его правительству и ставили себѣ въ гражданскую заслугу безсовѣстную ложь и клевету, посредствомъ которой старались вызвать въ обществѣ агитацію противъ всякаго патріотическаго и полезнаго дѣла, заявляютъ во всеуслышаніе что они солидарны съ правительствомъ Александра II, что между ними, лжецами, и покойнымъ Императоромъ нѣтъ никакой разницы, что ихъ ославливать значитъ наладать на память Царя-Освободителя, что всѣ реформы дарованныя Императоромъ Александромъ II представляютъ

идеалъ законодательнаго совершенства, въ которомъ нельзя де измѣнить ни одной іоты, хотя бы того настоятельно требовали всѣ интересы государства и тѣ цѣли ради которыхъ новыя учрежденія созданы, и что, наконецъ, они, бывшіе враги правительства покойнаго Государя въ лучшую пору его царствованія, теперь преобразились въ искреннихъ друзей его политики и призваны охранять его реформы.

Игра этихъ „охранителей“, какъ они иногда величаютъ себя, слишкомъ видна, и едва ли удастся ввести ею кого-либо въ заблужденіе. Это все тотъ же старый общественный обманъ практикуемый съ помощью нѣкоторыхъ новыхъ софизмовъ. Обширныя реформы прошлаго царствованія имѣли своимъ источникомъ наилучшія побужденія и цѣли, и никѣмъ онѣ при своемъ появленіи не были такъ искренно привѣтствованы какъ тѣми кто теперь также искренно желаетъ ихъ усовершенствованія и очищенія ихъ отъ оказавшихся на практикѣ недостатковъ и ошибокъ. А эти недостатки и ошибки, къ сожалѣнію, не малочисленны и не маловажны. Самъ законодатель горько сознавалъ это, но не находилъ способныхъ и преданныхъ дѣлу совѣтниковъ и исполнителей чтобы должнымъ образомъ направить и согласовать свои преобразованія. А вотъ теперь, послѣ ужасной катастрофы прекратившей его жизнь, враги его царствованія, дорожа не реформами, а тѣмъ что̀ оказалось въ нихъ фальшиваго, подымаютъ фарисейскій плачъ каждый разъ какъ возникаетъ рѣчь о продолженіи и улучшеніи начатаго покойнымъ императоромъ дѣла преобразованій. Не входя въ серіозное обсужденіе сущности требуемыхъ улучшеній (такое обсужденіе было бы имъ невыгодно), лжецы громко вопіютъ что тѣмъ „оскорбляется память великаго преобразователя“, что „реформы его должны быть святы“, что̀ однако не мѣшаетъ этимъ ревностнымъ чтителямъ памяти покойнаго Государя ругаться до сихъ поръ самымъ наглымъ образомъ надъ одною изъ наиболѣе полезныхъ и удавшихся реформъ Императора Александра II, которая была по преимуществу дѣломъ его *личнаго* рѣшенія, — надъ преобразованіемъ гимназическаго ученія. Такъ, напримѣръ, журнальный странникъ, г. Модестовъ, съ позоромъ изгонявшійся изо всѣхъ редакцій, опять примкнулъ къ фельетонному пріюту *Новостей*, откуда онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова проповѣдуетъ походъ противъ гимназической реформы, подкрѣпляя свою проповѣдь

все одними и тѣми же, давнымъ-давно опровергнутыми софизмами, находя въ этомъ себѣ поддержку во всѣхъ „либеральныхъ охранителяхъ“ реформъ покойнаго Государя.

Въ томъ-то и дѣло. Удавшіяся реформы предаются поруганію именно потому что онѣ удались, а слѣдовательно приносятъ пользу странѣ. А неудавшіяся реформы потому только такъ яростно охраняются что онѣ не удались и содѣйствуютъ своими недостатками развращенію общества, дезорганизаціи правительства, разложенію государства.

Къ этимъ послѣднимъ реформамъ принадлежатъ почему-то вдругъ получившія именованіе „свободныхъ учрежденій“. „Эти свободныя учрежденія“, писалъ на дняхъ одинъ политикъ,— учрежденія дарованныя Императоромъ Александромъ II, а кто ихъ враги—всѣ мы знаемъ это—тѣ которые ежедневно и неустанно изливаютъ свою злобу на все что̀ вызвано къ жизни Царемъ-Освободителемъ и что̀ дорого русскому человѣку, на независимый судъ, на земскія учрежденія, на городовое положеніе.“

Развѣ покойный Государь своею судебною реформой имѣлъ въ виду создать какое-то „свободное учрежденіе“, а не просто-напросто обезпечить правосудіе? Да и что̀ такое судъ въ качествѣ „свободнаго учрежденія“? Всякое учрежденіе свободно въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей. Въ какомъ же смыслѣ придается судамъ этотъ титулъ? Развѣ въ томъ что они должны быть свободны отъ закона и подлежать безотвѣтственному произволу господъ правовѣдовъ? Если въ судахъ случаются нарушенія закона и справедливости, дѣла вопіющаго произвола, должны ли мы радоваться этому, а не изыскивать способовъ чтобы подобные случаи не повторялись систематически и чтобы люди приставленные къ дѣлу правосудія чувствовали себя серіозно отвѣтственными? Чтить ламать законодателя значитъ чтить не букву, а духъ его законовъ, которые безъ сомнѣнія имѣли въ виду укрѣпленіе, а не извращеніе правосудія, отрезвленіе, а не развращеніе народа.

Земскія учрежденія?... Но кто же ими доволенъ? Фарисеи которые вопіютъ объ ихъ неприкосновенности когда возникаетъ вопросъ объ ихъ болѣе правильной и полезной постановкѣ, сами же первые въ другое время кричатъ о совершенной непригодности этихъ учрежденій и требуютъ расширенія ихъ компетенціи. А между тѣмъ причина неудачи

земской реформы ни для кого не тайна. Подобно нашимъ городскимъ думамъ, возникшимъ въ силу городоваго положенія, этого третьяго изъ пресловутыхъ „свободныхъ учрежденій“, земскія собранія забавляются игрой въ парламентъ, не радѣя о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Вводя принципъ самоуправленія въ наши губернскія, уѣздныя и городскія учрежденія, покойный Императоръ очевидно имѣлъ въ виду чтобъ они сами управляли *собой*, а не вмѣшивались бы въ чужія дѣла, тѣмъ менѣе въ общее управленіе государства. На дѣлѣ вышло какъ разъ наоборотъ. Наши земскіе и городскіе эдилы вообразили себѣ что самоуправленіе, selfgovernment, состоитъ въ томъ чтобы правительство не имѣло никакого контроля надъ заправителями земскихъ и думскихъ дѣлъ, но чтобъ эти господа, пренебрегая своими дѣлами, имѣли право вторгаться въ дѣла правительства. И что же, всѣ обязаны равнодушно взирать на это извращеніе принципа самоуправленія потому что принципъ этотъ былъ введенъ у насъ покойнымъ Государемъ?

При обширности и обиліи реформъ прошедшаго царствованія нельзя было предвидѣть всѣхъ подробностей которыя на дѣлѣ могли оказаться скорѣе вредными чѣмъ полезными. Обязанность наша состоитъ не въ томъ чтобы раболѣпствовать предъ недостатками этихъ реформъ, а въ томъ чтобъ устранять ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, наше городовое положеніе. Въ республиканской Франціи, на засѣданія муниципальныхъ совѣтовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ городскимъ думамъ, публика не допускается. Гласность преній обезпечена тамъ присутствіемъ репортеровъ газетъ. Когда на дняхъ французскіе депутаты сдѣлали попытку, при разсмотрѣніи новой муниципальной реформы, ввести публичность засѣданій городскихъ совѣтовъ или думъ, то серіозная республиканская печать энергически возстала противъ этого нововведенія. *Journal des Débats* прямо высказываетъ что присутствіе публики „побудитъ муниципальныхъ совѣтниковъ, изъ желанія привлечь вниманіе своихъ согражданъ, увеличивать сверхъ всякой мѣры число своихъ рѣчей, которыя не будутъ имѣть никакой связи съ текущими дѣлами.“ „Можно опасаться“, заключаетъ парижская газета, „что самый вѣрный результатъ этого нововведенія будетъ заключаться въ томъ что полезныя и скромныя думы, столь удовлетворительно занимавшіяся своими мѣстными интересами,

преобразятся рано или поздно въ публичныя собранія, въ которыхъ будутъ излагаться самыя странныя теоріи".

То зло которое только лугаетъ французскихъ патріотовъ уже давно осуществилось у насъ. А если кто думаетъ устранить это зло, то тотчасъ оказывается, по софистической логикѣ нашихъ „либеральныхъ охранителей", „врагомъ свободныхъ учрежденій дарованныхъ Императоромъ Александромъ II".

Пора положить конецъ этому грубому и безсовѣстному злоупотребленію именемъ покойнаго Монарха.

II.

№ 178 *Моск. Вѣд.*

Насъ упрекаютъ зачѣмъ мы обратили вниманіе на толки вызванные въ иностранной печати рѣчью московскаго городскаго головы, произнесенною имъ на банкетѣ городскихъ головъ, съѣхавшихся въ Москву къ торжеству коронаціи. Въ *Новомъ Времени* пишутъ: „Почему г. Каткову понадобилась австро-венгерская окраска—понять тѣмъ труднѣе что почтенный ораторъ (sic) *Московскихъ Вѣдомостей* имѣлъ возможность познакомиться съ рѣчью изъ прямаго источника".

„Почтенный ораторъ *Московскихъ Вѣдомостей*" не имѣлъ чести присутствовать на банкетѣ гдѣ была сказана упомянутая рѣчь, а потому и не можетъ знать изъ прямаго, то есть изъ перваго источника что̀ и какъ было сказано. Извѣстно только то что слышавшіе эту застольную рѣчь были очень озадачены ею. *Пештскій Ллойдъ* и *Neue Freie Presse* цитовали мы потому что изъ этихъ газетъ впервые узнали о содержаніи рѣчи, но мы же первые и подвергли строгой критикѣ сообщенія этихъ газетъ. Не имѣя данныхъ чтобъ отрицать фактъ, мы повиновались логикѣ запрещавшей вѣрить чтобы московскій городской голова, выбранный при тѣхъ условіяхъ при какихъ выбранъ г. Чичеринъ, рѣшился, и притомъ въ такую минуту, поднимать въ *какихъ бы то ни было выраженіяхъ* вопросъ объ измѣненіи образа правленія въ Россіи. Употреблялъ ли онъ слово *конституція* или говорилъ о такъ-называемыхъ *свободныхъ учрежденіяхъ*, это рѣшительно все равно. Если г. Чичеринъ придумалъ какой-либо проектъ государственнаго преобразованія, то онъ могъ

бы дать своей мысли ходъ другимъ путемъ; во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ право выступать съ нею въ званіи городскаго головы и какъ бы отъ имени Москвы. Наконецъ, онъ имѣлъ бы полную возможность довести свои соображенія прямо до верховнаго законодателя. Но какая была бы надобность возбуждать подобный вопросъ

„Между жаркимъ и блинами“?..

Зачѣмъ было бы волновать подобными вопросами этихъ почтенныхъ людей которые собрались въ Москву вовсе не для того чтобы передѣлывать Россію, а напротивъ изъявить отъ лица своихъ согражданъ неизмѣнную преданность основамъ существующаго государственнаго устройства? Зачѣмъ было нужно чтобы городскіе головы вынесли изъ Москвы, съ торжества Священнаго Коронованія, сѣмена смутной агитаціи для распространенія между своими согражданами? На что, въ самомъ дѣлѣ, было бы похоже еслибъ еще и голова города Москвы, отъ ея имени, поддерживалъ тенденціи гг. Кошелевыхъ, Стасюлевичей, Спасовичей и заправителей *Голоса*?

Вотъ почему мы и не хотѣли вѣрить чтобы московскій городской голова позволилъ себѣ что-либо подобное и протестовали противъ австро-венгерскихъ толковъ о рѣчи г. Чичерина. Будемъ однако откровенны: хотя мы объявляли рѣчь г. Чичерина выдумкой корреспондентовъ, а все-таки внутренно оставались въ недоумѣніи. Не могла же эта исторія быть голою выдумкой. Правда, то были непріязненные Россіи органы; но между *Пештскимъ Ллойдомъ* и вѣнскою *Neue Freie Presse* нѣтъ ничего общаго; во всякомъ случаѣ не могли же они сговориться чтобы сообща выдумать рѣчь московскаго городскаго головы. Еще менѣе могла сговориться съ ними парижская *Nouvelle Revue*, вовсе не враждебная Россіи, даже мечтающая видѣть въ ней будущую союзницу Франціи. Вотъ какъ въ этой *Revue* излагается пресловутая рѣчь:

„Si cette réunion ne doit pas rester sans résultat, chacun de nous doit en emporter les principes de sa future conduite. Quand Pierre I appela la Russie un temple en ruines, il ajouta qu'il fallait un architecte pour réunir et remettre en leur place les pièces disloquées, afin de relever l'édifice sous lequel doit s'abriter et croître la prospérité du peuple. Dans ce temps-là, un tel architecte était peut-être effectivement néces-

saire, La Russie n'était pas alors délivrée de l'esclavage; mais aujourd'hui que la Russie est libre, les rôles sont changés. *Le pouvoir n'est plus là où il était autrefois; le pouvoir appartient à nous, représentants du peuple. Sans nous, l'Etat n'a aucun pouvoir dans l'exercice de nos institutions administratives. Dans cette sphère, c'est de nous, représentants du peuple, que doit émaner le conseil et la direction.* Tout le monde doit souhaiter que nous ne quittions pas cette réunion sans être persuadés que *l'avenir de la Russie réside en nos mains*, et que nous rentrions chez nous avec la conviction *qu'il faut propager le désir des réformes devenues nécessaires.*"

Парижская редакція полнѣе. Первой фразы въ передачѣ *Neue Freie Presse* не достаетъ; но затѣмъ парижская редакція буквально совпадаетъ съ вѣнскою. Послѣ Петра и разсыпаннаго храма или храмины, слѣдуетъ: *die Macht ist nicht mehr dort wo sie war, die Macht gehört uns, den Vertretern des Volkes* и s. w.

Впрочемъ дѣло не въ выраженіяхъ. Скажемъ безъ обиняковъ и серіозно: рѣчь произнесенная московскимъ городскимъ головой въ засѣданіи думы, при вступленіи его въ должность въ прошломъ году, заключаетъ въ себѣ существенно то же самое. Рѣчь эта не тайна: она была сказана предъ многочисленнымъ собраніемъ, потомъ напечатана, правда, съ нѣкоторыми выпусками по требованію генералъ-губернатора, цензурѣ котораго подлежатъ рѣчи произносимыя въ городскомъ собраніи. Но г. Чичеринъ не думалъ скрывать свою мысль. Высказавъ ее публично, онъ энергически домогался чтобы текстъ его рѣчи былъ напечатанъ in extenso, въ чемъ отчасти и успѣлъ отправившись въ Петербургъ...

Пора бы, наконецъ, прекратить эту странную игру. Если правительство находитъ какую-либо основную государственную реформу дѣломъ своевременнымъ и полезнымъ, то зачѣмъ нужно изображать собой какъ бы осаждаемую и штурмуемую крѣпость? Зачѣмъ дѣлать какъ бы нехотя и по вынужденію то чего мы хотимъ или на что мы согласны? Если же правительство находитъ требованія агитаціи безсмысленными, то какъ возможно что именно лица занимающія официальное положеніе и даже высшія въ правительствѣ должности сами возбуждаютъ столько же анти-правительственную сколько и чуждую народу агитацію? Что должно подумать общество волнуемое напрасными возбужденіями которыя исходятъ изъ сферъ официальныхъ и тамъ питаются?

№ 181 *Моск. Вѣд.*

Въ вышедшемъ сегодня выпускѣ *Руси* приложено письмо г. Чичерина, въ которомъ онъ отрекается отъ появившейся въ иностранныхъ журналахъ редакціи его застольной рѣчи. Но этимъ не объясняется тотъ странный фактъ что рѣчь его совершенно одинаковымъ образомъ передана въ Парижѣ и Вѣнѣ, въ изданіяхъ ничего общаго между собой не имѣющихъ и которыя не могли сговориться для того чтобы сдѣлать этотъ подлогъ.

Г. Чечеринъ, въ доказательство лживой передачи его рѣчи, ссылается на невѣрный слухъ сообщенный иностранными корреспондентами будто онъ отставленъ отъ должности. Такъ какъ онъ отъ должности не отставленъ, то стало-быть и редакція его рѣчи есть выдумка. Но одно изъ другаго никакъ не слѣдуетъ. Къ тому же не во всѣхъ иностранныхъ газетахъ сообщалось объ его удаленіи отъ должности. Если въ парижскихъ журналахъ олицетворяли удаленіе его за эту рѣчь отъ должности и даже высылку изъ Москвы, то въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, напротивъ, съ торжествомъ указывалось на то что правительство предъ нимъ спасовало. Мадьярская газета злорадно видитъ въ этомъ признакъ надломленности власти въ Россіи. „Въ прежнюю пору, говоритъ *Пештскій Ллойдъ*, человѣка который оказался бы виновнымъ въ подобномъ дѣлѣ устранили бы тотчасъ же. Теперь же приходится не только терпѣть его, но и оказывать ему почести.“ (См. *Моск. Вѣд.* № 163.)

Моск. Вѣд. № 189.

Новое Время оказываетъ человѣкія услуги московскому городскому головѣ, безпрестанно возобновляя рѣчь о его рѣчи. Было указано на тождество версіи этой рѣчи въ *Nouvelle Revue* съ вѣнскою, появившеюся въ *Neue Freie Presse*. *Новое Время* спѣшитъ объяснить это совпаденіе. Оно полагаетъ что вѣнскій шутникъ сочинилъ рѣчь г. Чичерина, а Mme Adam перевела ее изъ *Neue Freie Presse*. Догадка не выдерживающая критики! Въ иностранной печати появилась не вся рѣчь г. Чичерина, а только политическая часть ея, и хотя выдержка напечатанная въ *Nouvelle Revue* совпадаетъ съ появившеюся въ *Neue Freie Presse*, но парижская версія начинается съ фразы которой въ *Neue Freie Presse* не оказывается и которая служитъ переходомъ къ политиче-

ской части. Вотъ эта фраза: „Если это собраніе не должно остаться безъ результата, то каждый изъ насъ долженъ вынести изъ него принципы своего будущаго образа дѣйствій.“ Этого не могло бы случиться еслибы *Nouvelle Revue* не имѣла своего источника. Съ другой стороны, нельзя думать чтобы Mme Adam сама присочинила вышеприведенныя фразы. Она недавно была въ Россіи и имѣетъ въ ней связи. Напечатанная ею выдержка, очевидно, попала въ ея журналъ не изъ вѣнской газеты.

А между тѣмъ въ слѣдующемъ же нумерѣ *Новое Время* выписываетъ изъ газеты *Гражданинъ* сдѣланное ею заключеніе что есть двѣ рѣчи г. Чичерина, одна *сказанная*, другая *показанная*.

Не лучше ли было бы *Новому Времени* вовсе не трогать этого вопроса и оставить его, какъ оно само выражается, „въ покоѣ до радостнаго утра“?

— № 188 *Моск. Вѣд.*

Наши читатели, конечно, помнятъ еще то опредѣленіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, состоявшееся въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, коимъ постановлено было предать суду, *съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей*, бывшаго казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина за насильственныя будто бы дѣйствія его противъ бунтовавшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ управляемой имъ губерніи Татаръ, помнятъ также какъ ликовала наша „либеральная“ печать по поводу этого казуса.

На дняхъ одна пошленькая газетка, носящая имя своего достойнаго издателя, помѣстила какую-то невѣроятную корреспонденцію изъ Казани, въ которой повѣствуется что кто-то пригласилъ къ себѣ „на чашку чая“ представителей мусульманской казанской знати, разославъ для этого пригласительныя записки *на татарскомъ языкѣ*. На этомъ куріозномъ митингѣ воздавалась де должная похвала четырнадцатилѣтней дѣятельности г. Скарятина въ должности казанскаго губернатора и предложено было въ виду его несомнѣнныхъ служебныхъ заслугъ „простить ему“ его поступки 1878 года, за которые онъ преданъ суду, изложить этотъ актъ милости въ письменной формѣ, въ видѣ всеподданнѣйшаго адреса, полагая *„что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы оправданъ“*.

Неизвѣстно на какомъ нарѣчіи велись дебаты, но удостовѣрено что предложеніе это встрѣтило оппозицію. Одинъ изъ татарскихъ гостей такъ началъ свой спичъ: „Дѣйствительно правда что г. Скарятинъ былъ у насъ губернаторомъ 14 лѣтъ мы его не смѣемъ хулить, а напротивъ одобряемъ за то что онъ былъ начальникъ строгій.“ Далѣе ораторъ сокрушается по поводу того что г. Скарятинъ недостаточно почтительно сталъ относиться къ магометанской религіи и ея послѣдователямъ, пожелавъ усмирить военною силой возставшихъ во имя Пророка, когда для этого достаточно де было „двухъ полицейскихъ“, и въ заключеніе произнесъ слѣдующую знаменательную тираду: „За то его въ послѣднее время Богъ покаралъ; кто ругалъ нашу религію и пророковъ, тотъ никогда не останется безнаказаннымъ.“ На чемъ, наконецъ, порѣшилъ митингъ, лѣтописецъ *Газеты Гатцука* умалчиваетъ.

Сообщеніе это, само собою разумѣется, немедленно было перепечатано нѣкоторыми „органами“ съ особымъ злорадствомъ.

Выходитъ что г. Скарятина не только слѣдуетъ судить съ присяжными, но его можно травить и всячески поносить гласно и безнаказанно. Но наряду съ этою новою фазой Скарятинскаго дѣла явились достовѣрныя свѣдѣнія о свойствахъ того татарскаго бунта который разыгрался въ Казанской губерніи въ 1878 году, свѣдѣнія почерпнутыя изъ судебнаго процесса, разбиравшагося 14 іюня въ Казанскомъ окружномъ судѣ.

Оказывается что движеніе татарскаго населенія въ 1878 году вызвано пропагандой, стремившеюся совратить изъ православія въ мусульманскую вѣру Татаръ, которыхъ предки въ третьемъ поколѣніи были уже христіанами.

Священникъ Миропольскій показывалъ на судѣ что до 1878 года всѣ апазовскіе крестьяне (въ Каз. губ.) безъ исключенія были православными, исполняли всѣ требы, исправно посѣщали церковь, жили со священникомъ въ согласіи и вообще были настолько усердными прихожанами что когда напримѣръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ потребовалось произвести въ церкви нѣкоторую перестройку, то многіе—въ томъ числѣ и Архилъ Дмитріевъ и другіе подсудимые трудами и матеріалами оказывали свое содѣйствіе. Такъ было до 1878 года... Послѣ окончанія Турецкой кампаніи, среди Татаръ, жителей села Топазова, замѣчено было глухое броженіе въ

пользу магометанства. Мало-по-малу религіозная вражда обострилась до того что были случаи убійства. Совращеніе въ магометанство производилось явно, отлавшіе отъ православія приходили ко священнику и заявляли ему о своемъ отпаденіи. Пятерыхъ изъ подсудимыхъ судъ приговорилъ къ каторгѣ и троихъ въ Сибирь.

Вотъ съ какимъ движеніемъ имѣлъ дѣло казанскій губернаторъ. Вотъ къ чему клонилось это движеніе. Полицейскія мѣры принятыя губернаторомъ спасли край отъ фанатизма, за который судъ ссылаетъ виновныхъ на каторгу. Сколько людей пришлось бы ссылать теперь на каторгу еслибы движеніе, быстро прекращенное губернаторомъ, разыгралось? —

III.

Моск. Вѣд. № 200.

Уже близко, можно надѣяться, то время когда осуществится давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая реформа нашего высшаго образованія, и университеты освободятся наконецъ отъ тяготѣющаго надъ ними двадцатилѣтняго кошмара научнаго безплодія и залустѣнія. Нельзя не признать что несмотря на громадныя суммы отпускаемыя казной на наши университеты, эти учебныя заведенія, титулуемыя по старой памяти „разсадниками наукъ“, даютъ лишь жалкій и негодный пустоцвѣтъ, такъ какъ профессора, подъ видомъ „самоуправленія“, занимаются вообще не преподаваніемъ наукъ, а интригами и рутиннымъ чтеніемъ устарѣвшихъ тетрадокъ, либо хлестскимъ и пустозвоннымъ краснобайствомъ, тогда какъ студенты круглый годъ проводятъ въ совершенной праздности, не знакомясь съ самыми элементарными условіями добросовѣстнаго научнаго труда, а предъ экзаменами просиживаютъ дни и ночи надъ безсмысленнымъ зубреніемъ нерѣдко безсмысленно литографированныхъ лекцій, содержаніе которыхъ, иногда къ счастію, улетучивается изъ ихъ головы на другой же день послѣ экзаменовъ. Такого безобразнаго университетскаго преподаванія нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, а потому не удивительно что у насъ на дѣйствительное званіе дѣятеля науки могутъ претендовать лишь тѣ ученые которые, послѣ ничего не давшаго имъ русскаго университета, прошли серіозный научный курсъ въ университетахъ заграничныхъ,

въ особенности германскихъ. Потомки наши ни за что не повѣрятъ что въ наше время находились люди считавшіе существующее въ нашихъ университетахъ безобразіе явленіемъ нормальнымъ и желательнымъ, превозносившіе университетскій уставъ породившій это безобразіе какъ драгоцѣнный палладіумъ русской науки, и намѣренно отрицавшіе осязательный фактъ безплодія нашихъ университетовъ сравнительно съ обильною плодотворностью германскихъ. Но еще невѣроятнѣе покажется нашему потомству то явленіе что эти обскуранты или обманщики, всѣми силами слова и дѣла противившіеся введенію въ наши университеты тѣхъ испытанныхъ міровымъ опытомъ порядковъ при которыхъ только и возможно преуспѣваніе науки, выдавали себя сторонниками научнаго прогресса, „либералами“, „честными патріотами“, тогда какъ ихъ противники, желавшіе возвысить наше университетское образованіе до уровня современной науки, чествовались кличкой „ретроградовъ“ и „враговъ народнаго просвѣщенія“. До такой степени у насъ перепутались, благодаря общественному обману, понятія и самыя названія предметовъ что возстановить ихъ истинное значеніе можно только путемъ серіознаго, энергическаго дѣла, никакъ не словесной аргументаціи. Пусть защитники нашей университетской косности считаются пока *друзьями* просвѣщенія, а сторонники науки его *врагами*, не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ чтобы скорѣе совершить великій актъ оживленія нашихъ университетовъ, а тамъ уже на самомъ дѣлѣ окажется что̀ для Россіи полезнѣе: уставъ ли 1863 года, или порядки лучшихъ университетовъ Европы.

Въ ожиданіи окончательнаго обсужденія новаго университетскаго устава въ Государственномъ Совѣтѣ, наши газеты уже начали разсматривать тѣ вѣроятные результаты которыми мы будемъ обязаны новому уставу. Такъ, напримѣръ, появилась прекрасная и дѣльная статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 175) подъ заглавіемъ: *Чего, между прочимъ, можно ожидать отъ введенія новаго университетскаго устава?* Авторъ этой статьи, Л. А. Георгіевскій, молодой ученый, кончившій гимназическій курсъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, посѣщавшій послѣ того нѣкоторое время Петербургскій университетъ и прошедшій затѣмъ полный курсъ классической филологіи въ учрежденной при Лейпцигскомъ Университетѣ русской семинаріи. Выдержавъ въ прош-

ломъ году всѣ установленные экзамены, г. Георгіевскій издалъ блестящую диссертацію *Надгробная рѣчь Гиперида*, поставившую его сразу на почетное мѣсто среди русскихъ филологовъ, и поступилъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ старшіе классы I и VI петербургскихъ гимназій, гдѣ, какъ оказывается, уже успѣлъ обнаружить прекрасныя педагогическія дарованія. * Г. Георгіевскій знаетъ, слѣдовательно близко, по собственному опыту, какъ русскіе такъ и нѣмецкіе университеты, а потому его отзывы о преимуществахъ германскихъ университетовъ имѣютъ интересъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить нашихъ читателей съ главными чертами его характеристики германскихъ университетовъ.

Г. Георгіевскій придаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенное значеніе отношеніямъ между студентами и профессорами, и надѣется что со введеніемъ новаго устава отношенія эти установятся у насъ въ духѣ нѣмецкихъ университетовъ. „Молодежь“, говоритъ онъ,

всегда одна и та же, или приблизительно одна и та же, и также легко можетъ поддаваться хорошему вліянію какъ и дурному. Но чтобы вліяніе это было дѣйствительно благотворно и прочно, необходимо прежде всего чтобъ оно имѣло нравственную подкладку, а ея-то у насъ и нѣтъ, такъ какъ злополучный уставъ 1863 года, дѣлая профессоровъ и законодателями, и администраторами, и судьями, и раздавателями стипендій и другихъ льготъ, ставя отъ нихъ въ зависимость распредѣленіе занятій, ходъ и порядокъ экзаменовъ, дѣлая изъ нихъ рѣшателей судьбы студентовъ на экзаменахъ,—однимъ этимъ создалъ небывалыя и невозможныя отношенія между профессорами и студентами, при которыхъ о нравственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Профессоръ долженъ быть учителемъ, руководителемъ и другомъ университетской молодежи, и только. При этомъ только и мыслима та внутренняя связь между преподавателями и учащимися, безъ которой ни доброе ихъ вліяніе на слушателей, ни самые успѣхи студентовъ невозможны. И таковыми, дѣйствительно, являются нѣмецкіе профессора относительно студентовъ.

Затѣмъ г. Георгіевскій перечисляетъ тѣ обстоятельства которыя, на основаніи заведенныхъ въ нѣмецкихъ университетахъ порядковъ, такъ тѣсно соединяютъ профессоровъ и студентовъ:

---

* См. отзывъ о его педагогической дѣятельности въ *St.-Petersburger Herold* (№ 188).

Первымъ и главнымъ связующимъ звеномъ между профессорами и студентами служатъ, конечно, лекціи, и на нихъ прежде всего и болѣе всего профессора зарекомендовываютъ себя, пріобрѣтаютъ себѣ слушателей и вліяютъ на нихъ, но не какими-либо посторонними трактатами, а строгимъ и серіознымъ преподаваніемъ своего предмета, безукоризненнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу и любовью къ наукѣ. При этомъ очень важно чтобы студентъ не былъ обязанъ слушать такого-то и такого-то профессора, иначе связь эта значительно ослабнетъ, а чтобъ онъ могъ выбирать себѣ самъ изъ опредѣленнаго по каждому факультету круга лекцій тѣ которыя хочетъ слушать, какъ это и дѣлается въ Германіи и какъ это было проектировано для Россіи. Вслѣдствіе такой свободы слушанія лекцій, не только профессора стараются читать свой предметъ какъ можно лучше, дабы имѣть возможно большее число слушателей, изъ которыхъ каждый уплачиваетъ имъ гонораръ, но и студенты сами слушаютъ охотнѣе выбранныхъ ими профессоровъ и болѣе склонны подчиняться ихъ авторитету и вліянію. Свобода слушанія лекцій имѣетъ еще и ту хорошую сторону что она непрерывно связана со свободой преподаванія, заключающеюся въ томъ что всякій, удовлетворяющій извѣстнымъ требованіямъ (кстати сказать, довольно строгимъ, какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи), можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ при университетѣ и составить, такимъ образомъ, весьма опасную конкурренцію для профессора, что и заставляетъ послѣдняго заботиться объ усовершенствованіи своихъ лекцій; и можно навѣрное сказать что ни въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ невозможно ничто подобное что было, напримѣръ, еще не такъ давно, въ Москвѣ, гдѣ одинъ профессоръ чуть не двадцать лѣтъ читалъ лекціи все по однѣмъ и тѣмъ же запискамъ, безо всякаго измѣненія.

Но однѣхъ лекцій было бы слишкомъ мало для того чтобъ установить тѣсную связь между профессорами и студентами. Въ Германіи само правительство озаботилось чтобы профессора хорошо были знакомы со своими слушателями и могли бы ближайшимъ образомъ руководить ими:

Съ этою цѣлью правительствомъ учреждены семинаріи, а кое-гдѣ и просеминаріи. Семинаріи эти существуютъ во всѣхъ университетахъ, а въ настоящее время почти вездѣ и на всѣхъ факультетахъ. Завѣдываніе ими поручается не принадлежности одному изъ лучшихъ профессоровъ, а иногда и нѣсколькимъ, отъ которыхъ зависитъ и пріемъ въ нихъ. Условіемъ пріема бываетъ обыкновенно пробная письменная работа, такъ что въ семинаріи попадаютъ только лучшіе студенты. Вѣщныхъ выгодъ пребываніе въ семинаріи не имѣетъ почти никакихъ, такъ какъ членамъ ея выдается въ видѣ награды (и то не вездѣ) что-то около 100 марокъ (50 руб. прибли-

зительно) въ полугодіе, но за то пребываніе въ ней имѣетъ весьма важное значеніе при опредѣленіи на должность, что само собою понятно если принять во вниманіе что и принимаются въ семинаріи способнѣйшіе молодые люди, и за бытность свою въ ней они значительно больше прочихъ студентовъ работаютъ для своего образованія. Понятно поэтому что всякій студентъ домогается пріема въ нее, имѣя, впрочемъ, въ виду главнѣйшимъ образомъ ту пользу которую онъ можетъ извлечь изъ пребыванія въ ней для своего научнаго образованія, и справедливо считая семинарскія занятія необходимымъ дополненіемъ университетскихъ занятій, такъ какъ будучи на лекціяхъ пассивнымъ слушателемъ, лишь воспринимающимъ передаваемый ему матеріалъ, перерабатывая его затѣмъ дома и уже относясь къ нему критически, вполнѣ активнымъ лицомъ онъ является только въ семинаріи, гдѣ самъ выступаетъ съ болѣе или менѣе самостоятельною работой. Работы эти бываютъ самаго разнообразнаго содержанія, касаясь, напримѣръ, въ филологическихъ семинаріяхъ и древностей, и историко-литературныхъ вопросовъ, и толкованія и критики текста авторовъ. Профессоръ является на этихъ занятіяхъ только руководителемъ и предоставляетъ какъ можно болѣе свободы самимъ студентамъ, изъ которыхъ главная роль принадлежитъ референту и его обязательному оппоненту. Дѣло, вслѣдствіе этого, много выигрываетъ въ живости и увлекаетъ остальныхъ студентовъ, готовящихся обыкновенно по данному вопросу и принимающихъ дѣятельное участіе въ дебатахъ.

Но такъ какъ вслѣдствіе ограниченнаго сравнительно числа правительственныхъ семинарій и небольшаго числа принимаемыхъ въ эти семинаріи студентовъ большинство ихъ не могло бы пользоваться ближайшимъ руководствомъ своихъ университетскихъ наставниковъ, почти каждый изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ учреждаетъ такъ-называемыя ученыя общества, дающія возможность всякому студенту, желающему серіозно работать, примкнуть къ тому или другому профессору, чтобы пользоваться его совѣтами и указаніями. „Общества эти, говоритъ г. Георгіевскій,

въ существѣ дѣла, очень мало отличаются отъ семинарій и служатъ какъ бы ихъ расширеніемъ. Разница состоитъ прежде всего въ томъ что семинаріи учреждаются отъ правительства, вслѣдствіе чего профессора руководящіе ими получаютъ за это вознагражденіе, тогда какъ ученыя общества учреждаются самими профессорами безвозмездно; равнымъ образомъ, и студенты, получающіе въ семинаріи хотя и небольшую сумму, въ ученомъ обществѣ, конечно, ничего не получаютъ, но и за посѣщеніе общества, такъ же какъ и въ семинаріи, ничего не платятъ. Далѣе, пріемъ въ ученое обще-

ство не обусловлено никакою письменною работой, но эта разница, въ сущности, почти не существуетъ, такъ какъ если можно быть принятымъ безъ работы, то нельзя оставаться ничего не написавъ въ теченіе перваго же семестра.

Существенная разница между семинаріями и ученымъ обществами заключается сверхъ того въ томъ что въ семинаріяхъ занятія гораздо разнообразнѣе, тогда какъ въ ученыхъ обществахъ они гораздо спеціальнѣе, смотря по тому какой профессоръ ими руководитъ. Это имѣетъ ту хорошую сторону что студенты, вслѣдствіе этого, мѣняютъ общества, и такимъ образомъ профессора знакомятся съ бо́льшимъ количествомъ студентовъ, а студенты, занимаясь каждый разъ подъ руководствомъ спеціалистовъ, имѣютъ возможность расширять и пополнять свои познанія. Что касается, наконецъ, времени занятій, то какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ ученыхъ обществахъ они бываютъ обыкновенно разъ въ недѣлю, продолжаясь два часа, и происходятъ въ самомъ университетѣ.

Такимъ образомъ, благодаря семинаріямъ, просеминаріямъ и ученымъ обществамъ, въ началѣ каждаго семестра студенты сами собою, по своему добровольному выбору и по своей склонности къ той или другой отрасли науки, группируются около одного какого-нибудь профессора (иногда и больше, потому что желающимъ разрѣшается быть членами и двухъ ученыхъ обществъ) и смотрятъ на этого профессора какъ на своего естественнаго руководителя и помощника, къ которому и обращаются, по преимуществу, во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ и сомнѣніяхъ.

Но этимъ отношенія между профессорами и студентами въ Германіи не исчерпываются:

Всякій профессоръ имѣетъ опредѣленный часъ, по возможности, ежедневно, и во всякомъ случаѣ не менѣе 4 разъ въ недѣлю когда всякій студентъ навѣрное можетъ застать его дома и переговорить обо всемъ что́ ему нужно (такъ-называемомъ Sprechstunde). Правомъ этимъ студенты пользуются очень широко, но отнюдь не злоупотребляютъ имъ. Поэтому, студентъ приходитъ къ профессору только по дѣлу, или чтобы выразить ему желаніе поступить въ семинарію, причемъ представляетъ свою работу; или въ его ученое общество, причемъ профессоръ задаетъ ему разные вопросы чтобъ удостовѣриться, насколько онъ способенъ принимать участіе въ занятіяхъ общества, или чтобы посовѣтоваться съ нимъ относительно какихъ-нибудь трудностей по предмету его спеціальности, или чтобы посовѣтоваться въ случаѣ сомнѣнія какія книги онъ считаетъ наилучшими по той или другой отрасли науки, и т. д., и т. д.; и профессора всегда съ величайшею готовностью, хотя бы никогда прежде не видали пришедшаго къ нимъ студента, дѣлаютъ всѣ нужныя указанія и даютъ совѣты.

Чтобъ имѣть, наконецъ, возможность взять на студентовъ, такъ сказать, болѣе душевнымъ образомъ, профессора собираютъ у себя, время отъ времени, студентовъ, преимущественно тѣхъ которыхъ они знаютъ по семинаріямъ или по обществамъ, причемъ главнѣйшимъ образомъ имѣютъ въ виду тѣхъ у кого нѣтъ родныхъ въ томъ городѣ гдѣ университетъ. Для этого они приглашаютъ, обыкновенно, къ обѣду цѣлую компанію студентовъ, которые и засиживаются до самаго вечера (при раннемъ обѣдѣ въ часъ или два) въ бесѣдахъ посвященныхъ преимущественно наукѣ. Тутъ толкуется и о новыхъ открытіяхъ въ какой-нибудь области науки, и о вновь вышедшихъ книгахъ, диссертаціяхъ, программахъ и т. п., объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ; сплошь да рядомъ профессоръ совѣтуетъ студентамъ, имѣющимъ въ виду писать какую-нибудь работу, заняться тѣмъ-то и тѣмъ-то чтобъ опровергнуть какую-нибудь недавно появившуюся книгу, съ результатами которой онъ не согласенъ, и т. д., до безконечности. И часто, когда намъ случалось быть въ числѣ приглашенныхъ, приходило въ голову, когда наконецъ и у насъ въ Россіи профессора сдѣлаются для студентовъ тѣмъ чѣмъ мы видѣли нѣмецкихъ профессоровъ. Это маленькое собраніе студентовъ въ домѣ профессора, въ его семьѣ, такъ всегда напоминало хорошую семейную картину что невольно грустно становилось при воспоминаніяхъ о томъ что и сами мы видѣли въ русскихъ университетахъ, и отъ другихъ слышали.

Подобныя близкія добрыя отношенія между профессорами и студентами установятся, безъ сомнѣнія, и у насъ, какъ скоро профессора будутъ дѣйствительно учителями, руководителями и друзьями юношества, когда студенты перестанутъ смотрѣть на нихъ какъ на экзаминаторовъ, которыхъ можно въ теченіе года и въ глаза не знать, лишь бы къ экзамену вызубрить положенное число литографированныхъ листковъ.

Статья г. Георгіевскаго была встрѣчена очень сочувственно нѣмецкою петербургскою газетой *St.-Petersburger Herold* (№ 188), которая подтвердила что характеристика отношеній существующихъ между германскими профессорами и студентами сдѣлана г. Георгіевскимъ совершенно вѣрно, и высказала желаніе чтобы порядки германскихъ университетовъ вытѣснили собою безобразіе въ русскихъ. Чего бы казалось лучше? Но авторъ нѣмецкой статьи, знакомый съ русскою жизнью, какъ видно, не изъ своихъ наблюденій, а изъ петербургскихъ „передовыхъ“ газетъ, высказываетъ сомнѣніе чтобы новый уставъ принесъ у насъ желанные плоды лока у

насъ будетъ господствовать „всеразлагающій *бюрократизмъ*, неограниченно царящій и въ университетахъ.“

Слово *бюрократія* сдѣлалось съ нѣкоторыхъ поръ модным словомъ у нашихъ „интеллигентовъ“, и можетъ служить хорошимъ примѣромъ того какъ часто эти господа, безо всякаго смысла, кстати и некстати, повторяютъ извѣстныя слова, не вникая въ ихъ значеніе. *Бюрократизмъ* противополагается ими обыкновенно пресловутому „правовому порядку“, и *бюрократизму* приписываются всѣ существующіе и несуществующіе недуги Россіи. Но бюрократизмомъ называется система правленія основанная на строгой централизаціи всѣхъ частей управленія и на крѣпкой дисциплинѣ чиновничьей іерархіи. Безотвѣтное подчиненіе высшему начальству и строжайшая требовательность по отношенію къ подчиненнымъ, вотъ характеристическія черты бюрократизма, который нигдѣ не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣетъ столь широкаго развитія какъ во Франціи, который силенъ и въ Пруссіи, но котораго не оказывается въ Россіи. У насъ, напротивъ, дисциплина не въ чести, и преступная распущенность въ чиновномъ мірѣ слываетъ „либерализмомъ“ и „гуманностью“. Не отъ того дѣла у насъ плохо идутъ что чиновники строго исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности, ловинуясь во всемъ центральной власти, а потому что дѣйствуютъ какъ кому вздумается и какъ кому выгодно. Примѣръ подается на верхнихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

Мы страдаемъ не отъ бюрократизма чиновниковъ, а напротивъ отъ небрежнаго отношенія ихъ къ своимъ обязанностямъ, скрывающагося за рутиннымъ формализмомъ и канцеляризмомъ, которые не одно и то же съ правительственнымъ бюрократизмомъ. И нигдѣ этотъ формализмъ, служащій личиною для апатіи, лѣни или же для своекорыстія, не процвѣтаетъ какъ въ такъ-называемыхъ „свободныхъ учрежденіяхъ“, въ городскихъ и земскихъ управахъ и въ судахъ различныхъ инстанцій. Этотъ формализмъ проникъ и въ то „свободное учрежденіе“ которое охраняется уставомъ 1863 года. Профессора и студенты относятся совершенно безлечно и, какъ говорится, халатно, къ своимъ обязанностямъ; для соблюденія формы читаются лекціи, для формы нѣсколько студентовъ чередуются въ слушаніи лекцій въ пустыхъ аудиторіяхъ, для формы они пишутъ разныя ничтожныя

компиляціи именуемыя громкимъ именемъ „сочиненій“, для формы наконецъ они выучиваютъ наизустъ къ экзаменамъ цѣлую массу quasi-научной белиберды.

Авторъ статьи въ *St.-Petersburger Herold* предсказываетъ что новый уставъ не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ университетской жизни потому что теперешнее поколѣніе профессоровъ не только заражено „бюрократизмомъ“, а еще потому что наши профессора, сверхъ того, дорожатъ орденами и высокими чинами.

На это г. Георгіевскій весьма основательно возражаетъ, въ № 187 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, что въ Германіи профессорское званіе стоитъ очень высоко, а чинами и орденами дорожатъ тамъ еще болѣе чѣмъ у насъ; тамъ можно встрѣтить въ профессорской средѣ не только тайныхъ, но и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, и рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ орденовъ, а нѣкоторые буквально увѣшаны ими: и однако студентъ смѣло идетъ къ профессору, не взирая на его высокій чинъ и ордена, и встрѣчаетъ все тотъ же радушный пріемъ. А потому, со введеніемъ новаго устава, нечего опасаться что чины и ордена нашихъ профессоровъ станутъ помѣхой къ ихъ сближенію со студентами. Правда, отъ одного введенія новаго устава наши университеты не поднимутся въ одинъ мигъ въ уровень университетовъ германскихъ, но за то прекратятся многія изъ существующихъ нынѣ безобразій. Если студентъ будетъ знать что ему при окончаніи университетскаго курса придется сдавать серіозный государственный экзаменъ, не по литографированнымъ лекціямъ, а по заранѣе составленной общенаучной программѣ, и если ему будетъ дана свобода слушать только тѣхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ которые ему будутъ сообщать на своихъ лекціяхъ дѣйствительно полезныя и дѣльныя научныя свѣдѣнія которыхъ потребуетъ отъ него государство, то кто же заставитъ его слушать негодныя лекціи, которыя такимъ образомъ должны будутъ или прекратиться или превратиться въ дѣльныя и соотвѣтствующія уровню современной науки? Если студентъ будетъ знать что отъ него потребуется на экзаменѣ близкое непосредственное знакомство съ избранною имъ научною спеціальностью, то онъ уже ни за что не станетъ тратить время на компиляціи, а обратится къ серіозному изученію самихъ источниковъ науки. При новомъ уставѣ, слѣдовательно, изчезнутъ профессора блестящіе или своимъ отсутствіемъ

на каѳедрѣ, или лоплою, ничего съ наукой не имѣющею общаго болтовней. Невозможны будутъ профессора десятки лѣтъ читающіе по засаленной тетрадкѣ все одинъ и тотъ же давно отлитографированный курсъ. Не мыслимы будутъ также и тѣ профессора новѣйшей формаціи которые, дабы избѣгнуть упрека въ томъ что заставляютъ студентовъ заучивать на память ихъ лекціи, освобождаютъ своихъ слушателей отъ этой работы, а за это на экзаменѣ заставляютъ ихъ прочитывать коротенькіе, на живую нитку сшитые отрывки изъ трехъ, четырехъ книжекъ, подъ видомъ „спеціальныхъ сочиненій“... Не есть ли это систематически организованный научный *развратъ*, пріучающій студентовъ къ фальшивой работѣ? И этому разврату, какъ и многимъ другимъ, *сразу* положитъ конецъ новый уставъ. Дай только Богъ чтобъ онъ опять не застрялъ какъ случилось въ минувшую законодательную сессію...

IV.

Моск. Вѣд. № 180.

Главнымъ предметомъ общаго интереса служатъ въ послѣднее время опасенія вызванныя появленіемъ холеры въ Египтѣ. Это не муха превращенная въ слона, какъ было четыре года тому назадъ въ дѣлѣ Ветлянской „чумы“; тутъ опасность дѣйствительная и тѣмъ болѣе серіозная что именно тѣ въ чьихъ рукахъ принять энергическія мѣры противъ заразы, по меньшей мѣрѣ локализовать ее, предотвратить ея распространеніе, менѣе всѣхъ о томъ думаютъ. О своей небывалой чумѣ мы кричали на весь міръ; не довольствуясь случайнымъ фактомъ мѣстной повальной болѣзни неопредѣленнаго свойства,—которую только страхъ, благо у него глаза велики, да разчитанная на этотъ страхъ злостная тенденціозность могли принимать за „черную смерть“, — мы днемъ съ фонаремъ искали по всей Россіи къ чему бы можно было придраться какъ къ признакамъ воображаемой „моровой язвы“, чтобъ ославить зачумленною всю страну; мы дошли въ этихъ поискахъ до смѣшнаго, до колоссальныхъ нелѣпостей завершившихся знаменитымъ эпизодомъ съ Наумомъ Прокофьевымъ. При такой преувеличенной сторожкости, каждый показавшійся мало-мальски подозрительнымъ случай заболѣванія влекъ за собой принятіе цѣлаго ряда строгихъ

полицейскихъ и медицинскихъ мѣръ; только эти мѣры и были на умѣ у думъ, земствъ, всякихъ обществъ и властей даже тамъ гдѣ не было никакихъ намековъ на заразу. По многимъ отзывамъ, которые доводилось намъ слышать отъ бывшихъ на мѣстѣ лицъ, сама Ветлянка съ ея округомъ пострадала отъ своей чумной охраны едва ли не болѣе чѣмъ отъ мнимой чумы. Не удовольствовавшись посылкой туда особаго генералъ-губернатора съ чрезвычайными полномочіями, мы призвали еще туда блюсти надъ собой международную санитарную коммиссію.... При подобныхъ обстоятельствахъ, при такой мнительной заботливости и бдительности обнаруженныхъ въ Россіи, всѣ внѣ ея предѣловъ могли спать спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ненадобности какихъ-либо дополнительныхъ мѣръ сверхъ тѣхъ какія уже были приняты ею самою. Европейскія страны однако, со включеніемъ даже Турціи, спѣшили одна за другою ограждать себя отъ насъ карантинными заставами; всѣмъ памятны стѣсненія какими отозвалось это на нашихъ торговыхъ интересахъ, унизительныя мытарства какимъ подвергались ѣдущіе изъ Россіи на нѣкоторыхъ нашихъ границахъ. Такъ было при фальшивой тревогѣ; но теперь мы имѣемъ дѣло съ тревогой не фальшивою, а вполнѣ основательною, дѣло идетъ не о мнимой чумѣ, а о настоящей индійской холерѣ. Извѣстна болѣзнь, извѣстны пути которыми пришла она въ Египетъ, извѣстно ея гнѣздо откуда она всегда распространяется. Бенгалъ состоитъ болѣе чѣмъ подъ вѣковымъ владычествомъ Англіи, она же господствуетъ на всѣхъ путяхъ отъ Индіи до Суэза и въ самомъ Египтѣ. Но, вмѣсто того чтобъ обезлечить міръ отъ своего холернаго царства, Англичане, равнодушно относясь къ распространяемой изъ ихъ владѣній заразѣ, не дѣлая ничего въ видахъ ея пресѣченія, заботятся лишь о томъ чтобы скрыть отъ другихъ положеніе дѣла, убѣждая ихъ что и холеры де нѣтъ, и думать де о ней нечего.

Разныя правительства начинаютъ принимать мѣры къ огражденію своихъ странъ отъ посѣщенія страшной индійской гостьи; то тамъ, то тутъ установляются нѣкоторыя мѣры карантинной предосторожности. Но такія ли это мѣры на которыхъ бы можно было успокоиться? Тѣ ли это мѣры какія четыре года тому назадъ принимались относительно Россіи? Какъ будто оставляемые безо всякаго санитарнаго надзора Индія и Египетъ представляютъ для Европы ничуть

не бо́льшую опасность чѣмъ оцѣпленная со всѣхъ сторонъ Ветлянка!

Вслѣдъ за другими принимаются мѣры предосторожности и у насъ. Правленіемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли и другихъ обществъ содержащихъ срочныя сообщемежду Черноморскими портами, Константинополемъ и Египетскими портами, вмѣнено въ обязанность, на время холерной эпидеміи, имѣть судовыхъ врачей. Пароходамъ Добровольнаго Флота, ло лути въ Великій Океанъ, запрещено останавливаться въ тѣхъ египетскихъ портахъ гдѣ обнаружилась холера. Русскимъ подданнымъ изъ мусульманъ отправляющимся на поклоненіе въ Мекку пріостановлена выдача заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, установлена семидневная карантинная обсервація по отношенію ко всѣмъ мореходнымъ судамъ приходящимъ въ наши Черноморскіе порты изъ Египетскихъ и другихъ портовъ Средиземнаго и Чернаго морей *съ патентомъ не чистымъ по азіятской холерѣ*. Далѣе этого мѣры предосторожности нейдутъ. Съ нѣкоторою неизбѣжною стѣснительностью ихъ слѣдуетъ мириться; но стѣснительныя для многихъ судовъ идущихъ изъ совершенно благополучныхъ портовъ Чернаго и обширнаго Средиземнаго моря и потому не догадавшихся запастись *чистымъ* по азіятской холерѣ патентомъ, эти мѣры могутъ оказаться недѣйствительными именно тамъ гдѣ онѣ всего нужнѣе, освобождая отъ карантиннаго надзора суда наиболѣе способныя занести заразу, но запасшіяся *чистыми* патентами, что̀ не трудно, ибо, какъ официально заявлено французскимъ министромъ торговли, „у англійскихъ морскихъ властей вошло въ обычай выдавать британскимъ судамъ чистыя свидѣтельства даже въ томъ случаѣ когда они идутъ изъ зараженныхъ холерой портовъ“. Въ виду такого обычая, въ виду явнаго вмѣстѣ съ тѣмъ желанія Англіи замаскировать и замять опасность заразы, можно ли довольствоваться одною формальною чистотой патента, и основательно ли считать подозрительными не-англійскіе средиземные порты, считая въ то же время благополучными внѣсредиземные англійскіе порты, куда свободно приходятъ суда, и изъ Индіи, и изъ Суэза, и изъ Египта? Эти суда также способны занести заразу въ Балтійское море какъ и въ Черное. О самихъ себѣ Англичане конечно позаботятся. Въ самомъ холерномъ гнѣздѣ, въ Индіи предоставляя мѣстнымъ

населеніямъ умирать милліонами отъ эпидемій, Англичане умѣютъ ставить себя въ благопріятныя санитарныя условія; они думаютъ о санитарномъ обезпеченіи своего десанта въ Египтѣ, они сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи что найдутъ нужнымъ и для самой Англіи; но какъ мало заботятся они о томъ чтобы зараза не была разносима изъ Индіи и Египта, также мало позаботятся они чтобъ она не могла быть занесена и изъ собственно британскихъ портовъ, а пожалуй еще постараются прямо направить въ чужія гавани прибывшій къ нимъ подозрительный корабль, дабы и себя уберечь и торговый интересъ соблюсти. Серіозными предохранительными мѣрами противъ заразы, полагаемъ, были бы лишь такія которыя могли бы побудить Англію къ инымъ санитарнымъ взглядамъ на ея владѣнія, которыя ввели бы заботу о пресѣченіи эпидемій въ кругъ ея экономическихъ интересовъ. Сама не принимая необходимыхъ санитарныхъ мѣръ, она теперь протестуетъ и противъ общей, международной заботливости даже на почвѣ Египта который юридически все-таки еще не принадлежитъ ей, и гдѣ неумѣстная и ненужная въ Ветлянкѣ дѣятельность международной санитарной коммиссіи была бы и у мѣста, и полезна. Но можетъ-быть англійскія воззрѣнія во многомъ и значительно измѣнились бы еслибъ ея вредная для всѣхъ небрежность вызвала со стороны всѣхъ общія и повсемѣстныя стѣснительныя для всего британскаго карантинныя мѣры. А пока этого нѣтъ, нѣтъ у нея и побужденій быть сговорчивою въ общемъ дѣлѣ.

Благодаря англійскому своекорыстному противодѣйствію, трудно полагаться на дѣйствительность одного пограничнаго, не повсемѣстнаго и далеко не совершеннаго надзора. Пока у насъ, слава Богу, холеры нѣтъ, однако не худо заранѣе подумать о мѣрахъ борьбы съ нею въ случаѣ ея появленія. Казалось бы послѣ всѣхъ набатовъ которые повторялись у насъ по поводу то Ветлянской чумы, то дифтерита и иныхъ повѣтрій, послѣ всѣхъ думскихъ, земскихъ и иныхъ совѣщаній по этому предмету, санитарныя средства борьбы противъ эпидемій давно уже должны были принять у насъ надлежащую организацію. То ли видимъ на дѣлѣ? Сдѣлано ли хотя самое необходимое для борьбы съ эпидеміями, не говоря о другихъ мѣстностяхъ, хотя бы въ столицахъ, какъ, напримѣръ, въ Москвѣ? Дознано что источникъ холерной заразы заключается въ холерныхъ экскрементахъ. Что же?

Какъ въ былые холерные годы, такъ и нынѣ, Москва, при двойномъ и тройномъ противъ прежняго населенія, остается окруженною кольцомъ тѣсно примыкающихъ къ ней мѣстъ для свалки нечистотъ, остается при прежней системѣ неполнаго удаленія ихъ изъ города, при прежнемъ неимѣніи надлежащей канализаціи. Не только ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано, но ничему не положено даже и начала. Не поведетъ ли нынѣшняя холерная тревога къ чему-нибудь дѣльному въ этомъ отношеніи, къ подготовкѣ такого санитарнаго положенія при которомъ можно было бы менѣе страшиться всякихъ эпидемій? Или же все попрежнему ограничится только обильными словоизліяніями въ нашихъ многочисленныхъ говорильняхъ?

Моск. Вѣд. № 184.

При Медицинскомъ Департаментѣ, какъ сообщено въ газетахъ, учреждена особая коммиссія для принятія энергическихъ мѣръ противодѣйствія на случай занесенія холерной эпидеміи въ предѣлы Россіи. Обдумать такія мѣры и заблаговременно подготовить средства къ дѣйствительному ихъ исполненію тѣмъ нужнѣе чѣмъ очевиднѣе шаткость и недостаточность пограничной охраны противъ занесенія къ намъ заразы, и чѣмъ тревожнѣе становятся замѣчаемые почти повсемѣстно признаки указывающіе на общее предрасположеніе къ холерѣ въ случаѣ ея появленія. Еще недавно въ ряду болѣзней оканчивающихся смертью, если не первое то одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали болѣзни тифозныя; теперь тифъ, по приходящимъ отовсюду извѣстіямъ, повсемѣстно ослабѣлъ, а на первый планъ выступили желудочно-кишечныя разстройства и участились смертные случаи отъ поноса со рвотой. Это замѣчено и въ Россіи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи.

Очень бояться, конечно, не слѣдуетъ и, какъ замѣчено, чрезмѣрный страхъ болѣзни можетъ увеличивать воспріимчивость къ ней и содѣйствовать ея усиленію; но береженаго и Богъ бережетъ. Холерныя эпидеміи не новость; онѣ повторялись не разъ. Медицина не остается теперь совершенно безсильною и безоружною предъ невѣдомою ей болѣзнью. Въ теченіе полувѣка успѣли въ достаточной мѣрѣ выработаться и профилактическія средства, и способы лѣченія болѣзни, которая во множествѣ случаевъ уступаетъ ему когда меди-

цинская помощь является своевременно. Въ этомъ успѣли убѣдиться и населенія, которыя нынѣ уже не чуждаются лѣченія и лѣкарствъ, какъ бывало пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ нужнѣе подручность врачебнаго пособія и возможно бо́льшая доступность лѣкарствъ. Послѣднее быть-можетъ еще нужнѣе чѣмъ первое. Число медиковъ и фельдшеровъ разсѣянныхъ по всей странѣ нынѣ во много разъ превосходитъ то какимъ населенія должны были довольствоваться еще въ недавнее время; кромѣ лицъ медицинскаго персонала, во многихъ случаяхъ полезные медицинскіе совѣты относительно профилактическихъ мѣръ и средствъ первоначальнаго до прибытія врача лѣченія могутъ быть даваемы простому люду многими ломѣщиками и священниками. Но далеко не въ той же мѣрѣ какъ медицинскіе совѣты доступна возможность ими пользоваться. И число мѣстъ продажи лѣкарствъ очень ограничено, и самыя лѣкарства неломѣрно дороги. Благодаря уцѣлѣвшимъ отъ старыхъ временъ порядкамъ, у насъ господствуетъ аптека для богатыхъ, pharmacie de luxe, но нѣтъ такой которая была бы по силамъ всѣхъ нуждающихся.

Было время когда вопросъ объ удешевленіи лѣкарственныхъ средствъ не имѣлъ особенно важнаго значенія, когда лѣчились преимущественно образованные, болѣе или менѣе состоятельные классы, а простой бѣдный людъ бѣжалъ отъ врачей и лѣкарствъ, боясь ихъ чуть ли не больше самихъ болѣзней. При малочисленности разбросаннаго по странѣ лѣчащагося люда, при маломъ сбытѣ лѣкарствъ, аптекарскій промыселъ могъ держаться только помощью искусственной дороговизны, обезпеченной привилегіями не допускающими конкурренціи которая могла бы вести къ удешевленію. Но съ теченіемъ времени обстоятельства совершенно измѣнились, и порядки вызванные былыми, не существующими болѣе условіями, давно уже стали анахронизмомъ. Вмѣсто прежней горсти лѣчащихся, нынѣ таковыхъ оказываются массы, которыя съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ своей численности. При ежегодно возрастающемъ спросѣ на лѣкарства, на ряду съ аптеками и вопреки всѣмъ предоставленнымъ имъ привилегіямъ, образовалась особая обширная отрасль торговли аптекарскими матеріалами съ оборотомъ на многіе милліоны, привлекшая къ себѣ крупные капиталы и дающая занятіе множеству рукъ какъ по фабрикаціи, такъ

и по сбыту этихъ матеріаловъ. Вмѣсто прежнихъ двухъ-трехъ аптекарскихъ магазиновъ въ столицахъ, теперь они считаются десятками и имѣются не только въ столицахъ, но чуть не во всѣхъ крупныхъ городахъ. Возможно большее развитіе этой отрасли торговли, идущее на встрѣчу народной нуждѣ, какъ нельзя болѣе желательно. Аптекарскіе магазины, конечно, не могутъ возникнуть у всѣхъ подъ рукой, но коммиссіонная продажа сбываемыхъ ими медикаментовъ, снабженныхъ ихъ этикетами, возможна въ каждой мелочной лавкѣ, также какъ продажа табаку и папиросъ разныхъ фабричныхъ фирмъ. Но такому развитію торговли аптекарскими матеріалами препятствуетъ система аптечныхъ привилегій.

При Медицинскомъ Департаментѣ организована особая коммиссія для обсужденія мѣръ на случай холеры; при томъ же Департаментѣ организуется коммиссія для установленія правилъ торговли аптекарскими матеріалами. Если вѣрить слухамъ, то составъ этой коммиссіи не оставляетъ желать ничего лучшаго съ точки зрѣнія привилегированныхъ аптекарей, но всѣ иные интересы, какъ обширной внѣ-аптечной торговли медикаментами такъ и тѣхъ кому медикаменты нужны, совсѣмъ не имѣютъ представителей въ этой коммиссіи, развѣ только приглашенный къ участію въ ней директоръ Департамента Мануфактуръ и Торговли, г. Ермаковъ, порадѣетъ о русской пользѣ. Содержатели аптекъ представили соображеніе по обсуждаемому предмету; но было бы полезно обратиться съ вопросомъ къ аптекарскимъ магазинамъ, къ медицинскимъ корпораціямъ, къ земскимъ управамъ, которыя являются нынѣ покупщиками аптекарскихъ матеріаловъ на многія сотни тысячъ и милліоны рублей. Едва ли привилегированные аптекари могутъ быть единственными экспертами въ дѣлѣ отъ котораго они наживаются. Во всякомъ случаѣ содержатели аптекарскихъ магазиновъ такіе же фармацевты, съ такими же университетскими дипломами, какъ и содержатели аптекъ, и отличаются отъ нихъ лишь тѣмъ что ихъ личные интересы пойдутъ наперекоръ общимъ интересамъ удешевленія простыхъ и общедоступныхъ медикаментовъ.

Аптекарскія привилегіи повсюду признаются вредными, и уже не много осталось странъ гдѣ онѣ не упразднены помощью выкупа или иными средствами. Но и тамъ гдѣ эти привилегіи еще остаются въ силѣ, напримѣръ въ Германіи,

на ряду съ ними предоставляется внѣ аптечной торговлѣ медикаментами большое распространеніе и широкая свобода. У насъ же это дѣло понынѣ стѣснено правилами установленными въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, которыя могли соотвѣтствовать тогдашнему времени, но съ тѣхъ поръ во многомъ утратили всякій смыслъ. Многое что считалось прежде исключительною спеціальностью аптекъ и изготовлялось въ нихъ помощью провизорскихъ манипуляцій стало изготовляться фабричнымъ способомъ и перешло въ область обыкновенной промышленности. Многіе медикаменты изготовляемые заграничными фармацевтами и дрогистами фабричнымъ способомъ невозбранно ввозятся въ Россію и продаются въ ней; но изготовленіе такихъ же медикаментовъ внѣ аптекъ русскими фармацевтами остается у насъ подъ запретомъ. Измѣнить постановку этого дѣла давно стало необходимостью, но едва ли отъ привилегированныхъ и не дешево купившихъ свои привилегіи аптекарей можно ожидать совѣта какъ устроить это дѣло въ общемъ, а не въ исключительно аптечномъ интересѣ. Этотъ вопросъ заслуживалъ бы полнаго вниманія и помимо случайно возникшихъ опасеній эпидеміи. Но при одновременномъ обсужденіи, съ одной стороны, мѣръ для борьбы съ холерой, съ другой, вопроса о постановкѣ торговли медикаментами, было бы печально еслибъ одна рука противодѣйствовала усиліямъ другой.

V.

Моск. Вѣд. № 188.

Въ виду занятій открывшагося съ 1 іюля желѣзнодорожнаго съѣзда въ Москвѣ отъ значительной части нашей рельсовой сѣти мысль невольно обращается на общіе вопросы о нашихъ по этой части порядкахъ. Нынѣшній московскій съѣздъ не представляетъ собой чего-нибудь экстреннаго, это обычный съѣздъ представителей второй группы желѣзныхъ дорогъ, счетомъ пятьдесятъ девятый въ теченіе тринадцати лѣтъ; приблизительно по стольку же съѣздовъ было въ тотъ же періодъ времени и по прочимъ группамъ дорогъ, и сверхъ того собиралось не мало общихъ съѣздовъ ото всей сѣти. Къ этимъ своеобразнымъ желѣзнодорожнымъ сеймамъ и сеймикамъ всѣ давно успѣли присмотрѣться и привыкнуть; но что представляютъ они собой на самомъ дѣлѣ?

О чемъ идетъ рѣчь на этихъ съѣздахъ, по какимъ вопросамъ постановляются на нихъ рѣшенія? По предметамъ ли только спеціальной желѣзнодорожной техники? Нѣтъ, тутъ обсуждаются и рѣшаются вопросы о судьбахъ производства и сбыта разныхъ продуктовъ страны по которой пролегаютъ желѣзныя дороги. На нынѣшнемъ московскомъ съѣздѣ идетъ, напримѣръ, рѣчь о соли, каменномъ углѣ, нефти, спиртѣ, табакѣ, фруктахъ и т. д. Тѣ или иныя рѣшенія съѣзда болѣе или менѣе серіозно отзовутся на всей соленой, каменноугольной, нефтяной, винокуренной, табачной, садоводственной промышленности. Всѣ интересы связанные съ этими и другими отраслями промышленности находятся въ прямой зависимости отъ благоусмотрѣнія и желѣзнодорожныхъ съѣздовъ, и управленій отдѣльныхъ дорогъ, и отъ случайнаго настроенія ихъ представителей. Тутъ все зависитъ отъ установленія тарифовъ, условій передвиженія грузовъ. Захотятъ управленія желѣзныхъ дорогъ, любой мѣстный продуктъ можетъ получить болѣе широкое распространеніе, большій сбытъ даже на далекихъ отъ мѣста производства разстояніяхъ; не захотятъ, и ихъ тарифы получатъ значеніе внутреннихъ заставъ стѣсняющихъ движеніе и понуждающихъ товары идти дальнимъ и обходнымъ путемъ. Соль, напримѣръ, могла бы идти съ востока на западъ прямымъ путемъ, могла бы продаваться въ западныхъ губерніяхъ по удешевленной цѣнѣ; но одна изъ дорогъ по которымъ она должна пройти въ этомъ направленіи желаетъ держаться высокаго провознаго соляного тарифа и вслѣдствіе этого соль чтобы проникнуть съ южной Волги на западъ, должна прежде подняться на сѣверъ, къ Нижнему Новгороду. Не захочетъ какая-нибудь дорога устроить ускоренное движеніе для фруктовъ, тотчасъ же явится застава преграждающая ихъ распространеніе, а стало-быть и производство. Точно такъ же какъ соль и фрукты, желѣзнодорожныя управленія держатъ въ своихъ рукахъ судьбы и каменноугольнаго и всякихъ иныхъ производствъ. Не имъ дѣло разбирать хорошо или дурно этимъ производствамъ. На свои съѣзды они собираются чтобы сговориться и стакнуться по разнымъ частямъ своего извознаго промысла. На сходку обыкновенныхъ извощиковъ для стачки относительно эксплуатаціи пассажировъ и отправителей клади каждый посмотрѣлъ бы подозрительно, счелъ бы ее за злоупотребленіе; но такая

же сходка извощиковъ желѣзнодорожныхъ, съ точно такими же цѣлями и имѣющая несравненно большее значеніе для громаднаго пассажирскаго и товарнаго движенія, считается въ порядкѣ вещей. Желѣзнодорожники, de facto распоряжающіеся какъ господа народно-хозяйственными интересами, какъ бы признаются таковыми ихъ господами и de jure.

Но при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти нигдѣ не имѣлось въ виду создать особый классъ господъ распорядителей народно-хозяйственной жизни. О закрѣпленіи общихъ экономическихъ интересовъ частному никто не думалъ; всѣ полагали что желѣзныя дороги будутъ играть въ жизни такую же служебную роль какъ почты и телеграфы. Мы нажили себѣ въ желѣзныхъ дорогахъ управителей и законодателей нежданно, негаданно. Случилось это какъ бы само собою, помимо чьихъ-либо намѣреній и разчетовъ, но положеніе къ которому привела насъ исторія желѣзнодорожнаго дѣла не становится отъ того лучшимъ. Можно было не предвидѣть что постановка дѣла въ желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ и уставахъ поведетъ ко вреднымъ послѣдствіямъ, но когда эти послѣдствія обозначились, нельзя не думать о средствахъ освободить народное хозяйство отъ произвола частныхъ компаній, положивъ конецъ безконечной тарифной игрѣ. Въ Германіи объ этомъ уже подумали; тамъ дѣло выкупа желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ въ казну близится къ концу. Приступать къ тому же у насъ тѣмъ удобнѣе что, во-первыхъ, мы можемъ тутъ пользоваться указаніями сдѣланнаго по сосѣдству опыта, а во-вторыхъ, потому что по многимъ линіямъ уже наступилъ или наступаетъ срокъ ихъ выкупа согласно концессіямъ и уставамъ. Моментъ перехода рельсовыхъ путей изъ частныхъ рукъ въ казну наступаетъ самъ собой, и нужна только добрая воля воспользоваться имъ чтобы дать желѣзнымъ дорогамъ подобающее имъ полезное служебное значеніе на ряду съ почтами и телеграфами, какого онѣ никогда не могутъ получить оставаясь въ частномъ управленіи, для котораго свой интересъ стоитъ впереди.

Воспользоваться удобнымъ моментомъ для постепеннаго и скораго перехода желѣзныхъ дорогъ въ казну препятствуетъ единственно сомнѣніе въ томъ чтобы казенное хозяйство на желѣзныхъ дорогахъ могло идти успѣшно. У насъ господствуетъ, можно сказать, безотчетная боязнь всякаго

казеннаго управленія, всякаго казеннаго хозяйства. Подверженные этой боязни ссылаются обыкновенно въ свое оправданіе на разные факты выставляющіе казенное хозяйство дѣйствительно въ некрасивомъ видѣ. Но въ мірѣ все относительно, и хорошее и дурное. Не мало дурнаго въ казенномъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, но не много хорошаго и въ частномъ, и если взвѣсить выгоды и невыгоды того и другаго, едва ли за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ оказались бы серіозныя преимущества. И при казенномъ, и при частномъ хозяйствѣ желѣзныя дороги одинаково управляются и эксплуатируются наемнымъ персоналомъ, и мало разницы въ томъ кѣмъ нанимается этотъ персоналъ, государствомъ или акціонерами. Степень способностей, усердія и честности этого персонала не стоитъ въ прямой зависимости отъ полученія имъ содержанія изъ акціонерной кассы. Разныя злоупотребленія съ цѣлью незаконной наживы не разъ замѣчались при казенномъ хозяйствѣ, но едва ли они въ меньшемъ ходу и въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Не окупали сами себя желѣзныя дороги находившіяся въ казенномъ управленіи, но не окупаетъ себя и вся желѣзнодорожная сѣть, ежегодно требующая отъ казны громадныхъ приплатъ на покрытіе своихъ дефицитовъ. Вообще акціонерное желѣзнодорожное хозяйство едва ли чѣмъ можетъ похвалиться предъ казеннымъ, и сторонники перваго, порицатели втораго, полагаемъ, были бы не мало затруднены еслибъ ихъ попросили подробно и обстоятельно указать въ чемъ измѣнилось бы къ худшему желѣзнодорожное дѣло еслибъ оно вмѣстѣ съ существующимъ служебнымъ персоналомъ перешло изъ вѣдѣнія акціонеровъ въ вѣдѣніе государства. Относительно разныхъ улучшеній по желѣзнодорожной части при частномъ хозяйствѣ почти постоянно требуются правительственныя понужденія на которыя дороги обыкновенно туго подаются, стараясь при всякомъ случаѣ выторговывать себѣ казенныя приплаты, и въ дѣлѣ такихъ улучшеній, замѣна частнаго хозяйства казеннымъ была бы лишь устраненіемъ постоянно задерживающаго ихъ тормоза. Но, что̀ самое главное, тарифныя ставки при казенномъ управленіи не были бы предметомъ игры, не находились бы въ зависимости отъ интереса частныхъ лицъ или акціонерныхъ компаній, но опредѣлялись бы правительствомъ сообразно именно тѣмъ экономическимъ интересамъ и надоб-

ностямъ ради которыхъ желѣзныя дороги строились, ради которыхъ государствомъ затрачены многія сотни милліоновъ. Частныя управленія распоряжаются не только своими интересами, что въ порядкѣ вещей, но и интересами цѣлой страны, что уже ни съ чѣмъ несообразно и ни къ чему хорошему вести не можетъ. При казенномъ хозяйствѣ управляющіе завѣдывали бы лишь дорогами, не противополставляя своихъ тарифныхъ разчетовъ государственнымъ. При частномъ же распоряженіи желѣзными дорогами, ихъ антагонизмъ многимъ общимъ экономическимъ интересамъ бываетъ часто необходимостью. Для всякаго частнаго желѣзнодорожнаго управленія интересъ его дороги естественно стоитъ впереди всякаго другаго: пусть проигрываютъ другія дороги, пусть проигрываетъ хотя бы вся рельсовая сѣть, пусть терпятъ неудобства и ближнія, и дальнія мѣстности и наконецъ вся страна, лишь бы не была въ накладѣ и выигрывала бы завѣдуемая правленіемъ дорога. Только дѣйствуя такимъ образомъ правленіе оправдываетъ довѣріе своихъ довѣрителей, акціонеровъ; поступать иначе, жертвовать интересами своихъ довѣрителей общему благу было бы со стороны желѣзнодорожныхъ правленій нарушеніемъ ихъ прямыхъ обязанностей. Этого нельзя упускать изъ вида при сужденіяхъ о разныхъ невыгодныхъ для публики условіяхъ которыя зачастую постановляются то отдѣльными дорогами, то съѣздами отъ желѣзныхъ дорогъ. Во многихъ случаяхъ винить тутъ желѣзнодорожныя компаніи было бы несправедливостью. Но невыгодныя для публики условія не становятся отъ того выгодными, и не вина людей, нельзя не желать такого преобразованія желѣзнодорожныхъ порядковъ чтобъ управленія дорогъ не имѣли побужденій идти при разныхъ обстоятельствахъ въ разрѣзъ и наперекоръ общимъ выгодамъ. Но можетъ ли быть вполнѣ устраненъ этотъ вредный антагонизмъ пока дороги остаются въ частномъ владѣніи, пока онѣ не перейдутъ въ собственность государства?

VI.

№ 181 *Mock. Вѣд.*

Въ официозной сербской газетѣ *Видело* напечатано за подписью настоятеля Сербскаго подворья въ Москвѣ, игумена Ѳеофила, весьма странное письмо. Настоятель подворья счелъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія что

онъ, *вопреки запрещенію московскихъ духовныхъ властей*, поминаетъ на литургіи еще непризнаннаго Русскою церковью, новоназначеннаго сербскаго „митрополита“ Ѳеодосія Мраовича, и что онъ поступаетъ такъ не по приказанію сербскаго посланника Хорватовича, а добровольно. Письмо это гласитъ: „Въ нумерѣ 60 *Сербской Независимости* напечатана лживая статья касательно поминанія въ Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ новаго сербскаго митрополита владыки Ѳеодосія. Неправда будто г. Хорватовичъ (сербскій посланникъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время коронаціонныхъ праздненствъ) приказалъ дьякону или кому другому поминать владыку митрополита Ѳеодосія. Подобное распоряженіе со стороны г. Хорватовича было бы совершенно излишне, ибо митрополита Ѳеодосія стали поминать еще до пріѣзда г. Хорватовича. Имя митрополита поминается, какъ и во всѣхъ церквахъ королевства Сербіи, по его собственному, митрополита, распоряженію... Правда что здѣшняя высшая духовная власть воспретила поминать владыку Ѳеодосія и что меня по этому дѣлу вызывалъ и г. оберъ-прокуроръ Св. Синода; но подворье Сербское должно было поминать своего митрополита котораго призналъ и избраніе коего утвердилъ самъ король, а мы какъ Сербы и сербскіе подданные должны вездѣ покоряться волѣ короля и сербскимъ законамъ“...

Сказанное въ этомъ письмѣ есть неправда.

Мраовичъ послѣ своего назначенія митрополитомъ, дѣйствительно, прислалъ письмо въ коемъ предписывалъ чтобъ его поминали при богослуженіи; но митрополитъ Московскій не находилъ возможнымъ дозволить чтобы въ Москвѣ поминалось имя Ѳеодосія Мраовича котораго Русская церковь не знаетъ, и отказалъ въ разрѣшеніи за которымъ настоятель подворья обращался къ высокопреосвященному Іоанникію. Архимандритъ Ѳеофилъ, слывшій приверженцемъ митрополита Михаила, покорился этому окончательному для него рѣшенію, и *до самаго пріѣзда Хорватовича* не поминалъ ни митрополита Михаила, ни Мраовича. Но г. Хорватовичъ, прибывъ 9 мая въ Москву, объявилъ ему предписаніе сербскихъ властей поминать Мраовича. Пришлось снова обратиться къ митрополиту Московскому, причемъ *снова* послѣдовалъ отказъ. На этотъ *вторичный отказъ* Хорватовичъ также не счелъ нужнымъ обратить вниманія. На слѣдующій день, въ русской церкви, состоящей въ Московской епархіи,

въ противность распоряженію московской епархіальной власти и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, былъ на ектиньѣ ломаютъ Ѳеодосій Мраовичъ и затѣмъ ломинается ло сіе время.

Все вышесказанное мы знали въ свое время изъ перваго источника, то-есть отъ самого игумена.

Почему ни духовная, ни свѣтская власть наша не приняла немедленно мѣръ противъ своеволія „представителя королевства Сербіи", это намъ неизвѣстно. Торжественные дни Священнаго Коронованія были быть-можетъ моментомъ для этого неудобнымъ. Но пора бы кажется внушить Сербскому правительству что православныя церкви въ Россіи находятся въ вѣдѣніи Св. Синода, и что въ нихъ не можетъ распоряжаться Сербское правительство или его представители, хотя бы они были, какъ г. Хорватовичъ, римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Настоятель Сербскаго подворья въ Москвѣ ни подъ какимъ видомъ и ни по чьему приказанію, не можетъ нарушать законы страны его пріютившей и оказывать сопротивленіе властямъ подъ покровительствомъ которыхъ находится. Онъ имѣлъ одинъ правильный исходъ изъ своего затрудненія—прекратить богослуженіе въ церкви подворья впредь до разъясненія дѣла. Прискорбнѣе всего то что сербскій игуменъ въ Москвѣ не только ослушался Русскаго правительства, но и продолжаетъ ослушаться, да еще похваляется этимъ. Прискорбно видѣть такой упадокъ авторитета русской власти...

Моск. Вѣд. № 203.

Въ газетѣ *Видело*, органѣ нынѣшняго сербскаго министерства, на дняхъ появилась замѣтка, имѣющая повидимому цѣлью доказать что въ Москвѣ есть какая-то сербская юрисдикція. Недѣли двѣ тому назадъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, вкратцѣ излагалась исторія о безчинномъ поступкѣ настоятеля здѣшняго Сербскаго подворья. Онъ обращался дважды къ митрополиту Московскому съ вопросомъ поминать ли ему во время богослуженія новопоставленнаго митрополита Сербскаго, Ѳеодосія Мраовича, и оба раза получилъ отрицательный отвѣтъ. Игуменъ Ѳеофилъ сперва намѣревался покориться этому обязательному для него рѣшенію, но по настоянію сербскаго посланника Хорватовича сталъ поминать своего

митрополита, а слустя нѣсколько времени позволилъ себѣ напечатать въ органѣ Сербскаго кабинета сообщеніе, въ коемъ похваляется своимъ неловиновеніемъ и вмѣняетъ его въ заслугу себѣ. При этомъ газета *Видело* задалась странною мыслью доказать что московская епархіальная власть не имѣла права вступаться въ дѣла московскаго отдѣленія „независимой Сербской церкви". „У Русскихъ, такъ мудрствуетъ сербская офиціозная газета, есть не мало храмовъ внѣ предѣловъ Россіи, которые находятся подъ вѣдѣніемъ ея церкви. Что бы сказали они еслибъ иностранныя правительства вдругъ запретили русскимъ священникамъ за границей поминать то духовное русское начальство которое признается Русскимъ Царемъ, Русскимъ духовенствомъ, Русскимъ правительствомъ?... Мы (то-есть Сербское правительство) находимся въ такомъ же положеніи." Сербская церковь пользуется де полною независимостью, и Русскіе должны де *прежде другихъ къ этому привыкнуть* и съ этимъ примириться. Газета доказываетъ что никто не имѣетъ права настаивать чтобы въ Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ не дѣлалось того же что и во всѣхъ другихъ сербскихъ церквахъ... „Дѣйствія Сербской церкви, восклицаетъ бѣлградскій публицистъ, не требуютъ одобренія со стороны Россіи. Мы сумѣемъ сохранить свою церковную и государственную независимость во всей ея неприкосновенности!"

Такого нежеланія понять настоящее положеніе Сербскаго подворья нельзя было ожидать въ органѣ, однимъ изъ главныхъ заправилъ коего состоитъ возбудитель пресловутой „культурной борьбы" въ Сербіи, министръ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, Стоянъ Новаковичъ. Сравнивать положеніе Сербскаго подворья въ Москвѣ съ положеніемъ посольскихъ *экстерриторіальныхъ* церквей поистинѣ наивно. Неужели въ Бѣлградѣ не знаютъ что церковь при Сербскомъ подворьѣ есть чисто-русская церковь и находится въ полномъ вѣдѣніи Московскаго митрополита? Посольской, экстерриторіальной Сербской церкви въ Москвѣ нѣтъ и никогда не было. Есть одна изъ московскихъ церквей въ коей разрѣшено служить сербскимъ духовнымъ лицамъ вмѣстѣ съ русскими. Въ такой церкви трудно было допустить поминаніе, въ качествѣ святителя, лица русскимъ духовнымъ властямъ совершенно неизвѣстнаго, особенно при слухахъ о безпорядкахъ въ Сербской церкви, о фактическомъ перерывѣ ея существованія,

вслѣдствіе удаленія *всѣхъ безъ исключенія* епископовъ, и о состоявшемся затѣмъ нареченіи новаго митрополита какимъ-то сборищемъ, коего каноническая правильность, по малой мѣрѣ, сомнительна. Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ митрополитъ Московскій, до разъясненія дѣла, разрѣшить поминаніе неизвѣстнаго Мраовича, какъ православнаго іерарха, въ одномъ изъ московскихъ храмовъ при общественномъ богослуженіи?

Замѣчательно что органъ Сербскаго правительства, оспаривающій у русскихъ духовныхъ властей принадлежащее имъ право, находилъ однако естественнымъ и въ порядкѣ вещей что настоятель подворья обратился къ митрополиту Московскому за *разрѣшеніемъ* поминать въ церкви новаго сербскаго митрополита. Если разрѣшеніе это было необходимо, если господа сербскіе министры сами не усмотрѣли въ этомъ нарушенія невѣдомыхъ въ Россіи верховныхъ правъ Сербскаго подворья въ Москвѣ, то очевидно что они понимаютъ характеръ отношеній между настоятелемъ Сербскаго подворья и московскимъ епархіальнымъ начальствомъ, и должны также понять что игуменъ Ѳеофилъ нарушившій запрещеніе компетентной власти кругомъ виновенъ. Надобно при этомъ замѣтить что до послѣдняго времени офиціозная сербская газета настойчиво распространяла ложный слухъ будто русскія духовныя власти *разрѣшили* поминать въ Москвѣ Мраовича.

Неповиновеніе игумена Ѳеофила законной церковной власти не осталось безнаказаннымъ. Онъ устраненъ отъ богослуженія и уже выѣхалъ изъ Россіи; совершеніе богослуженія въ церкви, предоставленной подворью, возложено на одного изъ здѣшнихъ монаховъ. Австрійскія газеты, узнавъ объ этомъ распоряженіи чисто церковнаго характера, не замедлили придать ему политическое значеніе. *Пештскій Ллойдъ* и другіе покровители нынѣшняго сербскаго кабинета толкуютъ о „насиліи русскихъ властей надъ Сербскою церковью“. *Видело,* въ послѣднемъ полученномъ нумерѣ, высказывается въ томъ же смыслѣ, хотя въ менѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Австрійскимъ газетамъ простительно не понимать отношеній между русскими духовными властями и находившимися въ Москвѣ сербскими монахами, но отъ офиціозной сербской газеты можно бы ожидать бо́льшаго пониманія дѣла и большей добросовѣстности.

Моск. Вѣд. № 175.

Главное вниманіе австрійскихъ газетъ обращено на Румынію. Недѣли двѣ тому назадъ, въ Яссахъ, состоялось торжественное открытіе памятника Стефану Великому, причемъ присутствовали делутаціи изо всѣхъ концовъ Румыніи, всѣ министры и самъ король. На торжественномъ банкетѣ давномъ въ день открытія, банкетѣ на коемъ присутствовалъ и король, сенаторъ Градиштіану произнесъ патріотическій тостъ и обращаясь къ королю сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ коронѣ вашего величества не достаетъ еще трехъ перловъ, именно: Семиградія, Баната и Буковины; будемъ надѣяться что это не всегда останется такъ“! Тостъ этотъ произвелъ въ Австріи необычайную сенсацію, тѣмъ болѣе что король, по словамъ румынскихъ газетъ, „улыбнулся, протянулъ сенатору руку и затѣмъ уже покинулъ залу“. Чтобы смягчить впечатлѣніе произведенное этими словами, стали указывать на то что почтенный сенаторъ былъ вѣроятно выпивши. „По нашему мнѣнію, говоритъ *Печтскій Ллойдъ*, in vino veritas; шовинистъ сенаторъ громко высказалъ то что̀ чувствовали всѣ присутствовавшіе. Но между присутствовавшими былъ и король Румынскій. Присутствіе короля при возглашеніи тоста получаетъ особенное значеніе: король благосклонно чокнулся съ сенаторомъ и пожалъ ему руку.“ Всѣ безъ исключенія австрійскія газеты, какъ офиціозныя, такъ и не офиціозныя, стали энергически настаивать чтобъ Австрія потребовала отъ Румыніи удовлетворенія. По словамъ того же *Ллойда*, австро-венгерскій посланникъ въ Букурештѣ сдѣлалъ румынскому министру иностранныхъ дѣлъ, Стурдзѣ, весьма серіозныя представленія которыя де произвели на румынскія правительственныя сферы весьма сильное впечатлѣніе. Вслѣдствіе ли этихъ представленій, или по иной причинѣ, но Румынское правительство сочло нужнымъ заявить въ офиціальной газетѣ (въ двѣнадцатый день послѣ тоста) что сенаторъ Градиштіану не занимаетъ никакой офиціальной должности, и что правительство не одобряетъ подобныхъ рѣчей. Заявленіе это не удовлетворило однако Австрійцевъ, и на Румынію градомъ посыпались ругательства австрійской печати. „Образъ дѣйствій Румынскаго правительства, восклицаетъ *Neue Freie Presse*, будетъ для Румыніи роковымъ!.. Румыніи угрожаютъ не съ Запада, а съ

Востока.“ *Пештскій Ллойдъ* жалуется что Румынія отплатила Австріи за всѣ ея благодѣянія (sic) „насмѣшкой, презрѣніемъ и прямыми угрозами“. „Чѣмъ больше снисхожденія оказываемъ мы господамъ на Димбовицѣ, говоритъ далѣе газета, тѣмъ нахальнѣе становятся ихъ требованія. *И все то что говорится въ Букурештѣ, Яссахъ и другихъ мѣстахъ Румыніи встрѣчается полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ въ Семиградіи и юго-восточной Венгріи.*“ Высокоофиціозный *Fremdenblatt* также весьма недоволенъ офиціальнымъ заявленіемъ Румынскаго правительства, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Еслибъ это заявленіе Румынскаго правительства было обнародовано вслѣдъ за произнесеніемъ пресловутаго тоста, быть-можетъ, мы усмотрѣли бы въ немъ удовлетвореніе хотя бы и недостаточное. Но съ тѣхъ поръ какъ произнесенъ этотъ тостъ прошла слишкомъ недѣля, и въ это время румынскимъ газетамъ, даже такимъ которыя стоятъ близко къ правительству, былъ предоставленъ просторъ комментировать этотъ тостъ болѣе или менѣе сочувственно. Мы того мнѣнія что порицаніе такихъ явленій которыя, по собственному признанію румынской офиціальной газеты, могутъ угрожать безопасности и миру сосѣдней державы, слишкомъ недостаточно во всѣхъ отношеніяхъ. Обнаружившіяся стремленія направленныя противъ неприкосновенности сосѣдней державы должны быть не только неодобряемы, но и энергически подавляемы, дабы сдѣлать ихъ безвредными. Румынское правительство обязано поэтому открыто и безъ оговорокъ признать свою обязанность открыто выступить и искоренить тенденціи угрожающія миру и безопасности сосѣдней державы.“

Посмотримъ чѣмъ разрѣшится недоразумѣніе возникшее между Австріей и Румыніей. Причины броженія въ Румыніи лежатъ однако не въ „національномъ“ шовинизмѣ Румынъ и не въ желаніи во что бы то ни стало оскорбить Австрію, а гораздо глубже. Недовольство Румынъ Австріей надобно искать въ исторіи такъ - называемаго Дунайскаго вопроса. Какъ извѣстно, Румынія наотрѣзъ отказалась признать для себя обязательными постановленія Дунайской конференціи касательно той части Дуная которая омываетъ берега Румыніи и касательно учрежденія предложенной Австро-Венгріей смѣшанной коммиссіи. Англійское правительство предоставило Румыніи шестимѣсячный срокъ для отвѣта на пред-

ложеніе Англіи. Срокъ этотъ истекъ недавно, и Румынія отвѣтила меморандумомъ въ коемъ излагаетъ причины почему не можетъ признать постановленія конференціи рѣшавшей безъ Румыніи вопросъ о части ея территоріи; меморандумъ направленъ главнымъ образомъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній Австро-Венгріи, интересы коей въ послѣднее время стали также вездѣсущи какъ и интересы Англіи. Если вѣрить газетамъ, то *всѣ* державы намѣрены произвести на Румынію „сильное дипломатическое давленіе“ чтобы заставить ее покориться „Европѣ“. Не знаемъ вѣренъ ли этотъ слухъ, но маленькая Румынія не покоряется Европѣ и не отдаетъ себя на произволъ Австріи.

Во время блаженной памяти Константинопольской конференціи по Египетскому вопросу, долженствовавшей представлять собою европейскій концертъ, Англія преспокойно захватила Египетъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то будетъ ли это угодно „Европѣ“ или нѣтъ. *Journal de St.-Pétersbourg*, всегда исполненный благоговѣйнаго страха предъ европейскимъ концертомъ, поспѣшилъ заявить что Англія какъ неконтинентальная держава не есть истинная участница европейскаго концерта, а потому можетъ де иногда и пренебрегать его мнѣніемъ; континентальныя же державы—дѣло совсѣмъ иное; мнѣніе концерта для нихъ одинаково обязательно. Но вотъ маленькая Румынія не питаетъ ни малѣйшаго страха предъ Европой и не принимаетъ постановленій нарушающихъ ея неотъемлемыя территоріальныя права. Въ Букурештѣ всѣ увѣрены, и не безъ основанія, что Европа окажется предъ Румыніей безсильною...

Московскія Вѣдомости № 189.

„Инцидентъ Градиштяну“, надѣлавшій въ Австріи столько шума, наконецъ улаженъ. На категорическое требованіе австро-венгерскаго посла Майра, Румынское правительство отвѣтило нотой, въ коей осуждаетъ всякую незаконную агитацію противъ безопасности сосѣднихъ державъ, а слѣдовательно и противъ Австро-Венгріи. Собственно въ этой нотѣ сказано почти то же самое что̀ и въ офиціальномъ заявленіи, неудовлетворившемъ однако щекотливость австро-венгерской дипломатіи. Почему Австрійское правительство рѣшилось поднять эту дипломатическую комедію, догадаться не трудно. Въ виду предстоящей ратификаціи Лондонскаго трактата и

немивуемаго при этомъ отказа Румыніи признать для себя обязательными постановленія Лондонской конференціи, Австріи показалось полезнымъ „произвести на Румынію рѣшительное давленіе“ дабы побудить ее къ уступчивости въ Дунайскомъ вопросѣ; но цѣль эта врядъ ли ею достигнута. Между тѣмъ, дипломатическій походъ противъ Румыніи, походъ въ коемъ приняли дѣятельное участіе офиціозныя вѣнскія и въ особенности пештскія газеты, долженъ былъ произвести въ Румыніи самое неблагопріятное впечатлѣніе и врядъ ли расположилъ ее въ пользу Австріи.

Въ нападкахъ на Румынію особенно изощрялся органъ бывшаго австро-венгерскаго канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ (играющаго и нынѣ довольно важную хотя и не офиціальную роль), *Пештскій Ллойдъ*. Въ одной изъ своихъ статей по поводу рѣчи Градиштану, офиціозная газета не ограничилась впрочемъ простою бранью, какъ обыкновенно, а сочла нужнымъ подробно разъяснить какъ относятся въ Австро-Венгріи къ свободѣ независимыхъ государствъ освобожденныхъ цѣной русской крови. „Любитъ ли насъ или не любитъ Румынскій народъ, говоритъ *Пештскій Ллойдъ*, это для насъ рѣшительно все равно. Еслибы вообще было возможно расположить Румынъ въ нашу пользу, то это чудо случилось бы уже давно: такъ много благоволенія и даже благодѣяній (?) оказала Австро-Венгрія Румыніи въ послѣдніе годы. Итакъ, мы остаемся совершенно холодны къ тому будетъ ли насъ любить Румынія или ненавидѣть; но мы рѣшительно требуемъ чтобы Румынія намъ *повиновалась*.“ О независимости Румынскаго королевства, о его свободѣ дѣйствій, въ Пештѣ имѣютъ также весьма странныя понятія. „Независима страна или нѣтъ, носитъ ли она титулъ королевства или княжества, Румынія *во всякомъ случаѣ находится въ сферѣ мощи (Machtsphäre) Австро-Венгріи;* если Румыны этого не хотятъ признать, то необходимо привести ихъ къ сознанію этой истины, если нельзя иначе, то при помощи драстическихъ средствъ (то-есть кулака). *Независимой Румыніи*, которой принадлежало бы право занять какое ей угодно положеніе по отношенію къ будущимъ фазамъ Восточнаго вопроса, которая могла бы сохранить свободу дѣйствій или быть у Россіи на помочахъ—*независимой Румыніи въ этомъ смыслѣ не существуетъ*.“ Далѣе газета милостиво заявляетъ что Австро-Венгрія не будетъ вмѣшиваться

во внутреннія дѣла Румыніи (какое великодушіе!), но что она въ то же время не потерпитъ чтобы Румынія сдѣлалась сатраліей (sic) какой-либо другой державы, или вступила бы въ союзъ со врагами (какими?) Австро-Венгріи.

Нельзя сказать чтобы мадьярская газета выражалась неоткровенно. Подобныя мысли высказывались ею и по отношенію къ другимъ балканскимъ государствамъ и провинціямъ также освобожденнымъ Россіей отъ долгаго и тяжелаго ига. Впрочемъ, венгерскіе политики и сами повидимому сознаютъ что захватъ Румыніи могъ бы пожалуй встрѣтить откуда-нибудь противодѣйствіе. *Пештскій Ллойдъ* поэтому угрожаетъ Румынамъ вѣроятностію *соглашенія Австро-Венгріи съ Россіей насчетъ Румыніи.* Фантазія господъ Мадьяръ поистинѣ изумительна, также какъ и ихъ наивность! Румыны не могли забыть недавнюю исторію; они не могутъ не знать роли которую на Востокѣ всегда играла Россія и какую тамъ же играетъ Австрія. Россія своею кровью освободила народы Востока и упрочила ихъ самостоятельность; Австрія же освобожденныя Россіей страны захватываетъ. Бывшій рабъ и потомъ вассалъ Турціи Сербія освобождена Россіей, а Австріей обращена снова въ раба. Боснія и Герцеговина, турецкія земли, вслѣдствіе войны Россіи съ Турціей превратились въ австрійскія провинціи, причемъ захвачены и завоеванныя Черногорцами части территоріи. Теперь Румынія также освобожденная русскою кровью обязывается поступить, несмотря на свой королевскій титулъ, въ подданство той же Австро-Венгріи.

Перспектива соглашенія Австріи и Россіи для раздѣла Румыніи врядъ ли услугаетъ кого въ этой странѣ, и желанная цѣль застращать Румынію и заставить ее броситься въ объятія Австро-Венгріи врядъ ли будетъ достигнута. По отношенію къ Дунайскому вопросу Румынія заняла вполнѣ правильное положеніе. Она требуетъ устраненія преобладающаго вліянія Австріи на той части Дуная которому Австрія неприбрежна, и это весьма естественно. Румынія противится тому чтобъ австрійскій делегатъ былъ постояннымъ предсѣдателемъ проектируемой „смѣшанной“ коммиссіи, ибо Австрія неприбрежна нижнему теченію Дуная на коемъ должна дѣйствовать смѣшанная коммиссія; это требованіе также имѣетъ основаніе. Поэтому весьма желательно чтобы какъ вообще великія державы, такъ въ особенности Австро-Венгрія, сдѣлали нѣкоторыя уступки.

Румынское правительство, въ нотѣ обращенной къ великимъ державамъ, подробно излагая свой взглядъ на Дунайскій вопросъ, между прочимъ указываетъ и на то что Румынія отказывается отъ предоставленнаго ей права назначить особеннаго делегата для наблюденія вмѣстѣ съ уполномоченнымъ Россіи за тою частью Килійскаго гирла которая протекаетъ между владѣніями Россіи и Румыніи. Румынія предлагаетъ предоставить это право международной Дунайской коммиссіи завѣдывающей судоходствомъ въ другихъ гирлахъ Дуная. Такъ какъ Россія руководится тѣмъ принципомъ что непосредственное наблюденіе за судоходствомъ должно принадлежать прибрежнымъ державамъ, и такъ какъ всякое вмѣшательство международной коммиссіи въ дѣла касающіяся регулированія Килійскаго гирла и судоходства по немъ исключено на основаніи соглашенія между державами, то какъ бы ни отнеслись другія державы къ этому предложенію Румыніи и кого бы онѣ ни назначили делегатомъ вмѣсто ея уполномоченнаго, Русское правительство будетъ признавать въ немъ лишь представителя мѣстной власти.

Моск. Вѣд. № 198.

Прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ тотчасъ послѣ Ганойской катастрофы Французское правительство отправило въ Тонкинъ телеграмму, въ которой находилась громкая фраза о томъ что „Франція отмститъ за смерть своихъ сыновъ“, а между тѣмъ ужасная смерть Анри Ривьера и его храбрыхъ товарищей до сихъ поръ еще не искуплена, и, какъ было громко сказано, „позорное пятно осквернившее французскій стягъ“, чѣмъ два мѣсяца тому назадъ такъ возмущались французскіе республиканцы, до сихъ поръ еще не смыто. „Тонкинскій вопросъ“, взволновавшій Французовъ, мало-по-малу утратилъ интересъ новизны, пересталъ быть жгучимъ, и не будь монархистовъ напоминающихъ отъ времени до времени республиканцамъ о томъ что „захвативъ правленіе Франціи въ свои руки они имѣютъ серіозную обязанность или высоко держать честь Франціи, или, если это имъ не подъ силу, передать правленіе Франціи въ болѣе надежныя руки“, докучливый Тонкинскій вопросъ можетъ-быть давно былъ бы преданъ полному забвенію. Но такъ какъ монархисты неотступно въ газетахъ и парламентѣ преслѣдуютъ своими напоминаніями республиканское

правительство, Тонкинскій вопросъ поневолѣ отвлекаетъ вниманіе республиканцевъ отъ болѣе интересныхъ вопросовъ касающихся парламентскихъ интригъ, упраздненія Бога и пересмотра конституціи. При этомъ каждый разъ какъ республиканскіе министры, прижатые къ стѣнѣ какимъ-нибудь категорическимъ вопросомъ своихъ противниковъ, принуждены бываютъ дать какой-нибудь болѣе или менѣе ясный отвѣтъ, республиканская политика и вообще конституціонный режимъ выступаютъ предъ нами въ яркомъ свѣтѣ своей характеристической безтолковости.

Одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу парламентаризма, на который защитники этого образа правленія всегда указываютъ съ побѣдоносною самоувѣренностью, заключается въ томъ что въ конституціонномъ государствѣ война никогда будто бы не можетъ быть начата безъ согласія „верховнаго владыки“, то-есть народа, тогда какъ „въ государствахъ не пользующихся драгоцѣнными благами конституціи народъ каждую минуту рискуетъ видѣть гибель своихъ сыновъ и уничтоженіе плодовъ своей трудовой дѣятельности въ угоду своенравнымъ фантазіямъ тирана или тупоумнымъ дипломатическимъ соображеніямъ его министровъ“, какъ выражалась въ 1876 году одна изъ „либеральныхъ“ турецкихъ газетъ, объяснявшая объявленіе Россіей войны тѣмъ что она не пользуется тѣмъ европейскимъ правовымъ порядкомъ которымъ въ то время уже обладала Турція. Но не въ одной Турціи, а даже въ просвѣщенной Европѣ и „интеллигентной“ Россіи, очень многіе пресеріозно питаютъ наивное убѣжденіе что стóитъ только обзавестись клочкомъ бумаги съ заглавіемъ *конституція* какъ война и миръ, эти столь жизненные вопросы для каждаго народа, будутъ находиться въ полномъ распоряженіи самого народа или тѣхъ „говоруновъ и голосуновъ“ (parleurs et voteurs), которые именуются *представителями народа*. Прежія происходившія 10 іюля во Французской палатѣ депутатовъ и 22 іюля во Французскомъ сенатѣ до очевидности доказали что пресловутое право народа въ дѣлѣ войны есть не что̀ иное какъ одна изъ многочисленныхъ фикцій парламентаризма.

Еще 2 іюня н. ст. графъ Сенъ-Валлье принудилъ министра иностранныхъ дѣлъ Шаллемель-Лакура объяснить сенату какой политики Французское правительство думаетъ держаться въ Тонкинскомъ вопросѣ. Министръ началъ было сперва

отдѣлываться общими фразами что „политика правительства во всякомъ случаѣ будетъ достойна Франціи, и что „кабинетъ очень хорошо знаетъ тѣ обязанности которыя на него налагаетъ конституція“; но когда онъ увидѣлъ что сенатъ ожидаетъ отъ него болѣе опредѣленной программы, онъ объяснилъ что прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію Тонкинскаго вопроса, нужно сперва уладить дипломатическія затрудненія возникшія съ Китаемъ, что эти затрудненія становятся въ данный моментъ предметомъ переговоровъ между представителемъ Франціи г. Трику и китайскимъ уполномоченнымъ генераломъ Ли-Хунъ-Чаномъ въ Шанхаѣ, и что эти переговоры, понятнымъ образомъ, до своего окончанія не могутъ подлежать огласкѣ. Когда же г. Шаллемель-Лакуру былъ предложенъ вопросъ, не думаетъ ли правительство, безъ разрѣшенія парламента, начать войну съ Аннамскимъ императоромъ, тогда онъ энергически протестовалъ противъ подобной, оскорбительной для правительства, инсинуаціи и заявилъ что кабинетъ хорошо знаетъ конституцію и неотъемлемое право народа располагать войной и миромъ и никакъ не позволитъ себѣ столь грубое нарушеніе основныхъ началъ парламентаризма.

Этою рѣчью приверженцы реслубликанскаго режима вполнѣ были удовлетворены и съ высокомѣріемъ упрекали монархистовъ въ томъ что они осмѣлились усомниться въ „правильномъ ходѣ конституціоннаго механизма Французской республики“ (la justesse du rouage constitutionnel de la République).

Между тѣмъ переговоры въ Шанхаѣ длились безо всякой надежды на успѣхъ. Китайцы не уступали ни іоты изъ своихъ верховныхъ правъ надъ Аннамомъ, а такъ какъ г. Трику не могъ также признать этихъ правъ, которыя были объявлены легкомысленнымъ Французскимъ правительствомъ, съ самаго начала столкновенія, „лишенными всякаго основанія и имѣющими развѣ только нѣкоторое историческое значеніе“, то китайскій уполномоченный прервалъ переговоры и уѣхалъ въ началѣ іюля изъ Шанхая, предоставивъ г. Трику лично обращаться къ министрамъ богдыхана въ Пекинѣ. Въ Тонкинѣ, въ это время, продолжались стычки французскихъ войскъ съ туземцами, такъ-называемыми воинами *Чернаго Флага*, получавшими деньги и подкрѣпленія отъ Аннамскаго императора Тю-Дюка, съ которымъ Французское правительство прервало дипломатическія сношенія.

Видя что дѣла только запутываются и грозятъ принять весьма серіозный оборотъ, монархисты снова рѣшились, къ великому неудовольствію республиканцевъ, предложить правительству вопросъ о томъ, какія оно имѣетъ намѣренія относительно Тонкина. И вотъ, 10 іюля, гг. Делафоссъ и Поль де-Кассаньякъ спросили г. Шаллемель-Лакура какъ онъ думаетъ поступить съ Тонкиномъ. „Очень просто", отвѣчалъ министръ; „такъ какъ *Черные Флаги* теперь оказываются не разбойниками, а солдатами Аннамскаго императора, то мы возьмемъ себѣ часть Тонкина, и именно дельту Красной Рѣки. А пограничныя провинціи мы займемъ только для того чтобъ обезпечить себѣ обладаніе дельтой. Это очень легко сдѣлать, такъ какъ мы уже приняли наши мѣры для успѣшнаго дѣйствія противъ Тю-Дюка". — Но вѣдь это война! прервалъ его г. де-Кассаньякъ.—Ну, да, конечно война, спокойно и съ наивнымъ удивленіемъ отвѣтилъ г. Шаллемель-Лакуръ. Затѣмъ послѣдовала страшная парламентская буря, въ результатѣ которой г. де-Кассаньякъ былъ удаленъ на двѣ недѣли изъ палаты.

Но старый роялистъ, герцогъ де-Броль, воспользовался невольнымъ признаніемъ, сорвавшимся съ устъ г. Шаллемель-Лакура, и объявилъ ему что намѣренъ возбудить вопросъ въ сенатѣ о томъ, какимъ образомъ Франція безъ разрѣшенія парламента ведетъ войну съ Аннамскою имперіей. Вопросъ герцога де-Броля имѣлъ однако важность не только для парламентской доктрины, но, что̀ гораздо существеннѣе, для международнаго права, которое съ величайшею точностью опредѣляетъ признаки характеризующіе военное положеніе. Изъ военнаго положенія возникаютъ извѣстныя права и обязанности не только для воюющихъ сторонъ, но и для третьихъ лицъ, то-есть для нейтральныхъ государствъ. Эти права и обязанности составляютъ цѣлую систему законовъ, правилъ и обычаевъ, которые нельзя нарушить не подвергаясь за это тяжкой отвѣтственности, суровымъ репрессаліямъ или требованіямъ болѣе или менѣе значительныхъ вознагражденій за причиненные убытки. Поэтому для Франціи въ высшей степени было важно знать находится ли она въ войнѣ съ Аннамомъ или нѣтъ.

22 іюля состоялся объявленный заранѣе запросъ герцога де-Броля. Старый дипломатъ постарался поставить вопросъ какъ можно точнѣе, дабы получить по возможности ясный и

опредѣленный отвѣтъ. Г. Шаллемель-Лакуръ не затрудился въ своемъ отвѣтѣ.

Рѣчь состояла изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ онъ ясно доказалъ что Франція не находится въ войнѣ съ Аннамомъ, а во второй съ неменьшею ясностію доказалъ что война идетъ между Франціей и Аннамомъ. Доказательства первой части сводились къ тому что войны между Франціей и Аннамомъ нѣтъ по той простой причинѣ что ни Франція, ни Аннамъ войны не объявляли, а по международному праву не можетъ быть войны безъ предварительнаго объявленія.— Итакъ, я констатирую что войны нѣтъ, прервалъ министра г. де-Броль, благодарю васъ, я удовлетворенъ. „Но я самъ не удовлетворенъ, наивно продолжалъ г. Шаллемель, ибо если мы офиціально не воюемъ съ Аннамомъ, то, если угодно, мы воюемъ съ нимъ офиціозно; между нами нѣтъ *войны*, но совокупность фактовъ такова что мы должны себя считать съ Аннамомъ *въ состояніи войны* (état de guerre)." А затѣмъ г. Шаллемель привелъ факты которые доказываютъ что Франція дѣйствительно воюетъ съ Аннамомъ; но, прибавилъ онъ, войны мы не объявляли и безъ разрѣшенія парламента не объявимъ. Эта лоистинѣ, что называется, іезуитская казуистика была покрыта рукоплесканіями республиканскаго большинства сената, тогда какъ монархисты громко протестовали.

Такимъ образомъ оказалось что война *de jure* не можетъ быть объявлена „безъ воли народа", но что война *de facto* можетъ быть ведена и противъ воли „верховнаго владики". Но такъ какъ *фактическая* война всегда можетъ случайно принять или искусственно получить такой оборотъ что объявленіе *юридической* войны станетъ безусловною необходимостью вызванною или тяжкимъ оскорбленіемъ чести страны или грозящею ей неминуемою опасностью, то очевидно что „право народа на миръ и войну" есть пустозвонная фраза, которою могутъ забавляться наивные почитатели конституціонныхъ доктринъ, но которая никакого значенія не имѣетъ для серіознаго, здравомыслящаго человѣка.

Увертка г. Шаллемель-Лакура возбудила конечно массу толковъ и споровъ во французской печати. Не только монархическія, даже серіозныя республиканскія газеты и газеты крайней лѣвой партіи не пощадили министра иностранныхъ дѣлъ своими порицаніями. Всѣ онѣ согласились что благодаря

близорукости и непослѣдовательности Французскаго правительства, съ одной стороны, и шаткости его вслѣдствіе знаменитаго „свободнаго механизма парламентскихъ учрежденій“ (le libre jeu des institutions parlementaires) положеніе Франціи въ Тонкинскомъ вопросѣ въ высшей степени неправильно и неясно.

„Какъ бы то ни было, говоритъ республиканская газета *Parlement*, несомнѣнно то что Франція въ настоящее время ведетъ, все равно официальную или офиціозную, войну. Но съ кѣмъ? Съ Тю-Дюкомъ? Но вѣдь Тю-Дюкъ нашъ союзникъ; онъ находится въ силу неотмѣненнаго до сихъ поръ договора 1874 года подъ нашимъ покровительствомъ. Въ началѣ мая мы отправили къ нему чрезвычайнаго посла г. де-Кергарадека, который долженъ былъ обѣщать ему что мы окажемъ ему помощь противъ *Черныхъ Флаговъ*. Г. де-Кергарадекъ отправился изъ Парижа съ письмомъ г. Греви, и газеты въ то время описывали даже подробно желтый шелковый конвертъ этого письма, который обозначалъ что Франція такъ искренно предана Аннаму что соблюдаетъ даже Аннамскій этикетъ. Въ то время правительство испросило кредитъ у парламента не для того, чтобы воевать съ нашимъ другомъ императоромъ Тю-Дюкомъ, но чтобы поддержать его противъ *Черныхъ Флаговъ*. И вдругъ мы узнаемъ что капитанъ Ривьеръ убитъ. Кто его убилъ? *Черные Флаги*, говорятъ намъ; а кто эти *Черные Флаги*? Да развѣ вы не знаете, отвѣчаютъ намъ, что это—иррегулярное войско, вполнѣ преданное Тю-Дюку. Это всѣ давнымъ давно знали, всѣ—кромѣ правительства. Для него это было неожиданнымъ открытіемъ. Телеграмма остановила г. де-Кергарадека въ Сайгонѣ и запретила ему передать письмо въ шелковомъ конвертѣ Тю-Дюку. Итакъ, наши отношенія съ нимъ прерваны? Преслѣдуя *Черные Флаги*, мы преслѣдуемъ его солдатъ? Что же это такое: миръ? война? Мы этого не знаемъ, никто, даже правительство этого не знаетъ.“ Положеніе, дѣйствительно, въ современной исторіи безпримѣрное. Газета *Parlement* прямо приписываетъ причину этого нелѣпаго положенія парламентскому доктринерству. „Отвѣтственность за подобныя дипломатическія и военныя операціи должна всецѣло ладать на одно правительство. Парламентъ въ такіе вопросы вмѣшиваться не можетъ.“

Не иронія ли судьбы что подобное упрощеніе парламентскаго механизма, превращающее его дѣйствіе въ совершенно пустую излишнюю формальность, предлагается въ реслубликанской Франціи искренне реслубликанскою газетой, носящею названіе *Parlement*? Вѣкъ всенароднаго взаимнаго надувательства, именуемаго парламентаризмомъ, очевидно клонится къ концу. Бывшіе искренніе поклонники этой доктрины сами теперь не могутъ отрицать ея лживости и, не имѣя еще мужества отъ нея отказаться, стараются лока ло возможности парализовать ее...

Моск. Вѣдо. № 192.

Культурная борьба въ Германіи вступила въ новый фазисъ. Переговоры съ Ватиканомъ прерваны. 19 іюля прусскій посланникъ имѣлъ послѣднюю аудіенцію у его святѣйшества и затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ. „Безъ сомнѣнія, говоритъ ло этому поводу *Крестовая Газета*, этотъ день будетъ новымъ эталомъ въ церковно-политическомъ волросѣ; самая аудіенція точно также можетъ имѣть значеніе рѣшающаго поворота въ ту или другую сторону", ибо все дѣло заключается де въ томъ, лойметъ или не лойметъ Курія что въ Берлинѣ нельзя разчитывать на успѣхъ ничѣмъ собственно не мотивированнаго, улрямаго противодѣйствія возстановленію мира. „Итакъ, судьба дѣла въ рукахъ Куріи", прибавляетъ названная газета; „въ рукахъ Куріи, которая—досказываетъ органъ князя Бисмарка *Сѣверо-Германская Газета*—должна бы знать что государство обладаетъ вполнѣ достаточнымъ и весьма надежнымъ оружіемъ". Правда, извѣстная часть либеральной печати сомнѣвается „достанетъ ли у кого слѣдуетъ необходимаго мужества чтобъ употребить оружіе въ дѣло", какъ выразилась на дняхъ *Кельнская Газета*, но на этотъ волросъ уже данъ отвѣтъ въ видѣ отъѣзда г. Шлёцера изъ Ватикана „въ продолжительный отпускъ" на нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ лосланникъ прежде всего посѣтилъ князя Бисмарка въ Фридрихсру, хотя тотъ, отъѣзжая отдохнуть, не располагалъ принимать кого бы то ни было по дѣламъ. Для представителя Пруссіи въ Ватиканѣ, въ виду важности оборота сношеній, дѣлается исключеніе. Куріи предлагается одуматься...

Какъ произошелъ этотъ кажущійся совершенно неожиданнымъ разрывъ?

Сѣверо-Германская Газета, въ послѣдней своей статьѣ (отъ 19 іюля), отчасти разъясняетъ дѣло. Въ Ватиканѣ очевидно ошиблись въ оцѣнкѣ силы Прусскаго правительства и слишкомъ подняли требованія. Тамъ думали что Прусское правительство прижато къ стѣнѣ, что оно волей или неволей вынуждено будетъ согласиться на всѣ требованія Куріи и тѣмъ скорѣе что императоръ желаетъ де во что́ бы то ни стало прекратить культурную борьбу и „вымогаетъ“, какъ выразился *Moniteur de Rome*, „уступку за уступкой у своего канцлера“. Этотъ ошибочный взглядъ, вмѣстѣ съ Куріей, раздѣляли было и нѣмецкіе либералы громко говорившіе что Прусское правительство уже стоитъ „во дворѣ папскаго жилья въ Каноссѣ“. На дѣлѣ оказалось однако что Пруссія, подъ видомъ предложеннаго ею пересмотра майскихъ законовъ, разумѣла вовсе не отмѣну ихъ, какъ того ждали въ Ватиканѣ, а только „устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій причиняемыхъ германскимъ католикамъ этими законами.“ Въ Берлинѣ готовы были облегчить духовной власти замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ каѳедръ и священническихъ мѣстъ, но вовсе не думали о возстановленіи епископской юрисдикціи въ полномъ ея объемѣ. Какъ при изданіи майскихъ законовъ, такъ и теперь Прусское правительство не находитъ возможнымъ допустить созданіе въ Пруссіи папской арміи въ видѣ всевозможныхъ конгрегацій, со всевозможными школами, семинаріями и конвиктами для подготовки съ дѣтства духовныхъ лицъ Католической церкви. Въ этомъ вся суть дѣла. Въ Ватиканѣ разчитывали усыпить бдительность прусской дипломатіи обѣщаніями „мира“, „содѣйствія церкви“ и „правомъ контроля“ при назначеніи духовныхъ лицъ въ должности. Это право, утверждала Курія, вполнѣ достаточно для огражденія государственныхъ интересовъ. Иначе смотрѣли на это въ Берлинѣ. „Съ государственной точки зрѣнія, говоритъ *Сѣверо-Германская Газета*, это право контроля есть только вопросъ почета; это вовсе не оружіе... Телеренгій архіепископъ Бреславскій пятнадцать лѣтъ прослужилъ до своего назначенія въ Берлинѣ на глазахъ у властей, и, несмотря на то, правительство давая свое согласіе на назначеніе его епископомъ даже и не подозрѣвало что именно этотъ прелатъ, самостоятельно или подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, можетъ создать столько новыхъ затрудненій для прекращенія культурной борьбы, какъ то

дѣйствительно оказалось.“ Если такъ трудно узнать лицо предназначаемое во епископа, то знать каждаго священника вовсе нельзя; представленіе административнымъ властямъ кандидатскаго списка съ правомъ вычеркнуть неугодное лицо есть поэтому одна пустая формальность. „Уже при назначеніи собственныхъ чиновниковъ, продолжаетъ органъ князя Бисмарка, правительство не можетъ избѣжать крупныхъ ошибокъ; насколько же труднѣе судить каковъ окажется извѣстный кандидатъ на священническую должность когда онъ дѣйствительно станетъ въ ряды духовенства, подчинится ватиканской дисциплинѣ, и когда государство не будетъ уже имѣть права требовать отъ духовной власти его увольненія.“

Такова сущность вопроса о прекращеніи культурной борьбы. Ватиканъ никогда, какъ оказалось, не придаетъ значенія уступкамъ правительства и „примирительному характеру законодательства“ до тѣхъ поръ пока не добьется побѣды въ существенномъ для него вопросѣ о воспитаніи духовенства и епископской юрисдикціи. Это почти открыто высказываютъ органы куріи, замѣчая что политика папскаго престола „всегда и для всѣхъ государствъ останется одна и та же“. Трудно вести переговоры послѣ тѣхъ вѣжливостей которыми на дняхъ обмѣнялись органы куріи и Прусскаго правительства. Не случайно же *Сѣверо-Германская Газета* назвала курію „торгашемъ“ стараго закала, имѣющимъ привычку играть на пониженіе стоимости чужаго товара хуля его. Пруссія находитъ возможнымъ, въ случаѣ нужды, обойтись вовсе безъ соглашенія съ папой. Вмѣсто того чтобъ уступивъ во всемъ смотрѣть потомъ изъ рукъ Ватикана, въ Берлинѣ считаютъ болѣе удобнымъ чтобы курія примирилась съ необходимостью пользоваться тѣмъ что „въ интересахъ своихъ католическихъ подданныхъ“ предоставитъ ему прусское законодательство. Таковъ именно междустрочный смыслъ изданнаго на дняхъ новаго церковно-политическаго закона, вызвавшаго рѣзкія порицанія со стороны куріи, въ видѣ обширной ноты кардинала Якобини. Не затѣмъ ли, однако, была и писана эта нота чтобы создать благовидный въ глазахъ католиковъ предлогъ для пріостановки переговоровъ, если Прусское правительство не рѣшится дать „успокоительныя“ объясненія. Курія однако не совсѣмъ достигла цѣли. Въ Берлинѣ не сочли нужнымъ удостоить ноту Куріи отвѣтомъ, прусскій посланникъ откланялся его святѣйшеству; но католическое

населеніе Германіи, за исключеніемъ, правда, Поляковъ, все-таки признаетъ что новый законъ, вызвавшій неудовольствіе Куріи, предоставляетъ имъ большія льготы, и что слѣдовательно правительство готово входить въ интересы своихъ католическихъ подданныхъ. Прусскіе министры не ошибались говоря въ парламентѣ что новый законъ поведетъ къ примиренію между государствомъ и католиками. Рѣчь шла, какъ оказывается, только о нихъ, а не о Ватиканѣ, какъ это тамъ показалось.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Цѣна 50 k., съ перес. 65 коп.

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Варѳоломея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 k., выпускъ второй 75 k.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 k., за пересылку прилагать 25 k.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 k.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарлза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 k.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 k.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 k.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса". 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сенъ-Жанъ". Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндаля. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1883 году.

Годовое изданіе **РУССКАГО ВѢСТНИКА**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1883 году, стоитъ въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ;** съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей.**

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

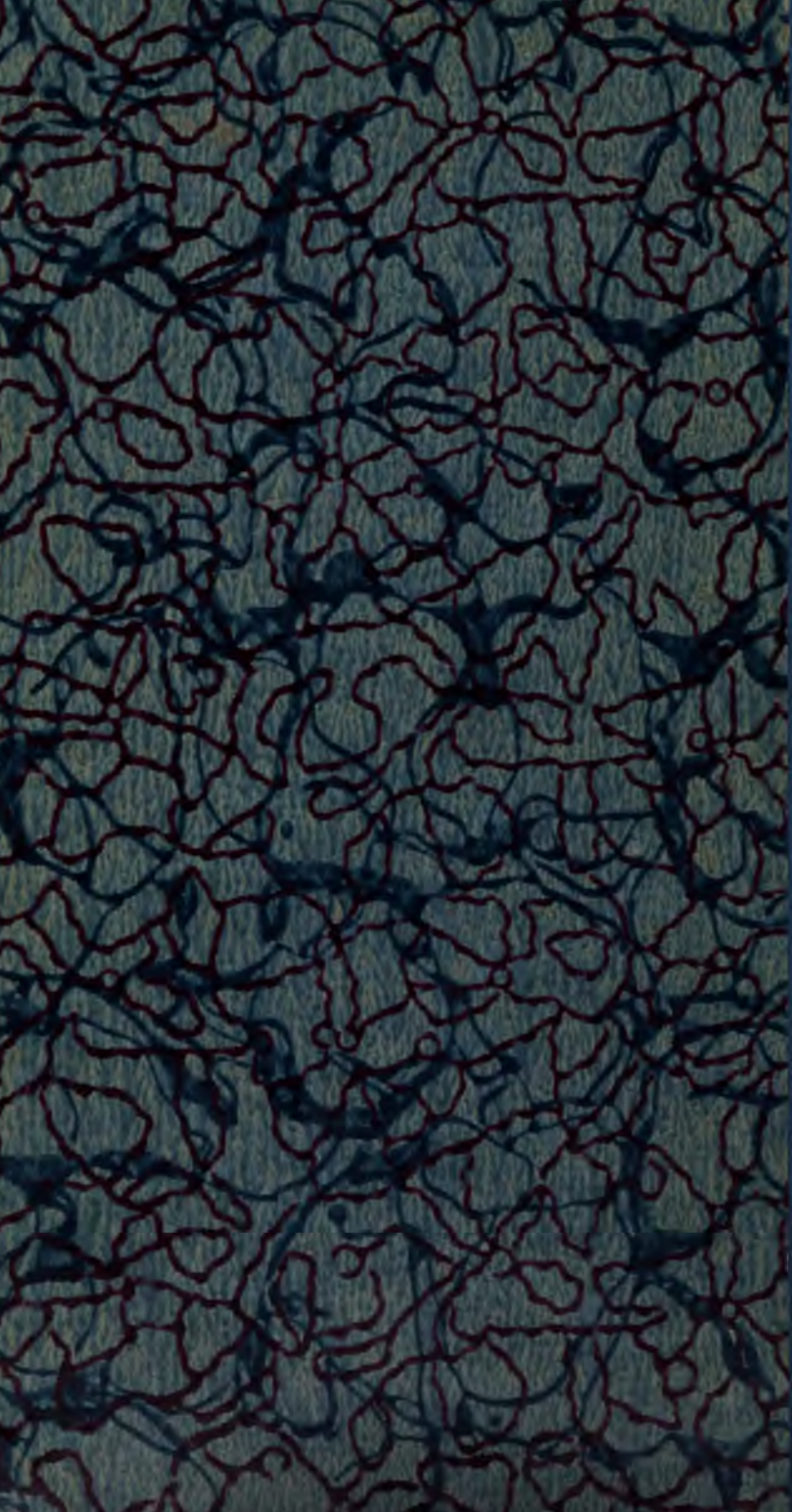
Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1883 году.

Цѣна за **МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ** на 1883 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ **четырнадцать рублей 50 коп.;** съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей.**

Подписка на **МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ** принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.